Д. Б. ЛЕВИН

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ПРАВА

Доктор юридических наук
Д. Б. ЛЕВИН

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА * ЛЕНИНГРАД
1949

ОТ АВТОРА

Настоящая работа была написана в 1942—1946 гг. Отдельные казусы из дипломатической практики, имевшие место после окончания работы, и некоторые ссылки на новые источники даны в дополнительных примечаниях, которые обозначены звездочкой [*].

В целях сокращения общего объема книги, перед сдачей рукописи в печать из нее были исключены последняя глава — «Иммунитет делегатов и сотрудников Организации Объединенных Наций» [1] и список цитируемых источников, а также произведены некоторые частичные сокращения текста и подстрочных примечаний в отдельных главах.

«Введение», которое посвящено главным образом понятию дипломатии, также помещено в сокращенном виде. Оно имеет особую нумерацию страниц.

---

[1] В сокращенном изложении напечатана в Известиях АН СССР. Отд. экономики и права, 1948, № 6.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Доктор юридических наук В. Н. ДУРДЕНЕВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Значение проблем дипломатического иммунитета

Рост международного значения Советского Союза — мощного оплота всех стран, стремящихся к прочному миру и к обеспечению своей независимости, сопровождается значительным расширением его дипломатических связей, которые порождают разнообразные вопросы посольского права. Эти вопросы и, в первую очередь, вопросы международно-правового положения дипломатических представителей за границей, составляют в наши дни необходимый элемент нормального развития международного сотрудничества. На первый взгляд может казаться, что международная практика в этой области идет по давно проторенным путям. Однако такое представление было бы ошибочным.

Прежде всего, Советское государство, оказывающее большое прогрессивное влияние на все международное право, вносит и в область посольского права новые концепции, на которых основывалась и основывается советская дипломатическая практика. Выводы, вытекающие из этих концепций, ведут к новой интерпретации целого ряда положений посольского права, интерпретации, максимально приспособляющей его институты к потребностям международного сотрудничества и предупреждающей возможность нарушений его норм или злоупотреблений ими в ущерб поддержанию мира и нормальных отношений между государствами.

Помимо этого, вся современная дипломатическая практика, характеризующаяся усложнением функций и методов деятельности дипломатических представителей и их далеко немаловажной ролью в борьбе мирных и агрессивных тенденций в международной политике, в той борьбе между лагерем демократии и лагерем империализма, которая происходит теперь на международной арене,— не может не отразиться и на важнейших сторонах юридической регламентации деятельности дипломатических представительств и не породить новых вопросов теоретического и практического характера в области посольского права.

Ввиду изложенного, исследование международно-правового положения дипломатических представителей не может

ограничиваться одной систематизацией старого и нового позитивно-правового материала, а требует научного обобщения существенных явлений международной жизни. В этом исследовании, наряду со специальными проблемами, должны занять важное место проблемы, связанные с общими положениями международного права. Разработка всех указанных проблем в свете советских международно-правовых концепций важна как с точки зрения теории посольского права, так и для удовлетворения все возрастающих запросов и потребностей дипломатической практики Советского Союза.

Дипломатический иммунитет составляет непременный атрибут дипломатических сношений и дипломатической службы за границей, и реальное содержание его норм неразрывно связано с сущностью дипломатии и с ее характером в каждую историческую эпоху. Поэтому исходной теоретической предпосылкой для исследования проблем дипломатического иммунитета является анализ самого понятия дипломатии.

§ 2. Дипломатия и внешняя политика

Слова «дипломатия» и «внешняя политика» часто употребляют в совершенно одинаковом смысле. Однако это — не идентичные понятия.

Политика, в самом общем смысле слова, есть направление деятельности государства. По словам Ленина, политика — это «...направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...»[1] Следовательно, понятие «политика» охватывает как цели, так и способы и средства деятельности государства — всей деятельности или деятельности, относящейся к той или иной области. Внешняя политика есть совокупность тех целей и интересов, которые преследует и защищает данное государство и его господствующий класс в своих отношениях с другими государствами, и тех способов и средств, которые оно применяет для достижения и защиты этих целей и интересов.

Цели и интересы государств в международных отношениях осуществляются различными способами и средствами: прежде всего, путем мирных официальных сношений, поддерживаемых правительством через его специальные органы с соответствующими органами других государств; затем путем экономических, культурных и т. п. связей, поддерживаемых как органами государства, так и общественными и частными учреждениями (экономическими, политическими, научными, религиозными и пр.), и дающих государству широкую возможность экономического, политического и идеологического

[1] XXI Ленинский сборник, стр. 14.

влияния на другие государства; наконец, путем применения вооруженных сил, т. е. путем войны или иных способов вооруженного принуждения.

Дипломатия же — это есть именно тот вид государственной деятельности, который состоит в осуществлении внешнеполитических целей и интересов государства путем официальных сношений, поддерживаемых правительством, его специальными органами внутри государства и за границей в форме переговоров, переписки, соглашений и т. п. Таким образом, понятие дипломатии не покрывает понятия внешней политики, а составляет часть его. Дипломатия — это способ или средство внешней политики государств, наряду с которым существуют, однако, и другие способы и средства.

В советской литературе в общей форме уже указывалось на такое соотношение дипломатии и внешней политики. А. Трояновский в предисловии к книге Никольсона «Дипломатия» писал: «...Можно сказать, что дипломатия является средством внешней политики, деятельность дипломатии состоит в ведении международных переговоров, в заключении международных договоров и в изучении международных отношений». [2] В статье «Дипломатия», помещенной в «Дипломатическом словаре», по этому же поводу говорится: «Дипломатия относится к внешней политике как выполнение плана к самому плану; в известном смысле она является орудием ее». Ниже добавляется, что дипломатия является «...техническим средством осуществления внешней политики». [3] Однако и в том и в другом случае авторы только формулируют, но не развивают это положение. Постараемся осветить его подробнее.

Ленин в своих высказываниях о войне неоднократно отмечал, что война есть форма или средство политики. «Ту самую политику,— писал Ленин,— которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия». [4] Приводя известное изречение, что «война есть продолжение политики иными» (именно: насильственными) «средствами», Ленин указывал, что «марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны». [5]

---

[2] Г. Никольсон, Дипломатия. Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Трояновского, Госполитиздат, 1941, стр. 4.

[3] Дипломатический словарь, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 570.

[4] Ленин. Соч., т. XXX, стр. 333.

[5] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 197. См. также т. XIX, стр. 282 («Война есть продолжение политики. И политика тоже «продолжается» во время войны!»).

Дипломатия также представляет собою форму или способ, средство внешней политики, наряду с военным принуждением, экономическим и культурным влиянием и т. д.

Однако дипломатия не является просто одним из способов внешней политики. Среди всех способов внешней политики она в мирное время имеет первостепенное значение и чаще всего подчиняет себе другие способы или обусловливает успешное их применение. Как показывает история дипломатии рабовладельческих, феодальных и капиталистических государств, дипломатия подготовляет войны, стараясь создать к началу войны выгодное соотношение сил, заручиться союзниками, изолировать будущего противника. Дипломатия завершает войны, стараясь с наибольшей выгодой закрепить плоды победы или ослабить последствия поражения. Она не прекращает своей деятельности и во время самой войны, напротив, даже усиливает ее, с тем, чтобы создать благоприятные условия войны для своей страны и неблагоприятные для ее противников. Дипломатия широко пользуется и таким средством внешней политики, как экономическое влияние, ставя в зависимость от своих задач направление и развитие внешних экономических связей государства. В современную эпоху такая зависимость становится все более и более заметной. В своей речи на XVIII съезде ВКП(б) тов. А. И. Микоян констатировал «...все более резкое перерастание вопросов внешней торговли во внешнюю политику государств» и указывал, что «...торговые отношения, их характер и объем находятся в прямой зависимости от политических отношений».[6] Следовательно, дипломатия является наиболее важным, можно даже сказать — главным и основным, способом внешней политики государства. Именно поэтому понятие «дипломатия» столь часто отождествляют с понятием «внешняя политика».

Соотношение внешней политики и дипломатии можно в известной степени сравнить с соотношением стратегии и тактики. Товарищ И. В. Сталин создал классическое учение о стратегии и тактике революционной борьбы рабочего класса. В статье «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» он дает следующее определение стратегии и тактики: «Задача политической стратегии состоит, прежде всего, в том, чтобы, исходя из данных теории и программы марксизма и учитывая опыт революционной борьбы рабочих всех стран, правильно определить основное направление пролетарского движения данной страны для данного исторического периода». «Задача тактики состоит, прежде всего, в том, чтобы,

[6] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Госполитиздат, 1939, стр. 218.

руководствуясь указаниями стратегии и учитывая опыт революционной борьбы рабочих всех стран, определить формы и способы борьбы, более всего соответствующие конкретной обстановке борьбы в каждый данный момент».[7] Это определение товарищ Сталин развивает дальше в своей книге «Об основах ленинизма». «Стратегия,— говорит товарищ Сталин,— есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции». «Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений за весь период данного этапа». «Тактика есть определение линии поведения пролетариата за сравнительно короткий период прилива или отлива движения, подъема или упадка революции, борьба за проведение этой линии путем смены старых форм борьбы и организации новыми, старых лозунгов новыми, путем сочетания этих форм и т. д.». «На основе данного этапа революции тактика может меняться несколько раз в зависимости от приливов или отливов, от подъема или упадка революции». «Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая».[8] Учение товарища Сталина о политической стратегии и тактике рабочего класса является ценнейшим методологическим ключом к теоретическому анализу всех областей политики, в том числе и внешней политики. Конечно, внешняя политика имеет свои специфические особенности. Но и в области внешних государственных отношений есть своя стратегия и своя тактика.

Внешняя политика — это основное направление всей деятельности государства в области внешних сношений на протяжении данного исторического периода. Она включает определение основных целей государства вовне и общий план расположения всех его сил и средств: дипломатических, военных, экономических и др., применяемых для достижения этих целей. Основы внешней политики изменяются лишь в связи с существенным изменением внешних или внутренних условий существования государства, знаменующим новый период в его историческом развитии. Иными словами, внешняя политика — это стратегия внешних сношений государства. Дипломатия — это формы и методы официальной деятельности пра-

---

[7] И. Сталин. Соч., т. V, стр. 165, 166, 168.

[8] И. Сталин. Соч., т. VI, стр. 152, 153, 154, 155. См. также «О политической стратегии и тактике русских коммунистов. Набросок плана брошюры». Соч., т. V, стр. 63—65.

вительства и его специальных органов, поддерживающих внешние сношения. Руководствуясь основами внешней политики государства, дипломатия определяет линию официального поведения правительства в течение более короткого промежутка времени. Эта линия может не раз меняться на протяжении одного и того же исторического периода, в зависимости от развития международных событий в данный момент, от международной политической конъюнктуры. Задача дипломатии — найти те конкретные пути и средства, которые обеспечивают общее направление внешней политики в данной международной обстановке. Следовательно, задача дипломатии состоит не только в искусном применении форм и методов официальной государственной деятельности в области внешних сношений, но и в правильном сочетании этих форм и методов с другими средствами внешней политики для успешного осуществления основных внешнеполитических целей и планов государства. Поэтому дипломатия есть не только способ или средство внешней политики; это — своего рода тактика внешних сношений государства, подчиненная внешней политике и ее обслуживающая. Ленин писал в телеграмме Г. С. Шаумяну (14 февраля 1918 г.), бывшему после установления советской власти в Баку председателем бакинского Совнаркома и комиссаром иностранных дел: «Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением,— и мы победим». [9]

§ 3. Дипломатия как наука и искусство

Составляет ли дипломатия предмет науки или искусства? Взгляд на дипломатию как на искусство поддерживался еще в глубокой древности. Современные авторы определяют дипломатию либо как науку о внешних сношениях, либо как искусство переговоров. Встречается и сочетание обоих определений. [10] Однако, данная проблема до сего времени еще не подвергалась специальному анализу. Такой анализ неразрывно связан с анализом понятия политики в целом с точки зрения категорий науки и искусства, поскольку понятие дип-

---

[9] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 254.

[10] В статье «Дипломатия», помещенной в «Дипломатическом словаре», перед изложением основных методов дипломатии говорится: «Именно эти методы составляют сущность дипломатии, а умение ими пользоваться составляет ее искусство» (т. I, стр. 574). Тем самым признак «искусство» характеризует не все понятие дипломатии,— он лишь входит в него составным элементом.

ломатии входит в объем этого понятия, т. е. является подчиненным ему.

Марксизм рассматривает политику и как науку, и как искусство: как общественную науку, законы которой применяются для изменения действительности, каковое применение составляет искусство; как искусство, которое основано на научном познании действительности и правила которого опираются на законы общественной науки. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» прямо указывал, что «политика есть наука и искусство».[11]

Примером рассмотрения политики как научно-обоснованного искусства является учение марксизма о вооруженном восстании. «...Вооруженное восстание,— писал Ленин,— есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное *«восстание, как и война, есть искусство»*.[12] Однако, правила этого искусства, по теории марксизма, вытекают из научного анализа объективной действительности.

На заседании Центрального комитета партии большевиков 29 (16) октября 1917 г. Ленин говорил: «Из политического анализа классовой борьбы в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженное восстание... Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию, как к искусству».[13]

Товарищ Сталин неоднократно сравнивал политическую борьбу с военным искусством. В цитированной выше статье «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов», касаясь форм политической борьбы, он писал: «Искусство ведения войны в современных условиях состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или своевременно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки.

То же самое нужно сказать о формах борьбы в политической области...

Задача партии состоит в том, чтобы овладеть всеми формами борьбы, разумно их сочетать на поле битвы и умело заострить борьбу на тех ее формах, которые особенно целесообразны при данной обстановке».[14] Стало быть, и в обла-

---

[11] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 219.
[12] Ленин. Соч., т. XXI, стр. 319.
[13] Ленин., Соч., т. XXI, стр. 332; см. также т. X, стр. 51.
[14] И. Сталин. Соч., т. V, стр. 168, 169.

сти войны и в области политики овладение формами борьбы и умелое сочетание их применительно к обстановке составляет искусство: в первом случае — военное искусство, во втором случае — политическое искусство.

Взгляд на политику как на искусство применим как к внутренней, так и к внешней политике, а следовательно,— и к дипломатии, которая является частью внешней политики.

Дипломатия не составляет предмет отдельной науки, имеющей особый круг явлений действительности, подлежащих ее изучению, как имеют, скажем, политическая экономия, наука о государстве и праве и др. По крайней мере, до сих пор не было создано подобной научной дисциплины. Но дипломатия опирается на данные целого ряда общественных наук, образующих в своей совокупности научный фундамент дипломатического искусства. К числу этих наук прежде всего относятся: история международных отношений, международное право, экономические науки, изучающие мировое хозяйство, политическая история и государственное право отдельных стран и т. д. Авторы руководств по дипломатии и по международному праву нередко дают детальный перечень тех наук, которые входят в сумму знаний, образующих научный арсенал дипломата, и составляют как бы «энциклопедию дипломатии». Иногда, впрочем в буржуазной литературе встречаются попытки сконструировать особую «науку о международных отношениях», как совершенно самостоятельную научную дисциплину. Но такие попытки нельзя признать обоснованными, ибо ни предмет, ни система этой надуманной «дисциплины», как бы последняя ни подносилась отдельными буржуазными авторами, не поддаются точному определению. Дипломатия, как государственное искусство, правила которого строятся на выводах науки, основывается не на какой-либо специальной научной дисциплине, а на широком комплексе знаний, составляющих предмет ряда наук.

Знание этих наук совершенно необходимо в дипломатической деятельности, ибо эта деятельность должна строиться на трезвом анализе окружающей действительности. А без такого анализа, без понимания объективных закономерностей, проявляющихся в международных отношениях и во внешней и внутренней политике отдельных стран, даже весьма способные дипломаты могут оказаться не в состоянии добиться осуществления стоящих перед государством основных внешнеполитических целей.

Особенно яркие иллюстрации этого положения дает дипломатия эксплоататорских государств в периоды упадка лежащей в их основании социально-экономической системы, когда правящие классы, пытаясь во что бы то ни стало сохранить

отживающий общественный и государственный строй и соответствующий ему порядок международных отношений, не замечают новых тенденций исторического развития и теряют ощущение действительности. В XVII и XVIII вв. Франция справедливо считалась школой европейского дипломатического искусства. Однако французская дипломатия в период упадка абсолютизма во второй половине XVIII в. привела внешнюю политику Франции в состояние кризиса. Министры Людовика XV Вержень и Шуазель были незаурядными дипломатами для своего времени. Но, не учитывая роли, которую уже и тогда играли торговые и колониальные интересы в международной политике и во внешней политике их главного соперника — Англии, они не могли предотвратить серьезных неудач французской внешней политики незадолго до революции. Не менее убедительные примеры можно найти в современной буржуазной дипломатии. Правда, эта дипломатия за последние десятилетия не выдвинула ни одной фигуры, возвышающейся над уровнем посредственности. Но основной источник ее неоднократных крупных просчетов и неудач кроется отнюдь не в этом, а в том, что ей, ослепленной ненавистью к прогрессивным и демократическим силам мира, чуждо понимание новых исторических тенденций. Так называемая политика невмешательства, проводившаяся правительствами Англии и Франции перед второй мировой войной и окончившаяся для них серьезным дипломатическим поражением, едва ли могла бы иметь место, если бы эти правительства способны были трезво оценить действительное положение вещей и, прежде всего, могущество Советского Союза и его международное значение. Точно так же и теперь правительство США с его «атомной дипломатией», «планом Маршалла», «Северо-атлантическим пактом» и т. п. и следующие за ним правительства Англии, Франции и других европейских сателлитов могут оказаться на грани еще более серьезного поражения, потому что они не хотят считаться с ростом новых демократических сил на мировой арене и не способны осознать того, что, как об этом напоминал товарищ В. М. Молотов, «...в наше время новые империалистические авантюры являются опасной игрой судьбами капитализма». [15]

Дипломатией, прочно опирающейся на научный учет объективной действительности, является дипломатия Советского государства, великие вожди которого Ленин и Сталин блестяще владеют могучим оружием марксистского, т. е. под-

[15] В. М. Молотов. Вопросы внешней политики. Речи и заявления. Госполитиздат, 1948, стр. 502.

линно научного анализа действительности и даром научного предвидения общественных явлений.

В основе советской дипломатии лежит великая теория марксизма-ленинизма, которая, как говорит товарищ Сталин, дает «...силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий», помогает «...понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем», [16] и которая учит: «чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад». [17]

Дипломатическая деятельность не может вылиться в форму простого применения определенных научных правил. В политике научно-познанная объективная закономерность претворяется в творческую деятельность, которая ставит своей целью определенное изменение действительности и которая сама в некотором смысле становится как бы элементом этой закономерности. То же самое имеет место, в частности, и в дипломатии. Правила дипломатической деятельности рассчитаны на достижение определенных целей и применяются в постоянно меняющейся обстановке. Естественно, что они требуют непрерывных коррективов, вызываемых изменениями обстановки и появлением в связи с этим новых задач, подчиненных поставленным целям, и эти коррективы творчески вносятся лицом, применяющим указанные правила. «Политика ведется через людей...»,— учил Ленин. [18] Поэтому действие вышеуказанных правил неотделимо от субъективных способностей применяющего их лица. Они являются правилами не науки, а искусства, так же как и правила поведения военачальника при осуществлении им военных операций являются правилами военного искусства. Недаром именно в этом смысле дипломатию сравнивают с военным делом. Ленин, указывая на необходимость приспособить формы и методы деятельности к неожиданно меняющейся обстановке, сравнивает с военным делом политику вообще. «Всякий согласится,— пишет Ленин,— что неразумно или даже преступно будет поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас». [19]

---

[16] И. Сталин. Соч., т. VI, стр. 89.
[17] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 540.
[18] Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 264.
[19] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 232.

В буржуазных руководствах по дипломатии нередко описываются примеры того, как достигаются различные политические результаты в зависимости от искусной или неискусной дятельности дипломата. Однако, было бы в корне антинаучно сводить дипломатическое искусство к определенным субъективным качествам дипломата, как это делают буржуазные авторы. Конечно, нельзя отрицать, что владение приемами дипломатического искусства, занимает свое место в числе условий, необходимых для успешного достижения внешнеполитических целей. Но дипломатическое искусство не есть какое-то субъективное свойство данного лица, а должно рассматриваться с точки зрения тех социальных и политических условий, в которых оно существует и применяется.

§ 4. Дипломатия и общественно-политический строй государства

В чем же заключаются основные черты дипломатического искусства? Они прежде всего обусловливаются самим содержанием внешней политики, и, следовательно, тесно зависят от характера общественного и государственного строя соответствующих государств. Ибо внешняя политика является прямым продолжением внутренней политики, а дипломатический аппарат является частью всего государственного аппарата. Ленин не раз указывал: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль». [20] «Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики». [21] Правда, при наличии регулярных международных связей, когда организация дипломатических сношений требует единообразия, внешние формы и технические приемы дипломатии крупнейших государств, играющих наибольшую роль в международной политике, воспринимаются другими государствами и становятся международными. Однако характер дипломатического искусства в первую очередь связан с социальной природой данного государства или данной группы государств.

Дипломатия буржуазных государств стала складываться в Западной Европе в период абсолютизма, когда внешняя политика определялась хищническими интересами феодального дворянства и верхних слоев нарождающейся буржуазии и сводилась к борьбе за захват чужих территорий и расширение сферы господства или обеспечение гегемонии той или

[20] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 207.
[21] XXI Ленинский сборник, стр. 66.

ной династии на европейском континенте, за преобладание в заморской торговле, за захват и ограбление колоний. Внешнеполитические цели, которым служила в это время дипломатия, не могли не оказать влияния и на ее характер. Маркс и Энгельс следующими словами характеризуют дипломатию абсолютизма: «Натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого и таким образом обеспечить дальнейшее существование абсолютной деспотической власти,— вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов». [22]

Немалое влияние оказывало и то обстоятельство, что, в соответствии с характером государственного строя абсолютистских государств, руководство внешней политикой сосредоточивалось в руках весьма узкой верхушки господствующего класса, главным образом в руках короля, его придворного окружения и чиновников. Поэтому в дипломатии довольно большую роль играли методы воздействия на отдельных лиц из сравнительно небольшого круга, составлявшего привилегированную касту, совершенно бесконтрольную, корыстную и коррупированную. При всем этом не удивительно, что в дипломатической деятельности широко применялись обман, вероломство, подкупы, интриги, дворцовые заговоры.

В эпоху капитализма, когда главным стержнем внешней политики стала не только борьба за захват соседних территорий и за приобретение колоний, но и борьба за завоевание мировых рынков и «сфер влияния», за раздел и передел колониального мира, а в конечном итоге — за мировое экономическое и политическое господство, когда, с другой стороны, изменились социальная основа и политические формы государства,— дипломатическое искусство, сохранив прежней свою коренную сущность, подверглось значительной модернизации. Задачи и методы дипломатии стали значительно сложнее и многообразнее. Теперь дипломатия должна была прибегать к обману не только отдельных лиц из немногочисленного правящего круга, но и более широких групп господствующего класса и даже широких слоев населения как за границей, так и в собственной стране и искусно пользоваться услугами политической пропаганды и различными способами влияния на общественное мнение и прессу в иностранном государстве, равно как и у себя дома. Теперь территориальные захваты маскируются либеральными лозунгами «открытых дверей» и «равных возможностей», стремления к гегемонии — идеями охраны международного порядка, подготовка

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 237.

агрессивных войн — мотивами обороны и пацифистскими фразами. При всем этом, сохранились и прежние приемы дипломатии абсолютизма: подкупы, различного рода политические диверсии, заговоры и т. п., которые еще в большей мере стали свойственны буржуазной дипломатии в период империализма и особенно часто применялись в дипломатии наиболее агрессивных буржуазных государств.

После первой мировой войны, вызвавшей в целом ряде капиталистических стран глубокий политический кризис, рост недоверия широких масс населения к внешней политике господствующих классов и их дипломатии, протесты против тайной дипломатии и т. д., в политических выступлениях правящих кругов и в прессе этих стран, наряду с усилением «пацифистской» пропаганды, стали много говорить о «трансформации» дипломатии, об усилении «демократического контроля над внешней политикой», о повышении «гласности дипломатии», о победе в дипломатии «морального принципа» и т. п. Однако в действительности в дипломатии буржуазных государств в период между первой и второй мировыми войнами все отрицательные черты предшествующей эпохи не только сохранились, но во многих отношениях стали проявлятся еще более резко. Если методы дипломатии фашистских государств превзошли по своему вероломству, цинизму и грязи самые худшие образцы дипломатии абсолютизма, то и дипломатия других буржуазных государств не отличалась от нее коренным образом по своей политической сущности и моральным свойствам. «В этот период,— говорится в «Исторической справке» Советского информационного бюро,— развернулась борьба между двумя линиями международной политики. Одна линия — это линия борьбы за мир, за организацию коллективной безопасности и за противодействие агрессии объединенными усилиями миролюбивых народов. Эту линию вел Советский Союз, последовательно и стойко защищая интересы всех больших и малых миролюбивых народов. Другая линия — это линия на отказ от организации коллективной безопасности, на отказ от противодействия агрессии, что неизбежно поощряло фашистские страны к усилению их агрессивной активности и тем самым способствовало развязыванию новой войны».[23] Каждой линии международной политики соответствовали свои методы дипломатии. Новое в дипломатическом искусстве так называемых «демократических» буржуазных государств теперь состояло разве только в том, что они стали пользоваться в собственных внешнеполитических

[23] «Фальсификаторы» истории» (Историческая справка). Госполитиздат, 1948, стр. 18, 19.

целях правами и авторитетом новых международных учреждений (Лига наций и др.), зачастую превращая эти учреждения в орудие своих империалистических планов, и стали шире прибегать к маскировке империалистических тенденций и политики попустительства агрессии пацифистскими и демократическими формулами.

Подлинно новой дипломатией являлась и является дипломатия Советского Союза. В социалистическом государстве нет классов и групп, заинтересованных в территориальных захватах, в нападении на другие государства, в установлении господства над другими народами. Основные цели внешней политики Советского Союза заключаются в обеспечении для страны мира и безопасности, необходимых для завершения в ней великих социалистических преобразований и построения коммунистического общества, в укреплении всеобщего мира и в развитии международного сотрудничества на основе уважения независимости и равноправия больших и малых государств. Дипломатия, которая служит этим благородным целям, не может пользоваться теми аморальными и антинародными приемами, которыми пользуется дипломатия абсолютистских и буржуазных государств, она не может прибегать к обману собственного народа и чужих народов, да и не нуждается в этом, ибо ее цели встречают сочувствие всего прогрессивного человечества. «Друзья мира,— говорил товарищ Сталин,— могут работать открыто, они опираются на мощь общественного мнения... Их сила в том, что их деятельность против войны опирается на волю широких народных масс». [24]

Цели советской внешней политики, вытекающие из природы Советского государства, прочны и стабильны. Но дипломатические методы, применяющиеся для достижения этих целей, меняются в соответствии с международной ситуацией, международным положением Советского Союза и характером его взаимоотношений с тем или иным государством. Советская дипломатия не может не принимать во внимание методы и приемы дипломатии буржуазных государств, напротив, она должна внимательно следить за ними, ибо надо знать то оружие, с которым приходится встречаться. Ни одно государство не может выработать методов своей дипломатии, не зная методов дипломатии других государств. Знание методов буржуазной дипломатии помогло, например, советской дипломатии быстро разгадать коварный замысел правительств Англии и Франции при переговорах с Советским Союзом летом

[24] И. В. Сталин. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом. Госполитиздат, 1939, стр. 4, 5.

1939 г., которыми они хотели прикрыть свою провокационную политику натравливания Германии на СССР, стремление всячески ускорить войну Германии против СССР. Позднее знание неприглядных маневров буржуазного дипломатического искусства помогло советской дипломатии опрокинуть все усилия вероломной, но недалекой гитлеровской дипломатии, направленные к международной изоляции СССР во время второй мировой войны.

Однако искусство советской дипломатии коренным образом отличается от дипломатического искусства буржуазных государств. Советскую дипломатию отличает целеустремленность, последовательность в осуществлении поставленных целей и в соблюдении провозглашенных принципов, ясность и прямота в формулировании своих требований. Эти черты совершенно чужды буржуазной дипломатии. «...Буржуазная дипломатия — говорил Ленин,— неспособна понять приемов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений».[25] «Этот старый мир,— указывал он,— имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто»[26] Советская дипломатия отнюдь не отказывалась, да и не могла отказываться от того, чтобы использовать слабые стороны своих противников, извлечь преимущества из противоречий между капиталистическими государствами, мешающих им образовать единый антисоветский фронт, разоблачить их тайные замыслы, скрываемые от народных масс, и тем ослабить их силу в общественном мнении своей страны, и всего мира. Но советская дипломатия всегда остается глубоко принципиальной, ей несвойственны склонности к конъюнктурным «комбинациям», к беспринципным сделкам, к интригам, к запугиванию, к маскировке действительных тенденций фальшивыми формулами и «доктринами». Советскую дипломатию отличает верность данному слову, строгое выполнение взятых на себя обязательств, что отмечали многие государственные деятели буржуазного мира, в том числе даже весьма далекие от симпатии к Советскому Союзу.

Прекрасной иллюстрацией этой особенности советской дипломатии и всей внешней политики СССР является политика, проводимая СССР в межсоюзнических отношениях, яркие примеры которой описаны в «Исторической справке» Советского информационного бюро.[27]

Не прибегая ни к каким традиционным для дипломатического искусства эксплоататорских государств способам «ди-

[25] Ленин. Соч., т. XXV, стр. 377.
[26] Ленин., Соч., т. XXVII, стр. 119.
[27] См. «Фальсификаторы истории», стр. 75—79.

пломатической игры», угроз, вероломства и лжи, советское дипломатическое искусство неизменно обеспечивает Советскому государству осуществление его внешнеполитических целей и, вместе с тем, завоевывает глубокую моральную поддержку его внешней политики со стороны передовых людей всего мира.

После второй мировой войны, в условиях дальнейшего обострения общего кризиса капитализма и укрепления сил социализма и демократии, образовались два лагеря государств — демократический и империалистический. Глубокий и всесторонний анализ новой политической обстановки и политики каждого лагеря дал тов. А. А. Жданов в своем докладе «О международном положении» на информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. «Чем больший период отделяет нас от окончания войны,— говорил тов. Жданов,— тем резче выделяются два основных направления в послевоенной международной политике, соответствующие разделению политических сил, действующих на мировой арене, на два основных лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический, с другой стороны». «Основной целью империалистического лагеря является укрепление империализма, подготовка новой империалистической войны, борьба с социализмом и демократией и повсеместная поддержка реакционных и антидемократических режимов и движений». «В решении этих задач империалистический лагерь готов опереться на реакционные и антидемократические силы во всех странах и поддержать своих вчерашних военных противников против своих военных союзников». «Антиимпериалистический лагерь опирается на рабочее и демократическое движение во всех странах, на братские коммунистические партии во всех странах, на борцов национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, на поддержку всех прогрессивных демократических сил, имеющихся в каждой стране. Целью этого лагеря является борьба против угрозы новых войн и империалистической экспансии, укрепление демократии и искоренение остатков фашизма».[28]

В новых условиях борьба между двумя основными линиями международной политики происходит еще в более широких масштабах. Каждый из двух противоположных лагерей применяет в этой борьбе свою стратегию и свою тактику и, следовательно, свои методы дипломатии, коренным образом

---

[28] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. Госполитиздат, 1948, стр. 22, 23.

различающиеся между собой. Дипломатия империалистического лагеря, поставленная на службу прежде всего тенденциям американского империализма к мировому господству, пользуется худшими методами буржуазной дипломатии периода империализма, теми методами, при помощи которых были подготовлены обе мировые войны. «Арсенал тактических средств, применяемых империалистическим лагерем,— говорится в Варшавской декларации представителей девяти коммунистических партий,— весьма разнообразен. Здесь сочетаются и прямая угроза силой, шантаж и вымогательство, всякие меры политического и экономического давления, подкупа, использования внутренних противоречий и грызни для усиления своих позиций, и все это прикрывается либерально-пацифистской маской, рассчитанной на обман и уловление неискушенных в политике людей».[29] В числе этих средств не последнее место занимает — это в известном смысле «новый» дипломатический метод — использование мнимого секрета производства атомной бомбы в целях внешнеполитического давления, получившее меткое название «атомной дипломатии». В связи с этим тов. Молотов говорил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. «Мы знаем, что существует немало методов давления на другие государства со стороны сильнейших держав. Известно, что эскадры военных кораблей и эскадрильи дружественных самолетов появляются иногда в тех морях и в тех местах, где их раньше не было, когда это считается нужным в целях достижения лучших успехов в дипломатических переговорах. Известно также, что доллары и фунты стерлингов не всегда отсиживаются дома, особенно если имеется необходимость пустить в ход «долларовую дипломатию», хотя бы, скажем, в целях обеспечения нужного уважения к «долларовой демократии». Теперь, как известно, пишут уже и об «атомной дипломатии». Ни для кого не секрет, что эти и другие средства, в различных комбинациях, пускаются нередко в ход в целях воздействия на другие и, особенно, на малые страны».[30]

При применении всех этих средств не последнюю роль играет растленная буржуазная пресса, она всегда выполняет любые заказы буржуазной дипломатии и с ее помощью империалистическими правительствами обычно предпринимается «артиллерийская подготовка общественного мнения»[31] к осуществлению их агрессивных замыслов. На страницах буржуазной прессы распространяется грязная клевета на страны

---

[29] Там же, стр. 7, 8.
[30] В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, стр. 260.
[31] И. Сталин., Сочинения, т. 7, стр. 150.

демократического лагеря, разжигается вражда против их народов и правительств, сеются провокационные слухи и ведется разнузданная пропаганда агрессии, иногда вуалируемая лицемерными рассуждениями о «мире», «цивилизации» и т. п.

В целях маскировки стремлений американского империализма к мировому господству в империалистическом лагере выдвигаются идеи создания «мирового правительства», «европейской федерации» и т. п. якобы в качестве гарантии против возникновения новых войн. На самом деле эти идеи суть не что иное, как идеологическая ширма американской империалистической экспансии, хищнических планов превращения европейских стран в американские колонии, подготовки агрессивной войны против Советского Союза и государств народной демократии. Если в период крушения абсолютизма отдельные прогрессивные буржуазные мыслители, выступая против агрессивной внешней политики абсолютистских государств, требовали полной реорганизации старой дипломатии и создания европейского конгресса для мирного разрешения международных споров (см. гл. V), то теперь, в период всеобщего кризиса капитализма, буржуазные политики и юристы, выдвигающие идеи «мирового правительства» или «европейской федерации», как бы они ни пытались рядиться в тогу преемников упомянутых буржуазных мыслителей, выступают не как противники, а как ярые апологеты империалистического разбоя и агрессии, как злейшие враги свободы народов, мира и прогресса. С помощью этих идей они пытаются оправдать в глазах народов самые подлые акты послевоенной империалистической дипломатии, акты, направленные на порабощение народов и на разжигание новой мировой войны во имя мирового господства американского империализма.

Типичными образцами такого рода актов послевоенной империалистической дипломатии являются «доктрина Трумэна», «план Маршалла», «Западно-европейский союз» и «Северо-атлантический пакт».

В противоположность этому, среди государств демократического лагеря развивается подлинно новая дипломатия, поставленная на службу целям защиты мира и свободы народов, честная и открытая, рождение которой связано с внешней политикой Советского социалистического государства и которая добивается своих целей с помощью методов демократического сотрудничества, тесной и добровольной взаимной помощи, как в области военной и политической, так и в области экономической и культурной, и смелого разоблачения империалистических планов, прикрытых пацифистскими и либеральными фразами. Блестящими образцами новой дипломатии демократического лагеря являются политические, экономические

и культурные соглашения и другие дипломатические акты, посредством которых поддерживается дружественное сотрудничество между Советским Союзом и странами народной демократии и между самими странами народной демократии, а также дипломатические выступления государств демократического лагеря в Организации Объединенных Наций, на различных международных конференциях и в процессе их повседневных дипломатических сношений с капиталистическими государствами.

Борьба двух линий международной политики и соответствующих им методов дипломатии, двух типов дипломатического искусства отнюдь не представляет собой проблему, касающуюся одних лишь специалистов по вопросам дипломатии. Она затрагивает кровные интересы народов всего мира и составляет важнейшую проблему современности.

§ 5. Дипломатия и международное право

Каково же взаимоотношение дипломатии и международного права? В буржуазной литературе нередко можно встретить идентификацию этих двух понятий, либо утверждение, что дипломатия является частью международного права, или, наоборот, что международное право является частью дипломатии. Но ни идентификация, ни механическое включение дипломатии в международное право или международного права в дипломатию не разрешает проблемы их соотношения. В действительности это соотношение гораздо сложнее.

Нормы международного права создаются и применяются государствами в их взаимных официальных сношениях, а эти сношения поддерживаются главным образом посредством дипломатии. Поэтому дипломатия играет исключительно важную роль в развитии международного права. Иногда дипломатия того или иного государства выдвигает известные общие принципы, способствующие осуществлению его внешнеполитических целей и защите его интересов. Эти принципы в случае признания их другими государствами могут стать нормами международного права. Таким, например, был принцип «политического равновесия», выдвинутый французской дипломатией при Генрихе IV для борьбы против усиления Габсбургов, а впоследствии часто применявшийся как Францией, так и другими государствами в качестве официального мотива заключения военных союзов против соперников и для оправдания территориальных захватов. Этот принцип в 40-х годах XVII в. уже фигурировал в дипломатических переговорах на конгрессах в Мюнстере и Оснабрюке, а в начале XVIII в. получил формальное признание в качестве принципа между-

народного права в Утрехтском мирном трактате 1713 г. Таким был и принцип «легитимизма», выдвинутый Талейраном на Венском конгрессе как средство дипломатической защиты интересов побежденной Франции, а затем считавшийся, по крайней мере, в течение всего периода существования Священного Союза, принципом международного права. Такова также и «доктрина Монро», выдвинутая американской дипломатией в первой четверти XIX в. в целях защиты американского континента от попыток интервенции со стороны Священного Союза, впоследствии же широко применявшаяся в дипломатической практике США для обоснования притязаний империалистов США на господство над американским континентом, а затем,— и над обширными районами Азии и даже Европы. Она получила некоторое признание в качестве региональной нормы международного права в статуте Лиги наций, хотя следует оговориться, что именно вследствие империалистических извращений ее первоначального смысла ее международно-правовое значение представляется теперь весьма сомнительным.

В наши дни наиболее значительным является международно-правовое творчество советской дипломатии, которая создала новые, подлинно эффективные методы обеспечения мира и новые формы международного сотрудничества. Советская дипломатия возвела в начало международного права принцип поддержания всеобщего мира и безопасности, установила международно-правовой критерий для констатации агрессии (Лондонские конвенции 1933 г.),— чем воздвигла препятствие эвентуальным попыткам легализации и оправдания агрессивных действий, провозгласила в международном праве принцип равноправия двух систем собственности — капиталистической и социалистической, добилась признания в уставе Организации Объединенных Наций принципа самоопределения наций и т. д. и вызвала к жизни ряд новых институтов международного права, направленных на обеспечение мира и международного сотрудничества (институт пограничных комиссаров, торговые представительства и пр.).

Наряду с созданием новых принципов и новых институтов международного права, дипломатия, в большинстве случаев, применяет уже существующие принципы и институты, сложившиеся в процессе обобщения многолетней практики международных отношений, а также под влиянием традиций, национальной государственности отдельных государств и даже широко распространенных юридических доктрин. Но применение этих принципов и институтов дипломатией оказывает огромное влияние на их действительное содержание в данных исторических условиях и на весь ход их развития.

Иногда в сочинениях о дипломатии указывалось, что дипломатическая деятельность менее строго регламентируется нормами права, чем государственная деятельность внутри страны. К этому можно добавить, что и сами по себе нормы международного права, в котором нет единого законодателя, толкователя или органа, гарантирующего их исполнение, отличаются меньшей точностью и единообразием применения, чем нормы внутригосударственного права, и в большей степени поддаются воздействию той государственной деятельности, в которой применяются. И если внутри государства административная и судебная практика оказывает заметное влияние на содержание применяемых в ней правовых норм, то в международных отношениях влияние практики на правовые нормы сказывается еще сильнее. Дипломатия, применяя нормы международного права, наполняет их тем конкретным политическим содержанием, в зависимости от которого может меняться смысл и все значение этих норм.

Одно из основных методологических требований марксистско-ленинской науки состоит в том, чтобы любые государственные и правовые институты, правила и порядки, любые формы организации общества оценивать под углом зрения их содержания. Оценивая колхозы и Советы как социалистическую форму организации, товарищ Сталин подчеркивал, что «все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму», что «с точки зрения ленинизма колхозы, как и Советы, взятые как форма организации, есть оружие, и только оружие», что «все дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно будет направлено».[32]

Это методологическое положение марксизма полностью применимо и к анализу правовых норм в международных отношениях.

Международное право в своем многовековом развитии впитало в себя наслоения различных исторических эпох, веяния периодов прогресса и периодов реакции. В нем имеются поэтому различные по своему социальному и политическому происхождению принципы и институты. Однако решающее значение для оценки того или иного принципа или института имеет та политика, которую он в данный момент выражает и закрепляет. Не раз бывало, что одни и те же положения и нормы международного права служили прямо противоположным целям. Самые прогрессивные принципы и институты международного права могут в руках реакционной дипломатии превратиться в орудие реакционной политики. Яркий пример представляет принцип невмешательства, выдвинутый в

[32] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 404, 406.

начале XIX в. для защиты передовых буржуазных государств от интервенции феодально-абсолютистских монархий и использованный в 30-х годах XX в. правящими кругами Англии и Франции и их дипломатией для поощрения фашистской агрессии против других государств, а в последние годы — дипломатами англо-американского блока в Организации Объединенных Наций для защиты угрожающего миру франкистского режима в Испании от законных международных мер воздействия, бесспорно вытекающих из устава ООН.

С другой стороны, советская дипломатия не только значительно усилила и углубила мирное и демократическое содержание, заложенное в прогрессивных принципах международного права (суверенитет, невмешательство во внутренние дела, pacta sunt servanda и др.), проводя их с такой последовательностью, с какой они никогда не проводились ни одним государством в мире. Она даже те издавна сложившиеся институты международного права, которые в практике абсолютистских и буржуазных государств служили целям создания военно-политических блоков или политической игры на почве подготовки благоприятного для той или иной державы «равновесия сил», сумела превратить в оружие для обеспечения мира и безопасности народов, вложив в них совершенно новое политическое содержание. «Советская дипломатия,— говорится в «Дипломатическом словаре»,— ... воскресила к жизни давно забытую практику заключения с соседями пактов о ненападении (впервые с Турцией в 1925, затем с другими соседями на востоке и западе) и обогатила ее — что было не менее важно — новым содержанием в виде статей о взаимном нейтралитете и неучастии во враждебных коалициях. Это было новое слово в дипломатической практике, направленной к утверждению мира, и советская дипломатия вправе им гордиться».[33] То же самое можно сказать и о заключенных Советским Союзом с отдельными государствами пактах взаимной помощи, принципиально самым коренным образом отличающихся от всех договоров о союзе и военных гарантиях, какие когда-либо существовали в истории дипломатии, и являющихся ценнейшим вкладом в арсенал новых способов обеспечения мира и безопасности народов.

Ко всему сказанному выше относительно влияния дипломатии на изменение реального содержания норм и институтов международного права следует добавить, что не только дипломатия различных государств может вкладывать различный смысл в те или иные международно-правовые формулы, но, как особенно хорошо свидетельствует опыт буржуазной

[33] «Дипломатический словарь», т. I, стр. 576.

дипломатии на разных стадиях развития капитализма, и дипломатия одной и той же страны может в различные исторические периоды применять одни и те же положения международного права для защиты различных внешнеполитических целей. Например, содержание уже упоминавшейся доктрины Монро резко менялось на протяжении истории внешней политики США.

Таково соотношение между дипломатией и международным правом в действительной жизни. Это — весьма тесное, но отнюдь не механическое, а диалектическое соотношение, в котором проявляется диалектический закон о всеобщей связи явлений. Вместе с тем, оно на примере международных отношений подтверждает «известное положение марксизма о том, что одна и та же идея в различных конкретных исторических условиях может быть и реакционной и прогрессивной».[34] И если в дипломатической деятельности необходимо знание международного права, то и подлинное понимание международного права невозможно без знания истории дипломатии, показывающей, как нормы международного права применяются на практике и как при этом может существенно меняться их политическое значение.

Имеется еще и другая сторона проблемы соотношения дипломатии и международного права. Международное право регламентирует формы организации, порядок деятельности и юридическое положение дипломатии. Совокупность международно-правовых норм и институтов, посвященных этой регламентации, образует особую отрасль международного права. Общим юридическим основанием деятельности и статуса дипломатии является право государства на международное представительство, которое осуществляется как высшими органами государственной власти и управления, так и специальными зарубежными органами — дипломатическими представителями государства за границей. Международно-правовые нормы, относящиеся к последним, обнимаются общим понятием посольского права. Посольское право определяет порядок назначения, принятия и отозвания дипломатических представителей, их ранги, место в дипломатическом корпусе, их функции, их права и обязанности в области внешних сношений и т. д. Наконец, посольское право определяет их международно-правовое положение, т. е. их специальные привилегии за границей, которые в настоящее время чаще всего обозначаются совокупным понятием — дипломатический иммунитет.

[34] А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова, «История западно-европейской философии». «Вопросы философии», 1947, № 1, стр. 283.

§ 6. Дипломатия и дипломатический иммунитет

Дипломатический иммунитет — одна из наиболее важных и в теоретическом и в практическом отношении проблем международного права, касающихся регламентации деятельности дипломатии. Руководство внешней политикой государства принадлежит его высшим органам и ближайшим образом — правительству, но в осуществлении внешней политики посредством регулярных дипломатических сношений дипломатические представители государства за границей играют далеко не маловажную роль. На дипломатического представителя возлагается общее представительство и проведение политики отечественного государства во взаимоотношениях со страной пребывания. На него возлагается освещение перед своим правительством внутреннего и внешнего положения страны пребывания и сколько-нибудь значительных событий ее политической жизни; при этом задача дипломатического представителя заключается не только в том, чтобы изучать факты, но и в том, чтобы делать из них надлежащие выводы и давать советы своему правительству. Наконец, на дипломатического представителя возлагается общая защита интересов отечественного государства, его учреждений и граждан в стране пребывания.

Реальные потребности международной жизни обусловили с давних пор существование известных международных гарантий, обязательных для всех государств и ограждающих дипломатических представителей от всяких посягательств на территории страны пребывания и от принудительного подчинения юрисдикции органов власти этой страны. Эти необходимые для поддержания регулярных дипломатических сношений гарантии вылились в практике таких сношений в форму определенных привилегий, преимуществ и льгот, которые отличают положение иностранного дипломатического представителя от положения обыкновенного иностранца, и совокупность которых составила особый институт международного права — дипломатический иммунитет. С другой стороны, в международной жизни прочно установилось признание за дипломатическими представителями обязанности не вмешиваться во внутренние дела страны пребывания и воздерживаться от малейших нарушений ее внутреннего правопорядка. Обе эти стороны международно-правового положения дипломатических представителей выражаются в ряде положений и правил, считающихся элементарными нормами международного права.

Однако применение этих норм на практике самым тесным образом зависит от содержания внешней политики и дипло-

матической деятельности тех государств, во взаимоотношениях между которыми данные нормы применяются. В современную эпоху оно неразрывно связано с борьбой между странами демократического лагеря, проводящими политику мира и международного сотрудничества, и странами империалистического лагеря, проводящими политику агрессии, экспансии и закабаления народов, политику, подчиненную стремлениям американского империализма к мировому господству.

Советский Союз и страны народной демократии рассматривают дипломатические представительства за границей как органы, которые должны содействовать поддержанию нормальных отношений между государствами и укреплению международного сотрудничества. Поэтому в Советском Союзе и в странах народной демократии иммунитет иностранных дипломатических представителей всегда строго соблюдается. Напротив, в империалистических странах нарушения дипломатического иммунитета составляют нередкое явление, причем в огромном большинстве случаев эти нарушения предпринимаются с целью провокации международных конфликтов и осуществления агрессивных замыслов. Такой именно смысл имели не раз совершавшиеся с поощрения или по прямому заданию империалистических правительств нападения на дипломатических представителей СССР (см. гл. XIII, § 2, гл. XIV, § 3). Останавливаясь на фактах нападения на советское полномочное представительство в Пекине, налета на Аркос в Лондоне к убийства советского полномочного представителя П. Л. Войкова в Варшаве, имевших место в 1927 г., товарищ И. В. Сталин оценивал эти факты как прямое проявление агрессивной политики английского консервативного правительства, которое «вело подготовительную работу по созданию против СССР «священного союза» больших и малых государств». [35]

«Если раньше, до последнего времени,— писал товарищ Сталин,— эта подготовительная работа консерваторов велась более или менее прикрыто, то теперь, за последнее время, они перешли к «прямым действиям», нанося СССР открытые удары и пытаясь сколотить на глазах у всех пресловутый «священный союз».

Первый открытый удар был нанесен консервативным правительством Англии в Пекине при нападении на советское полпредство. Нападение это преследовало, по крайней мере, две цели. Оно должно было обнаружить «ужасные» документы «разрушительной» работы СССР, долженствующие создать атмосферу общего возмущения и почву для единого фронта

[35] И. Сталин. Сочинения, т. 9, стр. 325.

против СССР. Оно должно было создать военный конфликт с пекинским правительством и втянуть СССР в войну с Китаем.

Удар этот сорвался, как известно.

Второй открытый удар был нанесен в Лондоне при нападении на Аркос и разрыве с СССР. Удар этот имел своей целью создать единый фронт против СССР, открыть дипломатическую блокаду СССР по всей Европе и спровоцировать серию разрывов договорных отношений с Советским Союзом.

Удар этот также сорвался, как известно.

Третий открытый удар был нанесен в Варшаве путем организации убийства Войкова. Убийство Войкова, организованное агентами консервативной партии, должно было сыграть по замыслу его авторов, роль убийства в Сараево, втянув СССР в военный конфликт с Польшей.

Этот удар тоже, как будто бы, сорвался». [36]

Столь же существенно отличается и поведение самих дипломатических представителей государств демократического и империалистического лагерей во время пребывания этих представителей за границей. Дипломатические представители Советского Союза и стран народной демократии, следуя принципам уважения суверенных прав больших и малых государств, лежащим в основе внешней политики их правительств, строго соблюдают обязанность невмешательства во внутреннюю жизнь государств пребывания (см. гл. XI, § 3). В беседе с председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» товарищ И. В. Сталин говорил: «Речь идет о том, чтобы должностные лица обеих стран не вмешивались во внутреннюю жизнь другой страны. Наши должностные лица честно выполняют это обязательство». [37] Напротив, дипломатические представители империалистических стран грубо попирают обязанность невмешательства во внутреннюю жизнь тех государств, в которых они аккредитованы. Они сплошь и рядом пытаются насаждать свою агентуру внутри этих государств, инспирируют и поддерживают внутриполитическую борьбу против правительств этих государств, в особенности же борьбу реакционных сил против демократических режимов, и даже принимают непосредственное участие в антигосударственных заговорах (см. гл. XIV, § 2). Естественно, что таким преступным поведением они подрывают то условие, без наличия которого они не могут претендовать на дипломатический иммунитет.

В связи с указанными выше агрессивными методами

[36] И. Сталин. Сочинения, т. 9, стр. 325, 326.

[37] И. Сталин. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом, стр. 8, 9.

дипломатии империалистических государств и борьбой Советского Союза и стран народной демократии за мир и за международное сотрудничество, основанное на уважении суверенных прав больших и малых государств, в теории международного права необходим новый подход к ряду вопросов дипломатического иммунитета, и, в частности, возникает вопрос о международной ответственности государства за нарушения иммунитета и злоупотребления им, угрожающие миру и международному сотрудничеству.

Таким образом, коренное различие внешней политики и дипломатии стран демократического лагеря и стран лагеря империализма имеет первостепенное значение для проблем дипломатического иммунитета.

Дипломатический иммунитет существует так же давно, как и дипломатия. Основные черты этого института в каждую историческую эпоху обусловливаются главным образом: характером самой дипломатии — поскольку формы посольского права не могут не зависеть от степени развитости дипломатических связей, от методов дипломатической деятельности и ее классовой ориентировки; характером государственного и правового строя отдельных стран — поскольку международные гарантии дипломатических представителей обеспечиваются в каждой стране при посредстве ее законодательства, действий ее суда и администрации; характером всей системы международного права и господствующих в нем принципов и доктрин — поскольку основные начала международного права накладывают отпечаток на его отдельные институты.

Современные нормы дипломатического иммунитета содержат те или иные наслоения прежних исторических эпох. Поэтому исследование проблем дипломатического иммунитета должно быть начато с анализа его исторического развития.

Часть первая

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Глава I
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В ДРЕВНИЕ ВЕКА 9

Глава II
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В СРЕДНИЕ ВЕКА 22

Глава III
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI — XVIII ВВ.) 42

Глава IV
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ ВО ВНЕШНИХ СНОШЕНИЯХ РОССИИ В XVI — XVIII ВЕКАХ 89

Глава V
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XIX — XX ВВ.) 116

ГЛАВА I

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В ДРЕВНИЕ ВЕКА

Дипломатический иммунитет является одним из наиболее древних институтов международного права. Строго говоря, его зародыши коренятся еще в обычаях, существовавших в догосударственном обществе. Конечно, неправильно утверждать, как делают некоторые буржуазные авторы, что даже у самых диких племен имеется какое-то право посольства и соблюдаются права и привилегии посланцев,[1] ибо это институты, связанные с существованием государства. Но уже на

[1] Например, Никольсон полуиронически замечает: «Даже для наших предков неандертальцев и кроманьонов было ясно, что подобного рода переговоры (переговоры между двумя группами дикарей о прекращении битвы.— *Д. Л.*) были бы затруднены, если бы посол одной стороны был съеден другой стороной до того, как он передал послание, поэтому,— продолжает Никольсон,— даже в отдаленнейшие эпохи было необходимо предоставить посланцу определенные права и привилегии, которых были лишены воины» (Николсон, Дипломатия, стр. 21). А бразильский дипломат и юрист Лисбоа пишет: «В самых диких землях уже можно видеть зародыш дипломатии в войне, который приближается к врагу, идя по полю, отделяющему два лагеря, чтобы передать вызов от имени своих и огласить воздух воинственными песнями, в которых перечисляются выдвигаемые жалобы. Из рядов противника выходит другой воин, который отвечает на вызов, и только после того, как сказано все, что у них было сказать, противники берутся за оружие и дают сигнал к общей борьбе. В то время как первый воин направляется к рядам врагов, последние спокойно смотрят на его приближение; они даже садятся на землю, складывая оружие на колени, чтобы лучше слушать его речи. Это уже акт покровительства, иммунитет, даруемый этому примитивному послу: неприкосновенность. Позднее, когда два племени устали воевать, одно из них отправляет эмиссаров, чтобы предложить условия перемирия, их узнают по трубке мира (calumet) или по другим символам, которые они несут, их почитают, им дают приют в течение всего времени, пока они остаются в лагере врага. Вот уже регулярное посольство, которое получает знаки уважения» (H. Lisboa. Exterritorialité et immunités des agents diplomatiques, Revue de droit international et de législation comparée, 2-ème série, v. I (1889), No 4, p. 354—355). Оба буржуазных автора отвлекаются от всякой исторической перспективы. Во-первых, они исходят из какого-то абстрактного и искусственного представления об «отдаленных временах» и «диких землях», вне отдельных стадий развития первобытного общества. Во-вторых, они юридизируют примитивные обряды, относящиеся к тому времени, когда не могло и зародиться никакого понятия о праве, и очевидно рассматривают право как явление, свойственное человеческому обществу вообще.

стадии родового строя, когда между отдельными племенами и между целыми племенными союзами, несмотря на преобладающее состояние войны, происходят известные мирные сношения хотя бы для заключения перемирия, выкупа пленных, разграничения спорной территории и т. п., вместе с этими сношениями возникает потребность, чтобы лица, которые их осуществляют, отправляясь в неприятельский лагерь, пользовались там неприкосновенностью. Эта неприкосновенность охраняется родовыми обычаями, которые одновременно являются и нормами религии.

Памятники родового строя древних иудеев, индусов, греков, римлян и др. свидетельствуют о том, что сношения между племенами или племенными союзами возлагались на особых вестников, или глашатаев, которые считались священными и состоящими под покровительством божества; оскорбление их рассматривалось как преступление и святотатство.[2] Об аналогичных явлениях свидетельствуют и данные этнографии: описания родового строя у американских индейцев, племен фиджи, австралийских племен и др.[3]

При переходе народов древности от родовой организации к государственной институты и обычаи межплеменных сношений продолжают применяться в сношениях государств. Ранние рабовладельческие государства носят еще заметные следы родового строя. Их примитивная дипломатия сводится, глав-

---

[2] Описание таких сношений на ранних стадиях общественного развития мы неоднократно встречаем в Библии, в «Махабарате», в «Илиаде», в римской мифологии. В качестве отдельных иллюстраций, подтверждающих существование обычая неприкосновенности посланцев, можно отметить, например, в «Махабарате» — описание мирной миссии Васудевы (Кришны) в лагерь Кауриб, в «Илиаде» — описание пребывания Приама в лагере Ахилла (Приаму покровительствовал Гермес — бог купцов, путешественников и посланцев), в римской мифологии — описание римских посольств к Кориолану в лагерь вольсков, в Библии — описание войны Давида против аммонитов за оскорбление его послов и т. д.

[3] Л. Морган в своем известном труде «Древнее общество», касаясь общественной организации ирокезов, отмечает, что «сношения между независимыми племенами велись через посольства, состоявшие из мудрых людей и вождей», и дает подробное описание ритуала приема таких посольств, отправлявшихся для объявления войны или заключения мира или союза (см. Л. Морган. Древнее общество. Пер. М. Косвена, Л., 1934, стр. 70, 80 и сл.; см. также выписки соответствующих мест из книги Л. Моргана в конспекте на эту книгу Маркса, Архив Маркса и Энгельса, т. IX, Госполитиздат, 1941, стр. 88, 95 и сл.). Из этого описания мы видим, что обычаи ирокезов обеспечивали полную неприкосновенность послов, и лишь иногда, в виде специальной гарантии, племя, принимавшее посольство, одновременно отправляло своих послов к другой стороне не для переговоров, а в качестве заложников. Об обычаях междуплеменных сношений у австралийских племен см. G. Wheeler. The Tribe and International Relation in Australia. London, 1910 (Ch. VII, p. 109—115).

ным образом, к вопросам, связанным с объявлением войны и заключением мира, и сношения по этим вопросам ведутся через посредство тех же священных вестников или глашатаев. Например, в Индии в буддийский период послы назначались из среды браминов, в руках которых вообще находились государственные дела; в Греции в послегомеровскую, в так называемую «архаическую» эпоху это были особые жрецы — «керюкес» (κηρυκες), которые ведали переговорами о мире или перемирии, погребением убитых на поле брани, выкупом или обменом пленных и т. д.; в Риме в период царей это были фециалы (fetiales) — члены особой жреческой коллегии, которые, кроме аналогичных функций, ведали еще выдачей преступников и судом над нарушителями военных и посольских обычаев. Неприкосновенность всех послов признавалась за ними уже в силу их священного звания, где бы они ни находились.[4]

Но с дальнейшим развитием рабовладельческих государств и ростом между ними внешних связей функции дипломатии значительно расширяются и усложняются. Это в особенности относится к государствам античного мира, с более развитым рабовладельческим строем. «Внешняя политика этих рабовладельческих государств-городов («полисов»),— говорится в «Истории дипломатии»,— определялась интересами борьбы за расширение территорий, за приобретение рабов, за рынки. Отсюда вытекали: стремление к гегемонии, поиски союзников, образование группировок, колониальная экспансия, которая ставила своей задачей образование крупных держав и вызывала столкновения у греков на востоке — с Персидским царством, у римлян — на западе — с богатейшей торговой республикой древнего мира Карфагеном».[5] Функции послов состоят теперь в подготовке военных и политических союзов и заключении оборонительных и наступательных союзных договоров, в проведении военно-политической разведки, в обеспечении торговых и колониальных интересов своего государства в чужой стране. Для осуществле-

---

[4] Неприкосновенность личности посла,— говорит Висваната в исследовании по международному праву в древней Индии,— обеспечивалась избранием в качестве посланников людей жреческого класса» (S. Viswanatha. International Law in Ancient India. Bombay, 1925, p. 29—30. Цит. по книге M. Ogdon. Juridical Basis of Diplomatic Immunity. Washington, 1939, p. 19). А Филлипсон в своей книге «Международное право и обычаи древней Греции и Рима» отмечает, что «керюкес» и фециалы считались неприкосновенными не только в то время, когда выполняли свою миссию, но всегда (C. Phillipson. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. London, 1911, v. I, p. 307—334).

[5] История дипломатии. Под ред. В. М. Потемкина, ч. I. Соцэкгиз, М.— Л., 1941, стр. 15—16.

ния этих новых функций прежние священные вестники и глашатаи уже непригодны. Они продолжают еще довольно долго существовать в дипломатическом обиходе, но их деятельность сводится, главным образом, к религиозному освящению тех или иных дипломатических актов, к совершению различных религиозных обрядов, с которыми были связаны внешние сношения во время войны и мира. Так, например, «керюкес» фигурируют и в период самого высокого расцвета греческой дипломатии — во время Пелопоннесской войны и позднее; они сопровождают посольства, отправляемые во время войны к неприятелю, и посольства, которыми обмениваются греки и «варвары», а также попрежнему осуществляют сношения, связанные с ведением войны».[6] Фециалы, сохранившиеся в Риме вплоть до конца периода республики и упоминаемые даже в источниках императорского периода, сопровождают посольства и в мирное время и скрепляют клятвами заключаемые договоры; в их руках попрежнему остается выдача преступников и суд над нарушителями военных и посольских обычаев.[7] Основные же дипломатические функции, или дипломатические сношения в собственном смысле слова, стали осуществлять послы светского характера. В Греции они большей частью избираются на народных собраниях из полководцев, политических деятелей, ораторов, ученых, иногда — актеров и называются: «пресбейс» (πρεσσβυς), ораторы или «автократоры». В Риме они назначаются сенатом из среды своих членов и называются: легаты (legati) или нунции (nuntii).[8]

Эти светские послы, отправляясь в чужие страны, должны вести там довольно активную дипломатическую борьбу, привлекать союзников, обезвреживать врагов, разузнавать тайные политические замыслы, иной раз требовать приведения данной страны в покорность пославшему их государству.

---

[6] Фукидид в «Истории Пелопоннесской войны» пишет, например, что после того как на собрании Пелопоннесского союза в Лакедемоне было принято решение о войне с Афинами, но война еще не была объявлена, обе стороны «посещали друг друга, правда, без глашатаев, но не без подозрительности, потому что все случившееся подрывало договор и служило поводом к войне» (Фукидид. История Пелопоннесской войны в восьми книгах. Пер. Ф. Мищенко. М., 1887, т. I, стр. 139). Позднее, когда начались военные действия, по свидетельству того же Фукидида, посольства сопровождались глашатаями (там же, стр. 191 и сл.). Глашатаи, или «керюкес», в представлении древних греков являлись как бы посредниками между богами и людьми. Они носили с собой в качестве священного символа жезл, обвитый двумя змеями, глядящими друг на друга, что означало два неприятельских лагеря.

[7] См. Phillipson, op. cit., p. 322, 336.

[8] О номенклатуре и классификации послов в древней Греции и Риме см. Phillipson, op. cit., p. 304—309.

Зачастую они выступают на народных собраниях или перед сенатом наряду с послами других, враждебных им государств, состязаясь с ними в том, чтобы склонить на свою сторону членов народного собрания или сената.[9] Если к этой картине прибавить общее отношение к чужеземцу как к врагу, господствовавшее в древнем мире, лишение чужеземцев правовой защиты или, в лучшем случае, предоставление им таковой в весьма ограниченном объеме,[10] то становится ясно, сколь велика была потребность в защите неприкосновенности чужеземных послов, потребность — общая для всех государств древнего мира.

---

[9] Описания таких состязаний очень часто приводятся в сочинениях греческих и римских историков. Так, например, Фукидид рассказывает, что во время спора между Керкирой и Коринфом из-за Эпидамна (435 до н. э.), послужившего одним из непосредственных поводов к Пелопоннесской войне, обе стороны послали послов в Афины: керкиряне — для заключения союза, коринфяне — «из опасения, чтобы присоединение афинского флота к керкирскому не помешало им кончить войну так, как они хотели». И те и другие послы дважды выступали рядом друг с другом в афинском народном собрании (см. Фукидид, цит. соч., т. I, стр. 57). Случаи подобного рода не раз имели место и в ходе Пелопоннесской войны. Во время известной экспедиции в Сицилию Афины и Сиракузы отправили послов в Камарину с целью привлечь ее на свою сторону. Первым говорил сиракузский посол Гемократ, стараясь вооружить камаринян против Афин. После него с противоположной целью выступал афинский посол Евфим (см. Фукидид, цит. соч., т. II, стр. 158). Полибий описывает ряд случаев выступления перед римским сенатом послов враждующих между собой государств, которые старались снискать покровительство и помощь могущественного Рима. Например, в 185 г. до н. э. в Рим прибыли послы от Спарты и Ахейского союза, и «оба посольства, одно перед другим, защищали свое дело перед сенатом». В 167 г. до н. э. в Рим прибыли послы от пергамского царя Эвмена, маронейские и фессалийские послы с жалобами на Филиппа II Македонского, а одновременно с ними прибыли послы и от Филиппа для защиты его от этих обвинений, и т. д. (см. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Пер. Ф. Мищенко, М., 1898, т. II, стр. 733, 725, 726; см. также т. III, стр. 47—48, 211 и др.).

[10] Даже в античном мире, где положение чужеземцев было несколько лучше, чем в странах Востока, они были если не бесправны, то неполноправны в довольно большой степени. В древней Греции каждый грек, не говоря уже о «варварах», за стенами родного города, по общему правилу, рассматривался как ξένος, т. е. враг, и, следовательно, бесправное лицо; на практике положение чужеземцев облегчалось институтом проксении и соглашениями об изополитии, эпигамии и пр., которые, однако, заключались только между греческими государствами и распространялись только на греков. В древнем Риме чужеземцы тоже назывались hostes, т. е. врагами; по законам XII таблиц они были лишены всяких прав (adversus hostem aeterna auctoritas), а по позднейшим римским законам подвергались значительным ограничениям. Практически их положение облегчалось институтом гостеприимства (hospitium), патронатом и соглашениями о так называемой рекуперации, но лишь с III века до нашей эры они получают общую правовую защиту у praetor peregrinus на основании jus gentium (см. Н. Иванов. Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии. Казань, 1874, стр. 64—66, 72—73).

Однако международные отношения в древности складывались, прежде всего между государствами, связанными между собой географической близостью, общностью нравов, государственных учреждений, культуры и религиозных верований. Внутри этих международных групп в отдельные периоды сношения могли быть настолько частыми, что происходил регулярный обмен посольствами, приближавшийся к системе постоянного дипломатического представительства. Такой регулярный обмен посольствами имел, например, место между государствами Северного и Центрального Китая в VIII веке до нашей эры, как об этом свидетельствуют старинные китайские анналы Ч'ун Чиу и Цзо Чуан,[11] или между государствами древней Греции со времени греко-персидских войн, а в особенности в период Пелопоннесской войны, как об этом свидетельствует Фукидид и другие греческие историки.[12] Весьма оживленные дипломатические связи с соседними народами поддерживал и древний Рим еще тогда, когда он был небольшим государством на Апеннинском полуострове. В каждом из всех этих государств неприкосновенность послов охранялась особыми нормами, которые создавались под влиянием их общих или родственных общественных и государственных порядков, обычаев, нравов, религии и т. д.

Например, в отношении древнего Китая С. Росуэлл высказывает предположение, что «дипломатический иммунитет был частью общего обычая того времени, может быть не поддающегося выделению в отдельный принцип, будучи растворен в более широком принципе экстерриториальности всей знати».[13]

---

[11] С. Росуэлл, изучавший эти анналы с точки зрения вопросов международного права, указывает, что тексты, охватывающие период в 20 лет (722—703 гг. до н. э.), сообщают более или менее детально о 17 дипломатических миссиях, отправлявшихся для переговоров о военной помощи, о помощи в борьбе с узурпаторами власти, о заключении мира, о посредничестве, для поднесения траурных даров и т. д., помимо делегаций церемониального характера. Приводя описание, в котором говорится, что когда государь Лу отказал знати государства Санг в военной помощи от вторжения, то государь Санг в гневе не послал к нему послов, а вслед за тем прекратил отправление послов и Лу, Росуэлл отмечает, что этот факт заставляет предполагать, что «сношения между некоторыми государствами были столь частыми, что вырастали в постоянные сообщения, служившие очевидно поводом для постоянных посольств» (S. Roswell. Chinese Interstate Intercourse before 700 B. C. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 29, 1935, No 4, p. 623—624).

[12] «По данным, приводимым Фукидидом,— пишет Никольсон,— в V веке до н. э. эти специальные посольства настолько участились, что возникло нечто похожее на современную систему дипломатических отношений» (Никольсон, цит. соч., стр. 22).

[13] В подкрепление этого предположения Росуэлл приводит следующий факт из цитированных выше старинных текстов: когда узурпатор и

Как бы там ни было, по утверждению Росуэлла и ряда других авторов, послы в древнем Китае почитались неприкосновенными не только в тех государствах, куда они посылались, но и в третьих государствах, через которые они проезжали, а так называемые «путешествующие вельможи» (которых Росуэлл считает своеобразными министрами иностранных дел) на протяжении всего своего пути не могли быть подвергнуты ни насилиям, ни оскорблениям, если они были снабжены надлежащим пропуском.[14]

В древней Греции правила, охранявшие неприкосновенность послов, являлись и законами религии, и государственными обычаями. Они охраняли неприкосновенность как священных вестников и глашатаев, так и послов светского характера. «Греческие историки и другие писатели,— отмечает Филлипсон,— часто указывали, что герольды, послы и их свита являются священными во всем, что относится к их службе и к исполнению их обязанностей. Они пользуются свободой шествовать где бы то ни было сушей или морем и совершать всякие действия, касающиеся мира и правосудия».[15] Правда, Филлипсон замечает, что послы со священной миссией были неприкосновенными всегда и везде, даже если не входили в состав посольства, а светские послы — только поскольку выполняли посольские функции.[16] Но всякого рода послы считались состоящими под покровительством бога Гермеса,[17] и все они пользовались неприкосновенностью не только в мирное время, но даже во время войны.[18]

его сообщник из государства Вей были арестованы в государстве Чен по просьбе государя Вей, то государь Чен просил государя Вей судить их и прислать своих чиновников для их казни. «Вероятно,— комментирует этот факт Росуэлл,— в этом деле играл роль клановый обычай. Дома Чен и Вей принадлежали к различным кланам, Куей и Чи, и узурпатор был членом правящей фамилии Вей, так что его смерть от рук Чен могла вызвать кровавую месть, в то время как смерть на территории Чен от рук Вей не наносила ущерба... И хотя этот случай объясняется тем, что экстерриториальный элемент соответствует обычаю, остается вопрос, вытекает ли этот элемент из государственного или из кланового обычая» (Roswell, op. cit., p. 626).

[14] См. Roswell, op. cit., p. 624, 625—626.

[15] Phillipson, op. cit., p. 328—329.

[16] Ibidem, p. 307.

[17] В «Законах» Платона говорится, что посол, приносящий ложное послание от Афин в другие государства, должен быть осужден за нарушение не только государственного закона, но и долга, возложенного на него Гермесом и Зевсом (см. Phillipson, op cit., p. 344).

[18] Так, например, по рассказу Фукидида, после того как на конференции Пелопоннесского союза в Спарте (в 432 г. до н. э.) было принято решение об объявлении войны Афинам, в Спарте продолжало оставаться афинское посольство, приехавшее туда по другим делам, и затем оно беспрепятственно удалилось по выполнении своих поручений (см. Фукидид, цит. соч., т. I, стр. 96—97).

В древнем Риме в период царей и в первые века республики неприкосновенность послов охранялась фециальным правом. Позднее, когда Рим вышел на широкую арену международных связей, возникает «право народов» (jus gentium), которое включает положение о неприкосновенности послов. «Если кто-либо нанес оскорбление неприятельскому послу,— говорит юрист II века н. э. Помпоний,— то это считается совершенным против права народов, ибо послы признаются священными (quia sancti habentur legati). А потому, если в то время, когда послы какого-нибудь народа пребывают у нас, сму объявлена война, ответ дан, что они остаются свободными, так как это согласно праву народов».[19] Равным образом юрист Ульпиан (170—230), давая определение права народов, включает в него «священный долг не оскорблять послов» (Legatorum non violandorum religio).[20] Однако фециальное право еще долгое время продолжало оказывать влияние на регламентацию международных сношений, и даже после того, как фециальные институты пришли в упадок, неприкосновенность послов считалась также и религиозным законом. Цицерон, писавший в конце периода республики о праве народов, указывал, что права послов находятся под защитой людей, но они также охраняются божественным правом (jus et sacra legationis).[21] Виновных в оскорблении послов судила коллегия фециалов. Обычно их выдавали оскорбленному государству, хотя могли и осудить на смерть или изгнание. Выдачу производили сами фециалы.[22] Эта мера рассматривалась и как удовлетворение оскорбленного государства и как умиротворение богов (ad placandos deos). Если оскорбленное государство отпускало их, то по возвращении они лишались римского гражданства.[23]

---

[19] Digesta, L. L. VII (De legationibus), 18 (17). Цитируется по Corpus Juris civilis в издании Моммсена и Крюгера, Берлин, 1922, стр. 903.

[20] Это определение, автором которого считается Ульпиан, приводится Исидором Севильским (см. T. Walker. A History of the Law of nations. Cambridge, 1899, v. I, p. 153, note). Позднее оно встречается в декрете Грациана (см. ниже в главе II). Ср. В. Э. Грабарь.— Римское право в истории международно-правовых учений, Юрьев, 1901, стр. 15.

[21] См. Ogdon, op. cit., p. 21, а также P. Odier. Des privilèges et immunités diplomatiques en pays de Chrétienté. Paris, 1890, p. 34. Точно так же Тацит говорит: «Sacrum etiam inter externas legatorum jus» (см. Walker, op cit., v. I, p. 61).

[22] Так, например, когда в 266 г. до н. э. эдилы Фабрий и Апроний убили некоторых членов посольства из Аполлонии, то фециалы выдали их оскорбленным послам, а сенат приказал квестору сопровождать их до Брундизия, чтобы оградить от попыток нападения со стороны друзей виновных. Римский историк Валерий Максим, рассказывая этот случай, замечает, что здесь скорее может итти речь о «суде служителей бога», чем о «суде смертных людей» (приведено у Phillipson, op. cit., p. 336).

[23] Ibidem, p. 336—337.

Но хотя международные сношения древнего мира и не развились в систему всеобщих дипломатических связей в современном смысле, они все же далеко выходили за пределы каждой из вышеупомянутых отдельных международных групп и поддерживались в гораздо более широком объеме. Фараоны древнего Египта обменивались посольствами с княжествами далекой Индии, греческие государства вступали в сношения с Египтом и Персией на востоке, с Римом и Карфагеном — на западе. Дипломатические связи древнего Рима не только охватывали все Средиземноморье, но простирались на Армению, Парфию, на далекий Китай. Имеются даже данные о посещении римским посольством Цейлона в 41 г. н. э.[24] На почве этого более широкого общения из различных общественных нравов, государственных законов и обычаев и религиозных верований складывалось общее представление о святости и неприкосновенности послов, разделявшееся всеми народами древности, хотя каждое государство, точнее, каждая из вышеупомянутых международных групп охраняла эту неприкосновенность и карала ее нарушения при посредстве собственных правовых и религиозных норм и институтов.

Так, например, по рассказу Геродота, во время нашествия Ксеркса на Грецию, в связи с тем, что прежде послы Дария были умерщвлены в Афинах и в Спарте, спартанцы, боясь гнева Талфибия,[25] послали двух своих граждан к Ксерксу, чтобы искупить свою вину ценою их гибели, Ксеркс заявил, что не уподобится лакедемонянам, которые, «умертвив глашатаев, нарушили этим право, признанное всеми людьми». Геродот добавляет, что хотя вестники спартанцев не погибли и, следовательно, не искупили их вины, «тем не менее гнев Талфибия вскоре прекратился».[26] Но если рассказ Геродота носит слишком яркие следы мифологических преданий, то можно привести по аналогичному поводу рассказ Полибия вполне достоверный, поскольку он приводится и у Тита Ливия и у Диодора Сицилийского. Когда, после второй пунической войны (в 203 г. до н. э.) карфагенские триремы вероломно напали на возвращавшихся из Карфагена римских послов, то Сципион Африканский, у которого в это время находились карфагенские послы, приказал «препроводить их обратно домой с величайшей заботливостью». «Зная,—

[24] См. J. Lorimer. The Institutes of the Law of Nations. Edinburgh and London, 1924, v. II, Appendix, No. XVII, p. 577.

[25] Талфибий считался глашатаем Агамемнона и родоначальником глашатаев в Спарте. Он почитался как герой, и в его честь в Спарте и в Аргосе были воздвигнуты храмы.

[26] Из истории Геродота, сост. П. Первов, М., 1905, стр. 140—142.

говорит Полибий,— что отечество его свято блюдет обязанности по отношению к послам, он и сам думал не столько о том, чего заслужили карфагеняне, сколько о том, как надлежит поступать римлянам». Вместе с тем это было соблюдение общего обычая всех народов, который нарушили карфагеняне, и этим поступком, по словам Полибия, Сципион «привел в уныние карфагенян и самого Аннибала». [27]

О наличии общего представления о неприкосновенности послов говорит также и то обстоятельство, что государство, в котором были подвергнуты оскорблению послы, обязано было выдать виновных или дать иное удовлетворение оскорбленному государству, а отказ в удовлетворении всюду считался поводом, оправдывающим войну. Так было и в древнем Китае, и в древней Греции, и в древнем Риме, притом во взаимоотношениях государств как родственных, так и резко отличных друг от друга по общественному и государственному строю, религии и культуре. [28] Так было и в вышеупомянутом случае нападения карфагенян на римских послов. «Это происшествие,— пишет Полибий,— послужило новым поводом к войне, более упорной и ожесточенной, чем прежняя. Почитая карфагенян нарушителями договора, римляне горели желанием смирить их». [29] Разумеется, такая реакция на нарушение обычая неприкосновенности послов определялась в первую очередь политическими соображениями; тот же Рим, в ряде других случаев, когда этого требовала политика, гораздо мягче реагировал на оскорбление его послов. [30]

---

[27] Полибий, цит. соч., т. II, стр. 448—449, 450—451, 452.

[28] Так, например, в приводившихся выше древних китайских текстах сообщается, что когда посол государства Па и сопровождавший его посол государства Чу, посланные в государство Тенг, были убиты с целью ограбления на южной окраине этого государства в городе Ю и государство Тенг не приняло протеста государя Чу, то оба оскорбленных государства послали свои войска в государство Тенг для осады города Ю (см. Roswell, op. cit., p. 624). По рассказу Корнелия Непота, когда (в 366 г. до н. э.) фиванские послы, отправленные к фессалийскому тирану Александру, были брошены им в тюрьму, то Фивы объявили Фессалии войну (см. Phillipson, op. cit., p. 330). Известно так же, что когда в 229 г. до н. э. римские послы, отправленные сенатом к иллирийскому царю Аргону для переговоров о прекращении морских разбоев, были убиты на обратном пути и Риму было отказано в выдаче убийц, то римляне объявили войну (см. Моммзен. История Рима, т. I, М., 1936, стр. 519—520). Известны и другие подобные случаи.

[29] Полибий, цит. соч., т. II, стр. 450.

[30] Так, например, когда (в 281 г. до н. э.) римские послы, отправленные в Тарент для мирного урегулирования конфликта, вызванного нападением тарентинцев на римский флот, стоявший на якоре в Таренте, подверглись оскорблению со стороны тарентинцев, то римский консул Луций Эмилий, хотя его армия уже вступила на тарентинскую территорию, предложил мир на прежних условиях. Причина столь примирительного отношения римлян к этому инциденту заключалась в том, что римский сенат был

Но можно считать более или менее бесспорным, что с точки зрения правовых представлений, общих многим народам древности, оскорбление послов рассматривалось как преступление, которое при отказе в удовлетворении оправдывало объявление войны.

Каково же было содержание дипломатического иммунитета в древнем мире? Иммунитет чужеземных послов сводился, главным образом, к их личной неприкосновенности. Едва ли можно согласиться с Филлипсоном в том, что в древности уже существовало понятие экстерриториальности, и что в силу этой идеи «послы были освобождены от гражданской юрисдикции, так же как и от уголовной».[31] В условиях, когда послы не имели постоянного проживания в иностранных государствах и прибывали туда на короткие сроки с определенной миссией, не было той реальной потребности, на почве которой могла бы возникнуть идея экстерриториальности или принцип освобождения посла от всякого действия местных законов и судов. Сам Филлипсон констатирует, что помещения послов не пользовались привилегией и не могли служить убежищем для преступников.[32] Послов избегали привлекать к суду и наказывать за преступления, но, вероятно, скорее из уважения к их неприкосновенности или достоинству, чем в силу особого принципа экстерриториальности или неподсудности послов. Случаи наказания чужеземного посла за преступление были крайне редки, но все же такие случаи имели место.[33] Известно также, что по римским законам посла можно было привести в суд даже за преступление, совершенное его рабами. В отношении же судебной ответственности по гражданским делам допускалось предъявление к послу

заинтересован, чтобы Тарент как можно дольше сохранял нейтралитет в предстоящей войне с Пирром, царем Эпирским (см. Моммзен, цит. соч., т. I, стр. 371). Или, когда в 147 г. до н. э. послы тогда уже всесильного Рима подверглись оскорблениям со стороны ахеян, то римский сенат, заинтересованный в улажении конфликта с Ахейским союзом, рекомендовал новому посольству, отправленному к ахеянам, соблюдать по поводу этого инцидента крайнюю умеренность. По словам Полибия, когда новые римские послы прибыли в Пелопоннес, «...то в переговорах с ахеянами в городе эгинян они в пространных и любезных речах обошли молчанием насилие над послами, как будто римляне придавали этому меньше значения, нежели сами ахеяне; в общих выражениях они только просили ахеян воздержаться от дальнейших ошибок относительно римлян, а равно и лакедемонян» (Полибий, цит. соч., т. III, стр. 319—320).

[31] Phillipson, op. cit., p. 337.

[32] Ibidem.

[33] Так, например, во время пребывания в Риме нумидийского царя Югурты (в 111 г. до н. э.) один из членов его свиты Бомилькар был привлечен к суду за убийство претендента на нумидийский престол внука Массиниссы Массива, но убийце удалось скрыться (см. Моммзен, цит. соч., т. II, 1937, стр. 139).

вещных исков (хотя с некоторыми ограничениями) и исков о возмещении вреда.[34]

С превращением римского государства в мировую державу, когда в Риме проживали многочисленные посольства, подвластных ему провинций и муниципий, сложилось правило, согласно которому иски к провинциальным и муниципальным легатам по контрактам, заключенным до прибытия в Рим, можно было предъявлять только у них на родине, по их возвращении.[35] Это так называемое jus domum revocandi было вызвано к жизни, помимо других причин, условиями весьма длительного пребывания в Риме указанных посольств, в течение которого легаты, естественно, могли не раз подвергнуться преследованиям со стороны своих прежних кредиторов. Но оно никак не может рассматриваться как относящееся к посольскому праву — хотя впоследствии многие поколения юристов трактовали его именно как дипломатический иммунитет от гражданской юрисдикции. Во-первых, jus domum revocandi представлялось не только легатам, но и ряду других лиц, приезжавших в Рим из провинций и муниципий; во-вторых, провинциальные и муниципальные легаты, по справедливому замечанию Филлипсона, «не были послами в собственном смысле слова, как это признается в международном праве, а были просто делегатами, которых посылали провинции и города с петициями к императору; они больше носили характер агентов связи, чем органов собственно дипломатии».[36] Представителей покоренных народов Рим не считал послами в собственном смысле слова и не признавал за ними обычных посольских привилегий,[37] которые он в то

---

[34] См. Phillipson, op. cit., p. 339—341.

[35] Данное правило сформулировано Ульпианом следующим образом: «Послы в отношении контрактов, заключенных ими до посольства... имеют право отозвания домой» (Digesta, L. V., 1 (De judiciis), 2, § 3, цит. изд. Corpus juris civilis, стр. 103).

[36] Phillipson, op. cit., p. 337.

[37] В качестве яркой иллюстрации резко различного отношения римлян к послам независимых и подвластных народов можно привести следующий любопытный эпизод, рассказанный Полибием: когда (в начале II в. до н. э.) этоляне решили «отдать себя под охрану римлян», они отправили к консулу Манию послов — Фенею и товарищей, которые должны были сообщить ему решение этоляи. Маний тотчас потребовал выдачи союзников этолян (начальника македонского флота Диксарха, афаманского царя Аминандра и др.) и отказа от права переправы в Азию, на что Фенея возразил, что эти требования несправедливы и противоречат обычаям эллинов. Тогда Маний «не столько потому, что был раздражен этими словами, сколько из желания привести Фенею к сознанию его положения», сказал: «И вы еще будете напоминать мне об эллинских обычаях, говорить о долге и приличии после того, как отдали себя под охрану римлян! Да если только захочу, я велю заковать всех вас в цепи и отвести в тюрьму». И он велел принести оковы и надеть на каждого из послов железный ошейник. Но

же самое время признавал за послами независимых от него восточных монархий, например Армении или Парфянского царства.

Во взаимоотношениях императорского Рима с этими монархиями происходит даже влияние восточных обычаев на римскую дипломатическую практику. «На содержании и формах дипломатической деятельности Поздней империи,— говорится в «Истории дипломатии»,— заметно сильное влияние восточных государств, в особенности Персии, и варварского мира».[38] Это влияние, соответствовавшее, впрочем, общему духу домината, отразилось и на содержании дипломатического иммунитета. Посол рассматривается, прежде всего, как лицо, олицетворяющее величие пославшего его властелина. В регламентации отправления, приема и положения послов первостепенное значение приобретают внешние знаки престижа и церемониальные права, которые в отношении каждого посла должны соответствовать силе и могуществу его государя. Уже на самых ранних порах сношений Рима с восточными монархиями возникают споры о первенстве государств и их послов.[39] Подобные споры продолжают возникать и в дальнейшем, причем случается, и чем дальше, тем чаще, что они решаются не в пользу Рима.[40] Эти новые особенности посольского права, появившиеся в императорском Риме, получили наиболее отчетливое выражение в Восточной Римской империи, откуда по преимуществу они и перешли в средние века.

сопровождавшие его трибуны отговорили его от этого, и он отпустил этолийских послов домой, дав им 10 дней для получения согласия народа на предъявленные им требования (см. Полибий, цит. соч., т. II, стр. 640—642).

[38] История дипломатии, т. I, стр. 17.

[39] Так, при первой же встрече римлян с парфянами, когда Сулла вступил в Каппадокию и достиг берегов Ефрата (в 92 г. до н. э.), вопрос о посольском престиже стал предметом острой и трагической борьбы. Уполномоченные каждой страны, т. е. Рима и Парфии, старались занять более почетное место, чтобы этим с самого начала подчеркнуть притязание своей державы на первенство и всемирное господство. Римлянам удалось одержать верх. Во время свидания Сулла, более дерзкий, чем парфянский посол, занял и удержал место рядом с царем Каппадокии, а парфянскому послу пришлось поместиться по другую сторону от Суллы. За это парфянский посол потом поплатился головой (см. Моммзен, цит. соч., т. II, стр. 232—263).

[40] Например, во время переговоров римских послов с царем Персии Хосровом (в VI в. н. э.), по описанию одного из послов Петра Патриция, сохранившемуся в изложении историка Менандра, римские послы были весьма далеки от притязаний на первенство. «Хосров на каждом шагу давал почувствовать силу своей и слабость римской державы: поэтому от римских послов требовалось много дипломатического искусства, чтобы «смягчить заносчивый нрав восточных варваров» (История дипломатии, т. I, стр. 81).

ЛАВА II

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В средние века возникают совершенно иные условия государственной и международной жизни; дипломатия и все ее институты вступают на новый путь развития. Однако традиции предшествующей исторической эпохи оказывают значительное влияние на дипломатическую практику, и это влияние, то в большей, то в меньшей степени, сказывается почти на всем протяжении средневековья. «Дипломатия периода средних веков,— говорится в «Истории дипломатии»,— отражала в своей деятельности последовательные этапы в развитии феодального государства. Сперва она служит интересам феодализирующихся варварских держав, которые сложились на развалинах бывшей Римской империи и в других частях Средней, Северной и Восточной Европы. После распада этих государств деятельность средневековой дипломатии определяется взаимоотношениями обособленных политических мирков, образовавшихся в процессе феодального раздробления Европы. Наконец, в связи с возникновением крупных феодально-абсолютистских монархий дипломатия средних веков становится орудием их объединительной политики». [1] На каждом из этих этапов институты как государственной, так и международной жизни, и в частности дипломатический иммунитет, отличаются существенными особенностями.

В период образования варварских государств в различных частях Европы (V—VIII вв.) происходят оживленные дипломатические сношения как между самими этими государствами, так и за пределами варварского мира. Наиболее крупными центрами международной жизни этого периода были Византия, Каролингская монархия и Арабский халифат. С X—XI века к ним прибавилась Киевская Русь. Их дипломатические связи простирались далеко на восток и на запад. [2] Несмотря на это, нельзя, однако, еще говорить о на-

[1] История дипломатии, т. I, стр. 89.

[2] Дипломатические связи Византии и Арабского халифата простирались на восток до Индии и Китая, на запад — до Атлантического океана. В столицу Каролингской монархии при Карле Великом — Аахен «отправлялись многочисленные посольства из Испании, Аравии, Англии, Дании и

личии всеобщих дипломатических связей, а скорее можно говорить об отдельных сферах международных отношений, связывающих тот или иной круг государств и отличающихся друг от друга как по содержанию, так и по формам. Элементом, в ряде случаев сближающим эти формы и придающим им некоторый характер общности, явилось влияние римской государственности.

Прежде всего, это влияние проявилось в варварских государствах, образовавшихся на развалинах Западной Римской империи. Еще со времени Цезаря и Августа варварские племена вступали во все более и более тесные сношения с Римом и в процессе этих сношений усваивали многие стороны римской культуры и государственности. После падения Западной Римской империи живыми проводниками римского влияния были римские государственные люди, находившиеся на службе варварских королей и прививавшие римские порядки и традиции в государственной жизни и, в частности, в дипломатии. Среди них особенно выделяется Кассиодор, состоявший на службе сначала у Одоакра, а затем у Теодориха; это, по выражению Хилла, «мастер всех имперских традиций», который сосредоточил в своих руках ведение внешних сношений остготского короля, создал целую систему союзов с соседними королевствами и благодаря которому «формы и обычаи старой римской канцелярии были восприняты и усвоены всеми этими королевствами».[3]

Другим источником римского влияния была Византия. Ее сложный дипломатический церемониал и детально разработанные формы дипломатических актов воспринимались самыми различными государствами, вступавшими с ней в сношения: и варварскими королевствами Западной и Восточной Европы, и в известной мере княжествами Киевской Руси, и арабскими халифатами Омейядов и Аббасидов. «Церемонии приема (послов.— *Д. Л.*) при готском дворе,— пишет Хилл,—

других стран для заключения союзов и получения советов императора» (D. Hill. A History of Diplomacy in the International Development of Europe. London, v. I, 1921, p. 120). О дипломатических сношениях варварских государств Западной Европы см. M. Flassen. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française ou de la politique de la France. Paris, 1911, t. I, p. 56—86. О дипломатических сношениях Киевской Руси см. Е. А. Коровин. История международного права. Пособие к лекциям. М., 1946, вып. I, а также Ф. Кожевников. Русское государство и международное право. М., 1947, гл. I, и А. Орлов. Владимир Мономах. М., 1946, гл. I и III.

[3] Hill, op. cit., v. I, p. 39. «Кассиодор,— пишет далее Хилл,— сохранил и передал формы верительных грамот, латинские формулы которых продолжали применяться, практически без изменения, на протяжении всего средневековья, и дал общий образец этих документов для всех последующих времен».

представляли собой подражание обычаям Византии, где были в моде большая пышность и сложные формальности, включавшие обмен дарами и другие восточные обычаи. Даже франкские и вестготские короли, как мы узнаём из случайных сообщений, старались воспроизводить этикет Константинополя».[4] Дипломатические обычаи Киевской Руси были самобытными и даже оказывали влияние на византийскую дипломатию, но и в свою очередь частично испытывали влияние последней. В договорах первых киевских князей с Византией довольно подробно регламентируются правила приема и содержания послов, на которые имел некоторое воздействие порядок, существовавший в Византии.[5] Арабское же государство Омейядов, как отмечается в «Истории дипломатии», «...в своей культуре, в методах управления, а также в приемах внешних сношений... находилось под сильным влиянием традиций Византии и отчасти сасанидского Ирана». И дальше: «...традиции византийской дипломатии и очень близкой к ней по приемам дипломатии сасанидского Ирана расцвели на Востоке пышным цветом».[6]

Важным источником римского влияния на дипломатическую практику Западной Европы являлась католическая церковь. Уже со времен папы Григория I (590—604) папская курия развивает большую дипломатическую деятельность. Папы содержали постоянных резидентов при константинопольском дворе, как с религиозными, так и с политическими функциями, и отправляли послов со специальными поручениями в Византию и в варварские королевства.[7] В этих сношениях они применяли многие традиции и приемы римского дипломатического обихода, которые затем воспринимались варварскими королевствами. Кроме того, посольства самих этих королевств составлялись большей частью из представителей католического духовенства, особенно высшего, которое являлось наиболее образованной частью тогдашнего общества и, как правильно заметил русский юрист и историк

[4] Ibidem, p. 40.

[5] Лешков, отмечая это воздействие, сильно, однако, его преувеличивает. Касаясь, например, договора Игоря с греками 945 г. и указывая, что из текста этого договора «должно заключить, что в это время послам выдавались уже верющие грамоты», он далее пишет: «До какой степени письменные формы тогдашней русской дипломатии были заимствованы у греков, видно из слов византийского двора, определяющего, в этом акте, самое содержание грамоты» (В. Лешков. Речь о древней русской дипломатии, М., 1947, стр. 15). На самом деле имело место не «заимствование», а некоторое — притом обоюдное — влияние византийского и русского права.

[6] История дипломатии, т. I, стр. 109 и 110.

[7] О различных видах и наименованиях папских послов, сохранившихся от средневековья до нашего времени см. Odier, op. cit., p. 451—453; там же об их функциях и правах, стр. 453—462.

В. Э. Грабарь, обладало теми свойствами, которые были необходимы для ведения дипломатических дел: эрудицией, риторикой, знанием латинского языка, ставшего уже в то время дипломатическим языком в Западной Европе, знанием истории и дипломатических и юридических формальностей.[8]

Вследствие всего вышеизложенного отдельные обычаи и формы римской дипломатической практики: церемониал приема и проводов посла, обмен дарами, верительные грамоты и пр. стали общими для многих государств раннего средневековья.

Наряду с другими обычаями был воспринят и обычай неприкосновенности послов. Римская традиция в этом вопросе передается как в практике внешних сношений, так и в сочинениях духовных писателей, являвшихся хранителями римской культуры. В «истории Франции» Григория Турского, написанной в VI веке и дающей сведения о праве посольства, договоров и войны, твердо защищается идея о том, что послы неприкосновенны. Можно, говорится там, отказаться принимать послов, но их особа все равно остается неприкосновенной. Те, кто оскорбляют послов, должны быть наказаны, хотя бы послы сами оказались виновными.[9] В написанном в первой половине VII века сочинении Исидора Севильского «Этимология» или «Начала», которым государственные люди средних веков пользовались в течение столетий, приводится известное определение «права народов», приписываемое Ульпиану и включающее положение о неприкосновенности послов.[10]

Но было бы неправильно думать, что представление о неприкосновенности послов перешло в различные государства раннего средневековья исключительно извне, от Рима, и было лишь пассивно воспринято ими. «Среди большей части варварских народов,— говорит Хилл, касаясь государств Западной и Центральной Европы,— неприкосновенность посланников, повидимому, была признана с самых ранних времен».[11] Вероятно, еще в сношениях племенных союзов и первых варварских государств, возникших на рубеже древних и средних веков, существовал обычай неприкосновенности герольдов или парламентеров, отправляемых для сообщения мирных предложений или для заключения мира, для переговоров о союзе и т. п. Чем больше развивались внешние связи и отправление посольств, тем больше росла потребность обеспе-

[8] V. Hrabar. Esquisse d'une histoire litteraire du droit international au Moyen âge du IV-e au XIII-e siècle. Paris, 1936, p. 12.
[9] См. Hrabar. Esquisse..., p. 14—15
[10] Ibidem, p. 23—24.
[11] Hill, op. cit., v. I, p. 39.

чить защиту этих посольств, установив на этот счет определенные правила. И, испытывая влияние римской традиции, варварские государства вносили в нее элементы своих прежних обычаев и особенности своего государственного быта. Из сочетания этих двух моментов и складывались у них правила посольского права.

Нарушения неприкосновенности послов карались в соответствии с обычаями, издавна существовавшими у варварских народов. За убийство посла полагался выкуп (вергельд), правда, выкуп особенно высоких размеров. Так, например, дополнение к «Салической правде» устанавливает за убийство посла выкуп в 1800 солидов (в три раза больший, чем за убийство королевского дружинника). Аналогичные наказания были установлены в законах аламанов, саксов, фризов и лангобардов.[12] Такая же мера наказания за убийство посла применялась не только у варварских народов, но и на Руси, где она даже обусловливалась в международных договорах.

Наряду с охраной неприкосновенности послов варварские «Правды» предусматривали обязанность населения содержать послов во время их путешествия через страну и налагали наказания за неисполнение этой обязанности. Так, например, по старым бургундским законам, послу на всем протяжении его пути должно предоставляться бесплатное помещение, а если потребуется, то и скот для питания (баран или другое животное) под угрозой штрафа в 6 солидов в случае отказа. Все лица, получающие дары от короля, должны содержать посла за свой счет в течение суток, а если они этого не делают, когда представляется надобность, то наказываются штрафом в 12 солидов. Аналогичным образом старые рипуарские законы налагают строгое наказание за отказ содержать посла, отправляющегося ко двору короля или обратно.[13] Обычай бесплатного содержания послов в пути, равно как и обычай неприкосновенности послов, существовал и у арабов, но эти обычаи получали у них иное обоснование и охранялись совершенно иными санкциями, в соответствии с особенностями их государственного быта и религии. В частности, неприкосновенность послов в арабских странах считалась основанной на личном обещании безопасности, выдаваемом халифом и прекращающемся со смертью его.[14]

[12] Ibidem, p. 39—40.

[13] Ibidem, p. 40.

[14] Указания на это встречаются еще в хронике Жуанвиля. «История святого Людовика», гл. LXXI (см. E. Nys. Les commencements de la diplomatie et le droit d'ambassade jusqu'à Grotius. Revue de droit international et de législation comparée, t. XVI, 1884, p. 169—170) и в других источниках. А в трактате Сиасет-Намэ Низам-уль-Мулька (XI в.), содер-

Конечно, и сами государства нарушали неприкосновенность послов. Например, остготский король Теодат посадил в тюрьму послов Юстиниана, а в ответ на это последний арестовал находившихся при его дворе остготских послов. Но неприкосновенность послов, каковы бы ни были особенности этого обычая в различных странах, широко признается повсюду уже на самых первых стадиях образования средневековых государств. Когда Аттиле рассказали, что один из прибывших к нему послов императора Феодосия II готовит против него заговор, то Аттила заявил этому послу, что его следовало бы посадить на кол и бросить на расклевание птицам, если бы этим не нарушались права посольства; несмотря на сильный гнев, он не решился подвергнуть его казни.[15]

Таким образом, оживленные дипломатические сношения раннего средневековья обусловили существование ряда международных норм дипломатического иммунитета, к числу которых в первую очередь относятся: личная неприкосновенность послов и право их на бесплатное содержание в пути, а также в том месте, куда они прибыли для выполнения своей миссии.

В период феодальной раздробленности, когда большая часть Западной и Восточной Европы распалась на множество обособленных сеньериальных владений, объединяемых лишь весьма непрочными узами феодальной иерархии (IX—XII вв.) прежние оживленные дипломатические связи прекращаются. Самое понятие международных отношений изменяет свой характер, поскольку, как говорится в «Истории дипломатии», «...в сущности терялась всякая граница между государством и частным владением, между публичным и частным правом, между внутренними отношениями и международными... При крайней феодальной раздробленности, при множестве мелких границ, деливших Европу, стирались рубежи между крупными государствами. Многие феодалы владели землями в разных государствах — во Франции и в Германии, в Германии и Италии — и были вассалами нескольких государей. Понятие сеньерии вытесняет понятие государства».[16]

Некоторое объединяющее начало в этот конгломерат мно-

жащем главы, посвященные посольскому делу у арабов, говорится, что послов нужно провожать и в дороге давать им кров и продовольствие; их не следует оскорблять даже если они — представители враждебной державы, ибо в Коране сказано: «На посланнике только одна обязанность — верная передача» (см. История дипломатии, т. I, стр. 110).

[15] См. История дипломатии, т. I, стр. 95. Подробный рассказ об этом инциденте приводится у M. Redlich. The Law of Nations, 2 ed., 1937, p. 218—221.

[16] История дипломатии, т. I, стр. 118.

гочисленных и разнообразных политических тел, если говорить о Западной Европе, пыталась вносить католическая церковь, которая претендует на высшую власть над всеми христианскими государствами и в XI веке становится серьезным международным фактором. Роль церкви в международных отношениях значительно усиливается. Со времени папы Григория VII и в особенности при папе Иннокентии III весьма широко производится посылка папских легатов во владения крупнейших феодальных сеньеров, а последние, в свою очередь, посылают в Рим так называемых «послов повиновения» или же «прокураторов», которые подолгу задерживаются там для повседневной защиты перед курией интересов своих государей. Эти сношения вряд ли можно назвать дипломатическими в собственном смысле слова, ибо папские легаты являлись представителями высшей церковной власти на местах, своего рода «вице-папами» — по выражению некоторых писателей, а «послы повиновения» и «прокураторы» посылались в Рим в знак подчинения их государей папской власти. Однако посольства, которыми обменивалась римская курия с феодальными королями и герцогами, оказали несомненное влияние на формы посольского дела в Западной Европе в последующие столетия, при переходе от временных посольств к постоянным.

Кроме того, в период феодальной раздробленности еще больше, чем прежде, выросла роль духовенства во взаимных сношениях государей. Их посольства составляются большей частью из духовных лиц, которые, кроме того что обладают необходимыми для этого знаниями и искусством,[17] сообщают дипломатическим сношениям совершенно неотъемлемую в это время религиозную санкцию: приводят государей, к коим они посланы, к присяге, скрепляют клятвами заключаемые договоры и т. д. Правда, в условиях значительной разобщенности феодальных государств, политической анархии и непрекращающихся частных войн такие посольства отправляются не столь часто (сравнительно чаще имеют место непосредственные встречи феодалов), но все же посольский институт не прекращает своего существования, хотя и не получает широкого применения. Иначе было на Руси, где довольно интенсивные междукняжеские сношения в удельный период дали толчок для развития посольского дела. Но здесь также

[17] Объясняя возросшую роль духовенства в государственных делах, В. Э. Грабарь отмечает, что именно духовенство «часто должно рыться в глубине государственных архивов и анналов, чтобы найти необходимые документы и аргументы для защиты дела», и что поэтому представители высшего духовенства ставятся во главе государственных канцелярий и посольств (H r a b a r, op. cit., p. 30).

посольства составлялись в значительном числе случаев из духовных лиц.[18]

Каково же в этот период международно-правовое положение послов? При господстве кулачного права и существовании множества феодальных обычаев, делающих чужеземца объектом всяческого произвола,[19] чужеземные послы не могли не подвергаться опасностям, как по прибытии на место, так и в особенности во время путешествия. Однако отсутствие широких дипломатических связей ослабляло потребность в единых международных нормах посольского права и, в частности, посольского иммунитета. Несмотря на то, что такие нормы уже сложились в предшествующий период, теперь послы феодальных государей пользуются неприкосновенностью больше из уважения к их духовному сану, чем в силу признания и соблюдения общих для всех народов дипломатических обычаев. Это обстоятельство наложило отпечаток и на нормы, и на практику дипломатического иммунитета. Неприкосновенность посла обычно сопоставляется с неприкосновенностью священника и других лиц, состоящих под покровительством церкви. «Личность послов,— говорит Б. Беренс, имея в виду представления, зародившиеся в этот период,— является священной и неприкосновенной. Папы принимают их вместе с женщинами, клириками и пилигримами под свое специальное покровительство. Всякий, кто нападает на посла, совершает святотатство».[20] Аналогичное

---

[18] Лешков следующим образом характеризует посольское дело на Руси в это время: «Преимущественные сношения Руси в Удельный период имели место между ее князьями. Княжеские сношения... производились посредством личных переговоров, при личных свиданиях, на съездах и сонмах княжеских.— Несмотря на то, или даже вследствие того, посольское право все более и более развивалось в это время. Частые личные свидания князей скорее помогли этому развитию, служа образцом для форм посольства и началом для установления посольского права и посольских обычаев того времени». «По свойству сношений, послом могли быть родственники князя — братья,— дети;— и особенно духовные лица, которые, зная писать и читать, умели и растолковать смысл клятвы или роты, и значение крестного целования» (Лешков, цит. соч., стр. 33, 35). О функциях послов, касающихся религиозного освящения междукняжеских договоров на Руси, см. также Историю дипломатии, т. I, стр. 126—127.

[19] Среди этих обычаев особенную известность получила, например, конфискация имущества умершего иностранца или береговое право, при осуществлении которого потерпевших кораблекрушение чужеземцев нередко убивали или обращали в рабство; в некоторых странах существовало право закрепощения всех чужеземцев, прибывших в страну без разрешения и пробывших в ней в течение года и дня. Только на Руси было иное положение: там не существовало ни права конфискации имущества после смерти иностранца, ни берегового права, а по некоторым международным договорам чужеземцы даже уравнивались в правах с местными жителями (см. Иванов, цит. соч., стр. 97—98, 112—133).

[20] B. Behrens. Treatises on the Ambassador Written in the Fifteenth and

представление мы встречаем и на Руси, хотя посольское право получило здесь в это время более широкое и более самостоятельное от религии развитие, и неприкосновенность послов специально гарантируется в международных договорах. «Оскорбление, нанесенное послу частным лицом,— замечает Лешков,— подвергало виновного наказанию; в таком случае пеня за бесчестие посла уравнивается с пеней за оскорбление священника и высшего лица правительственного, а именно: пеня тут з а д в у ч е л о в е к. Так посол делается лицом неприкосновенным в глазах правительственной власти и священным — в глазах народа».[21] Вследствие вышеуказанного же обстоятельства нарушения неприкосновенности послов происходят сравнительно чаще в сношениях с нехристианскими государствами, чем во взаимоотношениях христианских государств между собой.[22] Главным источником, из которого черпались доктрины, аргументы и прецеденты для обоснования тех или иных международных актов или обычаев, в том числе и обычая неприкосновенности послов, является Библия.

Однако нельзя сказать, что влияние римских традиций на международные отношения окончательно замирает. Эти традиции поддерживаются, хотя они уже не играют прежней роли в государственной и международной жизни и находятся глубоко под спудом новых идеологических наслоений. Именно в этот период в Западной Европе начинается развитие канонического права, первые зародыши которого мы встречаем в конце IV века. Как указывает В. Э. Грабарь, хорошо исследовавший влияние канонического права на международно-правовые доктрины, с падением Западной Римской империи церковь остается единственной хранительницей римского права в Западной Европе, но это не было чистое римское право, а наряду с нормами из Кодекса Юстиниана оно включало нормы, созданные решениями соборов и декреталиями пап. С конца X века предпринимаются одна за другой попытки объединения разрозненных положений кано-

---

Early Sixteenth Centuries. The English Historical Review, v. LI (1936), No 204, p. 623.

[21] Л е ш к о в, цит. соч., стр. 35—36. Лешков приводит, в частности, следующее постановление из договора Новгорода с немецкими городами: «...ежели, чего боже сохрани, убьет кто священника, старейшину или посла, то убийца платит двойную виру» (т а м ж е, стр. 36, примеч. 1).

[22] Так было и на Руси, где сравнительно чаще нарушалась неприкосновенность половецких и, позднее, татарских послов, чем послов русских княжеств, и где при сношениях с половцами и татарами гораздо шире применялся институт заложничества в качестве гарантии выполнения договора, в дополнение к религиозным санкциям. О случаях этого рода см. Л е ш к о в, цит. соч., стр. 35; История дипломатии, т. I, стр. 125—126, 127—128.

нического права в единое целое и появляется целая серия сборников.[23]

В середине XII века появился сборник канониста Грациана «Согласование несогласных канонов», известный под названием «декрета Грациана» и являющийся важнейшим памятником канонического права. В нем содержится упоминавшееся выше определение «права народов», приписываемое Ульпиану и встречавшееся уже у Исидора Севильского, а среди других положений этого определения и положение о неприкосновенности послов — Legatorum non violandorum religio. Но в декрете Грациана, появившемся более пяти веков спустя после сочинения Исидора Севильского, чувствуется наслоение новых представлений. В другом месте декрета говорится, что виновные в оскорблении послов, так же как и виновные в оскорблении священников, монахов, женщин и бедняков, подлежат отлучению от церкви,[24] т. е. проводится типичное для данного периода сопоставление неприкосновенности послов с неприкосновенностью клириков и других лиц, состоящих под особым покровительством церкви. Декрет Грациана изучался и комментировался в Болонье целыми поколениями так называемых декретистов, или канонистов, он был канонизирован папами и получил силу церковного закона. Положения декрета о неприкосновенности послов не остались без влияния и на практику международных отношений. Но это уже впоследствии, когда сама международная жизнь усиливает потребность в посольствах и в юридической регламентации посольского дела.

В период же феодальной раздробленности, когда отношения феодальной иерархии, охватывавшие большую часть Европы, значительная обособленность отдельных государств и владений и непрерывные войны между феодалами оставляли мало места для дипломатических сношений в подлинном смысле слова, институт посольства и нормы посольского права, в том числе и нормы, касающиеся иммунитета послов, вообще не могли получить большого развития. Зато в это время можно говорить о более или менее заметном развитии другого института — парламентеров или герольдов, которых феодальные сеньеры отправляют для объявления войны и заключения мира и которые в отношении личной неприкосновенности приравниваются к священной особе посла. Неприкосновенность герольдов признается у самых различных народов как в христианской Европе, так и за ее

---

[23] См. Hrabar, op. cit., p. 60, 61.

[24] См. E. Nys. Les origines du droit international. Bruxelles — Paris, 1894, p. 339.

пределами,[25] и соблюдается даже и при отсутствии религиозной общности между странами. Во время крестовых походов, несмотря на обоюдные жестокости воюющих сторон, в целом ряде дошедших до нас случаев герольды крестоносцев и герольды сарацин, прибывшие в неприятельский лагерь, пользовались полной неприкосновенностью.[26] Встречается даже фиксация правила о неприкосновенности герольдов в писанных нормах. Например, «Лагерные законы» Фридриха Барбароссы содержат специальное постановление о неприкосновенности неприятельского всадника, приближающегося к лагерю не на боевой лошади и с белым флагом.[27] Правда, все подобные нормы больше относятся к законам ведения войны, чем к посольскому праву. Но ведь и внешние сношения этого периода в значительной своей части связаны с вопросами войны и мира.

На протяжении XIII, XIV и XV столетий среди продолжающейся феодальной раздробленности развивается тенденция к образованию крупных феодальных монархий. «В Англии, во Франции, в Испании, с Северо-восточной Руси постепенно укреплялась феодальная монархия, по мере роста экономических связей и, отчасти, под ударами внешних военных сил объединявшая разрозненные феодальные области. Перед монархической властью в складывающихся национальных государствах Европы стояли сложные задачи как внутренней, так и международной политики. Для разрешения этих задач феодальным монархам приходилось вырабатывать свои приемы войны и дипломатии».[28] В ходе борьбы за объединение и расширение государственной территории, за защиту ее от нападений извне, за политическое и торговое преобладание создаются многочисленные союзы и коалиции, а в связи с этим сильно оживляются дипломатические сношения. Посольства из эпизодических и кратковременных становятся все более частыми и длительными.

Раньше всего это началось в городах государствах северной Италии, которые, ведя ожесточенное политическое и экономическое соперничество как между собой, так и с другими государствами, очень рано создали разветвленную и хорошо организованную дипломатическую службу. Так, например,

---

[25] Так, например, у арабов, по словам Уокера, даже герольды, прибывавшие для объявления войны, принимались с почестями и дарами; им выдавались особые пропуска, которые гарантировали им беспрепятственный проход туда и обратно, и они отпускались с подарками (см. Walker, op. cit., v. I, p. 115).

[26] См. Nys, op. cit., p. 340.

[27] См. М. Таубе. История зарождения современного международного права (средние века), т. II, СПб., 1899, стр. 236.

[28] История дипломатии, т. I, стр. 144.

Венеция, начиная с XIII века, посылает во многие государства официальных представителей и неофициальных агентов, подробно регламентирует деятельность своих послов в законодательстве [29] и удлиняет продолжительность их пребывания за границей. [30] Затем такое же явление происходит и в феодальных монархиях Западной Европы. Во Франции уже при Филиппе IV Красивом (1285—1313) отправляются частые посольства в различные государства и вырабатываются новые формы официальных дипломатических сношений, а полтора столетия спустя Людовик XI создает дипломатическую службу по итальянскому образцу и старается не только максимально увеличить число своих посольств за границей, но и сделать их как можно более длительными, фактически превратить их из временных в постоянные. Государства, поддерживающие с ним сношения, волей-неволей следуют его примеру. [31] Вообще в XV веке весь процесс роста дипломатических связей и обмена посольствами широко развился в Европе. «Необходимость присоединения к союзам или приобретения союзников для нападения или защиты,— говорит Б. Беренс, касаясь этого века,— предстала перед всеми государствами, за исключением тех, кто мог или хотел вести политику изоляции, а результатом и выражением этой необходимости явилось множество дипломатических миссий. Дипломатия приобретает значение, которого она никогда не имела прежде, и посол становится фигурой, хорошо знакомой при каждом дворе». [32]

Наряду с частным обменом посольствами начинают изредка созываться дипломатические конгрессы, носящие, в отличие от духовных соборов, светский характер. Это так называемые, «journées» или «Tag», на которых присутствуют представители папы и послы государей, а иногда и сами государи. Известны, например, конгрессы в Тарасконе (1291), в Данциге (1366), под Велюной (1416, 1418, 1420), в Луцке (1429), в Аррасе (1435) и др. [33]

---

[29] На протяжении XIII в. в Венеции несколько раз издавались законы относительно послов: о поведении их за границей, о порядке представления ими отчетов по возвращении на родину и т. д. Такие законы были изданы в 1236, в 1288 и в 1296 гг. (см. Nys, op. cit., p. 298, 299).

[30] Если в XIII в. максимальный срок пребывания венецианских послов при одном и том же иностранном дворе был установлен не более, чем три или четыре месяца, то в XV в. он удлиняется до двух лет. Позднее послу было запрещено покидать свой пост до прибытия его преемника (ibidem).

[31] См. Hill, op. cit., v. II, 1924, p. 151—153, 155 and f.

[32] Behrens, op. cit., p. 616.

[33] Подробное описание двух последних конгрессов — в Луцке и в Аррасе — см. у Таубе, цит. соч., стр. 51—108. Там же приведены даты и краткие описания некоторых других конгрессов.

Оживление дипломатических сношений и возросшее значение посольств в государственной жизни вызывало потребность в развитии посольского права и, в частности, норм, относящихся к дипломатическому иммунитету; тем более, что в условиях далеко еще не изжитой феодальной анархии и феодального произвола послы за границей попрежнему могли подвергаться большой опасности, которая теперь лишь усилилась на почве острой военной и дипломатической борьбы складывающихся феодальных монархий. Даже свидания государей, случалось, заканчивались убийством одного из партнеров, и государи иной раз предпочитали вести переговоры в подлинном смысле через железную решетку.[34] Почему же послы должны были чувствовать себя в большей безопасности? Вплоть до XVI века встречаются случаи, когда послы двух соседних государств из предосторожности сходятся для ведения переговоров на границе, в сопровождении вооруженных отрядов.[35] Подобное положение вещей, разумеется, лишь усиливало отмеченную выше потребность в нормах посольского права, относящихся к дипломатическому иммунитету.

Большое влияние на развитие посольского права оказали и внутригосударственные изменения. В борьбе с крупными феодалами и с папством королевская власть стремится утвердить свою полную гегемонию как во внутренней, так и во внешней политике. Уже в XIII веке проявляются первые зародыши идеи государственного суверенитета.[36] В области

---

[34] Известен, например, случай убийства герцога Бургундского дофином Карлом (будущим королем Карлом VII) во время их свидания на мосту Монтро в 1419 г., или случай, когда при свидании короля Людовика XI с герцогом Гиенны в 1469 г. оба государя отделялись друг от друга железной решеткой (подобного рода факты см. у R. Mauldela Clavière. La Diplomatie en temps de Machiavel. Paris, 1892, t. I, p. 259; Flassan, op. cit., t. I, p. 194, 227 et s.).

[35] Так, например, в 70-х и 80-х годах XVI века шведский король упорно не соглашался отправить своих послов в Москву и предлагал, чтобы они встречались с московскими послами на границе, в сопровождении одинаковой по числу с каждой стороны вооруженной свиты. Напротив, Иван IV требовал прибытия шведских послов в Москву. Споры тянулись месяцами и даже годами, и в течение этого времени шведские и московские послы несколько раз съезжались на границе, например, на реке Сестре в 1575 г., два раза у впадения реки Плюсы в Нарву в 1583 г., и пр. (см. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.), ч. IV, М., 1902, стр. 125, 126, 127, 128).

[36] По мнению В. Э. Грабаря, доктрина суверенитета берет истоки из декреталий папы Иннокентия III (1198—1216) «Per venerabilem», в которой впервые встречается формула superiorem non recognoscens, а для обозначения зависимости применяются термины censuale или sub protectionem. В это же время антагонист папы император Фридрих II Гогенштауфен (1190—1250) защищает идею независимости государств и их госуда-

внешней политики королевская власть стремится сосредоточить ведение дипломатических сношений исключительно в своих руках и лишить крупных феодалов самостоятельного права посольства. Эта тенденция особенно заметна в деятельности Людовика XI, а на Руси — в деятельности великих князей владимирских, а затем московских, вплоть до Ивана III.[37] В XV веке римская курия признает уже право посольства только за независимыми государями, если папа не делает исключения; по словам писателя Бернарда де Розерия, отображающим практику в Риме, это право принадлежит только великим государям — maiores, natu principes seculi.[38] Послы выступают как представители своего государя, олицетворяющие за границей его особу.[39] Зарождается идея представительного характера посла, прообразом для

рей. Он говорит об обществе светских государей — corpus saecularium principium, которое должно под гегемонией императора представлять идеальную империю, и призывает к солидарности интересов, угрожаемых папством (см. Hrabar, op. cit., p. 51—52, 54). А в конце XIII в. Бомануар в «Кутюмах Бовези» хотя и соглашается, что каждый барон есть король в своей баронии, но в то же время пишет, что король «есть суверен над всеми...» (см. Таубе, цит. соч., т. I, СПб., 1894, стр. 316).

[37] О Людовике XI Хилл в связи с этим пишет: «Решившись в этой (дипломатической.— *Д. Л.*), как и в других областях сломить независимость своих вассалов, Людовик XI требовал от герцога Орлеанского формальной присяги не вступать самому в союз ни с каким государем против его наследника. Отныне не упускалась никакая возможность, чтобы сделать дипломатическую деятельность монополией монарха и не признавать права посольства за могущественными вассалами» (Hill, op. cit., v. II, p. 155). На Руси во время татаро-монгольского ига князья соперничали друг с другом в усилиях укрепить свои дипломатические позиции в Орде, но положение стало меняться после того, как начался процесс государственного объединения Северо-восточной Руси. «Великие князья владимирские и «всея Руси»,— говорится в «Истории дипломатии»,— стремились сосредоточить в своих руках все сношения с Ордой и не допускать самостоятельных выступлений других князей или, по крайней мере, контролировать эти сношения: «Орду знати тобе, великому князю, а мне Орды не знати»,— обязывался князь боровский Василий Ярославич в договоре с великим князем Василием Темным. Наоборот, тот же Василий Темный должен был предоставить великому князю тверскому Борису Александровичу «к царю путь чист» (История дипломатии, т. I, стр. 131—132). Борьбу за монополизацию дипломатических сношений упорно вели великие князья московские, и эта борьба более или менее окончательно завершается при Иване III. «Послы,— говорит о Московской Руси этого времени Лешков,— ощутительно делаются здесь лицами государственными, правительственными. Только государь может посылать посольства, и сообщать послам своими государственными актами дипломатический характер» (Лешков, цит. соч., стр. 84).

[38] См. Behrens, op. cit., p. 619.

[39] Такой взгляд на посла устанавливается как в Западной Европе, так, и вполне самостоятельно, и на Руси. В российских официальных актах времен Ивана III мы, например, читаем: «Всякий посол речи говорит и лицо носит своего государя». «Посему послам дают государи руку и сажают их в своем присутствии» (см. Лешков, цит. соч., стр. 86, прим. 5).

которой на Западе служит римская идея представительства, как она сложилась в императорском Риме. Правда, вначале эта идея не носит того универсального и абстрактного характера, какой она получила в последующем развитии международного права, а выражается в более конкретно ощутимой форме, а именно в том, что положение каждого посла должно отражать власть и могущество его государя. «Теория посла как представителя,— говорит Беренс,— выступала не столько в юридическом и абстрактном, сколько в персональном аспекте. Положение посла в качестве посла едва ли так сильно задевало его как необходимость для любого носителя службы отражать в своем личном статусе, снаряжении и даже одежде большую или меньшую важность того, кто его посылает, и его миссии». [40] Тем не менее, идея представительного характера посла начинает занимать весьма важное место в определении и обосновании его международно-правового положения.

С другой стороны, королевская власть в своей внутренней и внешней политике опирается на новые кадры государственных деятелей. Среди них видное место занимают юристы: доктора римского и канонического права. «В государственных делах,— отмечает В. Э. Грабарь,— теологи заменялись юристами из Болонской школы и других школ права. Юристы стали доверенными людьми государей, помогая им в борьбе с феодализмом, церковью и империей». [41] Падает роль духовенства в государственной жизни вообще и в дипломатии. Представители духовенства попрежнему еще входят в состав посольств, поскольку заключение соглашений сопровождается религиозными обрядностями, но посольства составляются теперь главным образом из светской феодальной знати и из легистов. Вся дипломатия и все посольское право в целом приобретают более светский характер. Положения о неприкосновенности послов еще формулируются в папских декреталиях, которые дополняют декрет Грациана, а в XIV веке сводятся вместе с этим декретом в Corpus Juris Canonici. Но охрану иностранных послов берет на себя, прежде всего, королевская власть, заинтересованная в поддержании дипломатических сношений и монополизирующая все государственные функции. Лица, виновные в насилии над послом, подвергаются не только отлучению от церкви, но и выдаче оскорбленному государству или же иному суровому

[40] Behrens, op. cit., p. 620.

[41] Hrabar, op. cit., p. 56. Грабарь приводит любопытные слова анналиста Матье из Парижа; рассказывая о том, что король Генрих III послал в Рим одного из своих легистов, Матье прибавляет: «...которых он содержал огромную банду, как охотник охотничьих собак».

наказанию. Это уже мера, осуществляемая исключительно светской властью, независимо от мер, осуществляемых церковью.

Постановления, касающиеся международно-правового положения послов, включаются во внутреннее законодательство. Крупнейшим памятником такого законодательства является испанский кодекс Las Siete Partidas, составленный между 1256 и 1265 гг. при кастильском короле Альфонсе X Ученом, но получивший обязательную силу в 1348 г. О послах в нем говорится: «Ко двору короля часто прибывают посланники из страны мавров или из других стран, и, хотя они могут прибыть из страны неприятеля или по его приказу, мы обращаемся с ними, как подобает, и мы указываем, что каждый посланник, прибывающий в нашу страну, христианин ли, мавр или еврей, должен прибыть и следовать в полной безопасности через все наши владения и мы запрещаем кому бы то ни было чинить над ним насилие, неправду, делать ему вред или наносить ущерб его имуществу». Затем закон гласит: «Более того, мы предписываем, что хотя посланник, прибывающий в нашу страну, может иметь долги по отношению к какому-либо человеку в наших владениях, которые заключены им до его прибытия на свой пост, он не должен быть за них арестован или доставлен в суд. Но если он не захочет платить долги, заключенные им в нашей стране после его прибытия на свой пост, к нему может быть предъявлен иск, и он может быть принужден к уплате этих долгов решением суда».[42] Не трудно видеть, что во второй части этого закона воспроизводится известное положение римского права относительно так называемого jus domum revocandi, применявшееся в древнем Риме к провинциальным и муниципальным легатам. Но закон интересен также и в том отношении, что он гарантирует послам не только личную неприкосновенность, но и неподсудность за долги. Далее в нем подробно говорится о пропуске для послов, об освобождении их вещей от таможенного обложения и т. д. Помимо включения постановлений о послах в общие кодексы законов, издается множество отдельных распоряжений, относящихся к посольскому праву. Так, например, во Франции при Людовике XI ордонансы короля детально регламентируют режим иностранных послов и даже дипломатических курьеров, предусматривая и в отношении последних свободу от ареста, обыска и осмотра.[43] На Руси положение послов и их свиты

[42] Las Siete Partidas, transl. by S. P. Scott, Chicago, 1931, p. 1441; приводится у Ogdon, op. cit., p. 46.

[43] См. Hill, op. cit., v. II, p. 156.

регламентировалось как во внутригосударственных актах, так и в международных договорах.[44]

Несколько повышается интерес к вопросам посольского права и в литературе. Во времени это совпадает с усиленной разработкой римского и канонического права, которое теперь уже оказывает большое влияние на государственную практику. Продолжается комментирование декрета Грациана. По поводу положения декрета о неприкосновенности послов в глоссах обычно указывается, что послы должны следовать всюду в полной безопасности, что оскорбление посла есть оскорбление его государя и что, кроме того, оно является святотатством, которое подвергает виновного отлучению от церкви. В XIII веке появляется первый специальный трактат о посольствах — сочинение канониста Гильома Дюрана — Speculum Legatorum.[45] Наряду с этим, рассуждение о посольском праве встречаются в сочинениях теологов и в светской литературе, причем и там и тут повторяются те же общие положения, что и в рассуждениях канонистов. Например, в трактате философа и теолога XIII века Брунетто Латини Li Livres dou Tresor или «Рождение всех вещей», мы читаем: «Что касается послов чужих стран, прибывающих для каких-либо дел, которые касаются той или иной страны, то государь, несомненно, должен смотреть на них доброжелательно, оказывать им честь и хорошо принимать их».[46] А в получившей широкую известность «Книге о военных и рыцарских делах», написанной в XV веке Кристиной Пизанской, дочерью придворного врача, о послах говорится: «Послы и легаты всюду должны следовать в безопасности со своим имуществом, и когда они направляются к королю, то ни один из его людей не вправе чинить им препятствия». «Если кто-либо чинит препятствие миссии посланника, то по религиозному закону он подлежит отлучению от церкви, а по светскому закону — выдаче неприятелю, который может обратить его в рабство».[47] В XV веке появился также новый специальный трактат о посольствах — сочинение Мартина Лоди, De legatis maxime principum; в нем были собраны извлечения из канонических писателей. Однако во всех на-

---

[44] Неоднократные ссылки на эти документы см. у Лешкова, цит. соч., стр. 58, 86 и др.

[45] Это сочинение посвящено главным образом правам и обязанностям папских легатов, но в первых параграфах касается и общих принципов посольского права: «§ 1. Кто является послом и как его надлежит трактовать? § 2. Как он назначается? § 3. Какие имеются роды и виды послов. § 4. Какова их власть или как кончается юрисдикция» (см. Hrabar, op. cit., p. 76).

[46] Ibidem, p. 94.

[47] Nys, op. cit., p 339—340.

званных выше сочинениях по вопросам посольского права имеются только фрагменты. Более полная и систематическая разработка вопросов посольского права начинается в последующих столетиях.

Каково содержание дипломатического иммунитета в средние века? Прежде всего, нужно иметь в виду, что дипломатические сношения носили больше эпизодический, чем постоянный характер, и посол являлся лицом, которое посылается в иностранное государство ad hoc, для выполнения определенного дипломатического поручения, а не для постоянного пребывания в нем. Это обстоятельство имеет непосредственное значение для содержания дипломатического иммунитета. Иммунитет сводится, главным образом, к личной неприкосновенности посла — к охране его безопасности в пути и в месте его временной миссии, а также к ряду льгот (содержание за счет государства, в которое он прибыл, освобождение от налогов и пр.) и к некоторым церемониальным правам, символизирующим уважение к пославшему его государю. Если не считать папских легатов, которые пользовались не только неприкосновенностью и льготами, но и правами, вытекавшими из церковной власти, и статус которых не может считаться типичным для всей дипломатии средних веков, то посол не обладал никакими другими привилегиями, как бы ни отличался его статус в отдельных государствах. Например, в Московской Руси, по краткому определению В. Лешкова, «права послов состояли в праве представлять собою особу государя, в праве безопасности и свободы от пошлин и в праве требовать содержание». [48]

Вопрос о неподсудности послов, вообще об изъятии их из сферы действия местной власти, не получил отчетливого отражения в международных нормах посольского права, так как он еще не был выдвинут достаточно настойчиво потребностями жизни. Случаи задержания и ареста послов за те или иные провинности, очевидно, не были единичными, и едва ли они считались нарушением дипломатического иммунитета. Писатель XVI века Браун, отражая практику и воззрения средних веков, не только констатирует, что право неприкосновенности послов «часто нарушалось великими государями и князьями», но и указывает, что по «праву народов» посол теряет эту привилегию, если он злоупотребляет своей властью, например, говоря ложь, и что он даже может быть убит на законном основании по ряду поводов, как-то: за оскорбление чести супруга или достоинства короля. [49]

---

[48] Лешков, цит. соч., стр. 86.
[49] См. Behrens, op. cit., p. 623—624.

По мере того как посольства становятся все более частыми и длительными, возникают новые вопросы о правовом положении послов, требующие практического разрешения. Однако ни практика, ни теория средних веков не выработала по этим вопросам общепризнанных международных норм. Б. Беренс, отмечая, что по средневековым представлениям послы признаются священными и неприкосновенными, а виновные в оскорблении послов подлежат отлучению от церкви и выдаче тому государству, чьи послы были оскорблены, далее говорит: «Теория XV и начала XVI столетий, очевидно, не выходит за пределы этих элементарных принципов. Столь элементарная теория оставляет непредусмотренными много случаев. Например, в Риме посол, который является также и клириком, может подпасть под действие папской юрисдикции в качестве служителя церкви. Может ли он подчиняться обычному судопроизводству? Папы, очевидно, считали, что может. Положение слуг посла, его переписка, его долги или наемное жилье — эти вопросы теоретически даже и не пытаются разбирать, а из практики того времени ясно, что существовало множество различных взглядов на них». [50] Ответа на эти вопросы обыкновенно ищут в римском праве. Мы видели, например, что Испанские партиды воспроизводят положение римского права относительно ответственности легатов за долги. Но постановления испанского кодекса еще нельзя считать общепризнанными в то время международно-правовыми нормами.

Лишь со второй половины XV века жизнь настойчиво требует установления общепризнанных международно-правовых норм по всем этим вопросам. Это, прежде всего, было обусловлено тем, что временные посольства начинают превращаться в постоянные. Раньше других, еще в середине XV века, постоянными посольствами обмениваются между собой итальянские государства. [51] Через некоторое время они

---

[50] Behrens, op. cit., p. 623.

[51] В 1446 г. миланский кондотьер Франческо Сфорца, ища поддержки других итальянских государств в борьбе за власть, отправил Никодима де Понтерелли в качестве постоянного резидента к Козимо Медичи во Флоренцию. После того как в 1450 г. Сфорца стал герцогом Милана, этот агент кондотьера сделался как бы постоянным послом. «Если это так,— пишет Хилл,— то постоянное дипломатическое представительство ведет свое начало от Никодима, и установление его датируется в Италии около 1450 г.». (Hill, op. cit., v. II, p. 154). В 1455 г. Сфорца назначил постоянного представителя в Геную, и в то же примерно время Флоренция послала постоянного представителя в Милан. Вскоре Милан, Венеция и Флоренция обмениваются друг с другом постоянными посольствами. В 1460 г. герцог Савойский назначает протодиакона Юзебио Маргария своим постоянным представителем при папской курии в Риме и т. д. (см. Hill, op. cit., v. II, p. 154; Nys, op. cit., p. 312—313; O. Kraus-

учреждают такие посольства и за пределами Италии.[52] К концу XV века итальянские государства содержали постоянные дипломатические миссии при дворе Карла V, во Франции и в Англии. Примеру Италии постепенно следуют крупные феодальные монархии Европы. Испания еще с 60-х годов XV века стала держать резидентов во Франции и в Англии. Последние два государства создают постоянное представительство за границей в начале следующего столетия (Франция — при Франциске I, Англия — при Генрихе VIII).[53] Превращение временных посольств в постоянные требовало радикального изменения всего посольского права и не в последнюю очередь — положений о дипломатическом иммунитете. Но это процесс, который начинается уже на рубеже средних веков и нового времени.

---

ske. Die Entwickelung der ständigen Diplomatie vom fünfzehnten Jahrhundert bis zu den Beschlüssen von 1815 und 1818. Leipzig, 1883, S. 30 u. w.).

[52] В 1463 г. Милан назначил постоянного представителя при французском дворе. Венеция первоначально воздерживалась от длительного представительства во Франции, затем, желая опереться на Францию в своей борьбе с Миланом, в 1479 г. назначила Бетруччи Габриэля де Джакомо своим постоянным представителем в Париж и с тех пор стала содержать во Франции постоянные посольства. В 1496 г. Венеция назначила двух купцов, живших в Лондоне, своими постоянными представителями в Англии, мотивируя это назначение тем, что «путь в Лондон очень длинен и опасен» (там же).

[53] См. Krauske, op. cit., S. 30—109; Maulde-la-Clavière, op. cit., t. I, p. 306—311.

ГЛАВА III

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI—XVIII вв.)

§ 1. Важнейшие изменения в развитии посольского права и дипломатического иммунитета в новое время

На протяжении XVI—XVII столетий постоянные посольства распространяются во всей Западной Европе. Вопрос о месте и времени возникновения постоянных посольств вызывает споры в исторической и в юридической литературе. Краускe, посвятивший этому вопросу специальную монографию, констатирует, что «несмотря на многочисленные исследования, мы не видим никакого твердого результата (историки.— *Д. Л.*): колеблются между Испанией, Францией и Италией как родиной этого института и между пятнадцатым и семнадцатым столетием как временем его начала».[1] Все же большинство исследователей связывает происхождение постоянных посольств с Италией, где, как мы видели, уже в XV веке борьба за гегемонию и острое соперничество побуждали к поддержанию регулярных дипломатических связей и отправлению постоянных миссий и откуда эта система перешла в другие государства Западной Европы. «Среди результатов соперничества за гегемонию в Италии,— пишет Хилл,— наиболее важным и наиболее стабильным было установление постоянных дипломатических отношений между важнейшими европейскими государствами... Итальянские государства в самом деле давно пользовались дипломатической системой, которая стала для них обязательной вследствие отпадения империи как высшей власти над ними и их взаимного соперничества; но до тех пор, покуда итальянские войны не побудили монархов Европы к постоянной бдительности и объединенным действиям, даже великие державы едва ли ушли далеко вперед в их дипломатических сношениях от варварских королей раннего средневековья».[2] Точно так же и Крауске приходит к выводу, что «постоянные посольства ведут свое

[1] Krauske, op. cit., S. 4. О различных мнениях по этому вопросу, см. S. 1—4, 7—10.

[2] Hill, op. cit., v. II, p. 308—309.

происхождение от итальянских государств, преимущественно от Венеции, где новая практика вполне развилась в XV столетии», что «эта практика во времена Фердинанда Католика была воспринята от Италии крупнейшими державами Западной и Средней Европы» и что «к концу XVI столетия новая форма дипломатических сношений проникла в северные империи, в которых в XVII столетии она получила всеобщее распространение».[3]

Однако предпосылкой распространения системы постоянных посольств, подготовившей почву для итальянского влияния на формы западноевропейской дипломатии, явилось образование в Западной Европе крупных централизованных государств и новый характер их внешней политики. «Во внешней политике этих государств,— говорится в «Истории дипломатии»,— решающую роль играли интересы династического порядка и хищнические стремления феодального дворянства. Однако все усиливающееся влияние на ту же политику оказывала и растущая буржуазия, заинтересованная в захвате новых рынков, приобретении колоний, обеспечении торгового преобладания своей страны... Тем же целям служила тогда и европейская дипломатия». «Основное содержание дипломатической деятельности европейских государств XVI—XVIII веков сводится к борьбе за торговое и политическое преобладание».[4]

В связи с этим существенно изменяется роль дипломатии, особенно ее заграничных органов, в международной жизни и организация дипломатической службы. Постоянные послы становятся основным каналом политических сношений между государствами и очень важным инструментом их внешней политики. Они должны повседневно защищать интересы своего государства и активно противодействовать всякого рода враждебным влияниям и тенденциям при иностранном дворе. Естественно, что они должны быть в курсе всей политической жизни государства пребывания, следить за всеми происходящими в нем переменами, чтобы своевременно предпринимать нужные шаги. При неразвитости сообщений послу приходится самостоятельно принимать важные решения и нести довольно большую долю ответственности за состояние взаимоотношений между двумя государствами и даже за успехи или неудачи внешней политики своей страны.[5] Описывая, например, французскую дипломатическую службу

---

[3] Krauske, op. cit., S. 147—148.

[4] История дипломатии, т. I, стр. 167, 168.

[5] Недаром писатели того времени требуют предоставления послу максимальной свободы действий. «Обыкновенно говорят,— пишет в XVII в. Викфор,— что достаточно послать способного человека и дать ему сво-

при Людовике XIV, Хилл говорит: «От каждого посла ожидали хорошей информации о состоянии дел каждой европейской страны... Длительность расстояний, медленность сообщений, частая необходимость безотлагательных действий делали повелительно нужной для посла смелую инициативу, и ответственность была велика».[6] Эта возросшая роль посла побуждает государственную власть гораздо больше заботиться о защите его прав и привилегий за границей.

Немаловажное влияние на организацию дипломатической службы оказало развитие и укрепление абсолютизма внутри европейских государств. Коллегиальная организация эпизодических посольств средневековья уступает место строгой бюрократической иерархии, при которой посол является единоличным представителем государства, а остальные члены посольства составляют его штат или свиту. Вместе с тем, посол рассматривается как alter ego своего государя, как некто, олицетворяющий достоинство и престиж абсолютного монарха, и эта идея придает заметную окраску всему правовому статусу посла.

Все эти перемены в международной и внутригосударственной жизни Западной Европы сильно изменяют положение послов в иностранном государстве. Послы и члены их свиты — уже не кратковременные гости при дворе иностранного государя, а лица, постоянно проживающие в иностранном государстве, имеющие там свою особую резиденцию и вступающие в повседневное соприкосновение с властями и различными группами населения этого государства. Укрепление же абсолютизма, с одной стороны — во-вне, вызывает рост претензий монархов в отношении привилегий своих послов, а с другой

боду действий». Сам Викфор не считает, что послу не нужно никаких инструкций, но он заявляет: «Я думаю, что за исключением существенных частностей, составляющих задачу посольства, самые общие инструкции суть самые лучшие для способного министра... С другой стороны, невозможно обозначить ему в его инструкции ни все случайности, которые могут произойти, ни все меры предосторожности, которые он должен принять» (A. de Wicquefort. L'Ambassadeur et ses fonctions, Amsterdam, 1720, t. I, p. 165). А в XVIII в. Мабли замечает: «Чем более важны дела, тем более широки должны быть его (посла — *Д. Л.*) знания. Когда же возникает вопрос о том, чтобы предотвратить разрыв, закончить споры окончательным миром, нужно признать, что посол должен обладать всеми талантами, которые требуются для самого министра иностранных дел... Нет ничего менее разумного,— говорит он далее,— чем желать регламентировать в деталях все демарши посла: он должен быть властен поступать по своему усмотрению; время обстоятельства и случай должны решать, какими способами он должен действовать» (L'abbé de Mably. Le droit public de l'Europe fondé sur les traités. Lyon, 1804, t. I, p. 181, 183).

[6] Hill, op. cit., v. III, 1925, p. 54.

стороны — внутри страны, приводит к утверждению принципа неограниченной территориальной юрисдикции, который королевская власть ревниво отстаивает в борьбе с феодальным произволом и местным партикуляризмом и с которым неизбежно сталкиваются и вышеупомянутые претензии.[7]

Таким образом, возникают новые потребности в юридической регламентации положения послов за границей. Но первое время еще не существует новых международно-правовых норм, которые отвечали бы этим потребностям. На дипломатическую практику отдельных государств оказывают большое влияние нормы национального права, и они нередко вступают в противоречие с требованиями внешней политики. Попрежнему в спорных случаях юристы обращаются к римскому праву, но последнее уже слишком недостаточно, для того чтобы охватить новые проблемы. Зато все больше и больше сказывается влияние на дипломатическую практику другого источника. Зарождается новое международное право, освобожденное от религиозной догматики и покоящееся на принципе неограниченного суверенитета отдельных государств, точнее — отдельных абсолютных монархов. Идея суверенитета находит прямое отражение и в посольском праве, которое составляет одну из важнейших отраслей нового международного права. В силу этой идеи послы, как представители суверенного монарха, не признают над собой никакой другой власти, кроме власти последнего, и всякое нарушение или умаление своих прав или престижа рассматривают как покушение на суверенитет монарха.[8] Новые нормы посольского права, в особенности, дипломатического иммунитета, непосредственно вырастают на почве целого ряда отдельных прецедентов, иногда сопровождающихся острыми политическими конфликтами, и

---

[7] Правда, утверждение этого принципа приводит к отмене тех тяжелых ограничений для иностранцев, какие существовали в средние века: например, береговое право или право закрепощения иностранцев, проживших в стране более года, на протяжении XVI в. ликвидируются почти повсюду (см. Иванов, цит. соч., стр. 150—151). Но, избавившись от прежних ограничений, иностранцы подпадают под действие королевской власти, с ее несвязанной никакими гарантиями администрацией и послушным ее воле судом. При этом вначале проявляется тенденция не делать исключения и в отношении иностранных послов. Неудивительно поэтому, что принцип неограниченной территориальной юрисдикции, хотя и вносит некоторое улучшение в правовое положение иностранцев, встречает большие возражения, поскольку он распространяется и на иностранных послов.

[8] С этим в большой мере связано также возросшее значение вопросов дипломатического церемониала (см. История дипломатии, т. I, стр. 176).

формируются с помощью теоретических обобщений, даваемых наукой международного права.

§ 2. Личная неприкосновенность

Личная неприкосновенность послов становится еще в большей мере, чем прежде, общепризнанным международным обычаем, хотя их положение едва ли является теперь менее опасным. Продолжительность путешествий к месту резиденции, длящихся иногда многие недели и месяцы, сохранение значительных остатков феодального произвола и отсутствие элементарных гарантий порядка и безопасности, наконец, ожесточенная политическая борьба государств, в которой постоянные послы играли столь активную роль,— все это нередко приводит к нарушению неприкосновенности послов как в пути, так и во время пребывания в иностранной столице. Широко, например, известен случай убийства близ Павии в 1541 г. отправлявшихся в Константинополь французских послов Ринкона и Фрегозо, которое было организовано правителем Милана с одобрения императора Карла V, для того, чтобы не допустить передачи султану депеш, противоречивших интересам императора.[9] Подобные случаи повторяются в XVII и XVIII веках.

Известны также неоднократные случаи убийства послов в месте их резиденции. Так, например, в 1649 г. был убит в Гааге в первый же день по приезде посол Английской республики Дорислаус, а год спустя были убиты в Мадриде посол Английской республики Эшем и его секретарь Ривас. В обоих случаях убийства были совершены английскими эмигрантами, при полном попустительстве местных правительств, испытывавших острую вражду к Английской республике. В самом конце XVIII века, в 1799 г., были убиты в окрестностях Раштадта австрийскими гусарами французские уполномоченные на Раштадском конгрессе Бонье и Робержо, при таком же попустительстве австрийского правительства, возобновившего во время конгресса войну с Францией.[10]

К этому нужно еще прибавить, что XVI и XVII века — это время самой острой религиозной борьбы в Европе, борьбы, в условиях которой послы католических государств в проте-

---

[9] См. Ch. de Martens. Causes célèbres du droit des gens. 2-ème éd., Leipzig, 1858, t. I, p. 387—388. См. также Hill, op. cit., v. II, p. 456—457. Описывая этот факт, Хилл замечает: «Что заговор обсуждался и одобрялся высшей властью, в этом не может быть сомнений» (стр. 457).

[10] Об этих фактах см. Д. Л[евин]. Революция и посольская неприкосновенность, журн. «Революция права», 1927, № 3, стр. 102—105, 108—110.

стантских странах и протестантские послы в католических странах рассматривались как оплот враждебного религиозного лагеря, еретических вероучений, и вызывали вражду со стороны довольно широких кругов местного населения. Мы знаем, например, что преследования католиков в Англии в XVI и XVII веках не раз непосредственно задевали послов католических государств, так как направлялись против лиц, укрывавшихся в посольствах или молившихся в посольских часовнях. [11]

Нарушения неприкосновенности послов вызывают резкую реакцию их правительств против правительств тех государств, на территории которых эти нарушения были совершены. При этом, принип неприкосновенности обычно обосновывается с помощью идеи о представительном характере посла, согласно которой посягательство на личность посла рассматривается, прежде всего, как оскорбление, нанесенное его суверену. Когда французский король Франциск I узнал об убийстве его послов близ Павии, он воскликнул: «Я никогда не буду другом императора, пока он не даст мне удовлетворения. Если он откажет, то я объявлю всему миру, что я не потерплю такого оскорбления, и я покажу ему, что я еще являюсь королем Франции». [12] А дипломат и писатель XVII века Викфор, касаясь права отправления послов, писал: «Причина, которая делает это право неотделимым от суверенитета, состоит в том, что, поскольку государь отправляющий посла, обязан его защищать, так же как и тот, при котором посол пребывает, очевидно, что министр может надеяться на такую защиту только со стороны того, кто имеет право войны (droit du glaive) и может отомстить за оскорбление, наносимое ему в лице его министра». «Государи,— писал он в другом месте,— которые сохраняют хотя бы зерно чести, не терпят, чтобы наносились оскорбления их министру, по какой бы причине и под каким бы предлогом это ни было». [13]

§ 3. Иммунитет от юрисдикции по уголовным делам

Однако в западноевропейской дипломатической практике этого периода гораздо большее значение, чем защита посла от посягательств со стороны каких бы то ни было групп или лиц

---

[11] См. E. Adair. The Exterritoriality of Ambassadors in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. London — New York — Toronto, 1929, p. 205, 211—212, 214—216 a. f.

[12] Hill, op. cit., v. II, p. 457.

[13] Wicquefort, op. cit., v. I, p. 10, 391.

на территории государства пребывания, приобретает вопрос о праве самой государственной власти государства пребывания преследовать посла, виновного в преступлениях против этого государства. Будучи непосредственным орудием ожесточенного соперничества феодально-абсолютистских монархий, орудием их хищнической и агрессивной дипломатии, постоянные послы широко занимались шпионажем, содержа в государствах пребывания многочисленных тайных агентов, устраивали там заговоры, вовлекая в них отдельные круги придворного окружения и создавая свои «партии» при иностранном дворе, и т. д. Недаром долгое время государи всячески стараются уклониться от принятия постоянных посольств, хотя сами охотно посылают их в другие государства; подобные тенденции характерны для Генриха VII в Англии, Франциска I во Франции, Фердинанда Католика в Испании, для императоров Максимилиана I и Карла V. Недаром во многих государствах принимаются специальные меры, для того чтобы изолировать иностранных послов от местного населения.[14] Писатели XVI века часто высказываются против принятия иностранных послов, как людей, занимающихся шпионажем и интригами,[15] либо, напротив, отмечают это обстоятельство без всякого порицания,[16] но и те и другие необинуясь характеризуют-

---

[14] Так, например, в Англии Генрих VII строго запрещал своим подданным вступать в какие бы то ни было сношения с иностранными послами (см. Redlich, op. cit., p. 255), а во время революции был издан указ, по которому ни один член парламента и ни один государственный советник под страхом потери своей должности не имел права без специального уполномочия вступать в переговоры с иностранными посланниками (см. Krauske, op. cit., S. 19). Во Франции Франциск I при проезде императорского посла Гранвеллы через Винсен приказал почетному караулу строго смотреть за тем, чтобы Гранвелла не вступал в разговоры ни с одним французом, а в 1617 г. был издан закон, по которому ни один француз не имел права общаться с иностранными послами, кроме папских нунциев. В Венеции закон, изданный в XVI в., запрещал сношения с иностранными послами без разрешения директории под страхом смертной казни (ibidem, S. 18—19).

[15] Еще в конце XV в. Коммин в своих «Мемуарах» писал, что послы должны возможно скорее по окончании своей миссии покидать страну, так как «нет никакой радости видеть в своем доме шпиона». В XVI в. Браун по тем же соображениям советует не держать послов при дворе сверх необходимого срока, а Паскаль называет постоянные посольства «несчастным продуктом несчастного времени»; современник Паскаля, писатель конца XVI в. Ле-Вэйе пишет: «Во многих случаях послы назначаются не для того, чтобы улаживать дела верой и правдой, а для того, чтобы расставлять сети, обманывать, возмущать подданных и устраивать смуты, так что их с полным основанием можно называть зачинщиками смут и шпионами» (см. Krauske, op. cit., S. 13—14).

[16] Например, Доле считает, что одна из главных функций посла — быть шпионом, и советует послам иметь осторожных слуг, которые будут ходить по городу, вязываться в разговоры публики и подкупать лю-

послов, как шпионов и заговорщиков. Такая характеристика сохраняется за послами и в литературе XVII и XVIII веков.[17] Вполне понятно поэтому, что вопрос о праве государственной власти преследовать иностранного посла за преступные действия не являлся праздным или чисто академическим.

В первой половине XVI века арест или заключение в тюрьму посла отнюдь не представляет редкого явления в международной практике. Такие меры иногда принимаются и вне всякой связи с каким-либо преступлением посла, а просто потому, что его дипломатическая деятельность почему-либо вызывает недовольство того правительства, при котором он аккредитован.[18] Случается даже, что послов подвергают преследованию из-за недовольства тем или иным политическим актом его государя, совершенно не связанным с деятельностью посла.[19] Но все же правительства прибегают к подобного рода мерам все с большей и большей осторожностью и во всяком случае стараются найти для них юридическое оправдание, в особенности если речь идет о

дей, чтобы узнавать секреты государства, «ибо подкуп,— восклицает Доле,— покорит даже самых неподкупных». Барбарус говорит: «Помни, что ты посол, а не шпион», но тут же поясняет эти слова в том смысле, что легче получить информацию, делая вид, что не ищешь ее (см. Behrens, op. cit., p. 626).

[17] Викфор называет послов «почетными шпионами», Бильфельд и Калльер — «привилегированными шпионами», причем Калльер говорит: «У посланника две главные функции: во-первых, блюсти дела собственного государя, во-вторых, вскрывать дела другого» (см. Redlich, op. cit., p. 255). Прусский король Фридрих II объявляет посольский шпионаж едва ли не узаконенным в силу международного права. Он пишет: «В наши времена почти вошло в практику международного права, что министры при иностранных дворах стараются всеми возможными способами завести себе тайных осведомителей» (см. Krauske, op. cit., S. 20).

[18] Так, например, в 1510 г. папа Юлий II бросил в тюрьму Савойского посла за то, что тот предложил свое посредничество в конфликте между папой и французским королем Людовиком XII (см. Maulde la Clavière, op. cit., v. II, p. 39). В 1525 г. английский король Генрих VIII приказал допросить в Тайном совете посла императора Карла V Льюиса де Прэта, в связи с подозрениями, что де Прэт в докладах своему правительству выражал сомнение в искренности дружественного отношения короля к императору. По постановлению Тайного совета де Прэт был подвергнут домашнему аресту, и ему было запрещено продолжать переписку со своим правительством. Но Генрих намеревался наложить на де Прэта еще более строгое наказание. Только после энергичного протеста правительницы Нидерландов Маргариты Савойской, заявившей, что наказание посла явится оскорблением его суверена, де Прэту было разрешено уехать во Фландрию (см. Adair, op. cit., p. 42—43).

[19] Когда, например, в 1528 г. Франциск I разорвал Мадридский договор 1525 г. с императором Карлом V, то последний приказал арестовать французских послов Грамона и Клависсона и заключил их в замок Поза близ Бургоса. Послы были освобождены лишь после того, как Франциск I в свою очередь приказал арестовать императорского посла Гранвеллу (см. Flassan, op. cit., t. I, p. 353—354).

суде и наказании посла. Любопытной иллюстрацией может служить дело французского посла в Милане Мервея, миланского подданного, которого Франческо Сфорца в 1532 г. предал суду по вымышленному обвинению в убийстве и казнил в угоду императору Карлу V, не желавшему никаких связей Милана с Францией. Когда Франциск I обратился к Сфорце, а затем ко всем христианским государям Европы с протестом против нарушения международного права, то Сфорца ответил, что так как посол не представил верительных грамот, он рассматривался как частное лицо, и Сфорца «не думал, что обращение с ним могло интересовать короля»; Карл V тоже заявил, что «Мервей являлся только частным лицом, подданным герцога, и был законно наказан».[20]

Однако был далеко не ясен и нисколько не утрачивал своей остроты вопрос о праве предания суду и наказания посла-заговорщика. На протяжении второй половины XVI и начала XVII столетий прошла целая серия прецедентов, в результате которых постепенно устанавливается общепризнанная норма международного права. Правительства подвергают послов-заговорщиков аресту, назначают над ними следствие, но даже в тех случаях, когда виновность их полностью доказана, не решаются предавать их суду или применять к ним какое-либо наказание, а ограничиваются высылкой их из страны или даже требованием об их отозвании. Иногда правительства обращаются к ученым юристам, и те ссылаясь на римское право, допускавшее наказание легатов за особо серьезное преступление, совершенное во время миссии, доказывают правомерность предания суду и наказания посла-заговорщика, но, несмотря на это, чаще советуют выслать его из страны.

В этом отношении наиболее интересны дело Лесли и дело Мендозы в Англии. Лесли, епископ Росский, проживая в Лондоне, в качестве посла королевы Марии Шотландской, в 1571 г. был изобличен как активный участник заговора Ридольфи и предан суду. Когда он сослался на привилегии посла, Тайный совет запросил мнение пяти наиболее выдающихся «романистов» (знатоков римского права) относительно права его судить. Хотя их ответ был положительным[21] и

[20] См. Flassan, op. cit., t. II, p. 363—364.

[21] Первый из поставленных перед юристами-романистами вопросов был сформулирован так: «В случае, если посол вступает в союз с изменником, помогает ему или подстрекает его, зная о его измене против государя, при котором и в королевстве которого он претендует быть послом, может ли он быть наказан государем, в королевстве которого и против которого совершена измена или подготовлен изменнический заговор?» Ответ гласил: «Мы считаем, что посол, который помогает и подстрекает какого бы то ни было изменника в его измене против государя, при ко-

следствие полностью установило его вину, Лесли, находившийся в заключении в Тоуэре, в 1573 г. был выпущен из тюрьмы и выслан из страны.[22] Несколько лет спустя, в 1584 г., Тайный совет рассматривал дело испанского посла Бернардино де Мендозы, замешанного в заговоре против королевы Елизаветы. Были запрошены два видных юриста — Джентили и Отман о праве судить Мендозу с точки зрения «права народов». Юристы не оспаривали права судить посла-заговорщика, но рекомендовали выслать Мендозу из страны. Несмотря на вызывающее поведение Мендозы на заседании Тайного совета[23] и полную очевидность его вины, Тайный совет ограничился тем, что предложил Мендозе в течение 15 дней покинуть Англию. Королева Елизавета отправила секретаря Совета Ульяма Ваада к испанскому королю Филиппу II со специальной миссией, заверить его, что, высылая Мендозу, она отнюдь не имеет в виду нарушить старинную дружбу между обоими королевствами. И все же Филипп счел себя оскорбленным в лице своего посла; он отказался выслушать Ваада и даже не принял от него верительных грамот.[24]

В других, менее значительных делах, относящихся к этому же времени, английское правительство поступало еще более мягко — оно требовало только отозвания виновного посла.[25] В XVII веке (точнее, после дела Ле-Клерка в 1618 г.)

тором и в королевстве которого он претендует быть послом, зная об этой измене, может быть наказан государем, против которого совершена измена» (см. C. Hurst. Les immunités diplomatiques. Recueil des cours de l'Académie de droit international, t. 12, 1926, p. 168).

[22] См. Adair, op. cit., p. 48—49; более подробно — Hill, op. cit., v. II, p. 515—516.

[23] Когда Мендоза убедился, что ему не удастся отвести от себя обвинения, он вскричал: «Если мне, очевидно, не пришлось понравиться королеве в качестве посланника мира, то она заставит меня в будущем постараться дать ей удовлетворение в войне» (см. Hill, op. cit., v. II, p. 530).

[24] См. Adair, op. cit., p. 49; Hill, op. cit., v. II, p. 529—530. Э. Сатоу. Руководство по дипломатической практике. Пер. с англ. (3-е изд.) под ред. и со вступит. статьей А. Трояновского. Госполитиздат, 1947, стр. 278—279; в книге Сатоу приводится рассказ английского историка XVII в. Кэмдена.

[25] Так, например, в 1556 г. Тайный совет разбирал дело французского посла Антуана Ноайе, подозревавшегося в заговоре против королевы Марии, и решено было добиться отозвания посла (см. Adair, op. cit., p. 44—45; ср. Flassan, op. cit., v. II, p. 35—36). В 1587 г. в Тайном совете был допрошен французский посол Лобепин, который подозревался в том, что участвовал в заговоре Стаффорда против Елизаветы, но отрицал свою вину. Английское правительство ограничилось тем, что послало во Францию секретаря Совета Ваада просить об отозвании посла (см. Adair, op. cit., p. 50; ср. Flassan, op. cit., v. II, p. 116—117; Сатоу, цит. соч., стр. 279). Наконец, в 1618 г. Тайный совет разбирал дело секретаря французского посольства Ле-Клерка, замешавшего в то вре-

дела, связанные с преступными действиями иностранных послов, уже не разбирались больше в Тайном совете, а вопрос о том, какие меры надлежит принять по этому поводу, решался королевской властью или парламентом.

Не трудно видеть, что во всех вышеприведенных случаях в основе столь умеренных решений лежали не положения римского права, хотя к таковым и обращались, а соображения политического характера: боязнь вызвать войну или разрыв дипломатических сношений, нежелание обострить конфликт и т. д. Как замечает английский историк XVII века Мэтью Хэйл, «дела послов разрешались скорее в соответствии с требованиями осторожности и взаимных интересов и симпатий, чем в соответствии со строгими требованиями формальных оснований и правосудия».[26] Однако в итоге целого ряда прецедентов, обусловливавшихся этими политическими соображениями, к началу XVII столетия выкристаллизовывается определенный правовой принцип — принцип иммунитета послов от уголовной юрисдикции государства пребывания. В XVII и XVIII столетиях, при раскрытии посольских заговоров, которые, как и прежде, не составляли редкого явления, уже ни разу практически не поднимался вопрос о суде над послом-заговорщиком. Правительства требовали отозвания такого посла, а в крайнем случае сами высылали его из страны.[27] Иногда они прибегали и к аресту, если считали преступную деятельность посла особенно угрожающей, но арест являлся не мерой наказания, а исключительно мерой безопасности; обычно после кратковременного заключения следовала высылка из страны.[28] При этом правительства

мя посла и участвовавшего в заговоре по устройству побега Вальтера Ралея во Францию. Несмотря на то, что вина Ле-Клерка была полностью установлена, в частности признаниями самого Ралея, Ле-Клерк не был даже подвергнут аресту; ему было только предложено не выходить за пределы своего дома, а английское правительство потребовало его отозвания (см. Adair, op. cit., p. 50—51).

[26] См. Adair, op. cit., p. 32.

[27] Так, например, когда в 1618 г. испанский посол в Венеции Бедмар был изобличен в заговоре против республики, то венецианское правительство только потребовало его немедленного отозвания (см. Martens. Causes célèbres, t. I, p. 471—494); или когда в той же Англии в 1654 г. французский дипломатический агент Ле-Бас, посланный в помощь французскому послу де Бордо, был изобличен в участии в заговоре против Кромвеля, то последний приказал ему в трехдневный срок покинуть страну; но даже и такая мера вызвала протест со стороны де Бордо, который указал, что следовало бы потребовать отозвания Ле-Баса у французского короля (см. Сатоу, цит. соч., стр. 280; ср. Flassan, op. cit., t. III, p. 195—196).

[28] Например, в 1659 г. Мазарини предложил резиденту Бранденбурга Викфору (впоследствии автору известной книги о послах), который занимался бесконечными интригами, покинуть Францию; когда Викфор прону-

большей частью заботились о том, чтобы юридически обосновать такую меру и оправдать ее в глазах других государств: они издавали специальные декларации или обращались с циркулярными нотами ко всем членам дипломатического корпуса, пребывающим в данной столице.

Весьма показательны для укрепления принципа иммунитета послов от уголовной юрисдикции два известных казуса из дипломатической практики начала XVIII века: дело Гилленборга в Англии и дело Челламаре — во Франции. В 1716 г. в Лондоне был арестован шведский посланник граф Гилленборг за участие в крупном заговоре, ставившем целью вызвать войну против Англии со стороны Швеции и России, лишить престола английского короля Георга I и вернуть Швеции часть владений, перешедших от нее к Георгу, как к курфюрсту Ганноверскому. Несмотря на то, что государственный секретарь Стенгоф обратился ко всем членам дипломатического корпуса с циркулярной нотой, документально доказывающей причастность Гилленборга к этому заговору и оправдывающей принятую меру, дипломатический корпус заявил протест. Вскоре Гилленборг был освобожден в обмен на английского посланника в Швеции Джексона, арестованного Карлом XII в порядке репрессалии.[29] В 1718 г. в Париже был подвергнут домашнему аресту испанский посол князь Челламаре, который, действуя по инструкциям первого министра Испании кардинала Альберони, организовал заговор с целью лишить герцога Орлеанского регентства над малолетним королем Людовиком XV и передать регентство испанскому королю Филиппу V. Челламаре заявил протест всем членам дипломатического корпуса, а французское правительство, в свою очередь, обратилось к ним с циркулярной нотой, в которой заверяло, что только «абсолютная необходимость обеспечить государственную безопасность и спокойствие» побудила его принять такую меру. На этот раз ни один из членов дипломатического корпуса не вступился за арестованного посла. Несколько дней спустя Челламаре был заключен в замок Блуа и по получении в Париже известий о благополучном возвращении из Испании французского посла Сент-Этьена, которого испанские власти пытались задержать в порядке репрессалии, был перепровожден под конвоем к гра-

---

стил срок, назначенный ему для отъезда, он был заключен в Бастилию, но почти вслед за этим был отправлен в Кале и выслан из Франции (см. Adair, op. cit., p. 58).

[29] Дипломатическая переписка по делу Гилленборга приведена у Martens. Causes célèbres..., t. I, p. 97—113; подробнее описание этого дела дано также во 2-м издании книги Satow. A Guide to Diplomatic Practice. 2 ed. London New York Toronto, 1922, v. I, p. 254—256.

нице и выслан из Франции. Французское правительство издало манифест, в котором клеймило действия испанского правительства и посла Челламаре и вслед за этим объявило Испании войну, которая, как известно, закончилась в 1719 г. довольно бесславно для Испании.[30]

В тех немногих случаях, когда послов предавали суду и подвергали наказанию, речь шла о таких лицах, за которыми правительство государства пребывания вообще не признавало дипломатического иммунитета, чем и обосновывалось распространение на них местной юрисдикции. Так, например, в 1620 г. в Гааге был приговорен к смертной казни за изготовление фальшивой монеты и обезглавлен резидент Бранденбурга Стайк, но дипломатический корпус не протестовал против этого ввиду того, что Стайк был голландским подданным.[31] В 1675 г. в той же Гааге был приговорен к пожизненному тюремному заключению за выдачу голландских государственных тайн упоминавшийся уже Викфор, который в это время являлся резидентом герцога Люнебургского в Голландии. В обоснование приговора суд указывал на то, что Викфор — голландский подданный, проживающий в Голландии, что он не утратил своего подданства после назначения его резидентом и что поэтому Голландии полностью принадлежит юрисдикция над ним.[32] В 1654 г. в Лондоне был приговорен к смертной казни за убийство и обезглавлен в Тоуэре перед многочисленной толпой брат португальского посла дон Панталеон де Са. Он требовал иммунитета, ссылаясь на то, что является братом посла и имеет полномочия замещать последнего в его отсутствие. Но суд Королевской скамьи счел ссылку на полномочия недоказанной,— так как де Са не мог представить ни верительных грамот, ни каких-либо иных документов,— а ссылку на родство с послом признал недостаточной для освобождения от английской юрисдикции.[33] Из дипломатической практики XVIII века известен случай казни в 1707 г. дипломатического агента России в Польше генерала Паткуля, который являлся шведским подданным,

---

[30] Дипломатическая переписка по делу Челламаре приведена у Martens. Causes célèbres..., t. I, p. 149—177. Весьма подробное изложение этого дела см. у Flassan, op. cit., t. IV, p. 470, 483; см. также Hill, op. cit., v. III, p. 386—388; Хилл указывает, что конвой, который провожал Челламаре к границе, должен был защищать его от негодования населения (стр. 388).

[31] См. Adair, op. cit., p. 57.

[32] Ibidem, p. 57—59.

[33] См. Satow, 2 ed. v. I, p. 259—260; Martens, Causes célèbres..., t. I, p. 435—437; юридическая сторона дела хорошо освещена у Hurst, op. cit., p. 169. Кромвель был настолько уверен в неоспоримости своей позиции, что даже не счел нужным отложить казнь хотя бы на несколько дней после подписания заключенного в то время с Португалией договора.

был в 1705 г. арестован саксонскими властями, затем, по приказу польского короля и курфюрста Саксонского Августа II, выдан шведам при занятии ими Саксонии и приговорен шведским военным судом к смерти как «беглец и изменник».[34]

Случаи из русской дипломатической практики, относящиеся к вопросу об иммунитете послов от уголовной юрисдикции, будут освещены особо.

Так, наряду с принципом личной неприкосновенности устанавливается принцип иммунитета послов от уголовной юрисдикции. Можно, пожалуй, сказать, что этот принцип возникает в процессе развития принципа личной неприкосновенности послов в новых исторических условиях. «Спрашивали, скорее, не о том,— пишет Овчинников в своем исследовании о теориях посольской неприкосновенности XVI и начала XVII веков,— подчинен или нет посол государству, его принявшему, а о том, распространяется ли (или нет) специальная охрана, принятая в международном обороте для защиты неприкосновенности посла, и на случай, если на него будет наложено взыскание по суду и т. д.».[35] В XVIII веке принцип иммунитета от уголовной юрисдикции почти повсеместно получает прочное признание, которое становится необходимой предпосылкой для поддержания постоянных дипломатических сношений. Только Турция не соблюдала этого правила. Там послов и членов их свиты не раз заключали в Семибашенный замок (Эдикуль) не только за какую-либо провинность, но просто с целью оказать давление на их правительства и добиться выполнения тех или иных требований. Одна из башен этого замка носила даже название «посольской».[36] Так, например, в XVII веке заточению в Семибашенном замке в связи с разногласиями при разрешении дипломатических вопросов подверглись: французский посол Ахилл де Гарлей де Сенси (1618),[37] другой французский посол — Жан де-ла-Гэйе (1658);[38] в XVIII веке — русский посол Петр Толстой (1711—1712), затем вторично тот же Толстой

---

[34] См. Martens, Causes célèbres..., t. I, p. 391—392. О реакции русского правительства на арест Паткуля саксонскими властями и выдачу его шведам будет рассказано в связи с анализом русской дипломатической практики.

[35] В. Овчинников. К учению о посольской неприкосновенности. Варшава, 1915, стр. 9.

[36] См. R. Genet, Traité de diplomatie et de droit diplomatique. Paris, 1931, t. I, p. 494, note No 722.

[37] Подробно об этом факте см. у Flassan, op. cit., t. II, p. 326—629; см. также Redlich, op. cit., p. 349.

[38] Подробно см. Flassan, op. cit., t. III, p. 212—217; Redlich, op. cit., p. 349—350.

и уполномоченные Шафиров и Шереметев (1712—1713);[39] венецианский посланник Доминико Франчески (1715),[40] русский резидент Обрезков (1768)[41] и др.,— а вместе с ними обычно подвергались заточению и некоторые члены их свиты. Отдельные государства вводили в заключаемые с Турцией договоры специальные обязательства не подвергать послов и их свиту тюремному заключению даже в случае разрыва дипломатических сношений, но и это не служило надежной гарантией. Несоблюдение Турцией иммунитета иностранных послов не могло не тормозить развития постоянных дипломатических связей с этой страной. Система постоянных посольств устанавливается в Турции только с XIX века, и в это время вышеуказанные явления уже отходят в прошлое.

§ 4. Иммунитет резиденции

Второй новый вопрос, который стал занимать большое место в дипломатической практике Западной Европы с развитием системы постоянных посольств — это вопрос об иммунитете резиденции посла. Теперь послы уже не кратковременные гости, находящиеся при дворе иностранного государя,— они имеют в столице государства пребывания собственные помещения, в которых постоянно проживают вместе с членами своей семьи и свиты. Первое время, ввиду сохранения многочисленных проявлений прежнего феодального произвола, слабости центральной администрации и частых политических и религиозных смут, послы не могли ожидать от местной государственной власти надежных гарантий своей безопасности, а потому обычно приезжали к месту своей службы в сопровождении вооруженных отрядов, которые охраняли не только помещение посольства, но и окружающие дома.

Устанавливается так называемая привилегия квартала (franchise du quartier), в силу которой целые городские кварталы были изъяты из юрисдикции властей государства пребывания и состояли под юрисдикцией иностранных послов. Эта привилегия особенно прочно укоренилась в тех государствах, в которых центральная власть наименее успешно противостояла власти церкви и феодалов и наименее способна была справляться с политическими и религиозными смутами. Например, в Испании, где власть короля подчас

[39] Подробно см. Соловьев, История России с древнейших времен, 3-е изд. СПБ., кн. IV, стр. 86—100.

[40] См. Genet. Ibidem.

[41] См. Martens. Causes célèbres..., t. I, p. 372—373.

отступала перед могущественной властью инквизиции или грандов, иностранные послы не надеялись на ее охрану и держали вооруженную стражу, которая оказывала сопротивление даже чиновникам короны, когда те пытались вступить в помещение посольства или проявить свою власть на территории посольского квартала. Привилегия квартала кроме Мадрида существовала также в Лиссабоне, в Риме, в Генуе, в Венеции и во Франкфурте-на-Майне в те периоды, когда в нем происходило избрание или коронование императоров.[42] К воротам домов в посольском квартале прикреплялся герб того государства, к которому принадлежало посольство, и он символизировал покровительство посольства всему населению квартала.

Естественно, что посольские кварталы сделались местом убежища для лиц, преследуемых местной властью. Нередко политические и религиозные преступники укрывались в помещениях самого посольства. Все эти лица пользовались покровительством посольства против органов отечественного государства.

Но если местная власть в случаях, угрожавших государственной безопасности, не останавливалась перед арестом самих послов, то еще меньше она была склонна останавливаться перед вступлением в помещение посольства или на территорию посольского квартала для ареста укрывающихся там преступников. Послы оказывали упорное сопротивление, доходившее до вооруженных столкновений, и энергично протестовали против нарушения своих привилегий. Когда вопрос шел о важных государственных преступниках, местная власть не считалась с этими протестами. В других случаях она больше уступала претензиям иностранных послов, хотя редко дело обходилось без конфликтов. Так, например, когда в 1540 г. французский посол в Венеции отказался выдать трех венецианцев, преследовавшихся за то, что раскрыли ему государственные тайны, то Совет Десяти указал, что не существует права убежища для изменников, и послал вооруженный отряд, который заставил посла выдать беглецов под угрозой открытия стрельбы. Французский король Франциск I жаловался на нарушение международного права, но не стал настаивать на удовлетворении.[43] Иначе реагировали обе стороны в случаях, не связанных с госу-

[42] См. Genet, op. cit., p. 557.

[43] См. Flassan, op. cit., t. II, p. 8. В ответ на упреки короля венецианский посол заявил: «Сир, если бы мятежники, выступившие против вашего величества, осмелились скрыться в моем доме, то я собственными руками выдал бы их судьям; а если бы я поступил иначе, то был бы строго наказан республикой». После этого король уже не возвращался к этому инциденту (Ibidem).

дарственными преступлениями. Например, когда в 1576 г. главный судья Лондона силой вступил в церковь португальского посольства и произвел там несколько арестов, то после протеста португальского посла он был заключен в тюрьму за нарушение неприкосновенности посольства; но португальский посол не удовлетворился этим и потребовал формального признания в Тайном совете, что поступок судьи является беспримерным правонарушением.[44] Или, когда в 1601 г. судейский чиновник в Мадриде вступил во французское посольство и арестовал нескольких членов посольской свиты, виновных в убийстве двух испанцев, причем он сделал это с целью унять возмущение собравшейся перед посольством толпы и предотвратить эксцессы, то после протеста посла судье было приказано явиться в посольство для принесения извинений. Однако, французский король Генрих IV не счел это достаточным удовлетворением, отозвал своего посла и запретил торговлю с Испанией.[45] Так же упорно защищается и привилегия квартала. Когда в 1615 г. высшие кастильские власти захотели войти силой в дома, окружающие английское посольство в Мадриде, для того чтобы арестовать скрывшегося там преступника, то посол Дигби приготовился к вооруженному сопротивлению и заявил резкий протест.[46]

Так, в борьбе иностранных послов и их правительств, претендующих на максимально широкие привилегии, с притязаниями местной власти на неограниченную территориальную юрисдикцию получает признание принцип иммунитета дипломатической резиденции, а вместе с ним — два его уродливых дополнения: привилегия квартала и право убежища в посольских помещениях; последнее, однако, не признается в отношении государственных преступников.

Но по мере укрепления абсолютизма, значительного роста государственной централизации и ликвидации остатков местного партикуляризма и произвола королевская власть все более решительно отстаивает монополию своей администрации и своего суда на протяжении всей территории государства; все менее она готова мириться с такими исключениями из территориального принципа, которые создают конкуренцию ее управлению и юрисдикции и таят угрозу государственному порядку и спокойствию. В XVII веке

[44] См. Adair, op. cit., p. 206—207.

[45] См. Flassan, op. cit., t. II, p. 209—210. При встрече вновь назначенного французского посла испанское правительство оказало ему особые почести, чтобы компенсировать французское правительство за недостаточное удовлетворение, данное прежнему послу в связи с этим инцидентом (ibidem).

[46] См. Adair, op. cit., p. 212.

повсеместно начинается упорная борьба против привилегии квартала и права убежища в посольских помещениях, и эта борьба в конечном итоге приводит к полной отмене первого из этих институтов и к значительному ограничению второго — хотя ход борьбы и ее продолжительность в каждой отдельной стране зависят от соотношения сил борющихся сторон.

Привилегия посольского квартала еще в течение первой половины XVII века была отменена почти во всей западной Европе, за исключением Мадрида и Рима, где местная государственная власть оказалась сравнительно слабее и где отмена этой привилегии произошла только во второй половине столетия. В Мадриде, по словам анонимного автора книги «Испанское посольство», «квартал каждого посла превратился в приют для воров, а целый округ — в убежище для бродяг и негодяев».[47] В 1671 г. испанский король Карлос II объявил, что будет признавать привилегию квартала за иностранными послами в Мадриде в том объеме, в каком она признается за испанскими послами в соответствующих иностранных государствах. Такая декларация по сути дела означала отмену этой привилегии, но декларация не возымела действия. В 1680 г. коррегидор Мадрида в сопровождении альгвазилов дважды прошел через квартал французского посольства. В ответ на жалобу посла было заявлено, что в силу декларации 1671 г. привилегия квартала французского посольства отменена. Однако после энергичных представлений французского правительства испанский король полностью восстановил эту привилегию.[48] Только в 1684 г., когда иностранным послам в Мадриде объявили, что привилегия посольского квартала больше не будет признаваться и что освобождение от местной юрисдикции не простирается за пределы помещения самого посольства,[49] эта привилегия может считаться окончательно отмененной в Мадриде.

В Риме борьба за отмену привилегии квартала затянулась до конца XVII века. Здесь эта привилегия была особенно тягостной для местной власти. По описанию Хилла, «иммунитет, предоставленный иностранным посольствам, вел здесь к эксцессам, которые не только являлись злоупотреблениями, но были невыносимы. Росла практика распространения изъятий из местной юрисдикции на лиц и дома, которые не имели никакого отношения к семьям и дворцам послов. Таким образом, целые улицы были забиты ворами, проститутками, мошенниками и профессиональными убийцами,

[47] См. Adair, op. cit., p. 222.

[48] Подробно см. Flassan, op. cit., t. IV, p. 25—30.

[49] См. Adair, op. cit., p. 223. Эдейр ссылается на вышеупомянутую книгу «Испанское посольство».

которые были вне досягаемости правосудия потому, что герб иностранной державы помещался над дверями их жилища и потому, что они имели lettres de familiarité, свидетельствовавшие об их связи с тем или иным послом. Эти привилегии часто продавались дворецкими послов, служа для них источником дохода и средством распространения своей власти над соседями. Под покровом такой защиты совершались любые преступления, и целые кварталы, временами достигавшие почти трети города, были изъяты из юрисдикции полиции». [50]

Папы давно стремились ликвидировать это зло, но встречали большие затруднения. Наиболее решительную борьбу против него повел папа Иннокентий XI, который вскоре после вступления на папский престол (в 1676 г.) стал делать энергичные представления различным дворам и добился отказа от привилегии квартала от королей Польши (в 1680 г.), Испании (в 1683 г.), Англии (в 1686 г.) и др. Натолкнувшись на решительное сопротивление французского короля Людовика XIV, заявившего, что «он никогда не берет примера с других, а сам служит им примером», папа сообщил всем иностранным дворам, что в дальнейшем не примет от них ни одного посла, который не откажется от этой привилегии. В 1687 г., после смерти французского посла в Риме герцога д'Эстрэ, папа произвел некоторые акты юрисдикции в занимавшемся послом дворце Фарнезе. Тогда Людовик XIV отправил в Рим нового посла, маркиза де Лавардина, в сопровождении вооруженного отряда в 800 человек, который занял дворец, окружающие дома и церковь Сан-Луи и превратил посольство в вооруженную крепость. Папа отказался принять Лавардина, а затем отлучил его от церкви и наложил интердикт на церковь Сан-Луи. Но Людовик XIV не думал сдаваться. Парижский парламент объявил папскую буллу недействительной, а французское правительство захватило Авиньон и Венсен и арестовало папского нунция в Париже. В конце концов Лавардин был отозван, нунций вернулся в Рим, а при новом папе Александре III новый французский посол Шольней получил инструкции не настаивать на привилегии квартала. Но только в 1693 г. Людовик XIV формально отказался от нее. [51]

Два описанных выше случая знаменуют собой окончательную отмену привилегии квартала в Западной Европе. [52]

---

[50] Hill, op. cit., v. III, p. 202.

[51] См. Flassan, op. cit., t. IV, p. 94—102, Odier, op. cit., p. 125—128; Genet, op. cit., p. 558—559.

[52] Правда, имел место еще один конфликт на этой почве, уже в XVIII в., но он представляется явным анахронизмом и не оставил ни-

Но сохраняется право убежища в помещениях самого посольства. Попытки отмены этого права предпринимались еще в начале XVII века, но не имели успеха. В Испании в 1608 г. король Филипп III, потребовал от правительства Венеции отказа от права убежища, принадлежавшего его посольству в Мадриде, но правительство Венеции, предварительно запросив своих послов в Лондоне, Париже и Мадриде относительно существующей там практики, отказалось удовлетворить это требование.[53] В Англии в 1624 г. король Яков I отклонил петицию палаты общин об изъятии английских католиков из посольских церквей, указав, что «дома послов являются привилегированными местами».[54] Только при преследовании тяжелых государственных преступников, когда интересы государственной власти затрагиваются наиболее чувствительно, она еще меньше, чем прежде, считается с привилегией посольства. В той же Англии во время революции местные власти не раз вступали в помещения посольств католических государств для ареста укрывавшихся там роялистов и католических священников. Так, например, в 1645 г., по приказу Долгого парламента, были произведены обыски в домах французского резидента и испанского посла в связи с побегом из Тоуэра двух участников ирландского мятежа, и парламент признал, что эти действия правомерны, так как послы по международному праву не могут покровительствовать изменникам. В декабре того же 1645 г. парламент решил изловить в Лондоне всех опасных роялистов, и с этой целью у посольских домов была расставлена стража, чтобы помешать им скрыться туда.[55] В Голландии во второй половине XVII века была сделана попытка полной отмены права убежища в посольствах. В 1663 г. Генеральные Штаты объявили,

какого следа в последующей дипломатической практике. В 1759 г. французский посланник в Генуе де Шовелен, узнав, что генуэзские полицейские (sbirri) появились вблизи его дома, приказал преградить им путь. Слуги напали на человека, который проходил мимо здания миссии и не желал вернуться обратно и которого они приняли за полицейского, и убили его. Но убитый оказался не полицейским, а городским привратником. Посланник признался в ошибке и выдал виновных слуг судье. Судья, однако, в порядке «вежливости» освободил их (см. Flassan, op. cit., t. IV, p. 133). Флассан справедливо указывает на то, что, не говоря уже об ошибке, сама по себе претензия на основании старинного обычая запретить полиции проход перед зданием французской миссии, была смешна и оскорбительна для генуэзского правительства и что едва ли можно было, по здравому смыслу, поддерживать столь отжившее право (ibidem).

[53] См. Adair, op. cit., p. 210—211.

[54] Ibidem, p. 211.

[55] См. Adair, op. cit., p. 216—217. О других многочисленных фактах, характеризующих английскую практику по вопросу о праве убежища в иностранных посольствах, см. p. 211—220.

что «дома или квартиры резидентов в Гааге ни в коем случае не освобождаются от обыска, если представляется необходимым арестовать какое-либо лицо на законном основании по праву суверенной власти». По свидетельству Бинкерсгука, в некоторых случаях голландские власти действовали в соответствии с этим принципом.[56]

К началу XVIII века полностью укрепляется взгляд, что право убежища в дипломатических помещениях не распространяется на государственных преступников. Все же проведение этого взгляда на практике не обходится без конфликтов, потому что государственная власть каждой страны, оспаривая право иностранных посольств давать убежище государственным преступникам, претендует на такое право для собственных посольств в иностранных государствах.

В связи с этим заслуживают внимания два широко известных инцидента первой половины XVIII века. В 1726 г. испанский первый министр герцог де Рипперда, будучи уволен в отставку за проведение англофильской политики, не отвечавшей в то время интересам испанского двора, и опасаясь репрессий, скрылся в помещении английского посольства в Мадриде. Когда испанский король Филипп V потребовал выдачи Рипперды, то английский посол Стенгоф заявил, что Рипперда не обвиняется ни в каком преступлении и поэтому пользуется защитой посольства. При этом Рипперда отказался сдать испанским властям хранившуюся при нем секретную переписку его с Филиппом V. Испанские власти окружили помещение посольства стражей, которая проверяла всех лиц и все кареты, выезжавшие из посольства, а Стенгоф обратился к членам дипломатического корпуса за содействием ввиду нарушения его дипломатических привилегий. Когда в ответ на вторичную испанскую ноту о выдаче Рипперды Стенгоф заявил, что не может заставить Рипперду покинуть посольство, король созвал Совет Кастилии (высший суд испанского королевства), и перед ним был поставлен вопрос: «Можно ли, не нарушая международного права, изъять из дома посла Великобритании герцога Рипперду, который был отставлен его величеством и укрылся у названного посла». Совет Кастилии объявил Рипперду виновным в «оскорблении величества», что не давало права на предоставление ему убежища — и вынес решение, что его можно изъять из посольства силой, ни в какой мере не нарушая дипломатических привилегий и международного права. После этого отряд в шестьдесят солдат вступил в английское посольство, а офицер вручил Стенгофу письмо, что ввод отряда не направлен

[56] Ibidem, p. 219.

против посла, а предпринят с целью арестовать Рипперду и взять его бумаги. Стенгоф вынужден был уступить. Рипперду арестовали и заключили в замок в Сеговии. Так как весь инцидент происходил на фоне обостренных англо-испанских отношений, то последовала резкая переписка и дело дошло даже до вооруженного конфликта. Но испанское правительство все время признавало свои действия правомерными и не соглашалось дать какое-либо удовлетворение.[57] Через двадцать с лишним лет произошел новый аналогичный инцидент. В 1747 г. шведский купец Спрингер, осужденный за государственную измену и шпионаж, скрылся в английской миссии в Стокгольме. Тогда помещение миссии и весь квартал были окружены отрядом шведских солдат. На другой день шведский канцлер Нолькен дважды посетил английского посланника Гидекенса и требовал выдачи Спрингера, указывая на желательность избежать неприятных переговоров. Так как Гидекенс уклонялся от определенного ответа, то в третий раз Нолькен пригрозил, что если укрывшийся не будет выдан, он будет взят силой. Гидекенс протестовал против нарушения его дипломатических привилегий, но согласился на выдачу. После этого Гидекенс послал шведскому правительству несколько меморий, в которых требовал удовлетворения. Однако шведское правительство не только отказало в этом, но потребовало отозвания Гидекенса. Более того, Гидекенсу было предписано выехать в кратчайший срок, даже не сделав прощальных визитов королю.[58]

Так как лица, укрывавшиеся в помещениях самих посольств, большей частью принадлежали именно к государственным преступникам, то непризнание права убежища в посольствах в отношении таких лиц вообще сужало рамки его практического применения. В XVIII веке уже вполне явственно и весьма широко проявляется тенденция к полной отмене права убежища в дипломатических помещениях. Но лишь на протяжении XIX века эта привилегия лишается признания в большинстве государств, сохраняясь более или менее прочно только в Испании, в странах Латинской Америки и на Востоке.

Хотя описанные выше уродливые преувеличения иммунитета дипломатической резиденции: привилегия квартала и права убежища в посольском помещении,— которые носят

---

[57] Дипломатическая переписка по делу Рипперды приведена у Martens, Causes célèbres..., t. I, p. 178—2; описание дела см. у Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 311—313; Hill, op. cit., v. III, p. 427—429.

[58] См. Martens, Causes célèbres..., t. II, p. 53—79 (приведена также дипломатическая переписка); Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 314—315.

заметную печать перехода от средневековья к новому времени,— на протяжении XVII и XVIII веков в значительной мере отмирают, самый принцип иммунитета резиденции в этот же период укрепляется и получает полное признание. В тех пределах, в каких он считался бесспорным, он включал освобождение дипломатических помещений от любых мер местной юрисдикции и вообще полную гарантию от вступления в эти помещения агентов местной власти без разрешения посла. И эти правила соблюдались все более и более строго. Лишь в тех случаях, когда местная государственная власть решалась на арест самого посла, как, например, в вышеприведенных казусах Гилленборга, Челламаре и др., она сплошь и рядом предпринимала обыск в его помещениях и захватывала его бумаги. Принцип иммунитета резиденции, возникший, подобно принципу иммунитета от юрисдикции по уголовным делам, как необходимое дополнение личной неприкосновенности посла в условиях системы постоянных посольств, неизбежно подвергался ограничениям, когда подвергался ограничениям личный иммунитет.

§ 5. Иммунитет от юрисдикции по гражданским делам

Медленнее пробивало себе дорогу признание иммунитета послов от юрисдикции по гражданским делам. Постоянно проживая в иностранной столице, послы и члены их свиты вступали в разнообразные отношения с местным населением. В частности, они входили в различного рода гражданские обязательства, связанные, например, с наймом дома, покупкой предметов обихода и продовольствия, денежным займом и т. п., и, следовательно, в случае спора могли оказаться как истцами, так и ответчиками в местных судах. На практике наибольшую остроту получил вопрос о подсудности посла за долги.

Постоянные послы и резиденты — это уже не столько представители духовной и светской феодальной знати (последние входят теперь, главным образом, в состав сравнительно редких чрезвычайных посольств), сколько дипломаты карьеры, которых государи вербуют из среды людей самого разного общественного положения: офицеров, чиновников, купцов, клириков, писателей-гуманистов и т. д. Все эти люди в большинстве случаев не обладают собственными доходами, а живут на жалование, получаемое от правительства. Жалования же этого обычно далеко нехватает для поддержания того образа жизни, которого требует положение

посла, и к тому же выплата его очень часто подолгу задерживается.[59] Вследствие этого первое время после установления постоянных посольств послы и резиденты сплошь и рядом вынуждены были влачить за границей довольно жалкое существование. Так, при расследовании деятельности испанского посла в Англии Пуэблы обнаружилось, между прочим, что он жил на 2 пенса в день в дешевом трактире, в котором находили себе приют женщины легкого поведения.[60] Многочисленные письма послов на родину полны жалоб на их бедственное положение.[61] В несколько лучшем положении находились клирики, так как они могли восполнять недостаточное жалование, получаемое от правительств, церковными доходами.[62] Остальные же вынуждены были изыскивать какие-нибудь побочные доходы, например, заниматься торговлей, или — что было чаще всего — впадать в долги.

Позднее, в XVII и XVIII веках, когда в связи с развитием абсолютизма вопросы престижа стали занимать довольно важное место в деятельности дипломатии, государи начинают придавать большое значение тому, чтобы их послы своим положением и внешним образом жизни символизировали величие отечественного двора. Дипломатические посты стали гораздо чаще замещаться представителями при-

---

[59] Так, например, венецианские послы во Франции в середине XVI века получали по 5 дукатов в день, но и это скромное вознаграждение выплачивалось им лишь по возвращении на родину (см. Nys, op. cit., p. 303).

[60] См. Nys, op. cit., p. 315.

[61] Венецианский посол во Франции Марино Кавалли писал, например, что средств посольства не хватает на самое необходимое. «Вот почему,— добавлял он,— не надо удивляться, что многие граждане предпочитают оставаться в Венеции и жить, как простые смертные, чем отправляться с посольством в чужую страну» (см. Nys, op. cit., p. 302—303). А вот отрывки из письма знаменитого Никколо Макиавелли и Франсуа де-ла-Каса, которое они писали своему правительству, будучи флорентийскими послами во Франции: «Мы умоляем вас немедленно выслать нам деньги, необходимые для удовлетворения наших нужд на то время, что вы держите нас двоих или одного из нас... Мы не можем терпеть нужду в самом необходимом. Мы вынуждены будем отказаться от нашей миссии, если вы не окажете нам помощи» (ibidem, p. 303 et s.).

[62] Упоминавшийся выше Марино Кавалли в том же письме указывал на огромные доходы послов папы, которых, «прежде чем отправляют с посольством, назначают епископами», послов императора и послов королей Франции, Англии и Португалии из среды духовенства, которых «награждают доходными аббатствами и епископствами, приносящими им от 4 тыс. до 10 тыс. экю» (см. Nys, op. cit., p. 301—302). Этим отчасти объясняется то обстоятельство, что клирики гораздо охотнее шли на дипломатическую службу, чем миряне; даже в XVI в. мы еще встречаем на дипломатических постах много клириков.

дворной аристократии, и значительно увеличились посольские оклады.[63] Однако еще в большей степени возросли расходы послов. Посольства, в особенности монархических государств, соперничали друг с другом в пышности и блеске, много денег уходило на подкупы влиятельных лиц из придворного окружения и содержание «верных друзей» в государстве пребывания — что было неизбежным спутником дипломатии того времени.[64] «Для такой службы и для такого положения,— пишет Хилл о дипломатии времен Людовика XIV,— посол получал слишком небольшое жалование и обыкновенно имел много долгов... Не было редкостью для послов закладывать или продавать свое серебро и даже растрачивать свое частное состояние, для того чтобы поддержать достоинство своего короля. Послы Франции тратили еще ради своего государя огромные суммы денег на подкуп и содержание министров и принцев, а иногда даже королей. Главной наградой за такие жертвы и ответственность были обычно слово похвалы от монарха, орден святого Людовика или более почетный и важный пост».[65] Так как расходы послов на «представительство» и на подкупы значительно превышали и королевское жалованье и их собственные доходы, то послы еще в большей мере, чем прежде, вынуждены были впадать в долги. Вот почему вопрос о подсудности послов за долги так настойчиво требовал своей регламентации.

Между тем, существовало известное положение римского права, охранявшее послов от судебного преследования за долги, заключенные до миссии (так называемое jus domum revocandi), и, следовательно, допускавшее преследование их за долги, заключенные во время миссии. При огромном влиянии римского права на законодательство, судебную практику и юриспруденцию того времени это положение, несомненно, оказывало немалое сдерживающее влияние на развитие норм дипломатического иммунитета. Суды принимали иски против иностранных послов и выносили решения о взыскании с них долгов. Кредиторы с помощью агентов местной власти налагали арест на имущество послов, а иногда арестовывали и самих послов. Такие случаи были особенно частыми в XVI веке. Так, например, посол французского короля Карла VIII во Флоренции писал домой, что так как он, не имея денег, наделал долгов, то, чтобы избежать преследова-

---

[63] Например, венецианские послы во Франции во времена Людовика XIV получали до 400 дукатов в месяц, т. е. почти в три раза больше, чем в середине XVI века (см. Nys, op. cit., p. 303).

[64] См. яркую характеристику этого явления в Истории дипломатии, т. I, стр. 180—181.

[65] Hill, op. cit., v. III, p. 55.

ний кредиторов, он вынужден покинуть город.[66] Уже упоминавшийся испанский посол в Англии Пуэбла писал, что кредиторы наседают на него со всех сторон и что завтра он может быть отправлен в тюрьму. Пуэбла сообщал также, что посол римского короля[67] находится еще в более тяжелом положении: полицейские чиновники уже явились к нему, чтобы вести его в тюрьму, но неожиданно ему удалось получить гарантию и спасти себя в тот день от ареста.[68] Когда в Лондоне в 1563 г. умер испанский посол Квадра, то кредиторы наложили арест на его прах, и в течение почти двух лет испанское правительство не могло увезти этот прах в Испанию.[69] И все это считалось нормальным явлением с точки зрения правовых представлений того времени.

Однако с начала XVII века, когда абсолютные государи стали ревниво охранять престиж и достоинство своих представителей за границей, подобное обращение с их послами вызывает с их стороны резкую реакцию. Ввиду этого правительства государств пребывания, действуя под влиянием политических соображений, стараются оградить иностранных послов от судебного преследования за долги и применения каких-либо принудительных мер по требованию кредиторов. Так, например, когда в 1608 г. во Франции домовладелец наложил арест на домашнюю обстановку венецианского посла за то, что тот, покидая помещение до истечения срока аренды, отказался заплатить арендную плату за все время найма, посол пожаловался королю Генриху IV. Король назначил арбитров для рассмотрения этого дела, которые решили его в пользу посла, и послу дано было удовлетворение за нанесенное ему оскорбление.[70] Или когда в 1612 г. в Англии каретный мастер наложил арест на карету венецианского посла за неуплату небольшого долга, посол пожаловался графу Нортамптонскому, который приказал арестовать каретного мастера и вернуть послу карету.[71]

Но в таких случаях местная правительственная власть неизбежно оказывалась перед дилеммой между защитой интересов собственных подданных и защитой интересов внешней политики, диктовавших избегать осложнений и ссор с иностранными послами. В ряде случаев правительства вынуждены были становиться на сторону интересов собствен-

---

[66] См. Maulde la Clavière, op. cit., v. II, p. 36.

[67] Титул «римского короля» носили германские императоры, избранные, но еще не коронованные.

[68] См. Adair, op. cit., p. 78—79.

[69] Ibidem, p. 79—80.

[70] Ibidem, p. 80; Pradier-Fodéré, op. cit., v. II, p. 111.

[71] Adair, op. cit.

ных подданных и санкционировать меры юрисдикции в отношении посла-должника. Так, например, в Англии в 1615 г., когда в Тайный совет поступили со стороны ряда лиц жалобы на то, что венецианский посол Фоскарини не платит своих долгов, статс-секретарь Уинвуд дважды просил посла удовлетворить требования кредиторов, и после того как это ни к чему не привело, кредиторам было разрешено наложить арест на имущество посла.[72] В 1638 г. голландский суд наложил арест на недвижимое имущество шведского посла, а в 1644 г. штаты Голландии в ответ на жалобу шведского посла вынесли определение, признающее юрисдикцию над послами «в том, что не касалось исполнения ими своих обязанностей».[73]

Правительства государств пребывания стремились к тому, чтобы, защищая законные интересы собственных подданных, в то же время по возможности не задевать иммунитета иностранных послов. В особенности они старались не допускать ареста самого посла за долги. Так, например, когда в 1657 г. в Англии по требованию кредитора был арестован бранденбургский резидент Шлецер, то Тайный совет приказал немедленно освободить его, а кредитор и чиновники, производившие арест, были заключены в тюрьму.[74] В 1651 г. голландский суд отказался выдать кредиторам ордер на арест португальского посла.[75] Однако удовлетворять претензии кредиторов и не вторгаться в сферу личного иммунитета послов-должников было отнюдь не так легко, и правительствам при такой линии поведения далеко не всегда удавалось избегать дипломатических конфликтов.

Наиболее известными из многочисленной серии конфликтов, возникших в связи с преследованием послов за долги, были дело Матвеева в Англии, о котором будет речь ниже, и дело барона Вреха во Франции, послужившее поводом к изданию нашумевшего в свое время меморандума Эгильона. В 1772 г., когда гессен-кассельский посланник во Франции барон де Врех собирался покинуть Париж, французское правительство, по просьбе кредиторов де Вреха, отказалось выдать ему паспорт на отъезд до уплаты долгов. В ответ на коллективный протест членов дипломатического корпуса, к коим посланник обратился за содействием, французский министр иностранных дел герцог д'Эгильон разослал им специальный меморандум, в котором, ссылаясь на прецеденты

---

[72] Ibidem, p. 80—81.

[73] См. В. Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897, т. I, стр. 209.

[74] См. Adair, op. cit., p. 83—84.

[75] Ibidem, p. 85.

дипломатической практики и на авторитетов науки международного права, доказывал, что «...публичный министр не может ссылаться на свои привилегии, для того чтобы освободиться от уплаты долгов, которые он заключил в стране своего пребывания. ...ибо ни один суверен не желает и не может желать, чтобы эти прерогативы обращались во вред его подданным...» «Привилегия послов,— говорилось далее в меморандуме,— касается только имущества, которым они владеют как послы и без которого они не могли бы выполнять своих должностных функций. ...Государь вправе пользоваться средствами принуждения, которые не нарушают их функций и которые состоят в том, чтобы запретить послу покинуть страну, пока он не погасил своих обязательств».[76]

Как видно из приведенных выше прецедентов, позиция английского правительства сводилась к тому, что кредиторы иностранного посла могут обращаться в Тайный совет, который в каждом отдельном случае решает, допустимо ли судебное преследование; позиция голландского и французского правительств заключалась в том, что такое преследование допустимо в тех пределах, в каких оно не нарушает должностных функций посла. Но дипломатические конфликты, возникавшие по этому поводу, наносили вред политическим интересам правительств, и последние ввиду этого постепенно склоняются к признанию полного иммунитета послов от гражданской юрисдикции. Поскольку суды продолжали оставаться на почве римского права, возникала необходимость в законодательной регламентации принципа судебного иммунитета иностранных послов. Законодательство о дипломатическом иммунитете первоначально появляется, главным образом, именно в связи с вопросом об ответственности послов за долги.[77]

---

[76] Дипломатическая переписка по делу Вреха, в том числе меморандум Эгильона, приведены у Martens. Causes célèbres..., t. II, p. 282—291 (цитируемые места: p. 285, 286, 288); см. также Flassan, op. cit., t. VII, p. 91—99; Satow, op. cit., 2 ed., v. II, p. 264—268.

[77] Правда, в Испании и Португалии существовали законы, признававшие подсудность послов местным судам. Закон португальского короля Иоанна IV, изданный в середине XVII в., допускал преследование иностранных послов в судах королевства в связи с обязательствами, взятыми ими на себя до начала миссии. Напротив, закон испанского короля Филиппа V, изданный в 1737 г., воспроизводил положения римского права и допускал судебное преследование послов только в связи с обязательствами, взятыми на себя во время миссии (см. P. Pradier-Fodéré. Cours de droit diplomatique. Paris, т. I, p. 124—125). Однако попытка проведения в жизнь этих законов почти никакого успеха не имела (см. L. Phillimore. Commentaries upon International Law. 2 ed. London, 1876, v. II, p. 230—231; Александренко, цит. соч., т. I, стр. 211).

Первыми на путь законодательной регламентации судебного иммунитета послов встали Нидерланды, в которых провинциальные штаты и высшие суды провинций весьма ревниво относились к соблюдению местного права и центральному правительству не всегда удавалось оградить иностранных послов от их юрисдикции.[78] В 1679 г. Генеральные штаты соединенных провинций издали декрет, гласивший, что «особы иностранных послов или посланников, прибывающих в эту страну, проживающих в ней или проезжающих через нее, и члены их свиты не должны подвергаться аресту и на их имущество не должно налагаться ареста или запрещения ни при их въезде в страну, ни во время пребывания в ней, ни при отъезде из нее за какие-либо долги, которые они могут в ней заключить, и что жители (страны) должны будут руководствоваться вышеизложенным, если они захотят вступать в сделки с указанными послами и членами их свиты».[79]

После Нидерландов, уже в начале XVIII века, специальный указ об иммунитете послов был издан в России, но о нем будет итти речь ниже. В том же году, а именно, в 1708, датский король Фридрих IV издал указ о том, что иностранные министры, аккредитованные в Дании и их слуги не могут быть подвергнуты аресту за долги местным подданным и на их имущество не может налагаться ареста в обеспечение долговых требований.[80]

На следующий год был издан старейший из действующих поныне законов о дипломатических привилегиях — английский «Акт о сохранении привилегий послов и публичных министров от иностранных государей и чинов». Поводом к изданию этого закона послужил широко известный дипломатический конфликт, вызванный арестом за долги в июле 1708 г.

[78] Штаты Голландии в 1651 г. приняли декларацию, запрещавшую под страхом телесных наказаний «совершать посягательства, наносить вред или оскорблять словом, действием или жестом» публичных министров иностранных государств, что относилось к «их особам, людям их свиты, слугам, дому, каретам или другим предметам, которые им принадлежат или от них зависят» (см. G e n e t., op. cit., p. 501—502). Эта декларация охраняла личную неприкосновенность послов, но отнюдь не предоставляла им судебного иммунитета.

[79] См. E. V e r c a m e r. Des Franchises diplomatiques et spécialement de l'exterritorialité. Bruxelles — Paris, 1891, p. 49. Но даже после издания этого декрета голландский суд старался придерживаться первоначальной позиции голландских штатов, выраженной в их цитированном выше определении 1644 г. и толковать декрет в духе этого определения. В 1720 г., в решении по делу посланника Гольштейн-Готторпа, он указал, что декрет 1679 г. распространяется только на те долги, которые заключены послом в целях выполнения его служебных функций, а что за долги, заключенные им в качестве частного лица, он может быть преследуем по суду (см. A d a i r, op. cit., p. 86—87).

[80] V e r c a m e r, op. cit., p. 55—56.

русского посла в Лондоне Матвеева.[81] Опасаясь обострения отношений с русским правительством[82] и желая предупредить нападки в парламенте, сессия которого открывалась в ноябре того же года, английское правительство внесло в парламент билль об иммунитете иностранных послов, который после двоекратной консультации с членами дипломатического корпуса был принят парламентом и 21 апреля 1709 г. получил санкцию королевы. Согласно этому акту, носящему название «Статут 7-го года царствования Анны, раздел 12», всякие меры юрисдикции против аккредитованных агентов всех рангов, их слуг и их имущества будут считаться недействительными (ст. 3), а лица, добивающиеся таких мер или их исполняющие, будут подлежать наказанию по суду как «нарушители международного права и возмутители общественного спокойствия» (ст. 4); при этом оговаривается, что действие этого акта не будет распространяться на купцов, которые поступили на службу к дипломатическому агенту с целью избежать применения законов о банкротстве (ст. 5), и что слуги дипломатического агента пользуются преимуществами этого акта лишь при том условии, что они внесены в списки канцелярии одного из статс-секретарей (ст. 6).[83] О том, что до издания закона 1709 г. английское право и судебная практика, вопреки требованиям политики и позиции правительства, не признавали полной неподсудности послов, оставаясь на почве римского права, свидетельствует тот факт, что оскорбители Матвеева не могли быть наказаны по законам Англии; хотя они были арестованы, допрошены в Тайном совете и преданы суду Королевской Скамьи, но начатый против них процесс был прекращен.[84]

---

[81] Так как дело Матвеева подробно исследовано и освещено в литературе (см. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 214—228; его же. Дело об оскорблении русского посла в Лондоне А. А. Матвеева, журн. Министерства народного просвещения, 1893, сентябрь; Martens, Causes célèbres..., t. I, p. 79—97), его изложение опускается. Ниже затрагиваются только отдельные стороны этого конфликта.

[82] Английскому резиденту в Петербурге Уитворту был дан наказ не жалеть «ни усилий, ни расходов», чтобы смягчить гнев Петра I; предполагалось даже отправление специального посольства к царю для принесения извинения, но впоследствии вместо этого Уитворт был возведен в ранг чрезвычайного посла и принес извинение перед царем в торжественной аудиенции при вручении новой верительной грамоты (см. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 216, 221—222).

[83] Полный текст парламентского акта 1709 г. приведен в сборнике H. Feller and M. Hudson. A Collection of the Diplomatic and Consular Laws and Regulation of Various Countries. Washington, 1933, v. I, p. 211—212; в русском переводе — см. у Александренко, цит. соч., т. II, стр. 14—18.

[84] Генеральный прокурор Монтегю, составлявший обвинительный акт по делу Матвеева, потом писал статс-секретарю Бойлю: «я ура-

В 1724 г. в Пруссии был издан королевский ордонанс, который уведомлял всех, кто будет что-либо продавать или сдавать в наем иностранным дипломатическим агентам, что король считает недопустимым распространение на них какой-либо юрисдикции ни за долги, ни за что-либо другое и что горожане, купцы и ремесленники, которые окажут кредит иностранным дипломатическим агентам и не получат следуемого, будут напрасно обращаться в обыкновенные суды, чтобы добиться присуждения их к уплате долгов, так как король запрещает применять к ним телесное или какое-либо иное принуждение. [85]

Английский закон 1709 г. послужил образцом при издании аналогичного закона в Соединенных Штатах Америки. Акт, принятый Конгрессом США и вступивший в силу 30 апреля 1790 г., воспроизводил ряд основных положений и формул английского закона. Впоследствии он был включен в Кодекс (свод законов) Соединенных Штатов (§§ 251—255) и, так же как и английский закон, действует по настоящее время. [86]

Четыре года спустя закон об иммунитете послов был издан во Франции. [87] Издание этого закона было вызвано иными поводами. В годы революционного террора были арестованы в Париже некоторые дипломатические агенты нейтральных стран (Женевской республики, Мальтийского ордена и др.) за деятельность угрожавшую безопасности Франции, и в Комитет общественного спасения поступили жалобы на нарушение международного права. Якобинское правительство, находясь в состоянии войны и дипломатической изоляции, хотело избежать каких бы то ни было осложнений с теми немногими иностранными правительствами, которые продолжали поддерживать с ним сношения, и решило гарантировать иммунитет иностранных послов в законодательном

зумел, что судьи вменяют недавно учиненное парламентское уложение о содержании посольских привилегий довольным к предупреждению на будущее время несчастия такого рода, а не к наказанию лиц, ныне виновных» (см. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 224—225).

[85] См. Vercamer, op. cit., p. 162—163, note.

[86] Текст американского закона см. у Feller and Hudson, Collection..., v. II, p. 1340.

[87] До этого, еще в 1789 г., когда Учредительное собрание в целях окончательного упразднения права убежища в местах богослужения издало декрет, гласивший, что «во всех случаях, когда затронута безопасность государства, нет привилегированных мест», дипломатический корпус, сочтя себя задетым, потребовал разъяснений. Учредительное собрание заявило в порядке толкования этого декрета, что «оно не имело в виду нанести какого бы то ни было ущерба иммунитетам иностранных послов и посланников» (см. Vercamer, op. cit., p. 84).

порядке. По докладу Баррера,[88] Конвент 3 марта 1794 г. принял закон, известный под названием «декрета 13 вантоза II года», который гласил: «Национальный конвент запрещает всякому органу власти производить какие бы то ни было действия, причиняющие беспокойство особам посланников иностранных правительств; претензии, могущие возникнуть к таковым посланникам, должны предъявляться в Комитет общественного спасения, который один компетентен выносить решения по этому вопросу (pour y faire droit)».[89] Иначе говоря, иностранные дипломаты во всех случаях полностью освобождались от юрисдикции французских властей.[90] Закон 13 вантоза II года формально принадлежит к числу действующих по настоящее время законов Франции.

Появление вышеуказанных законов сильно способствовало общему укреплению принципа неподсудности дипломатических агентов и сделало его широко признанным международным обычаем. Но это произошло постепенно. Нидерландский и датский законы относились только к самым послам и предусматривали освобождение их от судебного преследования за долги. Английский парламентский акт имел в виду освобождение послов и членов их свиты от юрисдикции по гражданским делам и еще в первой половине XIX века толковался судами как не имеющий отношения к делам уголовным.[91] Лишь впоследствии он стал служить основанием для неподсудности как послов, так и их персонала по всем делам. Прусский закон также имел в виду гражданские дела. Напротив, американский и французский законы, изданные значительно позднее, с самого начала распространялись и на гражданские и на уголовные дела, и как на самих послов, так и на членов их свиты. А в первой половине XIX века уже окончательно устанавливается принцип полного иммунитета всех дипломатических агентов от местной юрисдикции.

Начало законодательной регламентации международно-правового положения дипломатических агентов имело и дру-

[88] В своем докладе Баррер, между прочим, говорил: «Необходимо заявить с этой трибуны (ибо с этой трибуны вы обращаетесь ко всем иностранным правительствам), что хотя Конвент и комитеты не могут и не намереваются гарантировать добрые нравы иностранных агентов, они находятся здесь под покровом международного права, которое мы уважаем, даже если его нарушают в отношении нас» (ibidem, p. 85).

[89] См. Feller and Hudson, Collection..., v. I, p. 536.

[90] По поводу толкования этого закона в доктрине и судебной практике см. Vercamer, op. cit., p. 86—89.

[91] См. примеры такого толкования ниже, в главе XV, в связи с изложением судебных решений по делу слуги испанского дипломатического представителя Аподака (1808) и по делу слуги американского посланника Галатина (1827).

гой результат. Суды, освободившись от влияния многовековой традиции римского права и применяя законы, отражающие принципы международного права нового времени при разрешении конкретных дел, толковали эти принципы и конкретизировали их, давая им отчетливую формулировку и наполняя их более точным содержанием. Тем самым судебная практика больше не задерживала развития дипломатического иммунитета, а стала играть в этом развитии немаловажную положительную роль.

§ 6. Дипломатический церемониал

Установление постоянных посольств вызывает, наконец, новые потребности и в регламентации церемониальных прав дипломатических представителей. Теперь в каждой иностранной столице появляется дипломатический корпус, и постоянные послы должны заботиться не только об оказании им надлежащих знаков уважения и почета со стороны правительства государства пребывания, но и о своем месте и положении среди других иностранных послов, аккредитованных в этом государстве. Иными словами, возникла проблема юридической регламентации положения всего дипломатического корпуса в целом и, в особенности, положения его отдельных членов относительно друг друга и их отношений между собой. Между тем, никаких международно-правовых норм в этой области вначале не существовало, что создавало немалые осложнения в повседневной деятельности дипломатии. Хилл пишет: «Без организации, не обладая кодексом, за исключением собственных обычаев, которые постепенно принимали форму обычного права, дипломатический корпус был соединением живых молекул без живых отношений и без души. Вопросы формы, церемонии и председания неизбежно сделались почти главным предметом их интересов, покуда в более позднее время их существование не приобрело нового значения благодаря регламентации их функций принципами права и конвенционными соглашениями».[92] На почве престижа между послами происходили частые столкновения, которые иногда перерастали в серьезные политические конфликты. Серьезность таких конфликтов обусловливалась тем, что в них за символическими обрядами дипломатического церемониала большей частью скрывалась защита реального политического влияния того или иного государства. Особенно острыми были споры о так называемом председании. Описаниями этих споров полны старые учебники по международ-

[92] Hill, op. cit., v. II, p. 310.

ному праву и руководства по дипломатии, но их освещение выходит за рамки данной работы.

Постепенно вырабатывается своеобразный международный кодекс правил дипломатического церемониала. В определении этих правил исключительная роль принадлежала тем государствам, которые были главными центрами международной жизни. Церемониальные обычаи, принятые в этих государствах, воспринимались другими государствами и становились международными. В XVI веке такую роль играли итальянские государства, и в первую очередь Венеция, в XVII и XVIII веках — Франция. В последующий период значение вопросов церемониала сильно падает, и они начинают занимать довольно скромное место в общей системе норм, регламентирующих международно-правовое положение дипломатических представителей. Отчасти это объясняется крушением абсолютизма, в условиях которого борьба за международное влияние государства неразрывно связывалась с борьбой за престиж монарха, воплощавшийся за границей в положении его послов, и деятельность дипломатии протекала, главным образом, при дворе; отчасти же это объясняется тем, что наиболее острый вопрос церемониала — вопрос о председании был урегулирован международными соглашениями: Венским регламентом и Аахенским протоколом, устранившими повод для тех весьма многочисленных трений и конфликтов, которые прежде наполняли дипломатическую практику.

§ 7. Теория посольского права

Если прецеденты дипломатической практики XVI—XVIII столетий, касавшиеся иммунитета послов, послужили той почвой, на которой сложились общепризнанные положения международного права в данной области, то немалую роль в этом сыграла доктрина международного права, обобщавшая дипломатическую практику и помогавшая формулировать эти положения. Уже в XVI веке появляется множество трактатов по посольскому праву. Среди более известных можно назвать сочинения Гонсальво де Виладьего, Этьена Доле, Джулио Ферретти, Конрада Брауна, Октавиана Маджи, Пьера Эйро, Шарля Фигона, Альберико Джентили, Карло Паскаля, Теодора Варсевиуса и др.[93] В XVII веке,

[93] Подробный обзор многих трактатов по посольскому праву XVI и XVII вв. дан в двух фундаментальных работах V. Hrabar. De Legatis et Legationibus Tractatus Varii, Dorpati, MDCCCCV (1905); De Legatorum Jure Tractatuum Catalogus Completus, Dorpati, MCMXVIII (1918). Краткий обзор см. у Nys, op. cit., p. 345—359.

помимо специальных монографий Отмана, Кирхнера, Арума, Марселера и др., вопросам посольского права уделяли большое место в своих сочинениях такие известные юристы, как Гроций, Зеч, Пуффендорф, а в XVIII веке такие, как Бинкерсгук, Монтескье, Блекстон, Ваттель, Мартенс и др. Многие трактаты по посольскому праву писались под непосредственным влиянием прецедентов практики, в которых авторы участвовали в качестве консультантов или судей. Так, например, Джентили и Отман были консультантами по делу Мендозы, Зеч — был одним из уполномоченных по расследованию дела Панталеона де Са, Бинкерсгук — был судьей по делу гольштейн-готторпского посланника в Гааге и т. д.

Естественно, что огромное внимание в этих сочинениях уделялось тем двум вопросам, которые с наибольшей остротой выдвигались практикой: вопросу о суде над послом-заговорщиком и вопросу о подсудности посла за долги. Авторы XVI и начала XVII столетий большей частью придерживались романистических традиций и не вносили ничего существенно нового в решение этих вопросов. На вопрос о том, вправе ли государство пребывания судить посла, совершившего преступление, они обычно отвечали положительно, основываясь на римском праве, а некоторые (например, Джентили, Отман, Паскаль и др.) добавляли, что по соображениям политической мудрости или осторожности предпочтительнее такого посла отослать обратно на родину.[94] На вопрос о том, может ли посол отвечать перед судом государства пребывания за долги, заключенные во время миссии, они также отвечали положительно и уже не делали никаких оговорок, а просто применяли известное положение римского права относительно jus domum revocandi.[95]

---

[94] Анализу различных теорий и рассуждений по этому вопросу в литературе XVI и начала XVII вв. специально посвящена работа В. Овчинникова. К учению о посольской неприкосновенности. Обзор литературы вопроса о неприкосновенности посла, совершившего преступление в месте миссии, за время от Конрада Бруна до Гуго Гроция. Варшава, 1915.

[95] Вот, например, довольно типичное для авторов того времени рассуждение Джентили: «Я считаю, что посол должен подлежать юрисдикции суда по любому контракту, который он заключил во время миссии. Целью этого (принципа.— *Д. Л.*) является воспрепятствовать послам иметь право (как говорит Юлиан) увезти домой имущество других или предотвратить возможность такого положения (таково хорошо известное мнение Павла), при котором никто не будет желать заключать с ними контракты и они будут в некотором смысле изолированы от торговли... Такова суть решения, переданного нам юристами, и хотя оно применялось в отношении послов от провинций, тщательный анализ этого принципа показывает, что это право применимо также и к послам более высокого ранга» (A. Gentili. De Legationibus Libri Tres. Translation by Gor-

Такие решения этих вопросов не удовлетворяли, однако, потребностей жизни. Жизнь требовала систематических обобщений зарождающихся из практики принципов нового международного права, которое применялось к отношениям суверенных государств, рассматривавших посла как представителя особы суверена. Правда, имели место робкие попытки подойти к решению вышеуказанных вопросов и с точки зрения этого международного права,[96] но проблески новых критериев были весьма незначительны.

И все же еще в XVI столетии была выдвинута новая концепция дипломатического иммунитета, порывающая со старой романистической традицией. Автором этой концепции был популярный парижский адвокат, а затем судья в Анжере — Пьер Эйро (1536—1601), значение которого в теории посольского права недооценивали и современники, и потомки. В своей книге «Порядок, форма и судебная процедура, которыми пользовались древние греки и римляне в публичных обвинениях... в сопоставлении с традициями и обычаями нашей Франции», впервые изданной в 1576 г., Эйро указывает на неприменимость положений римского права о легатах к послам его времени: «...Послы, которых государи держат друг подле друга в наше время, не являются легатами в собственном смысле слова, как они назывались у римлян. Ибо их послы не были ординарными, как эти».[97] Эйро исходит из международного права суверенных государств, что видно из целого ряда его высказываний.[98] «...Следует сказать о после,— пишет он,— что он является неприкосновенным по праву всех народов и в силу своего публичного свой-

---

don J. Laing. The Classics of International Law, edited by James Brown Scott. New York, 1924, v. II, p. 106).

[96] Так, например, на вопрос, можно ли наказать преступного посла, Кирхнер (Legatus, 1604) отвечал, что можно — только за преступление против божественного и естественного права, каковыми он считал и «право народов», но не за преступление против права данной страны, а Сунига (El Embaxader, 1621) отвечал, что лично он рассматривал бы преступного посла как обыкновенного преступника, но по «праву народов» его можно только выслать из страны и предоставить небесной каре (см. об этом у A d a i r, op. cit., p. 22, 23—24 and f.).

[97] P. A y r a u l t. L'ordre, formalite et instruction judiciaire, dont les anciens grecs et Romains ont usé les accusations publiques... confere au stil et usage de nostre France... 2 éd., Paris, MDXCVIII, livre I, partie III; цитирую по оригинальному тексту, приложенному к вышеупомянутой книге Овчинникова, стр. 174—175.

[98] Так, например, в своем предшествующем труде (Petri Aerodii judicis, Quaestionum... decretorum, lib. VI, Paris, 1573) он замечает, что «посылать от себя послов значит свидетельствовать о своей совершенной свободе...; подчиняющиеся же господству другого должны ходатайствовать, а не действовать путем посольств» (см. О в ч и н н и к о в, цит. соч., стр. 44—45).

ства в трех отношениях: первое вытекает из того, кто его посылает, второе — из того, к кому он посылается, и третье — из характера переговоров и дел, которые он ведет».[99] И далее Эйро развивает каждый из этих трех моментов.

Посол не может быть судим и наказан, как носитель чести и достоинства своего суверена. «Народы, епископы, короли,— пишет Эйро,— почитаемы ради того, истинным отображением кого они являются; судьи и чиновники — ради тех, от кого они держат свои места; слуги, какими бы плохими они ни были,— ради господина, который ими управляет. То же самое относится и к послу... Следовательно, поскольку посол состоит в этом ранге, нужно не ради его чести, но ради чести его государя не замечать и не видеть проступков, которые он может совершить в своем качестве. Наказывая его вы наказываете никого иного, как государя в лице его агента, который по собственному побуждению, однако, не совершил никакого нарушения; а если он его совершит, solutus legibus, то оно не может быть наказано или рассмотрено каким-либо судьей, кроме как самим государем».[100] Но чтобы на законном основании не распространять на посла действия местных законов и местной власти, для этого, по мнению Эйро, его надо рассматривать как отсутствующего и продолжающего оставаться в своем отечестве. «Ибо посол на основании публичной веры прибывает с гарантией, что он не будет оскорблен ни делом, ни словом; прибывая на основании этой общей веры и с привилегиями, которые все ему предоставляют,— даже если он находится в стране врага, он в ней почитается отсутствующим и находящимся в своей собственной стране. Это значит, что если посол находится у нас, он не должен подвергаться принуждению и подчиняться нашим законам; мы не имеем власти принуждения и приговора над ним... Ибо если он является отсутствующим или считается таковым, то как можно его вызвать на суд или заключить в тюрьму? Разве поэтому (эта) фикция не является хорошей как в том, так и в другом случае?».[101] Наряду с этим Эйро приводит и практические соображения в защиту иммунитета посла, исходящие из «характера переговоров и дел, которые он ведет», указывая, что отсутствие иммунитета сделало бы чрезвычайно затруднительным выполнение его функций.[102]

---

[99] Ayrault, op. cit., p. 162.

[100] Ibidem.

[101] Ibidem, p. 163—164.

[102] Он пишет: «Касаясь данного вопроса еще в более злободневном аспекте, спросим: что случилось бы, если бы допустили исключение (из правила), что посол является неприкосновенным, если бы его мож-

Теория Эйро не оказала сколько-нибудь заметного влияния на литературу ближайших последующих десятилетий. Авторы конца XVI и начала XVII столетий попрежнему разрешали вопросы дипломатического иммунитета, главным образом, на основании римского права. Только один из них — Антуан Морнак явился последователем Эйро и отстаивал полный иммунитет послов, притом и от гражданской юрисдикции. В своем сочинении Observationes in Digestum, вышедшем в 1616 г., он писал, что послы состоят только под охраной международного права и что их нельзя принуждать защищаться перед судом как по уголовным, так и по гражданским делам.[103]

Но в XVII веке уже возникла наука международного права, и вопросы посольского права трактовались в сочинениях по международному праву на основании его общих начал и как часть его единой системы. Исключительную роль в развитии новой теории дипломатического иммунитета сыграл Гуго Гроций (1583—1645), которого большинство юристов-международников считает творцом теории посольской экстерриториальности. В действительности же Гроций не был автором этой теории. В своем сочинении «О праве войны и мира», появившемся в 1625 г., он лишь отчетливо сформулировал теорию Эйро и значительно способствовал ее распространению и влиянию.

Гроций как и Эйро, исходит из того, что дела послов должны решаться не по римскому праву, применявшемуся к провинциальным и муниципальным легатам, а по международному праву, действующему между суверенными государствами.[104] Это международное право Гроций, как известно,

---

но было бы задерживать и преследовать за преступления; какая бы возможность представилась оскорблять его и нарушать его права во всех отношениях! Не пользовались ли бы всегда этим предлогом? Не вменяли ли бы ему в вину какие-нибудь ложные факты?» (ibidem, p. 165). И в другом месте: «Проступок, который совершит посол, нужно взвешивать и рассматривать с точки зрения публичных и универсальных интересов. Ибо поскольку нет человека, столь мудрого, с которым не могло бы случиться какого-нибудь несчастья, мы не найдем никого (как мы говорили), кто хотел бы взять на себя миссию посла, заключая союзы и договоры и ведя переговоры, что является необходимым между государями. Во-вторых, чем больше посол является человеком добросовестным и разумным, тем более он будет подвергаться этим неудобствам. Ибо ничего не будет стоить лишить своего врага опытного и добросовестного лица. Далее, умертвить посла правомерно или неправомерно — это значит помешать в делах его государя: раскрыть его тайны, лишить его способов и возможностей узнать то, о чем его посол договаривался или вел переговоры: договаривался ли и вел ли он переговоры о мире или о войне» (ibidem, p. 167).

[103] См. Nys, op. cit., p. 348—349.

[104] «Но прежде всего следует знать,— пишет он,— что международное право, о котором мы трактуем, каково бы оно ни было, касается

отличает и от естественного права, относя его к праву волюнтарному. И вот, по его мнению, естественное право и международное право дают различный ответ и на вопрос о суде над послом, совершающим преступление. «Правосудие и справедливость, т. е. чистое естественное право,— пишет Гроций,— требует, чтобы было наложено наказание, когда тот, кто оказался виновным, будет найден. Но международное право исключает послов и тех кто, как и они, прибывают, находясь под защитой публичной веры. Вот почему противоречит международному праву, запрещающему много таких вещей, которые естественное право разрешает, чтобы послы подлежали преследованию». [105] Международное право, как право волюнтарное, устанавливается по согласию государств. И Гроций продолжает: «Я вполне верю, что нации согласны в том, что общий обычай, который подчиняет местному закону всякого, кто находится на чужой территории, терпит исключение в отношении послов; и что как бы в силу некоторого рода фикции они считаются лицами тех, кто их послал... Точно так же, в силу аналогичной фикции, они считаются также находящимися вне территории (государства пребывания.— *Д. Л.*). Из этого вытекает, что они не управляются гражданским правом народа, среди которого они живут». [106]

На основании этих двух юридических фикций Гроций решительно утверждает, что посла нельзя судить и наказывать в государстве пребывания, а можно лишь отослать к его суверену; [107] в случае крайней опасности его можно задержать и допросить, наконец, можно даже убить, но не в порядке наказания, а в порядке необходимой обороны. [108] Гроций поддерживает также иммунитет посла от преследования за долги

послов, которых посылают друг к другу те, кто обладает суверенитетом. Ибо те, кто, за исключением отдельных случаев, посылаются провинциями, муниципальными городами и пр., управляются не по международному праву, а по праву гражданскому» (H. Grotius. Le droit de la guerre et de la paix. Trad. par Pradier-Fodéré. Paris, 1867, t. II, p. 325—326).

[105] Grotius, op. cit., p. 335.

[106] Ibidem, p. 336.

[107] «Вот почему, если деликт таков, что можно на него не обращать внимания, то либо его нужно не замечать, либо посол должен получить приказ уехать за границу» (ibidem). «Если преступление — более ужасное и если оно наносит ущерб публичным интересам, посол должен быть отправлен обратно к тому, кто его послал, с просьбой наказать его или выдать» (ibidem, p. 337).

[108] «...Если нет других способов, чтобы предупредить немедленную опасность, то послы могут быть задержаны и допрошены» (ibidem). «Если посол предпринимает какое-нибудь вооруженное действие, то он, конечно, может быть убит, но не в порядке наказания, а в порядке естественной защиты» (ibidem, p. 338).

и наложения ареста на его движимое имущество.[109] Таким образом, он отстаивает положения, постепенно устанавливающиеся в дипломатической практике, но дает им теоретическое обоснование с помощью общих правовых принципов представительства и экстерриториальности. Иммунитет посла Гроций распространяет на членов его свиты и на его помещение, однако он высказывается против юрисдикции посла над своим персоналом и против права предоставления убежища в помещении посольства[110] и, следовательно, не делает из идеи экстерриториальности тех абсолютных выводов, какие делали многие последующие приверженцы этой идеи.

Теоретические построения Гроция оказали громадное влияние на всю последующую доктрину посольского права. Но дальнейшее развитие гроциевых идей было неодинаково у представителей позитивного и естественно-правового направления. Первые рассматривали экстерриториальность послов как юридическую презумпцию, являющуюся непосредственным основанием позитивных норм о дипломатических привилегиях. Такая интерпретация принципа экстерриториальности заметна уже у современника Гроция — Ричарда Зеча,[111] но особенно отчетливо выражение она приняла три четверти века спустя у Корнелия Бинкерсгука. Бинкерсгук не ссылается ни на естественные законы, ни на авторитет римского права, а устанавливает юридические принципы путем анализа международных обычаев, государственных законов и судебных решений. Прецеденты государственной практики он рассматривает как проявление международного обычая, а последний считает бесспорным доказательством действующего международного права. «То, что одобрено обычаем — пишет

[109] «Наилучше обоснованное мнение состоит в том, что движимое имущество посла и, следовательно, те вещи, которые рассматриваются, как связанные с его личностью, не могут быть взяты в качестве залога или для уплаты долга ни по приказу суда, ни, как некоторые хотят,— рукой короля; ибо должно быть избегнуто всякое принуждение посла в отношении вещей, которые ему необходимы, так же как и в отношении его личности, чтобы его безопасность была полной. Если же он произвел некоторые долги и, как это бывает, не обладает никакой недвижимостью в том месте, где он находится, то нужно к нему любезно адресоваться, а если он отказывается, то — к тому, кто его послал. После этого, наконец, будут применены способы, которыми обыкновенно пользуются против должников, находящихся вне территории» (ibidem, p. 348).

[110] «Что касается того,— пишет он,— имеет ли сам посол право юрисдикции над своей семьей и право предоставления убежища в своем помещении всякому, кто бы в нем не укрылся, то это зависит от доброй воли тех, у кого он живет. Это на самом деле не является вопросом международного права» (ibidem, p. 347).

[111] Его трактат — Juris et Juridii Fecialis, sivi Juris Inter Gentes et Quaestionum de Eodem Explicatio впервые был опубликован в Оксфорде в 1650 г.

он в своей книге «О подсудности посланцев»,— безусловно имеет наибольшую силу, ибо именно из этого образуется право народов.[112] В этой книге Бинкершук формулирует теорию экстерриториальности, как принцип, являющийся выводом из позитивного права. Он исходит из того, что всякая юрисдикция имеет своим основанием власть суверена над своими подданными, а что касается иностранцев, то — по крайней мере, над иностранцами, имеющими домициль на его территории.[113] Посол, по общему правилу, является подданным того государя, который его назначил, а не того, при котором он аккредитован. Он также не переносит свой домициль в страну последнего, а сохраняет его в своей отечественной стране, ибо приезжает только по делам своего государя. Поэтому посол должен рассматриваться как юридически отсутствующий в государстве пребывания и подчиненный юрисдикции отечественного государства. Это и является основанием его иммунитета. «Чтобы найти это основание,— рассуждает Бинкершук,— нужно только вспомнить, что по прочно установленному обычаю посол не рассматривается как подданный той власти, к которой он послан и, следовательно, не рассматривается как подчиненный каким бы то ни было образом ни за долги ни за преступление юрисдикции суверена, при котором он пребывает». «На каком основании,— заявляет он в другом месте,— судья будет претендовать на юрисдикцию над лицами, которые от него не зависят? Он может иметь юрисдикцию только над подданным... Посол не есть ни подданный, ни чиновник, ни житель страны; он не пришел к нам, чтобы основать у нас свой домициль, т. е. перевести свой дом и свое главное состояние. Это только иностранец, который находится в стране, чтобы вести дела своего государя».[114] Эти положения Бинкершук считает установленными в силу обычая и опирающимися на молчаливое или явно выраженное соглашение народов, на каковое он неоднократно ссылается при изложении и исходных предпосылок и выводов своей теории.[115]

---

[112] C. Bynkershoeck. Traité du juge compétent des Ambassadeurs. Trad. par J. Barbeyrac. A la Haye MDCCXIII, p. 85.

[113] «Всякая юрисдикция, и гражданская и уголовная,— пишет он,— принадлежит суверену, который может осуществлять ее сам или через других... Все, таким образом, зависят от подданства, без которого юрисдикция не имеет никакой силы, так же как и вызов в суд, который ей предшествует». «Судья, компетентный в отношении (данного) лица,— замечает он далее,— есть судья его домициля, ибо каждый зависит от суда, учрежденного в том месте, где он проживает, если только он не пользуется какими-либо особыми привилегиями, которые его от этого освобождают» (Bynkershoeck, op. cit., p. 9—10, 13—14).

[114] Bynkershoeck, op. cit., p. 53—54, 87—88.

[115] Так, например, излагая общие основания своего учения об экстерриториальности послов, он замечает, что «в силу и молчаливого и явного

Вместе с тем Бинкерсгук вносит в содержание принципа экстерриториальности определенный корректив, ограничивающий сферу его применения. Так как посол считается отсутствующим в стране пребывания именно потому, что находится в ней по делам своего государя, [116] то презумция отсутствия распространяется лишь на все то, что необходимо для успешного выполнения посольских функций. С этой точки зрения личность посла безусловно освобождена от юрисдикции как по уголовным, так и по гражданским делам. Если посол совершил преступление, то его нельзя ни судить, ни наказать. «Скорее, ему можно приказать не появляться больше ко двору или покинуть пределы наших владений, чем наказать его, когда он совершает преступление». Такие приказы будут заключать в себе «не наказание, а акт самозащиты». В случае крайней опасности можно даже арестовать или допросить посла, но предпочтительнее его выслать. [117] Равным образом, посол лично изъят из юрисдикции по гражданским делам. Даже если он действует, как купец, он тем не менее продолжает оставаться послом и не может быть подчинен местным судам. «Во всем этом, т. е. в отношении всех гражданских дел министры иностранного государя имеют право требовать отсылки к юрисдикции места их домициля». [118] Напротив, имущество посла, не являющееся необходимым для успеха его миссии или для личного обихода, не только недвижимое, но и движимое, подпадает под действие местной юрисдикции: оно

соглашения народов, тот, кто отсутствует в связи с посольской миссией, не считается изменившим свой домициль (Bynkershoeck, op. cit., p. 54). По поводу иммунитета от юрисдикции он пишет: «Я считаю, что в этом случае есть молчаливое соглашение, что посла нельзя принудить отвечать перед нашими судами по гражданским делам. Эта максима, и основания, на которых она покоится, суть такие, которые в конечном итоге одобрены проявляющимся сознанием наций» (ibidem, p. 91). Касаясь специально неподсудности посла в стране пребывания за совершенное им преступление, он также указывает: «На мой взгляд, можно не сомневаться и смело прийти к выводу, что молчаливым соглашением наций установлено, что надлежит не наказывать иностранного посла, но предоставлять совершить наказание тому государю, который его послал» (ibidem, p. 224).

[116] Указывая, как мы видели, что посол — не подданный, не чиновник, не житель, а только иностранец, «который временно находится в стране, чтобы вести дела своего государя», Бинкерсгук далее заявляет, что послы независимы от власти этой страны «единственно потому, что исполнение их функций не заставляет их менять условия (их жизни) и не делает их подданными суверена, который часто враждебен суверену, пославшему их. Это основание — добавляет он,— имеет очень большую силу и с лихвой покрывает все другие, которые я приводил выше, чтобы установить мнение, которого я придерживаюсь» (Bynkershoeck, op. cit., p. 89).

[117] См. Bynkerschoeck, op. cit., p. 202, 198—199.

[118] Ibidem, p. 156—157.

может быть арестовано за долги, и посол может оказаться вынужденным явиться в суд для защиты своих прав, связанных с этим имуществом.[119] Более того, против посла может быть возбужден судебный процесс по гражданскому делу в целях защиты законных прав и интересов местных жителей, хотя его нельзя заставить явиться в суд, так же как и выполнить судебное решение.[120] С этой же точки зрения Бинкершук не только решительно отвергает право убежища в дипломатическом помещении и привилегию дипломатического квартала, но вообще ставит под сомнение существование иммунитета резиденции как особой привилегии, считая, что иммунитет присущ личности посла и членов его свиты и что поскольку, в силу этого, они должны пользоваться безопасностью в любом доме, нет необходимости в особом иммунитете дипломатического помещения; последнее не должно быть закрыто для разумных действий местных органов правосудия.[121]

Таким образом, Бинкершук превратил фикцию экстерриториальности из вспомогательной формулы, служившей как бы для обобщающего юридического выражения установившейся практики, в абсолютный юридический принцип, вытекающий из позитивного права. Этим Бинкершук сильно содействовал дальнейшему распространению теории экстерриториальности и росту ее влияния на дипломатическую и судебную практику. Правда, он уже до некоторой степени испытал на себе влияние тенденции к сокращению дипломатических привилегий и, как мы видели, ограничил действие принципа экстерриториальности критерием дипломатических функций. Но лишь в сочинениях последующих авторов этот критерий приобрел характер самостоятельного основания дипломатического иммунитета, и лишь значительно позднее Бинкершука теория дипломатических функций развилась настолько, что как в доктрине, так и на практике стала вытеснять теорию экстерриториальности.

В отличие от Зеча и Бинкершука, представители естественно-правового направления подчеркивали в иммунитете не столько формулу экстерриториальности, сколько момент неприкосновенности и независимости посла и рассматривали этот иммунитет как принцип, вытекающий из начал естественного права. Например, Пуффендорф выводил неприкосновенность послов из налагаемой естественным правом обязанности поддержания мира.[122] Монтескье и Блекстон считали, что

---

[119] См. Bynkershoeck, op. cit., p. 167, 175.
[120] Ibidem, p. 181 et s.
[121] Ibidem, p. 217 et s.
[122] «Что касается посланников,— писал он,— которые составляют одну из главных основ права народов, то... они неприкосновенны в силу есте-

естественное право, дающее государям право на независимость, требует в силу этого, чтобы послы, как лица, представляющие особу суверена, были бы независимы от всякой иностранной власти.[123]

Полнее всего естественно-правовая теория дипломатического иммунитета была разработана Эммериком Ваттелем (1714—1767) в его труде «Право народов или принципы естественного закона», впервые изданном в 1758 г. Ваттель исходит из того, что каждая нация имеет естественное право общаться с другими нациями для собственного блага и поддерживать с ними сношения при помощи посланников;

ственного права. Поскольку лица этого рода необходимы, для того чтобы выиграть или сохранить мир, которого естественное право обязывает нас добиваться всеми почетными способами, само собой понятно, что то же самое право предписывает блюсти безопасность тех лиц, без которых цель, диктуемая им, не может быть достигнута» (S. Puffendorf. Elementorum jurisprudentiae universalis libri duo. Translation of the text of 1672 by William Abbott Oldfather. The Classics of International Law, edited by James Brown Scott. Oxford — London, 1931, v. II, p. 166—167).

[123] Монтескье посвящает защите иммунитета послов следующий отрывок: «Начала права государственного требуют, чтобы всякий человек подчинялся уголовному и гражданскому суду той страны, в которой находится, и усмотрению ее государя». «Международным правом установлено, чтобы государи посылали друг к другу послов, причем, по самой природе вещей, не могло быть допущено, чтобы послы находились в зависимости от государя, к которому посланы, или его судов. Они — голос пославшего их государя, и этот голос должен быть свободен. Никакое препятствие не должно стеснять их действий. Они могут часто не нравиться, потому что говорят от имени лица независимого. Можно бы было приписать им преступление, если б они могли быть наказываемы за преступления; можно бы было насчитать на них долги, если бы они могли быть задерживаемы за долги. Государь, движимый естественной гордостью, говорил бы устами человека, которому все страшно. Поэтому следует относительно послов держаться соображений, заимствованных из международного, а не государственного права. Если же они злоупотребляют званием представителя, то их лишают этого звания, отсылая их обратно на родину. Можно даже принести на них жалобу их государю, который в таком случае становится их судьей или их соучастником» (Монтескье. О духе законов. Пер. под ред. А. Г. Горнфельда, СПБ, 1900, стр. 495—496).

А вот высказывание Блекстона: «Права, полномочия, обязанности и привилегии послов определяются правом природы и народов, а не какими-либо внутренними установлениями. Они представляют своих государей, которые не подчиняются никаким другим законам, кроме законов их собственной страны; и поэтому их действия не подведомственны праву той страны, в которой они назначены пребывать. Посол должен быть независим от любой власти, кроме той, которая его посылает, и не подчинен внутренним законам страны, где он выполняет свои функции. Если он совершает большое преступление, он должен быть отправлен на родину и привлечен к ответственности перед его государем, который обязан решить дело по справедливости, или он должен рассматриваться как соучастник его (посла.— *Д. Л.*) преступлений» (Blackstone. Commentaries of the Law, edited by Bernard Gavit, Washington, 1941, p. 114).

поскольку же для поддержания этих сношений необходимо, чтобы посланники пользовались полной независимостью, то их иммунитет в конечном счете вытекает из естественного закона общения наций и принадлежащего каждому суверенному государству права посольства. «Верно,— пишет Ваттель — что естественный закон дает людям право подавлять и наказывать тех, кто причиняет им обиды: следовательно, он дает право суверенам наказывать иностранца, нарушающего публичный порядок, оскорбляющего их самих или дурно обращающегося с их подданными; он дает им право обязывать этого иностранца сообразоваться с их законами, добросовестно выполнять то, что надлежит гражданам. Но не менее верно то, что тот же самый естественный закон налагает на всех суверенов обязательство сообразоваться с обстоятельствами, без которых нации не могли бы развивать общение, установленное между ними природой, сноситься между собой, обсуждать свои дела, улаживать свои разногласия. А послы и другие публичные министры составляют необходимый инструмент для поддержания этого всеобщего общения, этих взаимных сношений наций. Но их служба не может достигнуть цели, для которой она предназначена, если она не будет снабжена всеми прерогативами, способными обеспечить ее законный успех и дать возможность выполнять ее вполне безопасно, свободно и добросовестно». [124]

Отдельные дипломатические привилегии Ваттель рассматривает под углом зрения и в рамках их необходимости для осуществления права посольства. Он признает, что посол, совершивший преступление, не может быть наказан государем, при котором он аккредитован, так как наказуемость лишила бы его независимости; но он считает, что можно применить принуждение к преступному послу и даже погубить его, если это неизбежно для его обезвреживания и спасения блага государства, ибо во имя этого блага совершается само общение наций, и такой посол, нарушая цели посольства и свои обязанности, сам лишает себя права ссылаться на иммунитет. [125] Он, далее, признает иммунитет посла от местной юри-

[124] E. Vattel. Le droit des gens ou principes de la loi naturelle. Neuchatel, 1777. P. 2, p. 175—176.

[125] «Нельзя наказывать посла, поскольку он независим, и не подобает... обращаться с ним, как с врагом, если он сам не становится на путь насилия и преступлений. Но можно предпринять против него все, что разумно требуется для того, чтобы гарантировать себя от зла, которое он производит, чтобы лишить успеха его заговоры. Если для обезвреживания и предупреждения его заговора необходимо арестовать и даже погубить посла, который его замышляет и направляет, я не вижу оснований колебаться не только потому, что благо государства есть высший закон, но еще и потому, что, независимо от этой максимы, имеется особое пол-

сдикции по гражданским делам во всех случаях, поскольку это касается личности посла, но распространяет этот иммунитет на его имущество лишь в той мере, в какой оно необходимо для осуществления посольских функций; он исключает иммунитет в отношении тех вещей, которые связаны с частной деятельностью посла, например, его торговлей. [126]

Решительно отрицая право посла на юрисдикцию над своим персоналом, Ваттель в связи с этим подчеркивает: «Если посол считается находящимся вне территории, так же как его дом и помещение, то это только способ выражения его независимости и всех прав, необходимых для законного успеха посольства. Эта фикция не может отнять прав, принадлежащих суверену, которые слишком деликатны и слишком важны, чтобы быть сообщенными иностранцу, и в которых посол не нуждается для достойного выполнения своих функций». [127] Можно, пожалуй, заключить, что в теории Ваттеля заложена первая попытка перейти от обоснования дипломатического иммунитета с помощью абстрактных принципов и юридических фикций к более реалистическим конструкциям.

Наконец, Георг Фридрих Мартенс, теоретическая система которого представляет сочетание позитивного направления с отдельными идеями естественно-правовой школы, в теории дипломатического иммунитета стремится объединить строгую формально-юридическую концепцию экстерриториальности, данную позитивистами, с представлением о независимости посла как о принципе, необходимом для осуществления посольской миссии, наиболее полно выраженным у натуралистов. «Цель миссии,— пишет он,— неизбежно требует, чтобы

ное право, вызванное собственным поведением посла. Верно, что публичный министр независим и является священной особой; но без всяких сомнений дозволено противостоять его скрытым и открытым нападениям и защищаться против него, когда он действует, как враг, как изменник. И если мы не можем себя спасти без того, чтобы не причинить ему зла, то именно он поставил нас в необходимость не избежать этого. В таком случае можно сказать с полным основанием, что министр сам лишил себя защиты международного права» (V a t t e l, op. cit., p. 182—183).

[125] «Но это (освобождение от действия местной юрисдикции.— *Д. Л.*) не может иметь места в отношении вещей, которые явно принадлежат министру не в его официальном качестве. То, что не имеет никакого отношения к его функциям и его положению, не может разделять тех привилегий, которые определяются его функциями и его положением. Если случается, как мы часто наблюдали, что министр занимается торговлей, то все вещи, товары, деньги, активные и пассивные долговые обязательства, связанные с его торговлей, все споры и процессы, которые возникают из-за нее, все это подчиняется юрисдикции страны. И хотя по таким процессам нельзя непосредственно адресоваться к личности министра, в силу его независимости, его можно заставить отвечать косвенно, путем ареста предметов, относящихся к его торговле» (i b i d e m, p. 196).

[127] I b i d e m, p. 203.

во всем том, что вверено ведению иностранного министра, он был бы полностью независим от державы, с которой ему поручено вести переговоры, и рассматривался бы как продолжающий пребывать на территории суверена, который его послал. В этом смысле универсальное международное право приписывает министру экстерриториальность. Но позитивное международное право, особенно европейских держав, простирает понятие экстерриториальности настолько, насколько это необходимо, чтобы министр в отношении своей личности, людей своей свиты, своего помещения, карет, движимого имущества и вообще (dans la généralité) рассматривался всеми как не покидавший территорию государства, которое его послало, и продолжающий жить вне территории, в которой он пребывает. И этот объем экстерриториальности, определяясь только позитивным международным правом, будь то договорами или обычаями, подвержен модификациям и испытывает их весьма заметно; таким образом, недостаточно во всех случаях ссылаться на экстерриториальность, чтобы пользоваться правами, которые могут вытекать из этого широкого понятия».[128]

Таким образом, международно-правовая доктрина XVI, XVII и XVIII столетий решительно вышла за пределы средневековых представлений о дипломатическом иммунитете, питавшихся положениями и формулами римского и канонического права. Эти представления уступили место совершенно новым философским и юридическим концепциям. В качестве критерия для обоснования привилегированного положения посла и для определения отдельных дипломатических привилегий были выдвинуты три главные идеи: идея представительного характера посла, точнее — персонификации послом суверенной особы своего монарха; идея экстерриториальности посла как формальной юридической презумпции его иммунитета от юрисдикции государства пребывания; идея независимости посла как свойства, необходимого для осуществления послом своей миссии — и, тем самым, для осуществления его государем права посольства. Эти три идеи послужили фундаментом для всего последующего развития теории посольского права, так же как и для интерпретации его позитивных норм в дипломатической и судебной практике, сохранив, с теми или иными модификациями, известное значение вплоть до наших дней.

---

[128] G. F. de Martens. Précis du droit des gens modernes de l'Europe. Paris, 1858, t. II, p. 105—107.

ГЛАВА IV

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ ВО ВНЕШНИХ СНОШЕНИЯХ РОССИИ в XVI—XVIII веках

Развитие институтов посольского права в России имело свои особенности. Они вызывались условиями исторического развития России, и, ближайшим образом — содержанием внешней политики России и ее дипломатии, чертами русского государственного строя и, наконец, идеям и традициям, влиявшими на формирование в России правовой системы и представлений о праве.

На протяжении средних веков Россия, будучи в течение длительного периода изолирована от Западной Европы, поддерживала в значительно большей степени внешние сношения с Византией и государствами Востока, чем с западноевропейскими государствами. Как в развитии своего внутреннего строя, так и во внешних сношениях Россия шла собственными историческими путями и ей были чуждо влияние государственных традиций Западной Европы, в том числе, приемов и форм западноевропейской дипломатии. При переходе от средних веков к новому времени она во всей своей государственной жизни и, в частности, в дипломатических обычаях сохранила большую самобытность. И когда уже в конце XVII и начале XVIII столетий Россия вступила на путь постоянных дипломатических сношений с государствами Западной Европы, то хотя она восприняла некоторые формы западноевропейской дипломатии и некоторые новые институты международного права, она отнюдь не утратила своей самобытности. «Россия тогда уже заимствовала формы внешней жизни и от запада,— замечает Капустин,— когда ясно обозначились ее собственные начала, когда они окрепли до того, что на них не могла влиять внешность».[1] Россия вступила на международную арену Европы как самостоятельно сложившееся государство и в новых формах продолжала поддерживать традиционные начала своей государственности, преломлявшиеся также и в ее внешней политике и дипломатии. Поэтому русская дипломатия, не отказываясь от применения в своем внешнем обиходе тех или иных форм западно-

[1] М. Капустин. Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века. М., 1852, стр. 7.

европейской дипломатии, сама отнюдь не оставалась без влияния на последнюю, и Россия вносила свой собственный вклад в развитие общего международного права, способствуя укреплению и совершенствованию его начал. Известно, например, какое значение в развитии права морской войны и нейтралитета имела русская декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г. Важный вклад был внесен Россией и в развитие посольского права.

В то время как в Западной Европе распространялась система постоянных посольств, Россия только начала завязывать эпизодические связи с государствами Западной Европы, расположенными не вблизи от ее границ (с соседними государствами — Польско-литовской унией, Ливонией, Швецией сношения велись и ранее). В 1486 г. в Москве временно находился силезец Николай Поппель. Три года спустя, в 1489 г., он вернулся в Москву с посольством от германского императора Фридриха III, в том же году великий князь Иван III отправил к императору свое посольство во главе с греком Юрием Траханиотом. Так начались дипломатические сношения с Австрией.[2] В начале следующего столетия, когда в 1516 г. московские послы — Заболотный и его товарищи возвращались из Вены и брандебургский курфюрст Альберт просил их напомнить великому князю Василию III о своем желании жить в союзе и дружбе с Московским государством, было положено начало для установления дипломатических сношений с Пруссией.[3] Сношения с Англией начались в середине XVI столетия, когда после экспедиции Ченслера (1554) вместе с ним в 1556 г. выехал в Англию в качестве посла от царя Ивана IV вологодский наместник Осип Григорьевич Непея.[4] Наконец, обмен посольствами между Россией и Францией, согласно французским источникам, начался во второй половине XVI века, якобы когда в 1586 г. в Москву прибыл посол от французского короля Генриха III Франсуа де Карль. Но по достоверным архивным документам обе державы стали обмениваться посольствами только в первой

[2] См. История дипломатии, т. I, стр. 197, 236. Подробно о начале дипломатических сношений с Австрией см. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. I, СПБ, 1874, Введение, стр. I—XI. Мартенс считает, что уже в 1486 г. в Москву прибыло официальное посольство от императора (стр. 1).

[3] Мартенс, Собрание трактатов..., т. V, СПб., 1880, стр. III—IV.

[4] См. Соловьев. История России, кн. II, 2-е изд., стр. 132—134. Подробно о начале сношений с Англией см. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IX (X), СПБ., 1892, Введение, стр. I—XXXIX. Мартенс замечает, что до XVIII в. эти сношения носили преимущественно торговый характер (там же, стр. III). Однако на протяжении всего этого времени происходил довольно интенсивный обмен посольствами.

половине XVII века: в 1615 г. в Бордо прибыло первое русское посольство от царя Михаила Федоровича, во главе с Иваном Кондыревым, а в 1629 г. в Москву прибыл посол короля Людовика XIII — Луи Дегэ Курменен.[5] Все это были временные чрезвычайные посольства, которые возвращались домой по выполнении той или иной определенной миссии. Даже в XVII веке лишь очень немногие государства имели своих резидентов в России. Любопытно отметить, что Франция и Бранденбург пытались получить право содержать постоянного резидента в Москве, но не добились успеха.[6]

В этих условиях не существовало причин для развития в России тех форм дипломатического иммунитета, какие сложились в Западной Европе. Привилегии послов в Московском государстве состояли, прежде всего, в личной неприкосновенности и беспрепятственном проезде, а затем — в освобождении от пошлин и в бесплатном содержании. Для послов, особенно часто приезжавших в Москву: крымских, ногайских и польско-литовских, были устроены особые дворы,[7] другие послы располагались в частных домах, а с начала XVII века на Ильинке уже существовал Посольский двор для всех иностранных послов. Под предлогом охраны личности послов к их помещениям приставлялась стража, которая никого не впускала и не выпускала, чтобы предупредить с их стороны попытки шпионажа.[8] Только в течение XVII века строгий режим пребывания послов несколько смягчился.

[5] См. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XIII, СПб., 1902, Введение, стр. I—XIV.

[6] См. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XIII, стр. XVII—XVIII; т. V, стр. 22—23, 29.

[7] Е. А. Звягинцев в своем докладе «Крымский двор и окружающая его местность» на первом заседании Комиссии по истории Москвы 29 октября 1940 г. дал интересное описание Крымского двора. Двор был построен близ Калужских ворот в конце XVI в. и просуществовал около ста лет. Московское правительство обеспечивало крымским послам полное содержание и сверх того щедро одаривало их ценными подарками. Это нисколько не мешало тому, что огороженный тыном Крымский двор бдительно охраняли стрельцы. В конце XVII века крымские послы уже перестают здесь селиться, и на территории двора встречаются большие пустыри. Окончательно Крымский двор был ликвидирован в 1706 г., когда Посольский приказ распорядился снести все обветшалые его постройки и перевезти их как топливо на строившийся невдалеке государственный стекольный завод (Краткое изложение доклада см. в «Правде» от 30 октября 1940 г.).

[8] Польские радные паны жаловались, например, послу царя Федора Ивановича Измайлову: «...государя нашего посол Лев Сапега и теперь у государя вашего в Москве, а теснота ему великая,— где стоит, тот двор огорожен высоко, и малые щели позаделаны, не только что человека нельзя видеть, и ветру повеять некуда; с двора литовского человека никакого не спустят...» Измайлов отвечал: «...послы разных государств, которые теперь на Москве, стоят по разным дворам, и бережение к ним крепкое для того, чтоб между ними ссоры не было; а если б других государств послов на Москве не было, то вашему послу было бы всех вольнее; крым-

Но вместе с тем иностранные послы действительно заботливо охранялись от всяких посягательств со стороны местного населения. Случаи нападения на послов или оскорбления их как во время пребывания их в Москве, так и в пути были сравнительно редки и строго пресекались московским правительством.[9] В 1682 г. был издан указ, запрещавший оскорблять и задевать иностранцев, который охранял также послов и членов их свиты. Условия о безопасности послов часто включались в договоры, и при посольских съездах всегда назначался охранный караул.[10] Вообще неприкосновенность послов в России соблюдалась значительно лучше, чем на Западе. «В XVII веке,— отмечает Капустин,— мы не знаем ни одного примера, когда бы неприкосновенность послов была нарушена».[11]

Что касается другой привилегии — бесплатного содержания послов, то содержание долгое время выдавалось им в натуре — «корм людской и конский». За снабжением послов наблюдали назначенные для их охраны приставы. В порядке взаимности русские послы за границей получали от иностран-

---

ский посол и гонцы стоят за городом не близко, двор для них особый сделан и с двора их никуда не спускают» (см. Соловьев. История России, кн. II, стр. 552). Олеарий, участвовавший в голштинском посольстве к царю Михаилу Федоровичу, рассказывает: «По доставлении продовольствия заперли передний двор нашего помещения и приставили 12 стрельцов часовых с тем, чтобы до первого представления (царю) никто из нас не выходил из дому и чтобы никто из посторонних не входил к нам; но Приставы ежедневно посещали Послов и справлялись, не нуждаются ли они в чем. Кроме того, в нашем дворе постоянно находился при нас Русский переводчик, который распоряжался стрельцами для наших услуг и рассылал их за покупками разных вещей, потребных нам» (А. Олеарий. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Перевод Павла Барсова. М., 1870, стр. 39).

[9] Для характеристики отношения московского правительства к неприкосновенности послов интересен следующий случай. В 1667 г. татарские послы, возвращавшиеся из Москвы в Крым в сопровождении стольника Ладыженского, были убиты близ Запорожья казаками-сечевиками. Ладыженский обратился к кошевому атаману с требованием сыскать убийц, но на раде Ладыженского стали подозревать в том, что он поехал заключить союз с крымским ханом, чтобы снести Запорожскую Сечь, отобрали у него бумаги и казну и объявили ему, что его не отпустят, так как с ним нет грамот ни от государя, ни от гетмана. Тогда к гетману Брюховецкому был послан из Москвы стольник Кикин, который потребовал, «чтобы кошевой и все войско про то про все разыскали наскоро, воров казнили смертию по стародавним войсковым правам, пограбленное отдали сполна и стольника Ладыженского отпустили». Новый кошевой атаман с 40 казаками отправился провожать Ладыженского. (См. Соловьев. История России, кн. III, стр. 344—347). В этом инциденте весьма любопытна резкая реакция царского правительства в связи с убийством татарских послов.

[10] См. Капустин, цит. соч., стр. 109, 54.

[11] Там же, стр. 54.

ных правительств денежные субсидии на расходы в пути и во время пребывания в столице, поскольку система натурального снабжения иностранных послов, как и самый обычай содержания их за счет местной власти, с появлением в Западной Европе постоянных посольств отошли в прошлое. Со второй половины XVII века и в России снабжение в натуре начинает постепенно заменяться денежными субсидиями, причем в международных договорах фиксируется равное содержание для дипломатических представителей одинаковых рангов обеих сторон.[12] К концу века намечается тенденция перейти к порядку, существовавшему на Западе. Так, например, в 1690 г. австрийский император Леопольд предложил Московскому правительству принять за правило, чтобы впредь послы содержались за счет отправляющего, а не принимающего государства.[13] В 1707 г. были уже установлены определенные размеры окладов русским дипломатическим представителям за границей.[14] Однако система «корма» сохранялась в России довольно долго. Например, во взаимоотношениях со Швецией она была отменена в 1721 г. по Ништадтскому мирному трактату и вновь восстановлена по договору в Або в 1743 г.[15] Так что и в этом отношении положение иностранных послов в России было лучше, чем на Западе.

Иммунитет послов от местной юрисдикции и иммунитет посольской резиденции в Московском государстве, однако, не признавался. Считалось допустимым подвергать послов и членов их свиты наказанию за преступления против безопасно-

[12] Например, в московском договоре со Швецией 1684 г. было постановлено: «Великим и полномочным послам, и посланникам, и гонцам вместо корму и всякого питья в обеих сторонах давати деньгами поровну, т. е. великим и полномочным послам по сту ефимков битых, посланникам по тридцати»; гонцам определялось десять ефимков. Аналогичные постановления встречаются в договоре с Данией 1684 г. и с Польшей 1686 г. (см. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 177—178; Лешков, цит. соч., стр. 86).

[13] См. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 178.

[14] По докладу Посольского приказа, получившему 18 декабря 1707 г. утверждение царя, были определены следующие оклады: у датского короля послу стольнику Василию Долгорукому 1 400 ефимков, у прусского короля чрезвычайному посланнику фон-дер-Литу —3000 ефимков, в Вене тайному советнику полномочному министру барону Урбиху — 10 000 ефимков, в Англии окольничему Матвееву и служителям его — 5 265 рублей 18 алтын, а агенту в Голландии фон-дер-Бургу — 1000 ефимков (там же, стр. 177—178).

[15] В Ништадтском трактате указывалось: послам, посланникам и гонцам обеих стран ездить и содержать себя на своем иждивении с потребным, однако, в пути препровождением (см. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть IV, М., 1902, стр. 220). Договор в Або, напротив, предусматривал: безденежное послов в столицах содержание, уничтоженное Ништадтским трактатом, подтвердить (там же, стр. 233).

сти государства.[16] При Иване IV послов иногда задерживали и за их собственное недружелюбное поведение и в порядке репрессалий на те или иные недружелюбные действия их правительств. Так, например, в 1570 г. царь приказал отправить под стражей из Москвы в Муром шведских послов — епископа Павла и его товарищей за то, что они по прибытии в Новгород отказались править посольство новгородскому наместнику, и за то, что незадолго до их приезда в Россию русские послы в течение нескольких месяцев были задержаны в городе Або.[17] После этого шведский король в течение ряда лет отказывался отправлять в Россию послов, предлагая устраивать посольские съезды на рубеже.[18] Случаи задержания послов в связи с враждебными действиями их самих или их правительств имели место и впоследствии. Так, например, в 1655 г. шведские послы Густав Белке и его товарищи, привезшие в Москву ратификационные грамоты на Столбовский мирный договор, были задержаны в Москве в ответ на враждебные действия шведского короля, который, вопреки договору, вторгнулся в польские местечки, занятые русскими войсками.[19] Важно отметить и такой случай. В 1632 г. в Москву прибыл француз Шарль Тальеран маркиз Дексидель в качестве посла от семиградского князя Бетлен-Габора. Его товарищ по посольству Руссель донес патриарху Филарету, что якобы Тальеран прибыл в Москву с целью разузнать о гаванях, проходах и силах московского государства и сообщить обо всем польскому королю. Тогда Тальерана арестовали и отправили в ссылку в Сибирь, где он провел более трех лет. Только в 1635 г., после письма французского короля Людовика XIII, который заверял царя в невиновности Тальерана и просил его освободить, Тальеран мог вернуться во Францию.[20]

Таким образом, при строгой охране государством неприкосновенности иностранных послов, в России на протяжении XVI и XVII веков не признавался иммунитет послов от действия местной власти и юрисдикции, как это имело место и в

[16] Обращаясь к литовским послам: Яну Кротошевскому и его товарищам, прибывшим к Ивану IV, бояре говорили: «Да и то нам известно, что в государстве государя нашего Армяне и Греки не живут, а теперь новость завелась, что с литовскими послами приходят разных земель люди; с вами были люди султана Турецкого, а под именем вашего государя и были они с вами для лазутчества, искали над Землей нашего государя лихого дела; так еще царского величества милость, что их самих не казнили» (см. Соловьев, История России, кн. II, стр. 481).

[17] См. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. IV, стр. 123—125.

[18] О дипломатической переписке по этому поводу см. там же, стр. 125—128.

[19] Там же, стр. 172—173.

[20] См. Мартенс, Собрание трактатов..., т. XIII, стр. XX—XXI.

Западной Европе, до установления там системы постоянных посольств. Но в отличие от Западной Европы, в России местная власть преследовала послов не за любое преступление и не за долги, а почти исключительно в связи с посягательствами посла на интересы и честь русского государства. Эта особенность генетически тесно связана с другой особенностью русской дипломатической практики — особенностью, которая выходит за пределы дипломатического иммунитета в тесном смысле слова.

Дело в том, что в дипломатической практике России сильно развилась другая сторона международно-правового положения послов — ее рост стимулировался теми же причинами, которые задерживали установление постоянных и тесных связей России с Западом. Вынужденная пробивать России путь на европейскую арену и отстаивать ее международное значение в упорной борьбе против своих западных соседей, боявшихся усиления России и не желавших признавать ее полноправным членом европейской политической системы, русская дипломатия придавала первостепенное значение защите государственного престижа, охранению «государевой чести». «Самое больше дело государскую честь остерегать,— говорил посол царя Алексея Михайловича во Франции Потемкин,— за государскую честь должно нам всем умереть... Начальное и главное дело государей честь остерегать».[21] В значительной мере вследствие этого церемониал при дворе московских царей был самым пышным в Европе;[22] огромное внимание вопросам церемониала уделяли и русские послы за границей. Никакие послы не были до такой степени, как русские, строги в вопросах престижа и церемониала. И хотя отдельные претензии в этих спорах свидетельствовали о приверженности к застывшим обрядностям, все же, за этими претензиями и спорами, несомненно, скрывались реальные политические интересы великого русского государства, борьба за его место в системе европейских государств.[23]

Ожесточенные споры вызывала неукоснительная забота русских послов о правильном произнесении и написании царского титула. Всякий пропуск или неточность рассматрива-

---

[21] См. История дипломатии, т. I, стр. 237.

[22] «Иностранцы, описывавшие посольства того времени,— отмечает Капустин,— удивляются великолепию двора царского во время приема; все согласны в том, что ни один европейский двор не мог сравниться в этом отношении с русским» (Капустин, цит. соч., стр. 66).

[23] См. обзор русского посольского церемониала в Истории дипломатии, т. I, стр. 238—245; Коровин, История международного права, вып. I, стр. 58—59.

лись как оскорбление «государевой чести» и вызывали весьма резкую реакцию.[24] Ради охранения «государевой чести» русские послы категорически отказывались принимать грамо-

[24] Широко известен случай с послом царя Алексея Михайловича во Франции Потемкиным (чьи слова цитировались выше), имевший место в 1668 г. Потемкин встретил при дворе Людовика XIV весьма любезный прием. Но в ответном письме короля, которое он должен был взять с собой, к ужасу посла, оказались пропуски и ошибки в титуле царя. Потемкин наотрез отказался принять письмо и выразил глубокое возмущение. «Не только нам есть, но и на свет зреть не можем,— говорил он французскому маршалу де Бельфону,— Великого Государя нашего, Его Царского Величества, в самом великом Его государском деле видя страшное нарушение, что меж такими Великими Государи не к любви склоняется, а к разорванию вечному; а нам нестерпимое о том смертное уязвление: как можем мы то слушать и живы быть, что Великого и Пресветлого Государя нашего, Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, чести его Государской не желают хранить и Его Государскую братскую дружбу и любовь Королевское Величество в презреньи чинит: такия великия и высокия титлы Великого Государя нашего, Его Царского Величества, в его королевской грамоте прописаны; а тое грамоту свою Королевское Величество отдал нам из своих королевских рук» (см. М. Капустин, цит. соч., стр. 81). Потемкин объявил, что французы могут уморить его голодом, разрубить ему голову и разрезать его на куски, но он никогда не возьмет с собою письмо короля с такими оскорбительными ошибками. Людовик XIV уступил, и первоначальный текст королевского письма был переделан согласно желанию Потемкина, который тогда согласился взять его с собой (обо всем инциденте см. у Мартенса, Собрание трактатов..., т. XIII, стр. XXVIII—XXIX). Двадцать лет спустя послы царей Ивана и Петра Алексеевичей во Франции Долгорукий и Мышецкий на прощальной аудиенции у короля Людовика XIV обнаружили, что во врученной им королевской грамоте были пропущены слова «Великим государям». Послы отказались принять такую грамоту и потребовали, чтобы она была переписана. Французские министры не соглашались на это требование, ссылаясь на то, что король никому такого титула не дает и сам себя так не называет. Но послы стояли на своем и даже отказались принять королевские подарки. Никакие увещевания и угрозы не могли повлиять на их решение. Тогда французское правительство, раздраженное упрямством послов, приказало снять почетную стражу у посольского дома, выехать оттуда всем королевским чинам и даже вывезти всю мебель. Лишившись всякого содержания от французского двора, послы некоторое время жили на своем собственном иждивении, а затем решили выехать в Испанию и попросили у французского правительства пропуск. Их привезли в Гавр, а там им было объявлено, что если они не примут королевских подарков, то в Испанию не попадут, а должны остаться в Гавре. После этого послы оказались вынужденными принять подарки. Московское правительство было возмущено обращением с его послами и послало извещение императору, испанскому и английскому королям, Венеции и Голландским штатам, в котором указывалось, что король французский «в приеме и отпуску их послов показал к ним Государям, нелюбовь свою и всякую противность...» Французскому королю оно отправило грамоту, в которой подробно описало «всю противность, оказанную от него им, Государям, в сем посольстве» (см. Мартенс. Собрание трактатов, т. XIII, стр. XLIX, L). Вопрос о произнесении и написании царского титула специально регламентировался в международных договорах.

ты на имя царя иначе, как непосредственно из рук иностранного государя.[25] Им запрещалось, далее, до аудиенции у иностранного государя вести какие бы то ни было переговоры с его министрами и сановниками. «Да и ни в которых христианских государствах того не бывает,— писал Коташихин,— что не быв у того государя, к которому кто послан, наперед ходить и дела объявлять думным людям и тем государския чести не понижают...»[26] Равным образом русским послам за-

[25] Так, например, гонцу Мачехину, который в 1654 г. привез в Париж королю Людовику XIV письмо царя Алексея Михайловича, сперва хотели вручить ответное письмо короля через секретаря. Но Мачехин наотрез отказался принять его иначе, как от самого короля. Он заявил, что «царь его казнит, если он согласится принять письмо из других рук, кроме самого короля». Ему уступили, и король лично вручил ему свое письмо (см. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XIII, стр. XXIII). Насколько твердо русские послы отстаивали это требование, видно из случая с упоминавшимися выше послами Долгоруким и Мышецким,— которые прибыли во Францию в 1687 г. Людовик XIV, находившийся в это время в зените своего могущества, отказался принять послов и приказал передать им, что они могут изложить свои предложения и вручить письмо царей на имя короля министру, который затем передаст им королевский ответ для вручения царям. Но Долгорукий самым категорическим образом заявил, что послы не отдадут царского письма другому лицу, кроме самого короля, что они не примут ответного королевского письма из других рук, кроме самого короля, и что они не примут королевских подарков иначе, как от самого короля и на торжественной аудиенции. «Людовик XIV,— говорит Мартенс, описывая этот случай,— редко уступавший своим многочисленным и могущественным врагам, уступил в данном случае упрямым послам московских царей. 2 августа король их принял в торжественной аудиенции». Однако, будучи, видимо, не заинтересован в предлагавшемся послами союзе с Россией против Турции, король впоследствии приказал прекратить переговоры и объявить послам, что они могут уехать без прощальной аудиенции и что королевское письмо и подарки будут им вручены министром. Долгорукий снова протестовал и заявил, что царские послы не примут грамоты иначе, как из рук королевских. На это, как доносит Долгорукий, последовал ответ, что «король вельми яростен, обещает послам учинить великое бесчестие». Долгорукий, в свою очередь, отвечал, что «не только королевский гнев, но и самая смерть не может их принудить взять грамоту у себя на дворе». Король приказал послать подарки послам на дом, но послы их отправили обратно. Тогда к ним явился «мастер церемоний» и сказал, что если они не примут подарков, то король велит покласть их в возы силою. Долгорукий ответил, что послы не только даров, но и возов тех при себе никогда иметь не будут. «Королевский гнев,— говорил он,— страшен нам по вине, а без вины вовсе не страшен; должны мы, прежде всего, взирать на повеление государей своих». Король вторично уступил и дал им прощальную аудиенцию в Версале, на которой и произошел описанный выше инцидент с пропуском слов «Великим Государям» в королевском письме царям (там же, стр. XLI — XLIII; см. также Соловьев. История России, кн. III, стр. 1024—1026).

[26] См. Капустин, цит. соч., стр. 65. При первом же русском посольстве в Константинополе в 1496—1497 гг., когда турецкие паши пригласили посла Плещеева на пир до аудиенции у султана и хотели сделать ему подарки, Плещеев ответил: «Мне с пашами речи нет; я пашино платье не вздеваю и данных денег их не хочу, с салтаном мне говорити» (см. История дипломатии, т. I, стр. 238). Когда послу царя Бориса Году-

прещалось представляться иностранному государю в присутствии послов других государств и даже в тот самый день, когда представляются послы других государств.[27] В этом также усматривалось умаление «государевой чести». Вопросы дипломатического церемониала тщательно и подробно регламентировались в международных договорах Московского государства с государствами Западной Европы.[28]

нова Микулину, прибывшему в Англию в 1600 г., предложили приехать к «лорду Киперу» (т. е. лорду хранителю печати) для переговоров, Микулин категорически отказался, сказав: «Нам к боярам на двор по Царскому Величеству ни к кому не езживать; а на королевнин двор мы тотчас ехати готовы» (см. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IX, стр. LXV—LXVI). Во время английской революции, в 1645 г., в Лондон прибыл гонец царя Алексея Михайловича Дохтуров. Когда его спросили, какой у него приказ или грамота к парламенту, то хотя ему до этого уже сообщили, что короля нет в Лондоне и что парламент уже несколько лет ведет войну с королем, он отвечал: «К парламенту грамоты и приказу никакого нет; пусть парламент отпустит меня к королю немедленно». Ему объявили, что парламент его к королю не отпустит; если король возвратится в Лондон, то он будет к нему допущен, если же нет, то его примет парламент «с великой честию». Тогда Дохтуров потребовал, чтобы его отпустили немедленно домой, потому что ему в Лондоне делать нечего. И даже когда ему через несколько месяцев сообщили, что король Карл I сдался парламенту, он все же стал настаивать, чтобы его допустили к королю, который находился во власти парламента (там же, стр. LXXXV—LXXXVII). Когда упоминавшийся уже посол царя Алексея Михайловича во Франции Потемкин в 1668 г. проезжал через Бордо и представитель короля маркиз де Сен-Люк осведомился, сделает ли ему посол ответный визит, если он его посетит, то Потемкин ответил, что «по царскому указу, он под страхом смерти не может посещать кого-либо, прежде чем представится королю» (см. История дипломатии, т. I, стр. 238).

[27] См. Капустин, цит. соч., стр. 65. Капустин приводит в качестве примеров отдельные извлечения из документов того времени: «И как Федор (Порошин) у курфирста будет, и в то б время иных государств послов и посланников и гонцов не было». «Сего числа был у короля английский посол и нам быть ныне невозможно». См. также Александренко, цит. соч., т. I, стр. 149.

[28] Так, например, в договоре с Австрией было установлено, чтобы государи вручали послам грамоты из собственных рук. В договоре с Польшей 1671 г.— чтобы послы являлись на аудиенцию перед государями обоюдно с непокрытыми головами, без шапок и без сабель; аналогичное постановление содержалось и в договоре с Данией (см. М. Капустин, цит. соч., стр. 69—70). Со Швецией в 1674 г. была произведена особая запись, согласно которой договаривающиеся стороны обязывались, чтобы послы и посланники обоих дворов непременно являлись на аудиенцию у государей с непокрытой головой и чтобы такой порядок утвердить на постоянное время (см. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, т. IV, стр. 193). С Бранденбургом в 1671 г. была заключена в Берлине специальная конвенция о приеме послов. Согласно этой конвенции, курфюрст при произнесении царского титула должен стоять сняв шляпу и с непокрытой головой, своими руками и с непокрытой головой должен принимать царские грамоты и точно так же отдавать их; вместо целования ему руки он должен сказать: пресветлейший курфюрст изволяет с тобой, посланником, витаться и т. д. (см. Мартенс. Собрание трактатов..., т. V, стр. 24—28; М. Капустин, цит. соч., стр. 70).

Эта борьба за престиж государства привела к развитию в России широкого и отчетливого понятия о представительном характере посла, притом вполне самобытного. Правда, в XVI веке посол в большой мере еще считался, так же как в средние века, простым передатчиком повелений своего государя.[29] Но в XVII веке, когда в связи с ростом внешних сношений России повышается роль послов во внешней политике и дипломатии и увеличивается их самостоятельность, они, по общему правилу, уже рассматриваются как лица не только передающие волю, но и представляющие особу государя. В «верющих грамотах» XVII века русские цари просят верить словам их послов, «бо то суть наши речи» и такая формула, по свидетельству Лешкова, делала излишним специальное уполномочие на переговоры по данному предмету.[30] А иностранные государи обращаются к русским послам со словами: «И ныне с тобой говорим, как с ним же самим с своим братом, занеже всяк посланник государя своего образ носит».[31] Несмотря на наличие в России, как и на Западе, нескольких посольских рангов — в Московском го-

---

[29] Старинная литовская поговорка гласила: «Посол то же, что мех: несет, что в него положат» (см. Лешков, цит. соч., стр. 86). Таким взглядом на посла объясняется, между прочим, то обстоятельство, что в Литве русских послов принимали с честью, когда они приезжали с известием о мире, и оскорбляли их, когда они объявляли войну. Подобный взгляд существовал и на Руси и сказывался даже во внутригосударственной жизни: так, например, московские цари приказывали стричь бороды послам, приезжавшим с дерзкими предложениями от строптивых областей — из Новгорода, Пскова (Капустин, цит. соч., стр. 53). Местами это представление о после удерживалось и в XVII в.: когда к гетману Хмельницкому приехали польские послы с враждебными предложениями, Хмельницкий приказал было выгнать их с бесчестием. Любопытно, что послы возразили ему, ссылаясь на то же самое представление; они сказали: «Не на что гневаться; мы послы, что ослы, то приносим, что на нас положено и приказано» (там же).

[30] Лешков, цит. соч., стр. 85.

[31] См. Капустин, цит. соч., стр. 58. Капустин, однако, считает, что «...посланники наши в XVII веке не были облечены правом полного представительства» (там же, стр. 57; см. также стр. 54—55), а вышеприведенное выражение объясняется тем, что «...русский царь, уверенный в крепости своего слова, не всегда был уверен в прочности переговоров, веденных через посредство послов иноземных, а потому и старался придать им характер полного представительства и полной ответственности» (там же, стр. 58). Однако такая точка зрения не поддерживается в литературе. Лешков, например, говоря о правах послов Московского государства, на первом месте ставит право «представлять особу государя». Он отмечает, что даже начиная с Ивана III русские послы не подходят под определение, которое дает им приводившаяся выше литовская поговорка, и указывает, что в дальнейшем, «вместе с бо́льшим правом представительства, послы должны были получить бо́льшую самостоятельность в действиях» (Лешков, цит. соч., стр. 86). Очевидно точку зрения Капустина не разделяет и Александренко (см. ниже).

сударстве различались три ранга послов: послы (так называемые «великие послы»), посланники (так называемые «малые послы») и посланцы (так называемые «гонцы»),[32] — здесь, в отличие от Западной Европы, всякий посол был «государев посол», т. е. все дипломатические агенты, а не только дипломатические агенты первого ранга, т. е. послы, считались представляющими особу государя.[33] Именно вследствие столь полного восприятия идеи о представительном характере посла вопросы дипломатического церемониала становились делом такой большой важности, и всякое нарушение церемониальных правил вызывало самое упорное противодействие русского правительства и русских послов за границей.[34]

Идея о представительном характере посла, получившая в России первостепенное и весьма широкое значение на почве борьбы за престиж русского государства, легла здесь в основу понимания всех сторон международно-правового положения посла и, в частности, в основу отношения к посольскому иммунитету. Россия не знала древнеримских традиций, церковных и светских феодальных традиций Западной Европы и в Московском государстве принципы западноевропейского

---

[32] О практическом значении этих рангов в дипломатических сношениях России см. Лешков, цит. соч., стр. 85; Капустин, цит. соч., стр. 51—52.

[33] См. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 166—167. В качестве одной из иллюстраций, подкрепляющих это положение, Александренко приводит извлечение из письма царя Бориса Годунова к английской королеве Елизавете, написанного в мае 1600 г. в связи с отправлением в Англию посланника Микулина: «...и что тот наш посланник... учнет тебе говорити, и ты б ему верила; то есть наши речи» (там же, стр. 167).

[34] Любопытным в этом отношении примером может служить инцидент с первым французским послом в России, уже упоминавшимся Дегэ де Курмененом, приехавшим в Россию в 1629 г. По дороге из Пскова в Москву между послом и сопровождавшим его приставом Окуневым возник большой спор в связи с тем, что пристав непременно хотел ехать с правой стороны от посла, а не с левой, а посол не хотел ехать с левой стороны от пристава. Так как пристав не уступал, ссылаясь на обычай русской дипломатической практики, то посол сошел с лошади, высланной ему новгородским воеводой, бросил воеводский экипаж, сел в крестьянскую телегу и хотел ехать обратно. Но пристав заявил, что без царского указа его не выпустят из пределов Московского государства. Спор продолжался до вечера. Наконец, посол придумал остроумный выход из положения: пусть поедут с ним два пристава — один по правую, а другой по левую руку. Окунев, посоветовавшись с архиепископом Псковским, согласился, и один из детей боярских был назначен вторым приставом и поехал с левой стороны от посла, а Окунев поехал с правой (см. Соловьев. История России, кн. II, стр. 1179—1180; ср. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XIII, стр. XIV—XVI). Не менее любопытен и другой пример: гонец Симановский, по прибытии в Берлин в 1682 г., в течение многих месяцев спорил с курфюрстом, где тому стоять при произнесении вопроса о здоровье государя, и ввиду этого спора так и уехал без прощальной аудиенции (см. Мартенс. Собрание трактатов..., т. V, стр. 21). См. отдельные примеры подобного рода в Истории дипломатии, т. I, стр. 239—240.

посольского права не рассматривались как обязательные для России правовые нормы. Иммунитет посла выводился здесь из престижа государя, представителем особы которого посол являлся. Поэтому нарушение иммунитета русских послов за границей рассматривалось, прежде всего, как оскорбление «государевой чести», т. е. как нарушение престижа русского государя. Но и, с другой стороны, нарушение иностранными послами, находящимися в России, престижа русского государя и государства, считалось основанием, оправдывающим нарушение их иммунитета. Так, например, в приводившемся выше случае, когда Иван IV приказал арестовать шведских послов, епископа Павла и его товарищей — еще до этого, по прибытии в Новгород, царь приказал насильно отобрать у них королевскую грамоту, наказы и все бумаги, а их отослать в Москву,— он наказал их не только за оскорбление русских послов в Швеции, но и «за их невежество»:[35] не считая шведских королей из дома Ваза равными себе и требуя, чтобы их сношения с ним велись через новгородских наместников, царь рассматривал отказ шведских послов править посольство новгородскому наместнику как посягательство на престиж Московского государства. В 1584 г., после смерти Ивана IV, русская стража оцепила дом английского посла Бауса, и в продолжение девяти недель Баус находился под домашним арестом; затем его привезли во дворец на прощальную аудиенцию у царя и дали три дня сроку на выезд из Москвы. Основанием для такого обращения с Баусом, как это можно заключить из письма царя Федора Ивановича к королеве Елизавете, отправленном вслед за высылкой Бауса, явилось обвинение в «невежестве», в постоянном произнесении «непригожих слов» и в совершении «непригожих поступков». В другом письме к королеве, отправленном в 1585 г. царь писал, что Баус не только говорил «многие непригожие слова», но и выдумывал «многие неправды на наших бояр». Любопытно, что королева Елизавета не стала требовать удовлетворения за обиду, причиненную ее послу.[36]

В вопросах посольского иммунитета и церемониала Московское государство не считало себя связанным западноевропейскими обычаями и ревниво отстаивало свою самобытность. На нее не раз ссылались русское правительство и русские послы за границей при возникновении тех или иных дипломатических конфликтов.[37]

---

[35] См. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. IV, стр. 124.

[36] См. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IX(X), стр. XXXIX—XLIX.

[37] «Нам никоторых государств послы и посланники не образец»,— говорили (в 1600 г.) русские посланники в Англии Микулин и Зиновьев

С этими представлениями Россия на рубеже XVII и XVIII столетий вступила на путь более тесных и уже регулярных дипломатических сношений с Западной Европой. Еще с конца XVI века в России появляются первые иностранные резиденты.[38] В XVII веке мы встречаем уже и русских резидентов за границей: так называемых «пребывательных агентов» в Швеции и в Польше.[39] Первые же постоянные посольства появились только при Петре I. Они стали совершенно необходимы для осуществления новых задач русской дипломатии. «Та сложная внешнеполитическая деятельность, которая развернулась при Петре I,— говорится в «Истории дипломатии»,— требовала реорганизации учреждения, ведавшего международными сношениями... При Петре вся дипломатическая служба реорганизуется по западноевропейскому образцу. В иностранных государствах образуются постоянные дипломатические миссии, отсутствие которых давало себя так сильно чувствовать еще в XVII веке».[40] В 1699 г. Петр назначил «чрезвычайного и полномочного посла» в Голландию, в 1701 г. «министра» в Вену, в 1703 г. он приказал Постникову жить в Париже в качестве его политического агента, хотя и без посланнического звания.[41] К концу царствования

(см. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 246). Ордин-Нащокин говорил в связи с представлениями английского и датского королей в защиту своих подданных, живущих в России: «...редко другие государи обращаются к нам с такими просьбами... да что нам за дело до иноземцев и их обычаев: их платье не по нас, и наше не по них» (см. Капустин, цит. соч., стр. 44). Когда посланник Кромвеля Придакс, прибывший в 1654 г. в Москву, пожаловался на то, что пристав сидел у него в санях по правую руку и что при входе во дворец с него сняли шпагу, и добавил, что ни в каких государствах он этого не видывал, то бояре отвечали ему: «Как в московском государстве в обычаях повелось, так и делают. А тебе в чужом государстве про чины выговаривать не годится» (см. Мартенс, Собрание трактатов..., т. IX (X), стр. XCVII—XCVIII).

[38] Так, например, в 1585 г. упоминается уже английский резидент, функции которого приближались к консульским. В течение всего следующего столетия появляются, помимо английского, датский, голландский, шведский и польский резиденты (см. История дипломатии, т. I, стр. 243).

[39] В Швецию первый русский резидент был назначен в 1635 г. Это был «крещеный иноземец» Димитрий Францебеков (см. Соловьев. История России, кн. II, стр. 1232). Первый русский резидент в Польше Василий Тяпкин нес свои обязанности с 1673 до 1677 гг. (см. Историю дипломатии, т. I, стр. 249). Но, очевидно, с тех пор русские резиденты находились в Польше уже непрерывно, ибо в статейных списках Посольского приказа имеется акт 1699 г., который гласил: «Царь указал послать свою Царского Величества грамоту и к посланнику и Резиденту своему в Короне Польской в сие время будучему, что он Королевскому Величеству Польскому именем Его Царского Величества предложил» и т. д. (См. Капустин, цит. соч., стр. 49—50).

[40] История дипломатии, т. I, стр. 271.

[41] См. Мартенс, Собрание трактатов..., т. XIII, стр. 111.

Петра I, по официальным штатам 1722 г., Россия имела около пятнадцати заграничных постоянных посольств и миссий.[42]

Реорганизация русской дипломатической службы сопровождалась усвоением ряда новых дипломатических обычаев. Но Россия отнюдь не копировала обычаев Запада, а воспринимала их лишь в той мере, в какой находила это целесообразным, сохраняя прежнюю требовательность в вопросах престижа, с которой вынуждены были считаться иностранные дипломаты.[43] Новые обычаи касались главным образом дипломатического церемониала и этикета. Их применение было практически нужным для поддержания постоянных дипломатических связей с Западной Европой.[44] Но вместе с ними Россия восприняла и некоторые новые правила, касающиеся иммунитета послов. Она восприняла их уже в то время, когда дипломатический иммунитет в Западной Европе свелся к гораздо более скромным размерам по сравнению с первыми веками развития постоянных посольств и давно уже утратил такие крайности, как например, привилегия посольского квартала или право убежища в посольских помещениях. В России же никогда не существовало таких преувеличенных представлений о дипломатических привилегиях, как на Западе. Однако те правила дипломатического иммунитета, которые она признавала, всегда строго соблюдались в ней.

Еще в начале XVIII века, т. е. в самые первые годы появления в России постоянных посольств, новые правила имму-

[42] Такие посольства и миссии, судя по реестрам коллегии иностранных дел, были: в Польше, Австрии, Регенсбурге, Гамбурге, Гданске, во Франции, Дании, Турции и пр. (см. Реестр № 1, О пребывающих при чужестранных дворах здешних министрах и сколько они ныне получают жалования. В. Александренко, цит. соч., т. II, стр. 325—329; ср. С. Татищев. Из прошлого русской дипломатии. СПБ, 1890, стр. 9—10. Татищев упоминает еще Португалию, Венецию, Мекленбург и Брауншвейг, но не упоминает Саксонии, Регенсбурга и Гданска).

[43] См. История дипломатии, т. I, стр. 273.

[44] С этой целью русские дипломаты тщательно изучали правила дипломатического церемониала и этикета при важнейших европейских дворах. Так, например, князь Б. И. Куракин в 1722 г., будучи послом в Гааге, составил подробную «промеморию» для своего сына о дипломатическом церемониале и формах дипломатической переписки при французском дворе (см. Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. III, СПБ, 1892, стр. 78—81); князь А. Д. Кантемир, будучи резидентом в Лондоне, в 1738 г., перед отъездом из Лондона на пост посла в Париже, составил для своего преемника, князя И. А. Щербатова, записку: «Нужнейшие известия для здешних церемониалов и о привилегиях чужестранных министров» (см. В. Александренко, цит. соч., т. II, стр. 77—78). В 1742 г. русское правительство разослало своим представителям за границей рескрипт, в котором было сказано: «Мы обстоятельно ведать желаем, каким образом при всех дворах с послами и министрами второго ранга поступают, когда они приезжают ко двору». Александренко приводит подробнейшее «Описание некоторых пунктов церемониала Великобританского двора, касающихся именно до того, что какой при нем чинится прием чужестранным, при оном нахо-

нитета иностранных послов были зафиксированы в законе. 14 сентября 1708 г. Петр I издал указ — письмо на имя цесаревича — который гласил: «...по получении сего, объявя всех приказов Судьям, дабы они приказали подчиненным своим накрепко, чтобы никакого бесчестия посланникам отнюдь не дерзали чинить, да особливо их особам; тако ж если кем люди их задержатся и приведут в которой приказ, чтобы оных, нимало недержав, отсылали в Посольский приказ. Тако ж если на тех их людей какое челобитье от кого будет; и о том бы давали знать в Посольской же приказ, а из тех Приказов посылки никакой по них не чинили б, и их не брали б, а и в Посольском приказе людей их держать не велеть. Но когда учинят какое худо, и тогда отсылать велеть к ним и требовать от них сатисфакции, а самим им наказывать не довлеет, понеже то противно всенародным правам, от чего Государственныя ссоры происходить могут. Також на их дворы выемок отнюдь не посылали б; а если в каких долгах, до которого дело будет, или в ином в чем, то посылать к ним на двор и говорить, и если чего не исполнят, тогда о том дать ведомость в Посольский приказ, и из того одного Приказа домогаться во всяких делах от них удовольства».[45] Это был один из самых ранних законов о дипломатическом иммунитете, изданных в Европе в новое время. Двадцать с лишним лет спустя, 21 января 1741 г., был издан новый указ, в котором говорилось: «...Всемилостивейше указали Мы: накрепко подтвердить и всенародно публиковать таким образом, дабы никто, какого б чина и достоинства ни был, пребывающим здесь иностранным Министрам, не токмо самим им, но и служителям их, никаких обид и ни малейшего озлобления, також драк и ссор с служителями их отнюдь не чинили под жестоким штрафом».[46] В дополнение к двум вышеприведенным издавались и другие указы, и таким образом законодательство твердо гарантировало как неприкосновенность, так и неподсудность послов и их персонала.

Окрепнувшая при Петре I в ее внутреннем и внешнем положении Россия уже не остерегалась, как прежде, проникновения новых правил в свой дипломатический обиход. Но воспринимая эти правила, Россия отнюдь не утратила своей самобытности и в новых формах продолжала сохранять традиционные начала русской государственности. Дат-

---

дящимся, как в посольском характере, так и второго ранга министрам и какое с ними имеется обхождение». Описание составлено русским посланником в Лондоне графом П. Г. Чернышевым на основании этого рескрипта (см. Александренко, цит. соч., т. II, стр. 83—92).

[45] См. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 г., т. IV, 1830, № 2206, стр. 418—419.

[46] См. там же, т. XI, 1830, № 8321, стр. 355.

ский посланник Юль писал в 1710 г., что «русские не отрешаются ни от одного из старых русских обычаев, которые могут служить им к возвеличению, и в настоящее время изучают чужие обычаи, пригодные для такого поддержания и умножения их достоинства и чести».[47] То же самое мы видим и в области дипломатического иммунитета. Россия восприняла новые, ставшие теперь международными, правила иммунитета не пассивно, не механически, а в соответствии с собственными национальными традициями и прежде всего — с традицией охраны государственного престижа. В основе этих правил, по понятиям русских государственных людей, лежала защита государственного престижа, которая в применении к вопросам посольского права находила общее юридическое выражение и формальное обоснование в идее представительного характера посла.

Теперь эта идея получила еще более твердую почву под собою. Во-первых, в XVIII веке значительно расширилась компетенция и сфера самостоятельной деятельности русских послов за границей,[48] и они с еще большим основанием могли рассматриваться, как обладающие правом представительства своего государя. Во-вторых, борьба за признание за русским царем императорского титула,— которая была борьбой за признание России великой державой, борьбой против попыток крупных западноевропейских монархий ослабить мощь России и устранить ее с европейской арены,[49] — придавала этой идее большую практическую значимость. Россия стала придерживаться принятого во всей Европе различения

---

[47] См. История дипломатии, т. I, стр. 273.

[48] Это ясно видно хотя бы из сравнения даваемых им инструкций с наказами XVII в. Александренко указывает, что инструкции XVIII в. сильно отличаются от прежних наказов, в частности в том отношении, что «..инструкция давала предварительные и общие указания, которые не могли быть так безусловны, как предписания наказа. Другими словами,— говорит он,— наказы более ограничивали полномочия дипломатических агентов, чем инструкции» (цит. соч., т. I, стр. 149). Приводя инструкцию, данную Петром I своему посланнику в Лондоне барону Шаку в 1713 г., Александренко замечает, что «...эта инструкция устанавливала принцип, впоследствии принятый в теории и на практике, по которому способный дипломатический агент не нуждается в подробной инструкции, которая давалась прежде дипломатическим представителям Московского государства» (там же, стр. 9—10).

[49] Вот, например, как французский король Людовик XV излагал цели своей политики в отношении России в инструкции своему послу в Петербурге барону Бретелю от 10 сентября 1762 г.: «Вы уже знаете, и я повторяю это здесь самым ясным образом, что единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее, насколько возможно, от европейских дел». «Все, что в состоянии ввергнуть эту империю в хаос и заставить ее вернуться в мрак, выгодно моим интересам!» (см. Мартенс, Собрание трактатов..., т. XIII, стр. 119, 120).

дипломатических рангов, при котором только дипломатические агенты первого ранга, т. е. послы, считались обладающими представительным характером. Но уже при Анне Иоанновне явно сказывается тенденция повысить ранги русских дипломатических представителей за границей (а также добиться отправления в Россию представителей более высокого ранга), чтобы поднять престиж России и повысить ее международное значение.[50] По тем же причинам Россия, усвоив новый дипломатический церемониал, не менее строго, чем прежде, следила за соблюдением церемониальных прав своих послов, не останавливаясь перед конфликтами. В связи с известным столкновением из-за первенства, имевшим место в Лондоне в 1768 г. между русским посланником графом Чернышевым и французским послом графом де Шатле-Ломоном,[51] Панин в ответ на предписание французского правительства своим представителям — «повсюду настаивать на первенстве перед русскими добровольно или насильственно» — предложил русским послам «защищать свое место добровольно или насильственно». Он подчеркнул значение церемониала и этикета в отношениях между государствами, указывая на то, что «этикет, регулирующий форму их корреспонденции, тем более строг, что он служит мерилом их взаимного уважения и взаимного почтения к своим силам».[52]

Именно поэтому же Россия так строго охраняла и иммунитет своих послов за границей. Нарушение шведами привилегий «великого посольства» Петра I (в котором сам царь участвовал инкогнито) во время его пребывания в Риге в 1697 г. было выставлено в качестве одного из официальных поводов объявления войны Швеции в 1700 году,[53] — что свидетельствует хотя отнюдь не о причинах войны со Швецией, но о том, какое значение царь придавал факту нарушения дипломатических привилегий своего посольства. Сравнительно слабая реакция Петра I на арест саксонскими властями

---

[50] См. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 22—23.

[51] Во время бала в Сен-Джемском дворце Шатле-Ломон оттолкнул Чернышева, чтобы сесть рядом с австрийским посланником, занимавшим по обычному церемониалу первое место, т. е. чтобы занять второе место. Результатом столкновения была дуэль между дипломатами (см. Мартенс, Собрание трактатов..., т. XIII, стр. 133; Martens, Causes célèbres..., t. I, p. 463).

[52] См. История дипломатии, т. I, стр. 294.

[53] В письме царя к князю Хилкову, написанном 21 августа 1700 г., т. е. через два дня после объявления войны, говорилось, как излагает это Бантыш-Каменский, что «государь за учиненное в Риге 1697 г. великому российскому посольству бесчестие, по причине непристойной тамо встречи и неучинения обещанного за то удовольствия и за многие обиды подданным российским, указал начать с шведами войну» (см. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. IV, стр. 203).

его дипломатического агента Паткуля в 1705 г. объясняется сложным положением царя в условиях похода Карла XII.[54]

Несколько лет спустя отношение России к защите иммунитета своих послов достаточно ясно проявилось в связи с известным делом Матвеева. Политическим фоном, на котором возник этот дипломатический инцидент, была тенденция Англии, стимулируемая внушениями Пруссии и Ганновера, поддержать Швецию в борьбе против России и тем добиться ослабления России и подорвать ее влияние в Европе.[55] Высказывались даже предположения, что нападение на Матвеева было сделано по наущению шведского посланника.[56] Это обстоятельство еще более тесно связывало позицию русского правительства в вопросе об иммунитете его посла с борьбой за престиж и международное значение России. Матвеев уехал из Англии не простясь, не пожелав принять обычных подарков, и резко протестовал против нарушения международного права и оскорбления в его лице чести его государя. В письме к русскому канцлеру Головкину он писал, что «в моем лице весьма народное право не только нарушено, но всемерно изневолено», и сообщал, что потребовал от британского статс-секретаря, чтобы королева защитила «честь священную его царского величества государя моего всеми преобиденную в характере лица моего и право народное изневоленное до конца, сходною обороною и самым прямым удовольствием».[57] Петр I потребовал смертной казни для оскорбителей Матвеева. И хотя в дальнейшем реакция царя на этот инцидент и

---

[54] Саксонские министры послали к Петру I камергера Шенбека для объяснений по поводу ареста Паткуля. Петр I не был удовлетворен этими объяснениями, объявил, что это поступок «зело жестокий, против всех прав учиненный», и потребовал присылки Паткуля в Россию для расследования возводившихся против него обвинений. Но саксонские министры не выполнили этого требования. Соловьев замечает по этому поводу: «Расчет саксонских министров был верен: царь должен был ограничиться одними протестами, особенно, когда Карл XII обратился против русского войска» (см. Соловьев, История России, кн. III, стр. 1408—1409).

[55] Соловьев пишет: «Тайным образом Матвеев проведал о внушениях Прусского и Ганноверского дворов, что всем государям Европы надобно опасаться усиления державы Московской; если Москва вступит в великий союз, вмешается в европейские дела, навыкнет воинскому искусству и сотрет Шведа, который один заслоняет от нее Европу, то нельзя будет ничем помешать ее дальнейшему распространению в Европе. Для предотвращения этого, союзникам надобно удерживать царя вне Европы, не принимать его в союз, мешать ему в обучении войска и в настоящей войне между Швецией и Москвой помогать первой. Англия, Цесарь и Голландия подчинились этому внушению и определили не принимать царя в союз, а проводить его учтивыми словами» (Соловьев. История России, кн. III, стр. 1532—1533; см. также Александренко, цит. соч., т. I, стр. 5).

[56] См. Соловьев. История России, кн. IV, стр. 1534.

[57] См. Александренко, цит. соч., т. II, стр. 12, 13; на стр. 7—14 приводится полный текст письма Матвеева.

на поведение в нем английского правительства была ослаблена политическими соображениями — желанием воспользоваться английским влиянием, чтобы побудить Швецию признать свое поражение и заключить мир,[58] — все же она оказалась достаточно сильной, для того чтобы заставить английское правительство, кроме назначения торжественного посольства для принесения извинений, внести в парламент специальный билль об охране дипломатических привилегий.

Этой позиции строгой защиты иммунитета своих послов Россия придерживалась и после Петра I. Когда в 1762 г. французское правительство вознамеревалось арестовать отзываемого из Парижа русского посланника графа Салтыкова и наложить запрещение на его имущество, то последовал весьма энергичный протест русского правительства. «Мы не токмо согласиться, ниже представить себе можем,— писала Екатерина II преемнику Салтыкова князю Голицыну 10 декабря 1762 г.— чтоб его христианнейшее величество похотел поступить на невольное удержание нашего министра в своих областях, яко на такое дело, которое столь чувствительно коснуться может до собственных прав государских и взаимного уважения, чем они между собой друг другу должны. Камергер Салтыков, яко наш публичный и аккредитованный министр, пользуется одной только протекцией всенародных прав, а других, кроме наших, суда и власти над собой иметь не может. Нет благоучрежденного народа, который бы не знал сего всеобщего правила». И хотя французское правительство настаивало на своем праве и ссылалось на задержание вещей португальского посланника, оно не решилось применить эти меры к русскому посланнику. Салтыков мог свободно уехать из Парижа, и на его вещи не было наложено запрещения.[59]

Но если русское правительство во имя государственного престижа твердо отстаивало иммунитет своих послов за границей, то, с другой стороны, оно строго следило за тем, чтобы иностранные послы в России не наносили бы ущерба ее интересам и престижу, прикрываясь дипломатическим иммунитетом. Никогда не разделяя принципа экстерриториально-

---

[58] Мартенс пишет: «Полтавская победа открыла Петру I блестящий горизонт. Ему казалось, что наступило, наконец, время, когда Швеция подчинится приговору судьбы своей и согласится заключить с Россией мир на почетных для царя условиях». «Для предстоящих мирных переговоров дружеское посредничество и воздействие Англии на шведское правительство могло бы иметь самое благотворное влияние. Этим соображением объясняется, в значительной степени, уступчивость Петра в деле Матвеева» (см. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IX (X), стр. 20).

[59] См. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XIII, стр. 123.

сти в том его понимании, которое превращало посольство в своего рода государство в государстве, Россия признавала иммунитет иностранных послов в разумных пределах, необходимых для поддержания и развития сношений с Западной Европой, и в этих пределах, как уже указывалось, строго соблюдала его. Но она решительно отказывалась признавать иммунитет в тех случаях, когда поведение посла угрожало ее государственной безопасности или оскорбляло ее государственный престиж. Разумеется, русское правительство уже не задерживало послов за их недружелюбные или неуважительные действия и не подвергало их какому-либо наказанию. Но даже донесения посла своему правительству, оскорбительные для престижа государства, служили основанием для полного прекращения с ним всяких сношений и требования о его отозвании, а наличие в поведении посла поступков, угрожающих безопасности государства,— и для применения к нему принудительных мер или настойчивого требования к его отечественной власти о его наказании. Ряд дипломатических казусов первой половины XVIII столетия достаточно ясно определяет русскую позицию в этом вопросе.

В 1717 г. Петр I предложил своему посланнику в Нидерландах князю Куракину потребовать отозвания голландского резидента в Петербурге Дебие за то, что тот «...о нашем дворе в своих реляциях к Статом многие фальшивые и нимало основания имеющие доношения чинил и непрестанно чинит к предосуждению славы и интересу нашему». В случае же если Штаты откажутся отозвать его, Куракину предписывалось «сказать, что хотя мы для дружбы не желаем, однакож для персоны противного нам резидента их принуждены будем ему наш двор заказать, или о каких делах с ним трактовать министрам нашим не велим».[60] Обнаружилось также, что Дебие вел подозрительные сношения с русскими подданными, враждебными Петру. Тогда Петр приказал окружить дом Дебие стражей, отобрал у него все бумаги и объявил ему, что освободит его лишь после того, как тот укажет, кто с ним сносился из русских подданных. Дебие дал обещание, но назвал не всех. Вскоре он был отозван голландским правительством. Последнее заявило протест против обращения с Дебие, но Петр оправдывал свои действия тем, что Дебие вмешивался во внутренние русские дела и дал повод для принятия мер предосторожности. При этом он ссылается на казус Гилленборга в Англии.[61]

---

[60] См. Архив кн. Куракина, т. III, стр. 72.

[61] См. Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. СПБ, 1905, т. II, стр. 42; см. также Соловьев. История России, кн. IV, стр. 569—570.

В том же году русский резидент в Австрии Веселовский потребовал отозвания из Петербурга австрийского резидента Отто Плейера за оскорбительные для царя донесения своему правительству, из которых как говорил Веселовский принцу Евгению, было видно, «что либо он все это выдумал для ослабления дружбы царского величества с императором, либо имел сообщение с преступными подданными царского величества, которые ему сообщили такие ведомости в ущерб славы и интересу государя своего». После повторных требований как Веселовского, так и отправленного в Вену с чрезвычайной миссией генерал-адъютанта барона Левендвольда Плейер был отозван, но до его отъезда ему дважды запретили приезжать ко двору и не дали прощальной аудиенции. Правда, австрийское правительство прибегло к репрессалии: оно запретило Веселовскому приезжать ко двору и предписало ему в восемь дней и без прощальной аудиенции выехать из Вены. [62]

В 1743 г. Елизавета Петровна в особом манифесте обратилась к австрийской императрице Марии-Терезии с жалобой на бывшего австрийского посланника маркиза де Ботта д'Адорно, который был замешен в известном Лопухинском заговоре. Еще до открытия заговора, в конце 1742 г., де Ботта выехал из России и затем состоял австрийским посланником в Пруссии. Елизавета Петровна обвиняла де Ботта в том, что он не только вмешивался во внешние и внутренние дела империи, «но и внутренние беспокойства во вред нашего благополучия и целости государства вводил», даже «советовал, как бы нас лишить нашего наследного императорского престола», и требовала его наказания. Но Мария-Терезия объявила в официальных актах, опубликованных в печати, что она вполне убеждена в невиновности своего посланника. По истечении нескольких месяцев, уже в 1744 г., русское правительство, не получив ожидаемого удовлетворения, разорвало отношения с австрийским двором и приказало своему посланнику в Вене Ланчинскому без прощальной аудиенции выехать в Дрезден. Опасное положение Австрии в ходе войны за австрийское наследство и надежды на помощь России против Пруссии заставили Марию-Терезию дать полное удовлетворение русскому правительству. Австрийский резидент Гогенгольц сообщил, что де Ботта был судим и приговорен к заключению в крепости Грац на полгода и что вскоре в связи с этим делом в Россию прибудет чрезвычайное посольство. Новый австрийский посол граф фон Розенберг подал канцлеру

[62] См. Соловьев. История России, кн. IV, стр. 521—530. Петр счел, однако, репрессалию необоснованной и в свою очередь прибегнул к ответным мерам: он приказал выслать из России всех иезуитов как «миссионеров цессарских».

Бестужеву декларацию, в которой поведение де Ботта объявлялось «мерзостным и проклятия достойным» преступлением и сообщалось, что он заключен в крепость Грац на столько времени, сколько Елизавете («прославленной в свете милости ея императорского величества») будет угодно, а также, что изданные ранее официальные акты по делу де Ботта были опубликованы против воли Марии-Терезии, о чем тотчас же будут оповещены все иностранные дворы. После этого, т. е. когда было получено полное удовлетворение, Елизавета Петровна дала австрийскому послу аудиенцию и заявила, что никакого мщения де Ботта не желает, а канцлер Бестужев обратился к австрийскому правительству с просьбой об освобождении де Ботта из крепости. Вскоре затем, в мае 1745 г., русское правительство согласилось возобновить союзный договор с Австрией 1726 г.[63]

Самым известным и самым показательным для позиции России в вопросе о дипломатическом иммунитете было дело маркиза де ла Шетарди, происшедшее в 1744 г. Шетарди, бывший еще при Анне Иоанновне французским чрезвычайным послом при русском дворе, во время своего вторичного приезда в Россию в 1744 г. решил добиться свержения вице-канцлера (впоследствии — канцлера) Бестужева-Рюмина, противника французской ориентации, и с этой целью сблизился с принцессой Цербстской, Лестоком, гувернером великого князя Брюмером, и другими лицами, составившими как бы его партию при дворе Елизаветы Петровны. Чтобы иметь большую свободу в действиях, Шетарди решил первое время находиться на положении знатного иностранца и не вручал верительных грамот. В своих донесениях во Францию он весьма оскорбительно отзывался об императрице Елизавете, о русском дворе и правительстве. Кроме того, он, несомненно, весьма беззастенчиво вмешивался во внутренние дела России, так как в его бумагах были обнаружены донесение о допросе в Тайной канцелярии некоего Штакельберга, предсказывавшего новый переворот в России, и сообщение о том, что им, Шетарди, был составлен проект письма, который получил русский генерал Кейт в Швеции от своего правительства. В первом случае Шетарди выражал надежду, что его партии удастся назначить для допроса еще генерал-прокурора, князя Трубецкого, а во втором случае он сообщал, что совещался со своими друзьями, как бы провести свой проект в совете по иностранным делам.

Вице-канцлер Бестужев-Рюмин тщательно следил за пове-

[63] См. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. I, М., 1894, стр. 63—65; Мартенс, Собрание трактатов..., т. I, СПб., 1874, стр. 131, 146.

дением Шетарди. Он представил Елизавете Петровне документы, изобличающие его деятельность, оскорбительные отзывы Шетарди об императрице и добился приказа о его высылке. 6 июня 1744 г. на квартиру Шетарди явился начальник Тайной канцелярии Ушаков в сопровождении чиновников Коллегии иностранных дел и передал ему повеление императрицы выехать из столицы в 24 часа и как можно скорее покинуть пределы империи. В следующую ночь Шетарди под конвоем из 15 солдат под начальством капитана выехал из Москвы. Чиновникам, объявившим Шетарди приказ о высылке, было предписано обращаться с ним с крайней осторожностью. Русское правительство отправило в Париж специального курьера с депешей на имя русского поверенного в делах Гросса, которому вменялось в обязанность изложить французскому правительству вину Шетарди и выразить надежду, что этот инцидент не нарушит дружбы между Россией и Францией. В тот же день всем дипломатическим представителям, аккредитованным при русском дворе, был разослан циркуляр, в котором оправдывались действия русского правительства. В этом циркуляре, между прочим, указывалось на то, что Шетарди не был аккредитованным представителем французского правительства, а только «бригадиром французской армии, жившим некоторое время при настоящем дворе в качестве частного лица». И действительно, Шетарди, не пожелавший воспользоваться своим дипломатическим званием, сам лишил себя оснований на дипломатический иммунитет.

Любопытно, что французское правительство не сочло возможным протестовать против действий русского правительства. Более того, король Людовик XV повелел Шетарди не являться ко двору и отказал ему в просьбе выслушать его оправдания; а в инструкциях, данных новому французскому посланнику в России Дальону, вся вина за этот инцидент возлагается на Шетарди, который позволил себе интриговать против русского правительства. Несмотря на это и вопреки всем стараниям французского правительства, поведение Шетарди в России немало способствовало ухудшению франко-русских отношений. [64]

По делу Шетарди сохранился меморандум, очевидно составленный Бестужевым-Рюминым. Он представляет исключительный интерес не только потому, что в нем подробно описывается этот инцидент, но и потому, что в нем содержится изложение общих взглядов русского правительства на дипло-

[64] См. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XIII, стр. 76—83; Соловьев. История России, 3 изд., кн. V, стр. 265—283; Martens. Causes célèbres..., t. I, p. 428—430.

матический иммунитет,— что является наиболее ценной частью этого документа. «Хотя издревле по всенародным принятым и установленным правам,— говорится в меморандуме,— персона каждого чужестранного к другой державе (в каком бы он характере ни был) присланного министра, яко репрезентующий государя своего, свято почиталась и поныне почитается: однакож потому ж в некоторый закон введенному обычаю, есть пределы, из которых такой министр (разве упоминаемого преимущества лишиться сам похощет) выступить не может». «Гистория светская наполнена примерами, коль далеко всякого министра такая перед прочими привилегия распространяется и каким образом, в случае выступления из тех пределов, послы и каждого характера министры арестованы и в скорости из государств высыланы бывали, не упоминая уже о том самодревних временах, в коих обиженные стороны, несмотря на святость персоны к ним присланных министров, сами сатисфакцию по их преступлению бирали». «Часто реченные пределы,— говорится ниже в меморандуме,— и в кои с характером министр без лишения своего права вступаться не должен, суть между прочаго главнейшие:

1) Поношение освященных государевых персон, качеств или склонностей их, и прочая.

2) Всякое народное противу государя возмущение, подкупление чужих подданных и заведение там себе партии и следственно опровержение ему противной, яко такия перемены единственно в государевой воле состоять имеют.

3) Посылка о состоянии того государства, в котором он резидует, ко Двору своему ругательных и предосудительных реляций».

Далее, в доказательство установленного выше положения применительно к этим пунктам меморандум ссылается на прецеденты дипломатической практики, в том числе на дело Гилленберга в Англии, на дело Челламаре во Франции и на дело Дебие в России.[65]

Таким образом, Бестужев-Рюмин устанавливает важнейшие критерии, определяющие пределы дипломатического иммунитета — проблема, которая, как мы видели, сильно занимала теоретиков посольского права Западной Европы в течение весьма долгого времени после появления постоянных посольств. В числе этих критериев, наряду с защитой государственной безопасности, видное место занимает защита государственного престижа, которая, по духу воззрений русских государственных людей, составляет содержание и общего принципа, лежащего в основании дипломатического иммуни-

[65] См. Архив князя Воронцова, кн. I, М., 1870, стр. 458—459. Полный текст меморандума, стр. 457—462.

тета — принципа представительного характера посла (иммунитет принадлежит особе посла «яко репрезентующий государя своего»). Меморандум Бестужева-Рюмина, широко цитировавшийся в руководствах по дипломатии и в курсах по международному праву, является несомненным вкладом в международное посольское право.

Наконец, на рубеже XVIII и XIX столетий, в 1800 г., Павел I потребовал отозвания английского посла Уитворта, который вел далеко идущие интриги при русском дворе.[66] Хотя это требование было сделано во время общего резкого ухудшения англо-русских отношений,— чему искусно способствовал Наполеон,— Павел I не имел в виду порывать дипломатических сношений с Англией. В своем рескрипте он мотивировал требование об отозвании Уитворта желанием «избегнуть неприятных последствий, какие могут произойти от дальнейшего пребывания лживых министров». Готовясь покинуть Россию, Уитворт оставил вместо себя поверенного в делах. Но через два дня Павел приказал, чтобы «и поверенный в делах здесь не оставался» — за оскорбление, которое английский посланник в Стокгольме Хейлс нанес чести русского посланника в Стокгольме барона Будберга тем, что не посетил его, согласно этикету, перед своим отъездом из шведской столицы, и которое Павел рассматривал как шаг, сделанный с одобрения английского правительства. Поверенный в делах Казамэджер уехал из России вместе с послом Уитвортом, после чего наступил полный разрыв сношений с Англией, объясняющийся, впрочем, более глубокими причинами, чем те, коими мотивировалась высылка этих дипломатов.[67]

Итак, мы видим, что русская дипломатическая практика с первой половины XVIII века сближается с западно-европейской, и на протяжении XVIII века ранее существовавшее различие в дипломатических обычаях в довольно большой

---

[66] Так, например, Уитворт пользовался помощью камер-фрейлины Нелидовой при заключении торгового трактата между Россией и Англией в 1797 г., за что будто бы даже заплатил ей 30 тыс. руб. (см. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 110). Он вел тайные сношения с Никитой Паниным, Платоном Зубовым и другими участниками назревавшего заговора против Павла I, поддерживая эти сношения через придворную даму Ольгу Жеребцову (там же, стр. 77; см. также История дипломатии, т. I, стр. 362—363). Перед отъездом из России он отправил в Лондон целый ящик ключей к русским шифрам, употреблявшимся коллегией иностранных дел, которые он, вероятно, приобрел с помощью какого-либо из чиновников коллегии (см. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 375), и т. д.

[67] См. Александренко, цит. соч., т. I, стр. 77—78; Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, СПБ, 1895, стр. 5—7; см. также письмо Уитворта к лорду Гренвилю от 6 июня 1800 г., приведенное у Александренко, цит. соч., т. II, стр. 279.

мере стирается. Прежние национальные особенности русской дипломатической практики частью уступают место общим дипломатическим обычаям, частью сохраняются, но влияют на общее посольское право, обогащая его новым опытом и новыми принципами. Дипломатические прецеденты и государственные акты России, касающиеся дипломатического иммунитета, отныне прочно входят в практику и в доктрину общего международного права, признаваемого всеми государствами, входят как фактор, способствующий его укреплению и развитию.

* * *

Русские государственные люди обращали особое внимание на принципиальное обоснование мероприятий правительства, касающихся иностранных послов и их привилегий, и придавали большое значение науке международного права. В XVIII веке в России издаются переводы ряда иностранных трудов по международному праву (Пуффендорфа и др.), содержащих разделы и по посольскому праву. В 1772 г. был издан перевод специального труда по посольскому праву — книги Калльера «О способах ведения переговоров с государями».[68]

Кроме переводной литературы, в это время появляется и оригинальная. В области посольского права — это труд П. А. Левашова «О первенстве и председательстве европейских государей, их послов и министров» (1792). Русские оригинальные идеи по вопросам посольского права получают яркое выражение также в официальных актах, мемуарах, официальной и полуофициальной дипломатической переписке. Среди подобных документов, можно, в первую очередь, назвать цитировавшийся выше меморандум Бестужева-Рюмина о деле Шетарди. Из всех этих памятников русской науки и русской дипломатии достаточно ясно видно существование в России уже в XVIII веке собственных теоретических взглядов на вопросы посольского права и иммунитета. Это, однако, только начало. В последующем столетии растет обширная русская оригинальная научная литература по международному праву, в которой находят свое место и вопросы посольского права.[69]

[68] «Каким образом договариваться с государями, или о пользе договоров, о избрании послов и посланников и о качествах, нужных для получения успеха в сих знаниях». Сочинение Г. Каллиера, со многими прибавлениями, часть первая, переведена с французского Ризвикского издания 1757 года. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук 1772 года.

[69] О русской науке международного права в XVIII в., в частности о сочинениях, затрагивающих вопросы посольского права, см. Коровин, История международного права, вып. I, стр. 102—106.

ГЛАВА V

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XIX—XX вв.)

Американская и французская буржуазные революции конца XVIII века, национальные и демократические движения в Западной Европе и в Америке в первой половине XIX века, знаменовавшие переход от феодализма к капитализму, внесли глубокие перемены во все стороны жизни общества. Изменились, в частности, цели и методы внешней политики и дипломатии, принципы и формы государственного строя, правовые институты и доктрины. Все это не могло остаться без влияния и на посольское право и иммунитет.

На заре буржуазной революции во Франции передовые круги европейского общества подвергали резкой критике дипломатию абсолютизма, с ее корыстными династическими интересами, тайными и коварными методами и завоевательными войнами — как неизбежным результатом. Философы-просветители давали этой дипломатии уничтожающую оценку, полную сарказма и негодования. Наиболее радикальные критики феодально-абсолютистского строя требовали упразднения системы постоянных посольств, которую они считали неотъемлемым атрибутом дипломатии абсолютизма и источником международных конфликтов и войн. Они выдвигали проекты создания европейской конфедерации, обеспечивающей народам «вечный мир», политическую независимость и территориальную неприкосновенность, а в рамках этой конфедерации предлагали все дипломатические сношения между ее членами сосредоточить на собраниях или в коллегиях уполномоченных от отдельных правительств.

Во Франции такие идеи развивал Руссо. Он рекомендовал учредить лигу европейских народов — с общим законодательным собранием, исполнительным советом и судебным трибуналом. Все вопросы взаимоотношений между государствами должны разрешаться в этих органах. Предпосылкой осуществления этого плана Руссо считал реформы внутри отдельных государств. Посвятив специальное сочинение реформе правления в Польше, он в нем, обращаясь к полякам, восклицал: «Не утомляйте себя тщетными переговорами, не разоряйтесь на посланников и представителей при других

дворах, не считайте, что трактаты и союзы чего-нибудь стоят».[1] В Англии Бентам, который к критике абсолютистской дипломатии присоединил критику колониальных войн и требование отказа от колоний, в своем проекте кодекса международного права предусматривал замену существующей системы дипломатических сношений и учреждений общеевропейским конгрессом, который должен быть открыто заседающим органом и состоять из одинакового числа представителей (а именно — по два) от каждого государства.[2]

В годы самой революции во Франции идею упразднения постоянных посольств и всех существующих форм дипломатических сношений в наиболее непримиримой и категорической форме защищали левые якобинцы: Эбер, Шомет и особенно Анахарсис Клоотц. В условиях войны Франции с феодально-монархической Европой они требовали прекращения дипломатических и торговых сношений даже с теми немногими странами, которые оставались нейтральными, и мечтали о распространении революционной войны на всю Европу. Первые победы республики, открывшие возможность для защиты ее интересов не только с помощью оружия, но и с помощью дипломатии, заставили их стать более реалистичными и отказаться от первоначальных мечтаний. Только Клоотц продолжал до конца пропагандировать эту идею и отрицать в принципе все формы дипломатии вообще. Его целью было создание в результате победоносной революционной войны всемирной федеративной республики, основанной на свободе, равенстве и братстве, а в такой республике он считал всякую дипломатию излишней и не видел для дипломатов какого-либо применения.[3]

Эти радикальные идеи относительно дипломатии развивались и в России, которая в то время была еще далека от буржуазной революции, но в которой проекты европейского мира находили сочувственный отклик среди прогрессивных кругов интеллигенции. Дипломат и литературный деятель конца XVIII и начала XIX веков Малиновский выступил с проектом создания «общего союза Европы», в котором

---

[1] См. История дипломатии, т. I, стр. 320.

[2] J. Bentham. Principles of International Law. Essay IV.— A Plan for an universal and perpetual Peace (Proposition XIII). The works of Jeremy Bentham. Published under the Superintendence of his Executor John Bowring, v. II. Edinburgh, MDCCCXLIII, p. 554. См. также отдельное издание — J. Bentham. A Plan for an Universal and Perpetual Peace. With an Introduction by C. John Colombos. London, 1939, p. 30—31. По поводу критики абсолютистской тайной дипломатии (Proposition XIV) — Works..., p. 554 and f., A Plan for an Universal and Perpetual Peace, p. 31—32 and f.

[3] См. История дипломатии, т. I, стр. 346.

«вместо трактатов должны быть законы для утверждения независимости и собственности земель и народов», а для наблюдения за исполнением этих законов и для охраны общего мира и безопасности должен быть учрежден «общий совет, составленный из полномочных союзных народов». Выдвигая такой проект, Малиновский решительно предлагал упразднить заграничные посольства и миссии, от которых, по его мнению, только умножаются войны. «Поелику все переговоры,— писал он,— должны производиться через взаимных полномочных в совете, и они должны иметь бдение о точном наблюдении всех постановлений, то обыкновение содержать посланников остается бесполезным. И в самом деле, сие обыкновение питает только враждебную политику, по сие время что пользы они сделали? Но сколько вреда своими ложными увеличенными донесениями по пристрастию, своими вмешиваниями во внутренние дела и беззаконными средствами узнавать тайны. Можно считать учащение войны от содержания посланников, столькож как и от содержания непременных армий».[4]

Политические деятели, практически осуществлявшие внешнюю политику Америки и Франции в периоды революций, не стремились проводить в жизнь эти утопические планы. Но они внесли в дипломатию принцип суверенитета народа, равноправия государств и отказа от династической иерархии в международных отношениях. В области дипломатической практики они провозгласили лозунг простой и скромной дипломатии,[5] упразднили ранги дипломатических представителей и пышный дипломатический церемониал. Соединенные Штаты Америки только с конца XIX века стали назначать дипломатических представителей за границу в ранге послов, считая этот ранг традицией Старого Света, несвойственной американской республике.[6] Во Франции, с

---

[4] В. М[а л и н о в с к и й]. Рассуждение о мире и войне. Часть вторая, СПБ, 1803, стр. 86—87, 89. Страницей ниже Малиновский дает следующее добавление к этой характеристике посланников: «Посланники делают смежными страсти, пороки и слабости владеющих министров и их любимцев, и как сии между собою несогласны, потому и участь народов решится, и обыкновенно, движению войск предшествуют движения страстей через слова, внушения и донесения посланников».

[5] В изданных во Франции в 1794 г. «Тезисах о внешней политике свободного и республиканского народа» говорилось: «Его (французского народа — Д. Л.) послы — это скромные люди, которые принесут мир к освобожденным народам, а к королевским дворам — несокрушимую волю 25-миллионного народа, в случае, если короли осмелятся посягнуть на его свободу». «Его дипломатия состоит в прямоте, справедливости и равенстве» (см. Международная политика нового времени в договорах, нотах и декларациях. Изд. НКИД, М., 1925, ч. I, вып. I, стр. 30).

[6] Когда, например, в 1791 г. марокканский султан поставил в изве-

переходом ведомства иностранных дел в руки жирондистов, были упразднены ранги ординарных послов и оставлены только ранги посланников (министров) первого и второго класса, а в жирондистской литературе предлагалось всех представителей Французской республики одинаково именовать «нунциями Франции». В период якобинской диктатуры было произведено дальнейшее упрощение дипломатической службы. Согласно «Временным дипломатическим основаниям», принятым в 1793 г. Комитетом общественного спасения, официальные дипломатические представители оставлялись только в Соединенных Штатах и в Швейцарии, а в других странах Комитет должен был содержать неофициальных агентов. Падение революционной власти вызвало соответствующие изменения и в формах дипломатии. «После 9 термидора начинается восстановление институтов и методов дипломатии абсолютизма... В эти годы восстанавливается министерство иностранных дел, воскресают ранги французских дипломатических представителей, возрождаются прежние формы дипломатических сношений и переписки». [7]

Однако даже после реставрации, в годы временного торжества феодально-абсолютистской реакции в Европе, получившего формальное воплощение в актах Венского конгресса и образовании Священного союза, достаточно сказывалось влияние победы капитализма и преобладания буржуазных интересов во внешней политике важнейших стран на формы и методы европейской дипломатии. Венский регламент 1815 г., устанавливая общие для всех государств ранги и порядок приема их дипломатических представителей, устранил столь типичные для абсолютизма проблему «председания» и влияние династических связей на дипломатические привилегии. Хотя Венский регламент и дополнивший его Аахенский протокол 1818 г. касались только дипломатических рангов и церемониала, эти акты положили в основу регламентации всех вопросов посольского права принцип международного равенства государств в смысле отказа от деления их на ранги, в зависимости от титула их государей, т. е. отказа от феодального принципа международной иерархии государств. [8]

стность правительство США, что он ожидает от него посла, то Джефферсон, занимавший тогда пост государственного секретаря, писал американскому консулу в Марокко: «Дайте ему (султану — *Д. Л.*) понять, что это обычай Старого Света, а не наш, что мы никогда не посылали послов ни к одной нации» (см. J. B. Moore. A Digest of International Law. Washington, 1906, v. IV, p. 737).

[7] История дипломатии, т. I, стр. 296—297; см. также, стр. 336—337, 350—351.

[8] Любопытно, что на Венском конгрессе комиссия по рангам и праву председания первоначально для устранения тягостных споров о предсе-

Вследствие этого Венский регламент и Аахенский протокол можно считать знаменательной вехой в развитии посольского права.

Когда Европа вступила в период капитализма, то дипломатия, ранее защищавшая интересы дворянства под флагом династических интересов монарха, стала защищать интересы буржуазии под флагом национальных интересов. Несмотря на сохранение правящими классами буржуазного общества старого дипломатического аппарата и институтов старой дипломатии, формы и методы дипломатии претерпели существенные изменения под влиянием новых исторических условий.

Прежде всего, деятельность дипломатии вышла из узких сфер придворного окружения монарха. Она стала до некоторой степени подвергаться контролю парламента и была вынуждена считаться с борьбой политических партий, общественным мнением и прессой. С другой стороны, возросло значение экономических интересов в деятельности дипломатии, притом также и таких, которые ранее были по преимуществу предметом попечения консулов. Дипломатические представители за границей принимают на себя защиту интересов отдельных капиталистических объединений, банков, биржи и т. д. «Посланник наших дней,— читаем мы откровенное признание в «Дипломатическом словаре» Парижской Дипломатической академии,— начинает все больше и больше заниматься делами своих соотечественников. Нередко последние видят в нем и в подчиненных ему консульских агентах бесплатных адвокатов. И в этой области, диктуемой обстоятельствами и своего рода вспомогательной, посланник тем не менее часто одерживает наиболее крупные успехи в политической борьбе».[9] Оба эти изменения расширили функции дипломатических представителей за границей и породили некоторые новые вопросы, относящиеся к их международно-правовому положению.

Однако наиболее существенное изменение в формах и методах дипломатии и в положении дипломатических представителей произвело развитие средств сообщения и связи, сделавшее возможным быструю и регулярную связь посла со

дании хотела определить ранги самих государств, а в соответствии с рангами государств установить ранги дипломатических представителей. Но после того переворота, который внесла во всю общественную жизнь революционная эпоха, провести такое мероприятие оказалось уже весьма трудным, и конференция восьми держав приняла предложение ограничиться только определением взаимных отношений дипломатических представителей, оставляя в стороне вопрос о ранге самих государств (см. Мартенс, Собрание трактатов..., т. III, СПБ, 1876, стр. 531).

[9] Dictionnaire diplomatique, Paris, 1934, t. I, p. 725.

своим правительством и более частые непосредственные сношения между руководителями или членами различных правительств. Это обстоятельство усилило роль правительства в системе всего механизма дипломатии и ослабило роль дипломатических представителей за границей. Прежде посол получал общую инструкцию от своего правительства на все время своей миссии, но, будучи отдален от него, должен был самостоятельно принимать важные решения, оказывающие влияние на судьбы страны. Теперь он стал сноситься со своим правительством, прежде чем предпринять ответственный шаг, а важные решения всегда принимаются самим правительством и сообщаются послу. Стали возможны периодические встречи премьер-министров или министров иностранных дел, во время которых решаются наиболее крупные вопросы международных отношений. Дипломатические представители за границей, несмотря на расширение их функций, перестали служить органом, непосредственно решающим эти вопросы, как было в предшествующий период.

На этой почве в середине XIX века снова появились требования об упразднении постоянных посольств, но они вызывались теперь иными мотивами. Такие требования исходили из либерально-фритредеровских кругов, которые считали заграничные посольства и миссии институтом дорого стоящим, но совершенно излишним в условиях, когда правительства могут сноситься между собой непосредственно, а интересы отечественных граждан и отечественной торговли за границей могут с успехом защищаться консулами. В Англии этот вопрос рассматривался в специальном комитете парламента, и наиболее энергичными противниками системы постоянных посольств явились Кобден и Брайт.[10] В Соединенных Штатах Америки, где еще в 1783 г. Джон Адамс высказывался в том

[10] Кобден следующим образом мотивировал свою точку зрения, задавая вопрос лорду Пальмерстону: «Если вы оглянетесь на время 200 или 300 лет тому назад, когда не было газет, когда едва существовали международные почтовые сообщения, когда государственные дела зависели от дворцовых интриг, каприза любовниц, от папских булл или от брачных связей, не было ли значительно более последовательным в то время иметь посланников при иностранных дворах... чем теперь, во времена конституционного строя, когда государственные дела публично обсуждаются в газетах и в законодательных палатах... При этих обстоятельствах не являются ли функции посла теперь менее важными, чем они были 200 или 300 лет тому назад?» Брайт также спрашивал Пальмерстона: «Не будет ли более практичным вести обыкновенные дела путем письменных сношений между двумя иностранными ведомствами, и если возникает что-либо, требующее особого внимания — иметь специальные миссии из тех или иных членов кабинета?» (см. J. Foster. The Practice of Diplomacy as illustrated in the Foreign Relations of the United States. Boston and New York, 1906, p. 5).

же духе,[11] на протяжении XIX века вопрос, нужно ли и оправдано ли содержание постоянных посольств за границей, не раз обсуждался как в конгрессе, так и вне его.

Но правительства и на сей раз были мало склонны итти навстречу требованиям об упразднении заграничного дипломатического аппарата.[12] Как бы ни возросла роль правительств в ведении дипломатических сношений, они все же не могли бы поддерживать эти сношения, если бы не располагали таким источником постоянной информации и компетентных суждений о положении дел в иностранном государстве и таким инструментом личного контакта с правительством и политическими деятелями этого государства, какими являлись их постоянные представители за границей. Пацифистские и фритредеровские взгляды относительно дипломатической службы довольно скоро отошли в прошлое, а обострение международных противоречий на почве борьбы буржуазных государств за рынки и за колонии сделало еще более очевидной утопичность этих взглядов. В буржуазной литературе по дипломатии они больше не поддерживаются, а, напротив, подчеркивается, что роль постоянных дипломатических представителей за границей отнюдь еще не сыграна.[13]

---

[11] В письме к континентальному секретарю по иностранным делам Ливингстону Адамс заявлял: «Признаюсь, я иногда думаю, что после небольшого периода времени мы отзовем всех посланников из Европы и будем отправлять посольства только по специальному поводу» (ibidem, p. 3).

[12] На цитированный выше запрос Кобдена Пальмерстон ответил: «Я позволю себе утверждать, что они (посольства.— *Д. Л.*) более важны ввиду тех обстоятельств, которые только что были указаны... Я думаю, что перемена, которая имела место в отношении ведения государственных дел в Европе, ведет к тому, чтобы придать дипломатическим агентам скорее большее, чем меньшее значение». Государственный секретарь США Фрейлигьюзен, касаясь выступлений в конгрессе, говорил в защиту посольств: «Успехи дипломатии обычно известны немногим, что, быть может, естественно, привело к распространенному убеждению, что с введением пароходства и телеграфа функциям посланников приходит конец. Однако ни почта, ни телеграф не могут заменить дипломатического агента, который дает советы своему правительству, касающиеся отношения к другому правительству, и ведет личные переговоры под общим руководством отечественной власти. Правительство устанавливает только общее направление политики, и именно дипломатический агент должен осуществлять намеченную задачу» (см. Foster, op. cit., p. 5—7).

[13] Например в статье «Дипломатия», помещенной в «Британской Энциклопедии», говорится: «Прямое влияние министров иностранных дел на ведение переговоров возросло в связи с современными средствами сообщения. Но было бы легко преувеличить значение этой перемены и ее влияние на положение дипломатических агентов. Правительства еще зависят от информации и советов «человека на месте» (Man of the spot), и успех их политики в большой мере зависит от ценности их усмотрения и суждения» (The Encyclopedia Britanica, 14-ed., 1932, v. 7, p. 405).

Тем не менее, несомненное уменьшение этой роли по сравнению с периодом абсолютизма известным образом отразилось и на их международно-правовом положении. Потребность в гарантиях неприкосновенности и независимости дипломатических представителей утратила прежнюю остроту, правительства уже не требуют столь широких и абсолютных привилегий, как прежде, и не превращают защиту этих привилегий в предмет первостепенной политической важности. Можно сказать, что вообще несколько ослабляется значение проблемы дипломатического иммунитета в международных отношениях.

В том же направлении оказывают влияние на значение этой проблемы и изменения внутригосударственного характера. Установление законодательной регламентации неприкосновенности личности и жилища, распространяемой как на отечественных граждан, так и на иностранцев, ослабило потребность в специальных гарантиях неприкосновенности личности и резиденции иностранных дипломатических представителей, хотя никоим образом не устранило ее вовсе. Случаи нарушения неприкосновенности послов становятся в XIX веке значительно более редкими. Правда, в связи с новой ролью прессы и общественного мнения в политической жизни появилась опасность нападок на посла в газетах, на собраниях, на митингах и т. д. и возникла новая проблема — охраны посла от публичных оскорблений, от нарушения, если можно так выразиться, его моральной неприкосновенности — с каковой целью стали даже издаваться специальные законы. Но и случаи подобных нарушений также не были особенно частыми. Подавляющее большинство казусов, возникающих теперь на практике по вопросам дипломатического иммунитета, вызывается претензиями граждан государства пребывания к самому послу или членам его персонала по поводу совершенных ими правонарушений или взятых на себя гражданских обязательств. Из всех проблем дипломатического иммунитета наиболее заметное практическое значение приобретает проблема иммунитета от юрисдикции.

С другой стороны, в связи с теми же внутригосударственными изменениями — установлением законодательных гарантий личных прав, а также в связи с развитием буржуазных представлений о законности, возникает реакция буржуазной общественности против злоупотребления иммунитетом со стороны иностранных дипломатических представителей, изъятых из действия местного закона и суда. На этой почве в виде некоторого отзвука идеи об упразднении постоянных посольств выдвигается идея об отмене дипломатических привилегий как пережитка абсолютизма. Еще в XVIII веке такое

требование выдвигали Христиан Вольф, Генрих и Самуил Кокцеи. В XIX веке наиболее убежденным защитником его выступил бельгийский юрист Франсуа Лоран. «Посол,— писал он в своем курсе международного права, касаясь дипломатической неприкосновенности и критикуя теории Монтескье и Ваттеля,— пользуется общим правом, и общее право достаточно, чтобы гарантировать его свободу и независимость. Мы видим из слов Монтескье (имеются в виду слова о том, что без иммунитета послам можно было бы приписывать преступления и насчитывать на них долги, чтобы лишить их свободы.— *Д. Л.*), насколько справедливо сказать, что иммунитет послов связан с порядком вещей, который больше не существует в наше время. Больше не зависит от государя закрывать послу рот, лишая его свободы; ему нечего больше бояться, и он пользуется полной независимостью. Зачем же тогда иммунитет в качестве гарантии против опасности, которая исчезла?.. Иммунитет, как его защищают Монтескье и Ваттель, предполагает социальное состояние, которое было разрушено революцией 1789 г. Он не имеет больше raison d'être в обществе, в котором правосудие не находится больше в руках королей».[14] По поводу неподсудности послов по уголовным делам Лоран писал: «Если международное право узаконивает ненаказуемость преступлений, примеры которых я приводил (излагались факты участия послов в заговорах.— *Д. Л.*), то узурпируется святое название, чтобы служить убежищем для подобных позорных вещей. И именно потому, что я испытываю глубокое уважение к подлинному международному праву, я решительно отвергаю обычай, лучше сказать, злоупотребление иммунитетом; право никогда не должно служить тому, чтобы разрушать право». По поводу неподсудности послов по гражданским делам он заявлял: «Суд в наше время сделался покровительствующей властью; он защищает посла, как защищает каждого человека. Но именно в силу того, что он защищает, он должен иметь право и осуждать: как он может защищать кредитора, если он не может осудить должника? Если публичный министр может добиваться по суду своих прав против должников, то его кредиторы тоже должны иметь право предъявлять к нему иск, чтобы он был принужден выполнить свои обязательства».[15] Еще чаще, чем требование полного отказа от иммунитета, выдвигались более умеренные требования: ограничить пределы действия привилегий посла только его официальными

[14] Fr. Laurent. Droit civil international, t. III. Bruxelles — Paris, 1880, p. 24—25.

[15] Laurent, op. cit., t. III, p. 125, 147.

актами, которые он совершает как посол. Такая точка зрения больше всего поддерживалась в итальянской литературе, например, в трудах Эсперсона, Паскуале Фиоре и др.[16] Эти теоретические течения находили отклик в аналогичных тенденциях административной и судебной практики, которая стала стремиться устанавливать более строгие критерии, определяющие пределы действия дипломатического иммунитета (например, в зависимости от характера правоотношений, лойяльного поведения самого дипломата и т. п.).

Помимо указанных выше изменений, касающихся дипломатии и государственного строя, в области права значительно увеличивается удельный вес писанных норм по сравнению с обычными, усиленно развивается законодательство, и вообще как в теории, так и на практике наблюдается тенденция к установлению более точных оснований позитивного права. В международном праве договор заметно вытесняет обычай. Посольское право, однако, попрежнему остается преимущественно обычным. Поскольку же международные дипломатические обычаи в разных странах применяются не вполне одинаково и их содержание не является строго определенным, пробел в точных позитивных нормах в области посольского права восполняют внутреннее законодательство и судебная практика. Почти во всех странах международно-правовое положение дипломатических представителей стало предметом внутригосударственной регламентации. В некоторых странах издаются специальные законы о дипломатиче-

---

[16] Эсперсон предлагает сохранить специальные гарантии неприкосновенности посла только от таких посягательств, которые задевают его публичный характер. «Но если, напротив,— пишет он,— речь идет о преступлениях, совершенных против дипломатического агента в то время, когда он не находился при исполнении своих функций.., то должны применяться только те положения, которые установлены в отношении преступлений, совершенных против частных лиц». Такие преступления против дипломатического агента «подпадают под действие общего права» (P. Esperson. Diritto diplomatico e giurisdizione internazionale marittima. Roma — Torino — Firenze, 1872, t. I, p. 75, 78). Эсперсон не признает также полной независимости посла от местного суверенитета и юрисдикции, а допускает ее только в тех пределах, в каких это необходимо, чтобы не мешать послу в выполнении его дипломатических функций. Он заявляет, что «независимость от территориальной юрисдикции должна быть, несомненно, отнесена к их (дипломатических агентов.— *Д. Л.*) фундаментальным правам, но исключительно в той мере, в какой строго необходимо... для свободного выполнения ими своих функций», и что «осуществление территориального суверенитета в отношении иностранных представителей должно иметь место фактически таким образом, чтобы не создавать препятствий для нормального выполнения ими их службы» (Ibidem, p. 94). См. также Pasquale Fiore. Il diritto internazionale codificato e la sua sanzione giuridica. 2 ed. Torino, 1898, § 411, 421, 422, 247, 250, 251, p. 195, 198, 144—146.

ских привилегиях, в других — постановления по этим вопросам включаются в общее законодательство: уголовное, гражданское и процессуальное, или в различные административные акты. Сильно способствует определению и уточнению международно-правовых норм посольского права и судебная практика. Поскольку признание тех или иных привилегий за представителем одной страны — совершается ли оно в порядке административной практики или судебного решения — вызывает притязание на аналогичные привилегии со стороны представителей других стран, а также очень часто выходит за пределы того государства, где оно впервые имеет место, судебные решения столь же часто приобретают значение прецедентов международного значения, в которых дается ответ на ряд новых вопросов посольского права, не получивших до этого времени отражения в международных обычаях и договорах. Таким образом, судебная практика,— притом, что из многочисленных казусов, возникавших в связи с международно-правовым положением дипломатов, огромная часть поступала на рассмотрение суда — стала играть довольно серьезную роль в развитии позитивных норм посольского права и иммунитета.

Однако такое широкое развитие этих норм в национальных рамках усиливает разнообразие в их применении к отдельным случаям и в их интерпретации в отдельных государствах. Возникает потребность в международной кодификации правил дипломатического иммунитета и заходит речь об их научной кодификации. Первые попытки такой кодификации были предприняты в конце XIX века Институтом международного права. Вопрос о дипломатическом иммунитете обсуждался на Гамбургской (1889) и Женевской (1892) сессиях Института, и, наконец, на Кэмбриджской сессии в 1895 г. была принята резолюция о дипломатических привилегиях, известная под названием Кэмбриджского регламента. Несколько проектов общей кодификации международного права, в которых содержались разделы о посольском праве и дипломатических привилегиях, еще ранее было составлено отдельными учеными: Блончли (1868), Паскуале-Фиоре (1890) и др.

В буржуазной науке международного права, в соответствии с общим духом позитивизма, господствовавшим в ней в XIX веке, проявляется тенденция к большему уяснению и уточнению взаимных прав и обязанностей дипломатического представителя и того государства, в котором представитель аккредитован, и к систематической обработке нормативного и казусного материала. Влияние науки на нормотворчество в области посольского права в связи с этим не-

сколько падает по сравнению с предшествующим периодом. Что же касается теоретических проблем дипломатического иммунитета, то здесь наука международного права вступает на путь ограничительного толкования прежних понятий экстерриториальности и представительного характера посла, сохраняя их скорее в качестве привычных условных терминов, чем в качестве научных принципов, лежащих в основе дипломатического иммунитета. Взамен прежних абстрактных и рационалистических конструкций все чаще и настойчивее предлагаются новые конструкции, ставящие целью реалистическое и ведущее к более умеренным выводам объяснение и обоснование иммунитета. Выступая с докладом в комиссии по дипломатическим привилегиям на Гамбургской сессии Института международного права, автор Кэмбриджского регламента Лер по всем затронутым им проблемам разрабатывавшегося комиссией проекта высказался в том духе, что эти привилегии имеют raison d'être лишь в меру необходимости гарантировать независимость дипломатических представителей и что «всякая привилегия, не оправданная этой необходимостью, должна быть отменена или сведена к весьма скромным размерам».[17] «Очевидно, что все члены нашей комиссии,— говорил он на следующей, Женевской сессии Института,— считают необходимым сохранение некоторых иммунитетов для свободного отправления дипломатических функций», но «признают, при современном состоянии права и цивилизации, потребность ограничить эти иммунитеты более узкими пределами, чем были в прошлом». Он, далее, отметил, что там, где ясно не видно высшего международного интереса, требующего беспрепятственного выполнения дипломатических функций, «общественное сознание начинает протестовать против этих вековых, но не оправданных льгот».[18] Такое направление в науке международного права вполне отвечало общей тенденции XIX века к ограничению дипломатического иммунитета.

Эта общая картина, сложившаяся в течение XIX века, подверглась, однако, изменениям со вступлением капиталистических стран в стадию империализма, в особенности же после первой мировой войны, когда капитализм вступил в период общего кризиса и когда возникло социалистическое государство — СССР, рождение которого открыло во всех областях общественной жизни новую эру в развитии человечества. С этого времени мы уже вступаем в новейшую историю общества и международных отношений.

---

[17] См. Annuaire de l'Institut de droit international. Bruxelles — Paris, 1928, t. II, p. 1150—1151, 1156—1157.

[18] См. Annuaire..., t. III, p. 193—194, 197.

Модные в буржуазной послевоенной литературе по дипломатии рассуждения о «новой дипломатии», якобы защищающей интересы не одних правительств или правящих групп, а народов, и стоящей на страже международного мира, оказались совершенно беспочвенными. О подлинно новой дипломатии — мирной и демократической — можно было говорить только имея в виду дипломатию Советского Союза, который стал оплотом свободы народов и мира между народами. Столь же беспочвенными оказались рассуждения буржуазных авторов о новых формах дипломатии, якобы пришедших на смену старым формам, о так называемой «дипломатии конференций» и о падении значения постоянных послов за границей. С ростом международного соперничества капиталистических стран на почве империалистических интересов даже усилилась роль послов как инструмента воздействия на внешнюю и внутреннюю политическую жизнь иностранного государства. Особенно усилилась роль послов крупных капиталистических государств в полуколониальных и зависимых странах, где эти послы координируют и приводят в движение весь механизм экономического и политического закабаления, включающий такие рычаги, как займы, концессии, финансовый контроль, назначение советников, подготовка переворотов и восстаний, создание марионеточных правительств и т. п., и где они притязают на особенно широкие дипломатические привилегии.

Теперь ни среди общественного мнения, ни в доктрине нет речи об отмене дипломатического иммунитета. Продолжаются опыты научной кодификации посольского права. Между американскими государствами они завершились официальной кодификацией (Гаванская конвенция о дипломатических чиновниках 20 февраля 1928 г.). Напротив, попытки официальной кодификации во всемирном масштабе (работы кодификационной комиссии Лиги наций 1925—1928 гг.) не увенчались успехом. Все юристы признают необходимость дипломатического иммунитета, хотя буржуазные юристы чаще всего уклоняются от точного определения его содержания и объема и склонны к более упрощенному, иной раз — чисто утилитаристскому его обоснованию.

Однако история дипломатии после первой мировой войны снова усиливает значение проблемы дипломатического иммунитета в международной жизни. Исторический опыт этого периода показывает, что наиболее агрессивные империалистические государства инспирируют террористические нападения на иностранных государственных деятелей и дипломатов — с целью провокации международных конфликтов и в качестве метода давления на своих дипломатических против-

ников. Всем памятно впечатление, произведенное во всем мире марсельским злодеянием 1934 г.[19] Эти нападения совершались главным образом против тех государственных деятелей и дипломатов, со стороны которых агрессоры могли опасаться противодействия их черным замыслам, в особенности же против дипломатических представителей того государства, которое проводило последовательную миролюбивую политику и служило главным препятствием для осуществления агрессивных планов. Советский Союз больше, чем другие государства, испытал последствия этих приемов агрессивной империалистической дипломатии. Его представители за границей не раз становились жертвой нападений, которые всегда инспирировались силами агрессии и в целом ряде случаев совершались при попустительстве и даже поощрении правительств и правящих кругов тех или иных буржуазных государств. Проблема защиты дипломатического иммунитета, создания прочных гарантий против его нарушения стала, таким образом, до известной степени проблемой поддержания мира, точнее, частью этой проблемы — на что неоднократно обращалось внимание в дипломатической переписке советского правительства по поводу нарушения иммунитета его представителей (об этом подробнее речь будет итти ниже, в XIII главе).

Значение проблемы дипломатического иммунитета в новейшее время возросло еще благодаря тому, что в отношениях между Советским Союзом и иностранными государствами советскому правительству приходится защищать наряду с иммунитетом своих дипломатических представителей иммунитет советских торговых представителей за границей, являющихся совершенно новым институтом, который Советский Союз внес в международное право в связи с наличием в социалистическом государстве государственной монополии внешней торговли.

Если в дипломатической практике СССР и других стран демократического лагеря дипломатический иммунитет рассматривается как институт, способствующий поддержанию мира и деловых связей между государствами, то для дипломатической практики империалистических стран, помимо самого грубого и циничного нарушения иммунитета иностранных дипломатических представителей путем организации против них террористических нападений — преимущественно на территории третьих государств, типичны попытки воспользоваться этим институтом в агрессивных целях, для облегчения шпионско-заговорщической деятельности собственных

[19] Подробнее о нем см. ниже, в XIII главе.

дипломатических представителей в тех государствах, в которых последние аккредитованы. Эта сторона дипломатии империалистических стран накануне второй мировой войны и в годы войны исключительно резко проявилась в деятельности дипломатов гитлеровской Германии, преступное поведение которых неоднократно вызывало лишение их права на иммунитет. Возникавшие на этой почве дипломатические конфликты поставили как перед практикой, так и перед теорией посольского права вопрос о пределах иммунитета.

В период второй мировой войны в буржуазной печати опять стали раздаваться голоса о «новой дипломатии», которая не должна больше приводить к войнам. Эти высказывания оказались столь же беспочвенными, как и аналогичные рассуждения буржуазных авторов после первой мировой войны. И совершенно бесспорно, что в послевоенный период, в условиях ожесточенной борьбы между лагерем социализма и демократии и лагерем империалистической реакции, проблема дипломатического иммунитета отнюдь не теряет своего значения. Нисколько не ослабляется необходимость и международных гарантий неприкосновенности дипломатических представителей и определения пределов их иммунитета, поскольку после разгрома трех агрессивных держав во второй мировой войне имеют место попытки новых поджигателей войны в странах империалистического лагеря любыми способами вызывать международные осложнения, вызывать их, пользуясь и террором против дипломатов, и, как наглядно доказывает деятельность американских и английских дипломатов в странах народной демократии, злоупотреблением теми возможностями, которые дает дипломатическая служба.

Не ослабляется и потребность в кодификации международно-правовых норм дипломатического иммунитета, потому что рост числа дипломатических связей между государствами в послевоенный период умножает число эвентуальных спорных вопросов, связанных с международно-правовым положением дипломатических представителей за границей.

Таковы общие черты развития дипломатии и дипломатического иммунитета на протяжении последних полутора столетий новой истории. По существу дела — это уже современные проблемы дипломатического иммунитета. Поэтому подробный анализ нормотворчества доктрины и практики этого времени выходит за рамки исторической части и составляет предмет последующего изложения.

Часть вторая

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА

Глава VI
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ ПОСОЛЬСКОГО ПРАВА 133

Глава VII
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ НОРМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА 142

Глава VIII
ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА НОРМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА 174

Глава IX
ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОСОЛЬСКОГО ПРАВА 215

ГЛАВА VI

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ ПОСОЛЬСКОГО ПРАВА

Как видно из предыдущей части, дипломатические привилегии принадлежат к числу наиболее старых институтов международного права. В самые ранние периоды истории, при самой слабой развитости международных связей и международного права уже существовали две его отрасли: посольское право и право войны. Соответствующие правовые институты известны всем общественным формациям после образования государства и встречаются в государствах самых различных исторических типов и политических форм: и в деспотиях древнего Востока, и в республиках древней Греции, и в древнеримской державе, и в варварских королевствах раннего средневековья, и в крупных феодальных монархиях позднего средневековья, и в конституционных монархиях и республиках нового времени, и во всех современных государствах. Иммунитет дипломатических представителей — одно из наиболее широко признанных и, следовательно, наиболее универсальных положений международного права.

Международное право создается на почве общения многих государств, которые в процессе этого общения устанавливают общие принципы и конкретные правила своих взаимоотношений и учреждают институты, их регламентирующие. Но каждое государство в той или иной степени вносит в международно-правовые отношения с другими государствами принципы своей национальной государственности и особенности своей национальной системы права. Разумеется, не всякая национальная государственность и национальная система права оставляет прочные и длительные следы в международном праве. Более заметно в нем отражаются черты государственности и правовой системы крупных государств, играющих серьезную роль в международной жизни, в особенности же крупных прогрессивных государств. Например, в XIX веке международное право развивалось под большим влиянием государственных и правовых идей французской буржуазной революции. Суверенитет и равноправие наций, невмешательство во внутренние дела, гражданство, плебисцит, право убежища для политических преступников, свобода

судоходства по международным рекам, неприкосновенность мирного населения во время войны, правовой статус военнопленных и пр.— эти принципы и институты, будучи вначале нормами законодательства революционной Франции, стали затем «общепризнанными началами» международного права и вошли в обычаи и договоры. В XX веке исключительно велико прогрессивное влияние Советского Союза на международное право. Советский Союз внес в международное право универсализацию, т. е. распространение на все государства, большие и малые, принципа суверенного равенства государств и его подлинно демократическое понимание, принцип самоопределения наций, принцип неделимости мира и осуждение всяких, как прямых, так и замаскированных, форм агрессии (Лондонские конвенции об определении агрессии 1933 г.) и пропаганды агрессии, принцип международного равноправия двух систем собственности — социалистической и капиталистической, институт торговых представительств, институт пограничных комиссаров и другие принципы и институты, способствующие укреплению демократии, мира и международного сотрудничества. Будучи отражением демократических и социалистических принципов советской государственности, они получили широкое международное признание в общих или региональных рамках.

Если кардинальные черты государственного и правового строя крупных и прогрессивных государств могут наложить отпечаток на весь ход развития и общий характер международного права в данную эпоху, то государственно-правовые особенности других государств в ряде случаев находят известное отражение в отдельных институтах международного права, занимающих важное место в международной практике этих государств. Обыкновенно указанные особенности вначале проявляются в узких рамках взаимоотношений одного государства с другим или взаимоотношений небольшой группы государств, а затем они могут выйти за пределы этих рамок и получить более широкое распространение. Примером может служить институт международного арбитража для разрешения конкретных споров в силу так называемого «компромиссного условия» (институционный арбитраж), выдвинутый в новое время в англо-саксонской международной практике и ведущий свое начало от договора Джея 1794 г.[1] Все международное право развивается под живым воздействием национальной государственности отдельных государств и их правотворчества.

[1] См. H. Lammasch. Die Lehre von der Schiedsgerichtsbarkeit in ihrem ganzen Umfange, in «Handbuch des Völkerrechts» von Stier-Somlo. Stuttgart, 1914, Bd. V, Abt. 2, S. 30—33.

Это воздействие имеет место и в области посольского права. Оно здесь тем более заметно, что посольское право — это такая отрасль международного права, нормы которой применяются преимущественно в пределах государственной территории каждого государства и в рамках системы его внутригосударственного права, с которой они должны находиться в определенном соответствии. В вводных строках в начале книги уже отмечалось, что государственный строй является одним из трех главных факторов, влияющих на формирование норм дипломатического иммунитета. Нужно также отметить, что в отдельные исторические периоды то или другое государство играло особенно важную роль в развитии методов дипломатии и институтов посольского права. В древности такую роль играли Иудея и Персия на Ближнем Востоке, древнеримская держава — на Западе, в средние века — Византия и папское государство, позднее — итальянские городские республики. Последние явились родиной западно-европейской дипломатии нового времени. В течение XVII и XVIII веков на развитие дипломатии и посольского права оказывала большое влияние Франция. Вслед за ней немалое влияние оказывали Россия, Голландия, Англия. В настоящее время наиболее заметно влияние на методы и организационные формы дипломатии, поскольку речь идет о дипломатии стран демократического лагеря — Советского Союза, а поскольку речь идет о дипломатии стран империалистического лагеря — Соединенных Штатов Америки.

Вследствие столь значительного влияния отдельных государств и их национальной государственности на развитие дипломатии и посольского права, источники посольского права могут быть генетически весьма тесно связаны с внутренним правом отдельных государств. Для того чтобы прийти к правильным выводам о значении тех или иных источников права в образовании и в применении на практике норм и институтов посольского права, необходимо при анализе источников посольского права выйти за рамки прочно установившихся в буржуазной доктрине формально-юридических критериев классификации и приемов анализа источников международного права и включить в качестве весьма важного аспекта анализа фактическое воздействие национального права отдельного государства и источников внутригосударственного права на формирование международного права.

Источники посольского права те же, что и источники всего международного права. В буржуазной международно-правовой доктрине не существует единства мнений относительно смысла, вкладываемого в понятие «источники права». По словам канадского юриста-международника Корбетта, посвя-

тившего этому вопросу специальную работу, термин «источник», «употребляется различными авторами, а иногда одним и тем же автором в различное время для обозначения понятия причины, происхождения, базиса и доказательства», и «такая расплывчатость в употреблении терминов замечается неоднократно».[2] В советской науке международного права, как и в советской науке права вообще, обычно принято различать три смысла понятия «источники права»: (1) источники права в социологическом смысле, т. е. в смысле тех социальных факторов, которые рождают право, или той реальной основы, на которой зиждутся юридические нормы; (2) источники права в юридическом смысле, т. е. в смысле тех внешних форм, в которых право выражается, тех способов или формальных актов, с помощью которых устанавливаются юридические нормы; (3) источники права в познавательном смысле, т. е. в смысле тех документов, памятников, научных сочинений и иных данных, с помощью которых выясняется подлинное содержание юридической нормы.

Представителями буржуазной доктрины, как правило, считается, что предметом исследования науки права являются источники права в юридическом смысле, и отчасти — лишь поскольку речь идет о толковании права — источники права в познавательном смысле, но отнюдь не источники права в социологическом смысле; нередко специально подчеркивается необходимость строгого разграничения этих аспектов и при анализе источников международного права.[3] Буржуазные авторы, анализируя источники международного права, не уделяют никакого внимания исследованию реальных факторов правообразования.[4] Между тем, в научном иссле-

[2] P. Corbett. The Consent of States and the Sources of the Law of Nations, The British Year Book of International Law, 1925, p. 20. Сам Корбетт, считая, что для выражения различных понятий, обозначаемых термином «источники права», нужно придерживаться различных терминов, предлагает следующее словоупотребление: (1) причина международного права — желание государств поддерживать взаимные сношения, к которым их неизбежно побуждает их социальная природа; (2) базис международного права — сознание государств; (3) происхождение, или «источники» международного права — мнения, решения или акты, образующие исходный пункт для установления международно-правовых норм, и (4) памятники или доказательства международного права — документы или акты, доказывающие признание государствами его норм, как-то: договоры, обычная практика, односторонние декларации, инструкции дипломатическим агентам, законы и указы, а также, хотя и в меньшей степени, сочинения авторитетных юристов (ibidem, p. 29—30).

[3] L. Oppenheim. International Law. 5 ed. London — New York — Toronto, 1937, v. I, p. 22—23; P. Fauchille. Traité de droit international public. Paris, 1922, t. I, P. I, p. 41.

[4] В качестве примера любопытно отметить, что американский юрист Финч, который в своей работе об источниках международного права

довании реально действующих юридических норм трудно три вышеуказанных аспекта понятия источников права отделить друг от друга китайской стеной. Прежде всего, при установлении и осуществлении этих норм проявляют свое действие также и моменты мета-юридические. Но даже если мы остаемся в пределах исследования источников права в юридическом смысле, мы должны считаться с тем, что в процессе образования той или иной отрасли права могут иметь весьма серьезное правообразующее значение такие юридические акты, которые с формально-юридической точки зрения не имеют обязательной силы в этой отрасли права; при строгом же догматическом отграничении понятия источников права в юридическом смысле от других аспектов этого понятия такие акты неизбежно останутся за пределами анализа. В области международного права к числу указанных актов принадлежат, в частности, законы отдельных государств, их административные правила, судебные решения, получившие силу прецедентов, и пр. *

В ст. 38 статута Международного суда Объединенных наций дан перечень источников права, применяемого Судом. В качестве таких источников указаны: (a) «международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами»; (b) «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы»; (c) «общие принципы права, признанные цивилизованными народами»; и (d) «...в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм» — «...судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций...». [5] В этом перечне отсутствуют какие бы то ни было акты внутригосударственного характера. Поскольку речь идет о международном регламенте, определяющем источники права, формально обязательные для всех государств и в качестве таковых применяемые международным судом при вынесении его решений,— такая схема вполне обоснована. Однако она недостаточна для

пытается посвятить первую главу историческим условиям образования международного права в новое время, совершенно игнорирует основные социальные закономерности развития международного права (см. G. Finch. Les sources modernes du droit international. Recueil des Cours de l'Académie de droit international, t. 53, 1935, p. 539—551).

* Из советских работ, специально посвященных вопросу об источниках международного права, отметим: В. Дурденевский. Источники международного права (рукописный фонд Института Права Академии наук СССР).

[5] См. Устав Организации Объединенных наций и Статут Международного суда. ОГИЗ, Госполитиздат, 1945, стр. 53.

науки международного права, которая должна рассматривать источники права не только с точки зрения формальной обязательности тех или иных юридических актов, но и с точки зрения влияния этих актов на образование и действие международно-правовых норм. В буржуазной же литературе по международному праву значительное число авторов, в соответствии с их узкой трактовкой понятия источников права, составляющего предмет юридической науки, строго замыкаются в пределы этой схемы или даже в более узкие пределы. Так, например, Казанский, с некоторыми оговорками — Камаровский и Ульяницкий, затем Оппенгейм, Фошиль, де Лутер, Хайд, Редлих и др. относят к источникам международного права только обычаи и договоры (Фошиль присоединяет еще резолюции Ассамблеи и Совета Лиги наций).[6] Если авторы, придерживающиеся этой схемы, и говорят о внутригосударственных актах, то они рассматривают их как источники изучения и толкования права, наравне с научными сочинениями юристов.[7] Значение же таких актов, как источников международного права, отмечается сравнительно весьма немногими авторами (к их числу принадлежат Коркунов, Ф. Мартенс, Захаров, Блюнчли, Гольцендорф, Ривье, Оливи и др.).[8] Напротив, в советской литературе по международному праву (Дурденевский и Крылов, Кожевников и др.) вполне справедливо указывается на значение внутригосударственных законов и даже отдельных решений внутригосудар-

---

[6] П. Казанский. Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса. 1902, стр. LIX; Л. Камаровский и В. Ульяницкий. Международное право. М., 1908, стр. 15, 18—19; далее см. Oppenheim, op. cit., v. I, p. 23; Fauchille, op. cit., t. I, p. 41; De Louter. Le droit international public positif. Oxford, 1920, v. I, p. 48; Hyde. International law, chiefly as interpreted and applied by the United States, Boston, 1922, v. I, p. 6; Redlich, op. cit., p. 8.

[7] Камаровский объединяет внутренние законы государств, решения государственных судов и науку под названием «косвенных» источников, или форм проявления международного права, в отличие от «прямых», к каковым он относит обычаи, договоры, решения международных судов и общепризнанные научные теории. По его мнению, «прямые» источники непосредственно выражают международное право, «косвенные» же — заполняют пробелы «прямых» (см. Л. Камаровский. Основные вопросы науки международного права. «Ученые записки Императорского Московского Университета», Отдел юридический, вып. X, 1895, стр. 105).

[8] См. Н. Коркунов. Международное право. СПБ, 1886, стр. 103, 107, 108; Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов, т. I, СПБ, 1887, стр. 186, 190—191; Н. Захаров. Курс общего международного права. ПГР., 1917, стр. 35; И. Блюнчли. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М., 1876, стр. 6; Fr. Holzendorff. Die Quellen des Völkerrechts in «Handbuch des Völkerrechts» von Holzendorff. Berlin, 1885, Bd. I, S. 83; A. Rivier. Principes du droit des gens. Paris, 1896, т. I, p. 35—36; L. Olivi. Diritto Internationale Publico, 3 ed., Milano, 1933, p. 9.

ственных судов как возможных источников международного права.[9] И в самом деле, реальная международно-правовая практика во всем ее многообразии едва ли может уложиться в рамки вышеуказанной схемы, поскольку на практике приходится считаться также и с нормами, созданными национальным правом, и применять эти нормы в междугосударственных отношениях.

Основным критерием для установления действительности и эффективности той или иной нормы международного права является признание ее в качестве правила поведения в международных отношениях всеми или несколькими государствами. При частичном признании речь идет о партикулярной норме. При этом возможны случаи, когда частичное признание постепенно переходит в общее, и тогда партикулярная норма становится универсальной. Расширение сферы признания немало зависит от удельного веса признающих государств в международной жизни, равно как и от соответствия самой нормы реальным потребностям международной жизни. Такое признание может носить различные формы. Оно может быть выражено явно или молчаливо, т. е. в специальном акте или путем повседневного применения данной нормы. Оно может найти выражение в международных или во внутригосударственных актах. Имеются целые отрасли международного права, в которых внутренние акты государственной власти являются главными или даже почти единственными формальными актами, на которые опираются действующие нормы. Ближайшим примером может служить международно-правовой режим территориальных вод.[10] В посольском праве, в связи с тем, что, как указывалось выше, его нормы применяются, главным образом, внутри государства, значение внутригосударственных актов в процессе образования и последующего развития этих норм также исключительно велико.

В связи с тем же обстоятельством, в посольском праве исключительно полно проявляется та особенность международного права, обусловленная самой его природой, которую можно назвать взаимодействием источников права. Эта особенность состоит в том, что одна и та же норма между-

[9] См. В. Дурденевский и С. Крылов. Международное право. Учебное пособие, вып. 1, М., 1946, стр. 22; Ф. Кожевников. Учебное пособие по международному публичному праву, вып. 1, М., 1945, стр. 32.

[10] Попытки международной кодификации важнейших вопросов этого режима и, прежде всего, вопроса о ширине территориальных вод, предпринятые на Гаагской конференции по кодификации международного права в 1930 г., как известно, не имели успеха. Резолюции конференции лишний раз свидетельствуют о том, что законы отдельных государств по сути дела являются источниками международного права по этому вопросу.

народного права может для различных государств вытекать из различных источников права: для одного государства — из международного обычая, для другого — из многостороннего или двустороннего договора, для третьего — из внутреннего закона, положения которого признаются другими государствами, и т. д.— причем в результате взаимодействия нескольких источников данная норма приобретает более широкий и прочный характер. Даже в буржуазной литературе по международному праву отдельные авторы обратили внимание на указанную особенность. Так, например, о ней говорит Гольцендорф, который называет ее «соединением источников».[11] В этом процессе взаимодействия источников права не в последнюю очередь имеет место переплетение междугосударственных и внутригосударственных нормативных актов.[12]

[11] «В действительности,— пишет Гольцендорф,— лишь немногие положения международного права покоятся на одном и том же источнике права, в том смысле, что для установления этих положений нужно обращаться или только к обычаям или только к договорам. Наоборот, процесс постепенной универсализации норм, которые первоначально применялись в ограниченной области или только между немногими государствами, происходит в результате последующего соединения нескольких источников. Так, часто случается, что одна и та же норма для различных государств должна быть выведена из множества формально различных источников права. Одни государства могут быть обязаны в силу международного договора к тем же самым действиям, к которым другие государства еще раньше считали себя обязанными в силу обычая или признания. Окончательное совпадение нескольких источников права оказывает такое же влияние на определенность и прочность нормы, как совпадение показаний нескольких заслуживающих доверия свидетелей на одинаково установленный ими факт» (Holzendorff, op. cit., S. 113).

[12] Гольцендорф приводит следующие типические случаи в виде примеров соединения различных источников права применительно к одной и той же международно-правовой норме: (1) когда норма, имеющая в одном государстве своим источником обычай, связана с законом, изданным в другом, уже исчезнувшем или вновь возникающем государстве; или, наоборот, (2) когда норма, действующая как обычай в одних государствах, закрепляется законом в другом государстве; или (3) когда спорный текст международно-правовой нормы, изложенный в законе или в договоре, точно фиксируется в судебном решении; или (4) когда нормы, содержащиеся в международном договоре, санкционируются законом в государствах, не участвовавших в этом договоре; или (5) когда нормы коллективных договоров входят без формального подтверждения в практику государств, не участвовавших в этих договорах. Наконец,— добавляет Гольцендорф,— общий международный статус может быть установлен внутренним законодательством отдельных государств, которые регулируют свои отношения, сознавая, что имя затрагивается и правовое положение третьих государств, если последние признают соответствующее регулирование или примут его без возражений и подтвердят своей практикой (ibidem, S. 114—116).

См. анализ взаимодействия международных и внутригосударственных источников права в области международного частного права у С. Крылова. Международное частное право. Л., 1930, стр. 19.

К числу форм закрепления и выражения права, которые в практике государств и в научной доктрине приводились как источники посольского права, относятся: общие начала международного права, международные обычаи, законы, указы и распоряжения отдельных государств, судебные решения, инструкции дипломатических ведомств, дипломатическая переписка, мнения ученых юристов. Не вдаваясь пока в оценку этого широкого перечня по существу, мы должны отметить, что в процессе установления и последующего действия норм посольского права, поскольку речь идет о юридических источниках этих норм, источники международного и внутригосударственного характера переплетаются особенно часто и тесно. Например, одно из наиболее важных положений посольского права — судебный иммунитет дипломатических представителей — в одних государствах соблюдается в силу международного обычая, в других — устанавливается законом, в третьих — определяется на основании судебных прецедентов. При этом наблюдается не только влияние международного права на государственное, но и наоборот — влияние государственного права на международное, на что было обращено внимание еще раньше.

Одна из задач научного исследования институтов посольского права состоит в том, чтобы проанализировать источники этого права как с точки зрения их формально-юридической силы, так и с точки зрения их реального значения в процессе правообразования. В последующих главах данной части настоящей работы мы постараемся произвести такой анализ, исходя из изложенной выше общей концепции, рассматривающей те или иные источники международного права как различные формы, в которых выражается признание международно-правовых норм в практике международных отношений, и учитывающей влияние национальной государственности отдельных государств на международное право. В целях облегчения этого анализа, все источники посольского права можно разделить на две основные группы: источники международного характера и источники внутригосударственного характера, оказывающие воздействие на международное право. Разумеется, обе группы источников будут рассматриваться лишь в рамках нашей темы, т. е. поскольку они связаны с нормами дипломатического иммунитета.

ГЛАВА VII

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ НОРМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА

§ 1. Общие начала международного права и международные обычаи

Если слова Гефтера, что международное право «есть по преимуществу право неписанное, в юридическом смысле этого слова»,[1] в применении ко всему международному праву уже устарели, то они сохраняют свою силу в применении к посольскому праву. Несмотря на сравнительное множество международных и национальных нормативных актов, относящихся к различным сторонам дипломатической службы и статуса дипломатических представителей, основные нормы посольского права до настоящего времени составляют неписанное международное право, которое, как известно, действует в практике государств в виде общих начал международного права и международных обычаев.

Иммунитет иностранных дипломатических представителей — это не только общее понятие, обозначающее сумму всех дипломатических привилегий, но и известный юридический принцип, лежащий в основании данных привилегий. В этом смысле иммунитет дипломатических представителей принадлежит к числу важнейших положений международного права. Будучи принципом, на котором покоится целая совокупность дипломатических обычаев, он, несомненно, составляет общее начало международного права и является таковым с самых давних времен. Идея о неприкосновенности посла, независимости его от того, к кому он послан, существует в виде общей максимы религиозного или светского характера уже в древности, у различных народов, начиная от индусов («поднявший руку на посла идет к гибели своей и уничтожению») и кончая римлянами (sancti habentur legati), затем — в средние века как в Западной Европе (legatorum non violandorum religio), так и на Руси («не порубати послов, ни которою нужею»); в новое время она приобретает универсальный характер и разрабатывается в науч-

[1] А. Гефтер. Европейское международное право. СПБ, 1880, стр. 17.

ных сочинениях по международному праву, а также находит отражение в международных договорах, законах, судебных решениях и дипломатической переписке.

О содержании общего начала дипломатического иммунитета, которое не одинаково в различные исторические эпохи, специально будет итти речь в следующей части нашей работы. Здесь мы рассматриваем это начало с точки зрения источников права, т. е. как форму, в которой выражается право в процессе его применения. С этой точки зрения данное начало осуществляется на практике в целом ряде конкретных правил, как-то (если иметь в виду современную эпоху): повышенная охрана личной неприкосновенности дипломатического представителя, запрещение органам местной власти вступать в его помещение без его согласия, освобождение его от юрисдикции местных судебных и административных властей и т. д.— правил, которые соблюдаются как международные обычаи, ибо имеют юридическую силу для каждого государства, независимо от того, зафиксированы ли они в его писанных нормативных актах, или нет.

Ни в официальных документах буржуазной дипломатии, ни в буржуазной доктрине не проводится грани между общими началами международного права и международными обычаями. Представители позитивного направления в науке международного права вообще отрицают наличие общих начал, считая, что имеются лишь обычай и договор. Нередко также буржуазные государственные деятели и юристы по поводу одних и тех же положений международного права в одних случаях ссылаются на общие начала, а в других — на обычаи. Однако разница между тем и другим существует. В то время как международно-правовой обычай есть неписанное правило, ставшее обязательным в результате длительного и многократного повторения данного образа поведения различными государствами, общее начало международного права представляет собою более абстрактную категорию. Это принцип, обобщающий ряд правил, которые непосредственно регулируют определенную сторону международных отношений, и признанный всеми или значительным большинством государств в качестве одной из основ всего международного права. В этом смысле категория общих начал международного права бесспорно принимается советским правосознанием. Товарищ Сталин, говоря на XVIII съезде ВКП(б) о новой обстановке в отношениях между странами, созданной второй мировой войной, указал, что война опрокинула «элементарные понятия международного права».[2] Элементарные понятия

[2] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 573.

международного права — это и есть его общепризнанные основные начала.[3] Как источники права общие начала, вместе с обычаями, составляют неписанное, т. е. обычное международное право.[4] Различие между общими началами и обычаями сводится, прежде всего, к различию двух типов норм: общей и частной, причем в этом смысле наряду с различием между ними существует и тесная связь. Общее начало международного права является обобщенным выражением определенной совокупности обычаев и в силу этого непременно содержится в правилах отдельных обычаев и действует в жизни не иначе, как через эти правила. Применяя категории диалектической философии, можно сказать, что общие начала относятся к нормам обычаев, как общее к особенному.[5]

---

[3] Данная категория находит широкое применение в советской доктрине международного права. Характеризуя международное право как право особого рода, академик Вышинский писал, что в нем имеются «элементарные понятия международного права, признаваемые разными государствами и составлявшие до сих пор его основу и главное содержание». (А. Вышинский, XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права. «Советское государство и право», 1939, № 3, стр. 12).

[4] Правда, общее начало может быть определено в многосторонних или двусторонних международных соглашениях, равно как и в декларациях и законах отдельного государства,— как это, например, не раз имело место в отношении начал суверенитета и равенства государств, невмешательства во внутренние дела, незаконности агрессивных войн и др., но указанные акты только подтверждают, а не создают его. Даже и без специального подтверждения в каких-либо официальных документах оно является общей нормой поведения государств в международных отношениях.

[5] В буржуазной литературе по международному праву, большей частью не проводящей разграничения между общими началами и обычаями, все же встречается попытка установить точное различие между принципами международного права, с одной стороны, и правилами — с другой. Такая попытка принадлежит чилийскому юристу-международнику Альварецу, который в своем сочинении «Изложение мотивов и декларация основных принципов современного международного права» определяет обе эти категории следующим образом: «(1) Принципы — фундаментальные предписания, определяющие все международное право (основные принципы) или данную его отрасль (принципы второго ряда — secondaires). Правила — распоряжения, предназначенные для применения принципов и регламентации данной отрасли в деталях. (2) Основные принципы — обычно проявление правосознания народов. Государства их применяют и часто не могут их отменить. Принципы второго ряда, как и правила, вытекают исключительно из воли (выраженной или молчаливой) народов, которые могут свободно их отменить» (A. Alvarez. Exposé de motifs et déclaration des grands principes de droit international moderne. Paris, 1936, p. 20). Таким образом, с помощью второго из выдвинутых им критериев Альварец резко разграничивает основные принципы как нормы, не зависящие от воли государств, и принципы второго рода и правила как нормы, вытекающие исключительно из их воли. Тем самым первые выступают у него как некое абсолютное сверхнародное право, вторые — как позитивное между-

Однако это диалектическое соотношение между общими началами и обычаями, как между двумя типами норм международного обычного права, не безразлично и для процесса правообразования, т. е. и для оценки этих категорий как источников права. Ибо, поскольку нормы международных обычаев должны сообразоваться с содержанием соответствующих общих начал международного права, последние, несомненно, могут влиять на формирование международных обычаев; с другой стороны, поскольку общие начала являются обобщенным выражением обычаев, появление новых или изменение прежних обычаев не может не отразиться на содержании общих начал. Такого рода взаимодействие существует, в частности, между общим принципом дипломатического иммунитета и международными обычаями, относящимися к отдельным видам иммунитета. Кроме того, международные дипломатические обычаи приобретают специфические особенности в каждой отдельной стране, составляя в реальной практике своего применения в этой стране нечто единичное, отдельное, хотя и неразрывно связанное с особенным, а через него — с общим; но об этом речь будет в следующей главе.

Некоторые буржуазные юристы-международники, главным образом англо-американские, проводят еще различие между обычаем (custom) и обыкновением (usage): одни — в зависимости от того, действует ли обычная норма между всеми или только между некоторыми государствами,[6] другие — и таких большинство — в зависимости от того, является ли обычная норма юридически обязательной или нет.[7] Как при том, так и при другом критерии это различие является искусственным. В первом случае речь идет об универсальных и партикулярных нормах международного обычного права; например, право убежища в дипломатических помещениях до Гаванской конвенции 1928 г. соблюдалось в Америке как обычная норма международного права, хотя давно уже не признавалось в Европе (исключая Испанию). Во втором случае, поскольку это относится к посольскому праву, речь мо-

---

народное право в собственном смысле слова. Такое разграничение метафизично и ошибочно. Принципы, как и правила, вырастают на почве международной практики и устанавливаются на основе молчаливого или явно выраженного согласия государств, а будучи установлены, имеют для них обязательную силу. Сам Альварец, повидимому, не уверен в бесспорности своего разграничения, ибо на предыдущей странице он делает такое замечание: «Различие мнений в области основных принципов международного права приводит к тому, что можно спросить, имеет ли международное право в действительности иные принципы, чем те, которые вытекают из конвенций и обычаев» (ibidem, p. 19).

[6] См. Corbett, op. cit., p. 26.

[7] См. Oppenheim, op. cit., p. 24—25; Finch, op. cit., p. 574—575.

жет итти о нормах международного обычного права и международной вежливости. Эти нормы в дипломатической практике играют важную роль и соблюдаются подчас весьма скрупулезно, но все же они не могут рассматриваться как международное обычное право. О международной вежливости речь будет еще впереди.

Обычай — это древний источник права и международного, и национального. Он возникает в результате того, что многократно повторяющийся образ поведения выкристаллизовывается в обязательное правило. «Для того, чтобы образовался обычай, связывающий частную волю,— говорит Сергеевич,— в памяти людей должен уже накопиться настолько значительный материал сходных прецедентов, чтобы воля была подавлена этим материалом».[8] Но международный обычай как источник права занимает особое место. В отличие от обычая в национальном праве, который складывается из привычных действий тех или иных слоев населения или той или иной группы людей и который государственная власть большей частью лишь подтверждает и охраняет, но не создает,— обычай в международном праве создается непосредственно государственной властью, ибо складывается из ряда повторяющихся официальных действий различных государств. Поэтому в международных обычаях в значительно большей степени, чем в национальных, отражается политика государственной власти, государственная воля; по словам Камаровского, они «должны считаться проявлением правосознания применяющего их государства».[9] Помимо этого, отсутствие единой международной нормоустанавливающей инстанции и неизбежная неполнота конвенционного регулирования международных отношений придают обычаю в международном праве неизмеримо более важное значение, чем в национальном.[10] В течение весьма длительного времени обычай являлся главным источником международного права, и целые отрасли последнего, такие, как посольское право, морское право, право войны, регулировались почти исключительно обычаем. С развитием международных связей и государственной организации первое место среди источников международного права занял договор. Однако обычай

---

[8] Сергеевич. Опыты исследования обычного права. «Наблюдатель», 1882, № 1; цит. по Н. Палиенко. Нормативный характер права и его отличительные признаки. Ярославль, 1905, стр. 41.

[9] Камаровский, цит. соч., стр. 106.

[10] Особое значение обычая в международном праве отмечают многие видные юристы-международники: см. Мартенс. Современное международное право, т. I, стр. 186—188; Камаровский и Ульяницкий, цит. соч., стр. 15—16.

попрежнему остается основным источником международного права для тех его отраслей, в которых международная практика не привела к широкому развитию конвенционных норм.

Посольское право, как уже указывалось, как раз и принадлежит к числу таких, немногих теперь, отраслей международного права. В частности, обычай является источником основных международно-правовых норм дипломатического иммунитета. Чем же объясняется это обстоятельство?

Современное посольское право сложилось в течение XVI—XVIII столетий, т. е. в тот период, когда универсальные нормы международного права носили, главным образом, характер обычного права. Возникавшие же в практике важнейших европейских государств правила обращения с иностранными дипломатическими представителями сравнительно быстро и широко воспринимались и становились настолько универсальными, что для каких-либо двух отдельных государств, поддерживающих между собой дипломатические сношения, не было необходимости устанавливать специальные условия на сей предмет в двухсторонних международных соглашениях. Лишь первое время после появления постоянных посольств, когда новые дипломатические обычаи только зарождались, было принято обусловливать права и привилегии послов в договорах, а потом это имело место в виде исключения. Обычаи дипломатического иммунитета были вызваны к жизни общей для всех государств необходимостью поддерживать регулярные дипломатические сношения,— без чего невозможно было их участие в международной жизни,— необходимостью, которая приводила к установлению в различных государствах одинакового по своим наиболее существенным чертам обращения с иностранными дипломатическими представителями. А это способствовало универсализации дипломатических обычаев. И обычные правила, которые сложились на почве этого, в основном, одинакового образа поведения, настолько глубоко укоренились в практике государств и в представлениях народов в качестве conditio sine qua non регулярных дипломатических сношений, что не было стимула для создания конвенционных норм,— фиксирующих обыкновенно то, что иначе не было бы признано или признавалось бы недостаточно. Когда же в XIX веке развилась тенденция к широкой конвенционной регламентации международных отношений и к кодификации международного права, то эта тенденция очень мало коснулась норм дипломатического иммунитета. А законы, появившиеся по этому вопросу в отдельных государствах, издавались как бы в подтверждение и уточнение норм международного обычного права. Правда,

законы вносили некоторые новые особенности в содержание этих норм, но в общем последние оставались более или менее стабильными. Вот почему международные обычаи до настоящего времени являются основным источником норм дипломатического иммунитета, и нормы эти имеют обязательную силу независимо от внутригосударственных нормативных актов.

На чем покоится обязательная сила международных обычно-правовых норм дипломатического иммунитета? По этому вопросу с давних пор была выдвинута теория «молчаливого соглашения», следы которой мы находим еще у Эйро,[11] которая отчетливо высказывалась Гроцием и Ваттелем,[12] но наиболее полно была сформулирована не в научном трактате, а в официальном акте — в известном меморандуме Эгильона. Начиная с изложения общих основ дипломатического иммунитета, Эгильон пишет, что «иммунитет послов и других публичных министров основан... на молчаливом соглашении, в силу которого, принимая иностранного министра, за ним признают те права, которые ему предоставляет обычай или, если хотите, международное право... В силу молчаливого соглашения,— продолжает он,— или, что то же самое, в силу международного права, они могут требовать, чтобы им не делалось ничего, что могло бы мешать им в выполнении их публичных функций».[13] Теория «молчаливого соглашения» не чужда и современной буржуазной доктрине. Херст в своем курсе лекций о дипломатическом иммунитете (прочитанном в 1926 г. в Гаагской Академии Международного права) предпосылает изложению меморандума Эгильона следующее замечание: «Начало дипломатических иммунитетов нельзя вывести ни из какого формального соглашения между государствами. Они основываются на обычае и на молчаливом соглашении, существующем между государствами, о том,

---

[11] Эйро писал, что посол «прибывает с гарантией, что он не будет оскорблен ни делом, ни словом», «на основании публичной веры», и что «на основании этой общей веры» он пользуется «привилегиями, которые все ему предоставляют» (Ayrault, op. cit., p. 163—164).

[12] По словам Гроция, закон, «который защищает послов от насилия, должен рассматриваться как обязательный для того, к кому посольство отправлено, если только он его принял,— как будто с этого момента наступило молчаливое соглашение по этому поводу» (Grotius, op. cit., T. II, p. 340). А Ваттель говорит, что «если нельзя разумно предположить, что его (посла.— *Д. Л.*) господин хочет подчинить его власти суверена, к которому он его посылает, то этот суверен, принимая министра, соглашается допустить его на основе этой независимости, и, таким образом, между двумя государями имеется молчаливое соглашение, которое дает новую силу естественной обязанности» (Vattel, op. cit., P. 2, p. 176).

[13] См. Martens. Les causes célèbres..., v. II, p. 284.

что представители, которых они принимают, будут находиться вне местной юрисдикции».[14]

«Молчаливое соглашение» представляет собой абстрактный принцип или, вернее, презумпцию, являющуюся логическим основанием обычно-правовых правил дипломатического иммунитета, как и всех международно-правовых обычаев вообще. В действительности, за этой абстракцией «молчаливого соглашения» скрываются конкретные причины, связанные с потребностями дипломатической службы, особенностями государственной организации, интересами внешней политики и пр. Эти причины имеют решающее значение для установления норм дипломатического иммунитета, для их соблюдения или нарушения, для их изменения и развития и должны приниматься во внимание юристом при анализе каждой данной нормы: ее источников, ее содержания, ее эволюции. Действие указанных причин можно отчетливо проследить на целом ряде примеров из истории посольского права, скажем, на деле Матвеева и издании английского парламентского акта 1709 г.— о чем говорилось в III главе и будет еще говориться ниже — и пр. Этот каузальный момент почти совершенно не учитывается буржуазными юристами-международниками вообще и, в частности, при изложении посольского права.[15]

Другим основанием обязательной силы международных дипломатических обычаев, на которое указывают в литературе, является взаимность. В соответствии с началом суверенного равенства государств, на котором основывается международное право, каждое государство вправе претендовать на иммунитет своих дипломатических представителей в другом государстве, при само собою разумеющемся условии, что оно обязуется соблюдать иммунитет дипломатических представителей последнего на своей собственной территории. Дипломатические привилегии, не основанные на взаимности,

---

[14] C. Hurst. Les immunités diplomatiques. Recueil des Cours de l'Académie de droit international, t. 12 (1926), p. 123.

[15] Некоторые представители буржуазной науки международного права при классификации его источников и норм все же пытались обращаться к концепции «необходимости». Так, например, Гарейс выдвигает особую категорию «необходимого права» (jus necessarium, belli et pacis), т. е. права, нормы которого вытекают из «правовой необходимости» (Rechtsnotwendigkeit) (см. C. Gareis. Institutionen des Völkerrechts, 1888, S. 5, 29—30). Точно так же Блюнчли называет международное обычное право «необходимым правом» и делит все международное право на «договорное» и «необходимое» (см. Блюнчли, цит. соч., стр. 73). Но из этих общих рассуждений о «необходимом праве» оба автора не делают методологических выводов в отношении отдельных правовых институтов, излагаемых в их курсах.

могли быть навязаны силой, как было в полуколониальных и зависимых странах, но в этих случаях дипломатические отношения отклонялись от нормальной дипломатической практики и общих начал международного права, а самые привилегии, как мы увидим ниже, специально закреплялись в договорах, а не соблюдались в силу обычая.

Принцип взаимности как основание соблюдения дипломатического иммунитета провозглашается в законах ряда государств. По советскому закону: «Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР» от 14 января 1927 г. на этом принципе основывается предоставление всех дипломатических привилегий. Ст. 2 закона гласит: «Дипломатическим представителям и членам дипломатических представительств иностранных государств... предоставляются, на началах взаимности, все права и преимущества, присвоенные их положению, согласно норм международного права».[16] Ссылка на условие взаимности содержится также в тех постановлениях общего законодательства многих государств, коими гарантируются отдельные дипломатические привилегии: например, повышенная уголовная защита неприкосновенности или освобождение от местной юрисдикции.[17] Наконец, принцип взаимности специально обосновывается в ряде диплома-

---

[16] См. Собрание законов, 1927, № 5, Отд. I, ст. 48.

[17] Так, в Уголовном кодексе Турции 1926 г. (ст. 167) «обеспечение повышенной уголовной защиты неприкосновенности иностранных дипломатических представителей обусловлено принятием тех же принципов в отношении подобных действий (т. е. нарушений неприкосновенности.— *Д. Л.*) в законодательстве государства, подданным которого является оскорбленная сторона» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1189). По Уголовному кодексу Италии 1930 г. (ст. 310), «главы дипломатических миссий приравниваются к главам иностранных государств в смысле ст. 298 (т. е. в смысле одинаковой уголовной защиты их неприкосновенности.— *Д. Л.*) только в том случае, если иностранное государство предоставляет равную уголовную защиту главам итальянских дипломатических миссий. Если равная уголовная защита не имеет места, то применяются постановления 12 и 13-го разделов (т. е. общие постановления о преступлениях против личности и имущества.— *Д. Л.*), но наказание должно быть повышено» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 708—709). По Уголовному кодексу Швейцарии 1937 г. (ст. 302) «в случаях, предусмотренных статьями 296 и 297, абзац I (т. е. в случаях оскорблений главы или дипломатического представителя или правительства иностранного государства, а также делегатов государств — членов Лиги наций на Ассамблею или Совет Лиги.— *Д. Л.*), Союзный совет распоряжается о возбуждении уголовного преследования только по ходатайству правительства иностранного государства, и если он считает взаимность обеспеченной». Лишь «при оскорблении во время исполнения служебных обязанностей Союзный совет может распорядиться о возбуждении уголовного преследования даже без ходатайства иностранного государства и без гарантий взаимности (Швейцарский уголовный кодекс 1937 г., пер.

тических актов, изданных по вопросу об иммунитете иностранных дипломатических представителей. Так, например, в итальянском меморандуме относительно норм, регулирующих иммунитет иностранных дипломатических представителей в Италии, говорится: «Поскольку дипломатические прерогативы, предоставляемые итальянским правительством, в существенной мере покоятся на международном обычае, то вполне логично, что королевское правительство требует соответствующих прерогатив для своих дипломатических представителей за границей. Поскольку, однако, в различных странах эти обычные правила интерпретируются по-разному (особенно в том, что касается фискальных льгот, предоставляемых различными приказами органов фиска в каждом государстве), итальянское правительство сохраняет право самому обращаться к критерию взаимности, для того чтобы интерпретировать с большими или меньшими ограничениями прерогативы дипломатических представителей каждого отдельного государства». [18]

В некоторых дипломатических актах дипломатические привилегии разделяются на две категории: безусловные, распространяемые на все государства (неприкосновенность, освобождение от местной юрисдикции), и условные, предоставляемые на основе взаимности (главным образом, фискальные льготы). [19] Значит ли это, что привилегии первой категории

Лапшиной, изд-во НКЮ СССР, М., 1941, стр. 65). А Уголовный кодекс Швеции 1864 г. обусловливает принципом взаимности иммунитет иностранных дипломатических представителей от уголовной юрисдикции. В разделе 1-м — «Лица, к которым применяется шведское уголовное законодательство» § 4 гласит: «В отношении иностранных миссий должен применяться общий принцип взаимности или специальные договоры» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1155).

[18] См. Feller and Hudson, v. I, p. 714.

[19] Например, в меморандуме бельгийского правительства о привилегиях дипломатических чиновников было сказано: «Права, привилегии и прерогативы, которыми пользуются дипломатические представители всех рангов, аккредитованные в Бельгии, разделяются на две части: 1. Абсолютные прерогативы, которые могут быть кратко резюмированы в двух словах: неприкосновенность и независимость. 2. Те прерогативы, которые менее основаны на публичном характере дипломатических агентов, чем на соображениях вежливости и гостеприимства, а именно — фискальные иммунитеты. В основе последних лежит принцип полной взаимности» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 87). А в ноте британской миссии в Пекине на имя китайского министра иностранных дел от 8 апреля 1930 г., в связи с вопросом о таможенных льготах, указывалось, что дипломатические привилегии «в Великобритании разделяются на два рода: нормальный перечень (scale), который одинаково предоставляется всем иностранным государствам, и специальный взаимный перечень, который может быть предоставлен тем государствам, кои готовы предоставить равноценные привилегии» (Feller and Hudson, v. I, p. 217—218).

не основаны на взаимности? Такой вывод не соответствовал бы логическому смыслу этого деления. Привилегии первой категории вытекают из универсальных норм международного обычного права, т. е. норм, признаваемых всеми государствами, и при соблюдении этих норм взаимность предполагается сама собой. Она, собственно говоря, и скрепляет признание этих норм каждым отдельным государством в общее признание и как бы par implicite включается в «молчаливое соглашение», вследствие чего наличествует и без специального подтверждения. Привилегии же второй категории вытекают из партикулярных норм международного права или, чаще всего, из правил международной вежливости и поэтому соблюдаются исключительно на основе взаимности. В этом именно смысле и может быть проведено вышеуказанное деление.

Если универсальные обычно-правовые нормы дипломатического иммунитета устанавливаются в результате согласованного применения всеми или очень многими государствами известного образца поведения в обращении с иностранными дипломатическими представителями, то, будучи установлены, они становятся частью общей системы международного права, обязательной для каждого государства. «Помимо какого-либо формального присоединения со своей стороны,— замечает Фошиль,— государство обязано соблюдать всякую норму, управляющую международным общением». [20] Так же говорит Финч: «Когда речь идет о требовании к государству, основанном на норме международного обычного права, то нет необходимости, чтобы данное государство дипломатическим путем заявило о своем согласии с этой нормой. Достаточно доказать, что общее мнение цивилизованного мира ее одобряет. Например, привилегии и иммунитеты иностранного посла гарантируются ему общим согласием всех наций, и ни одна из них не может по своему усмотрению их отменять или отрицать». [21] Это означает, что хотя государство вправе отказаться принять того или иного иностранного дипломатического представителя, но если оно его принимает, то оно ipso jure обязано гарантировать ему установленный обычаем иммунитет. [22]

---

[20] Fauchille, op. cit., v. I, P. I, p. 43.

[21] Finch, op. cit., p. 576—577.

[22] Данное положение было специально подтверждено в решении Верховного суда США по делу шхуны Экспеншж против Мак-Фэддона в 1812 г. Судья Маршал заявил, что если иностранный суверен или посланник «вступает на данную территорию с ведома или разрешения ее суверена, то это разрешение, хотя оно и не содержит условия, освобождающего его личность от ареста, всюду понимается как включающее такое условие» (см. M. Hudson, Cases and other Materials of International law, 2 ed. Washington, 1936, p. 526).

Отмена тех или иных дипломатических привилегий возможна не иначе, как на тех же основаниях общего согласия и взаимности, на которых устанавливаются и применяются соответствующие нормы международного обычного права. Эти привилегии могут быть отменены путем специального соглашения между заинтересованными государствами. Они могут быть отменены и путем простого неприменения их, если только такой образ поведения не встречает возражений со стороны других государств. Тогда он большей частью ведет к установлению новой практики. В отдельных случаях чрезвычайными обстоятельствами может быть вызвана односторонняя формальная отмена, и тогда она рассматривается самим государством, издавшим соответствующий акт как мера сугубо временная, требующая надлежащей нотификации и обоснования. Такой именно характер носила отмена в 1944 г. в Англии дипломатической связи и свободы передвижений дипломатических и консульских представителей иностранных государств, кроме СССР, США и британских доминионов, диктовавшаяся настоятельными военными требованиями (см. об этом в главе XV).

Напротив, односторонняя отмена установленных международным обычаем дипломатических привилегий, не опирающаяся на согласие или, по крайней мере, на непротиводействие других государств, могла бы повлечь за собой только реторсии и репрессалии, которые вели бы не к нарушению действительной силы данного обычая, а к нарушению нормальных дипломатических сношений с государством, решившимся на подобный шаг. В сколько-нибудь широком масштабе и в качестве меры, устанавливающей постоянное положение вещей, такое явление едва ли возможно. «Теоретически государство может отказаться,— пишет Херст,— принимать дипломатических агентов иначе, как при условии их подчинения юрисдикции его судов. Но каков будет результат? Все другие государства немедленно предложат подчинить дипломатических агентов этого правительства юрисдикции своих судов. До сего времени ни одно государство не пожелало действовать таким образом». [23]

Если оставить в стороне какие-либо временные чрезвычайные обстоятельства, когда на карту поставлены жизненные интересы государства, то только в том случае, если исчезает реальная необходимость в дальнейшем существовании тех или иных дипломатических привилегий, отмена их в одном государстве может стать прецедентом для других и послужить началом к установлению новой международной

---

[23] Hurst, op. cit., p. 150—151.

обычно-правовой нормы. В этом случае в ряде последовательно повторяющихся прецедентов получит новое выражение то общее согласие государств, которое должно лежать в основе всякого международного обычая. Мы видели это на примерах отмены привилегии дипломатического квартала и права убежища в дипломатическом помещении, описанных в III главе. Задача юриста состоит в том, чтобы держать в поле зрения конкретные причины, обусловливающие признание и соблюдение данных правил дипломатического иммунитета, и связанные с этими причинами изменения международной практики и, в соответствии с этим, при встрече с различного рода сложными ситуациями, столкновениями и конфликтами уметь разграничить правонарушение и зарождение новой нормы международного обычного права.

§ 2. Международные договоры

В силу отмеченного в предыдущем изложении характера посольского права как права преимущественно обычного, международные договоры занимают среди международных юридических источников норм дипломатического иммунитета второстепенное место. В настоящее время имеются четыре многосторонние конвенции, регламентирующие вопросы дипломатического иммунитета, но все они являются партикулярными соглашениями, действующими только между некоторыми государствами американского континента.

Прежде всего — это Гаванская конвенция о дипломатических чиновниках 1928 г., заключенная между всеми американскими государствами, но ратифицированная только двенадцатью из них.[24] Она регламентирует все основные вопросы посольского права и содержит раздел (IV) «Привилегии и прерогативы дипломатических чиновников». Заключение этой конвенции было вызвано скорее желанием продемонстрировать успехи панамериканского объединения в деле кодификации международного права, чем потребностью восполнить пробелы обычных норм посольского права. Как правило, конвенция фиксирует установленные международным обычаем общепризнанные нормы, внося некоторые не-

[24] По данным на 1 января 1942 г., конвенцию ратифицировали: Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Чили (с оговорками), Эквадор, Мексика, Никарагуа, Панама, Доминиканская республика (с оговоркой), Уругвай и Венецуэла (см. Bulletin of the Pan American Union, 1942, April, p. 219). Следует отметить, что среди государств, ратифицировавших конвенцию, отсутствуют Соединенные Штаты Америки.

большие особенности из американской практики (например, связанные с т. н. «отстранением» дипломата — dismissal). Серьезное отступление от этих норм допущено только в вопросе об убежище в дипломатических помещениях политических преступников, которое признается по смыслу ст. 17. Именно этому вопросу и посвящены три другие многосторонние конвенции, также не получившие всех ратификаций: Гаванская панамериканская конвенция об убежище 1928 г., частично изменяющая ее панамериканская конвенция о политическом убежище 1933 г., заключенная в Монтевидео, и южноамериканская конвенция об убежище 1939 г., заключенная также в Монтевидео.[25] Указанные конвенции регламентируют вопрос, в котором практика латино-американских государств существенно отличается от общей практики и который служил предметом многочисленных конфликтов, главным образом между южноамериканскими и европейскими странами, и вследствие этого вызвал потребность в специальной регламентации.

Наконец, некоторые нормы о дипломатическом иммунитете (об иммунитете дипломатических агентов от юрисдикции по гражданским и торговым делам) содержатся в кодексе Бустаманте, принятом в силу Гаванской конвенции 1928 г. американскими государствами.[26]

Что касается двусторонних международных договоров, то вопросы дипломатического иммунитета затрагивались в них, главным образом, либо когда только зарождались

---

[25] Гаванскую конвенцию об убежище 1928 г. ратифицировали: Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гондурас (не сдал ратификационных грамот), Мексика, Никарагуа, Панама, Доминиканская республика, Уругвай (ibidem). Конвенцию о политическом убежище 1933 г., заключенную в Монтевидео, ратифицировали: Бразилия, Колумбия, Чили, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа (не сдала ратификационных грамот), Панама и Доминиканская республика (ibidem, p. 220). Южноамериканская конвенция об убежище 1939 г. была заключена между Аргентиной, Уругваем, Перу, Боливией и Парагваем на II Южноамериканском конгрессе по международному частному праву взамен статей 15—18 договора по международному уголовному праву, заключенного на I Южноамериканском конгрессе по международному частному праву 1888—1889 гг. (см. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 37, 1943, No 3, Official Documents, p. 99—103).

[26] Конвенцию ратифицировали: Бразилия (с оговоркой), Венецуэла, Мексика, Боливия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская республика (с оговорками), Куба, Коста-Рика, Никарагуа (с оговоркой), Панама, Перу, Сальвадор (с оговорками), Эквадор. В остальных американских республиках, в том числе в США, судьи применяют кодекс Бустаманте — imperio rationis. Текст конвенции и кодекса на русском языке, а также данные о ратификациях см. в сборнике проф. В. Дурденевского. Избранные источники по международному частному праву XIX и XX веков, вып. I, Юрид. издательство НКЮ СССР, М., 1941, стр. 25—75.

новые дипломатические институты и еще не входили достаточно прочно в общую дипломатическую практику, либо когда отношения между данными государствами в силу тех или иных причин отклонялись от общей дипломатической практики, либо, наконец, когда на международную арену вступало новое государство, с отличительными чертами государственно-правового строя, вносившее известные особенности в формы внешних сношений. Если же указанные отклонения или особенности перестают существовать, уступая место обычной дипломатической практике, или прочно войдя в практику, то такие договоры больше не заключаются, уступая место обычаю.

В первое время после появления постоянных посольств, когда коренные изменения в организации дипломатической службы обусловливали новый порядок обращения с иностранными дипломатическими представителями, государства включали в двусторонние договоры постановления об обмене постоянными посольствами, а равно о привилегиях постоянных послов и о посольском церемониале. Одним из первых примеров такого рода соглашений может служить договор 1520 г. между английским королем Генрихом VIII и императором Карлом V, бывшим также королем Испании, предусматривающий учреждение постоянных посольств в Англии и в Испании. Во внешних сношениях России XVI—XVIII веков, в связи с отличительными чертами русского государственного быта, и, в частности, организации дипломатической службы, заключение договоров по вопросам посольского права имело место довольно часто. Например, в XVII веке, по свидетельству Капустина, «несмотря на общее сознание, всякий раз должно было заключать договор о неприкосновенности послов».[27] Постановления о неприкосновенности и других дипломатических привилегиях включались и в общие политические договоры России XVII и XVIII веков: например, в Валиесарский договор 1658 г., в Ништадский договор 1721 г., в Абосский договор 1743 г. и др. (см. главу IV).

Позднее, в XIX и XX веках, когда дипломатические обычаи нового времени прочно вошли в обиход во всех государствах Западной Европы и в России, а также и за пределами Европы, включение в двусторонние договоры вопросов дипломатического иммунитета имело место только в связи с отклонениями от нормальной дипломатической практики,— которые могли быть вызваны весьма различными причинами,— а также в связи с теми особенностями, которые внесла

---

[27] М. Капустин, цит. соч., стр. 54.

в современное посольское право одна из существеннейших сторон новой советской государственности — государственная монополия внешней торговли. Если не считать множества специальных соглашений по второстепенным, главным образом, техническим вопросом, касающимся прав и преимуществ иностранных дипломатических представителей (например, связанным с дипломатической почтой, с дипломатическими курьерами и пр.), то почти все остальные двусторонние международные договоры этого периода, включающие нормы о дипломатическом иммунитете, можно разделить на четыре группы: 1) договоры, заключенные в XIX веке европейскими государствами, а также США с латино-американскими странами; 2) договоры, заключенные европейскими державами и США со странами Востока (Китаем, Турцией, Персией и др.) в течение XIX и XX веков; 3) договоры, заключенные между РСФСР и некоторыми капиталистическими государствами в период признания de facto, и 4) общие и специальные договоры между СССР и иностранными государствами, содержащие определение международно-правового положения советских торговых представительств. Кроме этих групп следует еще упомянуть стоящий особняком Латеранский договор между Италией и Ватиканом 1929 г.

Договоры европейских держав и США с латино-американскими странами стали заключаться после провозглашения этими странами политической независимости. Включение в договоры специальных постановлений о правах дипломатических представителей вызывалось не столько тем, что дипломатические отношения с этими вновь возникшими государственными образованиями устанавливались впервые и поэтому стороны старались точно определить статус своих постоянных представителей, сколько тем, что латино-американские страны относились к типу стран, по определению Ленина, «...политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» [28] и с самого начала являлись объектом соперничества крупных держав. Последние, ведя между собой борьбу за распространение своего влияния в латино-американских странах, стремились не допускать в них предоставления особых преимуществ в пользу дипломатических представителей какой-либо одной державы. С этой целью в заключаемых с этими странами двусторонних договорах они обусловливали в отношении статуса своих дипломатических представителей права наиболее благоприятствуемой нации.

---

[28] В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 139.

В первых договорах со странами Латинской Америки, заключенных Соединенными Штатами и Великобританией в тот период, когда Монро, а в особенности Джон-Куинси Адамс, с одной стороны, и Каннинг — с другой, соревновались в расширении и укреплении экономических и политических связей с новыми республиками, условие наибольшего благоприятствования определялось на началах полной или материальной взаимности, т. е. оговаривался равный юридический статус для представителей обеих договаривающихся сторон. Этому образцу следовали за Соединенными Штатами и Великобританией также и Нидерланды.[29] Однако впоследствии Великобритания и другие европейские державы устанавливали условие наибольшего благоприятствования на началах исключительно формальной взаимности: каждая сторона предоставляла представителям другой стороны все те права, какими пользовались на ее территории представители любой третьей державы, но равного статуса для представителей обеих договаривающихся сторон не предусматривалось.[30] Напротив, США продолжали сохранять условие

[29] Так, например, в договоре о дружбе и торговле, заключенном США с Колумбией в 1824 г. в ст. XXV говорилось: «Обе договаривающиеся стороны, желая устранить всякое неравенство в отношении своих публичных сообщений и официальных сношений, согласились и соглашаются предоставить посланникам, министрам и другим публичным агентам те же преимущества, иммунитеты и изъятия, какими пользуются или будут пользоваться таковые агенты наиболее благоприятствуемой нации, причем подразумевается, что какие бы преимущества, иммунитеты или привилегии Соединенные Штаты или республика Колумбия не сочли нужным предоставить министрам или публичным агентам любой другой державы, они будут, в силу того же акта, распространены на министров или публичных агентов каждой из договаривающихся сторон». В договоре о дружбе, торговле и мореплавании, заключенном Великобританией с Мексикой в 1826 г., в ст. VII, начало материальной взаимности было сформулировано следующим образом: «Мексиканские дипломатические агенты и консулы будут пользоваться во владениях его британского величества любыми привилегиями, преимуществами и иммунитетами, какие будут предоставлены агентам того же ранга наиболее благоприятствуемой нации; и подобным же образом дипломатические агенты и консулы его британского величества на мексиканской территории будут пользоваться на началах строгой взаимности любыми привилегиями, изъятиями и иммунитетами, какие будут предоставлены мексиканским дипломатическим агентам и консулам во владениях его британского величества». Такая же формула содержится в договорах, заключенных Нидерландами с Мексикой в 1827 г. (ст. XIII), с Бразилией в 1828 г. (ст. XII) и с Колумбией в 1829 г. (ст. XXIV). См. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26 (1932), No 2, p. 27.

[30] Так, например, в договоре Великобритании с Перу-Боливийской конфедерацией, заключенном в 1837 г., в ст. XI говорилось: «Дипломатические агенты и консулы Перу-Боливийской конфедерации будут пользоваться во владениях его британского величества любыми привилегиями, изъятиями и иммунитетами, каковые предоставлены или будут предоставлены агентам того же ранга наиболее благоприятствуемой нации; и

наибольшего благоприятствования на началах материальной взаимности и в последующих договорах, заключенных ими с латино-американскими странами.[31] Независимо от различия тех или иных формул наибольшего благоприятствования, дипломатические представители как европейских держав, так и США в латино-американских странах не только располагали огромным фактическим влиянием, которое давало им возможность оказывать давление на внутреннюю жизнь

подобным же образом дипломатические агенты и консулы его британского величества на территории Перу-Боливийской конфедерации будут пользоваться на началах строгой взаимности любыми привилегиями, изъятиями и иммунитетами, какие предоставлены или могут быть предоставлены дипломатическим агентам и консулам наиболее благоприятствуемой нации на территории Перу-Боливийской конфедерации». Эта же формула была почти текстуально воспроизведена в договорах Великобритании с Боливией, 1840 (ст. XI), с Уругваем, 1842 (ст. X), с Коста-Рикой, 1849 (ст. XI), с Гватемалой, 1849 (ст. XI), с Перу, 1840 (ст. XI), с Парагваем, 1853 (ст. XII). Аналогичное постановление содержалось в договорах Великобритании с Доминиканской республикой, 1850 (ст. VII), с Гондурасом, 1856 (ст. XIX), с Никарагуа, 1860 (ст. XIX), с Сальвадором, 1862 (ст. XX) и с Колумбией, 1866 (ст. XIII). В договоре Франции с Эквадором, заключенном в 1843 г. (ст. XXVII) было сказано: «Обе договаривающиеся стороны формально соглашаются, что независимо от предшествующих постановлений дипломатические и консульские агенты, граждане всех званий, грузы и товары одного из обоих государств будут пользоваться с полным правом в другом государстве любыми льготами, привилегиями и иммунитетами, которые предоставлены или будут предоставлены в пользу наиболее благоприятствуемой нации; (они будут пользоваться ими) безвозмездно, если таковое предоставление (было или будет) безвозмездно или с равной компенсацией, если оно обусловлено (компенсацией)». Почти без изменений такая формула была воспроизведена в договорах Франции с Чили, 1846 (ст. XXVIII), с Коста-Рикой, 1848 (ст. XXVII), с Гондурасом, 1856 (ст. XXVII) и с Перу, 1861 (ст. XVIII) (ibidem, p. 28—29). Наиболее кратко и отчетливо это условие было выражено в договоре о дружбе, торговле и мореплавании, заключенном между Францией и Мексикой в 1886 г. (ст. XI): «Договаривающиеся стороны соглашаются взаимно предоставить их соответственным посланникам, министрам и агентам те же привилегии, льготы и преимущества, какими пользуются или будут пользоваться в будущем посланники, министры и публичные агенты наиболее благоприятствуемой нации» (ibidem, p. 29).

[31] Формула, содержавшаяся в выше цитированном договоре США с Колумбией 1824 г., была воспроизведена в договорах США: с Федерацией Соединенных Штатов Центральной Америки, 1825 (ст. XXVII), Бразилией, 1828 (ст. XXVII), Мексикой, 1831 (ст. XXVII), Чили, 1832 (ст. XXV), Венецуэлой, 1836 (ст. XXVIII), Эквадором, 1839 (ст. XXVIII), Новой Гранадой, 1846 (ст. XXIX), Гватемалой, 1849 (ст. XXVII), Сальвадором, 1850 (ст. XXIX), Коста-Рикой, 1851 (ст. X), Перу 1851 (ст. XXXIV), Аргентиной, 1853 (ст. XI), Боливией, 1858 (ст. XXX), Парагваем, 1859 (ст. XII), Гаити, 1864 (ст. XXXII), Гондурасом, 1864 (ст. X), Никарагуа, 1867 (ст. X), Перу, 1870 (ст. XXXII) и 1887 (ст. XXIX) и Сальвадором, 1870 (ст. XXX). В виде исключения можно отметить, что статья о статусе дипломатических представителей и в такой же форме была внесена в договор США с одной европейской страной, а именно — в договор с Испанией, 1902 (ст. XII) (Ibidem, p. 27—28).

этих стран, но и формально пользовались в них односторонними привилегиями. Достаточно сослаться на такую привилегию, как право убежища в дипломатических помещениях, которым широко пользовались указанные державы для вмешательства во внутриполитическую борьбу, происходившую в латино-американских странах.

В настоящее время в договорах с латино-американскими странами обычно уже не фиксируется международно-правовой статус дипломатических представителей (Гаванская конвенция о дипломатических чиновниках, которую ратифицировали двенадцать из этих стран, применяется только в их взаимоотношениях между собой). И в соответствующих случаях правительства этих стран больше ссылаются на общее международное право, чем на договоры.

В договорах европейских держав и США со странами Востока фиксация международно-правового статуса дипломатических представителей была связана с существованием в этих странах режима капитуляций, при котором представители капитуляционных держав занимали особо привилегированное положение, а поскольку речь идет о странах Дальнего Востока (Китай, некоторое время — Япония), то также и с тем, что дипломатические сношения навязывались им в XIX веке насильственно, и поэтому самое право этих сношений и их важнейшие условия закреплялись договорным путем. В договорах европейских держав и США с Персией (Ираном), заключенных в 50-х годах XIX века, предусматривалось условие наибольшего благоприятствования,[32] фактически закреплявшее за дипломатическими представителями капитуляционных держав односторонние привилегии. В договорах с Китаем (также и с Японией) фиксировалось самое право поддержания дипломатических сношений и, наряду с этим, привилегии дипломатических представителей.[33] В числе этих

---

[32] В договоре с Персией, заключенном Францией в 1855 г., ст. II гласила: «Послы, полномочные министры или иные дипломатические агенты будут по принадлежности приниматься и трактоваться, они сами и весь персонал их миссий, подобно тому, как принимаются в подлежащих странах послы, полномочные министры или иные дипломатические агенты наиболее благоприятствуемых наций; они будут пользоваться там со всех точек зрения теми же почестями, прерогативами и привилегиями». Такое же постановление содержалось в договорах с Персией, заключенных в 1857 г.: Великобританией (ст. XII), Нидерландами (ст. II), Бельгией (ст. II), Австро-Венгрией (ст. II), Данией (ст. II), Швецией и Норвегией (ст. II), Италией (ст. II), Германией (ст. II), Швейцарией (ст. II), а также в договоре, заключенном США (ibidem, p. 29).

[33] Так, например, в договоре о мире, дружбе и торговле, заключенном США с Китаем в 1858 г., оговаривалось право дипломатических агентов США вести переписку с китайскими чиновниками (ст. IV), посещать китайские города и проживать в них (ст. V); в договорах, заклю-

привилегий важное место занимали односторонние привилегии капитуляционных держав.[34]

Некоторые договоры с Китаем, наряду с перечислением дипломатических привилегий, содержали и общую ссылку на международное право.[35] Однако такая ссылка означала в этих договорах только тот минимум привилегий для дипломатических представителей обеих договаривающихся сторон, сверх которого другие привилегии (право юрисдикции, право предоставления убежища в дипломатических помещениях, привилегия дипломатического квартала) предоставлялись в пользу дипломатических представителей капитуляционных

ченных в том же году США (ст. I) и Великобританией (ст. II) с Японией, оговаривалось право свободного передвижения дипломатических агентов одной договаривающейся стороны по территории другой (ibidem, p. 29—30). А в договоре Великобритании с Китаем 1860 г. предусматривалось, что каждая договаривающаяся сторона имеет право посылать постоянные и временные миссии в столицу другой стороны, что британский посланник не должен принуждаться к исполнению каких бы то ни было церемоний, унизительных для него как для представителя суверенной нации, что британское правительство может приобретать здания для своей миссии в Пекине, что не будет препятствий для свободного передвижения членов миссии или для их переписки и пр. (ibidem, p. 29—30).

[34] Так, например, упомянутый выше договор Великобритании с Китаем 1860 г. содержал постановление, что «всякое лицо, виновное в неуважении или оскорблении словом или действием представителя его величества (т. е. британского представителя.— *Д. Л.*) или кого-либо из членов его семьи или штата, будет строго наказано» (ibidem, p. 29—30), т. е. предусматривал повышенную уголовную защиту дипломатического иммунитета только в пользу представителя капитуляционной державы. Такое одностороннее постановление содержалось также в договорах, заключенных с Китаем: Германией в 1861 г. (ст. III), Данией в 1863 г. (ст. III), Бельгией в 1865 г. (ст. III), Италией в 1866 г. (ст. III), Испанией в 1867 г. (ст. II), Австро-Венгрией в 1869 г. (ст. III) и Португалией в 1887 г. (ст. V). Оно содержалось также в договорах Великобритании с Марокко 1856 г. (ст. III) и с Тунисом 1875 г. (ст. II). Как исключение следует отметить, что подобное постановление фигурировало и в договоре одной латино-американской страны с Китаем, а именно — в договоре, заключенном Перу в 1874 г. (ст. III) (ibidem, p. 30).

[35] Например, в договоре Франции с Китаем 1858 г. (ст. II) это было сделано в следующей форме: «Дипломатические агенты будут пользоваться взаимно в месте своей резиденции привилегиями и иммунитетами, которые им предоставляются по международному праву, т. е. их особы, их семья, их дом и их переписка будут неприкосновенны; они могут принимать на службу сотрудников, курьеров, переводчиков, слуг и т. д., какие им будут необходимы». А в договоре Дании с Китаем 1863 г., после перечисления прав и привилегий, аналогичных тем, которые были установлены в приводившемся англо-китайском договоре 1860 г., было добавлено, что «представитель его величества будет пользоваться всеми привилегиями и иммунитетами, которые принадлежат его должности по международному праву». Такая же формула имеется в договорах с Китаем Бельгии 1865 г. (ст. III) и Италии 1866 г. (ст. III) (ibidem, p. 30).

держав на основании иных постановлений. Односторонние привилегии устанавливались также на основании оговорки о наибольшем благоприятствовании, которая в некоторых договорах фигурировала рядом с ссылкой на международное право. Ибо права и привилегии, которыми пользовались представители капитуляционных держав, в качестве представителей наиболее благоприятствуемых наций, были шире тех прав и привилегий, которым взаимно пользовались представители обеих договаривающихся сторон на основании ссылки на международное право.[36]

Советское государство, торжественно отказавшееся от режима капитуляций и от всех односторонних привилегий в странах Востока, подало первый пример определения статуса дипломатических представителей в договорах с этими странами на основе полного равноправия и взаимности. Согласно договору, заключенному РСФСР с Афганистаном в 1921 г., по ст. 3, «Посольства и консульства Высоких Договаривающихся Сторон пользуются дипломатическими привилегиями в согласии с обычаями международного права взаимно и равноправно». Далее, в примечании I к ст. 3, было дано перечисление отдельных привилегий, принятых в общей международной практике.[37] В договоре РСФСР с Ираном (Персией) 1921 г. отдельные привилегии не перечислялись, а делались ссылки как на международное право и обычаи, так и на внутреннее законодательство обеих до-

---

[36] Это прямо вытекало из текста ряда договоров. Так, например, в договоре США с Китаем 1903 г. (ст. I) говорилось: «Дипломатические представители Соединенных Штатов будут пользоваться всеми прерогативами, привилегиями и иммунитетами, которые международный обычай предоставляет таковым представителям, и будут во всех отношениях иметь право на обращение, распространяемое на дипломатических представителей наиболее благоприятствуемой нации» (ibidem, p. 31). Еще яснее это было указано в договоре Швеции с Китаем (ст. III): «Дипломатические представители, таким образом аккредитованные, будут пользоваться всеми прерогативами, привилегиями и иммунитетами, которые международный обычай предоставляет таковым представителям, а также будут во всех отношениях иметь право на обращение, распространяемое на дипломатических представителей наиболее благоприятствуемой нации» (ibidem, подчеркнуто нами.— *Д. Л.*).

[37] «а) Право поднятия государственного флага. б) Личная неприкосновенность зарегистрированных членов посольств и консульств. в) Неприкосновенность дипломатической переписки и несения курьерской службы, при всякого рода взаимном в этом содействии. г) Переговоры по телефону, радио и телеграфу в согласии с привилегиями дипломатических представителей. д) Экстерриториальность помещений, занятых посольствами и консульствами, но без права предоставления убежища лицам, которых местное Правительство официально признает нарушившими законы страны» (см. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Изд. НКИД, М., 1935, вып. I—II, стр. 13—14).

говаривающих сторон.[38] Постановления о статусе дипломатических представителей были включены в эти договоры именно для того, чтобы зафиксировать переход от режима односторонних привилегий к новому, в тот момент, для стран Востока нормальному порядку дипломатических отношений, предусматриваемому общими началами международного права и международными обычаями. В договорах советских республик с Турцией и Монголией, заключенных в том же 1921 г., этот переход был закреплен посредством того, что в данных договорах совершенно не содержалось специального упоминания о статусе дипломатических представителей, так же как это имеет место в общей международной практике. Вышеуказанная инициатива советского правительства, как известно, оказала большую помощь странам Востока в борьбе за отмену режима капитуляций и односторонних привилегий в пользу иностранных дипломатических представителей в отношениях этих стран с другими государствами.

После отмены режима капитуляций в ряде стран Востока — местами полной, местами частичной — статьи о международно-правовом статусе дипломатических представителей продолжали фигурировать в договорах, заключаемых с этими странами. Но теперь они имели совершенно иное значение: они фиксировали ликвидацию неравноправного режима и установление равенства и взаимности в отношении статуса дипломатических представителей. При этом вначале в таких договорах либо отдельно перечислялись обычные дипломатические привилегии, одинаковые для обеих сторон, как это было в договорах, заключенных с Афганистаном Великобританией и Германией,[39] либо содержалась оговорка о

---

[38] Ст. 22: «В целях поддержания устанавливаемых с подписанием настоящего Договора добрососедских отношений и для укрепления доброго взаимопонимания, каждая из Высоких договаривающихся сторон будет представлена в столице другой Стороны полномочными представителями, пользующимися как в Персии, так и в России, правом экстерриториальности и другими прерогативами, согласно международному праву и обычаям, а также нормам, действующим в обеих Странах в отношении дипломатических представителей (там же, стр. 44).

[39] В договоре между Афганистаном и Великобританией об установлении добрососедских отношений 1921 г. предусматривалась взаимная гарантия личной безопасности дипломатических и консульских представителей и оказания им должного уважения (ст. 5), а в специальном приложении к договору под заглавием «Миссии и консульства» предусматривались также: иммунитет дипломатических представителей и их персонала от местной юрисдикции (пункт B), право свободных сношений со своим правительством (пункт I), таможенные привилегии (пункт K), а также запрещение давать убежище в миссиях и консульствах (пункт A), наносить ущерб интересам правительства страны пребывания (пункт D), приобретать в ней недвижимость без согласия местного правитель-

наибольшем благоприятствовании, на условиях полной взаимности, как это было в договорах Турции с целым рядом государств.[40] Впоследствии же делались только общие ссылки на международное право, которые встречаются в договорах, заключенных тем же Афганистаном, а также Ираном и Китаем.[41] Но такие ссылки означали уже не минимум, а полный объем привилегий для дипломатических представителей обеих договаривающихся сторон, сверх которого ни одна страна не может претендовать на какие-либо специальные права.

ства (пункт F) и пр. (см. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. III, вып. II, изд. НКИД, М., 1929, № 68, стр. 120, 121).

В договоре о дружбе между Афганистаном и Германией 1926 г. содержалась ссылка на общие принципы международного права и вслед за тем перечислялись отдельные привилегии. Ст. 2 договора содержала следующее постановление: «Руководители миссий и другие признанные их члены будут взаимно и одинаковым образом пользоваться предоставляемыми на основе общих принципов международного права дипломатическими привилегиями, а в особенности...» Далее перечислялось: право выставлять герб и вывешивать флаг («a»), неприкосновенность членов миссии и членов их семьи («в»), экстерриториальность служебных и жилых помещений, но без права давать убежище («с»), неприкосновенность служебных бумаг и служебного багажа дипломатических курьеров («d»), право сноситься со своим правительством и пользоваться шифром («е») и пр. (там же, № 160, стр. 297—298).

[40] Например, в договоре между Турцией и Польшей 1923 г., в ст. 2, стороны «...уславливаются, что министры, посланники и дипломатические агенты каждой из них будут пользоваться, на началах взаимности, на территории другой привилегиями, почестями, иммунитетами и изъятиями, представляемыми таковым наиболее благоприятствуемой нации» (там же, № 122, стр. 203).

[41] В конвенции о дружбе и торговле между Афганистаном и Швейцарией 1928 г., в ст. I, было указано, что дипломатические представители и персонал их миссий «будут пользоваться на территории другого государства всеми почестями, привилегиями и преимуществами, предусмотренными международным правом» (см. Международная политика в 1928 г. Договоры, декларации и дипломатическая переписка. Изд. НКИД, М., 1929, № 113, стр. 208). Аналогичная формула имеется в договоре о дружбе между Афганистаном и Латвией 1928 г., в ст. I (там же, № 112, стр. 267), в договоре о дружбе между Афганистаном и Либерией 1928 г., в ст. 3 (там же, № 114, стр. 208) и др. В временном соглашении между Ираном (Персией) и Францией 1928 г., в ст. I, ссылка на международное право выражена следующим образом: «Дипломатическое представительство каждой из высоких договаривающихся сторон на территории другой будет пользоваться под условием взаимности, привилегиями и преимуществами, освященными общим международным правом» (там же, № 107, стр. 201). Почти такая же формула имеется во временном соглашении между Ираном и Италией 1928 г., в ст. I (там же, № 110, стр. 203). Несколько иначе сформулирована эта ссылка во временном соглашении Ирана с США 1928 г., в ст. 2: «Начиная с 10 мая 1928 г. дипломатическое представительство Соединенных Штатов Америки на персидской территории будет пользоваться, под условием полной взаимности, привилегиями и преимуществами, освященными общим меж-

Следует предположить, что по мере того, как все больше будут отходить в прошлое следы режима капитуляций и связанных с ним отклонений от нормального стандарта дипломатических сношений, специальные постановления о статусе дипломатических представителей будут постепенно исчезать из международных договоров со странами Востока, как это впервые имело место в договорах советских республик с Турцией и Монголией 1921 г., а затем — в соглашении СССР с Китаем 1924 г.

Третью группу договоров, регламентирующих вопросы дипломатического иммунитета, составляют семь временных соглашений, заключенных РСФСР с капиталистическими государствами в период признания de facto (1921—1923) и впоследствии утративших силу. Таковы: торговое соглашение с Великобританией от 16 марта 1921 г., временное соглашение с Германией от 6 мая 1921 г., временное соглашение с Норвегией от 2 сентября 1921 г., временное соглашение с Австрией от 7 декабря 1921 г., предварительное соглашение с Италией от 26 декабря 1921 г., временный договор с Чехословакией от 5 июня 1922 г. и предварительное соглашение с Данией от 23 апреля 1923 г.[42] Отказываясь признать советское правительство de jure и установить с ним нормальные дипломатические отношения, вышеуказанные капиталистические государства поддерживали с ним фактические не только торговые и консульские, но также и политические отношения и обменялись официальными представителями, хотя старались придать этим отношениям вид исключительно торговых и консульских отношений. Фиксация в соответствующих договорах международно-правового статуса представителей вызывалась тем, что как положение этих представителей, так и характер осуществлявшихся ими сношений были необычными и поэтому нуждались в специальной регламентации. Они нигде не именовались дипломатическими представителями, а либо «представителями» (соглашение с Австрией и Германией, договор с Чехословакией), либо «официальными представителями» (соглашения с Данией и Норвегией),

дународным правом» (там же, № 108, стр. 202). Точно такая же формула имеется во временном соглашении между Ираном и Германией 1928 г., в ст. I (там же, № 203). Что касается Китая, то ссылка на международное право содержится в ряде заключенных им торговых договоров.

[42] Текст всех этих соглашений помещен в Сборнике действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I, изд. НКИД, 1924, № 6, 7, 19, 2, 11, 28 и 10 (текст соглашений с Австрией, Чехословакией и Данией помещен в том же сборнике, вып. I—II, изд. 1935 г., № 2, 38 и 14). Кроме того, УССР одновременно с РСФСР подписала отдельные аналогичные соглашения с Италией и Чехословакией, помещенные там же.

либо «официальными агентами» (соглашения с Великобританией и Италией). Они объявлялись аккредитованными при правительстве страны (соглашение с Италией) или при ведомстве иностранных дел (соглашения с Австрией и Германией, договор с Чехословакией), либо же имели только «доступ к властям страны» (соглашение с Великобританией), или доступ к министру иностранных дел (соглашения с Данией и Норвегией). Их функции всюду определялись не столько как политические, сколько как торговые и консульские: выполнение соглашения (посвященного, главным образом, вопросам торговли), защита граждан своей страны, выдача виз и паспортов и т. д., а в соглашениях с Австрией и Германией в особой статье (ст. 6) перечислялись их «консульские полномочия».

Иммунитет, который предоставлялся этим представителям в силу рассматриваемых соглашений, был значительно уже обычного дипломатического иммунитета как по кругу лиц, на которых он распространялся, так и по содержанию самого иммунитета. Только в соглашениях с Данией (ст. I, п. 2) и Норвегией (ст. 2, п. 2) иммунитет распространялся на весь персонал представительств. По соглашениям с Великобританией (ст. V) и Италией (ст. 4), иммунитетом пользовались только сами представители, по договору с Чехословакией (ст. 2) — представители и два члена представительств, по соглашениям же с Австрией (ст. 2) и Германией (ст. 2) иммунитетом пользовались представители и семь членов представительств, а остальному персоналу предоставлялись некоторые дополнительные гарантии личной неприкосновенности, сверх гарантий, обычно предоставляемых иностранным гражданам (уведомление представителя о задержании и аресте таких лиц, освобождение их от трудовых повинностей и т. п.). Что касается определения содержания иммунитета, то в соглашениях с Австрией, Германией и в договоре с Чехословакией делалась общая ссылка на права и преимущества глав и членов аккредитованных миссий или лиц дипломатического корпуса,[43] в соглашениях с Данией и Норвегией,

[43] Соглашение с Австрией (ст. 2): «Главы представительств пользуются преимуществами и льготами глав аккредитованных миссий. Преимуществами и льготами членов аккредитованных миссий пользуются пока, впредь до заключения особого соглашения, также семь членов каждого представительства, поскольку они не являются гражданами государства, где пребывает представительство» (см. Сборник действующих договоров, вып. I, 1924, стр. 36). Почти тождествен текст ст. 2 соглашения с Германией (там же, стр. 54). Договор с Чехословакией (ст. 2): «Главы и два члена представительств обоих государств будут пользоваться всеми правами и преимуществами лиц дипломатического корпуса» (там же, стр. 189).

помимо такой ссылки, перечислялись важнейшие виды иммунитета,[44] а в соглашениях с Великобританией и Италией никакой общей ссылки не делалось, а указывалась, кроме освобождения от налогов и повинностей, защита от арестов и обысков, в соглашении с Италией — также неприкосновенность служебных помещений и жилища; иммунитета же от юрисдикции последние два соглашения не предусматривали. Почти во всех соглашениях гарантировалось право сношений со своим правительством и оговаривалась помощь в получении помещений и квартир, а соглашения с Данией (ст. I, п. 6) и Норвегией (ст. 2, п. 3) предусматривали также право пользоваться флагом и другими официальными эмблемами своего государства.

С установлением после признания советского правительства de jure нормальных дипломатических отношений между СССР и вышеуказанными капиталистическими государствами, эти особые постановления о международно-правовом статусе представителей, естественно, должны были терять применение. В одних случаях утрачивали силу самые соглашения (с Германией, Италией, Норвегией, несколько позднее — с Великобританией), будучи заменены новыми. Но даже тогда, когда соглашения оставались в силе и не заменялись новыми (например, с Австрией и с Данией), стороны специально обусловливали необходимость внесения изменений в статус их дипломатических представителей, в соответствии с общим международным правом. Так, при установлении дипломатических отношений между СССР и Данией, в датской

---

[44] Соглашение с Данией (ст. 1, п. 4): «Официальные представители, а равным образом их личный состав из граждан их национальности, допущенные на соответствующую территорию в соответствии с настоящим соглашением, будут пользоваться на территории другой стороны тем же личным иммунитетом и неприкосновенностью частной собственности, жилища и канцелярии и изъятием от налогов, каковые обычно предоставляются дипломатическим представителям других стран или личному составу, согласно международному праву» (там же, стр. 64). Соглашение с Норвегией (ст. 2): «1) Официальные представители и торговые агенты пользуются личным иммунитетом, неприкосновенностью жилища и частной собственности и должны быть освобождены от каких бы то ни было принудительных обязательств и повинностей, будь то гражданские, военные, морские или какие-нибудь другие, а также от каких-либо пошлин, налагаемых взамен личных повинностей; они должны быть освобождены от государственного и местного обложения и пользоваться всеми другими привилегиями подобного рода, которые предоставлены официальным представителям других иностранных государств, а также иметь право свободного выезда из страны. 2) Правительства обоих государств предоставляют персоналу делегаций, включая лиц, уже находившихся в данной стране, те же самые привилегии, которые согласно международному праву, в подобных обстоятельствах обычно предоставляются персоналу дипломатических миссий» (там же, стр. 117).

ноте от 18 июля 1924 г. относительно сохранения в силе предварительного соглашения 1923 г. было указано, что «условия Соглашения, касающиеся, например, положения официальных представителей, должны быть изменены согласно общим началам международного права, исходя из факта установления нормальных дипломатических отношений между обеими Странами»; это было подтверждено в ответной советской ноте (от того же числа).[45] В более общей форме указание на необходимость подобных изменений было сделано и в австрийской ноте (от 26 февраля 1924 г.), при установлении дипломатических отношений между СССР и Австрией.[46] Во всех случаях особая договорная регламентация статуса дипломатических представителей уступила место нормальному порядку, соблюдаемому в соответствии с международными обычаями и не требующему фиксации в международных договорах.

Наконец, четвертую группу двусторонних договоров, в которых отведено место вопросам дипломатического иммунитета, составляют политические и торговые договоры или специальные соглашения, определяющие международно-правовой статус советских торговых представительств.[47] Торговые представительства СССР являются совершенно новым институтом в международных отношениях, который не может быть сравниваем ни с одним из ранее существовавших органов представительства государства за границей. Особенность этого института, с точки зрения его международно-правового статуса, состоит между прочим и в том, что, принимая во внимание характер функций и деятельности торговых представительств, Советское государство соглашается в некото-

---

[45] См. Сборник действующих договоров, вып. I—II, изд. 1935 г., стр. 32—33.

[46] В ноте говорилось относительно предстоящего в ближайшее время предложения «о соответствующем изменении отдельных постановлений Договора от 7 декабря 1921 года, каковые изменения должны учесть изменившиеся вследствие приведенного выше заявления правовые отношения между обоими правительствами» (там же, стр. 12).

[47] К числу специальных соглашений о международно-правовом статусе торгпредств следует отнести, наряду с конвенцией между СССР и Швецией от 8 октября 1927 г. (С. З. 1928 г., Отд. II, № 30, ст. 31) и протоколом между СССР и Литвой от 29 августа 1931 г. (С. З. 1931, Отд. II, № 10, ст. 105), утратившим силу после вхождения Литвы в состав СССР, также приложения к договору о торговле и мореплавании между СССР и Болгарией от 5 января 1940 г. (Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1940, № 10 (73), дополнительный протокол к договору о торговле и мореплавании между СССР и Югославией от 11 мая 1940 г. (Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1940, № 20 (86)) и приложение к торговому договору между СССР и Финляндией от 28 июня 1940 г. (Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1940, № 30 (93)).

рых, строго определенных случаях, на подчинение их местной юрисдикции по гражданским делам. Признание дипломатического иммунитета за торговыми представительствами СССР логически вытекает из применения к этому новому институту общих начал международного права и международных обычаев. Однако многие буржуазные государства, их правительства и судебные органы, преследуя цели политической и экономической борьбы против СССР, вначале старались отказывать в таком признании. Регламентация международно-правового статуса торговых представительств в договорах вызывалась, прежде всего, необходимостью закрепить это признание; кроме того, она вызывалась необходимостью уточнить содержание и объем иммунитета торговых представительств, не совпадавшие с содержанием и объемом иммунитета дипломатических представительств в собственном смысле слова, ввиду согласия советского правительства на некоторое ограничение судебного иммунитета торговых представительств; поэтому иммунитет последних не мог быть точно установлен на основании одних лишь общих начал международного права и международных обычаев, т. е. без дополняющего эти начала и обычаи специального соглашения сторон.

В буржуазной юридической литературе, в особенности в немецкой, различными авторами упорно проводилась попытка доказать, что международные договоры являются единственным юридическим источником иммунитета советских торговых представительств и что общие начала международного права и международные обычаи здесь неприменимы.[48] Из этого делались выводы, что при отсутствии договорных постановлений об иммунитете торговых представительств этот иммунитет ни в какой мере не должен признаваться и что самые постановления должны толковаться строго ограничительно.[49] Такого рода рассуждения составляли часть

[48] Например, немецкий юрист Шенк писал, что «обычно-правовая норма, предоставляющая экстерриториальность дипломатической миссии, не может быть без обиняков распространена на торговые представительства» и что «если в значительном количестве договоров за торговым представительством признается в известном объеме экстерриториальность, то из этого еще не возникает никакого обычного права» (Schenk. Die Rechtsstellung der russischen Handelsvertretung, Berlin — Leipzig, 1930, S. 56).

[49] Так, например, другой немецкий юрист Метцлер, заявляя, что «единственным источником права для положения торгового представительства за границей является договор», далее говорил: «Потому, если экстерриториальность торгового представительства не установлена посредством договора между Советским Союзом и соответствующим иностранным государством, то торговое представительство, ввиду отсутствия обычного права, не может претендовать ни на какую экстерриториаль-

аргументации, направленной к максимальному сужению прав советских торговых представительств.[50] Ими пользовались и буржуазные суды, занимавшие явно антисоветскую позицию.[51] Однако эти аргументы, продиктованные враждебным отношением к СССР, не выдерживают научной критики. Хотя постановления различных договоров, касающиеся международно-правового положения советских торговых представительств, могут и не совпадать в некоторых частных вопросах (например, в определении круга лиц, пользующихся иммунитетом, в способе фиксации неприкосновенности помещений и пр.), основные положения по данному предмету во всех договорах одинаковы. А это свидетельствует о наличии определенных общих норм международного права. Кроме того, во многих государствах в течение уже довольно значительного времени административная и судебная практика считается с иммунитетом советских торговых представительств и вне рамок заключенных договоров.

Анализ как самих договоров, так и международной практики приводит к совершенно обратному выводу, а именно — что договоры только закрепляют применение к советским торговым представительствам общих начал международного права и международных обычаев, определяющих дипломатический иммунитет,[52] и уточняют содержание и объем имму-

---

ность» (W. von Metzler. Die auswärtige Gewalt der Sowjetunion, 1930, S. 69). А на страницах американского курса по международному праву Редлиха мы читаем, что «официальные торговые представительства, назначенные и действующие по условиям торгового соглашения или договора, наделены только теми иммунитетами, прерогативами и привилегиями, которые явно предусмотрены в таком соглашении или договоре». И в виде примера Редлих ссылается на торговое соглашение между СССР и Великобританией 1930 г. (Redlich, op. cit., p. 344).

[50] См. по поводу этой аргументации: Д. Левин. Проблема экстерриториальности торгпредств в немецкой литературе, журн. «Советское государство», 1931, № 9.

[51] Например, Парижский апелляционный суд в решении по делу Тефимо от 17 мая 1934 г., между прочим, признал, что торговое соглашение между СССР и Францией от 11 января 1934 г. (имелись в виду постановления о статуте торгпредства СССР во Франции) неприменимо к спорам, вытекающим из сделок, заключенных ранее вступления торгового соглашения в силу (см. Journ. du droit intern., 1934, t. 61, 3 livraison, p. 634. При дальнейших ссылках на этот журнал будут указываться только год и страница).

[52] В отдельных вопросах договоры прямо ссылаются на международное право, не давая дальнейших определений. Так, например, по вопросу о принудительном исполнении вынесенных против торговых представительств судебных решений в отношении имуществ, принадлежащих СССР, наиболее частой является формула, что такое исполнение не может иметь места, если имущества «согласно положениям международного права, подчиняются действию права суверенитета или служат для официальной деятельности дипломатического и консульского представительства Союза» (ст. 6 конвенции между СССР и Швецией 1927 г.) или «не может

нитета в связи с новизной и специфическими особенностями соответствующих правоотношений,— но что дипломатический иммунитет должен быть признан за торговыми представительствами на основании этих начал и обычаев и при отсутствии специальных постановлений договора. Нисколько не исключено, что в будущем, когда на почве дальнейшего роста удельного веса СССР в международной жизни и расширения его международных экономических связей институт советских торговых представительств еще более широко и прочно внедрится в международную практику, детальная фиксация прав и преимуществ торгового представительства начнет уступать место формулам более общего характера, содержащим ссылки на международное право и сложившуюся практику.

Особое место занимает Латеранский договор между Италией и Ватиканом от 11 февраля 1929 г., гарантирующий, с ссылкой на общие нормы международного права, иммунитет на итальянской территории дипломатических представителей иностранных государств при Римской курии и дипломатических представителей папы при иностранных правительствах, а также свободу дипломатических сообщений и связи между Римской курией и иностранными государствами через итальянскую территорию.[53] Постановления этого до-

---

касаться предметов, являющихся согласно общих норм международного права экстерриториальными, а также предметов, необходимых для осуществления служебных функций торгового представительства Союза ССР» (ст. 2 приложения к договору между СССР и Болгарией 1940 г.) и т. п. Аналогичные формулы содержатся в большинстве договоров.

[53] По ст. 12 Латеранского договора, «Посланники иностранных правительств при св. престоле продолжают пользоваться в королевстве всеми прерогативами и преимуществами, которые присвоены дипломатическим агентам согласно международному праву, и их резиденции могут продолжать оставаться на итальянской территории, пользуясь следуемой им по нормам международного права неприкосновенностью, даже если их государства не имеют дипломатических отношений с Италией». И далее: «В силу признания суверенитета и не нанося ущерба тому, что постановлено ниже в ст. 19, дипломаты св. престола и курьеры, посылаемые от имени верховного первосвященника, пользуются на итальянской территории, также и во время войны, тем же режимом, что и дипломаты и кабинетные курьеры других иностранных правительств, согласно нормам международного права». Кроме того, в ст. 12 предусматривается, что «Италия обязуется всегда и во всех случаях дозволять пропуск корреспонденции от всех государств, включая и воюющих, на имя св. престола и обратно». По ст. 19, «дипломаты и посланники св. престола, дипломаты и посланники иностранных правительств при св. престоле и сановники церкви, которые прибывают из-за границы и направляются в город Ватикан, и которые снабжены паспортами государства, из которого они происходят, визированными папскими представителями за границей, могут без всяких формальностей следовать туда (в город Ватикан) через итальянскую территорию. То же относится к вышеупомянутым лицам, кото-

говора подтверждают, по сути дела, те права и преимущества иностранных дипломатических представителей при папе и дипломатических представителей папы, которыми эти представители пользовались на основании итальянского закона о гарантиях 1871 г. (см. главу VIII) и которые давно вошли в международную практику; они не прибавляют к их содержанию ничего существенно нового. Фиксация же этих прав и преимуществ в международном договоре объясняется желанием придать их гарантии международный характер и подчеркнуть «суверенитет» «государства — города (citta) Ватикан». После заключения Латеранского договора эти права и преимущества, составляющие одно из условий осуществления папой права внешнего представительства, формально основывались уже не на внутреннем законе Итальянского королевства, а на международном соглашении между этим королевством и «государством Ватикан», которое, как гласит преамбула договора, «было признано нужным создать, на основе особых норм», «ввиду необходимости обеспечить за св. престолом абсолютную и явную независимость, гарантировать ему бесспорный суверенитет также и в международном отношении».[54]

Из произведенного выше анализа международных договоров мы видим, что эти договоры, если оставить в стороне некоторые примеры из далекого прошлого, регламентировали вопросы дипломатического иммунитета, ссылаясь на общие начала международного права и международные обычаи. В подавляющем большинстве случаев они лишь обусловливали отдельные отступления от этих начал и обычаев, но сами по себе не вносили существенных изменений в содержание международных обычно-правовых норм дипломатического иммунитета. В развитии институтов международного права договоры, несомненно, играли бóльшую, чем обычаи, правотворческую роль. Бывало даже, что постановления международных договоров приобретали силу обычая для не участвовавших в этих договорах государств (например, правила международного речного судоходства, принятые на Венском конгрессе 1815 г., регламент о рангах дипломатических представителей, принятый на том же конгрессе и дополненный на Аахенском конгрессе 1818 г.) или постановления договоров, вовсе не вступивших в силу, признавались затем всеми или большинством государств (например, Лондонская

рые, будучи снабжены надлежащими паспортами, отправляются из города Ватикана за границу» (см. Международная политика в 1929 г. Договоры, декларации и дипломатическая переписка. Изд. НКИД, М., 1931, стр. 150, 151—152).

[54] Там же, стр. 147.

декларация о праве морской войны 1909 г.). В вопросах же дипломатического иммунитета, напротив, договоры исходили из содержания международных обычаев, подтверждая или несколько видоизменяя их, и, следовательно, в этой области они не являются ни первоначальным, ни основным источником международного права

В заключение этой главы следует отметить, что никакой роли в качестве юридических источников норм дипломатического иммунитета до сего времени не играли решения международных судов. Хотя в юридической литературе и выдвигалось предложение о том, что споры между государствами, связанные с нарушением дипломатического иммунитета, должны передаваться в Постоянную палату международного правосудия при Лиге наций, в Постоянную палату третейского суда или в специальные арбитражные суды,[55] однако, в действительности, международные суды, включая и Постоянную палату международного правосудия при Лиге наций, функционировавшую с 1920 г. до 1940 г., ни разу не разрешали дел о дипломатическом иммунитете.[56]

---

[55] См. Ch. Morton. Les privilèges et immunités diplomatiques. Lausanne, 1927, p. 144—145.

[56] В 1937 г. в Постоянную палату международного правосудия поступил спор по поводу нарушения дипломатического иммунитета, возникший между бельгийским и испанским правительствами. Этот спор был связан с убийством на испанской территории сотрудника бельгийского посольства в Мадриде барона Жака де Борхграве, который 20 декабря 1936 г. покинул посольство на автомобиле и больше не вернулся; тело его два дня спустя было найдено в 5 километрах от Мадрида. Между бельгийским и испанским правительствами 10 февраля 1937 г. было подписано специальное соглашение о передаче на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия вопроса об ответственности испанского правительства. В бельгийском меморандуме, переданном в Палату, утверждалось, что испанское правительство несет ответственность за совершившееся, вследствие того, что оно не проявило должного старания, чтобы найти и наказать виновных. Испанское правительство заявляло, что суждение относительно его старания лежит вне юрисдикции суда. Палата 6 ноября 1937 г. отклонила этот довод, сославшись на то, что специальное соглашение между двумя правительствами от 20 февраля 1937 г. дает суду юрисдикцию рассматривать такой вопрос. Но еще до разбора бельгийско-испанского спора в Палате оба правительства прекратили дело. (Более подробное изложение самого дела и предварительного рассмотрения его в Палате с ссылками на соответствующие официальные документы см. у M. Hudson. The Sixteenth Year of the Permanent Court of International Justice. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 32, 1938, p. 8—10).

ГЛАВА VIII

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА НОРМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА

Если общепризнанные нормы дипломатического иммунитета вытекают прежде всего из общих начал международного права и международных обычаев, то эти начала и обычаи, действующие преимущественно в пределах территории отдельного государства, практически применяются при посредстве его законов и распоряжений, т. е. облекаются в форму внутригосударственных нормативных актов. При отсутствии в государстве внутренних нормативных актов о дипломатическом иммунитете применение соответствующих общих начал международного права и международных обычаев выражается во множестве индивидуальных актов государственной власти: в мероприятиях административных, в особенности дипломатических органов по данному конкретному случаю, в судебных решениях и т. д.,— которые в своей совокупности составляют административную и судебную практику данного государства. Последняя же в целом основывается на принципах его внутригосударственного права. Следовательно, конкретное содержание и точный объем применения международных норм дипломатического иммунитета определяется внутренним правом каждого отдельного государства, и эти нормы должны находиться в соответствии со всей системой его внутреннего права.

Прежде чем проследить соотношение международных и национальных источников права, определяющих нормы дипломатического иммунитета, разберем в кратких чертах общий вопрос о соотношении международного и государственного права.

§ 1. Соотношение международного и государственного права

По этому вопросу в буржуазной науке международного права имеются три группы теорий, три направления, которые можно условно обозначить как дуалистическое, монистическое и нигилистическое. Дуалистическая доктрина исходит из того, что международное и внутригосударственное пра-

во — это два различных правопорядка, которые не перекрещиваются друг с другом, не могут быть поставлены один над другим, а действуют совершенно обособленно и самостоятельно. Сторонники этой доктрины считают, что нормы международного права не имеют никакой силы внутри государства, а нормы внутригосударственного права — в международных отношениях.[1] Монистическая доктрина исходит из того, что международное и внутригосударственное право — это части единого правопорядка, но что международное право обладает более широкой сферой действия, занимает более высокое место в общей системе права, чем внутригосударственное, и поэтому имеет приоритет над последним. Согласно мнению сторонников этой доктрины, нормы международного права ipso jure являются частью национального права всех государств. Смысл данной доктрины состоит в отказе от принципа суверенитета — этого фундамента международного права.[2] Наконец, нигилистическая доктрина

[1] Эта точка зрения со времени появления работы Трипеля «Международное право и государственное право», изданной в 1899 г., и вплоть до первой мировой войны была наиболее распространенной в литературе. По словам Трипеля, международное и внутригосударственное право резко отличаются друг от друга и по сферам действия, и по источникам права: первое регулирует отношения между государствами как равноправными субъектами права, второе — между самими индивидами и между индивидами и государством, т. е. между субъектами, подчиненными законодателю; первое имеет своим источником объединение воль нескольких государств, второе — единую волю государства. Поэтому международное и внутригосударственное право — это не только различные юридические отрасли, но различные юридические системы, которые развиваются в связи друг с другом, но никогда не могут быть поставлены одна над другой (H. Triepel. Völkerrecht und Landesrecht. Leipzig, 1899). После Трипеля эту теорию подробно развивал Анцилотти. Он также считает, что международная норма действует только в пределах международных отношений, а внутригосударственная норма — только в пределах внутренних отношений, и что международные нормы не могут влиять на обязательную силу внутренних норм, и наоборот; вследствие этого по мнению Анцилотти, не может быть конфликта между международным и внутренним правом, хотя одно из них может отсылать к другому (D. Anziolotti. Il diritto internazionale nei giudizi interne. Bologna, 1905).

[2] Эта точка зрения приобрела особенно широкое распространение после первой мировой войны. Она отражала тенденции крупных империалистических держав из лагеря Антанты установить свое господство и выгодный им политический порядок. На ней стояли очень многие послевоенные авторы общих курсов и отдельных монографий, в частности Политис, Дево, Селль, Краббе, Фердросс (последний — до перехода к нацистам) — независимо от различия взглядов на природу международного права. Политис выводил эту точку зрения из идеи «высшего общего права», стоящего над отдельным государством (см. N. Politis. Les nouvelles tendances du droit international. Paris, 1927), Дево и Селль — из идеи международных прав индивида (см. J. Devaux. Traite élémentaire de droit international public. Paris, 1935), Краббе — из идеи «правового сознания» и представления о «высшей ценности», которой международное право обла-

исходит из того, что международное право есть не что иное, как «внешнее государственное право» отдельных государств, т. е. по сути дела, исходит из отрицания обязательной силы международного права. По мнению сторонников этой доктрины, для каждого государства, как внутри страны, так и в международных отношениях, могут иметь силу только те юридические нормы, которые основываются на государственных актах данного государства, а вне этого международные нормы суть только политические или этические пожелания.[3]

Эти три концепции по вопросу о соотношении международного и внутригосударственного права нашли выражение и в литературе по посольскому праву. Так, например, по мнению Хотхорна, который придерживается дуалистической концепции, если государство обязано обеспечить на своей территории защиту иностранных посланников, «то эта между-

---

дает как «более широкая» и «более высокая культура», по сравнению с внутригосударственным правом (см. Krabbe. L'idée moderne de l'Etat. Recueil de cours de l'Academie du droit international, t. 13, 1926, v. III); Фердросс — из идеи иерархии норм, в которой международное право находится ближе к основной и первоначальной норме (pacta sunt servanda), чем право внутригосударственное (см. A. Verdross. Die Verfassung Völkerrechtsgemeinschaft, Wien — Berlin, 1926). Помимо отдельных авторов Американский институт Международного права в проекте основных принципов международного права, принятом на его Гаванской сессии 1917 г., заявил, что «международное право составляет часть национального законодательства каждого государства» (цитирую по Fauchille, op. cit., v. I, p. I, p. 53).

[3] Эта точка зрения ведет свое начало от Гегеля (см. Гегель. Философия права, М.— Л., 1934, §§ 330—340); она получала широкое распространение в немецкой международно-правовой литературе в первые десятилетия XX в., представляя собой попытку теоретического обоснования практики германского империализма, не желавшего связывать себе рук никакими международными нормами. В числе ее наиболее решительных защитников были Альберт Цорн, Филипп Цорн, Венцель, Кауфман и др.; в начале тридцатых годов она была подхвачена нацистскими авторами. Альберт Цорн писал, например, что «нормы международного права являются правовыми нормами лишь постольку, поскольку они выступают как составные части национального права» (см. A. Zorn. Völkerrecht. Leipzig, 1913, S. 8—9). Венцель писал, что сила норм международного права покоится на том основании, что и сила внутригосударственного закона, и что «поскольку закон определяется волей государства, можно сказать, что международное право также покоится на воле данного государства и обладает законной силой благодаря этой воле» (цит. по книге M. Mouskeli. La theorie juridique de l'état fédéral. Paris, 1931, p. 19—20). А один из нацистских авторов Шехер в книге, озаглавленной «Германское внешнее государственное право», заявлял, что нет никаких общеобязательных положений, которые могли бы юридически ограничивать деятельность государства, что в международных отношениях нет никакого другого порядка, кроме порядка, санкционированного отдельным государством, и что «правопорядок внешних отношений может быть, поэтому, систематически конструируем только как внешнее государственное право определенного государства» (см. L. Schecher. Deutsche Aussenstäatsrecht. Berlin, 1933, S. 13, u. f., 37).

народно-правовая обязанность, чтобы стать обязательной для органов государства, должна быть влита во внутригосударственное право». Законы, охраняющие неприкосновенность и другие дипломатические привилегии, Хотхорн определяет как «предписанное международным правом государственное право».[4] Женэ, хотя он не останавливается специально на вопросе об источниках посольского права, но по общему смыслу своих рассуждений, несомненно, исходит из монистической доктрины, поскольку он рассматривает неприкосновенность и экстерриториальность дипломатических представителей как абсолютные принципы, стоящие над государствами, обязательные внутри каждого из них и не подлежащие каким-либо внутригосударственным модификациям; в одном месте он, например, подчеркивает, что «экстерриториальность сама по себе является первопричиной».[5] Альберт Цорн, придерживаясь нигилистической концепции, утверждает, что «посольское право... есть часть государственного права, а именно — внешнего государственного права отдельных государств», и что в качестве «международного права», обязательного как таковое для отдельных государств, «его не существует».[6] Он все же допускает существование некоторых общих международных норм, которые устанавливаются посредством одинакового законодательства отдельных государств, дополняемого согласованно применяемыми ими обычными нормами. А Филипп Цорн в специальной работе «Немецкое посольское и консульское право» (1920) полностью отрицает международный характер посольского права и заявляет: «Посольское право по своему понятию, как и всякое право, связано с государством. Имеется немецкое, английское, французское и т. п. посольское право, однако нет никакого права вообще и, в особенности, никакого посольского права, которое могло бы быть отделено от понятия государства; нет никакого посольского права, которое, вытекая из стоящих над государствами источников, могло бы связывать последние в правовом смысле, как, скажем, уголовный или гражданский закон государства связы-

---

[4] Ch. Hothorn. Die völkerrechtliche Sonderstellung des Gesandten (Zeitschrift für völkerrecht. Ergänzungsheft 3 zu Bd. XIV, Breslau, 1928, S. 17, 21—22). То же говорит и Белинг: «...Если законы отдельных государств могут быть только источниками национального права, а не источниками международного права, то они все же, поскольку они распространяются и на отношения государства к иностранным державам, как правило суть национальное отображение международных обязательств» (E. Beling, Die strafrechtliche Bedeutung der Exterritorialität. Breslau, 1896, S. 108).

[5] Genet, op. cit., p. 421. См. также стр. 520 и сл.

[6] Zorn, op. cit., S. 91—92.

вает и принуждает подданных».[7] Несомненно, что столь категорическое отрицание всякой связанности государства международными нормами в области посольского права отражало общие тенденции германской практики, о которых упоминалось выше и которые достигли своего апогея в международном разбое нацистов.[8]

Надо, впрочем, отметить, что вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права сравнительно редко специально затрагивается в сочинениях по посольскому праву, хотя каждый автор при исследовании отдельных проблем посольского права, в особенности проблемы дипломатического иммунитета, неизбежно исходит из тех или иных теоретических предпосылок в этом вопросе.

Нет ясного ответа на данный вопрос и в конституционном праве. В США, согласно официальной конституционной доктрине, нормы международного права составляют часть внутреннего права страны.[9] Однако при столкновении нормы международного права с более поздним актом конгресса приоритет получает акт конгресса.[10] В Англии международное обычное право считается частью обычного права страны.[11] Но при столкновении его с любым статутарным правом последнее имеет приоритет.[12] Таким образом, и в США и в Англии признание международного права частью внутреннего права страны сводится лишь к общей декларации. После первой мировой войны в конституциях некоторых стран континентальной Европы: Германии, Испании, Австрии, общепризнанные нормы международного права были объявлены

---

[7] Ph. Zorn. Deutsches Gesandschafts- und Konsularrecht. «Handbuch des Völkerrechts» von Stier — Somlo, 1920, Bd. II, Abt. 3, S. 3.

[8] Соответствующие примеры этой практики см. в главах XIII, XIV и XV.

[9] В самом тексте американской конституции (ст. VII, разд. 2) говорится только о том, что «все договоры, которые заключены и будут заключены Соединенными Штатами, будут верховным правом страны» (см. Конституции буржуазных стран, т. I, М.—Л., 1935, стр. 35), но в целом ряде судебных решений речь идет о нормах международного права вообще. Перечень решений американских судов, в которых проводится этот взгляд, приведен у E. Dickinson, A. Selection of Cases and other Readings on the Law of Nations. New York, 1929, p. 57, note.

[10] См. Oppenheim, op. cit., v. 1, p. 39.

[11] Это положение было высказано еще Блекстоном (Blackstone, op. cit., p. 781) и нередко провозглашалось и в литературе, и в судебной практике. Ссылка на важнейшие решения английских судов и на высказывания английских юристов, выражающие этот взгляд, см. у Dickinson, op. cit., p. 56—57, note.

[12] См. Oppenheim, op. cit., v. I, p. 38. В случаях же сомнений и в США и в Англии предлагается исходить из презумпций, что статут не был издан с намерением отменить международное право (ibidem).

частью внутреннего права страны.[13] Но, по крайней мере в двух из приведенных трех случаев (Германия и Австрия), это было вызвано внешнеполитическими соображениями и отнюдь не соответствовало действительной позиции и практике соответствующей страны. К тому же в большинстве государств, независимо от общих конституционных положений, для приведения в действие нормы международного права внутри страны требуется издание внутригосударственного нормативного акта, с помощью которого государственная власть может вложить в эту норму свое особое содержание. *

Формально-юридическое соотношение международного и внутригосударственного права не отражает действительного соотношения между ними или отражает его весьма односторонне — так, что одна сторона заслоняет остальные. В действительности, международное и внутригосударственное право ни изолированы друг от друга, ни подчинены одно другому. Поскольку в международном праве нет единого законодателя, а его нормы и создаются и применяются субъектами этого права — суверенными государствами, применение международно-правовой нормы внутри государства оказывает большое влияние на содержание этой нормы как правила международных отношений. Здесь не может быть механического соподчинения двух отраслей права и двух категорий источников права, а между ними существует диалектическая связь, тесное взаимопроникновение, которое не укладывается

---

[13] В Веймарской конституции Германии 1919 г. (ст. 4) говорилось, что «общепризнанные положения международного права имеют значение обязательных составных частей имперского германского права» (см. Конституции буржуазных стран, т. I, стр. 83). В конституции Австрии 1934 г. (ст. 8) было сказано, что «общепризнанные нормы международного права рассматриваются как составная часть права союза» (см. Конституции буржуазных стран, т. II, М.—Л., 1936, стр. 221). Несколько иначе формулировалось в испанской конституции 1931 г. (ст. 7): «Испанское государство будет соблюдать универсальные нормы международного права, включая их в свое положительное право» (там же, стр. 349).

* В изданных после второй мировой войны конституциях Франции 1946 г. (преамбула) и Италии 1947 г. (ст. 10 и 11) рядом с формулой о подчинении международному праву провозглашается согласие на ограничение суверенитета «в интересах мира» (см. журн. «Советское государство и право», 1947, № 7, стр. 56, и 1948, № 4, стр. 60). Подобные заявления отражают модную в странах империалистического лагеря реакционную концепцию, используемую в интересах англо-американского империализма. Подлинные интересы мира требуют не ограничения суверенитета — напротив, они предполагают неуклонное уважение его,— а добросовестного соблюдения международных договоров и обязательств как во-вне, так и внутри страны. Этого-то как раз нельзя сказать ни о Франции, ни об Италии, грубо нарушающих важнейшие международные соглашения. Постановления новых буржуазных конституций о «примате» международного права, как и аналогичные постановления прежних, носят исключительно декларативный характер.

в какую бы то ни было формально-юридическую схему. С формально-юридической точки зрения соотношение международного и внутригосударственного права можно было бы изобразить в виде двух в известной части соприкасающихся кругов: в несоприкасающемся секторе одного круга находились бы те нормы международного права, которые хотя и обязательны для государства, но не имеют отражения в его внутреннем праве; в несоприкасающемся секторе другого круга — нормы внутригосударственного права, не имеющие отношения к вопросам международного права; а в соприкасающемся секторе обоих кругов находились бы нормы международного права, которые подтверждаются и закрепляются нормами внутригосударственного права и приводятся ими в соответствие со всей системой последнего в данной стране, и нормы внутригосударственного права, регламентирующие вопросы внешних сношений и получившие признание и применение за пределами признавшего их государства. К числу норм международного права, находящихся в этом секторе, разумеется, относятся и нормы дипломатического иммунитета.

В рамках этой схемы, т. е., формально, источниками общих норм дипломатического иммунитета, соблюдение которых обязательно для всех государств, являются международно-правовые начала и обычаи, а не внутренние законы какого-либо государства. Последние только закрепляют эти общеобязательные положения на территории данного государства. Однако во внутригосударственном праве происходит не стереотипное закрепление норм международного обычного права, а закрепление их применительно к национальным особенностям каждого государства, к особенностям его государственности и системы права. Имеется целый ряд норм дипломатического иммунитета, которые в различных государствах интерпретируются и применяются по-разному. Это обстоятельство получило очень широкое признание и в официальных актах и в доктрине.[14]

---

[14] В преамбуле Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках отмечается, что нормы, определяющие права и обязанности дипломатических чиновников, «хотя и образуют ясно выраженную тенденцию в международных отношениях, но иногда сталкиваются с различной практикой, установившейся в различных государствах» (см. The International Conferences of American States, 1889—1928. Edited with an Introduction by J. B. Scott. New York, 1931, p. 420). В меморандуме швейцарского Федерального совета о дипломатическом иммунитете подчеркивается, что «различные государства интерпретируют свои международные обязанности весьма различным образом» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26. No 2, p. 92). На Женевской сессии Института международного права в 1892 г. Лер, автор Кэмбридж-

Таким образом, общие нормы дипломатического иммунитета, действующие во всех государствах, на территории каждого отдельного государства представляют собой нечто отдельное, единичное, хотя и неразрывно связанное с общим, поскольку общее проявляется в этом единичном. Между тем и другим существует не только известное формально-юридическое соотношение, но, как отмечалось выше, живая диалектическая связь. В. И. Ленин в статье «К вопросу о диалектике» писал: «...отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.».[15] Это положение диалектики также приложимо и к соотношению между общими нормами, входящими в состав какого-либо института международного права, и практикой его применения внутри отдельного государства.

Но диалектическая связь международного и внутригосударственного права не исчерпывается тем, что внутригосударственное право придает те или иные особенности нормам международного права на территории данного государства. В ряде случаев эти национальные особенности могут приобрести международное распространение и положить начало новой международной практике, на почве которой видоизменяются старые обычаи или складываются новые. Следовательно, отдельное государство при посредстве своего внутреннего права может внести в международное право новые нормы, и тем самым внутригосударственное право может стать косвенным источником международного права.

В буржуазной литературе по международному праву на этот счет существуют самые различные мнения. Эйхельман считает, что всякий закон, содержание которого относится к международному праву, становится источником международного права, по крайней мере, для издавшего его госу-

---

ского регламента, в своем докладе о дипломатических привилегиях должен был констатировать, что «каждая страна понимает и применяет эти правила по своему усмотрению», и даже добавил, что «в таком случае нам кажется, что не может стоять вопроса о международных правилах, равно обязательных для всех цивилизованных народов» (см. Annuaire..., v. III, p. 194). Сатоу в своем «Руководстве по дипломатической практике» указывает, что «нельзя ожидать, что дипломатические привилегии могут быть определены международным правом или обычаем так же точно, как статутарным правом» (S a t o w, op. cit., 2 ed., v. I, p. 301).

[15] В. И. Ленин, т. XIII, стр. 302—303; см. также «Ленинский сборник», т. IX, М.—Л., 1929, стр. 147 (о законе и его осуществлении в явлении).

дарства.[16] По мнению Гольцендорфа, закон может служить источником международного права только в трех случаях: 1) когда государство регламентирует законом правоотношения между собственными гражданами и органами и гражданами иностранных государств, 2) когда оно закрепляет в законе международное правоотношение в соответствии с принятым на себя по договору, или иначе, обязательством, и 3) когда по соглашению между законодателями во многих государствах издаются одинаковые законы относительно одних и тех же вопросов международного права.[17] Блюнчли, Ривье, Паскуале Фиоре и Ф. Мартенс признают, что только тогда, когда многие государства, даже независимо от соглашения между собой, издают одинаковые законы, касающиеся международных отношений, закон может стать источником международного права.[18] Наконец, значительное число буржуазных юристов-международников, в частности Гарейс, Оппенгейм, Фошиль и др., вообще отрицает, что закон может быть источником международного права, и полагает, что законы являются не более как источниками познания международно-правовых норм.[19] Этот взгляд можно встретить и в литературе по посольскому праву: его, например, защищает Хотхорн.[20]

В советской литературе по международному праву, как уже указывалось выше, отчетливо отмечается значение внутригосударственных актов как источников международного права и, следовательно, влияние их на международное право,[21] хотя данный вопрос еще не получил в ней достаточно полной разработки.

Однако в реальном процессе развития международного

---

[16] По словам Эйхельмана, «для самого государства его собственный (суверенный) закон (или распоряжение) есть международно-правовая обязанность в отношении к другим государствам, т. е. источник международных прав для них, если содержание закона относится к международным сношениям...» (О. Эйхельман. Введение в систему международного права. Киев, 1899, вып. 1, стр. 6).

[17] Holzendorff, op. cit., S. 109—112.

[18] Блюнчли, цит. соч., стр. 71—72; Ривье. Учебник международного права, М., 1893, стр. 9; Pasquale Fiore, op. cit., p. 54—56; Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов, СПб., 1895, т. I, стр. 191.

[19] Например, Фошиль пишет: «Но эти законодательные предписания суть только документы, важные тем, что облегчают познание международных норм, ценные тем, что помогают установить перед государством существование принципа, который оно оспаривает» (Fauchille, op. cit., v. I, p. 49).

[20] См. Hothorn, op. cit., S. 11.

[21] См. Дурденевский и Крылов, цит. соч., вып. 1, стр. 22; Кожевников, цит. соч., вып. 1, стр. 32.

права внутригосударственное право может играть большую правотворческую роль. Государство, внося в международное право какие-либо новые положения, отражающие особенности его государственного и правового строя, большей частью облекает их в форму договора или внедряет в обычную практику. Но оно может облечь их и в форму закона, регламентирующего те или иные стороны его внешних отношений. Если положения закона воспринимаются практикой других государств, они становятся обычными нормами международного права. В одних случаях таким путем создаются только партикулярные нормы, действующие во взаимоотношениях государства, издавшего закон, с другими государствами.[22] В других случаях, если положения закона приобретают характер правил поведения для многих, даже для подавляющего большинства государств, таким путем создаются универсальные нормы международного права. Это явление может совершаться различным образом. Иногда закон служит образцом для издания аналогичных законов в других государствах — что Штерк назвал «параллельным законодательством».[23] Иногда положения закона, изданного в одном государстве, начинают применяться на практике многими государствами — они становятся международными нормами не вследствие «параллельного законодательства», а вследствие «параллельной практики».[24] Положения закона, ставшие нормами партикулярного или универсального обычая, могут также быть подтверждены в двусторонних или многосторонних международных договорах.[25] Наряду с законом правотворческую роль в развитии международного права, хотя и значительно меньшую, чем законы, играют решения

---

[22] Это, например, имеет место в вопросе о ширине территориальных вод.

[23] Так, например, английские правила морского судоходства 1863 г. послужили образцом для издания аналогичных правил в США в 1864 г., а затем и в других государствах, и стали международными.

[24] Так, например, морской ордонанс Людовика XIV 1681 г., декларация о вооруженном нейтралитете Екатерины II 1780 г., закон о нейтралитете конгресса США 1794 г.— все эти государственные акты в свое время легли в основу международных обычаев морской войны и нейтралитета. Еще более ярким примером являются правила ведения войны, выдвинутые в законодательстве французской буржуазной революции и сделавшиеся затем общепризнанными нормами международного права.

[25] Так, например, положения итальянского Гражданского кодекса 1865 г. о неприкосновенности частной собственности в морской войне были восприняты в итальяно-американском договоре 1876 г. Положения бельгийского закона о выдаче преступников 1833 г., исключавшего выдачу за политические преступления, были восприняты в ряде двусторонних экстрадиционных конвенций, заключенных между различными государствами. Правила, содержавшиеся в Полевой инструкции для войск Соединенных Штатов 1869 г., послужили образцом для военных уставов це-

национальных судов, создающие судебный прецедент;[26] такую роль могут играть и отдельные административные акты государственной власти.

Описанное нами тесное взаимодействие международного и внутригосударственного права приводит к тому, что очень часто международные и внутригосударственные акты, независимо от формального соотношения между ними, фактически настолько тесно переплетаются друг с другом как источники права, что только в результате их совместного действия окончательно складывается и осуществляется та или иная норма международного права.

Рассмотрим теперь влияние национальной государственности на международно-правовые нормы дипломатического иммунитета; при этом произведем такое рассмотрение по отдельным видам источников государственного права.

§ 2. Законы и нормативные акты исполнительной власти о дипломатическом иммунитете

а) Подтверждение норм международного права

Остановимся, прежде всего, на законодательных актах и нормативных актах исполнительной власти: указах, распоряжениях и пр. Основное значение всех этих актов в вопросах дипломатического иммунитета состоит, прежде всего, в том, что они подтверждают и приводят в действие внутри государства международно-правовые нормы, соблюдение которых на своей территории государство обязано обеспечить как субъект международного права.

В законодательство ряда государств намеренно не были включены нормы, касающиеся статуса иностранных дипломатических представителей, как не относящиеся к внутреннему праву, а составляющие предмет исключительно международного права. Начало такой системе было положено во Франции. При издании Гражданского кодекса 1804 г. из

лого ряда государств, последние же в известной части легли в основу Брюссельской декларации 1874 г., постановления которой затем были восприняты Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг. В области морской войны правила, изданные путем внутренних распоряжений Англией и Францией в начале Крымской войны, легли в основу Парижской декларации о морском праве 1856 г.

[26] Финч особо отмечает значение решений призовых судов крупных морских держав для международного морского права. В качестве примера он приводит мнение судей английского Высшего морского суда — Стоуэлла и Скотта, высказанное ими в 1799 г. по делу судна Флод Ойен: что призовой суд может выполнять свои функции только на территории воюющих, а не нейтральных государств — мнение, которое приобрело силу общепризнанного международного правила (см. Finch, op. cit., 581—582)

второго проекта Кодекса была исключена статья, предусматривавшая изъятие иностранных дипломатов из юрисдикции французских судов,[27] — что мотивировалось, тем, что данный вопрос относится к международному праву, а не к гражданскому, и, следовательно, не должен фигурировать в гражданском кодексе.[28] Примеру Франции последовали отдельные государства континентальной Европы, гражданское законодательство которых строилось по образцу Кодекса Наполеона. В последние десятилетия некоторые государства специально подтвердили, что основным источником права в вопросах дипломатического иммунитета для них являются общие начала международного права и международные обычаи. Официальные заявления об этом были сделаны Францией, Нидерландами, Швецией, Италией и др.— в ответ на запрос Государственного департамента США о правовом положении иностранных дипломатических представителей в этих государствах.[29]

---

[27] Статья гласила: «Иностранцы, облеченные вследствие представительного характера нации в звание послов, министров, посланников или под какими бы то ни было названиями, не должны быть приводимы в суды Франции ни по гражданским, ни по уголовным делам. То же самое будет относиться к иностранцам, которые составляют их семью или принадлежат к их свите» (см. Vercamer, op. cit., p. 91—92).

[28] Таково было официальное заявление составителей кодекса. В действительности эта статья была исключена по приказу Наполеона, который не хотел связывать себе рук в обращении с находившимися во Франции иностранными дипломатами (см. Vercamer, op. cit., p. 91—92).

[29] В письме французского посольства в Вашингтоне от 23 марта 1926 г. говорилось: «Во французском законодательстве нет постановлений относительно дипломатических иммунитетов иностранных агентов во Франции. Нормы, которые могут существовать в этой области, суть только применение международного права, которое решает этот вопрос во всех странах» (см. Fr. Deak. Classification, immunités et priviléges des agents diplomatiques. Revue de droit international et de législation comparée, t. IX, 1928, No 1—2, p. 198). В меморандуме нидерландского министерства иностранных дел от 24 марта 1926 г. говорилось: «В законах Нидерландов нет никаких постановлений, предоставляющих иммунитеты и изъятия дипломатическим агентам иностранных государств... Эти иммунитеты и изъятия предоставляются каждый раз королевским правительством в соответствии с нормами международного права и вежливости». А в письме нидерландской миссии в Вашингтоне было сказано в более общей форме, что «...вообще, привилегии и иммунитеты дипломатических представителей основываются на общих принципах международного права» (ibidem). В меморандуме шведского министерства иностранных дел, переданного американской миссии в Стокгольме и сообщенного в Государственный департамент 3 апреля 1930 г., говорилось: «Шведское законодательство не содержит установления объема, в котором главы миссий и персонал иностранных посольств и консульств пользуются иммунитетом от юрисдикции... Однако следует указать в общей форме, что при отсутствии специальных постановлений надлежит вообще следовать положениям и обычаям, принятым в международном праве. Эти международные положения и обычаи в принципе признаны и при-

В некоторых других государствах законы о дипломатическом иммунитете содержат исключительно бланкетные нормы, не заключающие в себе ничего, кроме общей ссылки на международное право. Так, например, австрийский закон от 3 апреля 1919 г., сокращавший круг лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, носил заглавие: «Об отмене экстерриториальности, не основанной на международном праве», а текст закона гласил: «Привилегии экстерриториальности должны быть предоставлены только тем лицам, которые могут требовать их в соответствии с принципами международного права. Предписания, в силу которых эти привилегии предоставлены другим лицам, настоящим отменяются».[30] Венгерский Уголовный кодекс 1878 г. в статье, определяющей подсудность (§ 5), содержал следующее постановление: «Положения международного права имеют решающую силу в отношении экстерриториальности».[31] Бланкетные нормы аналогичного характера содержатся и в кодексах ряда латино-американских стран[32] и в нормативных актах исполнительной власти некоторых других государств.[33]

меняются также и в Швеции» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1156). В меморандуме итальянского министерства иностранных дел, переданном американскому послу в Риме и сообщенном в Государственный департамент 16 октября 1930 г., говорилось: «Поскольку в Италии не существовало и не существует конвенций или внутренних распоряжений, санкционирующих иммунитет иностранных дипломатов в Италии от уголовной и гражданской юрисдикции, этот иммунитет уважается как обычная норма международного права» (ibidem, v. I, p. 709).

[30] См. Feller and Hudson, v. I, p. 54.

[31] См. Feller and Hudson, v. I, p. 670. В меморандуме венгерского правительства о привилегиях, предоставленных иностранным дипломатическим представителям, в связи с указанной статьей говорится: «Таким образом, в Венгрии позитивное право не полностью охватывает вопрос об иммунитете в уголовном праве, поскольку оно не определяет иммунитета и не обозначает, какие лица пользуются им, а просто делает общую ссылку на предписания международного права» (ibidem, p. 676).

[32] Например, в Уголовно-процессуальном кодексе Чили 1906 г., в ст. 1, говорится об юрисдикции чилийских судов над чилийцами и иностранцами, «кроме случаев, исключенных в силу общепризнанных положений международного права» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 273); в Уголовном кодексе Сальвадора 1904 г. говорится об уголовной юрисдикции над иностранцами, проживающими в Сальвадоре, «при условии исключений, установленных для дипломатических чиновников по договорам и международному праву» (ibidem, v. I, p. 1080). В Процессуальном кодексе Колумбии 1923 г. в разделе IV «Жалобщики и ответчики», в ст. 238, сказано: «В отношении дипломатических агентов иностранных государств, аккредитованных при правительстве Колумбии, будут приняты во внимание публичные договоры, а если таковых не имеется, то наиболее общепринятые правила международного права» (ibidem, p. 309).

[33] Так, например, в «Правилах об обязанностях судебной полиции», изданных японским министерством юстиции в 1923 г., в ст. 124, говорится:

Даже те законы о дипломатическом иммунитете, которые содержат конкретные нормы, большей частью содержат также указания на то, что эти нормы установлены в соответствии с принципами и нормами международного права. В советском законе 1927 г. предусмотренные законом привилегии дипломатических представителей определяются (в ст. 2) как «права и преимущества, присвоенные их положению согласно норм международного права».[34] В английском законе 1709 г. и в американском законе 1790 г. нарушители закона объявляются «нарушителями международного права».[35] Такого рода ссылки на международное право содержатся в целом ряде уголовных, гражданских и процессуальных кодексов, законов о налоговом обложении и пр.

Указания на то, что нормы закона, определяющего дипломатический иммунитет, непосредственно основываются на нормах международного права, встречаются и в судебных решениях, вынесенных в порядке применения такого закона. Так, например, в решении суда Королевской скамьи в Англии от 1859 г. по делу Магдаленской пароходной компании против Мартина было сказано, что постановления статей 1 и 3 английского закона 1709 г. «являются только декларирующими международное право», и в соответствии с этим суд и применил их в данном деле.[36] Еще более резко это было подчеркнуто в решении Высшего суда города Нью-Йорка от 1851 г. по делу Нельсона и К° против Гендерсона. Говоря об иммунитете дипломатических представителей от юрисдикции по гражданским делам, судья заявил: «Ясно, что эта привилегия основана не на внутреннем праве этой страны, а на международном праве. Акт конгресса от апреля 1790 г. (аналогичный по содержанию английскому акту) не может рассматриваться как изданный с целью даровать эту привилегию. Его цель — укрепить ее...»[37] В решении парижского Апелляционного суда от 1868 г. по делу Чичерина также подчеркивалось, что неподсудность дипломатических агентов судам

«При исполнении обязанностей судебной полиции по отношению к иностранцам должны быть соблюдены меры предосторожности, чтобы не нарушить международное право и международные обычаи», а в ст. 125 указывается, что «в обращении с теми, кто пользуется специальными привилегиями дипломатических чиновников, должны быть приняты меры предосторожности, чтобы воздержаться от таких действий, которые могли бы нарушить указанные привилегии» (ibidem, v. I, p. 729); самые же привилегии совершенно не определяются.

[34] См. Собрание законов за 1927 г., № 5, Отд. I, ст. 48.

[35] См. Feller and Hudson, v. I, p. 212; v. II, p. 1340.

[36] См. Ch. Fenwick. Cases on International Law. Chicago, 1935, p. 612—613.

[37] Ibidem, p. 614.

страны пребывания есть «установленный принцип международного права», а «во Франции этот принцип специально признан декретом 13 вентоза II года».[38] Такие заявления встречаются и в решениях судов других стран.

Обязано ли государство в силу международного права закреплять в законе или в каком-либо ином нормативном акте иммунитет иностранных дипломатических представителей? Вопреки мнению Оппенгейма, что государство для выполнения своих международных обязанностей должно создавать внутригосударственные нормы, в частности нормы, гарантирующие привилегии иностранных дипломатических представителей,[39] — на этот вопрос следует ответить отрицательно. Каждое государство безусловно обязано гарантировать соблюдение иммунитета иностранных дипломатических представителей на своей территории, но делает ли оно это путем издания нормативных актов, или путем непосредственного применения соответствующих международных обычаев в своей административной и судебной практике — это вопрос, относящийся к внутренней компетенции государства, входящий в сферу его суверенитета и зависящий от особенностей его законодательства. Имеется ряд государств, в которых совершенно отсутствуют какие бы то ни было внутренние нормативные акты о дипломатическом иммунитете (Китай, Югославия, Румыния, Болгария, Греция, Иран, Ирак, Исландия, Люксембург, Либерия, Эквадор, Доминиканская республика и др.), но которые выполняют свои международные обязанности по охране иммунитета иностранных посланников, как и другие государства.

Законы о дипломатическом иммунитете стали издаваться значительно позднее, чем более или менее окончательно сложились общепризнанные международные нормы дипломатического иммунитета. Как мы видели из III главы, издание первых таких законов большей частью вызывалось специальными обстоятельствами: политическими конфликтами, возникавшими на почве преследования дипломатических представителей, преимущественно за долги и отчасти за посягательства на государственную безопасность. Таково было происхождение голландского, английского, американского и французского законов, изданных в XVIII веке. Эти законы касались, главным образом, иммунитета дипломатических представителей от местной юрисдикции. Лишь в XIX веке, с ростом законодательной деятельности, с развитием кодификации, постановления, гарантирующие дипломатический имму-

[38] См. Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 273.
[39] См. Oppenheim, op. cit., v. I, p. 40.

нитет, как судебный, так и личный, стали включаться в общее законодательство: уголовное, гражданское и процессуальное, а также стали издаваться отдельные законы и административные распоряжения, регламентирующие различные стороны международно-правового положения иностранных дипломатических представителей.

В настоящее время специальные законы и распоряжения о дипломатическом иммунитете имеются: в СССР,[40] Великобритании,[41] США,[42] Франции,[43] Турции,[44] Австрии,[45] Южноафриканском союзе,[46] Венецуэле,[47] Колумбии[48] и Панаме.[49] В некоторых латино-американских республиках (в Мексике, Аргентине, Сальвадоре и др.) нормы, относящиеся к вопросам дипломатического иммунитета, включены в законы и правила

---

[40] «Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР» от 27 января 1927 г. До издания этого закона действовало «Положение о дипломатических представителях иностранных государств, аккредитованных при рабоче-крестьянском правительстве РСФСР» от 30 июня 1921 г. (С. У., № 52, ст. 303; текст этого положения имеется также в книге Е. Коровина. Международные договоры и акты нового времени. М.—Л., 1924, стр. 339—340).

[41] Акт о сохранении привилегий послов и публичных министров от иностранных государей и чинов от 21 апреля 1709 г. (так называемый «7 Anne, ch. 12»); «Акт о распространении дипломатических привилегий» от 6 марта 1941 г. (так называемый «4 Geo., ch. 7»); «Акт о распространении дипломатических привилегий» от 17 ноября 1944 г. (так называемый «7 Geo., ch. 44»).

[42] Акт Конгресса США от 30 апреля 1790 г., включенный в 1878 г. в «Пересмотренные статуты США» (§§ 4062—4065) и составляющий §§ 252—254 Кодекса США; «Инструкция о дипломатических чиновниках США» от 8 марта 1927 г., изданная президентом в порядке акта исполнительной власти; хотя эта инструкция формально относится к дипломатическому персоналу США, а не к иностранным дипломатическим представителям, но она содержит общие официальные взгляды правительства США на дипломатический иммунитет, и потому мы ее включаем в этот перечень; акт Конгресса США от 29 декабря 1945 г.

[43] Декрет от 13 вантоза II года (13 марта 1794 г.) о посланниках иностранных правительств.

[44] Правила о правах и привилегиях, предоставленных членам дипломатического корпуса в Турецкой республике, от 3 января 1928 г.

[45] Закон «Об отмене экстерриториальности, не основанной на международном праве», от 3 апреля 1919 г.

[46] Акт о дипломатических иммунитетах, от 15 апреля 1932 г.

[47] Закон об иммунитетах, коими пользуются публичные министры, от 19 мая 1841 г.

[48] Закон об иммунитетах дипломатических агентов иностранных государств, от 26 марта 1851 г., и декрет президента республики, от 6 апреля 1935 г.

[49] Закон относительно дипломатической и консульской службы, от 1925 г. Этот закон содержит как постановления об организации дипломатической и консульской службы Панамы, так и постановления об иммунитете иностранных дипломатических представителей.

дипломатического церемониала.[50] Наряду со специальными нормативными актами о дипломатическом иммунитете или церемониале, в ряде других законов и нормативных актов исполнительной власти, изданных в этих странах: в уголовных, гражданских и процессуальных кодексах, в законах и распоряжениях о режиме иностранцев, о налоговом обложении и т. д., и т. п. имеются постановления об изъятиях и льготах в отношении иностранных дипломатических представителей.[51] В подавляющем же большинстве остальных государств нормы о дипломатическом иммунитете содержатся только в общем уголовном, гражданском и процессуальном законодательстве, в законах и распоряжениях по различным административным, налоговым вопросам и т. д. Поскольку те или иные стороны международно-правового положения дипломатических представителей не охватываются вышеуказанными законами, нормативными актами исполнительной власти или международными договорами (а также в том случае, когда такие акты вообще отсутствуют), применяются общие нормы международного обычая.[52]

Все эти законы, указы, распоряжения и пр., рассматриваемые с формально-юридической точки зрения, суть не что иное, как подтверждение норм международного права, пред-

---

[50] Кроме того, имеется некоторое число специальных законов, указов и распоряжений, касающихся частных, второстепенных вопросов дипломатического иммунитета, например, почтовых, таможенных и других льгот.

[51] Например, в СССР постановления об иммунитете иностранных дипломатических представителей содержатся также в основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (ст. 1), в Уголовном кодексе РСФСР (ст. 5), в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (ст. 178) и в соответствующих кодексах других союзных республик. В Великобритании — также в Акте об ограничениях для иностранцев 1919 г. (ст. 14—1), в Акте о подоходном налоге 1918 г. (раздел А, ст. 10; раздел С, ст. 2) и пр.; в США — также в Процессуальном кодексе (ст. 233, 256), в Акте, ограничивающем право собственности на недвижимость на территориях для американских граждан (измененном в силу акта от 9 марта 1888 г.), в Правилах об иммиграции 1930 г. (правило I, § 1; правило II, § 1) и пр.; во Франции — также в Уголовно-процессуальном кодексе 1881 г. (ст. 60, исправленная в силу закона от 16 марта 1893 г.) косвенно — в Уголовном кодексе (ст. 84 и 85), в законе о свободе печати 1881 г. (ст. 37) и пр.

[52] Иногда на это прямо указывается в законах; так, например, согласно ст. 417 Уголовного кодекса Мексики, «...вопрос о том, пользуется ли оскорбленное лицо иммунитетами, упомянутыми в предшествующих статьях, должен быть решен в соответствии с договорами, при отсутствии договоров — в соответствии с законами, а при отсутствии таковых законов — в соответствии с принципами международного права» (см. F e l l e r and H u d s o n, v. II, p. 847). Ср. применение этого положения к конкретному случаю в приводившемся выше решении суда Королевской скамьи по делу Магдаленской пароходной компании против Мартина.

писание применять эти нормы внутри государства, и не более. Однако в соответствии с изложенным выше о взаимодействии международного и внутригосударственного права мы можем констатировать, что в той или иной стране внутригосударственные нормативные акты о дипломатическом иммунитете вносят известные новые особенности в содержание соответствующих международных обычно-правовых норм. Так, например, личная неприкосновенность дипломатических представителей по законам большинства государств выражается в установлении специальных наказаний за посягательства — насилия или оскорбления, совершенные непосредственно против их личности, а по законам некоторых других государств — также и в установлении специальных наказаний за нападки на них в печати.[53] Иммунитет дипломатических представителей от местной юрисдикции по законам большинства государств выражается в запрещении привлекать их к ответственности перед местным судом и администрацией, а по законам некоторых других государств — также и в наказании всех лиц как должностных, так и частных, возбуждающих и исполняющих требования в привлечении к такой ответственности.[54]

б) Внесение отдельных изменений в международное право

Иногда такие особенности выходят за пределы данного государства и настолько широко воспринимаются среди других государств, что приобретают силу международного обычая. Какие же изменения, какие новые положения внесло внутреннее законодательство в международное право по вопросам дипломатического иммунитета? Отвечая на этот вопрос, надо учесть, что посольское право вообще изменяется значительно реже, чем многие другие области международного права, вследствие его сравнительной консервативности. Но, несмотря на это, изменения и новеллы, возникающие под влиянием внутреннего законодательства и внутригосударственной практики, несомненно имеют место в посольском праве. Так, например, по вопросу о круге лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, нормы международного права испытали немалое влияние внутреннего законодательства. Старинные международные обычаи распространяли дипломатические

---

[53] О законах, карающих за нападки на дипломатических представителей в печати, подробно см. в главе XIII.

[54] О различных типах законов, касающихся иммунитета дипломатических представителей от местной юрисдикции, подробно см. в главе XIV.

привилегии на всех лиц, постоянно проживающих в посольстве или миссии, включая и домашних слуг посла и членов посольства; все такие лица обнимались общим понятием «свиты» дипломатического представителя. Внутреннее законодательство развивалось в направлении всего большего и большего сужения круга лиц, пользующихся иммунитетом. В настоящее время этот вопрос в различных странах разрешается не вполне одинаково, но всюду дипломатический иммунитет в полном объеме безусловно распространяется на дипломатических сотрудников посольства или миссии и их супругов и несовершеннолетних детей, проживающих вместе с ними. И каковы бы ни были оттенки мнений в доктрине, именно это повсеместно признанное положение в свете современной практики может считаться бесспорной нормой международного права, обязывающей каждое государство независимо от каких бы то ни было соображений «вежливости», «удобства» и т. п.

Внутреннее законодательство восполнило также пробел, обнаружившийся в международном праве, когда в связи с необычной политической ситуацией возник вопрос об иммунитете иностранных дипломатических представителей, постоянно находящихся и выполняющих свои официальные функции на территории того государства, при котором они не аккредитованы. Впервые такой вопрос возник еще в 1871 г., после занятия итальянскими войсками Рима и прекращения светской власти папы. Положение дипломатических представителей, аккредитованных при папе, нуждалось в новых юридических гарантиях, поскольку эти представители оказались теперь на итальянской территории. Итальянский закон «о прерогативах папы и святейшего престола» от 13 мая 1871 г., так называемый «закон о гарантиях», предоставлявший папе «суверенные почести в пределах королевства», подтверждал иммунитет дипломатических представителей, принимаемых и назначаемых папой, а также неприкосновенность отправляемых им курьеров.[55] Эти постановления касались не только папы и Италии, но всех государств, поддерживавших

[55] Ст. 11 этого закона гласила: «Представители иностранных правительств при его святейшестве пользуются в пределах королевства всеми прерогативами и привилегиями, которые, согласно международному праву, принадлежат дипломатическим агентам... Представителям его святейшества при иностранных правительствах обеспечиваются в пределах королевства привилегии и изъятия, согласно вышеупомянутому праву, обычно присвоенные на время следования к месту назначения и возвращения с оного». По ст. 12, «курьеры, отправляемые от имени папы, приравниваются в пределах королевства к таковым же курьерам иностранных кабинетов...» (см. Международная политика новейшего времени, ч. I, стр. 206, 207).

дипломатические отношения с папой, и вошли в международную практику как нормы, имеющие международно-правовой характер. Правда, весь международно-правовой статус папы можно считать пережитком феодализма. Тем не менее, ряд авторов приводит закон о гарантиях в качестве примера того, что закон может стать источником международного права.[56] Этот закон не вносил ничего нового в содержание обычных дипломатических привилегий. Его значение, поскольку речь идет о посольском праве, состояло в том, что он распространял дипломатический иммунитет на дипломатических представителей, не аккредитованных в Италии.

Вопрос об иммунитете дипломатических представителей, аккредитованных не в том государстве, на территории которого они выполняют свои функции, возник в связи с более серьезной ситуацией во время второй мировой войны, когда на территории Великобритании установили временную резиденцию правительства государств, оккупированных Германией. Особым парламентским актом, изданным 6 марта 1941 г., Великобритания предоставила представителям, назначаемым этими правительствами в другие государства, а также аккредитованных при них от других государств, дипломатические привилегии.[57] Английский закон — подобно закону о гарантиях — содержал постановления, которые касались не только Англии и эмигрантских правительств, но и всех государств, поддерживавших с этими правительствами дипломатические отношения и которые по своему предмету относились к международному праву.

Этот закон положил основание международной практике, из которой можно вывести новое положение международного права, а именно положение о том, что если государство предоставляет какому-либо иностранному правительству право осуществлять на его территории функции международного представительства, то оно тем самым обязано гарантировать дипломатическим представителям, аккредитованным при этом правительстве (равно как и назначаемым последним дипломатическим представителям) такой же иммунитет, как и аккредитованным в самом данном государстве дипломатическим представителям. Если это положение не подтверждено в какой-либо международной конвенции или ином писанном между-

---

[56] См. Holzendorff, op. cit., S. 116. Когда в 1929 г. правительство Муссолини признало папу «сувереном» «государства — города Ватикан», то вышеприведенные статьи закона о гарантиях были подтверждены в договоре между Италией и папой от 11 февраля 1929 г., в ст. 12 и 19 (текст этих статей приводился в предшествующей главе).

[57] Подробное изложение и анализ этого закона см. в главе XVI.

народном акте, то во всяком случае английский прецедент создал известный образ поведения, можно даже сказать, известную обычную норму, применяемую в определенной ситуации.

Разумеется, не всякое изменение, вносимое внутренним законодательством в нормы дипломатического иммунитета, может приобрести международный характер. Если постановление внутреннего законодательства вызывает возражения со стороны других государств, оно не оставляет никакого следа в международном праве и вообще остается мертвой буквой. Так, например, закон испанского короля Филиппа V от 15 июля 1737 г., подчинявший местной юрисдикции споры в связи с долгами дипломатических представителей, заключенными во время миссии, не получил никакого применения на практике, так же как и ордонансы португальских королей Иоанна IV и Иоанна V, подчинявшие местной юрисдикции споры в связи с долгами дипломатических представителей, заключенными до их прибытия на свой пост.[58] Лишь в том случае, если то или иное положение, предлагаемое внутренним законодательством, достаточно широко воспринимается практикой других государств, это положение может стать частью международного права.

Наиболее крупной новеллой в области дипломатического иммунитета, исходящей из внутреннего законодательства, является международно-правовое положение торговых представительств СССР за границей. Согласно Положению о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей, от 13 сентября 1933 г., советские торговые представительства функционируют за границей, «являясь составной частью соответствующих полномочных представительств Союза ССР за границей и пользуясь преимуществами последних...» (ст. 2).[59] Этот принцип был с самого начала установлен в советском законодательстве о внешней торговле.[60] Советское правительство, добиваясь полного и безоговорочного признания дипломатического статуса своих торговых

---

[58] См. Vercamer, op. cit., p. 61, 72—73.

[59] См. «Собрание законов» за 1933 г., № 59, ст. 354.

[60] Еще в Постановлении ВЦИК и СНК о внешней торговле от 16 октября 1922 г. говорилось, что торговые представительства образуют «непременную составную часть полномочного представительства РСФСР в каждой отдельной стране» (см. Собрание узаконений за 1922 г., № 65, ст. 846). Затем в Положении о Народном комиссариате внешней торговли СССР от 12 ноября 1923 г., в ст. 23, указывалось, что торговые представительства, являясь органами НКВТ, «составляют в то же время часть соответствующих полномочных представительств Союза ССР за границей и входят в состав последних» (см. Собрание законов за 1923 г., № 108, ст. 1035).

представительств со стороны иностранных государств, включило соответствующие условия в договоры с этими государствами. Хотя в отдельных деталях иммунитет торговых представительств в различных договорах определяется неодинаково, однако в основных вопросах все договоры воспроизводят постановления советского закона. Тем самым договоры закрепляют нормы, установленные в советском законе и ставшие частью международного права. Строго говоря, договоры фиксируют положение, существующее даже независимо от их заключения, поскольку каждое государство, вступая в регулярные торговые сношения с Советским Союзом, тем самым принимает принцип, который неразрывно связан с государственной монополией внешней торговли в СССР и который СССР считает conditio sine qua non своих внешнеторговых отношений.[61] Советский Союз, твердо защищая принципы своей государственности в своих внешних сношениях, успешно преодолел те проявлявшиеся в дипломатической и судебной практике различных буржуазных государств враждебные тенденции непризнания прав и привилегий советских торговых представительств, выразителями которых в литературе явились упоминающиеся выше буржуазные юристы.

В настоящее время иммунитет советских торговых представительств прочно вошел в международную практику и стал общепризнанной нормой международного права.

в) Пример английского парламентского акта 1709 г.

Для того чтобы лучше проиллюстрировать значение внутреннего законодательства для международного права в вопросах дипломатического иммунитета, остановимся подробнее на истории старейшего из действующих ныне законов о дипломатическом иммунитете — на истории английского парламентского акта 1709 г.

---

[61] В Постановлении СНК СССР о мерах к обеспечению нормального хода операций по внешней торговле от 17 мая 1927 г., изданному в связи с нарушением дипломатического иммунитета торгпредства СССР в Англии, Народному комиссару внешней и внутренней торговли предлагалось «иметь наблюдение за тем, чтобы заграничные операции по внешней торговле производились Торговыми Представительствами и хозяйственными организациями Союза ССР, имеющими право выхода на внешний рынок, по общему правилу, лишь в тех странах, с которыми Союз ССР имеет нормальные дипломатические отношения и в которых заграничному торговому аппарату Союза ССР обеспечены условия, гарантирующие возможность беспрепятственного и нормального хода коммерческих операций» (см. Международная политика новейшего времени... ч. III, вып. 1, стр. 382).

До издания этого акта привилегии дипломатических представителей соблюдались в Англии как нормы международного обычного права. Однако они признавались там далеко не в полной мере, и в практике их применения было много спорного. Внутреннее английское право не ограждало иностранных послов от судебного преследования. Случаи привлечения их к суду и даже ареста за долги, вступления в занимаемые ими помещения и т. п., время от времени имели место. В защиту их дипломатического иммунитета выступала королевская власть,[62] которая действовала под влиянием своих внешнеполитических интересов и нередко вступала в столкновение с местной властью и судами. Дело Матвеева, уже упоминавшееся в главах III и IV, послужило толчком к тому, чтобы нормы международного обычного права получили закрепление в английском статутарном праве. То, что парламентский акт 1709 г. только закреплял международное право, с самого начала считалось совершенно ясным и несомненным. В вступительной части билля оскорбление, нанесенное Матвееву, объявлялось преступлением как «перед английскими законами, так и перед международным правом, на коем основываются привилегии посланников», а самый билль был сообщен в копии членам дипломатического корпуса — с предложением представить свои замечания. Члены дипломатического корпуса потребовали уточнения вступительной части билля, указав, что привилегии послов «основаны не на данном билле или ином акте парламента, а на принципах международного права», а также представили другие замечания, некоторые из коих были приняты парламентом.[63] В су-

---

[62] Дела об оскорблении послов, равно как и жалобы на них, обыкновенно рассматривались в Тайном совете. Во время революции эти функции перешли сначала к парламенту, а затем к лорду-протектору и Государственному совету. После реставрации они вернулись к королю (см. A d a i r, op. cit., p. 233—237).

[63] Они требовали, чтобы их имущество было свободно от ареста за долги, чтобы право неприкосновенности было признано и за их слугами, чтобы они пользовались привилегиями с момента въезда в Англию до момента выезда и пр. Меморандум дипломатического корпуса был передан парламентом на рассмотрение комитета, который признал уважительным требование об уточнении вступительной части билля, но считал возможным внести и другие изменения. Парламент согласился с мнением комитета (прибавив пункт об обязательной регистрации персонала), и билль в новой редакции был снова сообщен членам дипломатического корпуса. С новыми же замечаниями (возражение против регистрации и требование, чтобы нарушения дипломатических привилегий ведались также лордом-чемберленом) парламент не согласился и билль был принят в той редакции, в какой он был представлен дипломатическому корпусу во второй раз (см. А л е к с а н д р е н к о, цит. соч., стр. 218—220. Текст мемориала дипломатического корпуса см. у M a r t e n s. Causes c é l e b r e s..., v. I, p. 79—82).

дебных решениях, которые в последующее время были вынесены в порядке применения этого закона, неоднократно подчеркивалось, что закон только декларирует международное право. Так, например, в решении по делу Барбуи от 1737 г. судья лорд-канцлер Тальбот заявил, что «статут Анны» «только декларирует старинное всеобщее jus jentium». [64] В решении по делу Трике против Баса от 1764 г. судья лорд Мансфильд заявил: «Привилегии публичных министров и их слуг определяются международным правом. Акт парламента является только декларативным. В акте нет ничего нового, кроме статьи, которая устанавливает суммарное судопроизводство для наказания нарушителей этого закона». [65] Такое же заявление содержалось в решении судьи лорда Эббота по делу Новелло против Тугуда от 1823 г., в цитированном выше решении по делу Магдаленской пароходной компании против Мартина от 1859 г., и др. Оно повторяется английскими судами до самого последнего времени. Так, например, в 1939 г., при рассмотрении дела по иску миссис Хемелирс-Ченли к своему мужу — помощнику военного атташе бельгийского посольства в Лондоне, [66] судья Слессер заявил: «Я не высказываю мнения, находится ли ответчик или нет под защитой статута Анны; для моей цели достаточно сказать, что он получает защиту по общему праву». А судья Мак-Кеннон, присоединяясь к этому заявлению, добавил: «По мнению авторитетов ясно, что этот акт не считается окончательно исчерпывающим природу дипломатических привилегий, но что он только подтверждает обычное право». [67]

В некоторых из этих решений высказывался взгляд, что международное обычное право еще до издания закона 1709 г. являлось частью права Англии и что этот закон только подтверждал внутреннее обычное право. По словам лорда Мансфильда, «нет никаких сомнений, что акт не был вызван тем, что международное право, особенно в части, касающейся публичных министров, не было частью внутреннего права Англии и что нарушение его норм не было преступным». [68] А лорд Эббот заявил: «...акт сам по себе является только декларативным и подтверждающим обычное право. Поэтому он дол-

---

[64] См. Hudzon. Casas and other Materials on International Law, p. 811.

[65] Цитирую по Hurst, op. cit., p. 140.

[66] Спор шел относительно права собственности на яхту «Амазонку»; суд признал себя не имеющим юрисдикции по данному делу (решение от 14 декабря 1939 г.), на основании как статута Анны, так равно и международного обычного права.

[67] См. Lauterpacht. Annual Digest and Reports of Public International Law Cases. Years 1938—1940, London, 1942, No 162, p. 421.

[68] Hurst, op. cit., p. 140.

жен толковаться на основании обычного права, а международное право и должно рассматриваться как часть обычного права». [69] Эдейр решительно опровергает этот взгляд [70] и приходит к выводу, что до издания закона 1709 г. привилегии послов в Англии не основывались на внутреннем праве, а охранялись исключительно королевской прерогативой. [71] Эдейр значительно ближе к истине, чем сторонники того взгляда, который он оспаривает, хотя его мнение слишком категорично. Нельзя сказать, чтобы международное обычное право не оказывало никакого влияния на английскую практику и на применяемое в этой практике обычное право. Однако при отсутствии какого бы то ни было писанного акта о дипломатических привилегиях, конкретное содержание соответствующих международно-правовых норм не было достаточно определенным и их соблюдение не обеспечивалось достаточно твердо. В частности, во внутреннем праве Англии не было предусмотрено никаких карательных санкций за нарушение дипломатического иммунитета, вследствие чего оскорбители Матвеева не могли быть судимы и наказаны (закон 1709 г. не имел обратной силы). [72]

Закрепление в статутарном праве Англии международно-правовых норм о дипломатическом иммунитете значительно содействовало более строгому соблюдению этих норм и уточнению их содержания. Теперь всякого рода претензии к дипломатическим лицам, задевающие их иммунитет, решительно отклонялись судами, а нарушения иммунитета преследовались по суду, в порядке применения закона 1709 г.

---

[69] См. Dickinson, op. cit., p. 563.

[70] Эдейр считает, что лорд Мансфильд неправильно ссылается на якобы аналогичное мнение Тальбота и что издатели судебных решений Тальбота ошибочно приписывают ему высказывание, которое в действительности исходило от Мансфильда. В этом Эдейр, очевидно, прав. В особой записке, хранящейся в Лондонском государственном архиве и приводимой в работе Александренко, заявление Тальбота изложено следующим образом: «Акт не создает никакого нового права, но только декларирует то, что было до сего времени международным правом, ибо хотя это jus gentium не является частью обычного права королевства, однако оно составляет часть свода правил, которые имеют обязательную силу и считаются действующими в пределах страны так же, как и ее собственное право» (см. Александренко, цит. соч., стр. 223—224, прим.)

[71] См. Adair, op. cit., p. 238—243.

[72] См. главу III. Английский посланник в России Уитворт, возведенный в звание посла и в особой торжественной аудиенции передавший царю Петру соболезнование королевы по поводу случившегося, передал также ее извинение в том, что «вследствие неполноты законов ее королевства (случай столь экстраординарного нарушения международного права не был предусмотрен законом) не было возможным наказать виновных со всей строгостью, какой они заслуживают» (см. Martens. Causes célebres..., v. I, p. 93).

Было положено начало систематической судебной практике по вопросам, связанным с дипломатическими привилегиями. Хотя закон касался только иммунитета от юрисдикции, он укрепил международно-правовое положение иностранных дипломатических представителей в Англии вообще. Хорошо знакомый с английской судебной практикой, Херст высказывается по поводу акта 1709 г. следующим образом. Приводя заявление судьи Эббота по делу Новелло против Тугуда о том, что акт подтверждает международное право как часть обычного права Англии и должен толковаться на основании этого права (см. выше), Херст говорит: «Принцип, установленный в последнем заявлении, довольно достопримечателен. Из него следует, что как только положения акта перестают соответствовать признанным принципам международного права, суды перестают их применять. Это положение вещей, вероятно, единственное в своем роде в английской юриспруденции, ибо, по общему правилу, предписания акта парламента обязательны для английских судов». [73] Иными словами, Херст считает, что изменение содержания международно-правовых норм должно изменять практику применения закона 1709 г. английскими судами.

Но закон 1709 г. не только закреплял на территории Англии соответствующие нормы международного права, а вносил в них и некоторые особенности, характеризующие применение этих норм в данной стране: например, устанавливал наказание должностных, а равно и частных лиц за возбуждение и ведение судебного процесса против иностранного посла.

Наряду с этим, закон вносил и такие особенности, которые, будучи генетически связаны с некоторыми историческими традициями страны, получили в дальнейшем широкое применение и в практике других государств, т. е. закон внес некоторое, хотя сравнительно небольшое, новшество в общее международное право. Таким новым моментом, несомненно, было положение о регистрации членов персонала посольства, внесенное самим парламентом во вторую редакцию билля, сообщенную дипломатическому корпусу. До издания закона требование о регистрации дипломатического персонала предъявлялось в Англии в конце XVII в. к представителям некоторых католических держав в целях надзора за их слугами и лицами из их свиты, которые могли заниматься пропагандой своих религиозных учений. [74] По закону 1709 г.

[73] Hurst, op. cit., p. 140.

[74] По указу в Тайном совете от 28 февраля 1695 г. посланникам католических держав предлагалось «прислать список имен их слуг и свиты, указав, в каком качестве соответственное лицо связано с ними» (приведено у Александренко, цит. соч., стр. 225, прим.).

(ст. 6), регистрация слуг и членов свиты в канцелярии одного из первых статс-секретарей устанавливалась для всех посольств в качестве условия распространения на этих лиц дипломатических привилегий. Хотя члены дипломатического корпуса в замечаниях на вторую редакцию билля возражали против регистрации, указывая, что она не практикуется в других государствах и может вызвать различные неудобства, тем не менее этот пункт был утвержден парламентом. Впоследствии порядок регистрации пользующихся иммунитетом членов персонала посольств и миссий в ведомстве иностранных дел страны пребывания был воспринят многими другими государствами и стал обычным в международной дипломатической практике.

Итак, на примере истории английского парламентского акта 1709 г. мы видим, что закон упрочил и точнее определил обычные нормы международного права, придал им некоторые особенности, проявляющиеся в применении этих норм на территории страны и, кроме того, внес в международное право некий новый обычай.

г) Установление привилегий, не обязательных по международному праву

В заключение следует указать еще на одно значение закона в области дипломатического иммунитета. Закон может предоставить иностранным дипломатическим представителям новые права, которые не вытекают из международных обычаев или договоров, но также и не становятся впоследствии, т. е. после издания закона, нормами международного права. Например, закон может распространить дипломатический иммунитет в полном объеме на дипломатических представителей третьих государств, находящихся в стране проездом, или распространить иммунитет на весь личный состав дипломатического учреждения, включая и обслуживающий персонал (последнее имеет место в США, в некоторых латино-американских и в очень немногих европейских странах). Предоставление таких прав не является международной обязанностью, а относится исключительно к внутренней компетенции данного государства, которое в любой момент вправе отменить соответствующие законы без какого-либо согласия других государств.[75] Однако, пока эти законы остаются в силе,

[75] Аналогичное положение имеет место и в других областях международного права. Так, например, по обычному праву Англии, английские суды не применяли своей юрисдикции к иностранцам, совершившим преступление в английских территориальных водах, и это правило было положено в основу решения суда по делу германского судна «Франкония»

государство обязано их соблюдать, как обязано соблюдать любые из изданных им законов. В связи с этим в буржуазной литературе иногда предлагалось отнести все привилегии, гарантированные иностранным дипломатическим представителям внутренним правом, к категории так называемых субъективных публичных прав.[76]

Была даже выдвинута такая точка зрения, что поскольку иммунитет принадлежит дипломатическому представителю не только на основании международного права, но также и на основании внутригосударственного права, он является не только правом назначившего представителя государства, но также и личным правом самого представителя, и поэтому отказ от иммунитета со стороны государства, назначившего представителя, еще не дает права государству, в котором он аккредитован, не применять иммунитет, если не имеется личного отказа самого представителя. Эту точку зрения выдви-

---

в 1876 г., хотя решение было вынесено большинством одного голоса. Однако вскоре после этого парламент в 1878 г. принял Акт о юрисдикции в территориальных водах, отменивший данное положение обычного права (см. Phillimore, op. cit., 3 ed. 1879, v. I, p. 280—283). Или, по закону о нейтралитете, изданному в США в 1939 г., американским гражданам запрещалось вывозить на американских судах оружие и военное снаряжение в воюющие государства и вооружать торговые суда. Но в вступительной части закона было сказано: «США... добровольно налагают на своих граждан путем отечественного законодательства ограничения, изложенные в настоящем постановлении конгресса. Действуя таким образом, США нисколько не поступаются правами или привилегиями как своими, так и своих граждан, кои принадлежат им по международному праву; они определенно оставляют за собой все права и привилегии, на которые они сами и их граждане могут притязать по международному праву. Настоящим США определенно заявляют, что они оставляют за собой право отменить или изменить эту совместную резолюцию (закон был принят в порядке совместной резолюции обеими палатами конгресса.— *Д. Л.*), равно как и всякий другой отечественный законодательный акт, в интересах мира, безопасности или благополучия США и их народа» (см. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 34 (1940), No I, Official Documents, p. 44). Как известно, в 1941 г. США отменили вышеуказанное запрещение. Вообще, если государство в порядке внутреннего законодательства принимает на себя обязанности и предоставляет в пользу иностранных государств права большие, чем вытекают из международного права, то это отнюдь не значит, что оно как субъект международного права навсегда отказывается от принадлежащих ему прав. Напротив, оно всегда может снова воспользоваться ими, отменив соответствующий закон.

[76] Так, например, по мнению Хейльборна, поскольку международно-правовая обязанность предоставлять привилегии иностранным посланникам выполняется посредством издания внутренних нормативных актов, гарантирующих им известные субъективные права (Ansprüche) по государственному праву, то «на основе этой международно-правовой нормы иностранных посланников надлежит признать привилегированными в силу государственного права субъектами права» (P. Heilborn. Das System des Völkerrechts entwickelt aus den völkerrechtlichen Begriffen. Berlin, 1896, S. 180).

нул австрийский юрист Стризовер в лекциях, прочитанных им в 1923 г. в Гаагской Академии международного права.[77] Однако она не поддерживается ни в судебной практике, ни в доктрине. Суды, как правило, в случае отказа иностранного правительства от иммунитета назначенного им представителя, применяют к последнему свою юрисдикцию.[78] Что же касается доктрины, то не говоря уже о том, что подавляющее большинство авторов не разделяет концепции субъективных публичных прав дипломатического представителя, даже, например, сторонник этой концепции Хотхорн замечает: «Однако, носителем этих прав он (дипломатический представитель.— *Д. Л.*) является только как орган пославшего его государства».[79] Действительно, о каких бы дипломатических привилегиях ни шла речь, даже если речь идет о привилегиях, гарантируемых исключительно внутренним правом страны пребывания, они даются дипломату не лично, а как представителю иностранного государства. Ниже (в главе XIV) это положение будет развито подробнее, в связи с вопросом о праве отказа от иммунитета.

Однако оно нисколько не ослабляет того вывода, что дипломатический иммунитет по своим юридическим источникам содержит два элемента: права, гарантируемые международным правом, и права, гарантируемые внутригосударственным правом,— о том, что объем этих прав не вполне совпадает, речь еще будет итти особо,— и что при определе-

---

[77] Стризовер говорит: «С точки зрения международного права речь идет только о праве государства. Последнее может распоряжаться своим правом, и если оно от него отказывается, то действие другого государства не противоречит международному праву. Но в силу внутреннего права территориального государства, которое непосредственно соответствует нормам экстерриториальности, освященным международным правом, точнее, в силу специальных законов государства, определяющих экстерриториальность, министр также и лично приобретает юридический статус, совокупность прав, носителем которых он является. Ибо нормы экстерриториальности, о которых идет речь, входят в сферу жизни индивида, которая, согласно современной концепции, гарантирована от произвола со стороны государства. Территориальное государство не должно его рассматривать как подчиненного своему свободному усмотрению, хотя бы оно и не было связано международным правом, и поэтому, оно не должно ставить юридический статус министра в зависимость от свободного усмотрения его (отечественного.— *Д. Л.*) государства. Чтобы прийти к иному выводу, надо было бы констатировать правило, противоречащее внутреннему праву. Эти личные права министра могут перестать действовать только в силу его личного отказа или же в силу других постановлений территориального закона, которые их аннулируют» (L. Strisower. L'Exterritorialité et ses principales applications. Recueil des cours de l'Académie de droit international, t. I, 1923, p. 24).

[78] Соответствующие судебные решения см. в главе XIV.

[79] Hothorn, op. cit., S. 49.

нии международно-правовых норм дипломатического иммунитета внутригосударственные нормативные акты неизбежно должны быть приняты во внимание.[80]

§ 3. Судебная и дипломатическая практика по вопросам дипломатического иммунитета

Вслед за внутригосударственными нормативными актами известное значение при определении международно-правовых норм дипломатического иммунитета имеют решения национальных судов и официальные заявления и переписка правительств по поводу тех или иных дипломатических казусов.

Со времени появления в различных странах законов о дипломатическом иммунитете, как специальных, так и включенных в общие кодексы или в другие отдельные законы, значительно возросла судебная практика в этой области. Суды решали трояко рода вопросы: 1) о наличии права на иммунитет у того или иного дипломатического представителя или члена его служебного персонала или семьи, к которому предъявляется претензия, 2) о содержании и объеме этого права и 3) о наказании лиц, виновных в нарушении дипломатического иммунитета. В своих решениях суды ссылались не только на действующие в стране законы, но также на общие начала международного права и международные обычаи.[81]

---

[80] Законы и нормативные акты исполнительной власти всех государств мира, относящиеся к вопросам дипломатического иммунитета, собраны в двухтомной публикации, составленной Бюро исследований по международному праву при Харвардском университете и Редклифском колледже под руководством Феллера и Хадсона. В этой публикации также помещены меморандумы дипломатических ведомств ряда государств о правах и привилегиях иностранных дипломатических представителей на их территории, собранные в 1930 г. Государственным департаментом США и имеющие существенное значение для уяснения содержания внутреннего законодательства соответствующих государств и толкования их правительствами международных начал и обычаев. Публикация включает официальные государственные акты не только по вопросам иммунитета, но по всем важнейшим вопросам посольского и консульского права. Она носит название A Collection of the Diplomatic ans Consular Laws and Regulations of Various Countries (Washington, 1933). На нее неоднократно делаются ссылки в настоящей работе.

[81] Так, например, в решении французского суда по делу Диенца против Иара от 1877 г. было сказано: «Освященный международным правом этот иммунитет обязателен для судов как норма высшего публичного порядка, которую они должны соблюдать и которая стоит над всеми постановлениями частного права» (см. Hurst, op. cit., p. 141). В решении польского Верховного суда по делу Монтвид-Бялозора против Изальди от 1925 г. говорилось, что иммунитет дипломатических агентов от гражданской юрисдикции является общепризнанным принципом международного

Применяя международное обычное право к данному конкретному случаю, суды нередко формулировали при этом общие положения относительно дипломатического иммунитета, которые являлись ценным материалом для толкования норм как внутригосударственного, так и международного права.

Влияние судебных решений на формирование норм внутреннего права о дипломатическом иммунитете несомненно. Известно, что в Англии и в США судебный прецедент играет огромную роль как источник так называемого общего права страны. Менее велика, но все же достаточно значительна роль решений высших судов в ряде континентально-европейских стран, например, роль решений Кассационного суда во Франции.[82] Но насколько сильно влияние судебной практики за пределами страны? Может ли она вносить какие-либо изменения или дополнения в содержание международно-правовых норм дипломатического иммунитета?

С формально-юридической точки зрения решения национальных судов, так же как и национальные законы, не могут считаться в какой бы то ни было степени источником международного права. Фактически же они могут оказывать частичное влияние на формирование его норм.[83] Это влияние зависит от того, насколько данный судебный прецедент оказывает воздействие на судебную практику других стран, насколько он может послужить началом единообразных решений судов различных стран по тому или иному вопросу международно-правового значения. Такие решения создают единую практику, на почве которой могут сложиться новые международные

права (см. Сатоу, цит. соч., стр. 191—192). Ср. также цитировавшиеся выше заявления английских судей Мансфильда и Эббота.

[82] В советском праве, как известно, судебный прецедент не является источником права, и советская судебная практика, затрагивающая вопросы дипломатического иммунитета, сравнительно невелика. Однако и в СССР на основании судебного прецедента (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 13 апреля 1927 г. по спору Н-ской миссии с жилищным товариществом) сложился порядок, согласно которому НКИД заменяет собой в советских судебных учреждениях иностранные посольства или миссии в тех случаях, когда эти последние имеют какие-либо претензии гражданско-правового характера, которые могут быть предметом судебного иска. (См. Б. Александров. Вопросы юрисдикции дипломатических агентов в советском законодательстве и судебной практике. «Международная жизнь», 1927, № 11, стр. 80—83).

[83] Надо отметить, что в буржуазной литературе нередко преувеличивается значение решений национальных судов для международного права, вплоть до того, что этим решениям даже отдается предпочтение перед законами. Так, например, Финч, указывая, что заявления национальных судов по вопросам международного права «составляют часть юриспруденции данного государства, но не имеют силы ex proprio vigore за пределами его юрисдикции», далее говорит: «Однако судебные решения как доказательство норм международного права, часто имеют больший вес, чем законодательные акты и декреты исполнительной власти» (Finch, op. cit., p. 611).

обычно-правовые нормы, заполняющие пробелы существующих норм.

Рассматривая дела, связанные с вопросами дипломатического иммунитета, суды, разумеется, обязаны применять действующие нормы внутреннего и международного права. Однако в этой области имеется целый ряд специальных вопросов, например вопросов, связанных с пределами действия иммунитета во времени и пространстве или с пределами его действия при наличии особых обстоятельств, и т. п., которые недостаточно регламентированы как международными обычаями, так и внутренним законодательством. Кроме того, жизнь может выдвинуть новые вопросы, требующие юридической регламентации, но еще не получившие отражения ни в международном праве, ни во внутреннем законодательстве страны. Регламентация таких вопросов в рамках общих принципов международного права иногда выпадает на долю судебной практики.

Хотя не столь часто, но все же имели место случаи, когда положение, сформулированное судом по одному из этих вопросов, неизменно повторялось в последующих судебных решениях не только данной страны, но и других стран, и, получив таким путем всеобщее признание, становилось обычной нормой международного права. Так, например, положение о том, что иммунитет от гражданской юрисдикции распространяется не только на официальные действия дипломатического представителя, но и на его действия в качестве частного лица, сформулированное в решении Суда общих тяжб в Англии по делу Тайлора против Беста в 1854 г., затем, в решении суда Королевской скамьи по делу Магдаленского пароходства против Мартина в 1859 г., было после этого повторено в решении Парижского апелляционного суда по делу Чичерина в 1868 г., в решении Лионского апелляционного суда по делу де Брю в 1883 г., в решении Федерального суда Аргентины по делу парагвайского посланника в 1888 г., в решении Верховного суда Польши по делу Монтвида-Бялозора против Ивальди в 1925 г. и в ряде других. Теперь оно считается общепризнанной нормой международного права (исключение составляют только вещные иски, связанные с недвижимостью, и в ряде случаев оспаривается иммунитет в отношении исков по спорам, связанным с частной торговой или иной профессиональной деятельностью дипломата). Или положение о том, что действия лиц, не пользующихся иммунитетом, совершенные в дипломатическом помещении, не изымаются из местной юрисдикции, сформулированное в решении Кассационного суда Франции по делу Никитченкова в 1867 г., было затем повторено в ряде судебных решений,

связанных как с совершенными в дипломатическом помещении уголовными преступлениями (например, решение Берлинского суда в 1880 г. по аналогичному делу), так и с заключенными там гражданскими обязательствами (например, решение французского суда по делу Мюнир-паши против Аристархи в 1909 г.). Оно также стало общепризнанным международным правилом (исключение из этого правила составляют только так называемые дипломатические браки в тех странах, где таковые признаны по закону).

Бывали случаи и обратного рода, когда новое положение, выдвинутое в судебном решении, не соответствовало общим принципам международного права и не только не повторялись в решениях судов других стран, но вызывало дипломатические протесты, и суд, выдвинувший подобное положение, в дальнейшем вынужден был от него отказаться. Так было, например, в итальянской судебной практике по вопросу о том, покрывает ли дипломатический иммунитет только официальные или также и частные действия дипломатического представителя — вопрос, по которому предшествующая судебная практика, как мы видели, создала общепризнанную международную норму. Итальянский Кассационный суд в решении по делу Ринальди в 1915 г. заявил, что частные действия дипломатического представителя подчиняются местной юрисдикции. Это положение подверглось резкой критике со стороны юристов других стран. Несмотря на это, оно было повторено еще в более категорической форме в решении того же суда по делу Комината против Кайта в 1922 г. На этот раз решение Кассационного суда вызвало представления старшины дипломатического корпуса в Риме итальянскому министру иностранных дел. В дальнейшем Кассационный суд отступил от этой позиции и в своем решении по делу Лурье против Штейнмана в 1927 г. признал, что принцип иммунитета дипломатических агентов явно влечет за собой необходимость считать их также и в отношении их частных дел стоящими вне пределов юрисдикции страны, в которой их положение является официально признанным.[84]

---

[84] Положение, выдвинутое Кассационным судом Италии в 1915 г. и в 1922 г., было применено также и в решении Парижского апелляционного суда по делу Белина 1925 г., связанного с возмещением ущерба, причиненного во время езды на автомобиле (см. Сатоу, цит. соч., стр. 183), и в некоторых, впрочем, очень немногих, других судебных решениях отдельных стран. Упоминавшиеся выше судебные решения приводятся в большинстве современных руководств по посольскому праву, например, у Сатоу (Руководство по дипломатической практике, перевод 3 англ. изд.), у Деака (La Classification et les immunités des agents diplomatique) и др. См. также сборники казусов по международному праву Дик-

Наряду с судебными решениями, в конкретизации и в формировании международных обычно-правовых норм дипломатического иммунитета играют определенную роль заявления и дипломатическая переписка правительств по поводу тех или иных конфликтов, возникающих у местной власти с иностранными дипломатическими представителями или членами их персонала. Будучи связаны с конкретными казусами, эти официальные документы иногда формулируют общие взгляды правительства на нормы международного права, касающиеся дипломатического иммунитета. Некоторые из них — вспомним хотя бы цитировавшийся выше меморандум Эгильона — служили предметом неоднократных ссылок не только в сочинениях юристов, но и в дипломатической практике, и стали своего рода историческими памятниками посольского права. Разумеется, такие документы нельзя считать нормативными актами международного значения. Они — скорее материал для толкования и уточнения международно-правовых норм. Но некоторые дипломатические казусы могут стать прецедентами, на которые в дальнейшем ссылаются правительства и на почве которых, при повторении соответствующего образа поведения, могут сложиться известные обычаи. Коркунов считает даже, что объем установленного обычаем дипломатического иммунитета «выясняется только из прецедентов дипломатической практики».[85] При этих прецедентах дипломатические документы, формулируя какое-либо общее положение, которое впоследствии воспринимается в практике других стран, несомненно оказывают влияние на формирование международного обычного права. Конечно, положения, формулируемые в дипломатических документах, так же как и положения, формулируемые в судебных решениях, как правило, исходят из общепризнанных принципов международного права, представляя собой приложение этих принципов к отдельным вопросам. Но они заполняют пробелы существующего международного обычного права. Так, например, положение, что правительство освобождается от обязанности соблюдать в полной мере иммунитет личности и резиденции дипломатического агента, если последний совершает преступное посягательство на безопасность и порядок государства пребывания и соблюдение иммунитета мешает предотвратить серьезную угрозу этой безопасности и порядку,— положение, широко дискутировавшееся в сочинениях юристов XVI и XVII веков — окончательно укрепилось, как

кинсона, Фенвика и Хадсона, где помещены текстуальные извлечения из ряда этих решений.

[85] Коркунов. Международное право, стр. 144.

признанное обычное правило, рядом прецедентов XVIII века, из которых наиболее известные (казус Гилленборга в 1716 г., казус Челламаре в 1718 г., казус Дебие в 1718 г., казус Риперды в 1729 г., казус Шетарди в 1744 г., казус Спрингера в 1747 г. и др.) приводились в главах III и IV. Любопытно отметить, что иногда при этих казусах правительства ссылались на предшествующие прецеденты. [86]

Казусы XX века, связанные с преступлениями дипломатических представителей против безопасности государства пребывания, например, имевшие место с германскими дипломатическими чиновниками в США в 1915 г. (казусы Папена, Игеля и Бой-Эда) и в Латинской Америке в 1941 г. (казусы Терманна и Вендлера), не вызвали уже абсолютно никаких сомнений с точки зрения правомерности образа действий местного правительства (см. ниже, в главе XIV). Однако следует заметить, что в современную эпоху дипломатические прецеденты по своему значению для формирования норм посольского права и иммунитета, пожалуй, не превосходят судебные прецеденты. [87]

В судебной практике, а вслед за тем и в юридической литературе возникал вопрос, каково взаимоотношение органов суда и исполнительной власти (прежде всего — дипломатических ведомств) при разрешении того или иного дела, связанного с дипломатическим иммунитетом. Обязательно ли, например, для суда заявление исполнительной власти относительно дипломатического статуса данного лица? Германская практика в 1926 г. ответила на этот вопрос отрицательно. [88] Напротив, в английской практике данный вопрос получил вполне отчетливое положительное разрешение в решении

---

[86] Так, например, Петр I, оправдывая принятые им меры в отношении голландского резидента Дебие, выразившиеся в кратковременном домашнем аресте и обыске его бумаг, ссылался на казус Гилленборга (см. об этом в главе IV).

[87] Документы, связанные с важнейшими дипломатическими казусами XVII и XVIII (отчасти и первой половины XIX) веков, собраны в пятитомном труде Ch. Martens. Causes célebres... (Leipzig, 1848—1851). Дипломатические казусы более позднего времени обычно излагаются в курсах по международному праву и в руководствах по дипломатическому праву; особенно полно они представлены у Сатоу (цит. соч.).

[88] В 1926 г. в Дармштадтском областном суде слушалось дело лица, которое германское министерство иностранных дел отказалось признать членом иностранной миссии, имеющим право на дипломатический иммунитет. Но суд нашел, что по конституции и административному праву суды обязаны считаться с мнением правительственных властей только в определенных, особо оговоренных случаях, а в данном случае заявление министерства иностранных дел формально не обязательно для суда. При этом само министерство заняло такую же точку зрения (текст решения суда см. в Niemeyers Zeitschrift für internationales Recht, Bd. 19, 1928, 3 bis, 5 Heft, S. 285—288; изложение дела см. у Сатоу, цит. соч., стр. 202.

Палаты лордов по делу Энгельке против Мусмана в 1928 г. Палата признала, что заявление исполнительной власти относительно статуса лица, претендующего на дипломатические привилегии, является решающим.[89] Комментируя это решение в специальной статье, Херст замечает, что вопрос о праве данного лица на дипломатический статус так же бесспорно относится к компетенции исполнительной власти, как и вопрос о признании правительства какого-нибудь государства.[90]

С другой стороны, может ли государство нести ответственность за решения своих судов, задевающие интересы иностранного дипломатического представителя? По мнению Сатоу, «как правило, исполнительная власть не может вмешиваться в судебный процесс», и «оскорбленное государство не имеет оснований требовать отступления от обычного судебного процесса...»[91] Однако на практике имели место дипломатические протесты по поводу судебных решений, которые причиняли затруднения исполнительной власти; следует даже отметить, что под влиянием этих протестов суды иногда изменяли свою позицию.[92] Ибо в действительности исполнительная власть своим отношением к вопросу, подлежащему рассмотрению суда, несомненно могла влиять на позицию суда и даже в той или иной степени предопределять его решение.[93]

Каково же должно быть отношение ко всей проблеме с точки зрения международного права? Конечно, исполнитель-

---

[89] См. Hudson. Cases..., p. 784—786.

[90] C. Hurst. Diplomatic Immunities-Modern Developments. The British Year-Book of International Law, 1929, p. 12—13.

[91] Сатоу, цит. соч., стр. 173.

[92] Так, например, в 1912 г., когда в Кубе судья выпустил под залог кубинского журналиста, арестованного за оскорбление действием поверенного в делах США, сославшись на то, что для него безразлично, является ли оскорбленное лицо иностранным министром или кубинцем самого низшего звания, правительство США заявило протест против такого понимания международного права, и после этого виновный журналист был приговорен к $2^1/_2$ годам тюремного заключения (см. Deak, op. cit., p. 201). Вспомним также, что итальянский суд после протеста дипломатического корпуса в Риме по поводу его решения по делу Комината против Кайта в 1922 г. в последующем решении по делу Лурье против Штейнмана в 1927 г. изменил занятую позицию (см. выше).

[93] Так, например, Швейцарский Федеральный совет, фактически попустительствовавший убийству в Лозанне советского дипломатического представителя Воровского, передал это дело не федеральному суду, рассматривающему дела о серьезных государственных преступлениях, а кантональному суду, разбирающему дела об обыкновенных убийствах,— чем подчеркнул игнорирование политического характера совершенного преступления. И если Конради после предания суду не содержался под стражей, а свободно ходил по городу, и если суд вынес ему оправдательный приговор, то, конечно, швейцарское правительство не может избежать значительной доли ответственности за это (см. об этом в главе XIII).

ная власть не может давать предписаний суду, так как это противоречило бы принципу независимости суда от велений исполнительной власти; точно так же, вопрос об обязательности для суда заявлений исполнительной власти определяется законодательством каждой страны. Но поскольку не одна только исполнительная власть, а государство как целое является субъектом международного права, то государство несет международную ответственность в том случае, если его суды нарушают международное право — оставляют ли они безнаказанными нарушения иммунитета или распространяют свою юрисдикцию на лиц, имеющих право на иммунитет. Из этого следует, что должна быть достигнута известная согласованность действий судебных органов и органов исполнительной власти, когда в судах решаются вопросы, связанные с дипломатическим иммунитетом. В заключении генерального атторнея по делу Энгельке против Мусмана подчеркивалось, что если бы заявление, сделанное от имени короны, не являлось решающим и суд принудил бы лицо, имеющее право на иммунитет, подчиниться судебному процессу, то корона оказалась бы не в состоянии выполнять обязательства, налагаемые на нее международным правом.[94]

Дело каждого отдельного государства определить порядок взаимоотношений суда и дипломатического ведомства при разрешении дипломатических казусов. Но не подлежит сомнению, что исполнительная власть не может быть совершенно оставлена в стороне. И если верно то, что практика применения посольского права оказывает непосредственное воздействие на его развитие, то нельзя не согласиться с тем, что только объединенная деятельность правительственных и судебных органов может создать солидное основание для проверки на практике и формулирования развивающегося права.[95]

§ 4. Международное право и „международная вежливость"

Выше уже говорилось, что дипломатический иммунитет включает также права, гарантируемые исключительно внутренним законодательством и административной практикой отдельных государств. С точки зрения международного права такие права составляют «международную вежливость» (comitas gentium). Различие между международным правом и

---

[94] См. Сатоу, цит. соч., стр. 187.
[95] См. M. Ogdon. The Juridical Basis of Diplomatic Immunity. Washington, 1938, p. 206.

международной вежливостью авторы по международному праву видят в том, что правила международной вежливости не являются юридически обязательными в международных отношениях, как являются нормы международного права, а их соблюдение покоится на воле отдельного государства. Но все авторы подчеркивают, что эти правила могут перейти в нормы международного права, хотя возможен также и обратный переход. [96] Финч, например, говорит, что «современное международное право многим обязано международной вежливости, из которой часто происходят его нормы». [97] А по мнению Ривье, такова даже общая тенденция. «Можно предугадать,— замечает он,— что эти правила comitas все более и более будут обращаться в юридические правила». [98]

Понятие международной вежливости больше всего употребляется в области международного частного права. [99] Что же касается международного публичного права, то к числу тех отраслей, в которых это понятие находит широкое применение, относится, прежде всего, посольское право. Холл односторонне объясняет это тем, что поскольку дипломатические отношения суть личные отношения, то правила, диктуемые вежливостью, имеют здесь большое значение. [100] На самом деле, однако, это происходит оттого, что посольское право в процессе своего установления и развития

---

[96] Вот как, напр., определяет соотношение международного права и международной вежливости Фошиль. Нормы международной вежливости отличаются от норм международного права, во-первых, по своей силе — они не являются юридически обязательными; во-вторых, по санкциям — их нарушение не дает оснований для претензий и репрессалий; в-третьих, по способу установления — они вытекают не из совпадения воль государств, а из воли одного государства. Связь же между теми и другими нормами состоит в том, что 1) нормы международной вежливости не могут противоречить международному праву; 2) нормы международной вежливости могут положить начало нормам международного права; 3) нормы международного права могут превратиться в нормы международной вежливости (Fauchille, op. cit., t. I, P. I, p. 24—25, 26).

[97] Finch, op. cit., p. 585. В качестве примеров Финч ссылается на институты посольского права, на выдачу преступников, на правило освобождения от захвата мелких рыболовных судов во время морской войны и пр. (ibidem, p. 585—587).

[98] Ривье. Учебник, стр. 6; см. также Rivier. Principes du droit des gens, Paris, 1896, t. I, p. 25.

Эта тема подробно излагается в специальных работах: Stoerk. Völkerrecht und Völkercourtoisie (1908), Dimitch. La courtoisie internationale et le droit de gens (1930).

[99] О происхождении этого понятия в международном частном праве см. в интересной работе В. Корецкого. Оговорка о публичном праве в англо-американской судебной практике по делам, затрагивающим интересы СССР. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 1, Юриздат, М., 1939, стр. 125, 126.

[100] См. W. Hall, A Treatise of International Law. 8 ed., Oxford, 1924, p. 220.

испытывает сильное влияние национальной государственности, которое часто, до завершенного отражения в международном праве, преломляется в формах международной вежливости.

Действительно, соотношение международного права и международной вежливости лишний раз подтверждает то тесное взаимодействие международного и внутригосударственного права при формировании норм дипломатического иммунитета, о котором говорилось ранее. Международная вежливость в области форм дипломатических сношений — это совокупность правил международного поведения, как обычных, так и писанных, которые применяются в дипломатической практике отдельных государств по их желанию, ибо данные правила не получили международного признания своей обязательности, но во многих случаях имеют тенденцию получить таковое. Тем самым международная вежливость в этих случаях может быть эмбриональной стадией международного права. Существует мнение, что само содержание постоянных посольств сначала вытекало из международной вежливости и лишь впоследствии стало нормой международного права. Многие дипломатические привилегии, ныне бесспорно гарантируемые международным правом, генетически прошли стадию международной вежливости. Даже иммунитет от юрисдикции, как нередко указывают, вероятно, был установлен как правило вежливости, прежде чем он приобрел юридическое значение.[101] В самом деле, только со второй половины XVIII века окончательно укрепился взгляд, что иммунитет от юрисдикции — это норма международного права, которая может быть закреплена во внутреннем законодательстве, но не зависит от усмотрения местной государственной власти.[102]

Разумеется, не все те привилегии, которыми пользовались дипломатические представители в порядке международной вежливости, переходят впоследствии в международное право. Например, многие фискальные льготы издавна и вплоть до настоящего времени основываются на нормах международной вежливости, и вряд ли эти нормы станут нормами международного права. Точно так же все время продолжает считаться международной вежливостью предоставление проезжающим через территорию страны дипломатическим представителям третьих государств каких-либо иных привилегий, кроме личной неприкосновенности и свободы сообщений. С другой стороны, те или иные дипломатические привилегии,

---

[101] См., напр., Ogdon, op. cit., p. 107.

[102] См. об этом: В. Александренко. О правах и преимуществах дипломатических агентов. «Юридический вестник», 1891, т. IX, вып. II, стр. 170—171.

основанные на международном праве, могут со временем превратиться в правила международной вежливости. Примером являются многочисленные церемониальные привилегии дипломатического представителя, которым отводилось столь важное место в международном праве XVII и XVIII веков и которые в настоящее время рассматриваются как сфера международной вежливости, хотя обычно всюду довольно строго соблюдаются. Другим примером может служить право дипломатического представителя на содержание за пределами помещения представительства религиозного храма для публичного отправления своего культа — привилегия, которая после реформации имела существенное значение и носила, несомненно, международно-правовой характер, но которая в настоящее время сохраняется лишь в отдельных государствах в порядке международной вежливости.

Переход дипломатической привилегии из сферы международной вежливости в сферу международного права, равно как и обратный переход, зависит в конечном итоге от изменения степени необходимости этой привилегии для поддержания нормальных дипломатических сношений — ведь такая необходимость и обусловливает международное признание ее обязательности, как отмечалось уже в предыдущей главе. Окончательно же установленного строгого разграничения между той и другой сферой дипломатических привилегий не существует ни в теории, ни на практике.[103] Грань, отделяющая эти сферы, не является чем-то застывшим, а меняется в процессе развития государственных порядков и дипломатической практики.

---

[103] Так, например, некоторые буржуазные авторы по международному праву: Лисбоа, Ф. Цорн, Хотхорн, Штрупп и др. считают, что в современную эпоху повышенная уголовная защита личной неприкосновенности дипломатического представителя является не международно-правовой обязанностью государства, а международной вежливостью (см. Lisboa, op. cit., p. 361; Ph. Zorn, op. cit., S. 109; Hothorn, op. cit., S. 10; K. Strupp, Grundzüge des positiven Völkerrecht. Bonn, 1928, S. 104). Однако даже в буржуазной литературе большинство авторов не разделяет этого взгляда (подробнее о нем см. в главе XII). Мексиканский закон о дипломатическом церемониале от 16 марта 1928 г. одинаково ссылается на то и на другое понятие; в разделе VI — «Привилегии» говорится: «Иностранные дипломатические агенты, аккредитованные при правительстве республики, будут пользоваться привилегиями и преимуществами, предоставляемыми им из вежливости (courtoisie), которые им полагаются по законам этой страны и по международным обычаям» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 842). А по свидетельству Оппенгейма, «английские и американские суды часто ссылаются на «международную вежливость» в тех случаях, когда юристы-международники обыкновенно применяют термин «международное право» (Oppenheim, op. cit., v. I, p. 32). Сказанное Оппенгеймом относится и к вопросу о дипломатических привилегиях.

Вместе с тем эта подвижность грани теснейшим образом связана с тем живым взаимодействием международного и национального права, без раскрытия которого нельзя всесторонне и реалистически понять установление и изменение норм дипломатического иммунитета.

* * *

Поскольку на почве неодинаковой практики применения международно-правовых норм дипломатического иммунитета в различных странах и неодинаковой интерпретации их различными правительствами возникают конфликты и недоразумения, подчас осложняющие нормальные дипломатические отношения, международная жизнь требует возможно более отчетливого определения этих норм, хотя сила многолетней традиции несколько ослабляет сознание потребности в их конвенционной кодификации. При отсутствии в международных отношениях единой инстанции, которая устанавливала бы и толковала нормы международного права, эта задача в большой мере выпадает на долю международно-правовой доктрины. Доктрина эта, не будучи источником международного права, оказывает несомненное влияние на формулирование его положений, особенно в такой отрасли, как посольское право, где очень мало точных писанных норм универсального характера.

ГЛАВА IX

ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОСОЛЬСКОГО ПРАВА

Наука международного права, как ранее было замечено, не является источником международного права, и мнения ученых авторитетов не могут считаться в какой бы то ни было степени юридически обязательными для правительств и судов. В этом согласны между собой почти все юристы-международники, за единичными исключениями.[1] Но все они признают огромное значение науки в систематизации позитивного материала и в констатации, формулировании и разъяснении неписанных международно-правовых норм. По словам Камаровского и Ульяницкого, «быть может, ни в одной отрасли права наука не имеет такого большого значения, как в сфере международного права. Она должна быть признана одним из главных факторов, создавших его». По словам Ф. Мартенса, наука служит «средством выяснения истинного смысла существующих трактатов и международных обычаев». По словам Фошиля, наука «позволяет констатировать существование международных обычаев и дать им точную формулировку». В том же духе высказываются многие другие авторы.[2]

---

[1] К числу таких исключений принадлежит, например, Кальво, который полагает, что наука может быть сочтена источником международного права, если ученый труд принадлежит «признанному авторитету» (см. Ch. Calvo. Le droit international théorique et pratique, Paris — Berlin, 1887, t. I), или Прадье-Фодере, по мнению которого этот вопрос должен решаться «в соответствии с личной, научной и нравственной ценностью» ученого. Впрочем, Прадье-Фодере защищает эту точку зрения не вполне последовательно, ибо в другом месте того же труда он говорит, что писатели, каковы бы ни были их значение и беспристрастие, не могут считаться законодателями государств, что они, как люди, впадают в ошибки и далеко не всегда бывают свободны от национальных предубеждений и что поэтому, при изучении их трудов, следует считаться со всеми условиями места и времени, среди которых они жили и действовали (см. Pradier-Fodéré. Traité de droit international public européen et américain, Paris, 1885, v. I, § 33).

[2] Камаровский и Ульяницкий, цит. соч., стр. 19; Ф. Мартенс, Современное международное право..., т. I, стр. 191; Fauchille, op. cit., v. I, 54—55; Oppenheim, op. cit., v. I, p. 30—31.

Из высказываний советских авторов о значении науки международного права см. Дурденевский и Крылов, цит. соч., вып. 1, стр. 24; Кожевников, цит. соч., вып. 1, стр. 32—33.

Дурденевский и Крылов отмечают, что «в международной практике принято сплошь и рядом обращаться к учебнику какого-либо крупного ученого и, ссылаясь на его высказывания, констатировать ту или иную международную практику, тот или иной международный обычай».[3] В дипломатической переписке нередко делались ссылки на мнения авторитетов науки международного права, в особенности на мнения классиков: Гроция, Ваттеля, Мартенса, Гефтера и др. Такие же ссылки нередко делались и в судебных решениях, затрагивавших вопросы международного права.[4] Иногда правительства непосредственно обращались к отдельным юристам-международникам с просьбой высказать свое мнение по тому или иному спорному вопросу международного права, причем обращались не только к ученым собственной страны, но — бывали случаи — и к ученым других стран.[5] Учитывая все это, известный русский юрист-международник Камаровский высказал даже предложение, чтобы в международных отношениях было признано своего рода jus respondendi и «не только за живущими авторитетами, но и за некоторыми из умерших».[6] Правда, в современную эпоху, в связи с ростом удельного веса писанных международно-правовых норм, ссылки на научные труды по международному праву в официальных государственных документах делаются реже, чем в прошлом, но и теперь они отнюдь не являются исключением.

Весьма велика роль международно-правовой доктрины в практике применения посольского права, которое и в наши дни носит по преимуществу характер обычного права. В XVI, XVII и XVIII веках, когда только складывалось современное

---

[3] Дурденевский и Крылов, цит. соч., стр. 24.

О значении науки для уяснения содержания международных обычаев и практики иногда говорилось в судебных решениях. Так, напр., Верховный суд США в решении по делу шхун Гаванны и Лолы в 1900 г. заявил: «Там, где нет ни договора, ни подтверждающего акта законодательной или исполнительной власти, или судебного решения, следует обратиться к обычаям и практике цивилизованных наций; а в качестве доказательства таковых — к трудам юристов и комментаторов, которые за годы работы, исследований и опыта стали особенно хорошими знатоками излагаемого ими предмета» (см. Dickinson, op. cit., p. 43).

[4] Перечень решений английских и американских судов, содержащих ссылки на мнения писателей по международному праву приведен в сборнике Диккинсона (см. Dickinson, op. cit., p. 32, note). Из более поздних решений, вынесенных после издания этого сборника (1929), можно указать на решение Верховного суда США по делу Джерсея против Делавара в 1934 г., в котором судья ссылался на Гроция, Ваттеля, Кальво, Фиоре, Холла, Гайда, Лаутерпахта и др. (см. Hudson, Cases..., p. 445—448).

[5] Любопытным примером подобного обращения является просьба правительства Румынии в 1883 г. к юристам-международникам различных стран высказать их мнение относительно международно-правового режима судоходства по Дунаю.

[6] Камаровский, цит. соч., стр. 141.

посольское право, правительства неоднократно приглашали ученых юристов принять участие в разрешении того или иного спорного дипломатического казуса. Так, например, в 1571 г. пять авторитетов в области римского права были приглашены английским правительством высказать свое мнение по делу епископа Росса. В 1584 г. Джентили и Отман тем же правительством были приглашены дать заключение по делу Мендозы. В 1654 г., в Англии же, Зеч был приглашен принять участие в суде по делу Панталеона Са. В Голландии Бинкерсгук в качестве судьи неоднократно разбирал дела, связанные с иммунитетом дипломатов от гражданской юрисдикции, и, в частности, в 1720 г., известное дело о задержании имущества голштинского посланника — после чего он написал свой труд De Foro Legatorum (см. об этих фактах в главе III). Но и в дальнейшем в официальной переписке, которая велась в связи с дипломатическими конфликтами, правительства и дипломатические представители нередко цитировали высказывания писателей по международному праву. Французский министр Эгильон в упоминавшемся выше меморандуме цитировал Гроция, Бинкерсгука и Байбейрака; Уитон, будучи американским посланником в Берлине, в письме, адресованном прусскому правительству в 1839 г. по поводу нарушения его иммунитета, цитировал Морнака, Гроция, Бинкерсгука, Ваттеля,[7] и т. д. В судебных решениях, затрагивающих вопросы дипломатического иммунитета, ссылки на науку международного права встречаются еще более часто. Так, например, в решении Верховного суда США по делу Хольбрука против Гендерсона 1851 г. подробно излагается мнение Ваттеля;[8] в решении того же суда по делу Уильсона против Бланко судья ссылается не только на решение 1851 г., но и на мнения ряда юристов, в изложении Уитона;[9] в решении Лионского апелляционного суда по делу де Брю (см. выше) суд отмечает, что «авторы, писавшие по международному праву, несколько расходились между собой», а затем принимает мнение, которое «одержало верх».[10]

Во всех этих случаях речь шла о констатации действующего права. Поскольку не существует какой-либо единой инстанции, которая давала бы аутентическое толкование международного права, мнения ученых привлекались для установления подлинного содержания международной обычно-правовой нормы и для доказательства правильности ее

[7] См. Martens, Causes célebres..., v. I, p. 286, 288; v. V, 1861, p. 304—306.
[8] См. Fenwick, Cases..., p. 614—618.
[9] См. Catoy, цит. соч., стр. 235.
[10] Там же, стр. 184.

применения. Но эти мнения никогда не могут рассматриваться как нормы самого международного права, как бы ни был высок авторитет того или иного ученого. К тому же, наука международного права в эксплоататорских государствах подчинена корыстным интересам правящей верхушки и нередко прямо поставлена на службу официальной дипломатии. Неудивительно, что мнения ученых разных стран очень часто расходятся между собой.[11] Правда, имеет место и совпадение мнений ряда специалистов по международному праву. Такое opinio doctorum может в отдельных случаях дать более точное формулирование положений действующего права. Однако и в этих случаях наука не может рассматриваться как источник международного права — она может служить лишь пособием при толковании международно-правовых норм, арсеналом аргументов и доказательств в пользу правильности их применения, средством для укрепления морально-политического авторитета той или иной дипломатической акции.[12]

В вопросах посольского права помимо общих курсов международного права в настоящее время пользуются известностью и, возможно, привлекаются для нужд практической государственной деятельности некоторые специальные труды, например: Сатоу «Руководство по дипломатической практике» (1917, 1922, 1932), в меньшей мере также Херст, «Дипломатические иммунитеты» (1926). Из советских трудов важно отметить VII (заключительный) раздел «Истории дипломатии» (1945).[13]

---

[11] Некоторые буржуазные авторы — Уитон, Кальво, Прадье-Фодере, Фиоре, Фошиль и др. считают, что мнения ученых имеют особенно большую ценность тогда, когда они противоречат позиции их собственных правительств. Фошиль приводит в качестве примера мнения прусских синдиков по вопросу о наследовании герцогской короны Шлезвига и Голштинии в 1865 г., отчеты английских комиссаров по вопросу о силезском долге — в 1751—1753 гг., мнение итальянского Совета внешних сношений по делу Ауниса (см. Fauchille, op. cit., p. 54). Вряд ли, однако, это может служить критерием оценки. Если стать на точку зрения этих авторов, то придется во всех случаях подобных расхождений a priori признать позицию правительства неправильной, а мнение ученого правильным.

[12] Следует отметить, что буржуазные юристы склонны сильно переоценивать значение этого «opinio doctorum». Так, например, Блюнчли в примечании к ст. 16 своего кодекса международного права утверждал: «Если в настоящее время Уитон и Филлимор, Вильдмен и Кент, Геффтер и Оппенгейм согласны между собой относительно известного юридического положения, мы, естественно, склонны признать его за начало современного международного права даже тогда, когда оно не подтверждается трактатами и приложение его на практике еще сомнительно» (Блюнчли, ук. соч., стр. 74). Разумеется, подобное утверждение совершенно не оправдано.

[13] Книга Сатоу в течение первых пятнадцати лет выдержала три издания: два первых издания (1917 и 1922) вышли в двух томах, третье

Однако значение науки международного права не ограничивается констатацией и разъяснением действующих правовых норм. Поскольку общие начала международного права большей частью не зафиксированы в конвенциях или в каких-либо иных официальных актах и проявляются, главным образом, в обычаях, применяемых в международной практике, значение науки международного права заключается также и в том, что она сводит существующую практику и возникающие на почве этой практики обычные правила в общие начала, формулирует эти начала и дает им то или иное определение. Более того, поскольку международная практика не стоит на месте, а непрерывно развивается, порождая новые или хотя бы видоизменяя старые обычно-правовые нормы, наука может также формулировать новые начала международного права, которые со страниц ученых трактатов могут переходить в сознание государственных деятелей, восприниматься правительствами и оказывать влияние и на самые обычаи, т. е. получить отражение в действующем праве. Это тем более возможно, что международные обычаи, как указывалось в главе VII, складываются не стихийно, а при участии политической воли и правосознания правительств. Конечно, современная буржуазная наука, реакционная, пропитанная империалистическим духом, неспособна содействовать развитию международного права. Такая роль выпадает теперь на долю науки стран демократического лагеря, и прежде всего советской науки. Но в истории международного права наука иногда играла правотворческую роль. Правда, воздействие науки международного права на международно-правовую практику не сразу становится заметным, оно совершается постепенно и медленно. Но оно, несомненно, имеет место, что отмечают различные авторы. [14]

В области посольского права, более консервативного, чем многие другие отрасли международного права, любое существенное изменение, в том числе изменение его принципов и норм под влиянием воздействия науки, происходит особенно медленно. Но не подлежит сомнению, что, скажем, труды Гроция, Бинкерсгука и Ваттеля оказали большое влияние на

издание (1932) однотомное. В 1947 г. вышел русский перевод третьего издания. Труд Херста вошел в собрание курсов Гаагской Академии международного права. VII раздел «Истории дипломатии», посвященный методам и правовым формам современной дипломатии, вошел в III том этой книги.

[14] Так, например, Гольцендорф называет науку «умственным фактором правотворчества» (Holzendorff, op. cit., Bd. I, S. 125). Камаровский пишет, что «наука должна расчищать путь вновь назревающим в народах идеям и потребностям, давать им лучшие выражения и организацию» (Камаровский, цит. соч., стр. 139—140).

посольское право XVII и XVIII столетий. Идеи экстерриториальности, представительного характера посла и дипломатических функций, развитые этими писателями, внедрялись в международную практику в качестве критериев для определения взаимных прав и обязанностей государства и аккредитованных в нем иностранных дипломатических представителей. Находя отражение в официальных актах правительств, в решениях судов и отчасти, уже позднее, в законодательстве, эти идеи заметно воздействовали на формирование действующих норм дипломатического иммунитета: первые две — в сторону расширения дипломатических привилегий, третья — в сторону их сокращения, и все они сохранили в этом правовом институте прочные и длительные следы. Огдон считает, что дипломатическая практика нашего времени повелительно ставит перед наукой международного права задачу проложить путь к реформе этого института и «установить твердые принципы, на которых должно быть построено будущее право».[15] Однако современная буржуазная наука не в состоянии выполнить эту задачу.

Известный вклад науки международного права в развитие посольского права составляют опыты научной кодификации посольского права, коснувшиеся, прежде всего, норм дипломатического иммунитета. Первый опыт такой кодификации, как уже говорилось в главе V, был предпринят в конце XIX века Институтом международного права. По поручению Гамбургской сессии Института международного права (1888), признавшей желательность кодификации посольского и консульского права, швейцарский юрист Лер составил доклад о дипломатических привилегиях, который был разослан всем членам Института (1889),[16] а затем был обсужден на Женевской (1892) и Кэмбриджской (1895) сессиях.[17] Тенденции докладчика к частичному отказу от традиционных принципов и понятий и к сокращению объема привилегий не были поддержаны большинством членов Института, и в результате ряда дискуссий Кэмбриджская сессия приняла регламент о дипломатических привилегиях от 13 августа 1895 г. (так называемый Кэмбриджский регламент),[18] который формулировал начала и обычаи посольского права, сложившиеся к концу XIX века, не внося каких-либо изменений в их содержание.

На Лозаннской сессии Института международного права в 1927 г. было принято решение о пересмотре Кэмбриджского

---

[15] Ogdon, op. cit., p. 6; см. также предисловие, p. VII.

[16] См. Annuaire de l'Institut de droit international. Bruxelles — Paris, 1923, v. II.

[17] См. Annuaire..., v. III.

[18] См. Annuaire..., v. III, p. 783—787.

регламента. Разработка проекта нового регламента была поручена двум юристам: американцу Хиллу и англичанину Рею, подготовившим специальные доклады. Проект был обсужден и принят на Нью-йоркской сессии Института международного права в 1929 г.[19] Нью-йоркский регламент исключил термин «экстерриториальность», установив для всех дипломатических привилегий единое понятие «иммунитет», и в некоторых отношениях сократил пределы иммунитета в соответствии с новейшими тенденциями международной практики.

Другой опыт кодификации посольского права был предпринят в Америке. По предложению Административного совета Панамериканского союза (от 2 января 1924 г.) американский Институт международного права в 1925 г. разработал проект конвенции о дипломатических агентах, со специальным разделом «Иммунитеты и прерогативы дипломатических агентов» (раздел V).[20] Этот проект был затем рассмотрен Международной комиссией американских юристов на сессии в Рио-де-Жанейро в 1927 г., которая внесла в него некоторые изменения.[21] Пересмотренный комиссией проект лег в основу Гаваннской конвенции о дипломатических чиновниках, принятой на VI панамериканской конференции в 1928 г. (см. главу VII), т. е. явился подготовительной стадией партикулярной официальной кодификации посольского права.

В недрах Лиги наций имела место попытка универсальной официальной кодификации отдельных важных вопросов посольского права. Созданный в 1925 г. по постановлению V ассамблеи Лиги наций (от 22 сентября 1924 г.) «Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права» включил вопрос «о дипломатических и консульских привилегиях» в число вопросов «достаточно созревших для кодификации» (относительно своевременности кодификации вопроса о дипломатических рангах решено было запросить мнение правительств). Однако подкомиссия по этому вопросу (в составе итальянского юриста Диена и чешского юриста Мастного) ограничила свою задачу ознакомлением с нормами действующего права и определением его основных принципов в качестве общей основы для будущей многосторонней международной конвенции.[22] С этой целью подкомиссия, не

[19] См. Annuaire... Session de New York. 1929, v. II, p. 307—311.

[20] См. Codification of American International Law. Washington, 1925, Project No. 22.

[21] См. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 22 (1928). Supplement, Special Number.

[22] Докладчик подкомиссии Диена в своем докладе Комитету экспертов писал: «Действительно, имеются некоторые основные принципы по этому вопросу, которые являются общепризнанными, и хотя по некоторым отдельным пунктам существует значительное разноречие в законах и в

предложив каких-либо реформ действующего права,[23] разработала подробный вопросник относительно содержания и объема дипломатических привилегий, разослала его отдельным правительствам и в течение 1926 г. собрала от них ответы.[24] Вопреки мнению, выраженному в подавляющем большинстве ответов (22 из 26) о желательности кодификации норм дипломатического иммунитета, Совет и VIII ассамблея Лиги наций в 1927 г. приняли решение, исключавшее этот вопрос из числа вопросов, подлежащих кодификации.[25] Неудача попытки универсальной междугосударственной кодификации норм дипломатического иммунитета объяснялась нежеланием отдельных правительств (прежде всего, правительства Великобритании) связывать себя точными и одинаковыми для всех государств писанными нормами, исключавшими возможность широко пользоваться как средством политического давления традиционными, не поддающимися строгому ограничению дипломатическими привилегиями там, где это позволяло фактическое соотношение сил.

Возвращаясь к опытам неофициальной кодификации посольского права, следует упомянуть два кодификационных проекта: Филлимора и Штруппа (последний проект касался только дипломатического иммунитета), представленных Ассоциации международного права на ее 34-й сессии в Вене в 1926 г., но окончательно не рассмотренных ею.[26] Наконец, в Соединенных Штатах Америки Бюро исследований по международному праву при юридическом факультете Харвардского

судебной практике различных стран, это разноречие может быть преодолено как путем всеобщего соглашения, так и путем серии двусторонних соглашений» (см. Société des Nations. Comité d'Experts pour Codification progressive du droit international. Publications de la Société des Nations, V, Questions juridiques. 1926, V. 2, p. 4).

[23] Другой член подкомиссии — Мастный в своем письме к Диена от 20 августа 1926 г. предложил ввести примирительную и арбитражную процедуру для рассмотрения гражданских исков против дипломатических агентов, но это предложение не было принято подкомиссией (подробнее см. в главе XIII).

[24] См. вопросник в цитировавшейся выше публикации; ответы — в Publication de la Société des Nations, 1927, V. 1.

[25] См. Publication de la Société des Nations, 1927, V. 26. Вопрос о дипломатических рангах был исключен из числа вопросов, подлежащих кодификации решением самого комитета экспертов. См. Publications de la Société des Nations, 1927, V. 21, p. 1.

[26] Phillimore. Proposed Codification on the Law Regarding the Representation of States. См. International Law Association. Report of the Thirty-Fourth Conference. Session of Vienna. 1926; K. Strupp. Reforme et codification du droit international. Projet d'une convention sur l'immunité en droit international. Ibidem; см. также K. Strupp. Beiträge zur Reform und Kodification des völkerrechtlichen Immunitätsrechts. Zeitschrift für Völkerrecht, Bd. XIII (1926), Ergänzungsheft.

университета в течение 1929—1931 гг. разработало типовой проект конвенции о дипломатических привилегиях и иммунитетах, который был опубликован с постатейными комментариями в 1932 г.[27]

В настоящее время имеется свыше десяти проектов кодификации норм дипломатического иммунитета. Одни из них составляют разделы проектов общего кодекса международного права (например, проекты Блюнчли 1868 г., Фиоре — 1890 г., Пессоа — 1911 г., японской Ассоциации международного права 1926 г.), другие посвящены специально посольскому праву (проекты Американского института Международного права 1925 г., Международной комиссии американских юристов 1927 г., проект Филлимора 1926 г.), третьи касаются только дипломатического иммунитета (Кэмбриджский и Нью-йоркский регламенты 1895 и 1929 гг., проект Штруппа 1926 г., Харвардский проект 1932 г.).[28] Следует отметить, что эти проекты имеют некоторое значение в дипломатической практике, давая изложенное в обобщенном виде содержание всех существенных положений посольского права. В особенности это относится к коллективным проектам. Кэмбриджский и Нью-йоркский регламенты служат как бы вспомогательными пособиями для дипломатических ведомств. Американские проекты 1925 и 1927 гг. даже воплотились в действующее посольское право американских государств. Но и индивидуальные проекты имеют известное практическое значение, во всяком случае не меньшее, чем курсы и специальные сочинения отдельных юристов-международников. Основные положения кодификационных проектов,— иногда совпадающие, иногда расходящиеся,— резюмируя мнения представителей науки международного права относительного точного смысла тех или иных действующих норм дипломатического иммунитета, влияют на взгляды государственных деятелей, дипломатов и судей и тем самым неизбежно просачиваются в международно-правовую практику.

* * *

Одна из важнейших задач науки международного права в области посольского права состоит в том, чтобы путем теоретического анализа обычаев, конвенций, законодательства, судебной и дипломатической практики — отчетливо сформу-

[27] См. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law., v. 26, No 2, p. 19—25. Комментарии к отдельным статьям — p. 42—143.

[28] Все перечисленные проекты собраны вместе и помещены в виде приложений к комментариям Харвардского проекта в Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, No 2 (1932). Здесь мы не входим в рассмотрение их содержания, так как они будут неоднократно приводиться в последующем изложении в связи с отдельными вопросами.

лировать основные положения, регламентирующие международно-правовой статус дипломатии, которые служили бы точками отправления в спорных ситуациях.

Эта задача состоит, прежде всего, в определении общего начала международного права, которое лежит в основании этого статуса, иначе говоря — в определении содержания общего принципа дипломатического иммунитета. Такое определение важно и в теоретическом и в практическом отношении. Только исходя из данного принципа, можно свести в единую систему разнообразные юридические нормы, дать им правильное толкование применительно к отдельным случаям и очертить пределы действия дипломатического иммунитета в обстоятельствах, выходящих за рамки обычной практики. Недаром в целом ряде судебных решений и дипломатических нот, разбирающих споры, касающиеся дипломатических представителей, содержатся рассуждения о принципиальном юридическом основании дипломатических привилегий. Теоретическая и практическая стороны указанной проблемы очень тесно переплетаются между собой, ибо она по сути дела сводится к тому, чтобы уяснить юридическую природу дипломатического иммунитета как международно-правового института, а вместе с тем — получить общий критерий для разрешения его отдельных специальных проблем. Этому и посвящена следующая часть нашей работы.

Часть третья

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА

Глава X
ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА 227

Глава XI
ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ 268

ГЛАВА X

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА

§ 1. Проблема юридического основания дипломатических привилегий

Потребность в объединяющем начале, которое служило бы основанием всех дипломатических привилегий, стала ощущаться очень давно. В древние и средние века, когда дипломатические привилегии сводились, главным образом, к личной неприкосновенности послов, эту потребность в значительной мере удовлетворяли религиозные представления о святости послов. Все же наряду с ними складывались и другие — светские представления. Так, например, в древнем Риме можно уже констатировать существование принципа ne impediatur legatio, в котором, между прочим, римские юристы видели основание известного правила jus domum revocandi.[1] В средние века идея приоритета папы и императора над другими государями являлась основанием не только особых церемониальных почестей, оказывавшихся их послам, но и всех правил обращения с ними, которые впоследствии распространились на послов всех «коронованных глав» (des têtes couronnées) и даже «суверенных республик». Кроме того, многие писатели древности (Страбон, Катон, Тит Ливий и др.) и средних веков (Кристина Пизанская, канонисты) обосновывали неприкосновенность послов и уважительное обращение с ними их важным значением для поддержания мира и дружественных отношений между государями и народами. Практика международных отношений требовала, чтобы обоснование дипломатических привилегий было облечено в юридическую форму, в

[1] См. Digesta, V, I, 2, § 3 (Ulpianus), ср. V, I, 26 (Paulus). Огдон связывает с этим принципом также то место из «Дигест», в котором говорится, что если иск, предъявляемый к пребывающему в Риме легату, может лишить его одного из многих его рабов, то такой иск допустим, а если иск может лишить легата всех его рабов, то он недопустим; Огдон ссылается при этом на мнение Юлиана, который считал, что иск недопустим ни в том, ни в другом случае, так как в обоих случаях он влечет за собой помеху в выполнении легатом своих функций (см. O g d o n, op. cit., p. 22—23).

форму общего нормативного положения, из которого можно было бы логически вывести определенные юридические правила.

В особенности нужда в таком обосновании назрела в новое время, когда появились постоянные посольства и стало складываться новое международное право. Во-первых, постоянные послы требовали не только личной неприкосновенности, но и целого ряда других привилегий: неприкосновенности своих помещений, неподсудности местным судам и т. д., и такие требования вызывали на практике многочисленные неясности, осложнения и споры. Для того чтобы разобраться в них и более или менее точно установить содержание и пределы дипломатических привилегий, надо было все эти разнообразные привилегии свести к какому-то единому началу, которое определяло бы общим образом правовое положение иностранного посла. Во-вторых, очень важно было все эти — и прежние, существовавшие веками, и новые, еще не вполне выкристаллизовавшиеся дипломатические обычаи привести в согласование с основными принципами нового международного права, которое создавалось теперь как на практике, так и в теории, и во все большей и большей мере регламентировало международные отношения.

Правда, еще в течение довольно долгого времени над умами юристов также и в вопросах посольского права продолжали господствовать традиционные положения римского права. Они неизменно повторялись в сочинениях о посольствах, как бы избавляя их авторов от необходимости создавать новые юридические конструкции, которых требовала жизнь. Даже после появления трудов Эйро и Гроция, порвавших с романистической традицией в трактовке положения послов, эта традиция сохраняла немалую силу и, несомненно, оказывала регрессивное влияние как на теорию, так и на практику посольского права. По мнению Огдона, это влияние сказалось даже на разрешении дела русского посла Матвеева в Англии в 1708 г., дела голштинского посланника в Нидерландах в 1721 г. и дела гессен-кассельского посланника барона Вреха во Франции в 1772 г.[2]

Однако требования жизни в конце концов преодолевали силу многовековой традиции, и на страницах ученых трактатов стали развиваться новые воззрения на природу и принципиальное основание дипломатических привилегий. Они проникали, затем, и в государственную практику. Эти воззрения большей частью создавались уже юристами, которые специально посвятили себя международному праву и в своих рас-

[2] См. Ogdon, op. cit., p. 48—49.

суждениях о положении послов исходили из определенных общих понятий, рассматриваемых ими в качестве юридических начал взаимоотношений между государствами. С конца XVI и на протяжении XVII и XVIII столетий сложились три основные теории дипломатического иммунитета, которые получали не вполне одинаковую трактовку у различных авторов, приобретали многочисленные оттенки, нередко переплетались друг с другом, но которые представляли собой три юридические конструкции, доминировавшие в доктрине и в практике этих столетий и сохранившиеся mutatis mutandis также в доктрине и в практике последующего времени — это теория экстерриториальности, теория представительного характера посла и теория дипломатических функций. Все три теории были обусловлены новыми историческими особенностями государственной и международной жизни, которые, с одной стороны, порождали новые международно-правовые нормы, обобщенным отражением коих являлись эти теории, а с другой стороны, по-новому определяли общий характер теоретических воззрений на государство, право и международные отношения.

§ 2. Теория экстерриториальности

а) Происхождение теории экстерриториальности и ее широкое распространение в доктрине и практике до середины XIX века

Первой из этих теорий должна быть рассмотрена теория экстерриториальности. В смутных очертаниях выдвинутая еще Эйро и уже вполне отчетливо развитая Гроцием, она вскоре получила широкое распространение как в юридической литературе, так и в государственной практике. Эта теория возникла на почве роста абсолютизма, объединившего всю территорию государства под эгидой единой королевской власти, и укрепления начала суверенитета монарха как во внутригосударственных, так и в международных отношениях. Внутри государства из начала суверенитета вытекало неограниченное господство территориального принципа — по формуле quiquid est in territorio est de territorio,— исключительная власть монарха, его судов и администрации над всеми людьми, проживающими в пределах государственной территории, и полный отказ от признания личного статуса, преобладавшего в средние века.[3] Одним из следствий начала суверенитета в междуна-

[3] По свидетельству Гачека, еще и в средние века слово territorium означало не только «земля», но и «юрисдикция над землей» (Hatschek, Völkerrecht im Grundriss. Leipzig, 1926, S. 43). С установлением же пол-

родных отношениях, восполнившего здесь в некотором смысле прежнее понятие престижа, было притязание абсолютных монархов на почетное и привилегированное положение своих послов как представителей особы суверена, на неподчинение их ни в каком отношении какой бы то ни было иной власти, кроме власти их пославшего. Дипломатическая практика, шедшая по пути расширения посольских привилегий, нуждалась в придании им правового обоснования. Но для этого требовалось примирение притязаний местной, т. е. принимавшей посла, и отечественной, т. е. отправлявшей посла, государственной власти, или, применяя юридическую терминологию, примирение территориальных и экстерриториальных прав суверенитета. Фикция экстерриториальности, согласно которой иностранный посол рассматривается в юридическом смысле как продолжающий пребывать на территории своего суверена, и являлась той конструктивной юридической формулой, которая примиряла оба вышеуказанных притязания в соответствии с господствовавшими тогда общими началами государственного и международного права. Именно в качестве такой конструктивной формулы ее и предложил Гроций, который смотрел на понятие экстерриториальности скорее как на способ юридического выражения дипломатических привилегий, чем как на их непосредственное основание. В смысле непосредственного основания он не раз подчеркивал, что посол представляет особу суверенного государя.[4]

ного господства территориального принципа юрисдикция сделалась неотъемлемым признаком всякой территориальной власти, теперь уже отделившейся от связи с землевладением. Во внутригосударственных отношениях освобождение от местной юрисдикции возможно было только в силу специальной привилегии для некоторых категорий лиц, носившей название «иммунитета» и сохранившейся в наследство от средних веков. Однако в отличие от появившегося впоследствии понятия экстерриториальности послов, представление об иммунитете в государственном праве означало освобождение только от подчинения юрисдикции судов, а не от подчинения территориальной власти вообще (см. об этом у Ф. Тарановского. Юридический метод в государственной науке. Варшава, 1904, стр. 72—74).

[4] На это специально указывают многие современные авторы. Так, например, Веркамер говорит: «Именно соображениями международного интереса, необходимости гарантировать «честь послов» Гроций объясняет привилегии, которыми они пользуются по общему обычаю народов; что же касается фикции экстерриториальности, то ясно, что она, по его мысли, служит только для того, чтобы охарактеризовать привилегированное положение, чтобы выразить идею полной независимости иностранных посольств, их полное освобождение от местого суверенитета» (Vercamer, op. cit., p. 141). Ролэн подчеркивает это обстоятельство еще более резко: «Вспомним,— пишет он,— что вслед за Гроцием, многие юристы, не понимая идеи знаменитого писателя, считали основой этих привилегий фикцию экстерриториальности, как будто фикция может быть основанием права. Истина состоит в том, что Гроций, желая путем образного выра-

Впоследствии же понятие экстерриториальности превратилось из вспомогательной юридической формулы в самостоятельный юридический принцип, рассматривавшийся как непосредственное основание дипломатических привилегий.[5] В таком именно смысле это понятие часто применялось дипломатическими ведомствами и судами в XVIII и даже в XIX веке. Так, например, в 1765 г. английский суд прекратил уголовное преследование против французского посла графа Герши, обвинявшегося в подстрекательстве к убийству, на том основании, что посол «предполагается в силу юридической фикции пребывающим в своей собственной стране».[6] В 1859 г. английский же суд Королевской скамьи прекратил иск акционеров Магдаленской пароходной компании к посланнику Гватемалы — Мартину о возвращении им акций ликвидируемой пароходной компании, исходя из того, что посол «даже не считается проживающим в пределах территории того суверена, при котором он аккредитован, и если он ничего не предпринял для того, чтобы лишиться своей привилегии или отказаться от нее, то он в отношении всех актов юрисдикции считается продолжающим оставаться в своей собственной стране. На этом основании,— продолжает судья,— всеми авторитетами среди юристов, которые писали по этому вопросу, установлено правило, что посол освобожден от юрисдикции судов той страны, в которой он находится в качестве посла».[7]

Такое расширение первоначального смысла теории экстерриториальности было связано с тем же обстоятельством, которое способствовало ее возникновению и быстрому признанию — с тенденцией к прочному закреплению широких дипломатических привилегий. Поскольку фикция нахождения в собственной стране относилась не только к личности посла, но и к занимаемому им помещению, эта теория в своей абсолютной форме служила оправданием и для права убежища

жения составить идею совокупности изъятий, которыми пользуются дипломатические агенты, сказал, что они не подчиняются местной власти, как если бы они находились вне территории. Это сравнение, но не основание. Это следствие, но не причина дипломатических иммунитетов» (A. Rolin. Affaire Balmaceda-Waddington à Bruxelles, Journ. de droit intern. privé, 1906, p. 751).

[5] Следует при этом отметить, что самый термин «экстерриториальность» вошел в употребление значительно позднее, чем появилось данное понятие. Впервые слово exterritorialitas было введено в обиход в 1749 г. Вольфом, который писал по-латыни. В конце XVIII в. оно употребляется Г. Ф. Мартенсом на французском (l'exterriotorialité) и на немецком (die Exterritorialität) языках. См. Catoy, цит. соч., стр. 170.

[6] См. Hurst, op. cit., p. 164, note; Ogdon, op. cit., p. 80—81.

[7] См. Fenwick. Cases..., p. 611.

в дипломатических помещениях и для права посла на юрисдикцию над своим персоналом. Даже после того как подобного рода чрезмерные привилегии отошли в прошлое, теория экстерриториальности, завоевавшая огромный авторитет как в доктрине, так и в дипломатической и судебной практике, долго еще продолжала применяться в вышеуказанном широком смысле, составляя основание для претензий, далеко выходивших за пределы тех дипломатических привилегий, которые были в то время санкционированы действующим обычаем. В частности, опираясь на теорию экстерриториальности, дипломатические представители не раз требовали изъятия из местной юрисдикции любых действий, совершенных в помещении посольства, даже если эти действия совершены обыкновенными лицами.[8]

б) Теория экстерриториальности в судебной и дипломатической практике во второй половине XIX века и в XX веке

Однако со второй половины XIX века, когда тенденция к росту дипломатических привилегий не только давно перестала существовать, но уступила место противоположной тенденции — к их сокращению, когда кроме этого расширилась законодательная регламентация личных и имущественных прав граждан, а в науке международного права возобладало позитивное направление, теория экстерриториальности стала утрачивать прежний авторитет и все больше и больше обнаруживала свою несостоятельность на практике. Суды продолжали применять освященное прочной традицией понятие экстерриториальности, но в значительном большинстве случаев отвергали выводы, которые логически следовали из буквального смысла этого понятия и находились в непримиримом противоречии с положениями действующего права.

В решениях по уголовным делам суды отказывались рассматривать преступления, совершенные не дипломатическими лицами в помещении посольства или миссии, как действия, подведомственные юрисдикции того иностранного государ-

---

[8] Так, например, в 1784 г. французский посланник в США требовал отправки во Францию для суда и наказания французского подданного Лонгшама за оскорбление секретаря миссии Морбуа, нанесенное в доме этого посланника в Филадельфии (см. I. B. Moore. International Law Digest. 1906, v. IV, p. 266; также Fenwick, Cases..., p. 605—608). В 1865 г. русский посол во Франции требовал выдачи для отправки в Россию русского подданного Никитченкова, покушавшегося в здании посольства на жизнь атташе посольства Балша (см. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов, т. II, СПб., 1888, стр. 46). Подробнее об этом деле см. ниже.

ства, которому принадлежит данное посольство или миссия. Так, например, когда в 1865 г. русский посол во Франции потребовал от французских властей выдачи упоминавшегося выше Никитченкова, покушавшегося на убийство в здании русского посольства, и мотивировал это требование тем, что преступление совершено на русской территории, Кассационный суд Франции, вынесший окончательное решение по данному делу, признал правильным отказ в выдаче, указав при этом, что фикция экстерриториальности не может быть толкуема расширительно, что преступник, как иностранец, проживающий во Франции, подчинен французским законам и что место, где он совершил преступление, поскольку это касается его лично, не может считаться расположенным вне Франции.[9] В 1880 г. Уголовное отделение германского имперского суда в Лейпциге, вынося решение по делу натурализовавшегося в США немца, обвинявшегося в даче под присягой ложных показаний секретарю американской миссии в Берлине, указало, что «дом посланника, аккредитованного при германском правительстве, не должен рассматриваться как иностранная территория, и, следовательно, преступление, совершенное в этом доме, должно рассматриваться как совершенное в данной стране», ибо, «хотя по международному праву дом посланника является экстерриториальным, эта фикция в современной интерпретации не идет дальше того, что необходимо для обеспечения личной неприкосновенности посланника и его свиты».[10] В 1910 г. исправительный трибунал Сены, рассматривая дело болгарского подданного Троханова, покушавшегося в здании болгарской миссии в Париже на жизнь члена миссии, в связи с заявлением адвоката, что преступление, совершенное внутри миссии, должно рассматриваться как совершенное на иностранной территории, указал, что теория экстерриториальности не может простираться так далеко и что «место, где преступление было совершено, не может, в том, что касается его (Троханова — *Д. Л.*) лично, считаться расположенным вне пределов (французской) территории».[11]

---

[9] См. Hurst, op. cit., p. 147.

[10] См. Journ. du droit intern. privé. 1882. p. 326. Приведено у Hurst, op. cit., p. 147; также Deak, op. cit., p. 191.

[11] См. Journ. du droit intern. privé, 1910, p. 551; Hurst, op. cit., p. 146—147. Аналогичные решения французских судов см. в указанном журнале за 1916 г., стр. 164, и за 1922 г., стр. 193.

Такова позиция не только судов, но и дипломатических ведомств. Так, например, в 1925 г. Государственный департамент США отказался удовлетворить требование эстонского посланника в выдаче некоего Оскара Томберга, обвинявшегося в совершении преступления в эстонской

В гражданских делах суды отказывались признавать контракты, заключенные в дипломатических помещениях, изъятыми из юрисдикции той страны, где они заключены, и подведомственными юрисдикции соответствующего иностранного государства. В этих случаях, поскольку речь не шла о лицах, пользующихся дипломатическими привилегиями, суды применяли принцип locus regit actum в обычном значении. Среди ряда дел, в которых ярко обнаружилось несоответствие классической теории экстерриториальности принципам действующего права и современным правовым представлениям, весьма широко известно дело Мюнир-паши против Аристархи, разбиравшееся во французском суде в 1909 г. Турецкий посол в Париже Мюнир-паша в здании посольства дал взаймы своему соотечественнику Аристархи 5 тысяч франков, а впоследствии стал взыскивать с него эту сумму по суду; тогда представитель ответчика, ссылаясь на экстерриториальность здания посольства, заявил о неподсудности данного дела французскому суду. Суд отклонил этот довод и указал, что принцип экстерриториальности не может распространяться «на акты гражданской жизни, касающиеся подданных страны, аккредитующей посла, и что вследствие этого, если иностранцы, проживающие во Франции, заключают контракт в посольстве, то они не могут ссылаться на принцип экстерриториальности, чтобы претендовать на то, будто бы этот контракт заключен на иностранной территории».[12] В 1921 г. итальянский консульский суд в Каире в решении по делу Паланка против общества Ossidrica Orientale Zorzi, отвергнув притязание на изъятие из итальянской юрисдикции контракта, заключенного у английского консула в Милане, сделал при этом следующее общее заявление: «Нельзя признать, что данный акт был подписан вне пределов страны, ибо суверенитет государства не допускает нарушения его территориальных прав, и понятие «экстерриториальности» внутри территориальных границ является абсурдным как с логической, так и с юридической точек зрения. Консульские и дипломатические представители не могут изменить государственной принадлежности того места, которое они занимают. Они пользуются только личным правом, которое признано государством, где они аккредитованы и которое в

миссии в Лондоне, и заявил, что преступление было совершено в сфере территориальной юрисдикции не Эстонии, а Великобритании (см. Ch. H. Hackworth. Digest of International Law, Washington, 1942, v. IV, § 405, p. 565).

[12] См. Journ. du droit intern. privé, 1910, p. 549—550; Hurst, op. cit., p. 147—148.

известной степени превращается в неприкосновенность занимаемого ими места».[13]

Немало судебных решений было вынесено по поводу браков, заключенных в дипломатических миссиях по законам государства, представляемого соответствующей миссией. В подавляющем большинстве случаев такие браки признавались в судах недействительными, если не соответствовали законам места их заключения, несмотря на ссылки сторон на экстерриториальность дипломатических помещений.[14]

В некоторых случаях суды прямо осуждали теорию экстерриториальности в ее прежнем понимании, как ведущую к ложным выводам и таящую, при последовательном ее применении, опасность для внутреннего правопорядка государства, принимающего иностранного посла. Так, например, еще в 1844 г. английский судья лорд Лэнгдейл в своем мнении (dictum) по делу герцога Брунсвикского против Ганноверского короля сказал, что теория фикции, излагаемая некоторыми авторами по международному праву под названием «экстерриториальности», если привести ее к логическим последствиям, делает крайне опасным для суверена любой

---

[13] См. Journ. du droit intern. 1921, p. 1001; O g d o n, op. cit., p. 90.

[14] Так, например, Гражданский трибунал Сены в 1872 г., рассматривая вопрос о законности брака между англичанином и француженкой, освященного английским капеланом в английском посольстве в Париже, заявил, что фикция экстерриториальности не распространяется на гражданские акты, заключенные подданными страны, представляемой послом, что данный акт был совершен именно во Франции, на французской территории, и к нему должен быть применен принцип locus regit actum; поскольку же по французским законам брак француженки во Франции должен быть оформлен французским должностным лицом, ведущим запись актов гражданского состояния, а капелан таким лицом не является и не имеет на это надлежащих полномочий, то данный брак является недействительным (см. Journ. du droit intern. privé, 1874, p. 71; O g d o n, op. cit. p. 90—91; см. аналогичные решения французских судов в указанном журнале за 1874 г., стр. 73, за 1887 г., стр. 57). В 1922 г. Парижский апелляционный суд, рассматривая вопрос о законности обряда бракосочетания между двумя иностранцами одной и той же национальности, совершенного их отечественным священником в капелле отечественного посольства в Париже, подчеркнул, что в отношении таких актов иностранное посольство рассматривается как интегральная часть французской территории и что действительность браков должна определяться по законам, регламентирующим брачный обряд во Франции; поэтому данный брак был объявлен недействительным, как совершенный иностранным священником, не имеющим никаких полномочий для выполнения функций должностного лица, ведущего запись актов гражданского состояния; суд сделал далее специальную оговорку, что если бы данный брак был оформлен самим дипломатическим представителем, то он имел бы законную силу, поскольку французское законодательство признает право дипломатических представителей оформлять браки их соотечественников во Франции в помещении посольства или миссии (см. Journ. du droit intern., 1922, p. 407; H u r s t, op. cit., p. 148—149).

страны допускать на свою территорию иностранного суверена или его посла.[15] В 1906 г. американский судья Холмс в решении по делу Гюи против Дональда заявил относительно понятия «экстерриториальности», что «поскольку подлежащий рассмотрению вопрос обсуждается в искусственных выражениях, имеется опасность применить в качестве технического определения некое понятие, а затем прийти к выводам, не имеющим никакого отношения к тем основаниям, по которым это понятие применяется».[16]

Как видно из вышеизложенного, отношение к понятию экстерриториальности существенным образом изменилось, и оно уже не рассматривалось судами в качестве руководящего юридического принципа, в качестве презумпции, являющейся в своем буквальном смысле непосредственным основанием дипломатических привилегий. Понятие экстерриториальности свелось на практике к символическому обозначению всего привилегированного положения дипломатических представителей или к условному термину, обозначающему отдельные дипломатические привилегии — чаще всего иммунитет дипломатической резиденции или иммунитет дипломатических агентов от местной юрисдикции. В таком виде это понятие употребляется вплоть до настоящего времени в судебных решениях, в дипломатической переписке, а также во многих законодательных актах и международных договорах.[17]

---

[15] См. Ogdon, op. cit., p. 101.

[16] Ibidem, p. 103.

[17] В советском законодательстве понятие экстерриториальности встречается в «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 г. (ст. 1) и в уголовных кодексах РСФСР (ст. 5) и других союзных республик — в смысле иммунитета от юрисдикции, а также в ряде законов по налоговым и административным вопросам — в смысле фискального иммунитета. Однако в специальном законе о дипломатических привилегиях — в «Положении о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР» 1927 г. слово «экстерриториальность» совершенно отсутствует. Из международных договоров, заключенных Советским Союзом, понятие экстерриториальности встречается в двух договорах об установлении сношений 1921 г.: с Афганистаном (ст. 3) — в смысле иммунитета резиденции, и с Ираном (ст. 22) — в смысле дипломатических привилегий вообще. Кроме того, это понятие встречается в подавляющем большинстве торговых договоров или в специальных соглашениях о правовом положении торгового представительства СССР — в смысле иммунитета дипломатической резиденции, который распространяется на помещения торговых представительств. Только в экономическом соглашении с Германией 1925 г. термин «экстерриториальность» был употреблен не только в смысле иммунитета резиденции (ст. 5), но и в смысле привилегированного положения вообще, поскольку предусматривалось (ст. 4), что торгпред, его заместители и члены совета торгпредства «пользуются всеми преимуществами и льготами экстерриториальных лиц» (см. Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР,

Правда, и в настоящее время иногда приходится сталкиваться с некритическим применением судами понятия экстерриториальности, т. е. с применением его в качестве юридического принципа, а не условного термина, но это имеет место как весьма редкое исключение.[18] По словам Сатоу, «в настоящее время больше имеет место применение этого термина, подобно термину «дипломатия», чем самого принципа... Это метафора, а не юридический факт».[19]

в) Критика теории экстерриториальности и отношение к ней в современной науке международного права

Что же касается доктрины международного права, то большинство юристов-международников теперь отказалось от теории экстерриториальности и на страницах юридической литературы ее опровержению и критике стали уделять так же много внимания, как в свое время уделяли ее обоснованию и защите. Многочисленные и разнообразные возражения, выдвинутые против теории экстерриториальности, можно,

---

заключенных с иностранными государствами до 1 января 1941 г. Составил Ф. Горбов. Изд. «Международная книга» М., 1941, стр. 25, 59, 69, 163, 196, 212, 249, 257, 315, 336, 351 и 371).

[18] Примером такого исключения может служить решение венгерского Верховного суда по делу Залтана в 1928 г. Касаясь вопроса о подсудности Залтана, который обманным путем получил венгерский паспорт в паспортном отделе венгерской миссии в Вене, суд указал, что в силу экстерриториальности помещение миссии должно считаться венгерской территорией и все действия, совершенные в пределах этого помещения, должны судиться на основании венгерских законов (см. Сатоу, цит. соч., стр. 209). Любопытно сравнивать с этим решением решение итальянского Кассационного суда в 1921 г. Рассматривая дело итальянца, обманным путем получившего паспорт на чужое имя в консульском отделе итальянского посольства за границей, суд признал применимой ст. 5 итальянского Уголовного кодекса, согласно которой наказание смягчается, если преступление совершено за пределами Италии. Иначе говоря, суд признал в отношении данного дела помещение итальянского посольства за границей иностранной территорией (см. Hurst, op. cit., p. 149).

[19] Satow, op. cit., 2 ed., V. I, p. 249—250. Член подкомиссии по дипломатическим привилегиям и иммунитетам Комитета экспертов Лиги наций по кодификации международного права Мастный в письме к другому члену подкомиссии Диека от 20 августа 1925 г. прямо высказывался за сохранение понятия экстерриториальности лишь в качестве «метафоры». «Я разделяю мнение тех,— писал он,— которые указывают, что фикция, «якобы некоторые лица и предметы *находятся* вне государства», есть ложное изображение, находящееся в постоянном противоречии с тем фактом, что «эти лица и предметы не могут ускользнуть из суверенитета государства»; но эта точка зрения не мешает мне сохранить термин экстерриториальность, существующий в течение столетий, как простую метафору, *«дипломатическую экстерриториальность»*, обозначающую только *некоторые* изъятия из власти и юрисдикции государства пребывания» (см. Publication de la Société des Nations, 1926, v. 2, p. 12—13).

если их кратко суммировать, свести к следующим основным положениям:

1) Понятие экстерриториальности является фикцией, а фикция не может служить основанием действующего права.

2) Понятие экстерриториальности — это лишь символ известного юридического положения, но оно не может служить его основанием, так как само нуждается в основании, по которому это юридическое положение предоставляется. Попытка юридически обосновать дипломатический иммунитет с помощью понятия экстерриториальности составляет с точки зрения логики petitio principii.

3) Теория экстерриториальности имела некоторые разумные основания в прошлом, но она отжила свой век и находится в противоречии с принципами современного права; поэтому на практике она ведет к ошибочным выводам и порождает недоразумения.

4) Теория экстерриториальности является излишней и бесполезной, ибо для юридического обоснования прав и привилегий дипломатического представителя нет никакой необходимости прибегать к фикции, что он продолжает пребывать в собственной стране, поскольку имеются гораздо более солидные и вполне позитивные основания; к тому же сама эта фикция не охватывает всех видов иммунитета и оставляет необоснованными ряд бесспорных дипломатических привилегий.

5) Теория экстерриториальности вредна и опасна, так как дает основание для притязаний на непомерно широкие привилегии, далеко выходящие за пределы признанного на практике дипломатического иммунитета, и служит оправданием для злоупотребления иммунитетом со стороны дипломатического представителя против государства, в котором он аккредитован.

Несмотря на всю убедительность аргументов, выдвинутых критиками теории экстерриториальности, некоторые авторы, признавая силу этих аргументов, тем не менее высказываются в пользу сохранения понятия экстерриториальности в качестве термина, не только отвечающего привычному словоупотреблению, но и удачно обозначающего в общей форме всю сумму дипломатических привилегий. В частности, с таким предложением выступил автор Кэмбриджского регламента Лер на Женевской сессии Института международного права в 1892 г. «Термин «экстерриториальность»,— говорил он,— выходит за пределы того, что он реально обозначает в наши дни, и мы избегали его, насколько возможно, ибо технический язык должен быть, прежде всего, строгим и точным. Но нельзя оспаривать, что несмотря на свой ограничен-

ный для современности смысл и на то, что он всегда был шатким, термин «экстерриториальность» остается в употреблении потому, что он кратко резюмирует всю совокупность исключений и иммунитетов, которыми не пользуется (обыкновенный.— *Д. Л.*) иностранец в месте пребывания и которые некоторым образом ставят дипломата если не вне территории, то по крайней мере вне местного права».[20] Такую же точку зрения высказывают авторы ряда общих курсов по международному праву и специальных монографий по посольскому праву.[21] Наконец, отдельные буржуазные авторы отстаивают понятие экстерриториальности по его существу, т. е. не в качестве термина, а в качестве юридического принципа дипломатического иммунитета.[22] Наиболее ревностным

[20] См. Annuaire..., v. III, p. 195—196.

[21] Так, например, в учебнике Казанского говорится: «Выражение внеземельность хорошо определяет положение посланника в принимающем государстве. Не следует только придавать ему буквального значения. Внеземельность должна быть толкуема ограничительно, как совокупность тех полномочий, которые определенно признаны за посланниками» (Казанский. Учебник международного права, стр. 206). В курсе Оппенгейма мы читаем: «Экстерриториальность... есть только фикция, ибо в действительности дипломатические представители пребывают не вне пределов, а в пределах территории принимающего их государства. Тем не менее, термин «экстерриториальность» сохраняет свое значение, так как он ясно указывает на то, что посланники во многих отношениях должны рассматриваться так, как если бы они не находились на территории принимающего их государства» (Oppenheim, op. cit., v. I, p. 620). По мнению Херста, термин «экстерриториальность» в применении к привилегии изъятия из сферы действия местных законов и юрисдикции «хорошо указывает, в чем истинная основа дипломатических иммунитетов» (Hurst, op. cit., p. 149).

[22] Так, например, Гейкинг доказывает, что экстерриториальность есть общий принцип, вокруг которого объединяются отдельные дипломатические привилегии. «Экстерриториальность,— пишет он,— не есть конкретное право, но сумма отдельных привилегий». «Подобно тому, как грамматика объединяет слова и термины данного языка, чтобы открыть в них его правила и принципы, также и мы объединяем законодательные постановления относительно экстерриториальных лиц и находим в них фундаментальную идею, а именно: отрицание территориального принципа, который заменяется принципом подчинения, исключающего территориальную власть. Принцип такого подчинения и есть, строго говоря, принцип экстерриториальности». «Экстерриториальность,— резюмирует он,— это не фикция, а принцип права, который при известных условиях и в известной степени изымает экстерриториальных лиц из территориальной власти и подчиняет их экстерриториальной публичной власти. Негативно — экстерриториальность есть изъятие из территориальной власти, позитивно — подчинение экстерриториальной власти» (A. Heyking, L'exterritorialité et ses applications en Extrême-Orient. Recueil des cours de l'Académie de droit international, t. 7, 1925, p. 257—258).

Среди доводов в защиту экстерриториальности как принципа можно встретить и такое несуразное рассуждение, что экстерриториальность как некая общая идея укрепляет сознание дипломатом своей независимости и тем ослабляет влияние на него окружающей среды. Это рас-

защитником теории экстерриториальности в современной буржуазной литературе является, пожалуй, Женэ, который полностью поддерживает ее классическое содержание. «Если дипломатический агент,— пишет он,— есть представитель чего-то высшего, пребывающего там, на национальной территории, если он есть не что иное, как отражение dominus'a, то он действительно экстерриториален; не нужно никакой фикции, никакой абстракции, чтобы это понять». «Нужно сохранить эту превосходную идею экстерриториальности,— заявляет Женэ в другом месте,— сочетая ее со старым римским понятием представительства. Публичный министр, физически (corporellement) пребывающий за границей, в действительности есть не что иное, как уста и инструмент главы государства, суверена, правительства. Его присутствие эфемерно». [23]

В этом стремлении удержать понятие, явно переставшее соответствовать действующему праву, сказывается сила исторической традиции, весьма прочной в области посольского права. Но наряду с этим, поскольку речь идет о Женэ и ему подобных, здесь играет роль также влияние на доктрину точки зрения некоторых буржуазных правительств, пользующихся широкими дипломатическими привилегиями в полузависимых странах и не желающих отказываться от понятия, которое при соответствующих обстоятельствах может быть превращено в основание для защиты далеко идущих притязаний на дипломатический иммунитет.

Все же в современной доктрине международного права становится все меньше и меньше сторонников теории экстерриториальности, причем ряд авторов возражает против понятия экстерриториальности не только как юридического принципа, но даже как технического термина, условно обозначающего все или отдельные дипломатические привилегии. [24]

суждение принадлежит Стризоверу. Определяя экстерриториальность как «особый юридический феномен, характеризующийся своим непосредственным противопоставлением идее зависимости лиц и вещей от регулирования со стороны территориальной власти», он пишет: «В наше время меньше идет речь о стеснительных непорядках, которые действительно мешают деятельности министра, чем о том сознании его личной независимости, которое представляется необходимым для надлежащего выполнения дипломатических функций на основе равенства... Дипломатический агент постоянно подвергается влиянию места своей резиденции; экстерриториальность смягчает действие этого фактора» (Strisower, op. cit., p. 239—240).

[23] R. Genet. Traité de diplomatie et de droit diplomatique. Paris, 1931, v. I, p. 422, 492—493.

[24] «В настоящее время,— говорят, например, в своих лекциях Камаровский и Ульяницкий,— в такой фикции нет никакой надобности, так как для цивилизованных государств неприкосновенность дипломатических

Весьма знаменательно в этом отношении то обстоятельство, что термин «экстерриториальность» исчезает из новейших кодификационных проектов дипломатического иммунитета, составленных международными научными учреждениями и отражающих господствующие воззрения. Если он был восстановлен в результате дискуссии при обсуждении Кэмбриджского регламента Института международного права 1895 г.,[25] то его уже нет в Нью-йоркском регламенте того же Института 1929 г. равно как и в проекте Штруппа, представленном 34-й конференции Ассоциации международного права в 1926 г.; он не фигурирует и в американских проектах: в проекте Американского института международного права 1925 г., в проекте Международной комиссии американских юристов 1927 г. (так же как и в составленной на основе этих проектов Гаванской конвенции 1928 г.) и, наконец, в проекте юридического факультета Харвардского университета 1932 г.

Теория экстерриториальности отслужила свою службу, в период своего расцвета в XVII и XVIII веках. В XIX веке она уже находилась в противоречии с потребностями жизни и с господствующими тенденциями в развитии права. В настоящее время она существует только как пережиток прошлого, а самое понятие применяется главным образом в терминологии.

§ 3. Теория представительного характера посла

а) Происхождение теории представительного характера посла, ее изложение в доктрине и применение в дипломатической и судебной практике до середины XIX века

Наряду с теорией экстерриториальности пользовалась непререкаемым авторитетом и широко применялась на практике теория представительного характера посла. Генетически эта теория предшествует теории экстерриториальности. Еще в период императорского Рима и в средние века почести,

---

агентов вытекает из требований самого международного общения, которое должно гарантировать за органами их постоянных сношений (дипломатическими агентами) положение, могущее создать им физическую и юридическую возможность для полного и беспрепятственного осуществления их предназначения. В этих целях необходимо признать за дипломатическими агентами независимость, а последняя ведет к их неприкосновенности» (Камаровский и Ульяницкий, цит. соч., стр. 137—138).

[25] На Кэмбриджской сессии термин «экстерриториальность» вызвал резкие возражения и вначале был исключен из проекта, но затем был снова включен. Защитники термина «экстерриториальность» доказывали, что пока не предложено лучшего термина, который обобщал бы всю сумму дипломатических привилегий (см. Annuaire..., v. III, p. 694, et S.).

оказывавшиеся чрезвычайным послам, ставились в зависимость от могущества и титула их государей. Считалось, что в лице послов эти почести оказываются тем, кто их послал. На этом представлении основывалась и система старшинства или так называемого председания, в силу которой послы пап в католических государствах, послы германских императоров, а затем и послы некоторых других монархов пользовались наиболее высокими церемониальными преимуществами. За многочисленными спорами и конфликтами, к которым приводила система председания вплоть до начала XIX века, скрывалась борьба за укрепление международного положения государства.[26] Таким образом, международно-правовое положение послов, по крайней мере, в том, что касалось их церемониала, издавна привыкли рассматривать как выражение престижа и места в международной иерархии их государей.

В период абсолютизма идея международной иерархии государей отошла в прошлое и ее заменило господствующее начало нового международного права — начало суверенитета, в силу которого суверенный государь не имел никакой стоящей над ним власти и, следовательно, не подчинялся власти и юрисдикции какого бы то ни было иностранного государства. К взаимоотношениям суверенных монархов применялась старинная формула, определявшая когда-то взаимное положение равных по месту в феодальной иерархии средневековых феодальных сеньоров: par in parem non habet imperium. Но вместе с тем, еще больше укрепилось представление о том, что посол несет в себе честь и престиж своего государя; считалось, что посол — это alter ego своего государя, что он как бы персонифицирует его суверенную особу. Из сочетания этих двух представлений и сложилась так называемая «представительная теория» дипломатического иммунитета, точнее — теория представительного характера посла, которая, в условиях существования постоянных посольств, должна была обосновывать не только церемониальные привилегии послов, но и их иммунитет от действия местной власти и юрисдикции. «В самом деле,— писал Викфор, который в XVII веке уже весьма отчетливо формулировал эту теорию,— основание, почему международное право освобождает публичного министра от юрисдикции места его резиден-

[26] См. главы III и IV. Интересный экскурс в вопрос о происхождении и развитии посольского церемониала и, в связи с этим, о значении идеи старшинства или председания содержится в статье В. Александренко. Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов. «Варшавские университетские известия», 1894, кн. VII, стр. 5—6 и сл.

ции, заключается в том, что он представляет суверена, над которым другой суверен не имеет ни верховенства, ни юрисдикции; поэтому-то он не может их распространить и на его посла». [27]

На протяжении XVII, XVIII, а отчасти и XIX веков представительный характер посла рассматривался почти всеми авторами сочинений о посольствах как непременное основание дипломатических привилегий. Эту идею разделяли сторонники самых различных юридических конструкций иммунитета: и Гроций, и Бинкершук, и Ваттель. [28] Но сама по себе идея представительного характера посла не содержала никаких юридических предпосылок для примирения суверенитета отправляющего посла государства с суверенитетом государства, его принимающего, и не давала критерия для определения тех пределов, до которых простирается независимость посла от законов, власти и юрисдикции государства пребывания. Между тем, согласование посольских привилегий с действием территориального начала и установление таким путем пределов этих привилегий практически было, пожалуй, наиболее важной стороной проблемы дипломатического иммунитета. Теория представительного характера посла в своем, если можно так выразиться, чистом виде, была вполне достаточна для обоснования церемониальных привилегий посла, но для обоснования иммунитета от юрисдикции она требовала дополнительной юридической аргументации, которая превратила бы теоретический принцип в инструмент, пригодный для применения на практике. Поэтому эта теория развивалась в юридической литературе чаще всего в сочетании с формулой экстерриториальности посольства или с рас-

---

[27] Wicquefort, op. cit., t. I, p. 390.

[28] Вспомним, что, по определению Гроция, послы «в силу некоторого рода фикции считаются лицами тех, кто их послал» (Grotius, op. cit., p. 336). У Бинкершука, который, как известно, постарался усовершенствовать фикцию экстерриториальности с помощью понятий подданства и домициля посланника и дополнить ее принципом дипломатических функций, мы встречаем также и следующее рассуждение: «Посланники освобождаются от ответственности перед властью государя, к которому они посланы только для того, чтобы они не изменяли своей стране, в то время как находятся на службе, и не становились подданными другого господина в то время, как представляют интересы их собственного господина, который может даже быть врагом этого другого» (Bynkershoeck. Questionum juris publici libri duo. Classies of International Law, edited by J. B. Scott, Oxford, 1930, v. II, p. 156. См. также Traité du juge compétent des Ambassadeurs. Ch. V, Sect. VII). А Ваттель пишет: «Уважение, подобающее суверенам, должно отражаться и на их представителях и, главным образом, на после, который в наибольшей степени (au premier degré) представляет особу своего государя» (Vattel, op. cit., Paris, 1856, t. II, p. 401).

суждениями о необходимости дипломатических привилегий для выполнения послами своих функций.[29]

В таком же сочетании применялась теория представительного характера посла в дипломатической и судебной практике. Британский генеральный атторней Монтэгю в обвинительном акте по делу об оскорблении Матвеева заявлял: «Та же самая юридическая фикция, которая делает его (посла.— *Д. Л.*) представителем личности своего государя, делает его экстерриториальным и как бы находящимся во владениях своего государя».[30] В знакомом нам меморандуме Эгильона (см. главу III), наряду с представительным характером посла, в качестве второго основания дипломатического иммунитета, приводится «молчаливое соглашение», в силу которого дипломатические представители «могут требовать, чтобы не делалось ничего того, что мешало бы им в выполнении их публичных функций»,[31] — причем это второе основание применяется в меморандуме и как критерий пределов иммунитета.

В приводившемся выше решении английского суда Королевской скамьи по делу Магдаленской пароходной компании против Мартина, построенном на теории экстерриториальности, все же фигурировал и принцип представительного характера посла. В этом решении говорилось, что посол, «по крайней мере, имеет такие же привилегии, как и суверен, которо-

---

[29] Сочетание принципа представительного характера посла с понятием экстерриториальности мы обнаруживаем и у самого Гроция, который обе эти фикции ставит рядом друг с другом (см. извлечения из труда Гроция, приведенные в главе III). Ярким примером сочетания принципа представительного характера посла с теорией дипломатических функций могут служить приводившиеся выше (в главе III) рассуждения Монтескье и Ваттеля. В качестве дополнительной иллюстрации можно привести следующее рассуждение из весьма популярного в XVIII в. руководства по международному праву Уорда: «Посол не знает законов страны, в которую он посылается, и не должен им подчиняться. Он приходит туда отнюдь не в личных целях, не для того, чтобы развлекаться. Он приходит туда, чтобы представлять другого, как представитель привилегий, власти и прав, которыми другие пользуются там, куда он приходит. Таким образом, по соглашению и ради взаимной выгоды, которая из этого возникает, ему разрешается представлять и, если можно так выразиться, олицетворять все эти высокие привилегии в пределах другого государства, чтобы облегчить урегулирование международных дел. Не подлежит сомнению, что эта цель не была бы достижима, если бы иностранный представитель рассматривался как обыкновенное частное лицо той страны, в которую он посылается, и пользовался бы только защитой действующих законов, что часто не является никакой защитой» (R. Ward. An Enquiry into the Foundation and History of the Law of Nations in Europe from the Time of the Greecks and Romans to the Age of Grotius. London, 1795, v. II, p. 494. Цит. по Hurst, op. cit., p. 124).

[30] См. Redlich, op. cit., p. 354.

[31] См. Martens, Causes célèbres..., t. II, p. 284.

го он представляет».[32] В решении английского Канцлерского суда по делу Барбуи 1739 г. принцип представительного характера посла дополнялся ссылкой на необходимость иммунитета для выполнения представителем своих функций. «Привилегия публичного министра,— говорил судья,— делает его личность неприкосновенной и свободной от ареста не ради его самого, а ради того, кого он представляет»; но вслед за тем он добавил: «И если основание его привилегии лежит в государе, которым он послан, и в делах, которые он должен вести, то недопустимо, чтобы он мог отказаться от этой привилегии и защиты, ибо если он будет брошен в тюрьму, то дела неизбежно должны страдать».[33]

Весьма яркий пример сочетания теории представительного характера посла с указанием на необходимость иммунитета для выполнения дипломатических функций дает решение Высшего суда города Нью-Йорка по делу Хольбрука, Нельсона и К° против Гендерсона 1851 г. Ссылаясь на Ваттеля, судья подчеркнул, что «поскольку посланник представляет суверена, которым он послан, то уважение, которое ему оказывается, относится не лично к нему — по существу это есть уважение одного суверена, оказываемое другому»; но далее он заметил: «Необходимо, чтобы посол был свободен от всякого контроля и действия законов той страны, в которую он посылается, поскольку без такой свободы он не был бы в состоянии выполнять свой долг в отношении его суверена с твердостью и преданностью».[34]

А в решении американского федерального суда Восточного округа Пенсильвании по делу США против Бреннера 1830 г., судья, ссылаясь в обоснование дипломатических привилегий на представительный характер посла, указал наряду с этим и на необходимость выполнения дипломатических функций и на экстерриториальность: «Привилегии публичного министра,— говорится в решении,— не являются его личными привилегиями, и их нарушение не наказывается как оскорбление его самого; иммунитет от ареста есть привилегия суверена, который его посылает, и оскорбление наносится последнему в лице его представителя». Вслед за тем, в том же решении мы читаем, что «международное право защищает посланника, чтобы ничто не препятствовало ему в делах его миссии, и его личность неприкосновенна так же, как и личность его суверена, в пределах территории которого он считается находящимся».[35]

---

[32] См. Fenwick, Cases..., p. 610.
[33] См. Dickinson. A Selection of cases..., p. 587—588.
[34] См. Fenwick, Cases..., p. 614—615.
[35] См. Hudson. Cases..., p. 782.

Следует отметить, что почти во всех вышеприведенных случаях, когда в защиту дипломатического иммунитета, наряду с указанием на представительный характер посла, ссылались также на экстерриториальность или на необходимость иммунитета для выполнения дипломатических функций, понятие экстерриториальности служило юридической формулой, обобщенно выражающей привилегированное положение посла, ссылка на дипломатические функции служила оправданием этого положения с точки зрения требований жизни, а представительный характер посла приводился именно как юридическое основание дипломатического иммунитета, как принцип, из которого иммунитет логически вытекает.

б) Модернизация теории представительства во второй половине XIX века и в XX веке

Однако к середине XIX века, после того как на смену понятию суверенитета монарха пришло понятие суверенитета государства, прежнее представление о том, что посол персонифицирует особу своего суверена, стало терять под собою почву. Если в период абсолютизма этому представлению соответствовало прочно укоренившееся в дипломатическом обиходе правило, что «представительным характером» обладают только послы, легаты и нунции — правило, зафиксированное и в Венском регламенте 1815 г., отдавшем дань абсолютистским традициям, то теперь различие в рангах дипломатических представителей приобретало почти исключительно церемониальное значение. В противовес традиционному положению, государственные деятели молодых буржуазных государств, и, прежде всего, США, не знавших абсолютистских традиций, всячески подчеркивали, что дипломатические представители всех рангов имеют одинаковые полномочия, ибо все они являются представителями суверенной власти государства.[36] Естественно, что при этом не могло не измениться и само понятие представительного характера посла. Оно

[36] В 1855 г. генеральный атторней США Кеннинг разъяснял в письме к государственному секретарю Мерсею, что звания дипломатических агентов Соединенных штатов не имеют прямого отношения ни к их функциям, ни к их полномочиям, ни к истинному характеру их службы и что все они, независимо от ранга и звания, в силу возложенной на них миссии, скрепленной большой печатью Соединенных Штатов, являются бесспорными представителями pro tanto суверенитета Соединенных штатов (см. Ogdon, op. cit., p. 145—146). Такая позиция американских государственных деятелей в особенности стимулировалась тем, что несмотря на то, что в конституции 1787 г. говорилось о назначении «послов и других публичных министров» (ст. II, раздел 2), Соединенные штаты вплоть до последнего десятилетия XIX в. избегали назначать послов, считая это монархическим обычаем, но вместе с тем не желали ставить своих представителей за границей в неравное положение по сравнению с предста-

стало означать теперь не персонификацию особы суверена, а представительство суверенного государства. Государственный секретарь США Фрелингхьюзен в 1884 г., заявляя, что присущий послам «представительный характер» вполне применим и к представителям республики, добавил, что теоретически, «быть может, было бы более уместно, чтобы совокупное достоинство государства, пользующегося самоуправлением, воплощалось и представлялось одним из его граждан за границей, чем чтобы реальная личность суверена воображалась присутствующей при каждом иностранном дворе в лице его делегата».[37] А в преамбуле Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г., суммирующей итоги теории и практики американских государств в области посольского права, говорится: «Дипломатические чиновники ни в коем случае не представляют личность главы государства, а только свои правительства».[38] Это — лишь фиксация положения, широко признанного в наши дни не только на американском континенте, но и во всем мире.

В связи с этим претерпевает изменение и теория дипломатического иммунитета, основывающая этот иммунитет на представительном характере посла и фигурирующая теперь большей частью под названием «теории представительства». Современные сторонники этой теории рассматривают дипломатический иммунитет не как следствие того, что посол является alter ego суверенного монарха, а как право, вытекающее из суверенитета государства, которое посол, равно как и дипломатический агент другого ранга, представляет в его целом. Тем самым иммунитет дипломатических представителей конструируется как прямое логическое следствие суверенитета государства. Так, например, известный русский ученый Коркунов в своем курсе лекций по международному праву говорит: «В силу их (дипломатических агентов.— *Д. Л.*) представительного характера они не могут подчиняться авто-

вителями монархических государств. Лишь в конце XIX в., когда Соединенные штаты вышли на арену мировой политики, они стали следовать и в вопросе о рангах и церемониале примеру других великих держав. В 1893 г. конгресс принял билль, дающий право президенту повышать ранг американских дипломатических представителей в соответствии с рангом иностранных дипломатических представителей, аккредитованных в США. А вслед за принятием этого билля правительство США вошло в соглашение с правительствами Франции, России, Италии и Германии о возведении обоюдных посланников в ранг послов (см. Foster, op. cit., p. 23—24; в примечании к стр. 23 помещен и самый текст билля). Однако к этому времени уже нигде не существовало прежнего представления, что только послы обладают представительным характером.

[37] См. Moore, op. cit., v. IV, p. 736—738.

[38] См. The International conferences of American States, 1889—1928, p. 420.

ритету иностранной власти. Это противоречило бы суверенитету государств. В лице своего представителя суверенное государство как бы само подчинялось бы чуждой власти. Между тем, дипломатическим агентам нередко приходится действовать на территории другого государства. Чтобы не подчинять их в таких случаях, им предоставляется право экстерриториальности или внеземельности» (этим термином Коркунов обозначает общее понятие иммунитета).[39]

В такой же интерпретации теория представительства довольно часто применяется и в судебных решениях со второй половины XIX века. Так, например, Гражданский трибунал Сены в решении по делу Геррана 1875 г. указал, что было бы противно «взаимной независимости наций», если бы «представитель какой-либо из них подлежал юрисдикции судов страны, в которой он представляет суверенное государство».[40] В решении Кассационного суда Франции по делу Эрембо де Дюдзель 1891 г. суд, отменяя решение низшей инстанции (Гражданского трибунала Сены), присуждавшее советника бельгийской миссии к уплате денежной суммы по иску, заявил, что «некомпетентность французских трибуналов в этом деле основана на необходимости взаимной независимости различных государств и лиц, обязанных представлять их».[41] В решении польского Верховного суда по делу Монтвид-Бялозора против Ивальди 1925 г. мы читаем, что иммунитет дипломатических агентов от гражданской юрисдикции принимающего их государства, будучи общепризнанным принципом международного права, вытекает из идеи суверенитета и потребности общения между народами.[42] В решении румынского Высшего суда кассации и правосудия 1928 г., наряду с ссылкой на независимость, необходимую дипломатическим агентам для выполнения их функций, отмечается, что дипломатический агент пользуется иммунитетом в силу уважения, подобающего суверенному государству, которое он представляет.[43] Приведенные примеры достаточно иллюстрируют новую интерпретацию принципа представительного характера посла в судебной практике.

В этой модернизированной форме теория представительного характера посла совершенно отбрасывает фикцию персонификации послом реальной личности суверена — фикцию, с которой она была связана в период абсолютизма. Но если дипломатический иммунитет рассматривается как непосред-

[39] Коркунов. Международное право, стр. 144.
[40] См. Ogdon, op. cit., p. 127.
[41] См. Сатоу, цит. соч., стр. 181.
[42] Там же, стр. 191—192.
[43] См. Ogdon, op. cit., p. 129.

ственное следствие принципа государственного суверенитета, не связанное по своему юридическому основанию с какими-либо другими положениями международного права, то он совпадает с иммунитетом самого государства.[44]

При таком формулировании теории представительства права, составляющие дипломатический иммунитет, с логической неизбежностью связываются не столько с личностью дипломатического представителя, сколько с теми действиями, которые он совершает как орган суверенного государства. А в этом как раз и заключался источник наиболее частых возражений против теории представительного характера посла.

в) Критика прежнего и нового вариантов теории представительства и бесспорность самого принципа представительства

Все возражения, которые выдвигались против этой теории, в международно-правовой литературе, можно свести к следующим положениям:

1) Теория, основывающая иммунитет посла на представительстве послом личности и прерогатив своего суверена, противоречит историческим фактам: иммунитет государя установился гораздо позднее, чем иммунитет посла, и, следовательно, не может служить его основанием.

2) Теория, по которой основанием дипломатического иммунитета является представительный характер посла, не согласуется с положениями позитивного права: по Венскому регламенту 1815 г., «представительным характером» наделяются только послы, легаты и нунции, и, следовательно, данная теория не дает обоснования иммунитета дипломатических представителей других рангов.

---

[44] Взгляд на иммунитет посла, как на часть иммунитета государства, был развит в судебной практике Соединенных штатов еще в начале XIX в. в известном решении Верховного суда США по делу шхуны Экчендж против Мак-Фэддона 1812 г. Это решение непосредственно касалось иммунитета военного судна. Оно было вынесено в связи с задержанием в филадельфийском порту судна, принадлежавшего когда-то двум американским гражданам: Мак-Фэддону и Гритэму, захваченного военно-морскими силами Наполеона и обращенного в французское государственное судно. Но американские суды неоднократно ссылались на него и в делах, связанных с вопросами дипломатического иммунитета. В решении говорилось: «Один суверен не может быть ни в каком отношении подвластен другому; и поскольку он связан обязательствами высшего порядка не ронять достоинства своей нации путем подчинения самого себя или своих суверенных прав юрисдикции другого государства, то считается, что он вступает на иностранную территорию только при явном согласии или твердой вере (confidence), что иммунитет, принадлежащий его независимому суверенному положению, будет ему предоставлен. Это полное равенство и абсолютная независимость суверенов и общий инте-

Эти два возражения относятся к классической теории представительного характера посла, исходившей из фикции персонификации послом особы суверена. Однако против модернизированной теории представительства выдвигаются другие возражения.

3) Теория представительства в определении дипломатических привилегий исходит исключительно из суверенитета отправляющего посла государства и поэтому не дает никаких предпосылок для примирения этих привилегий с территориальным верховенством государства пребывания.

4) Поскольку, согласно теории представительства, иммунитет, коим пользуются дипломатические представители, есть исключительно следствие суверенитета государства, он должен распространяться не только на этих представителей, но и на всякий публичный орган государства за границей — что в действительности не имеет места. Следовательно, теория представительства не в состоянии выделить специфические признаки дипломатического иммунитета как особого международно-правового института.

5) Если по логическому смыслу теории представительства дипломатический иммунитет, будучи частью иммунитета государства, связывается не столько с личностью дипломатического представителя, сколько с его действиями, совершаемыми от имени государства, то он может касаться только официальных действий представителя и не может быть распространен на те действия, которые представитель совершает в качестве частного лица. Поэтому теория представительства не может служить достаточным основанием дипломатического иммунитета.

Приведенные здесь возражения против модернизированной теории представительства, как нам кажется, скорее могут быть направлены против того вида, какой приняла эта теория в изложении новейших авторов, чем против самого

рес, побуждающий их ко взаимным сношениям и взаимному обмену услугами, дают основание категории случаев, в которых признается, что суверен отказывается от применения части той полной и исключительной территориальной юрисдикции, которая считается присущей каждой нации». Далее отмечаются три типических случая: «Первым из них считается освобождение личности суверена от ареста и задержания в пределах иностранной территории». «Второй случай, основанный на тех же принципах, что и первый,— это иммунитет, который все цивилизованные нации предоставляют иностранным посланникам». «Третий случай, когда считается, что суверен отказывается от части принадлежащей ему территориальной юрисдикции,— это когда он разрешает проход отрядов иностранного государя через свои владения» (см. Dickinson. A selection of cases..., p. 596—597, 598). Все три случая, как подчеркивает судья, имеют одни и те же принципиальные основания, ибо все они рассматриваются им как части иммунитета государства.

существа теории, основывающей дипломатический иммунитет на принципе представительства. Данный принцип является элементарным положением международного права, и никакая соответствующая действительности юридическая конструкция дипломатического иммунитета не может отвлечься от него.

В советской литературе на тесную связь между дипломатическим иммунитетом и принципом представительства указывает Ф. И. Кожевников. «Основой правового положения дипломатических представителей,— пишет он,— является то, что они во всех отношениях представляют свое государство в стране своего пребывания, что деятельность их имеет представительский характер». [45]

Однако в изложении большинства ее современных сторонников теория представительства, сливающая дипломатический иммунитет с иммунитетом государства, т. е. два понятия, хотя и связанные, но не идентичные друг другу, [46] действительно не способна ясно установить пределы и отразить специфические признаки дипломатического иммунитета и не может обосновать иммунитета в отношении неофициальных действий дипломатического представителя. Последнее чрезвычайно важно практически, ибо на практике наиболее спорными и, следовательно, особенно требующими теоретического обоснования являются вопросы, связанные с распространением иммунитета именно на неофициальные действия. Вследствие всего изложенного некоторые современные сторонники теории представительства, как в свое время сторонники классической теории представительного характера посла, стремятся восполнить пробелы своей теории с помощью теории дипломатических функций, о чем еще будет речь впереди.

По нашему мнению, эти пробелы вытекают не из существа теории представительства, а из ее упрощенного и недостаточно последовательного изложения. Но прежде чем дать новое, устраняющее указанные пробелы изложение теории представительства, обратимся вначале к теории дипломатических функций.

---

[45] Ф. И. Кожевников. Учебное пособие по международному публичному праву, вып. III, М., 1945, стр. 16—17.

[46] В английской судебной практике однажды было обращено специальное внимание на различие этих двух понятий. В приводившемся в главе VIII решении английского Апелляционного суда по делу о праве собственности на яхту «Амазонку» между прочим говорилось: «Иммунитет отличается по содержанию и по объему, если, например, речь идет о после или о члене его свиты, по сравнению с тем иммунитетом, коим пользуется суверенное государство... Следует подчеркнуть, что оба вопроса не могут быть рассмотрены как вопросы одинакового рода» (см. Lauterpacht, Annual Digest and Report..., Years 1938—1940, No. 162, p. 418).

§ 4. Теория дипломатических функций

а) Происхождение теории дипломатических функций и ее широкое распространение в доктрине со второй половины XIX века

Эта теория, строго говоря, ведет свое начало еще от тех рассуждений о необходимости дипломатических привилегий для успеха посольства и поддержания мира между государями, которые встречаются в сочинениях Эйро и Гроция, где они приводятся в качестве сопутствующих доводов в пользу дипломатических привилегий, основываемых на представительном характере посла и на фикции экстерриториальности. Более отчетливый характер приобретает эта теория у Бинкерсгука, который делает формулу ne impediatur legatio вторым основанием дипломатических привилегий, составляющим вместе с тем предел действия принципа экстерриториальности (см. главу III). Вполне законченный вид теория дипломатических функций получает уже у Ваттеля, который рассматривает необходимость выполнения дипломатических функций как главное основание той независимости, которой по международному праву пользуется посол в качестве представителя своего суверена. При этом указанное положение выступает у Ваттеля как норма естественного права, т. е. как принцип, в котором — что было характерно и для его раннего предшественника Пуффендорфа — слиты воедино и не отделяются друг от друга естественная закономерность и правовое предписание. «Необходимо,— пишет Ваттель,— чтобы нации вели переговоры и поддерживали сношения между собой для их собственного блага, для того чтобы избежать причинения вреда друг другу, чтобы улаживать свои споры». Поэтому «каждая нация сочетает в себе право вести переговоры и поддерживать сношения с другими нациями и взаимную обязанность способствовать этим сношениям в той мере, в какой это позволяют ее дела». В соответствии с этим, в последующем изложении Ваттель заявляет: «То же самое право народов, которое обязывает нации допускать иностранных министров, столь же очевидно обязывает их принимать этих министров со всеми правами, которые им необходимы, со всеми привилегиями, которые гарантируют выполнение их функций». «То, что не имеет никакого отношения к его (посла — *Д. Л.*) функциям и его положению,— замечает он в другом месте,— не может разделять тех привилегий, которые представляются его функциями, его положением».[47] Во времена Бинкерсгука и Ваттеля уже начинает сказываться

[47] Vattel, op. cit., 1777, P. 2, p. 176, 196.

тенденция к ограничению непомерно возросших дипломатических привилегий, и теория дипломатических функций, несомненно, отражает эту тенденцию.

Однако полного расцвета теория дипломатических функций достигает со второй половины XIX века, когда наука международного права, вставшая на путь систематизации позитивного правового материала, отказывается от рационалистических конструкций прошлого и стремится дать реалистическое обоснование международно-правовых институтов, в частности и дипломатического иммунитета. С другой стороны, расцвету теории дипломатических функций способствовала та реакция, которая к середине XIX века стала проявляться против широких дипломатических привилегий, установившихся в период абсолютизма и кажущихся теперь не только неоправданными, ввиду законодательной регламентации личных и имущественных прав как местных граждан, так и иностранцев, но даже таящими опасность для внутреннего правопорядка и законности. Рассматриваемая как панацея против злоупотреблений дипломатическим иммунитетом, эта теория завоевывает все большее и большее признание и становится господствующей в науке международного права.

На Гамбургской сессии Института международного права 1889 г. докладчик по вопросу о дипломатических привилегиях и автор Кэмбриджского регламента Лер говорил: «Дипломатические привилегии и иммунитеты являются conditio sine qua non независимости дипломатического агента, выполняющего свою миссию за границей. Поскольку необходимость гарантировать эту независимость тем, кто должен выступать за границей от имени своей страны и своего суверена, является самой основой этих привилегий, следует, что они имеют raison d'être лишь в той мере, в какой эта необходимость существует».[48] Правда, эта точка зрения была лишь частично проведена в Кэмбриджском регламенте: она была положена в основу неприкосновенности дипломатических агентов,[49] наряду с которой две других привилегии — экстерриториальность (имеется в виду иммунитет резиденции) и иммунитет от налогов и юрисдикции фигурируют без всякой ссылки на дипломатические функции. Но уже на Нью-йоркской сессии Института международного права 1929 г. теория ди-

---

[48] Annuaire..., v. II, p. 1150—1151.

[49] По ст. 3, правительство, при котором дипломатические агенты аккредитованы, обязано само воздерживаться и защищать их от всяких посягательств «таким образом, чтобы они могли с полной свободой выполнять свои функции». По ст. 4, «она применяется ко всему тому, что необходимо для выполнения указанных функций» (см. Annuaire..., v. III, p. 783—784).

пломатических функций была положена в основу всего регламента. Ст. I Нью-йоркского регламента гласит: «Дипломатические агенты в интересах выполнения их функций (dans l'intérêt de leur fonctions) имеют право на иммунитеты, перечисленные в настоящем регламенте».[50] Еще резче эта мысль выражена в Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г., составленной на основе американских научных проектов. В преамбуле этой конвенции говорится, что дипломатические чиновники «не могут требовать иммунитетов, которые не являются существенными для выполнения их должностных функций».[51]

Большинство современных авторов по международному праву, таким образом, считает, что юридическим основанием дипломатического иммунитета является необходимость обнимаемых им привилегий и изъятий для выполнения дипломатическими представителями своих функций. Такое объяснение мы встречаем как в общих курсах по международному праву, так и в специальных руководствах по посольскому праву и монографиях о дипломатических привилегиях.[52]

При этом указанная необходимость рассматривается сторонниками теории дипломатических функций и как юридическое основание, и как практический критерий для определения предела иммунитета. Казанский, приступая к изложению дипломатических привилегий, пишет: «Преимущества, которыми наделяется посланник, вызваны одним соображением: ne impediatur legatio. Дальше обеспечения за посланником свободного представительства его государства они, собственно, не должны итти, и толковать их следует поэтому ограничительно» (к этим преимуществам он относит: 1) усиленную

---

[50] См. Annuaire..., Session de New York, v. II, p. 307.

[51] См. The International conferences of American States, 1889—1928, г. 420.

[52] Например, в курсе Захарова говорится: «В целях обеспечить спокойное и независимое исполнение своих обязанностей, за дипломатическими агентами признается ряд прав и привилегий, основания которых коренятся в глубокой древности, создавшей обычаи уважения к личности посла» (Захаров, цит. соч., стр. 269—270). В курсе Бустаманте важнейшие виды дипломатического иммунитета определяются как «права и прерогативы дипломатических агентов, основанные, главным образом, на необходимости пользоваться для выполнения их миссии абсолютной независимостью» (A. Bustamante, Droit international public. Paris. 1934, t. I, p. 378—379). Херст в своем курсе лекций о дипломатическом иммунитете говорит: «Только при условии, что представители пользуются свободой от местной юрисдикции, одни государства соглашаются их держать в других государствах. Без такой свободы иностранным дипломатическим представителям не удалось бы выполнить их миссию... Вот raison d'être дипломатических иммунитетов, вот почему эти иммунитеты освящены обычаем» (Hurst, op. cit., p. 122).

личную охрану, 2) внеземельность и 3) почетные права).[53] Мортон, резюмируя свои взгляды, восклицает: «Это функции дипломата являются мерой, в какой он пользуется своими прерогативами».[54] А Огдон подчеркивает, что теория дипломатических функций должна служить критерием при разрешении каждого спорного случая. «Если,— пишет он,— речь идет о проблеме, противоречит ли отдельный судебный акт со стороны государства пребывания международному праву как вторжение в область иммунитета, которым дипломатический представитель пользуется в силу этого права, то следует спросить, нарушает ли данный акт безопасность, которая необходима для выполнения официальных функций дипломата в качестве иностранного дипломатического представителя. При этом соответствующая защита дипломатических функций становится сущностью права и признаком того, чем определяется право, поскольку это цель, ради которой государства согласились с принципом иммунитета».[55]

В советской литературе: в курсах по международному праву Е. А. Коровина, а также В. Н. Дурденевского и С. Б. Крылова мы встречаем общее указание на значение дипломатических функций для иммунитета и на широкую распространенность теории функций, без того, однако, чтобы теория функций была положена указанными авторами в основу юридической конструкции дипломатического иммунитета.[56]

б) Различные оттенки теории дипломатических функций

Среди высказываний многочисленных сторонников теории дипломатических функций можно уловить два оттенка. Одни авторы считают основанием дипломатического иммунитета его необходимость для выполнения дипломатических функций, т. е. строго каузальную категорию. Такова точка зрения

---

[53] Казанский, Учебник международного права, стр. 204.
[54] Morton, op. cit., p. 158.
[55] Ogdon, op. cit., p. 175.
[56] Е. А. Коровин пишет: «Для возможности успешного осуществления своей миссии дипломатические агенты должны быть поставлены в такие правовые условия, которые в полной мере гарантировали бы личную их неприкосновенность, независимое от местной власти отправление своих функций и беспрепятственные сношения с уполномочившим их правительством» (Е. А. Коровин, Современное международное публичное право. М.— Л., 1926, стр. 84). По словам В. Н. Дурденевского: «Господствующий сейчас взгляд видит в иммунитете лишь совокупность особых личных прав, облегчающих работу дипломатических представительств» (В. Н. Дурденевский и С. Б. Крылов, Международное право. Учебное пособие, вып. 2, стр. 91).

преобладающего большинства сторонников этой теории. В качестве примера можно привести высказывание Херста: «Привилегии и иммунитеты основываются на необходимости: они абсолютно необходимы (indispensables) для поддержания международных отношений». «Если бы завтра,— замечает он далее,— попытались по всеобщему соглашению отменить дипломатические привилегии и иммунитеты, то послезавтра оказались бы перед необходимостью их восстановить, так как эти привилегии основываются на потребностях самих международных отношений».[57] Другие авторы считают основанием иммунитета его целесообразность, его полезность или удобство, т. е. категорию телеологическую. «Цель посольств не была бы достигнута,— пишет Ф. Мартенс,— если б посланники не пользовались неприкосновенностью» (понятие иммунитета Мартенс сводит к двум основным правам: неприкосновенности и внеземельности).[58] По определению Холла, «иммунитеты... частично основываются на соображениях вежливости, частично — на соображениях удобства»[59]. Таким образом, теория дипломатических функций выступает в двух вариантах: как теория необходимости и как теория полезности или удобства.

Некоторые авторы, разделяя положения теории дипломатических функций, не отказываются при этом и от понятия экстерриториальности. Таковы, например, цитированные выше Казанский и Мартенс, таковы Оппенгейм, Лист и пр.[60] Другие, наряду с теорией дипломатических функций, сохраняют принцип представительного характера посла. Например,— цитированный выше Коркунов, также Холл. Аналогичная точка

---

[57] Hurst, op. cit., p. 122.

[58] Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 39.

[59] Hull, op. cit., p. 218—219.

[60] Оппенгейм пишет: «Экстерриториальность, которая должна быть обеспечена дипломатическим представителям внутренним правом всех членов международного общения, отнюдь не основывается, подобно экстерриториальности суверенных глав государств, на принципе par in parem non habet imperium, но на необходимости для посла, чтобы он мог выполнять свои обязанности, быть независимым от юрисдикции, контроля и т. д. государства пребывания» (Oppenheim, op. cit., p. 619—620). Лист, который настаивает на том, что гроциево учение об экстерриториальности «должно быть сохранено в силе», дает этому понятию следующее объяснение: «Чтобы быть в состоянии выполнять возложенные на него международно-правовые задачи, посол освобождается от подчинения государственной, т. е. повелевающей и принуждающей власти той страны, куда он назначен; в этом заключается его так называемая внеземельность». «Только при таком изъятии послу обеспечивается выполнение задач, принятых им на себя с согласия государства, при котором он состоит» (Лист. Международное право в систематическом изложении. Л., 1926, стр. 102).

рения проводится в вопроснике «Комитета экспертов по прогрессивной кодификации международного права».[61]

в) Теория дипломатических функций в судебной практике

Столь же широкое распространение, как в доктрине, получила теория дипломатических функций и в судебной практике. Начиная еще с XVIII века, но чем дальше, тем все чаще и отчетливее эта теория применяется судами и в качестве аргумента в защиту права на иммунитет, и в качестве критерия для установления пределов действия иммунитета, и в качестве довода против чрезмерных притязаний дипломатических представителей. Вот несколько примеров.[62]

В 1789 г. английский Канцлерский суд в решении по делу Гопкинса против де Робека высказался против ареста секретаря датского посла, указав, что он имеет право на иммунитет от ареста, ибо если бы лица в его положении не находились под защитой, то было бы невозможно поддерживать государственные сношения.[63] В 1823 г. английский суд Королевской скамьи в решении по делу Новелло против Тугуда отменил решение нижестоящего суда о наложении ареста на имущество солиста посольской часовни португальского посла Новелло на том основании, что, согласно международному праву, «все, что необходимо для удобства посла и связано с его рангом, обязанностями и религией, должно пользоваться защитой».[64] В 1854 г. английский же Суд общих тяжб в решении по делу Тейлора против Беста, напротив, отклонил ссылку на иммунитет первого секретаря бельгийской миссии Друэ, к которому был предъявлен иск, как к одному из директоров горнорудной компании, мотивируя свое решение тем, что хотя «посол или иностранный министр пользуется привилегией от судебного преследования в стране, где он

---

[61] Коркунов обосновывает дипломатические привилегии их необходимостью «для свободы действия» дипломатических агентов (Коркунов, цит. соч., стр. 144). По словам Холла, иммунитеты «предоставляются частично потому, что без них нельзя удобно вести сношения, а частично — в силу уважения к личности, представляющей суверенитет своего государства» (Hull, op. cit., p. 357). А в вопроснике Комитета экспертов говорится: «Единственной солидной основой для регламентации данного круга вопросов является необходимость разрешить свободное и беспрепятственное выполнение дипломатических функций и поддержать достоинство дипломатического агента как представителя своего государства, а также уважение к вековым традициям» (см. Publications de la Société des nations, 1926, v. 8, p. I).

[62] Один из наиболее ранних примеров — решение голландского суда по делу голштинского посланника от 1720 г., см. в главе III.

[63] Ogdon, op. cit., p. 183—184.

[64] См. Dickinson. A selection of cases..., p. 569.

аккредитован, и от всех процессуальных мер в отношении него, которые могут иметь результатом принуждение его личности или арест личного имущества, необходимого для его удобства и достоинства... однако, все иностранные юристы считают, что если иск не задевает личной свободы посла и не задевает его достоинства и личного удобства, то он может быть вчинен».[65] В 1868 г. парижский Апелляционный суд в решении по делу Дюпона против Чичерина отменил решение Коммерческого суда Сены о взыскании с советника русского посольства Чичерина сумм, связанных с изданием субсидируемой им газеты «La Nation», заявив, что принцип дипломатического иммунитета основан на природе вещей, не допускающей во взаимных интересах обоих государств, чтобы личность или собственность дипломатических агентов служили предметом судебного преследования, поскольку это лишало бы их свободы действий и затрудняло международные сношения, в которых они являются посредниками.[66] В 1878 г. французский же суд в решении по делу Диенца против Иара указал на то, что иммунитет предоставляется всем лицам, принадлежащим к персоналу дипломатических агентов, «присутствие которых необходимо, чтобы они могли достойно представлять свою страну и с пользой и в совершенстве выполнять свою миссию».[67] В 1899 г. Берлинская судебная палата (Kammergericht) освободила от судебного преследования за оскорбление действием француза, находившегося на службе в испанском посольстве, но при этом подчеркнула, что освобождение от германской юрисдикции имеет силу только до тех пор, пока данное лицо связано с посольством, ибо это освобождение дается для того, чтобы обеспечить дипломатическому агенту независимость и возможность свободно выполнять свою миссию.[68]

В ряде случаев — о чем выше упоминалось — суды сочетали теорию дипломатических функций с положениями теорий экстерриториальности и теории представительного характера посла. Суды, как и доктрина, не решались отбросить эти старые конструкции, которые служили как бы традиционным реквизитом их юридической аргументации. Но так или иначе, сама по себе или в сочетании с предшествующими теориями, теория дипломатических функций фигурировала в подавляющем большинстве судебных решений второй половины XIX и первой трети XX веков.

---

[65] Ibidem, p. 573.
[66] См. Сатоу, цит. соч., стр. 180.
[67] Там же, стр. 186.
[68] См. Journ. du droit intern. privé, 1902, p. 146; Ogdon, op. cit., p. 193—194.

Мы не останавливаемся на применении этой теории в дипломатической переписке указанного периода, так как теперь большинство конфликтов, связанных с вопросами дипломатического иммунитета, разрешается в судах. Можно, впрочем, отметить, что еще в конце XVIII века герцог Эгильон воспользовался теорией дипломатических функций, для того чтобы отклонить притязание на иммунитет гессен-кассельского посланника барона Вреха, задержанного в Париже за неуплату своих долгов.[69]

Итак, теория дипломатических функций представляется во мнениях значительного числа современных юристов как конечный вывод, к которому пришли наука и практика применения международного права в результате преодоления искусственно созданных фикций и рационалистических конструкций прошлого. На Нью-йоркской сессии Института международного права 1929 г. докладчик по вопросу о дипломатических привилегиях Хилл говорил: «Именно в соответствии с общим методом рассуждений почти единодушной доктрины, 12-я комиссия основывает положения, представляемые ныне Институту в проекте резолюции, не на фикции экстерриториальности, а на условиях, необходимых для дипломатических функций».[70]

Однако эта теория, несмотря на широкое признание и на ряд несомненных преимуществ по сравнению с предшествующими, дает почву для обоснованной критики.

г) Теоретические и практические дефекты теории дипломатических функций

Прежде всего, дело заключается в том, что теория дипломатических функций в обоих своих вариантах: и как теория необходимости, и как теория полезности или удобства — дает только лишь объяснение дипломатического иммунитета как социального явления, рассматриваемого с

---

[69] «Иммунитет,— говорится в меморандуме Эгильона,— не имеет другой цели, как устранить все то, что могло бы помешать публичному министру выполнять его функции. Из этого следует, что только личность министра пользуется иммунитетом и что его имущество, которое может быть подвергнуто взысканию без ущерба для его функций, все то, чем министр владеет в стране, где он аккредитован, подчинено территориальной власти... Из этого следует,— указывается далее,— что можно законным путем заставить публичного министра выполнить свои обязательства и уплатить свои долги... Привилегия послов распространяется только на то имущество, которым они владеют как послы и без которого они не могли бы выполнять свои функции и свою службу» (см. Martens, Causes célèbres..., t. II, p. 285, 286).

[70] См. Annuaire..., Session de New York, v. II, p. 209.

точки зрения причинности или целесообразности. Такое объяснение может служить для юриста критерием оценки конкретных обстоятельств при определении пределов действия иммунитета — критерием метаюридическим, но весьма существенным, при недостаточной определенности юридических норм; судебная практика во многих случаях и пользовалась теорией дипломатических функций в качестве такого критерия. Однако, эта теория не дает общего юридического принципа дипломатического иммунитета, в котором могли бы найти твердое основание отдельные нормы, входящие в данный институт, ибо она не содержит каких-либо нормативных положений, логически вытекающих из общих начал международного права и в свою очередь составляющих логическую предпосылку конкретных позитивных норм.[71]

Если даже теории дипломатических функций придать внешнюю видимость нормативного положения, например, в виде формулы ne impediatur legatio, или как-нибудь иначе, то суть дела от этого не изменится, так как суждение, констатирующее причинность или заключающее оценку, и нормативное положение — это различные логические категории и остаются таковыми, независимо от той грамматической формы, в которой они могут быть выражены.[72]

Вследствие того, что принцип дипломатических функций по сути дела сводится к суждению оценки, он в применении

---

[71] На это указывал в литературе Прейс, который, тем не менее, поддерживает теорию дипломатических функций в качестве частичного основания дипломатического иммунитета. «...Теория интереса функций,— пишет он,— выражает только цель, которая может быть выведена из существующих норм международного права. Она сама по себе не является принципом права, из которого могут быть извлечены позитивные нормы, но служит только для установления ratio legis в формуле, которая может быть применима как принцип интерпретации, как указатель для распространения существующих правил на сомнительные случаи, столь многочисленные в некодифицированном праве» (L. Preuss, Capacity for Legation and the Theoretical Basis of Diplomatic Immunities. Revue de droit international, de sciences diplomatiques et politiques, 1932, No I, p. 13).

[72] В своем интересном докладе «Логика и право», прочитанном в Институте права Академии наук СССР в 1944 г., проф. И. Д. Левин, указывая на различие между нормативными положениями и экзистенциональными суждениями, подчеркивал бесплодность искусственных преобразований одних в другие. Касаясь манипуляций Фрейбургской школы, во главе с Риккертом, по преобразованию нормативных положений в суждения оценки, он говорил: если заниматься такими бесплодными преобразованиями, то без труда всякое суждение в свою очередь может быть превращено в нормативное положение; так, суждение «вода есть соединение кислорода и водорода по формуле H_2O» может быть сформулировано так: для того, чтобы получить воду, необходимо соединить кислород и водород в таком-то соотношении; суждение «А есть В» можно сформулировать: «А необходимо рассматривать как обладающее предикатом В»: недаром еще стоики учили о принудительном характере истины.

к конкретным вопросам допускает различные толкования. Это приходится констатировать и сторонникам этой теории. «Юристы,— пишет Огдон,— могут быть согласны между собой, что необходимость обеспечить свободные сообщения между государствами составляет действительное основание дипломатического иммунитета. Они также могут быть согласны в том, что признаком иммунитета должна быть безопасность, которая необходима для выполнения дипломатических функций. Но те же самые лица могут сильно расходиться в оценке того, какая степень иммунитета является необходимой».[73] И в самом деле: одни сторонники теории дипломатических функций считают, что иммунитет от юрисдикции должен распространяться только на официальные действия дипломатических представителей, поскольку только независимость в сфере официальных действий необходима для беспрепятственного выполнения ими своих функций;[74] другие же считают, что подчинение местной юрисдикции даже в отношении частных действий может помешать выполнению дипломатом своих функций и что суть дела заключается не в том, являются ли данные действия дипломатического агента официальными или частными, а в том, может или нет подчинение местной юрисдикции в отношении таких действий помешать выполнению его дипломатических функций.[75] На второй точке зрения стоит, впрочем, большинство и авторов и судей.

Но и на этом разногласия отнюдь не прекращаются. Они

---

[73] Ogdon, op. cit., p. 175—176.

[74] Такая точка зрения проводится, например, в проекте Харвардской юридической школы, авторы которого исходят из теории дипломатических функций. Ст. 18 проекта гласит: «Государство, принимающее дипломатического агента, не должно возлагать ответственности на данное лицо за действие, совершенное им в порядке выполнения его функций в качестве члена миссии или члена служебного персонала миссии» (см. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, 1932, Supplement, p. 23). Эта точка зрения получила отражение и в некоторых судебных решениях: например, в упоминавшихся в главе VIII решении итальянского Кассационного суда по делу Комината против Кайта 1922 г., решении Парижского апелляционного суда по делу Белина — 1925 г. и др.

[75] Огдон следующим образом формулирует свой вывод: «Поскольку государства согласны в том, что дипломатические иммунитеты существуют в целях охраны отправления дипломатических функций, критерий заключается не в том, являются ли действия публичными, частными или профессиональными, а в том, нарушает ли применение юрисдикции в отношении агента отправление его дипломатических функций» (Ogdon, op. cit., 180). Из судебных решений, в которых эта точка зрения могла найти обоснование, можно указать на два уже упоминавшиеся и широко известные решения высших судов: решение Федерального суда Аргентины по делу парагвайского посланника 1888 г. и решение итальянского Кассационного суда по делу Лурье против Штейнмана 1927 г.

снова возникают по вопросу о том, на какие именно частные действия дипломатического представителя должен и на какие не должен распространяться иммунитет от юрисдикции, чтобы представителю было обеспечено беспрепятственное выполнение его функций. Казалось бы, считается общепризнанным, что иммунитет от юрисдикции не должен распространяться на дела, связанные с владением недвижимостью, которая принадлежит дипломатическому представителю в государстве пребывания как частному лицу. Весьма широким признанием пользуется также взгляд, что иммунитет от юрисдикции не должен распространяться на дела, связанные с ведением дипломатическим представителем частных торговых операций или иной частной деятельности, которой он занимается как профессией. Однако отдельные авторы возражают и против того и против другого ограничения иммунитета от юрисдикции и ссылаются при этом на тот же принцип беспрепятственного выполнения дипломатических функций. [76]

Ввиду возможности столь различных толкований, обусловленных субъективностью оценки, теория дипломатических функций не может дать чего-либо большего, чем вспомогательный критерий для определения пределов действия дипломатического иммунитета. Принципу, выдвигаемому этой теорией, недостает определенности юридической нормы, для того чтобы он мог составить юридическое основание всего этого института.

Даже совершенно бесспорные как с теорстической, так и

---

[76] Так, например, Херст заявляет, что несмотря на полезность исключения из иммунитета дел, связанных с владением недвижимостью, оно «несовместимо с принципом, который является основанием дипломатического иммунитета. Если дипломатическому агенту,— пишет он,— разрешается владеть недвижимостью в стране, где он аккредитован, то привилегия изъятия из гражданской юрисдикции, ему предоставляемая, должна распространяться и на дела, связанные с недвижимостью». Он считает, что поскольку правительства и суды твердо не установили специального правила, ограничивающего объем иммунитета, «следует высказаться в пользу полного иммунитета». Точно также, по поводу нераспространения иммунитета на дела, связанные с частными торговыми операциями, он пишет: «В действительности невозможно проводить строгое различие между делами, которые возникают из действий, совершаемых иностранным агентом в его официальном качестве, и теми действиями, которые возникли из торговых операций. Если правительство разрешает аккредитованному при нем дипломатическому агенту заниматься торговыми операциями, т. е. если в момент его назначения это правительство не ставит ему условием его принятия, чтобы он не занимался торговлей, принцип обычного изъятия из гражданской юрисдикции применяется во всех случаях и агент имеет право на изъятие в отношении исков, вытекающих из торговых операций» (Hurst, op. cit., p. 184, 188).

с практической точки зрения положения посольского права, касающиеся иммунитета, могут при помощи теории дипломатических функций быть поставлены в зависимость от субъективных оценок того или иного автора и подвергнуться оспариванию. Некоторые буржуазные юристы воспользовались этой теорией, для того чтобы отрицать признаваемый во всем мире иммунитет советских торговых представительств. Например, цитировавшийся уже в предыдущей части работы Шенк писал: «Правильным должен считаться тот взгляд, который обосновывает экстерриториальность просто практическими соображениями и объясняет ее, исходя из ее цели. Принцип ne impediatur legatio встречается также и в литературе как обоснование экстерриториальности... Несомненно, однако, что экстерриториальность не является необходимой для деятельности торгового представительства... Торговля, как собственных граждан, так и иностранных, защищена в западных странах такими правовыми гарантиями, что эти гарантии должны быть достаточны даже и для русского торгового представительства. Если торговое представительство ограничивается лишь теми актами, для которых оно создано, то никому не придет в голову вмешиваться в круг его действий».[77]

Этот аргумент является ложным сам по себе и не выдерживает критики, даже если стоять на точке зрения теории дипломатических функций. Внешняя торговля СССР, осуществляемая на основе государственной монополии, является частью его внешней политики. Поэтому функция внешнеторговых органов советского правительства за границей, так же как и функции дипломатических органов в тесном смысле слова, нуждаются в особых гарантиях неприкосновенности и независимости. Если же Шенк ссылается на те «правовые гарантии», которыми защищена торговая деятельность отечественных граждан и иностранцев в «западных странах», то соответствующими «правовыми гарантиями» защищается и их политическая деятельность, но тем не менее на этом основании не отрицается необходимость иммунитета дипломатических представителей.

Однако в аспекте критического анализа теории дипломатических функций еще важнее подчеркнуть другое. Иммунитет советских торговых представительств вытекает из того, что они являются органами внешнего представительства Советского государства, составляя, согласно советскому законодательству, часть дипломатических представительств. Определение как функций, так и государственно-правового

[77] Schenk, op. cit., S. 60.

статуса этих органов есть суверенное дело Советского государства. И если данные органы допускаются для выполнения своих функций в то или иное иностранное государство, то последнее тем самым признает их статус как органов представительства и вытекающий из этого статуса их иммунитет. Отличаясь некоторыми особенностями от установленного обычаем иммунитета дипломатических представительств и будучи зафиксирован в ряде международных договоров и соглашений, заключенных Советским Союзом (см. главу VII), этот иммунитет также и помимо такой фиксации соблюдается всеми государствами, поддерживающими внешнеторговые сношения с СССР, поскольку его соблюдение есть conditio sine qua non этих сношений. Если бы признание иммунитета за советскими торговыми представительствами определялось оценкой их функций со стороны правительственных или судебных органов отдельного иностранного государства, то их положение за границей стало бы настолько шатким, что они едва ли могли бы представлять интересы Советского государства в области внешней торговли и эта торговля едва ли могла бы нормально осуществляться. В действительности же мы видим, что несмотря на неоднократные попытки отдельных буржуазных правительств, судов и авторов-юристов отрицать иммунитет советских торговых представительств, этот иммунитет прочно вошел в международную практику.

Если, таким образом, теория дипломатических функций может служить своего рода источником аргументации для оспаривания бесспорно признанных в международной практике положений посольского права, скажем — в только что рассмотренном вопросе,— то в других вопросах она может вести к весьма неопределенным и широким выводам, далеко выходящим за пределы того, что принято на практике. Возьмем, например, вопрос о круге лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом. Логически следуя выводам теории дипломатических функций, мы должны признать право на иммунитет не только за дипломатическими представителями в строгом смысле слова, но и за неофициальными агентами государства, посылаемыми за границу с политической миссией, за всякого рода «специальными уполномоченными» — отнюдь не редкими, между прочим, в американском дипломатическом обиходе. Ведь для беспрепятственного выполнения своей миссии эти лица нуждаются в гарантиях неприкосновенности и неподчинения юрисдикции государства пребывания иной раз не меньше, чем формально аккредитованные дипломатические представители. Между тем, согласно твердо установившейся практике и по единодушному мнению доктрины, они не имеют права на иммунитет, а если им фак-

тически и предоставляют известные гарантии и преимущества, то это делается в порядке международной вежливости, т. е. это юридически не обязательно.[78] Следовательно, сама по себе фактическая необходимость гарантий неприкосновенности и неподчинения местной юрисдикции для беспрепятственного выполнения функций еще не влечет за собой предоставления права на иммунитет, если нет надлежащих юридических оснований. Это еще раз подтверждает, что теория дипломатических функций неспособна дать прочного и бесспорного юридического основания дипломатического иммунитета.

Все указывающиеся выше пробелы теории дипломатических функций в конечном итоге сводятся только к тому, что эта теория дает объяснение, а не юридическое обоснование дипломатического иммунитета; ибо положение о необходимости или полезности иммунитета для выполнения дипломатических функций есть не нормативное положение, а суждение оценки, которое логически никак не связано с основными началами международного права; поэтому и выводы из этой теории допускают широкую возможность субъективных толкований и не могут быть строго связаны с позитивными нормами посольского права, регламентирующими положение дипломатических представителей за границей.

д) Так называемая комбинированная теория

Как уже отмечалось, и в доктрине и в практике нередко прибегают к сочетанию теории дипломатических функций с двумя другими теориями, главным образом — с теорией представительства. Сочетание теории дипломатических функций с теорией представительства получило название комбинированной теории. Однако сторонники комбинированной теории большей частью не дают себе труда свести оба предлагаемые ими основания дипломатического иммунитета в единую и стройную конструкцию и не указывают, как одно из них сочетается с другим. Так, например, Штрупп в своем «Проекте конвенции об иммунитете в международном пра-

[78] Херст, например, утверждает: «Неофициальные агенты иностранного правительства не могут ни в какой мере претендовать на право дипломатических иммунитетов. Если им предоставляются специальные льготы, то это вопрос вежливости, но не права» (Hurst, op. cit., p. 155). А Редлих, подробно останавливающийся на американской практике отправления иррегулярных агентов, также констатирует, что «они не могут требовать дипломатического иммунитета. Какие бы льготы ни распространялись на таких делегатов,— пишет он,— они основываются только на вежливости». (Redlich, op. cit., p. 305).

ве» дает следующее определение юридической природы дипломатического иммунитета: «Иммунитет публичных министров, вытекая из их положения как представителей их государства и обосновываясь необходимостью облегчить иностранным посланникам выполнение их функций, определяется и в то же время ограничивается этой двойной целью».[79]

Исключение составляет Прейс, у которого мы находим аргументированную защиту комбинированной теории. Прейс предлагает считать принцип представительства основанием иммунитета в отношении официальных действий дипломатического агента, а принцип дипломатических функций — основанием иммунитета в отношении его частных действий. «Теория представительства,— пишет он,— имеет различные аспекты: прежде всего, она подчеркивает тот факт, что все дипломатические агенты одинаково являются представителями своих государств, вследствие чего они пользуются одинаковым юридическим статусом, каковы бы ни были их ранг и титул. Во-вторых, она объясняет иммунитеты дипломатических агентов в отношении официальных действий, оставляя на долю теории ne impediatur legatio обоснование иммунитета в отношении действий, совершенных ими в качестве частных лиц. Сочетание обеих теорий полностью охватывает всю область дипломатических привилегий и иммунитетов».[80]

Прейс в большей степени, чем другие защитники комбинированной теории, приближается к основным признакам иммунитета и к запросам практики. Но и он не устраняет дуализма в обосновании единого по своей юридической природе института. Такой дуализм неизбежен, поскольку Прейс сохраняет без изменения содержание каждой из соединяемых им теорий.[81]

При более тщательном научном обосновании и формулировании теории представительства, которое мы попытаемся сделать ниже, отнюдь не исключая при этом в качестве

---

[79] K. Strupp Beiträge zur Reform und Kodification des völkerrechtlichen Immunitätsrechts. Zeitschrift für Völkerrecht. Ergänzungsheft zu Band XIII, 1926, S. 74.

[80] Preuss, op. cit., p. 18. До Прейса аналогичная конструкция иммунитета была предложена Веркамером (Vercamer, op. cit., p. 137—139).

[81] Вместе с содержанием сохраняются и пробелы каждой из этих теорий. Так, например, теория Прейса не дает ответа ни на вопрос, почему иммунитет в отношении официальных действий принадлежит только дипломатическим представителям, а не всем публичным агентам государства за границей, ни на вопрос, каковы объективные юридические признаки тех не связанных с официальной дипломатической деятельностью правоотношений, на которые должен распространяться иммунитет, имеющий своим основанием необходимость выполнения дипломатических функций.

вспомогательного приема теории дипломатических функций — оба момента: и принцип представительства и критерий дипломатических функций должны найти логически согласованное сочетание в рамках единой юридической конструкции дипломатического иммунитета. [82]

---

[82] Помимо тех теорий дипломатического иммунитета, которые были нами рассмотрены, в юридической литературе встречаются и другие, менее значительные теоретические построения на эту тему. Хотхорн, давая перечень теорий дипломатического иммунитета, называет до пятнадцати отдельных теорий. Все эти теории он делит на две группы: объяснительные и конструктивные. К первой группе он относит: теорию фикции экстерриториальности (как объяснение сущности иммунитета), теорию гостеприимства, теорию обязанности государств ко взаимному уважению, теорию представительного характера посла, теорию отражения (дипломатический иммунитет есть отражение иммунитета суверена), теорию полезности, которая в свою очередь делится на теорию удобства и теорию ne impediatur legatio (т. е. необходимости), наконец, комбинированную теорию (сочетание теории представительного характера посла и теории ne impediatur legatio). Ко второй группе он относит: теорию подчинения (дипломатический иммунитет основан на принципе неподчинения территориальной власти известной категории иностранцев), договорную теорию (или теорию молчаливого соглашения), теорию фикции экстерриториальности (как юридическую конструкцию иммунитета), теорию термина экстерриториальности, теорию исключительной компетенции предписания (дипломатический иммунитет основан на исключительном праве определенных органов давать предписания определенным лицам, по аналогии с иммунитетом депутатов и военных чинов по государственному праву), наконец — теорию освобождения от принудительной власти государства пребывания (т. е. теорию ne impediatur legatio как юридическую конструкцию иммунитета). См. Hothorn, op. cit., S. 24—49. Но большинство из этих теорий представляет собой вариации или сочетания трех основных принципов: экстерриториальности, представительного характера посла и дипломатических функций — и поэтому нет необходимости заниматься специальным разбором каждого оттенка мнений. Некоторое исключение в этом смысле составляют только три из перечисленных Хотхорном теорий: теория гостеприимства, теория молчаливого соглашения и теория компетенции предписания. Но первая из них, в настоящее время уже никем не разделяемая, касается только исторического происхождения дипломатического иммунитета, вторая — его юридических источников, и обе они оставляют в стороне вопросы о сущности и юридической природе иммунитета. Что же касается третьей теории, то она представляет собой искусственную и довольно путанную попытку дать юридическую конструкцию дипломатического иммунитета в понятиях государственного права, по аналогии с особой подсудностью военнослужащих, должностных лиц и депутатов — попытку, не раскрывающую природы иммунитета как института международного права и едва ли применимую в международной практике.

ГЛАВА XI

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИММУНИТЕТ

§ 1. Новая трактовка теории представительства

В сочинениях буржуазных авторов по международному праву, в соответствии с прочно укоренившейся в буржуазной науке права догматической традицией, определение юридической конструкции того или иного правового института не ставится в связь с объяснением этого института как явления социальной действительности. Напротив, всячески подчеркивается, что такое объяснение не относится к компетенции правовой науки, что это предмет исключительно социологии.[1] Эта традиция господствует и в вопросах посольского права. Хотхорн в своей работе «Особое международно-правовое положение посланников» пишет: «Теория особого международно-правового положения посланников имеет две задачи. Во-первых, она должна объяснить необходимость существующих изъятий и ответить на вопрос — почему. Во-вторых, она должна предложить юридическую конструкцию, которая эти изъятия включит в число нормативных положений международного права. Обе задачи, оба вопроса,— подчеркивает

---

[1] Так, например, один из наиболее типичных представителей догматического направления в немецкой науке государственного права — Еллинек исключает «...всякую возможность перенесения не-юридических методов исследования из области социальной в юридическую область учения о государстве» и пишет: «История и социальная наука, равно как и политика, изучают также право, его возникновение, развитие, действующие в нем экономические, этические, национальные идеи, его влияние на всю народную жизнь. Но догматическое содержание юридических норм может быть изучаемо исключительно только при помощи юридического искусства абстрагирования от правовых явлений и дедукции из выясненных таким путем норм. Эта догматика права не может быть заменена иного рода наукой» (Г. Еллинек. Право современного государства. СПб., 1903, стр. 33). Даже сторонники так называемого «реалистического направления», или социологического позитивизма, разделяют обе эти задачи китайской стеной. Видный представитель этого направления в дореволюционной русской юридической науке Муромцев хотя и признает, что «...задача правоведения, как науки, состоит в том, что изучать законы определенной группы социальных явлений, которые своей совокупностью образуют право», но отмечает, что «поставленное таким образом правоведение должно стать отделом социологии», а догматическая разработка

Хотхорн,— не имеют между собой ничего общего и поэтому их следует строго отделить друг от друга».[2]

Конечно, при определении юридической конструкции дипломатического иммунитета нельзя подменять лежащий в его основании юридический принцип объяснением его социальных причин, так же как нельзя такое объяснение подменять логическим анализом лежащей в его основании юридической нормы — хотя и то и другое делали многие из приводившихся выше буржуазных авторов. Но в марксистской науке права между той и другой стороной исследования права должно быть определенное соответствие. Ведь юридический принцип формулируется как обобщение известной совокупности действующих норм, а эти нормы — если они не безжизненные фикции,— применяясь в действительности, до некоторой степени отражают явления действительной жизни, и в этом смысле как бы содержат в себе, по удачному выражению Палиенко, «отпечаток пережитого прошлого».[3] Поэтому необходимо, чтобы принцип, который наука права принимает за исходный пункт юридической конструкции того или иного института, будучи взят как объективный факт, как известное отражение действительности, соответствовал той закономерности явлений, которую эта наука установила, исследуя причины существования и развития данного института. Только при этом условии юридическая конструкция может быть жизненной и удовлетворять потребностям практики.

В предыдущих частях настоящей работы были исследованы факторы, обусловливающие существование и развитие дипломатического иммунитета в отдельные исторические периоды, и рассмотрены реальные процессы образования его норм. Это исследование показало, что дипломатический иммунитет, возникающий на почве общей потребности государств

права «...составляет отрасль юридического искусства» и «...не имеет ничего общего с исследованием законов» (С. Муромцев. Что такое догма права. М., 1885, стр. 7, 8). В науке международного права, где такое разделение оправдано так же мало, как в какой-либо другой отрасли права, оно также получило широкое распространение. Автор специальной монографии по вопросам методологии науки международного права русский юрист-международник Казанский, соглашаясь с тем, что международное право может быть изучаемо «догматически, исторически, политически и философски», утверждает, что «главной частью науки международного права является, конечно, догматическое правоведение», и что «наука международного права и не в состоянии ставить себе ныне чисто теоретические вопросы о сосуществовании и последовательности явлений в изучаемой ею области» (П. Казанский. Введение в курс международного права. Одесса, 1901, стр. 245, 246, 240).

[2] Hothorn, op. cit., S. 22.

[3] Н. Палиенко. Нормативный характер права и его отличительные признаки. 2-е изд., Ярославль, 1905, стр. 13.

в поддержании дипломатических сношений, в первую очередь, обусловливается общими свойствами самой дипломатии, т. е. по самой сути носит международный характер, но что на развитие и формирование этого института отдельные государства оказывают существенное влияние особенностями своего государственного и правового строя. И оно приводит к тому заключению, что ядром всей проблемы дипломатического иммунитета с юридической точки зрения является разграничение сферы действия экстерриториальных и территориальных прав, вытекающих из суверенитета посылающего и из суверенитета принимающего дипломатических представителей государства. В соответствии с этим, юридическая конструкция дипломатического иммунитета должна поставить во главу угла принцип, который, будучи общей международной нормой, неразрывно связанной с другими основными началами международного права, являлся бы обобщенным юридическим выражением власти отдельного государства в области внешних сношений.

В свете вышеизложенных методологических требований наиболее правильной теорией дипломатического иммунитета следует признать теорию, основывающую этот иммунитет на принципе международного представительства. Однако теории представительства должно быть дано совершенно другое содержание, отличающееся как от классического, так и от модернизированного ее варианта. В основание дипломатического иммунитета нужно положить не фикцию персонификации послом суверена и не сам по себе принцип суверенитета,— который составляет основание иммунитета государства, но не отражает специфических особенностей посольского права,— а вытекающее из суверенитета право государства на международное представительство. Это вполне реальная категория международной жизни, которая является международно-правовой предпосылкой всей дипломатической деятельности государства и составляет логическое звено, связывающее посольское право с основными началами и системой всего международного права.

§ 2. Право международного представительства

Право государства на международное представительство — это одно из важнейших свойств его международной правосубъектности. Оно проявляется в отправлении и принятии временных и постоянных дипломатических представителей, в участии в международных конференциях и организациях, в заключении международных договоров и соглашений

и т. д. Отдельные авторы наделяли этим правом также и международные организации: в прошлом — Лигу Наций, теперь — Организацию Объединенных Наций и др. Но и в том, и в другом случае речь может итти только о некоторых внешних признаках института представительства.[4] По существу данное право принадлежит именно государству, притом, в полном объеме — только суверенному государству, являющемуся полноправным субъектом международного права.

Право международного представительства предполагает в качестве необходимой юридической предпосылки международный суверенитет государства и следует за его изменениями. При ограничении суверенитета в форме вассалитета, протектората или мандата группы «А», как он в свое время определялся уставом Лиги наций (т. е. при сохранении «автономного» правительства на мандатной территории), право международного представительства вассальной, покровительствуемой или мандатной страны переходит к государству — сюзерену, протектору или мандатарию, которое в некоторых случаях может предоставить зависимой стране осуществление лишь отдельных видов этого представительства под его контролем.[5] В конфедерациях, поскольку в них суверенитет

---

[4] Так, например, Лига наций иногда отправляла в те или иные государства своих уполномоченных (комиссии, комиссаров), и при ней находились постоянные дипломатические делегации ряда государств; первыми учредили свои представительства Бразилия (1924), Польша (1924), Чили (1924) и Аргентина (1925). Правом отправления и принятия таких уполномоченных пользуется Организация Объединенных Наций в связи с тем, что по уставу на нее возложен ряд особых функций в области политической, экономической и административной; в рамках этих функций Организация пользуется также правом заключать соглашения с отдельными государствами (по вопросам коллективных вооруженных сил) и соглашения с так называемыми специализированными учреждениями.

[5] В буржуазной литературе можно встретить утверждение, что несуверенные государства сохраняют в том или ином объеме самостоятельное право представительства. Так, например, Гефтер заявляет, что «.. нельзя отказать в этом праве... государям, стоящим в вассальной зависимости или под покровительством иностранной державы» (Гефтер, цит. соч., стр. 375). Такие фразы маскируют действительность. Если несуверенные государства иногда осуществляют отдельные виды международного представительства, то предоставление им такого права, а равно его объем определяются главным образом интересами той державы, в зависимости от которой они находятся (в частности, ее желанием иметь для своих собственных целей дополнительные дипломатические каналы), и большей частью регламентируются теми же международными актами, коими устанавливается или подтверждается состояние зависимости. Никаких общих международных норм о праве представительства несуверенных государств не существует, а практика в этом вопросе весьма различна. Болгария, находясь под вассалитетом Турции, имела право принимать представителей от других государств; южноафриканская рес-

сохраняется за их отдельными членами, а в области внешних сношений он лишь несколько ограничивается в пользу конфедеративного объединения рамками общих целей последнего, право международного представительства принадлежит отдельным членам конфедерации, хотя в некотором, узком объеме может осуществляться и самим конфедеративным объединением.[6] Такой же вывод может быть сделан и относительно личной унии. Тесное соотношение между суверенитетом и правом международного представительства не менее отчетливо видно и на примере такого своеобразного государственного образования, каким является Британское Содружество наций — конфедерация, по мнению одних, личная уния — по мнению других. На протяжении всего развития доминионов — от самоуправляющихся колоний Британской империи до «равных по статусу, ни в каком отношении не подчиненных друг другу в каком бы то ни было смысле в их внутренних и внешних делах» «членов Британского Содружества наций» (из резолюции имперской конференции 1926 г.), рост формально признававшегося за ними международного суверенитета неизменно сопровождался ростом объема постепенно переходившего к ним от Великобритании права международного представительства.[7]

публика Трансвааль, находясь под вассалитетом Англии, посылала министров-резидентов в Париж и в Берлин. Напротив, Тунис, Аннам и Мадагаскар, подпав под протекторат Франции, совершенно не сохранили подобных прав; Египет был лишен их сразу же после оккупации его английскими войсками, даже до формального перехода под английский протекторат. Ирак, будучи мандатной страной, управляемой Великобританией, принимал с 1926 г. представителей от Франции, Италии, Германии, Норвегии. Другой английский мандат — Палестина и французский мандат — Сирия не пользовались таким правом (об общих чертах режима внешних сношений мандатных стран группы «А» см. С. Ф. Кечекьян. Мандаты Лиги наций в странах Арабского востока. Баку, 1930, стр. 30). Следует поэтому считать, что несуверенные государства не обладают самостоятельным правом международного представительства, а осуществляют по некоторым вопросам, их касающимся, право представительства того государства, в зависимости от которого они находятся.

[6] В старой Швейцарской конфедерации до 1797 г. право отправлять послов в значительной мере осуществляли сами кантоны, и только в 1815 г. они формально передали его центру. Германский союз 1815—1867 гг. никогда не назначал постоянных посольств, а временные посольства отправлял только два раза: в 1848 и в 1864 г. (см. Odier, op. cit., p. 3; Ривье, Учебник, стр. 172).

[7] С конца XIX в. доминионы стали осуществлять отдельные виды права международного представительства, которое по сути дела тогда полностью принадлежало Великобритании и лишь делегировалось им в небольшом объеме по вопросам, касавшимся данного доминиона или лишенным серьезного политического значения. Так, например, в 1893 г. Канада заключила с Францией торговый договор, подписанный ее уполномоченным наряду с уполномоченным Великобритании. В 1912 и 1914 гг. делегации доминионов, имевшие отдельные полномочия, участвовали на междуна-

В федеративных государствах буржуазного мира, в соответствии с природой буржуазной федерации, поглощающей без остатка суверенитет государств-членов, право международного представительства принадлежит исключительно самой федерации, с единичными и незначительными отклонениями, вызванными влиянием исторических традиций и пред-

---

родных конференциях по радио-связи и по спасению человеческой жизни на море. После первой мировой войны права доминионов в области внешних сношений значительно увеличились. Доминионы самостоятельно участвовали в Версальской (1919), Вашингтонской (1922) и Лозаннской (1923) конференциях, состояли как отдельные государства членами Лиги наций, заключали от своего имени международные договоры. В 1924 г. Эйре, а в 1926 г. Канада учредили собственные дипломатические миссии в США. В письме британского посла в Вашингтоне Исма Говарда на имя государственного секретаря США Юза от 24 июня 1924 г., в котором испрашивалось согласие США на назначение самостоятельного посланника от Эйре, говорилось, что «в вопросах, относящихся к его (ирландского посланника.— *Д. Л.*) сфере деятельности, он не будет подчинен контролю посла Его Величества, и посол Его Величества не будет нести ответственности за действия ирландского посланника». В письме премьер-министра Канады Мекензи Кинга на имя министра иностранных дел Великобритании Остина Чемберлена от 5 ноября 1926 г. о назначении канадского посланника в США также отмечалось, что посланник должен будет «иметь попечение о канадских делах и служить обычным путем для сношений с правительством Соединенных Штатов по вопросам, имеющим значение только для Канады, действуя (при этом), на основании инструкции канадского правительства и отчитываясь (reporting) перед ним» (см. В. Дурденевский. Доминионы как субъекты международного права и политики. М., 1944; хранится в рукописном фонде библиотеки Института права Академии Наук СССР). В последующие годы доминионы учредили постоянные дипломатические миссии в целом ряде государств. Таким образом, доминионы получили внешне самостоятельное право международного представительства, ограниченное только рамками «дипломатического единства империи» и, в частности, обязанностью консультироваться с Великобританией и друг с другом по делам имперского значения. Новое положение было зафиксировано в резолюциях имперских конференций 1926 и 1930 гг. (см. Конституции буржуазных стран. М.— Л. 1926, т. IV, стр. 36 и сл.). Эйре после вступления в силу конституции 1937 г. (полностью — после издания закона об учреждении Ирландской республики в 1948 г.) формально освободилась и от указанного ограничения. Перед второй мировой войной Эйре имела посланников в США, Франции, Италии, Германии, Испании, Бельгии, Ватикане и поверенного в делах в Швейцарии (он же — делегат в Лиге наций); Канада имела посланников в США, Франции и Японии; Южноафриканский союз поддерживал постоянные дипломатические сношения с США, Францией, Италией, Германией, Нидерландами, Бельгией, Швецией и Португалией; Австралийский союз и Новая Зеландия — с США. За время второй мировой войны еще больше расширились права доминионов как субъектов международного праза. Они каждый от своего имени объявили войну державам оси (кроме Эйре, которая сохраняла нейтралитет). В качестве формально самостоятельных государств они (кроме Эйре) вступили в Организацию Объединенных Наций. Получили дальнейший рост и дипломатические связи доминионов. Канада обменялась дипломатическими представителями с СССР, Аргентиной, Бразилией, Чили, Бельгией и Нидерландами, Австралийский союз — с СССР и

ставляющими собой юридическую аномалию.[8] Напротив, в Союзе Советских Социалистических Республик — федерации нового, социалистического типа, в которой Союз не поглощает, а «охраняет суверенные права союзных республик» (ст. 15 Конституции СССР) и каждая республика остается суверенной, обладая важнейшим признаком суверенности — правом выхода из Союза, в которой, по словам И. Трайнина, «союзные республики добровольно самоограничивают свой суверенитет в пользу Союза лишь по тем вопросам, которые фактически укрепляют суверенность наций, являются базой для нее»,[9] — вопрос о том, сохраняется ли право международного представительства и за Союзом и за союзными республиками или последние в порядке добровольного самоограничения суверенитета передают его исключительно Союзу, не является коренным конституционным вопросом, меняющим юридическую природу государственного устройства: он решается в зависимости от того, какая система представительства в данных исторических условиях может лучше обеспечить потребности и интересы как отдельных союзных республик, так и всей советской федерации в целом.[10] В настоящее время право международного представительства принадлежит как Союзу ССР, так и союзным республикам, которые должны осуществлять его в рамках устанавливаемого Союзом «общего порядка во взаимоотношениях

Китаем, Африканский союз — с Грецией, Новая Зеландия — с СССР. Посланник Канады в СССР и посланник СССР в Канаде в 1943 г. по взаимному соглашению сторон были возведены в ранг послов — первый случай назначения посла доминионом (см. Дурденевский, цит. соч.).

[8] В Швейцарии по статьям 9 и 10 ч. 2 конституции 1874 г. отдельные кантоны имеют право заключать соглашения по пограничным хозяйственным и административным вопросам. В Германской империи 1871—1918 гг. отдельные германские государства отправляли и принимали посланников, представлявших, главным образом, династические интересы; касаясь представительства отдельных германских государств, Геффкен рассматривал его, как нечто специфически местное и строго подчиненное представительству империи; отправление же и принятие этими государствами представителей друг к другу он называл «абсолютной аномалией» (см. Holzendorff. Handbuch..., Bd. III, § 151, S. 624).

[9] И. Трайнин. К вопросу о суверенитете. «Советское государство», 1938, № 2, стр. 100.

[10] В 1922 г. при образовании СССР союзные республики передали право международного представительства исключительно Союзу, и это положение было сохранено и в Сталинской конституции 1936 г. (ст. 14, п. «а»). В 1944 г., когда, вследствие роста внутренней и международной мощи Советского Союза и расширения его международных связей, «...вопрос о выходе на внешнюю арену деятельности,— как отмечал тогда В. М. Молотов,— приобрел уже для ряда республик жизненное значение», причем разрешение этого вопроса было существенно важно «...не только в интересах тех или иных отдельных союзных республик, но и в интере-

союзных республик с иностранными государствами» (ст. 14, 18а и 60 Конституции СССР). Но союзные республики, будучи суверенными членами советской федерации, осуществляют не делегированное им Союзом, а самостоятельное право на международное представительство, которым они обладают наряду с Союзом в пределах, предусмотренных Конституцией СССР и конституцией соответствующей республики.

Вышеизложенное подтверждает, что право международного представительства имеет своим основанием суверенитет. Будучи проявлением суверенитета, оно составляет прерогативу высших органов государства и формально исходит, прежде всего, от его главы.[11] Основным же каналом повседневных дипломатических сношений, специальным органом, постоянно осуществляющим на практике международное представительство государства, являются его посольства и миссии за границей. Возглавляющие их должностные лица, в отличие от других должностных лиц государства, имеющих пребывание за границей, обладают так называемым представительным характером, который заключается в том, что они представляют назначившее их государство как субъект международного права и выступают от его имени без специальных по каждому случаю полномочий — исключая только подписание международных договоров. При этом, во-первых, дипломатические представители представляют не свое правительство, как не совсем точно сказано в преамбуле Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г., а именно государство в целом,— ибо само правительство, с точки зрения международного права, есть не что иное, как общий представительный орган государства; во-вторых, они представляют свое государство в стране пребывания не только в политическом отношении, как иногда пишут некоторые авторы, а во

сах всего дела расширения международных связей и укрепления сотрудничества СССР с другими государствами» (В. М. Молотов. О преобразовании Наркомата Обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы, доклад на X сессии Верховного совета СССР 1-го созыва. «Правда» от 2 февраля 1944 г.), X сессия Верховного совета СССР внесла в Конституцию СССР изменение, предоставляющее право непосредственного ведения внешних сношений также и союзным республикам.

[11] Старая доктрина международного права проводила различие между главой государства в монархии и в республике в том смысле, что первый сам является сувереном, а второй только представителем суверенного государства (см., например, Oppenheim, op. cit., v. I, p. 589, 592—593). На этом основании, как мы видели, покоилось и различие в международном статусе дипломатических представителей монархий и республик. В настоящее время никаких различий между главой государства в монархии и в республике с точки зрения международного права не проводится и каждый из них одинаково рассматривается как высший представительный орган государства.

всех отношениях,[12] — ибо под их общим контролем состоят все другие учреждения этого государства, функционирующие в стране их пребывания; в-третьих, они представляют свое государство не только перед государственными органами страны пребывания, но и перед представителями других государств, аккредитованными или временно находящимися в этой стране,— ибо они могут вести с ними переговоры и совершать акты, обязывающие свое государство без специальных полномочий со стороны последнего. Тем самым дипломатические представители государства за границей в силу своего представительного характера осуществляют полномочия высшей государственной власти, непосредственно входящие в сферу суверенитета представляемого ими государства.

В соответствии с этим весьма важной и наиболее широко применяющейся частью права международного представительства является право посольства, разделяемое, как известно, на активное и пассивное. В буржуазной доктрине международного права издавна ведется спор: есть ли право посольства, в особенности пассивное, право или обязанность государства? Одни авторы (Гефтер, Ривье, Уитон и пр.), ссылаясь на суверенитет государства, утверждают, что это только право, но не обязанность государства;[13] другие (Ф. Мартенс, Камаровский и Ульяницкий, Блюнчли, Филлимор и пр.),

---

[12] Это положение имеет гораздо более широкое признание в доктрине. Например, Казанский пишет: «Посланник представляет свое государство, что касается всех его интересов и прав... Обязанности его не ограничены никаким кругом дел. Он не должен упускать из виду ни одного текущего вопроса, в котором замешаны выгоды и права его государства» (Казанский. Учебник международного права, стр. 188—189). Гольд-Фернек, специально останавливаясь на этом вопросе, заявляет: «Он (дипломатический представитель.— *Д. Л.*) представляет свое государство не только по вопросам чистой политики. Столь частое утверждение, что дипломатический представитель представляет государство по политическим, а консул по экономическим вопросам — неверно. Консул как таковой вообще не является представителем государства, а дипломатическому представителю принадлежит право представительства и по экономическим вопросам» (A. Hold-Fernek. Lehrbuch des Völkerrechts, t. II, Leipzig, 1932, S. 126). А в проекте Кодекса международного права Пессоа ст. 107 гласит: «Публичные министры могут представлять свое государство в различных отношениях» (E. Pessoa. Projecto de Codigo de Direito International. Цит. по Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, Supplement, p. 164—165).

[13] Например, Гефтер пишет: «Собственно для независимого государства не существует никакой обязанности принимать посланников других держав. Это чистое дело политики» (Гефтер, цит. соч., стр. 376). Ривье заявляет: «Каждое суверенное государство, состоящее членом международного союза, обладает, как таковое и в силу права на сношения, активным и пассивным посольским правом. С другой стороны, в силу права независимости, каждое государство вольно вовсе не принимать посланников, закрыть для них доступ к себе» (Ривье. Учебник..., стр. 170). По словам Уитона, «ни одно государство, строго говоря, не обязано по

ссылаясь на идею международного общения и междузависимость государств, утверждают, что государство обязано во всяком случае принимать дипломатических представителей иностранных государств;[14] третьи (Казанский, Анцилотти, Оливи и пр.) стараются найти середину, примиряющую обе крайние точки зрения.[15] В истоке этого спора лежит противопоставление друг другу понятий суверенитета и междузависимости государств. Но оба понятия не могут рассматриваться как противоположности, ибо они суть различные логические категории: первое есть политико-правовое начало, второе — социальная закономерность. В действительной жизни

позитивному международному праву посылать или принимать публичных министров, хотя обычай и международная вежливость, повидимому, установили своего рода взаимную обязанность в этом отношении» (H. Wheaton, op. cit., Eléments du droit international. 4 éd. Leipzig, 1864, t. I, p. 189).

[14] Ф. Мартенс пишет: «Существует мнение, что принятие посольств не составляет для государства юридической обязанности, но есть вопрос пользы, интереса. С точки зрения международного общения такой взгляд решительно несостоятелен. Если цивилизованные государства действительно члены единого международного общества, то необходимо должны поддерживать правильные между собой сношения и принимать все меры, которые содействуют их развитию. Обмен посольствами, несомненно, относится к числу этих мер и поэтому составляет не только право, но и обязанность каждого образованного государства. Отказываясь в принципе от приема послов, государство поставит себя вне международного общения, а следовательно, и вне покровительства международного права» (Мартенс, цит. соч., т. II, стр. 25—26). Камаровский и Ульяницкий поддерживают этот взгляд. «Если же стать,— пишут они,— на точку зрения начала правового общения между народами, обязывающего их, как членов высшего порядка, сознательно стремящихся при его посредстве к достижению известных целей, к поддержанию постоянных правильных взаимных отношений, органами которых являются дипломатические агенты, то об отказе принимать и посылать их не может быть и речи» (Камаровский и Ульяницкий, цит. соч., т. 134). Блюнчли в своем кодексе формулирует следующее правило: «Каждое государство, будучи членом международного союза, обязано принимать и выслушивать посланников всякого другого государства, получившего международное признание. Отступление от этого может быть оправдано только причинами особой важности» (ст. 163). Комментируя эту статью, он замечает: «Безусловный отказ принимать посланников исключал бы всякую возможность международных сношений, чем нарушилось бы существование международного союза» (Блюнчли, цит. соч., стр. 145). Филлимор считает, что государство не обязано принимать постоянных послов, но обязано принимать представителей государств со специальной миссией и поддерживать с ними сношения (R. Phillimore. Proposed Codification of the Law regarding the Representation of States. Цит. по Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, Supplement, p. 177—178).

[15] Казанский пишет: «Государство имеет право отправлять свое активное право посольства лишь отчасти. Государства, имеющие активное право посольства, имеют и пассивное, и наоборот... Ни одно государство, участвующее в международном общении, не имеет права вообще отказываться принимать посланников других госу-

те реальные причины, которые побуждают государства поддерживать друг с другом дипломатические отношения, проявляются в форме добровольного обмена дипломатическими представителями. Поэтому, с точки зрения международного права, право посольства есть именно право, а не обязанность государства.[16] Правда, признание государства de jure обычно влечет за собой обмен дипломатическими представителями, однако государство отнюдь не нарушает международного права, если, не оспаривая международной легальности другого государства, не поддерживает с ним по тем или иным основаниям регулярных дипломатических сношений. С этой же юридической концепцией права посольства отчасти связано и право свободного решения вопроса об агремане.[17]

Таким образом, право посольства, как и все право международного представительства, есть проявление суверените-

---

дарств, но оно может отказать в приеме известного посланника, несущего известное поручение от лица известного государства» (Казанский. Учебник международного права, стр. 194—195). Анцилотти считает, что нельзя точно говорить об обязанности посылать и принимать дипломатических агентов. Но поскольку в настоящее время дипломатические отношения поддерживаются между всеми членами международного общения, то ни одно государство не могло бы их целиком порвать, не ставя себя вне этого общения. По его мнению, право посылать и принимать дипломатических агентов, «строго говоря, не представляется вполне ясным» (D. Anzilotti. Cours de droit international, trad. par Gidel. Paris, 1929, p. 264—265). Оливи высказывается по этому поводу так: «Праву посылать дипломатических агентов соответствует обязанность принимать таковых, лежащая на том государстве, куда они посланы. Но эта обязанность не абсолютная; она истолковывается только в том смысле, что решительный отказ в принятии иностранных послов недопустим, ибо этим государство изолировало бы себя, поставив себя вне международной жизни и не выполняя обязанности, которая лежит на нем как на члене международного общения» (L. Olivi. Diritto Internazionale Publico. Milano, 1933, p. 148).

[16] Это положение, полностью соответствующее важнейшему, исходному и основному принципу международного права — принципу суверенитета, последовательно проводится в советской доктрине международного права. Так, например, Ф. Кожевников пишет: «Непосредственное ведение внешних сношений, т. е. право отправлять своих дипломатических представителей в другие страны (активное право посольства) и право принимать иностранных дипломатов (пассивное право посольства), принадлежит к числу основных прерогатив суверенного государства» (Кожевников. Учебное пособие по международному публичному праву, вып. III, стр. 11).

[17] Связь этих двух моментов была отмечена в решении Дармштадтского областного суда 1926 г., в котором говорилось: «В качестве бесспорного вывода из принципа независимости государств следует, что никакое государство не может быть юридически вынуждено принимать дипломатические миссии от каких бы то ни было других государств. Однако дальнейший логический вывод состоит в том, что никакое государство также не обязано, даже если оно поддерживает международно-правовые сношения

та: и в том смысле, что, как только что было отмечено, отправление и принятие дипломатических представителей составляет суверенное право государства, и в том смысле, что, как отмечалось ранее, полномочия, возлагаемые на дипломатических представителей, входят в компетенцию высшей суверенной власти государства. Однако активное право посольства, поскольку оно состоит в осуществлении суверенной власти одного государства на территории другого суверенного государства, ipso jure предполагает согласование экстерриториального суверенитета посылающего государства с территориальным суверенитетом принимающего государства, исключая какие бы то ни было проявления суверенитета в отношении территории или населения последнего.[18] Кроме того, право посольства имеет своим важнейшим назначением поддержание мирных отношений между соответствующими государствами — что было бы заведомо недостижимо, если бы осуществление этого права было совместимо с нарушением дипломатическими представителями территориального суверенитета государства пребывания, почти всегда вызывающим осложнения и конфликты. Следовательно, как по форме, так и по содержанию, право посольства предполагает уважение суверенитета обоих: посылающего и принимающего посольство государств. Эта особенность права посольства имеет первостепенное значение для юридической конструкции многих институтов посольского права, в том числе — дипломатического иммунитета.

§ 3. Право международного представительства как юридическое основание дипломатического иммунитета

В праве государства на международное представительство и непосредственно — в его активном праве посольства и получает свое исходное юридическое основание международно-правовое положение дипломатических представителей за

с другим государством посредством взаимных дипломатических миссий, принимать какое-либо определенное лицо в качестве члена иностранной миссии» (см. Niemeyers Zeitschrift für internationales Recht. 1928, Bd. 29, 3 bis 5 Heft, S. 286—287).

[18] Поэтому представляется, например, вполне обоснованным, что в свое время католические страны решительно отказывались принимать в качестве иностранных послов кардиналов, опасаясь, что они могут воспользоваться своей духовной властью над местным населением; по тем же соображениям Англия отказывалась принимать каких бы то ни было послов от римского папы (см. В. Арсеньев. О правах и преимуществах дипломатических агентов. Витебск, 1909, стр. 7—8. См. также пример, приводимый у Odier, op. cit., p. 8, note).

границей. Все полномочия, права и привилегии, которыми они пользуются на иностранной территории в силу международного права, суть юридические атрибуты права посольства представляемого ими государства. Прежде всего, сюда входят полномочия, принадлежащие дипломатическим представителям как органам внешних сношений: представительство интересов отечественного государства, защита прав и интересов отечественных учреждений и граждан и т. д.— полномочия, осуществление которых составляет их дипломатические функции. Как юридическая природа, так и объем этих полномочий не вызывают споров ни в теории, ни на практике. Но дипломатические представители, находясь за границей, вступают там в правоотношения не только как органы суверенной власти назначившего их государства, но и как физические лица, подпадающие под действие внутреннего права государства пребывания. В отличие от других физических лиц — местных граждан и иностранцев, находящихся в этом государстве, они пользуются правами и привилегиями, обнимаемыми общим понятием дипломатического иммунитета. Этот иммунитет в значительной степени простирается именно на те правоотношения, в которые они вступают с гражданами и учреждениями государства пребывания не в порядке непосредственного выполнения ими дипломатических функций. Однако он опирается на то же самое юридическое основание, что и их дипломатические функции, ибо составляющие его права и привилегии, как и права, принадлежащие дипломатическим представителям, как органам внешних сношений, неотделимы от осуществления права посольства.

В самом деле, дипломатические представители как лица, осуществляющие суверенные права представляемого ими государства, должны пользоваться на территории государства пребывания гарантиями полной безопасности от каких бы то ни было посягательств, составляющими право их личной неприкосновенности. Всякое посягательство на дипломатического представителя, какими бы мотивами оно ни вызывалось — даже мотивами сугубо частного свойства,— не есть обыкновенное преступление против личности, поскольку в этих случаях положение дипломатического представителя как физического лица и его положение как представителя государства, осуществляющего его суверенную власть, не могут быть изолированы друг от друга. В каждом государстве лица, осуществляющие его высшую суверенную власть: депутаты законодательных палат, члены правительства и др., пользуются особой неприкосновенностью, гарантируемой законодательным или административным путем. Но государство, назначающее дипломатического представителя для осущест-

вления своих суверенных прав за границей, не может предоставить ему таких гарантий на территории, состоящей под другим суверенитетом, ибо это означало бы вторжение в сферу территориального суверенитета государства пребывания, исключаемое, как мы видели, правом посольства.[19] Предоставление этих гарантий, естественно, ложится на государство пребывания.

Право посольства, рассматриваемое в свете общепризнанных принципов как международного, так и государственного права, заключает в себе презумпцию, что государство, допускающее на территорию, состоящую под его суверенитетом, иностранного дипломатического представителя, обязано гарантировать ему ту неприкосновенность, которой пользуются лица, осуществляющие полномочия высшей суверенной власти. Иногда сравнивали даже дипломатическую неприкосновенность с парламентской неприкосновенностью депутата.[20] Но в отличие от неприкосновенности депутата, которая является правом самого депутата, дипломатическая неприкосновенность как норма международного права находит свое юридическое основание в принадлежащем государству, отправляющему представителя, праве посольства.

Далее, дипломатические представители как лица, через которых назначившее их государство осуществляет свой суверенитет в международных отношениях, не могут находиться под действием суверенитета другого государства. Следовательно, они не должны подчиняться юрисдикции

[19] В старину посольства нередко отправлялись в сопровождении отечественных вооруженных отрядов, которые доминировали над целым кварталом, прилегающим к посольскому помещению (см. главу III). В XIX и XX вв. такое явление можно было встретить только в полуколониальных и зависимых странах: в Персии, Турции, Китае, Корее — где дипломатические представители многих держав пользовались правом держать у себя отряды вооруженных телохранителей-кавасов и иметь в своем распоряжении военное судно — стационер; (см. Арсеньев, цит. соч., стр. 84—85). Но всякое суверенное государство решительно отвергло бы подобного рода притязание любой державы, справедливо расценив его как своеобразную попытку интервенции. Когда 14 июля 1918 г., вскоре после убийства Мирбаха, советник германского посольства в Москве Ришлер от имени своего правительства запросил НКИД «о согласии русского правительства на допущение батальона германских солдат в форме для охраны германского посольства и о скорейшей доставке этих солдат в Москву», то советское правительство категорически отвергло это наглое империалистическое притязание и публично заявило о решимости защищать свой суверенитет от подобного рода посягательства любой ценой, вплоть до вооруженной борьбы (см. Б. Штейн. Внешняя политика СССР 1917—1923 гг. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б). М., 1945, стр. 36—37. См. об этом также и в XIII главе).

[20] Такое сравнение встречалось, например, на страницах французской литературы по международному праву.

государства пребывания — по крайней мере, не должны подчиняться ей в таком же объеме, как лица, находящиеся под действием его территориального суверенитета. В этом заключается вторая и важнейшая в современных условиях часть дипломатического иммунитета — иммунитет от юрисдикции.

Иммунитет от юрисдикции отнюдь не означает, однако, какого-то надзаконного положения или отсутствия для дипломатического представителя в стране пребывания каких бы то ни было правовых ограничений. Прежде всего, из права посольства как права, заключающего в себе признание суверенитета как посылающего, так и принимающего государства, вытекают не только права и привилегии иностранных дипломатических представителей, но и их обязанности не вмешиваться во внутренние дела государства пребывания и не нарушать его законов и правопорядка.[21] Правда, эти обязанности, поскольку их нарушение возлагает международно-правовую ответственность на назначившее дипломатического представителя государство,— сам же представитель может нести ответственность только перед своим отечественным государством по внутреннему праву последнего,— они, эти обязанности, составляя правовые ограничения свободы действий дипломатического представителя в государстве пребывания, не могут рассматриваться как пределы его иммунитета от местной юрисдикции. Но и иммунитет от юрисдикции имеет свои пределы, также вытекающие из права посольства.

Иммунитет от юрисдикции бесспорно означает, что по отношению к дипломатическому представителю не могут быть применены какие-либо меры принуждения, ибо применение таких мер по отношению к лицу, осуществляющему право иностранного государства на международное представительство, на деле означало бы акт, прерывающий международные отношения, основанные на этом праве. Поскольку, как уже отмечалось, положение дипломатического представителя как органа представительства суверенного государства и его положение как физического лица, проживающего

---

[21] Обе эти обязанности прочно признаны в международном праве и зафиксированы в ряде внутренних нормативных актов, регламентирующих отечественную дипломатическую службу за границей. В «Руководящих указаниях полномочным представителям Союза ССР за границей», изданных Президиумом ЦИК СССР 21 ноября 1924 г., подчеркивается как нечто само собою разумеющееся: «Незачем говорить, что посольства назначаются как с одной, так и с другой стороны для целей, исключающих пропаганду в стране, где они аккредитованы. Советские посольства соблюдают и будут соблюдать этот принцип с безусловной строгостью» (Собрание законов, 1924, № 26, Отд. I, ст. 223). Дипломатические пред-

на территории государства пребывания, реально нельзя отделить друг от друга, всякое принуждение в отношении его личности есть нарушение права посольства его отечественного государства. Исключение из такого вывода может быть сделано только для случаев крайней необходимости, когда действия представителя непосредственно угрожают безопасности государства пребывания (подробнее об этом см. в главе XIV).

Гарантия от принуждения в отношении личности дипломатического представителя включает его полный иммунитет от местной юрисдикции по уголовным делам.[22] Что же касается иммунитета от юрисдикции по гражданским делам, то подавляющее большинство представителей доктрины международного права, равно как и законодательные акты ряда государств, в том числе — советский закон, признают его только в ограниченном объеме, причем в законодательных актах либо точно указывается этот объем, либо делается ссылка на положения международного права.[23] Основанием иммунитета от юрисдикции по гражданским делам, признаваемого в ограниченном объеме, является тот же общий принцип, который лежит в основании всего дипломатического иммунитета — принцип представительства.

Право посольства, по крайней мере, как оно сложилось на протяжении последних четырех столетий, строится на предпосылке постоянного пребывания дипломатических представителей на территории иностранного государства. Чтобы было достигнуто изъятие лиц, осуществляющих право представительства суверенного государства, из сферы действия

ставители Советского государства, уважающего суверенитет всех — как больших, так и малых — государств, всегда неукоснительно соблюдали указанные обязанности. Напротив, дипломатические представители империалистических государств, признавая эти обязанности на словах, бесцеремонно попирали и попирают их на деле (см. главу XIV).

[22] Только единичные, главным образом итальянские, авторы не признают полного иммунитета от юрисдикции по уголовным делам, допуская ведение предварительного и судебного следствия в местном суде с последующей пересылкой дела отечественным властям дипломатического агента для вынесения приговора (Casanova, Del Diritto internazionale. Lezione, XIII, приводится у Experson, op. cit., v. I, p. 136—137) или не распространяя освобождение от местной юрисдикции на преступления, совершенные дипломатическим агентом в качестве частного лица (Pasquale Fiore, op. cit., p. 144—146; Esperson, op. cit., v. I, p. 149—153).

[23] Так, например, согласно «Положению о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР» 1927 г. (ст. 2, п. «б»), дипломатические представители «подлежат юрисдикции судебных учреждений Союза ССР и Союзных республик по гражданским делам лишь в границах, определяемых нормами международного права или соглашениями с соответствующими государствами» (Собр. законов, 1927, № 5, отд. I, ст. 48).

суверенитета другого государства, иммунитет дипломатических представителей от юрисдикции государства пребывания должен распространяться на все правоотношения — относятся ли они к их официальным или неофициальным действиям,— связанные с обычными условиями постоянного проживания в данном государстве, даже если при подчинении этих правоотношений местной юрисдикции и нет речи о применении мер принуждения к личности представителя. Типичными примерами таких правоотношений, относящихся к неофициальным действиям, могут служить: наем помещения, покупка предметов личного обихода, денежный заем и другие правоотношения гражданско-правового характера.

Но из тех чрезвычайно многообразных конкретных гражданских правоотношений, в которые может вступить любое физическое лицо, проживающее на данной территории, и в которых иностранный дипломатический представитель мог бы оказаться стороной, иммунитет от юрисдикции должен распространяться только на те правоотношения, которые действительно неотделимы от условий его проживания в государстве, где он аккредитован, или хотя бы эвентуально связаны с ними и которые совместимы с его официальным положением представителя иностранного государства. Напротив, те гражданские правоотношения, которые ни прямо, ни косвенно ни в какой степени не связаны с этими условиями и которые находятся в противоречии с его официальным положением, например, сделки или контракты, заключаемые им в связи с его частной торгово-промышленной деятельностью, финансовыми операциями или занятием какой-либо свободной профессией, не должны освобождаться от юрисдикции государства пребывания, так как здесь отсутствует то юридическое основание, которое лежит в основе иммунитета от юрисдикции по гражданским делам, равно как и всего дипломатического иммунитета.[24] Если в некоторых государствах иммунитет от юрисдикции по гражданским делам распространяется почти на все без исключения действия представителя, то это можно рассматривать как проявление международной вежливости, но не как действие норм международного права.[25]

---

[24] Многие государства запрещают своим дипломатическим представителям заниматься в государстве пребывания какой-либо частной профессиональной деятельностью, но несмотря на это, отдельные дипломатические казусы, возникающие в связи с подобного рода деятельностью, еще до сего времени имеют место.

[25] Международно-правовая доктрина, законодательство и судебная практика все больше и больше склоняются к нераспространению иммунитета от юрисдикции на частную торгово-промышленную или профессио-

Но как установить грань между относящимися к неофициальным действиям дипломатического представителя гражданскими правоотношениями той и другой категории, т. е. связанными и не связанными с условиями его проживания в стране, совместимыми и несовместимыми с его официальным положением? Такая грань в одних случаях может быть совершенно ясна, в других — может быть весьма спорна.[26] Ее нельзя установить нормативным путем, так как никакая общая норма не охватит всего многообразия возможных в практике случаев. Эту грань можно установить только путем анализа содержания конкретных правоотношений и их эмпирической оценки с точки зрения необходимости распространения на них иммунитета для беспрепятственного выполнения представителем своих дипломатических функций. Без эмпирической оценки содержания конкретных правоотношений, сопутствующей применению к ним общих нормативных определений, юрист не может обойтись не только в международном праве, но и в других отраслях права.[27] Таким образом, положение теории дипломатических функций, с точки зрения предлагаемой нами трактовки теории представительства, рассматривается не как юридический принцип, лежащий в основании дипломатического иммунитета, а как эмпирический критерий для определения пределов иммунитета от юрисдикции по гражданским делам, юридическим основанием которого, как и всего дипломатического иммунитета, является принцип представительства.[28]

нальную деятельность дипломата (см. главу XIV); считается только недопустимым в этих случаях применение мер принуждения к личности дипломатического представителя и обращение взыскания на предметы его служебного или личного обихода.

[26] Спорной может оказаться и самая грань между официальными и неофициальными действиями представителя. В качестве примера Херст приводит следующий гипотетический случай: «Дипломатический агент покупает дорогостоящую картину. Кто может сказать — если не он сам — покупает ли он это произведение искусства по инструкциям своего правительства для национального музея или по собственному желанию, для своего частного дома?» В другом месте, как мы видели выше, Херст приходит к тому выводу, что «в действительности невозможно проводить строгое различие между делами, которые возникли из действий, совершаемых иностранным агентом в его официальном качестве, и теми действиями, которые возникли из торговых операций» (Hurst, op. cit., p. 180, 188).

[27] Например, в уголовном праве, когда идет речь о необходимой обороне, юрист эмпирически оценивает степень этой необходимости для установления пределов уголовной ответственности. Или в гражданском праве, когда определяется действительность или наступление условий сделки, он эмпирически оценивает добросовестность поведения сторон (см. ст. 39 и ст. 43 Гражданского кодекса РСФСР).

[28] Иммунитет дипломатического представителя от юрисдикции административной власти обусловливается тем же общим основанием, что и его су-

Неприкосновенность и иммунитет от юрисдикции, которыми пользуются дипломатические представители, распространяются и на занимаемые ими помещения. В старину иммунитет резиденции считался едва ли не самой важной дипломатической привилегией, и фикция экстерриториальности означала, прежде всего, полную недосягаемость для местной власти посольского дома и всего, что в нем находится. Современные авторы отмечают, что охрана дипломатических помещений важна не сама по себе, а в связи с охраной личности представителя,[29] хотя все же большей частью они рассматривают иммунитет резиденции как вполне самостоятельный вид дипломатического иммунитета. Но по своему юридическому основанию иммунитет резиденции есть не что иное, как продолжение неприкосновенности и иммунитета от юрисдикции самих представителей, продолжение, без которого ни то, ни другое право не может быть в полной мере соблюдено.

С этой точки зрения, не говоря уже о том, что дипломатические представители обязаны не вмешиваться во внутренние дела и не нарушать правопорядка государства пребывания, в принципе не могут быть признаны ни право убежища, ни право задержания кого-либо в дипломатических помещениях; точно так же иммунитет резиденции не создает каких-либо изъятий в отношении уголовных преступлений или гражданско-правовых актов, совершенных в дипломатическом помещении лицами, не имеющими дипломатического статуса.[30]

дебный иммунитет. Представитель не освобождается от соблюдения местных административных правил, касающихся поддержания общественного порядка и благоустройства, но на него не могут быть наложены административные взыскания за невыполнение этих правил.

[29] Так, например, по словам Коркунова, «дипломатические агенты для свободы действия нуждаются в том, чтобы и то, что их непосредственно окружает, также пользовалось неприкосновенностью в отношении местной власти. Поэтому внеземельность распространяется также: ...на помещение дипломатической миссии» (Коркунов, цит. соч., стр. 144). Оппенгейм пишет: «Но подобный иммунитет резиденции гарантируется лишь в той мере, в какой он необходим для независимости и неприкосновенности посланников и неприкосновенности их служебных документов и архивов» (Oppenheim, op. cit., v. I, p. 622). Деак констатирует, что и современная судебная практика пришла к тому выводу, что «неприкосновенность резиденции в современном международном праве... не простирается дальше того, что необходимо, чтобы гарантировать личную неприкосновенность посланника и его свиты» (Deak, op. cit., p. 536).

[30] Иммунитет распространяется не только на помещение, но и на движимое имущество дипломатического представителя, поскольку речь идет о предметах его служебного и личного обихода. На недвижимое же имущество, принадлежащее лично представителю, иммунитет не распространяется, ибо оно подпадает под действие принципа lex rei sitae; но это, очевидно, связано в большей мере с характером объекта, чем с природой самих правоотношений.

Наконец, понятие дипломатического иммунитета обнимает различные другие привилегии: льготы в области сообщений и связи, освобождение от административных повинностей, налоговые и таможенные льготы, церемониальные привилегии и т. д., не одинаковые по своим юридическим особенностям. Одни из них, как например, право пользования шифром и дипломатическими курьерами, могут быть отнесены к дипломатической неприкосновенности, поскольку они гарантируют тайну и неприкосновенность дипломатической корреспонденции. Другие, как, например, освобождение от прямых налогов и личных повинностей, составляют часть иммунитета от юрисдикции — юрисдикции административной власти. Третьи, как, например, льготы по таможенному обложению предметов, получаемых из-за границы, право внеочередного пользования средствами электрической связи, право иметь посольского врача или посольскую церковь, лишены строго обязательного характера и предоставляются не в силу общепризнанных норм международного права, а в порядке взаимности на основании специальных двусторонних соглашений или в порядке международной вежливости. Что касается церемониальных привилегий, то хотя в современную эпоху они утратили прежнее значение и все больше и больше переходят из области международного права в область международной вежливости (см. главу VIII), однако отдельные из этих привилегий, тесно связанные с осуществлением представительства,— например, право посла на аудиенцию у главы государства,— не могут не сохранить юридического характера. [31]

Таким образом, все дипломатические привилегии, за исключением разве льгот и преимуществ, предоставляемых в порядке международной вежливости, имеют свое юридическое основание в праве посольства отправляющего дипломатического представительства государства и являются как бы атрибутами этого права. Именно в свете такой юридической концепции представляется наиболее ясным и обоснованным то единодушно поддерживаемое доктриной и прочно признанное на практике положение, что иммунитет, которым пользуются дипломатические представители, принадлежит не им

[31] Стоуэлл, возражая против полного отрицания юридического характера церемониальных привилегий, замечает, что «все, что касается знаков уважения по адресу иностранного государства в лице его представителя, не является обыкновенным вопросом общественного этикета», и что «формулирование юридических требований международной церемониальной процедуры является вопросом серьезного (real) значения» (E. Stowell Diplomatic Privileges and Immunities. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 20, 1926, No 4, p. 757). Конечно, нельзя вовсе не признавать значения этого вопроса, но не следует и слишком переоценивать его.

лично, а назначившему их государству. Исходя из тех же теоретических соображений, никак нельзя согласиться с замечанием Огдона, брошенным в пылу полемики со сторонниками теории представительства, что «поскольку нет юридической обязанности одного государства поддерживать дипломатические отношения с другим, нельзя утверждать, что имеет место обязанность оказывать защиту и предоставлять иммунитет дипломатическим агентам в силу правоспособности или права отправляющего государства посылать таких агентов».[32] Право посольства, как активное, так и пассивное, является правом, а не обязанностью государства, в том смысле, что государство юридически не обязано ни отправлять, ни принимать дипломатических представителей; но если одно государство соглашается принять дипломатических представителей другого, то оно ipso jure признает все выводы, вытекающие из права посольства другого государства, в том числе иммунитет его представителей.[33] Без этого иммунитета осуществление права посольства не может быть мыслимо ни юридически, ни фактически. Ибо, если бы дипломатические представители подпадали под действие суверенитета того иностранного государства, где они аккредитованы, то они должны были бы рассматриваться не как п р е д с т а в и т е л и, т. е. не как носители полномочий, относящихся к компетенции высшей суверенной власти своего отечественного государства, а скорее как его а г е н т ы, подобно консулам или тем должностным лицам, которые посылаются за границу различными административными ведомствами для специальных целей, но не для общего представительства государства в международных отношениях.[34]

---

[32] O g d o n, op. cit., 117.

[33] Сам Огдон, очевидно, не в состоянии последовательно отстаивать высказанную им точку зрения и отступает от нее, когда от критики теории представительного характера посла и других теорий переходит к изложению собственной концепции; тогда он заявляет: «Одно государство не обязано принимать послов от другого; но государства придерживаются того принципа, что, принимая посла, они берут на себя ответственность за его защиту: следовательно, они согласны в том, что в известных пределах местная территориальная власть не будет распространяться на него. Иными словами, посол пользуется иммунитетом, т. е. государство в известных пределах не имеет над ним юрисдикции» (I b i d e m, p. 202).

[34] Гипотетически государство может отказаться от иммунитета своих дипломатических представителей, так же как оно может отказаться от какого-либо другого из бесспорно принадлежащих ему прав. Но не говоря уже о том, что практически такой отказ едва ли возможен,— кроме как в отдельном конкретном случае,— для этого потребовалось бы специальное соглашение между соответствующими государствами, узаконяющее отступление от общепризнанных норм международного права.

§ 4. Теория представительства с точки зрения советской доктрины международного права

Данная выше трактовка теории представительства, по нашему мнению, вполне соответствует потребностям международно-правовой практики Советского Союза и духу советской международно-правовой доктрины. Борьба за укрепление мира и демократического сотрудничества между государствами, борьба против агрессивных методов дипломатии и разжигания международной вражды, борьба за суверенитет и за равенство наций находит отражение и в вопросах посольского права. Дипломатической истории последних десятилетий хорошо знакомы попытки империалистических государств, их правительств и реакционных и агрессивных кругов провоцировать международные конфликты путем инспирирования или поощрения террористических нападений на иностранных дипломатических представителей, равно как и факты злоупотребления дипломатическим иммунитетом со стороны дипломатических представителей этих государств в целях организации заговоров против мира или поддержки заговорщиков и укрытия их от местных властей.[35] Советский Союз не раз оказывался мишенью подобных преступных действий, хотя неизменно с успехом пресекал вдохновлявшие их агрессивные замыслы. Советское государство, как это явствует из анализа его законодательства и дипломатической практики, всегда рассматривало и рассматривает институты посольского права как инструменты мирного международного сотрудничества и укрепления деловых связей между государствами. Оно твердо отстаивает иммунитет своих дипломатических представителей за границей и строго охраняет иммунитет иностранных дипломатических представителей на своей территории, исходя из защиты собственных суверенных прав и уважения суверенных прав других государств и из интересов укрепления мира и деловых связей с другими государствами.[36] Вместе с тем, оно решительно не

[35] См. ниже примеры в гл. XIII, § 4; гл. XIV, § 2; гл. XV, § 3.

[36] Позиция Советского государства в вопросах дипломатического иммунитета неразрывно связана с общим характером советских международно-правовых концепций. Как указывает Е. А. Коровин, «Советская дипломатия показала значение международного права как одной из форм международной борьбы государств и международного их сотрудничества и, вместе с тем, показала на деле возможность использования его институтов в интересах свободолюбивых и миролюбивых народов и стран», «Международное право в руках СССР и поддерживающих его демократических государств показало себя как орудие борьбы за мир и всеобщую безопасность, как средство охраны завоеваний демократии, национального суверенитета, свободы и независимости народов, как правовой барьер против империалистической экспансии и агрессии». Коровин

допускает злоупотреблений дипломатическим иммунитетом и не поддерживает преувеличенных представлений об иммунитете, которыми часто оправдываются эти злоупотребления и которые вообще легко ведут к нарушению суверенных прав государств и, в конечном итоге, к международным осложнениям, препятствующим укреплению мира и деловых связей.[37]

Юридическое обоснование дипломатического иммунитета, исходящее из уважения суверенных прав каждого из государств, поддерживающих дипломатические сношения, указывающее общую нормативную предпосылку для защиты дипломатических привилегий и при этом позволяющее установить их пределы в соответствии с реальными требованиями международной жизни,— должно способствовать пониманию и применению этого института в духе укрепления мира и демократического сотрудничества между государствами, на страже которого, возглавляя весь демократический лагерь, стоит Советский Союз. Такое обоснование дипломатического иммунитета важно для Советского Союза еще в том отношении, что оно (подробнее об этом будет итти речь в главе XIV) дает твердый фундамент для защиты иммунитета советских торговых представительств, нового специального органа внешних сношений СССР, созданного для осуществления государственной монополии внешней торговли социалистического государства — органа, права которого за границей Советскому Союзу приходилось упорно отстаивать на протяжении многих лет от посягательств буржуазных правительств и судов и от враждебных выпадов представителей буржуазной доктрины международного права. Наконец, это обоснование отвечает и методологическим требованиям советской международно-правовой доктрины, которой чужды как искусственно создаваемые юридические фикции, свойственные теории экстерриториальности, так и отход от точных юриди-

---

подчеркивает далее, что «нет буквально ни одного института международного права, который в международной политике Советского государства не был бы поставлен по-новому, по-советски, и в силу этого не получил бы нового подлинно демократического смысла и значения, соответствующего интересам как СССР, так и всего прогрессивного человечества». (Е. Коровин. Вклад СССР в международное право. «Советское государство и право», 1947, № 11, стр. 22, 23, 32). Эта характеристика советских международно-правовых концепций полностью относится и к советским концепциям в области дипломатического иммунитета, которые нашли ясное выражение в советском законодательстве, в дипломатических актах Советского правительства и в советской дипломатической практике.

[37] Анализ советского законодательства и советской дипломатической практики в свете этой принципиальной позиции см. в следующей части работы.

ческих категорий, которым рискует теория дипломатических функций.[38]

Рост дипломатических и экономических связей Советского Союза после второй мировой войны и развитие мирного международного сотрудничества СССР с другими государствами, придающие институту дипломатического иммунитета более широкое поле применения, не могут не усилить значения теоретической разработки данного института в советской литературе. *

* * *

Юридическая конструкция того или иного института права должна помочь применению на практике отдельных норм, входящих в этот институт, определению их точного содержания и устранению споров при приложении их к конкретным случаям. В последующей части настоящей работы мы рассмотрим под углом зрения изложенных выше теоретических положений некоторые проблемы современной дипломатической практики, связанные с важнейшими видами иммунитета.

---

[38] В советской литературе по международному праву из авторов общих курсов, мнения которых приводились выше, исходного положения теории представительства, как мы видели, твердо придерживается Кожевников. Специальных исследований о юридической природе дипломатического иммунитета пока еще нет, но в отдельных работах по посольскому праву имеются места, которые свидетельствуют о близко примыкающем к теории представительства общем подходе советской доктрины к этому вопросу. Так, например, в VII разделе «Истории дипломатии», посвященном методам и формам современной дипломатии, мы находим следующее место, принадлежащее перу покойного Н. Колчановского: «Принимая иностранного дипломатического представителя, государство тем самым соглашается на осуществление им на своей территории ряда функций, вытекающих из суверенитета другого государства. Дипломатический представитель не мог бы полноценно выполнять эти функции, а в особенности защищать права и интересы своего государства, если бы он не был огражден от тех или иных мер воздействия или принуждения со стороны властей страны пребывания. Поэтому дипломатическим представителям предоставляются особые права дипломатического иммунитета» (История дипломатии, т. III, М.—Л., 1945, стр. 785—786). Поскольку в этом рассуждении ссылка на дипломатические фучкции ставится в тесную и органическую связь с принципом суверенитета и правом представительства, она не расходится с тем общим направлением, которого мы придерживаемся в нашей работе.

* В 1942—1947 гг. установили или возобновили дипломатические отношения с СССР 37 стран, к которым в 1948 г. надо прибавить еще Бирму, Пакистан, Израиль и Корею. См. таблицу в Дипломатическом словаре, 1948, т. I, стр. 564—566.

Часть четвертая

ВАЖНЕЙШИЕ ВИДЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ

Глава XII
КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА . . . 295

Глава XIII
ЛИЧНАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ 300

Глава XIV
ИММУНИТЕТ ОТ ЮРИСДИКЦИИ 320

Глава XV
ИММУНИТЕТ РЕЗИДЕНЦИИ 367

Глава XVI
КРУГ ЛИЦ, ПОЛЬЗУЮШИХСЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ИММУНИТЕТОМ 391

ГЛАВА XII

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА

Если перечислить те конкретные привилегии, которые обычно предоставляются дипломатическим представителям на территории того государства, в котором они аккредитованы, то мы получим следующий довольно широкий перечень: 1) повышенная охрана их личности от посягательств, исходящих от частных лиц или групп; 2) повышенная охрана от таких же посягательств их служебных помещений, жилища, служебного и личного имущества; 3) освобождение от ареста и задержания; 4) освобождение от судебной ответственности по уголовным делам; 5) освобождение от судебной ответственности по гражданским делам — в определенном объеме; 6) освобождение от дачи свидетельских показаний; 7) освобождение служебных помещений и жилища от принудительных мер административной или судебной власти (обысков, выемок и т. п.); 8) освобождение от прямых налогов; 9) освобождение от личных повинностей; 10) право пользоваться шифром в сношениях с учреждениями отечественного государства; 11) право сношений через дипломатических курьеров; 12) право на внеочередное пользование средствами телеграфной и телефонной связи; 13) льготы по таможенному обложению; 14) освобождение багажа от таможенного досмотра при первоначальном въезде в страну; 15) церемониальные привилегии; 16) право на некоторые акты юрисдикции в отношении лиц дипломатического персонала и граждан своей страны и пр. Вся совокупность этих привилегий обычно обозначается общим понятием «неприкосновенность», «экстерриториальность» или «иммунитет».

В литературе по международному праву встречается мнение, что нет нужды в едином общем понятии, охватывающем все дипломатические привилегии. Например, Белинг в цитированной уже работе доказывает, что «каждая из подразумевающихся под сводным понятием экстерриториальности привилегий имеет свое собственное существование, нет надобности в едином всеохватывающем обозначении».[1]

[1] Beling, op. cit., S. 117—118.

На такой же путь стала Харвардская юридическая школа в своем типовом проекте конвенции о «дипломатических привилегиях и иммунитетах». Однако с этим нельзя согласиться. Несмотря на различный характер тех привилегий, коими пользуются дипломатические представители за границей, все эти привилегии составляют единый юридический институт и, следовательно, должно быть единое юридическое понятие этого института.[2] Если трудно найти термин, который охватывал бы все решительно его стороны, то нужно остановиться на таком термине, который охватывает самые существенные стороны. Как можно заключить из предшествующего изложения, дипломатические привилегии сводятся, главным образом, к гарантии от всяких способов воздействия на представителя, нарушающих его безопасность, независимость и удобство,— от кого бы такое воздействие ни исходило: от частных лиц или от органов государства пребывания. Поэтому наиболее подходящим термином следует признать «дипломатический иммунитет». К нему, как к единому обозначению дипломатических привилегий, все больше и больше склоняются новейшие авторы.[3]

Многие из них под словом «иммунитет» понимают отдельную привилегию и говорят о «дипломатических иммунитетах». Однако логически правильнее применять термин «дипломатический иммунитет» в качестве общего понятия, обозначающего привилегированное положение дипломатиче-

---

[2] Мортон предлагает пользоваться двумя понятиями: «привилегии» и «иммунитеты» (каковые термины и помещает в названии своей работы). «Привилегии,— пишет он,— это слово характеризует активные выгоды, предоставляемые публичному министру, выгоды, присущие его функциям и гарантирующие ему свободу действий... Иммунитеты... это слово означает право, которое имеют дипломатические агенты не быть подчиненными в значительном большинстве случаев законам страны, в которой они аккредитованы, и отказываться от того, чтобы эти законы к ним применялись... Два термина: привилегии и иммунитеты, символизирующие две формы (в тексте — deux faces) исключительного положения послов — право делать некоторые вещи, которые другие обитатели не должны делать, и право не делать некоторые вещи, которые другие обитатели должны делать,— в настоящее время всеми приняты, чтобы обозначать совокупность выгод, связанных с дипломатическими функциями» (Morton, op. cit., p. 12). По нашему мнению, обе эти разные формы все же могут быть сведены в единое понятие (см. здесь же, ниже).

[3] Этот термин фигурирует в качестве обозначения совокупности дипломатических привилегий в VII разделе «Истории дипломатии» (см. История дипломатии, т. III, стр. 786). Указанным термином озаглавлен и целый ряд специальных работ, посвященных дипломатическим привилегиям, в частности, работы Херста, Прейса, Огдона и др.; его строго придерживаются кодификационный проект Штруппа 1926 г. и Нью-йоркский регламент Института международного права 1929 г.

ских представителей за границей, а об отдельных привилегиях говорить как о видах дипломатического иммунитета.

Ввиду того, что, как уже отмечалось ранее, международно-правовые нормы, регламентирующие дипломатический иммунитет, составляя до сего времени преимущественно обычное право, в различных государствах интерпретируются по-разному,— ни в позитивном международном праве, ни в доктрине не существует общепринятой классификации видов дипломатического иммунитета. Правда, имеются некоторые понятия, объединяющие отдельные группы привилегий, но даже в самые общеупотребительные из них различные авторы вкладывают неодинаковое содержание. Естественно, что при этом у них получается и весьма неодинаковая классификация. Так, например, Фошиль делит все виды дипломатического иммунитета на три категории: неприкосновенность, иммунитет от юрисдикции и меры обходительности (mesures de courtoisie), понимая под неприкосновенностью личную неприкосновенность, неприкосновенность помещения и свободу переписки.[4] Оппенгейм делит их на две группы: неприкосновенность и экстерриториальность, понимая под экстерриториальностью неприкосновенность помещения, изъятие от юрисдикции и изъятие от налогового обложения. Ф. Мартенс придерживается аналогичного деления, только изъятие от налогового обложения относит к особой третьей группе, выделяемой им под названием «второстепенные привилегии».[5] Впрочем, большинство авторов, применяющих термин «экстерриториальность» не как общее, а как родовое понятие, подразумевает под ним исключительно неприкосновенность помещения. С другой стороны, Деак считает, что не следует выделять неприкосновенность помещения как основной вид иммунитета, так как «если устранить теорию экстерриториальности, то неприкосновенность помещения входит в иммунитет от юрисдикции»; и Деак предлагает следующую классификацию: иммунитет от местной юрисдикции, неприкосновенность личности, свобода сообщений и переписки и фискальные льготы.[6] К приведенным примерам остается добавить, что и кодификационные проекты международных научных учреждений далеко не отличаются единообразием.[7]

---

[4] См. Fauchille, op. cit., v. I, P. III, p. 60, 65.

[5] См. Oppenheim, op. cit., v. I, p. 615 and f. Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 38 и сл. Почти такую же классификацию мы встречаем в учебнике по международному праву Казанского (см. Казанский. Учебник международного права, стр. 205).

[6] См. Deak, op. cit., p. 554.

[7] Так, например, в Кэмбриджском регламенте Института международного права 1895 г. дипломатические привилегии делятся на «неприкосно-

Во внутреннем законодательстве и в международных договорах наблюдается еще большее, чем в доктрине, различие в классификации и в терминологии. К тому же, в подавляющем большинстве официальных нормативных актов вообще не дается классификации в строгом смысле слова, а скорее приводится перечень предоставляемых дипломатическим представителям привилегий. Наиболее отчетливо отдельные виды иммунитета определяются в советском законе — в «Положении о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР» 1927 г.[8]

Классификация видов дипломатического иммунитета составляет, в первую очередь, задачу науки международного права. Однако она имеет и серьезное практическое значение. Дать такую классификацию — значит установить основные юридические категории, объединяющие различные привилегии в отдельные группы по их видовым признакам, иначе говоря — выработать систему норм, входящих в данный международно-правовой институт. Наличие же системы должно явиться подспорьем для точного определения содержания самих норм.

венность» (личная неприкосновенность), «экстерриториальность» (неприкосновенность помещения) и «иммунитеты» (освобождение от налогов и юрисдикции) (см. Annuaire..., v. III, p. 783 et s.). В проектах Американского института международного права 1925 г. и Международной комиссии американских юристов 1927 г. — на «неприкосновенность» (личная неприкосновенность и неприкосновенность помещения), свободу сношений со своим правительством, иммунитет от налогов и иммунитет от юрисдикции (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 170—171, 173—174). Согласно же Нью-йоркскому регламенту Института международного права 1929 г. (ст. 6), «иммунитет заключает в себе: 1) личную неприкосновенность; 2) неприкосновенность помещения; 3) иммунитет от юрисдикции; 4) изъятие от налогового обложения» (Annuaire... Session de New York, v. II, p. 308). Наконец, в проекте Харвардской юридической школы вообще нет деления «привилегий и иммунитетов» на какие-либо сводные категории (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 19—25).

[8] В качестве «прав и преимуществ», предоставляемых дипломатическим представителям, в законе указываются: личная неприкосновенность, изъятие из юрисдикции по уголовным — и, в надлежащих пределах, по гражданским делам, изъятие от налогов и от пошлин с получаемых из-за границы и отправляемых за границу произведений печати, право беспрепятственных сношений со своим правительством и дипломатическими представителями своей страны в третьих государствах, неприкосновенность помещений, таможенные льготы и неприкосновенность дипломатических курьеров (см. Собр. законов, 1927, Отд. I, № 5, ст. 48). Весьма близко к такому разделению примыкает классификация, приводимая в VII разделе «Истории дипломатии» (см. История дипломатии, т. III, стр. 786—791). Ср. классификацию, данную у Дурденевского и Крылова (цит. соч., стр. 91).

При классификации видов дипломатического иммунитета необходимо исходить как из юридической природы соответствующих норм, так и из характера регламентируемых ими правоотношений. С точки зрения своей юридической природы — дипломатический иммунитет, как говорилось в предшествующей главе, заключает в себе три стороны: повышенную охрану от посягательств частных лиц, гарантию от мер принуждения со стороны самого государства, вообще — освобождение от принудительного подчинения его органам, и особые преимущества, предоставляемые в порядке взаимного соглашения или международной вежливости. С точки зрения характера правоотношений — дипломатический иммунитет содержит привилегии, охраняющие личность представителя, его помещения, имущество и архивы, его сообщения и сношения с учреждениями своей страны, его удобства проживания и почетное положение в государстве пребывания. Сочетая оба критерия, мы можем установить следующие шесть категорий, шесть основных видов дипломатического иммунитета: 1) личная неприкосновенность или личный иммунитет — право дипломатического представителя на повышенную охрану его личности от посягательств частных лиц; 2) иммунитет от юрисдикции — гарантия от применения мер принуждения и от любых императивных действий со стороны органов государства пребывания, включающая судебный иммунитет по уголовным и гражданским делам, а также иммунитет от административной юрисдикции; сюда же следует отнести освобождение от прямых налогов и личных повинностей; 3) иммунитет резиденции: он включает охрану дипломатических помещений от посягательств частных лиц и гарантию от принудительного вступления в них органов местной власти; к этой же категории следует присоединить охрану средств передвижения дипломатического представителя, его имущества и архивов; 4) свобода сообщений и связи с учреждениями своей страны: она включает свободу передвижения, преимущества, связанные с пользованием средствами транспорта, право пользования шифром, неприкосновенность дипломатических курьеров, право внеочередного пользования средствами связи; 5) специальные льготы (таможенные, фискальные, коммунальные и т. п.); 6) церемониальные привилегии.

Рассмотрим теперь в свете теоретических положений, развитых в предыдущей главе, важнейшие из этих видов дипломатического иммунитета и те связанные с ними проблемы, разрешения которых современная дипломатическая практика требует от теории международного права.

ГЛАВА XIII

ЛИЧНАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

§ 1. Понятие права личной неприкосновенности дипломатических представителей

Право личной неприкосновенности, в соответствии с данной выше классификацией, состоит в праве дипломатических представителей на повышенную охрану принимающим их государством посредством специальных административных и судебных мер от всякого посягательства, оскорбления или насилия, которому они могли бы подвергнуться на его территории со стороны частных лиц — граждан этого государства или иностранцев.

Многие авторы по международному праву, в том числе специалисты по посольскому праву, определяют право личной неприкосновенности не только как право на повышенную охрану, но и как гарантию от применения принудительных мер самим государством пребывания.[1] Так оно определяется и в Кэмбриджском регламенте Института международного

---

[1] Например, в курсе международного права Ф. Мартенса говорится: «Неприкосновенностью пользуются все дипломатические агенты, какого бы ни были они разряда. Она защищает их не только от насилия и оскорблений частных лиц, но также правительственных действий, могущих стеснить их свободу» (Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 39). Херст указывает на три обязанности государства пребывания, вытекающие из права личной неприкосновенности: «1) обязанность правительства самому воздерживаться от всякого действия, заключающего в себе посягательство на дипломатического агента; 2) обязанность государства предупреждать совершение подобных действий со стороны частных лиц; 3) обязанность государства наказывать частных лиц, которые совершают посягательства против дипломатических агентов» (Hurst, op. cit., p. 125).

В советской литературе такого определения личной неприкосновенности придерживаются Дурденевский и Крылов, Кожевников и др. Кожевников, например, пишет: неприкосновенность «понимается в смысле недопустимости применять к личности дипломата какие-либо меры принуждения (задержание, арест) и обязанности обеспечивать дипломатического представителя от всяких посягательств со стороны жителей той страны, в которой он пребывает» (Кожевников, цит. соч., стр. 18—19. См. также Дурденевский и Крылов, цит. соч., стр. 92).

права 1895 г.[2] Сторонники этого определения под иммунитетом от юрисдикции понимают исключительно судебный иммунитет.[3] Другие же авторы относят гарантию от мер принуждения со стороны государства к «экстерриториальности» или, если они не применяют этого термина,— к иммунитету от юрисдикции, а право неприкосновенности определяют как право на повышенную охрану от незаконных посягательств частных лиц.[4] Такого разграничения понятий придерживается и проект Харвардской юридической школы 1932 г.[5]

---

[2] Согласно ст. 3 регламента, личная неприкосновенность «обязывает правительство, при котором министр аккредитован, воздерживаться в отношении лиц, пользующихся ею, от всякого оскорбления, обиды или насилия, давать пример уважения, на которое они имеют право, и защищать их посредством особенно строгих наказаний от всякого оскорбления, обиды или насилия со стороны жителей страны, таким образом, чтобы они могли с полной свободой выполнять свои функции» (см. Annuaire..., v. III, p. 783—784).

[3] Так, например, Херст подчеркивает, что иммунитет от юрисдикции «отнюдь не влечет неизбежно иммунитета от всякого принуждения со стороны местных властей», и поясняет, что если бы имела место высылка дипломатического агента или даже кратковременное заключение его в тюрьму, то «не следует смешивать такой способ действий с попыткой подчинить дипломатического агента юрисдикции судов той страны, в которой он аккредитован» (Hurst, op. cit., p. 165—166).

[4] Например, по словам Казанского, «сущность этой неприкосновенности заключается лишь в усиленной охране личности посланника» (Казанский. Учебник международного права, стр. 205). Гейкинг пишет: «Идея неприкосновенности послов может быть только идеей повышенной защиты от всяких незаконных посягательств со стороны частных лиц». Относя гарантию от мер принуждения со стороны государства к экстерриториальности, он следующим образом определяет грань между двумя понятиями: «Неприкосновенность есть норма, которая касается действий частных лиц; экстерриториальность есть норма для публичной власти; первая защищает от незаконного действия; вторая не вдается в рассмотрение вопроса о законности или незаконности действия... Следовательно, неприкосновенность не принадлежит к привилегиям экстерриториальности, хотя она идет рядом с ней и, если можно так выразиться, образует с ней некую совокупность» (Heyking, op. cit., p. 261—262).

[5] По ст. 17 этого проекта, озаглавленной «Личная защита и безопасность»,— «принимающее государство должно охранять члена миссии и членов его семьи от всякого нарушения их безопасности, мира и достоинства» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 22). В двух других американских проектах: в проекте Американского института международного права 1925 г. и в проекте Международной ассоциации американских юристов 1927 г. определения права личной неприкосновенности не дается вовсе. В обоих проектах просто говорится (ст. 19), что «дипломатические агенты должны пользоваться неприкосновенностью в отношении своей личности, своей официальной и частной резиденции и своего имущества» (ibidem, p. 170, 175). Но, судя по общему содержанию этих проектов, здесь имеется в виду также гарантия от принуждения, исходящего от государства. То же самое относится и к Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г.

Различие между первым и вторым определением права личной неприкосновенности не имеет принципиального характера — оно связано не с различными взглядами на сущность дипломатических привилегий, а с различными способами систематизации понятий и различным пониманием терминов. Но все же второе определение, хотя оно, быть может, меньше соответствует привычному словоупотреблению, представляется нам более правильным с теоретической точки зрения. Понятие «юрисдикция» в широком смысле слова означает компетенцию не только судебной, но и всякой государственной власти, в том числе и административной.[6] По своей юридической природе охрана от посягательств частных лиц и гарантия от принудительных мер государства — это две различные стороны положения дипломатического представителя, которые налагают различные обязанности на государство пребывания, порождают различные правопритязания представителя и, следовательно, представляют собой различные виды дипломатического иммунитета. Исходя из этого, мы будем под правом личной неприкосновенности понимать только право на повышенную охрану от незаконных посягательств частных лиц.

§ 2. Охрана личной неприкосновенности дипломатических представителей в аспекте принципа мира и безопасности

В современной буржуазной литературе по международному праву получила известное распространение теория, согласно которой право неприкосновенности в вышеуказанном смысле устарело при современном правовом строе и должно быть сдано в архив. Австрийский юрист Стризовер в 1923 г., например, писал: «Неприкосновенность посланников есть,

[6] Правда, термин «юрисдикция» в большинстве случаев определяется в смысле только судебной власти или компетенции. Однако наряду с этим, как в юридических, так и в общих словарях встречаются и более широкие определения — в смысле власти или компетенции вообще. Так, например, в «Кратком юридическом словаре» (М., 1945) под словом «юрисдикция» значится: «компетенция, подсудность, круг дел, подлежащих ведению данного государственного учреждения». В «Wharton's Law Lexicon» (4 ed., 1938) слово «юрисдикция» объясняется как «законная власть; объем власти; провозглашение закона». В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. IV, М., 1940) в числе значений этого слова указываются: «право... рассматривать какой-н. правовой вопрос», «подведомственность». Так как в отношении иностранных дипломатических представителей речь идет не только об изъятии их из компетенции местных судов, но и об освобождении от принудительных мероприятий местных административных органов, правильнее термин «юрисдикция» употреблять здесь во втором, т. е. в более широком смысле, обнимая им два значения: компетенцию судебной и административной власти.

собственно говоря, их иммунитет против всякого **вне**законного и **против**законного посягательства. Старую идею неприкосновенности посланников нужно связывать с тем положением вещей, которое существовало в давно прошедшие времена, когда иностранцы вообще находились вне закона. Именно тогда неприкосновенность, которой в противоположность другим иностранцам, пользовались иностранные посланники, составляла самую сущность их привилегированного положения. Но в наши дни каждый иностранец пользуется защитой закона и его неприкосновенность гарантирована международным правом. Исторически неприкосновенность посланников, несомненно, оказала некоторое влияние на развитие их изъятия из сферы законного действия государственной власти. Она легко сливалась с экстерриториальностью в те времена, когда воля государя составляла закон; грань между применением законной власти и произвольным обращением тогда легко стиралась. Но в настоящее время имеется очень мало оснований выделять неприкосновенность. Законы часто наказывают более строго, а возможно и на основании особых норм, посягательства, совершенные частными лицами против дипломатических представителей. Однако в принципе на этот счет не существует никакой обязанности».[7] Несколько позднее Хотхорн доказывал, что в наши дни неприкосновенность посланников ограничивается охраной их чести. «Неприкосновенность,— писал он,— которая в прежние времена принадлежала только отдельным обитателям страны — монархам, и отдельным иностранцам — посланникам, утратила характер привилегии и стала само собой разумеющимся правом как всех туземных жителей, так и всех иностранцев... Благодаря развитию правопорядка культурных государств, при котором каждый туземец и иностранец признается и является неприкосновенным, такая привилегия стала излишней и ненужной... Неприкосновенность обнимает теперь в основном только повышенную уголовно-правовую охрану чести посланника. Последняя есть правовое благо, нарушение которого во внутреннем праве любой страны подпадает под особые уголовно-правовые нормы, в то время как посягательство на телесную неприкосновенность, жизнь и имущество посланника почти всегда карается по общим материальным уголовно-правовым нормам внутреннего права».[8] Подобные взгляды нашли отражение даже в Нью-йоркском регламенте Института международного права 1929 г., в котором личная неприкосновенность

[7] Strisower, op. cit., p. 238—239.
[8] Hothorn. op. cit., S. 10, 15.

определяется только как гарантия от мер принуждения со стороны государства,[9] а право на повышенную охрану от посягательств частных лиц не упоминается вовсе.

Эта теория глубоко ошибочна и юридически, и с точки зрения опыта истории международных отношений. Юридически — право неприкосновенности в смысле права на повышенную охрану дипломатического представителя в государстве пребывания вытекает из принципа представительства, будучи прямым следствием права посольства назначившего представителя государства,— это еще более бесспорно при сопоставлении неприкосновенности в посольском праве с аналогичными категориями в государственном праве (см. главу XI). История же международных отношений убедительно свидетельствует о том, что общих гарантий неприкосновенности личности совершенно недостаточно для обеспечения неприкосновенности дипломатических представителей не только в абсолютистских, но и в капиталистических государствах, в особенности в последние десятилетия, когда нападения на иностранных государственных деятелей и дипломатических представителей — далеко не случайные — стали средством в руках наиболее реакционных и агрессивных сил капиталистического мира для провоцирования международных конфликтов и осуществления своих внешнеполитических планов. Убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту в 1934 г. пролило яркий свет на это обстоятельство и на время приковало к нему внимание всей мировой общественности.[10] Особенно часто совершались нападения на представителей социалистического государства, которое активно выступает в защиту мира и противодействует осуществлению агрессивных замыслов. Дипломатические представители Советского Союза неоднократно подвергались всякого рода преступным посягательствам, причем важно подчеркнуть, что эти посягательства были возможны потому, что правящие круги тех стран, где они происходили, поощряли агрессивную деятельность антисоветских элементов. *

---

[9] По ст. 7 Нью-йоркского регламента, «неприкосновенность заключается... в запрещении всякого принуждения, выдачи или высылки» (см. Annuaire..., Session de New York, v. II, p. 308).

[10] См. описание этого события в «Истории дипломатии» (т. III, стр. 507—510). Характерно, что пресса гитлеровской Германии вначале не стеснялась открыто выражать свое сочувствие этому преступлению и угрожала участью Барту тем его преемникам, которые вздумали бы продолжать его политику, в особенности политику сближения с Советским Союзом (там же, стр. 718—720).

* Случаи нападения на советских дипломатических представителей имели место и в последние годы. Так, 20 ноября 1946 г. в Нью-Йорке,

В современных условиях международной жизни, в свете тех новых тенденций, которые стали проявляться в развитии международного права, в связи с борьбой миролюбивых и демократических сил против сил империалистической реакции и агрессии, охрана дипломатических представителей от посягательств частных лиц выходит за рамки категорий посольского права и получает опору в более широком принципе международного права, а именно — в принципе поддержания мира и безопасности. Эта новая постановка проблемы была вполне отчетливо намечена в советской дипломатической практике, которая пока еще не подверглась достаточно полным и систематическим обобщениям на страницах сочинений по международному праву. Именно под углом зрения принципа мира и безопасности, исходя из всего отношения государства пребывания к тем агрессивным элементам, жертвами которых оказывались советские дипломатические представители, и оценивало Советское правительство ответственность этого государства за нарушение их дипломатической неприкосновенности.

Остановимся для примера на дипломатической переписке между Советским Союзом и довоенной Польшей, на территории которой особенно часто имели место подобного рода нарушения. Так, в нотах на имя польского посланника в Москве от 7 и 11 июня 1927 г. по поводу убийства полномочного представителя СССР в Польше Войкова Советское правительство подчеркивало, что «...ставит это неслыханное злодеяние в связь с целой серией актов, направленных к разрушению дипломатического представительства СССР за границей и создающих прямую угрозу миру», что оно вынуждено «...рассматривать убийство своего представителя в

во время происходившей там второй сессии Генеральной ассамблеи ООН было произведено покушение на жизнь делегатов Украинской ССР на Генеральной ассамблее Война и Стадника. Стадник был тяжело ранен в ногу. В письме на имя государственного секретаря США глава украинской делегации Д. З. Мануильский констатировал, что «вся обстановка этого нападения... дает основание полагать, что в данном случае мы имеем дело не с грабительским актом, а с заранее подготовленным покушением на жизнь двух делегатов Генеральной ассамблеи Объединенных наций» (см. «Правда» от 22, 24 и 25 ноября 1946 г.). Другой случай произошел в Бразилии в октябре 1947 г. в обстановке разнузданной антисоветской кампании, предшествовавшей разрыву отношений между СССР и Бразилией, 22 октября 1947 г. группа бразильских фашистов бросила камни в выходивших из посольского автомобиля поверенного в делах СССР в Бразилии Соколова и первого секретаря советского посольства, причем в числе пострадавших оказался пятилетний сын поверенного в делах. Это преступление, как и целый ряд других возмутительных бесчинств бразильских фашистов против советских дипломатических представителей (см. ниже), было совершено при явном попустительстве бразильских властей (см. «Правда» от 25 октября 1947 г.).

Варшаве не как индивидуальный поступок безумца, а как одно из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского Союза со стороны темных сил мировой реакции и противников мира», и что «...действительная безопасность представителя Союза Советских Социалистических республик и обеспечение возможности работы союзной миссии в Варшаве могут быть достигнуты лишь в том случае, если польское правительство во исполнение ст. 5 рижского договора воспретит дальнейшее пребывание на польской территории организациям и лицам, деятельность которых направлена против Советского Союза и его представителей».[11] В ноте на имя того же польского посланника от 7 мая 1928 г. по поводу покушения на торгового представителя СССР в Польше Советское правительство еще более резко оттенило эту сторону дела. Оно указало, что «Польша стала, таким образом, ареной террористической борьбы с Советским Союзом эмигрантских организаций, получающих поддержку и материальные средства из темных источников, заинтересованных в создании осложнений между Союзом Советских Социалистических республик и другими государствами», и что «...серьезные и решительные меры должны быть немедленно приняты для обеспечения Полномочному Представительству Советского Союза в Польше действительной безопасности и неприкосновенности и для ограждения союзно-польских отношений от непрерывных потрясений».[12] Два года спустя, в связи с раскрытием покушения на взрыв здания полномочного представительства СССР в Польше, Советское правительство в ноте от 28 апреля 1930 г. снова подчеркнуло, что это покушение «...могло иметь место только в условиях, создавшихся благодаря усилению за последнее время антисоветской деятельности определенных кругов в Польше...» и что «...указанная деятельность, находящаяся, несомненно, также в связи с акцией определенных международных факторов, представляет собой величайшую опасность не только для взаимоотношений между СССР и Польшей, но и для всеобщего мира».[13]

Таким образом, как с точки зрения основных положений посольского права, так и с точки зрения более общего принципа поддержания мира и безопасности, повышенная охрана иностранных дипломатических представителей от посягательств

---

[11] См. Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. III, М., 1945, № 66, стр. 143, 145, 147.

[12] Там же, № 84, стр. 248, 249.

[13] Там же, № 132, стр. 418. См. также ноту полномочного представителя СССР в Польше польскому министру иностранных дел от 23 октября 1933 г. по поводу нападения на Генеральное консульство СССР в Львове (там же, № 226, стр. 672).

со стороны каких бы то ни было частных лиц или групп составляет прямую юридическую обязанность каждого государства.

Эта обязанность складывается: 1) из обязанности предупреждать такие посягательства и 2) из обязанности наказывать виновных.[14] Обязанность предупреждения входит в сферу деятельности административных органов государства пребывания, и способы выполнения этой обязанности составляют исключительно внутреннее дело этого государства; здесь не может быть никаких предписываемых международным правом правил или институтов.[15] Обязанность наказывать виновных регламентируется уголовным законодательством.

§ 3. Законодательные гарантии дипломатической неприкосновенности и проблема международной ответственности за ее нарушения

В уголовном законодательстве значительного числа государств содержатся специальные санкции за преступления, направленные против иностранных дипломатических представителей.[16] В законодательстве Великобритании имеются только постановления, предусматривающие наказание как частных, так и должностных лиц за возбуждение и проведение судебного преследования против иностранных диплома-

[14] Советское правительство в дипломатической переписке по поводу нарушения неприкосновенности его представителей оценивало уклонение от обязанности строго наказать виновных как момент, значительно отягощающий ответственность государства. Так, например, в ноте Народного комиссара иностранных дел политическому департаменту Швейцарского Федерального совета от 3 июня 1923 г. в связи с убийством В. В. Воровского — поведение швейцарских властей, оставивших на свободе соучастников убийства, передавших дело не федеральному, а кантональному суду и допустивших в ответе на протест Советского правительства оскорбительные выпады против Советского Союза, характеризуется следующим образом: «Швейцарское правительство, таким образом, не ограничивается своим прежним попустительством по отношению к преступлению, совершенному над полномочным представителем России, Украины и Грузии; его нынешнюю позицию, выразившуюся в его ноте от 19 мая, приходится характеризовать как моральное соучастие в этом преступлении» (Внешняя политика СССР, т. II, М., 1944, № 166, стр. 783). Это обстоятельство было приведено в постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1923 г. о бойкоте Швейцарии в качестве одного из основных мотивов такого решения (там же, № 170, стр. 786).

[15] Поэтому никак нельзя признать обоснованным имевший место в XIX веке протест иностранных дипломатических миссий в Петербурге против того, что русское правительство сняло военные караулы, ранее приставленные к зданиям миссий для охраны их персонала (см. Арсеньев, цит. соч., стр. 67—68).

[16] Соответствующие постановления имеются в законодательстве США (ст. 1 Акта Конгресса от 30 апреля 1790 г., включенная под § 251 в Кодекс США), Франции (закон от 29 июля 1881 г. и от 16 марта 1893 г. о сво-

тических представителей, за испрашивание и применение приказов об их аресте, обыске и т. д. Такие же постановления имеются и в законодательстве США и ряда латино-американских стран, в том числе Панамы, Колумбии, Венецуэлы, Боливии и др. О них будет итти речь ниже.

Все уголовные законы о преступлениях против дипломатических представителей можно разбить на три группы. Большинство из них (в частности, законы Франции, Бельгии, Швейцарии, Нидерландов, Турции, Японии, Мексики, Аргентины, Бразилии и пр.) назначают определенные наказания за конкретно указанные действия против дипломатических представителей [17] или вообще за нарушение их иммунитета. [18] Другие законы (законы Дании, Швеции, Норвегии, Чили, Парагвая и пр.) повышают обычные наказания за преступления против личности, если эти преступления направлены против личности дипломатических представителей. [19] Наконец, третья группа законов (законы Кубы, Перу и пр.), устанавливая определенное наказание за преступления против дипломатических представителей, повышают наказания, если

боде печати (ст. 37), Бельгии (закон от 12 марта 1858 г. о преступлениях и проступках, заключающих в себе посягательства на международные отношения ст. 6, 7), Нидерландов (Уголовный кодекс 1881 г., ст. 118, 119, 120), Германии (Уголовное уложение 1871 г., ст. 103а, 104), Италии (Уголовный кодекс 1930 г., ст. 295, 300), Испании (Уголовный кодекс 1928 г., ст. 242), Швейцарии (Уголовный кодекс 1937 г., ст. 296, 297, 298), Дании (Уголовный закон 1930 г., ст. 107, 108). Швеции (Уголовный кодекс 1864 г., §§ 27, 28), Норвегии (Уголовный кодекс 1902 г., § 96), Турции (Уголовный кодекс 1926 г., ст. 165, 166, 167), Японии (Уголовный кодекс 1908 г., ст. 91, 92), Мексики (Уголовный кодекс 1929 г., ст. 413, 417, 418), Кубы (Уголовный кодекс 1870 г., ст. 151, 152; Военно-уголовный закон 1909 г., ст. 67), Аргентины (Уголовный кодекс 1921 г., ст. 221), Бразилии (Уголовный кодекс 1890 г., ст. 99), Чили (Уголовный кодекс 1874 г., ст. 120, 429), Боливии (Уголовный кодекс 1834 г., ст. 161, 162), Венецуэлы (Уголовный кодекс 1926 г., ст. 160), Парагвая (Уголовный кодекс 1914 г., ст. 141, 143), Уругвая (Уголовный кодекс 1839 г., ст. 141), Перу (Кодекс военной юстиции 1898 г., ст. 233) и др.

[17] Например, Уголовный кодекс Швейцарии, ст. 296: «Кто публично оскорбит иностранное государство в лице его главы, его дипломатического представителя или его правительства, наказывается тюремным заключением или штрафом» (в статьях 36 и 48 Кодекса предусматривается, что при отсутствии точных постановлений в отдельных статьях тюремное заключение назначается на срок от трех дней до трех лет, а штраф — в размере до двадцати тысяч франков). См. «Швейцарский Уголовный кодекс 1937 г.», пер. Лапшиной, Юр. изд-во НКЮ СССР, М., 1941.

[18] Например, Уголовный кодекс Аргентины, ст. 221: «Всякий, кто нарушит иммунитет главы государства или представителя иностранной державы, будет наказан тюремным заключением от шести месяцев до трех лет» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 38).

[19] Например, Уголовный закон Дании, ст. 107: «В случае, если какое-либо из упомянутых в главах 25, 26, 27 преступлений (в этих гла-

эти преступления нанесли ущерб внешне-политическим интересам государства.[20]

Кроме указанного различия между уголовными законами отдельных стран существуют и другие различия. Одни законы предусматривают возбуждение преследования по почину властей, другие — только по жалобе потерпевшего дипломата или его правительства. Одни законы налагают наказания при условии взаимности (т. е. наличия аналогичных санкций в законодательстве потерпевшего государства), другие не требуют этого условия. Наконец, в отдельных государствах (США, Швейцария, Аргентина, Чили и др.) преступления против дипломатических представителей рассматриваются в более высоких судебных инстанциях, чем аналогичные преступления против частных лиц.

В советском законодательстве нет специальных постановлений о преступлениях против иностранных дипломатических представителей, но к таким преступлениям могут быть применены статьи 58^4 и 58^5 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик, в которых речь идет об оказании помощи международным врагам Советского государства и о склонении иностранного государства к враждебным или неприязненным действиям против СССР.[21] Случаи посягательств на иностранных дипломатических представителей на территории СССР, где их права и иммунитет тщательно охраняются, были единичными — убийство Мирбаха в 1918 г. и покушение на фон Твардовского в 1932 г.— и исходили от врагов

вах речь идет о преступлениях против жизни, телесной неприкосновенности, личной свободы и достоинства.— *Д. Л.*) совершается против главы или дипломатического представителя иностранного государства, то предусмотренное наказание увеличивается наполовину» (ibidem, v. I, p. 413). Или Уголовный кодекс Парагвая, ст. 141: «Всякий, кто совершит преступление против главы или дипломатического представителя дружественной нации, будет подвергнут в два раза большему наказанию, чем (обычное) наказание, соответствующее совершенному преступлению» (ibidem, v. II, p. 954).

[20] Например, Кодекс военной юстиции Перу, ст. 233, п. 3: «Нарушение неприкосновенности помещения дипломатического агента». «Преступники, упомянутые в данной статье, будут наказаны тюремным заключением; это наказание может быть более строгим, если вследствие преступления Республика подверглась репрессалиям или ей объявлена война» (ibidem, v. II, p. 995).

[21] Ст. 58^4 УК РСФСР: «Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой лишение свободы на

СССР, контрреволюционеров и агентов враждебных СССР агрессивных государств, которые стремились к провокации войны и к ухудшению международного положения СССР. Естественно, что такие преступления не могли рассматриваться иначе, чем они определяются в вышеуказанных статьях Уголовного кодекса, и что они получали самое суровое осуждение. [22]

срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества».

Ст. 58[5]: «Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., влечет за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. 58[2] настоящего Кодекса» (т. е. расстрел или объявление врагом трудящихся, а при смягчающих вину обстоятельствах — лишение свободы не ниже 3 лет, с конфискацией всего или части имущества).

К террористическим актам против дипломатических представителей может быть применена по аналогии также ст. 58[8].

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, в мирное время караются заключением в исправительно-трудовые лагери сроком на 25 лет.

[22] В постановлении V Съезда советов РСФСР от 9 июля 1918 г. по поводу убийства Мирбаха было сказано: «Убийство германского посла явилось составной частью заговора, направленного на то, чтобы путем вооруженного восстания передать власть из рук рабочих и крестьянских Советов в руки авантюристической партии, которая стремится во что бы то ни стало вовлечь Россию в войну...» (Международная политика новейшего времени..., ч. II, № 119, стр. 149). В сообщении ТАСС по поводу покушения на фон Твардовского отмечалось, что покушавшийся «...принадлежит к группе террористов, выполнявших задания некиих иностранных граждан» (см. Внешняя политика СССР, т. III, № 169, стр. 545). В приговоре Военной коллегии Верховного суда по этому делу указывалось, что террористические акты против дипломатических представителей государства, находящегося в нормальных отношениях с СССР, «составляют тягчайшее государственное преступление, требующее самых суровых мер воздействия». Как известно, покушавшиеся Васильев и Штерн были приговорены на основании ст. 58[4] и 58[8] к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества. Имел еще место в 1931 г. случай подготовки покушения на японского посла членом одной из иностранных миссий — с целью спровоцировать военный конфликт между СССР и Японией; подготовка покушения была своевременно раскрыта органами государственной безопасности СССР; поскольку же указанный член миссии пользовался дипломатическим иммунитетом и не подлежал юрисдикции советского суда, Советское правительство потребовало от главы миссии его немедленного отозвания, что и было исполнено (см. Внешняя политика СССР, т. III, № 162, стр. 514—515).

В законодательстве Югославии, Румынии, Греции, Китая, Норвегии, Ирана, Ирака, Исландии, Люксембурга, Эквадора, Доминиканской республики, Либерии, как указывалось в главе VIII, совершенно отсутствуют какие бы то ни было нормы о дипломатическом иммунитете и, следовательно, отсутствуют и специальные карательные санкции за нарушение дипломатической неприкосновенности; нет таких санкций и в законодательстве Чехословакии.

Обязано ли государство устанавливать в своем законодательстве специальные карательные санкции за преступления, направленные против дипломатических представителей? В Кэмбриджском регламенте Института международного права 1895 г. и в проекте Американского института международного права 1925 г. содержится такое обязательство;[23] в проекте Международной комиссии американских юристов 1927 г. и в Нью-йоркском регламенте Института международного права 1929 г. оно отсутствует; отсутствует оно и в Гаваннской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г. В современной доктрине весьма широко распространено мнение, которое Херст выражает в следующих словах: «Государство несет серьезный риск, если оно не устанавливает такого закона, но на нем не лежит никакой обязанности на сей счет, лишь бы только оно следило за тем, чтобы нормальное действие уголовного закона было достаточно и чтобы он применялся таким образом, чтобы гарантировать наказание тех, кто совершает преступления против дипломатических представителей».[24]

В связи с вышеприведенным мнением необходимо подчеркнуть следующее. Установление уголовно-правовых, как и всяких других законодательных норм, охраняющих дипломатический иммунитет, является, конечно, внутренним делом каждого государства (см. главу VIII). Поскольку, однако, дипломатические представители пользуются в государстве пребывания личной неприкосновенностью не просто как иностранные граждане, а как носители полномочий суверенной власти иностранного государства, серьезные посягательства против таких лиц должны караться не как обыкновенные, а

[23] Согласно ст. 3 Кэмбриджского регламента правительство обязано «защищать их (дипломатических представителей.— *Д. Л.*) путем особенно строгих наказаний против всякого оскорбления, обиды или насилия со стороны жителей страны» (см. выше). Согласно ст. 20 проекта Американского института международного права, государства «должны оказывать им (дипломатическим представителям.— *Д. Л.*) защиту путем установления в своем законодательстве специальных санкций в отношении оскорблений, обид или насилий, совершаемых против них» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 170).

[24] Hurst, op. cit., p. 129.

как государственные преступления, подобно тому, как караются аналогичные преступления против высших должностных лиц, осуществляющих суверенную власть самого государства пребывания. Таковы те международно-правовые рамки, в которых наказание за нарушение неприкосновенности дипломатических представителей безусловно составляет внутреннее дело каждого государства.[25]

После первой мировой войны в юридической литературе стали выдвигаться предложения об установлении международных карательных санкций за посягательства на дипломатических представителей, как за преступления против мира; при этом речь шла об ответственности не только лиц, совершивших такие посягательства, но и самого государства, если оно способствовало или попустительствовало им.[26] Однако эти предложения не были восприняты международной практикой того времени. Даже гораздо более скромные попытки установления международных карательных санкций за эти, как и за другие, преступления против мира не увенчались успехом, вследствие противодействия буржуазных государств всяким усилиям в борьбе за мир. В конвенции о мерах предупреждения и пресечения терроризма, подписанной в Женеве в 1937 г., в число преступлений, которые влекут за собой обязательную выдачу преступника или наказание его в той стране, где он находится, включалось «всякое умышленное действие, направленное против жизни, телесной неприкосно-

---

[25] Е. А. Коровин, касаясь этого вопроса, указывал на «...необходимость неотложного установления, как в конвенционном порядке, так и через соответствующие национальные законодательства, особо квалифицированной ответственности за всякого рода посягательства на лиц, облеченных дипломатическим иммунитетом...» (Е. Коровин. Об ответственности государства за преступления, совершенные на его территории в отношении дипломатических представителей другого государства. «Революционная законность» за 1926 г., № 11—12, стр. 41). Разумеется, форма, в которой устанавливается такая ответственность, зависит от самого государства.

[26] Так, например, в проекте международного уголовного кодекса Пелла в главе «Преступления, совершенные государством», фигурирует ст. 201 — «Нарушение дипломатических иммунитетов иностранных представителей», в которой мы читаем: «В случае нарушения дипломатических иммунитетов по приказу правительства того государства, в котором находятся данные дипломаты, государство несет уголовную ответственность. Как быть в том случае, когда представители иностранной державы стали жертвой преступных действий, совершенных отдельными частными лицами? Если власти не принимали никакого участия в этом преступлении, государство может нести только гражданскую ответственность. Если, тем не менее, будет установлено наличие преступного бездействия или очевидной небрежности со стороны властей, то не подлежит сомнению, что государство... может быть преследуемо за непреднамеренный международный деликт» (V. Pella. La criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir. 2 éd., Bucarest, 1926, p. 258).

венности или свободы... дипломатических представителей или консулов»,[27] но, как известно, эта конвенция не была ратифицирована и не вступила в силу.

Действующие в настоящее время нормы международного права не предусматривают международной юрисдикции по делам о преступлениях против дипломатических представителей. Однако, если попустительство какого-либо государства таким преступлениям или непринятие надлежащих мер к их наказанию вызовет международный конфликт, поведение этого государства может рассматриваться как создающее ситуацию, угрожающую миру, в соответствии со ст. 34 и 35 устава Объединенных наций, и тем самым, обязанность повышенной охраны дипломатических представителей ставится теперь под более строгий международный контроль, чем это было прежде.

Ко всему этому следует, однако, добавить, что в истории международных отношений имели место и такие случаи, когда нарушение неприкосновенности дипломатических представителей служило назначившим их государствам поводом для предъявления неправомерных империалистических требований или для совершения прямых агрессивных действий. В качестве примеров можно сослаться хотя бы на условия, навязанные Китаю по так называемому боксерскому протоколу 1901 г. в связи с убийством германского и японского дипломатов и осадой дипломатических миссий в Пекине во время боксерского восстания;[28] на наглое пожелание германского правительства о вводе батальона немецких войск в Москву для охраны посольства, заявленное в 1918 г. после убийства Мирбаха и решительно отвергнутое советским правительством;[29] на оккупацию итальянскими войсками острова

---

[27] См. Приложение I к книге проф. А. Трайнина. Защита мира и уголовный закон. М., 1937, стр. 179 и сл.

[28] См. Международная политика новейшего времени..., ч. I, № 292, стр. 297—299.

[29] На заседании ВЦИК от 15 июля 1918 г. Ленин по этому поводу заявил: «Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания». «Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России чужеземными войсками». «На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехословаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всяких изъятий, пу-

Корфу в 1923 г. в связи с убийством в Янине итальянских членов комиссии по установлению границ Албании.[30] Во всех этих случаях предъявлявшиеся требования не только не были в какой бы то ни было мере оправданы с точки зрения посольского права, но противоречили основам международного права, поскольку нарушали суверенитет того государства, к которому были обращены. Они составляли нередкую в международных отношениях попытку воспользоваться ссылками на международное право для маскировки империалистических целей.[31]

§ 4. Вопрос о пределах дипломатической неприкосновенности в доктрине международного права

В буржуазной доктрине международного права проблема дипломатической неприкосновенности и ответственности государства за ее нарушение совершенно не разрабатывалась с точки зрения принципа поддержания мира и безопасности. Буржуазные авторы, касаясь охраны дипломатических представителей от посягательств частных лиц, гораздо большее внимание уделяли вопросу о пределах дипломатической неприкосновенности при наличии вины или неосторожности со стороны самого представителя. В курсах и монографиях и в некоторых проектах кодификации обычно указывались два случая, когда государство не несет ответственности за посяг-

---

тем сожжения складов и, в особенности, продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, но эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания» (Ленин, т. XXIII, стр. 142—143).

[30] Конференция послов и Совет Лиги наций, рассматривавшие итало-греческий конфликт, потребовали эвакуации Италией о. Корфу и установили иные меры возмещения (принесение греческим правительством извинений посланникам держав, представленных в пограничной комиссии, отдание воинских почестей убитым, уплата Италии «в виде наказания» 50 млн. лир и пр.), подтвердив при этом в качестве принципа международного права, что «...государства ответственны за политические преступления и покушения, совершенные на их территории...»; но Комитет юристов Лиги наций уточнил это положение в том смысле, что ответственность может быть возложена, «если государство не принимает надлежащих мер для предупреждения преступления и для преследования, ареста и осуждения преступника» (см. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. II, № 130, стр. 229—230; K. Strupp. L'incident de Janina entre la Grèce et l'Italie. «Revue générale de droit international public», t. 6, 1924, p. 255—274 et s.).

[31] Гитлеровские империалисты, как выяснилось на Нюрнбергском процессе, не останавливались даже перед подготовкой убийства собственного посла в Праге, чтобы создать повод для вторжения в Чехословакию (см. «Правда» от 4 декабря 1945 г. и от 11 января 1946 г.).

гательства отдельных лиц против дипломатических представителей: 1) если такие действия совершены в порядке необходимой самообороны против представителя и 2) если представитель своими действиями сам подвергает себя риску; например, если он вызывает кого-либо на дуэль или посещает непристойные места и т. п.[32] Отдельные авторы приводили еще третий случай отсутствия ответственности, а именно, когда лицо, совершившее посягательство на дипломатического представителя, не знало об официальном положении последнего. В отличие от ряда других авторов, Женэ не признает никаких ограничений права личной неприкосновенности дипломатических представителей. «Ни один из этих случаев,— пишет он,— не влечет, по нашему мнению, исключения из неприкосновенности в строгом смысле этого слова».[33] Точка зрения Женэ в корне неправильна и вредна, так как она означала бы беззащитность перед лицом любого произ-

[32] Так, например, Ф. Мартенс пишет: «Но посланническая неприкосновенность имеет свои пределы. Понятно, что посланник, сам нападающий или ищущий опасности, не может претендовать на самооборону, совершенно законную со стороны лица, на которого он нападает, ни на принятие против него необходимых в этом случае полицейских мер предосторожности, нарушающих его неприкосновенность» (Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 40). Херст, определяя пределы ответственности государства в связи с обязанностью специальной охраны дипломатических представителей от посягательств со стороны частных лиц, пишет: «Ответственность государства не возникает, если вследствие поведения дипломатического агента частное лицо оказывается в необходимости совершить в целях самозащиты действия, наносящие ущерб этому дипломатическому представителю. Дипломатический агент, который на улице вступает в ссору с каким-нибудь лицом и, например, наносит ему удар палкой, не может жаловаться на то, что встретил дурное обращение со стороны своего противника». И далее: «В случае, когда иностранный дипломатический агент своим собственным поведением подвергает себя риску дурного обращения, он не может обвинять правительство, если он сделался жертвой этого дурного обращения. Дипломатический агент, вмешавшийся в возбужденную толпу и испытавший со стороны последней какой-либо ущерб, не может принести жалобу» (Hurst, op. cit., p. 134—135). В Кэмбриджском регламенте 1896 г. определяется: «На неприкосновенность нельзя ссылаться: 1) в случае необходимой обороны со стороны частных лиц против действий, совершенных самими лицами, пользующимися привилегией; 2) в случае риска, которому указанные лица подвергают себя добровольно и без необходимости» (ст. 6, Annuaire..., v. III, p. 784).

[33] По мнению Женэ, незнание официального положения представителя составляет некоторое извинение, но отнюдь не устраняет нарушения иммунитета. Если дипломатический агент вызывает частное лицо на дуэль, то последнее может не принять вызова и даже, если оно вынуждено драться, чтобы защититься от нападения и при этом убьет или ранит дипломатического агента, то и здесь, несомненно, имеет место нарушение неприкосновенности, хотя момент необходимой обороны является смягчающим вину обстоятельством для нарушителя. Если дипломатический агент посещает непристойные места, то полиция обязана наблюдать за

вола со стороны дипломатического представителя и возлагала бы на государство ответственность за такие эвентуальные явления, которые оно часто будет не в состоянии предотвратить.

Следует, впрочем, заметить, что весь этот вопрос не имеет серьезного практического значения в современной международной жизни и что на страницах буржуазной юридической литературы ему уделяется гораздо больше внимания, чем он заслуживает. В советской литературе, рассматривающей дипломатическую неприкосновенность прежде всего с точки зрения интересов поддержания мира и международного сотрудничества, он, естественно, подробно не затрагивается.

§ 5. Защита дипломатических представителей от нападок в печати

Остается еще коснуться вопроса о защите дипломатических представителей от нападок в печати. В некоторых государствах такая защита гарантируется специальными нормами. Во Франции еще по закону от 17 мая 1819 г. налагались специальные наказания за диффамацию по их адресу.[34] Закон о свободе печати 1881 г., измененный в 1893 г., также предусматривает повышенные наказания за оскорбление их в печати.[35] В Нидерландах наказание за оскорбление дипломатических представителей в печати предусмотрено Уголов-

---

этим и в крайнем случае вывести его из затруднительного положения; либо правительство должно предостеречь сначала самого агента, а затем его правительство против посещения им таких мест, и если только агент и его представительство остаются глухи к предостережениям, то лишь тогда ответственность снимается. «Таким образом,— заключает Женэ,— во всех этих случаях нет исключения из неприкосновенности как незыблемого и ясно выраженного принципа международного права» (Genet, op. cit., v. I, p. 524, 525).

[34] По ст. 17 этого закона такие действия наказывались тюремным заключением от 8 дней до 18 месяцев или штрафом от 50 до 3 тыс. франков или тем и другим вместе. Дела о диффамации в отношении дипломатических представителей в печати рассматривались теми же судами, что и все проступки в области печати (см. Pradier-Fodéré, op. cit., v. II, p. 27—30).

[35] По ст. 37 этого закона, «оскорбление, нанесенное публичному послу или полномочному министру, посланнику, поверенному в делах или иному дипломатическому агенту, аккредитованному при правительстве Республики, будет наказано тюремным заключением от восьми дней до одного года и штрафом от пятидесяти до двухсот франков или только одним из этих двух наказаний» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 537) По закону 1893 г. дела об оскорблении в печати главы иностранного государства и иностранных дипломатических представителей были переданы из компетенции судов присяжных в компетенцию судов исправительной полиции (ibidem, p. 537—538).

ным кодексом 1881 г.[36] В Швеции оно было установлено королевским ордонансом от 16 июля 1812 г.[37] В Англии не существовало специальных законов по этому поводу, но наказание за нападки в печати на дипломатических представителей производилось на основании так называемых законов о лайбелях (Libel Act), в силу которых как квалификация печатного произведения в качестве libellous writing, так и размер наказания зависели исключительно от усмотрения суда.[38] Уголовное преследование за libel против дипломатического представителя возбуждал статс-секретарь через генерального атторнея, и дело рассматривалось в суде Королевской скамьи.[39] В США генеральный атторней не раз издавал разъяснения, в которых указывалось, что международное право гарантирует дипломатическим представителям специальную защиту от оскорблений в печати и что виновные в таких оскорблениях подлежат наказанию.[40]

---

[36] По ст. 119 Уголовного кодекса, «кто распространяет или публично выставляет письмо или изображение, которое составляет оскорбление царствующего государя дружественной страны или представителя иностранной державы в Нидерландах, с намерением придать гласности оскорбительное содержание или способствовать его разглашению, будет наказан тюремным заключением не более чем на десять месяцев или штрафом не более чем в триста гульденов» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 879).

[37] Ст. 3 этого ордонанса гласит: «Следующие действия должны рассматриваться как злоупотребление свободной печати: ...(9) оскорбительные суждения и нападки в отношении наций и государств, с которыми королевство находится в мире, касающиеся их главы государства, правительства и конституции, их высших чиновников и посланников, внутренних и внешних дел, действий и поведения, или суждения и нападки такого характера, которые ведут к осложнению отношений с иностранными державами. Наказание должно быть определено в соответствии со ст. 28 главы 8 Уголовного кодекса» (ibidem, p. 1156, note).

[38] См. Дж. Стифен. Уголовное право Англии. СПБ., 1865, стр. 82, 187—190.

[39] См. интересные данные о преследовании за нападки в печати на русских дипломатических представителей в XVIII в. у Александренко, цит. соч., т. I, стр. 197—198, 288—291.

[40] В связи с помещением в «Greenleaf's New York Journal» в 1794 г. статьи, оскорбительной для британского посланника в США, генеральный атторней писал: «Всякая злонамеренная публикация, ставящая своей целью высмеять другого или вызвать к нему презрение или ненависть публики, составляет диффамацию и, когда речь идет о посланнике, национальное право подкрепляется международным правом, которое гарантирует посланнику специальную защиту не только против населения, но и против оскорбителя» (см. Deak, op. cit., p. 538—539). Значительно позднее, в связи с оскорблением в американской печати испанского короля и его министра, генеральный атторней в ответ на запрос Государственного департамента, куда обратились с жалобой оскорбленные, следующим образом сформулировал свое мнение: «Посол или другой представитель нации, пребывающий в другой стране, имеет право на уважительное обращение в течение того времени, что он уполномочен выпол-

В международной практике случаи оскорбления дипломатических представителей в печати сравнительно немногочисленны. Большей частью в этих случаях правительства заявляют, что напечатанное не отражает официальной точки зрения, и ссылаются на свободу печати.[41] Точно так же и суды присяжных во Франции, когда дела об оскорблении дипломатических представителей в печати подлежали их компетенции, очень часто выносили оправдательные приговоры, ссылаясь на свободу печати,[42] что вызывало нарекания иностранных правительств, приведшие к изъятию этих дел из компетенции суда присяжных.

Необходимо, однако, со всей силой подчеркнуть, в особенности в наше время, что государство несет ответственность за злоупотребления свободой печати, угрожающие миру и нормальным международным отношениям. Поэтому оно обязано пресекать и наказывать не только прямые оскорбления по адресу иностранных дипломатических представителей — это никем не оспаривается,— но не в меньшей мере и такие вы-

---

нять свои функции в стране, в которую он послан, и в особенности он не должен подвергаться никакой диффамации со стороны граждан этой страны... Оскорбление по адресу посла составляет обоснованный мотив национального недовольства, и даже если таковое оскорбление является действием отдельного лица, к нации может быть предъявлено требование об удовлетворении» (i b i d e m, p. 539).

Следует, однако, добавить, что в настоящее время в США не только свободно допускаются, но и поощряются самые грубые и клеветнические нападки в печати на правительства и дипломатию государств демократического лагеря, что наносит отнюдь не меньший ущерб нормальным дипломатическим отношениям, чем нападки на отдельных аккредитованных в США иностранных дипломатов и фактически не меньше ослабляет международно-правовые гарантии дипломатических представителей этих государств.

[41] Так, например, когда британский поверенный в делах в Перу — Сильван в 1855 г. обратился к перуанскому правительству с жалобой по поводу направленной против него статьи в двух местных газетах — «L'El Commercio» и «La Voz del Pueblo», то министр иностранных дел Перу Мануэль Торибио Урета в ответном письме объяснил дипломату, что правительство не одобряет подобной публикации, что дипломат должен искать выражения публичных чувств только в официальном правительственном вестнике, но добавил при этом, что «правительство обязано уважать свободу печати, хотя бы оно сожалело о ее уклонах, особенно, когда задеваются представители дружественных наций» (см. Genet, op. cit., v. I, p. 514, note).

[42] Дюпюи в своих лекциях в Гаагской академии международного права говорил по этому поводу: «Присяжные во Франции проявляли досадную снисходительность к виновникам оскорблений, в которых они не усматривали никакой угрозы их собственным интересам и значения (буквально — repercussions) и серьезности которых они неспособны были знать и понимать. Во многих случаях авторы оскорбительных для главы государства или дипломатических агентов статей были оправданы присяжными. Оправдание, ссылающееся на заблуждение или скорее на не-

ступления в печати, которые, создавая атмосферу враждебности вокруг правительства или дипломатических представителей той или иной страны, находящейся с данным государством в нормальных дипломатических отношениях, служили бы подстрекательством к нарушению неприкосновенности этих представителей — как это, например, имело место во время убийства В. В. Воровского, притом не только в Швейцарии, но и в некоторых других странах.[43]

достаточное рвение и неспособность присяжных выполнить свои задачи, недостаточно, для того чтобы снять с государства ответственность» (Ch. Dupuis. Liberté de voies de communications. Relations internationales. Recueil des cours de l'Academie de droit international, t. 2, 1924, p. 299—300).

[43] Советское полномочное представительство в Польше с полным основанием обратилось тогда с нотой протеста к польскому правительству по поводу враждебной кампании польской прессы в связи с убийством Воровского: «Российское посольство,— говорилось в этой ноте,— заявляет категорический протест против этого недопустимого факта и отмечает, что за последнее время польская пресса, оставаясь совершенно безнаказанной, позволяла себе вообще ряд совершенно необычных выпадов против высших представителей власти РСФСР» (см. Внешняя политика СССР, т. II, № 164, стр. 774).

ГЛАВА XIV

ИММУНИТЕТ ОТ ЮРИСДИКЦИИ

§ 1. Понятие иммунитета от юрисдикции в законодательстве и в доктрине

Иммунитет от юрисдикции в широком смысле этого слова, указанном выше, включает следующие привилегии: 1) гарантию от мер принуждения со стороны органов местной власти: от ареста, обыска, высылки и т. п.; 2) полную неподсудность по уголовным делам; 3) неподсудность по гражданским делам, с известными ограничениями; 4) освобождение от вызова в суд и дачи свидетельских показаний; 5) освобождение от административной юрисдикции.

Постановления об иммунитете от юрисдикции содержатся во внутреннем праве подавляющего большинства государств. Однако нормативные акты, издаваемые по этому предмету, чрезвычайно разнообразны как по своим формальным, так и по своим материальным особенностям.

О типах этих актов с точки зрения их формальных особенностей говорилось уже в главе VIII, в связи с анализом внутригосударственных нормативных актов о дипломатическом иммунитете вообще. По своим материальным особенностям выделяются четыре типа внутригосударственных нормативных актов об иммунитете от юрисдикции. К первому типу относятся законы Англии, США и некоторых латино-американских стран. Эти законы устанавливают недействительность каких бы то ни было актов, связанных с судебным преследованием дипломатических представителей, в том числе приказов об аресте, обыске и т. д., и предусматривают наказание как должностных лиц, издающих или исполняющих такие акты, так и частных лиц, по требованию которых эти акты издаются или исполняются, а все эти лица объявляются нарушителями международного права. Образцом для законов этого типа послужил английский парламентский акт от 21 апреля 1709 г., происхождение которого было подробно описано в главе VIII.[1] Содержание английского закона вос-

[1] Этот акт гласит: «...все приказы и процессы, которые когда-либо впоследствии будут возбуждены и произведены и коими особа какого-

производится в акте конгресса США от 30 апреля 1790 г., включенном в «Пересмотренные статуты Соединенных Штатов» (ст. 4062—4066) и в «Кодекс Соединенных Штатов» (ст. 251—252).[2] По такому же типу построены законы, содержащие постановления об иммунитете от юрисдикции, Колумбии, Венецуэлы и Панамы; законы двух последних стран не предусматривают, однако, наказания частных лиц за возбуждение судебного преследования против дипломатических представителей.[3]

Второй и самый распространенный тип — это нормативные акты, устанавливающие освобождение от местной юрис-

---

нибудь посла или иного публичного министра от иностранных государей или чинов, признанного и принятого в качестве такового ее величеством и ее наследниками, или служащий или домашний слуга такого посла или иного публичного министра будут арестованы или заключены в тюрьму или его или их имущество будет задержано, отнято или взято, будут рассматриваться и признаваться совершенно ничтожными и недействительными, с какими бы намерениями, видами или целями они ни были возбуждены» (ст. 3); «...в случае, если какое-нибудь лицо, или лица, осмелятся возбудить или проводить такой приказ или процесс, то такое лицо, или лица, и все стряпчие и поверенные, ведущие такое дело или ходатайствующие по нему, и все чиновники, исполняющие такой приказ или производящие такой процесс, будучи изобличены в том признанием стороны или присягой одного или более достоверных свидетелей перед лордом-канцлером или лордом хранителем большой печати Великобритании, председателем суда Королевской скамьи или председателем суда Общих Тяжб в данное время или двумя из них, будут признаны нарушителями международного права и возмутителями общественного спокойствия и будут наказаны работами, штрафами и телесными наказаниями, к каким их присудят (названный) лорд-канцлер, лорд хранитель печати и названные председатели судов или двое из них» (ст. 4). См. Feller and Hudson, v. I, p. 212.

[2] В американском законе говорится: «...Если какой-нибудь приказ или процесс будет возбужден или проведен любым лицом в суде Соединенных штатов, или штата, или любым судьей, по которому (приказу — *Д. Л.*) особа какого-нибудь публичного министра от какого-нибудь иностранного государя или иного чина, признанного и принятого в качестве такового президентом, или служащего или слуги такого министра, подлежит аресту или тюремному заключению или его имущество подлежит описанию за долги, аресту или взятию, то таковой приказ или процесс должен быть признан недействительным» (ст. 252 Кодекса СШ). И далее: «...любое лицо, которым такой приказ или процесс испрошен или проводится, является ли оно стороной, прокурором или адвокатом, и любой чиновник, принявший участие в его проведении, должны быть признаны нарушителями международного права и возмутителями общественного спокойствия и должны быть подвергнуты тюремному заключению не свыше трех лет и оштрафованы по усмотрению суда» (ст. 253 Кодекса СШ). См. Feller and Hudson, v. II, p. 1340.

[3] См. «Закон относительно иммунитетов дипломатических агентов иностранных государств» Колумбии от 26 марта 1851 г., ст. 1 и 3 (Feller and Hudson, v. I, p. 303); соответствующий закон Венецуэлы от 9 мая 1841 г., ст. 1 и 2 (ibidem, v. II, p. 1404); Процессуальный кодекс Панамы 1925 г., ст 326, 327 (ibidem, v. II, p. 943).

дикции в общей форме или с перечислением отдельных видов юрисдикции. Наиболее отчетливым и совершенным образцом законов этого типа является советское «Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР» 1927 г. Согласно ст. 2 этого Положения, дипломатические представители «а) пользуются личной неприкосновенностью, в силу которой они не могут быть подвергнуты аресту или задержанию в административном или судебном порядке; б) не подлежат юрисдикции судебных учреждений Союза ССР и союзных республик по уголовным делам, за исключением тех случаев, когда на это имеется согласие правительства подлежащего иностранного государства, и подлежат юрисдикции судебных учреждений Союза ССР и союзных республик по гражданским делам лишь в границах, определяемых нормами международного права или соглашениями с соответствующими государствами; они, равным образом, не обязаны давать свидетельские показания по судебным делам, а в случае согласия давать такие показания, не обязаны для этого являться в суд; в) освобождаются от всех прямых налогов, общегосударственных и местных, а равно личных повинностей, натуральных и денежных».[4] Таким образом, указанная статья определяет все основные стороны иммунитета от юрисдикции: гарантию от мер принуждения, неподсудность по уголовным и гражданским делам, освобождение от свидетельских показаний и вызова в суд и иммунитет от административной юрисдикции.[5]

Законы или нормативные акты исполнительной власти второго типа имеются в Германии, Польше, Венгрии, Болгарии, Испании, Турции, Южноафриканском союзе.[6] В Бельгии

---

[4] См. Собрание законов за 1927 г. Отд. I, № 5, ст. 48.

[5] Помимо этого, в «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик говорится (ст. 1), что за преступления, совершенные на территории Союза ССР, подлежат ответственности по уголовным законам места совершения преступления «все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан...» «Вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся правом экстерриториальности,— сказано далее в той же статье,— подлежит разрешению каждый раз дипломатическим путем» (цит. по изданию Юриздата 1942 г., стр. 4). Последний абзац воспроизведен в Уголовном кодексе РСФСР (ст. 5) и в уголовных кодексах других союзных республик.

[6] По ст. 18 германского закона о судоустройстве 1877 г., «главы и члены миссий, аккредитованных в Германском государстве, не подлежат юрисдикции этого государства» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 563). По ст. 31, ч. I польского Уголовно-процессуального кодекса 1928 г., «следующие [лица] изъяты из юрисдикции польских судов... 8) дипломатические представители иностранных государств, аккредитованные в Польше» (ibidem, v. II, p. 1018), а по ст. 5 польского Гражданско-

и в Парагвае аналогичные положения зафиксированы в меморандумах дипломатических ведомств.[7] Следует также добавить, что в США, Колумбии, Венецуэле и Панаме наряду с законами первого типа имеются и законы или иные нормативные акты второго типа,[8] и, таким образом, в этих странах можно констатировать смешанный тип законодательства.

процессуального кодекса 1930 г., «следующие [лица] не могут быть вызваны в суд на условиях взаимности: 1) дипломатические представители иностранных государств, аккредитованные в Польше» (ibidem, v. II, p. 1019). В Венгрии, кроме ст. 5 Уголовного кодекса 1873 г., определяющей подсудность, в которой говорится в общей форме о том, что «положения международного права имеют решающую силу в отношении экстерриториальности»,— по ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса 1896 г., «если обвиняемый имеет право на привилегии экстерриториальности или личного иммунитета, или если возникает сомнение в этом вопросе, надлежит немедленно, до начала процесса, доложить министру юстиции, а если процесс уже начат, производство должно быть немедленно приостановлено и должен быть извещен министр юстиции» (ibidem, v. I, p. 670). В Болгарии, по ст. 55 Кодекса уголовного судопроизводства 1897 г. «вопросы, касающиеся действий лиц, находящихся на службе у дипломатических агентов и консулов, лежат вне юрисдикции уголовного суда в соответствии с общими принципами, поскольку не сделано исключения по этому поводу в договорах с иностранными государствами» (ibidem, v. I, p. 255). В Испанском органическом законе о судебной власти 1870 г. после ст. 333, определяющей подсудность, следует ст. 334, в которой говорится: «Принцы царствующих династий, президенты, главы государств или другие чины, послы, полномочные министры и министры-резиденты, поверенные в делах и иностранцы, состоящие в штате миссий, изъяты из предписаний предшествующей статьи и должны быть переданы в распоряжение своих правительств, если они совершают преступление» (ibidem, v. II, p. 1116). Аналогичное постановление содержится в § 2, ст. 25 Уголовного кодекса 1928 г. (ibidem, v. II, p. 1125). Статьи 412—415 испанского закона об уголовном судопроизводстве 1882 г. предусматривают освобождение дипломатических представителей от дачи свидетельских показаний и вызова в суд (ibidem, v. II, p. 1117). В Турции «Правила относительно прав и привилегий, предоставленных членам дипломатического корпуса в Турецкой республике» 1928 г., гласят (ст. 1): «Послы, аккредитованные в Турецкой республике, их жены и дети, а равно дипломатические чиновники посольств, зарегистрированных в министерстве иностранных дел, их жены и дети, не подлежат юрисдикции турецких судов и поэтому не могут быть ни арестованы, ни подвергнуты тюремному заключению. Никакое прямое действие, способное причинить им вред, не должно быть предпринято в отношении этих лиц, но должно быть (в случае необходимости) сделано обращение к министру иностранных дел» (ibidem, v. II, p. 1189). Наконец, в Южноафриканском союзе «Закон о дипломатических иммунитетах» 1932 г. в ст. 1 предусматривает, с известными оговорками, о которых еще будет речь ниже, что «ни один дипломатический агент не может быть подчинен гражданской или уголовной юрисдикции» (ibidem, v. I, p. 231).

[7] См. бельгийский меморандум: Feller and Hudson, v. I, p. 87; парагвайский меморандум, ст. 7: ibidem, v. II, p. 956.

[8] Например, в США вопрос об иммунитете от юрисдикции подробно регламентируется в упоминавшихся в главе VII «Инструкциях для ди-

Третий тип внутригосударственных норм об иммунитете от юрисдикции — это законы, налагающие наказание за нарушение дипломатических привилегий или «личного и реального иммунитета» дипломатических представителей, не определяя содержания этих привилегий или иммунитета,— так что под действие подобной нормы подпадают и нарушения иммунитета от юрисдикции. Такие законы имеются в Боливии, Мексике, Перу, Сальвадоре и Никарагуа.[9] Наконец, нормы четвертого типа говорят общим образом об исключениях из сферы действия соответствующего закона на основании принципа взаимности или специальных договоров или просто в силу международного права. Такого рода законы имеются в

пломатических чиновников США» 1927 г., в которых, между прочим, говорится (ст. VII-1): «Дипломатический представитель обладает иммунитетом от уголовной и гражданской юрисдикции страны пребывания и не может быть преследуем, арестован или наказан по законам этой страны» (См. Feller and Hudson, v. II, p. 1263—1264). В Колумбии специальный декрет президента республики, изданный 6 апреля 1935 г. (п. 615), перечисляет отдельные виды дипломатического иммунитета: «Дипломатические агенты,— гласит ст. 2 декрета,— пользуются в Колумбии следующими основными прерогативами... (г) иммунитетом от уголовной юрисдикции; и (д) иммунитетом от гражданской юрисдикции, с исключениями, о которых говорится более подробно дальше» (см. Redlich, Law of Nations, p. 339—340). В Венецуэле ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса 1926 г. предусматривает освобождение от вызова в суд (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1407—1408), а ст. 160 Гражданско-процессуального кодекса 1916 г.— от дачи свидетельских показаний (ibidem, II, p. 1406). В Панаме «Закон относительно дипломатической службы» 1925 г. в ст. 40 устанавливает, что «дипломатические агенты подлежат изъятию из гражданской и уголовной юрисдикции; они могут быть преследуемы в гражданском или уголовном порядке только перед судами своей собственной страны» (ibidem, v. II, p. 943), а в ст. 4 Уголовного кодекса 1916 г. предусматривается изъятие из юрисдикции по уголовным делам» (ibidem, v. II, p. 640).

[9] По ст. 163 Уголовного кодекса Боливии 1834 г.— «Министры юстиции или другие публичные чиновники, которые нарушают права, прерогативы или имущественные или личные иммунитеты, признанные правом Республики за иностранными посланниками или их домом, семьей или персоналом, будут присуждены к тому, чтобы дать публичное или частное удовлетворение в соответствии с природой посягательства, и они должны быть смещены со своей службы и лишены окладов на срок от одного до трех лет» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 118). По ст. 413 Уголовного кодекса Мексики 1929 г., «нарушение какого-нибудь дипломатического иммунитета, реального или личного, иностранного суверена или представителя другой нации, находится ли он в Республике или проезжает через нее, будет наказано тюремным заключением от одного до трех лет (ibidem, v. II, p. 847). Это постановление было воспроизведено в ст. 148, ч. I Уголовного кодекса 1931 г. (ibidem, v. II, p. 848). Более или менее аналогичные постановления содержатся в ст. 296 Уголовного кодекса Перу (ibidem, v. II, p. 995), в ст. 113 Уголовного кодекса Сальвадора 1904 г. (ibidem, v. II, p. 1080) и в ст. 130, № 4 Уголовного кодекса Никарагуа 1891 г. (ibidem, v. II, p. 897).

Швеции и Чили;[10] отчасти к этой группе нормативных актов можно отнести японские «Правила об обязанностях судебной полиции» 1923 г.[11] Надо еще добавить, что такой закон имеется и в Сальвадоре, наряду с законом предшествующего типа,[12] что в Швеции, кроме такого же упомянутого выше закона, имеется меморандум министерства иностранных дел, подтверждающий отдельные виды иммунитета от юрисдикции; в Венгрии, напротив, наряду с законом второго типа, меморандум содержит в дополнение к действующему законодательству только общую ссылку на международное право.[13]

Итак, иммунитет дипломатических представителей от местной юрисдикции получил весьма неодинаковое и разнохарактерное подтверждение во внутреннем праве отдельных государств с точки зрения как формальных, так и материальных особенностей соответствующих норм.

В доктрине международного права в связи с вопросом об иммунитете от юрисдикции часто специально подчеркивается, что иммунитет от юрисдикции означает освобождение только от компетенции органов власти государства пребывания, но отнюдь не от действия его законов. В период господства теории экстерриториальности твердо придерживались взгляда, что посол подчинен только праву своего отечественного государства, на территории которого он считается находящимся; при этом, для того чтобы оправдать экстраординарные меры против посла, угрожающего безопасности и порядку государства пребывания, делали оговорку, что такой посол может быть признан виновным в delicta jurus gentium, т. е.

---

[10] В гл. I шведского Уголовного кодекса 1864 г., определяющей подсудность, имеется ст. 4, которая гласит: «В отношении иностранных миссий должен применяться общий принцип взаимности или специальные договоры» (см. Feller and Hudson, v. II, 1155). По ст. 1 чилийского Уголовно-процессуального кодекса 1906 г., суды республики осуществляют юрисдикцию над чилийцами и иностранцами в целях осуждения преступлений, совершенных в пределах «территории, кроме случаев, исключенных в силу общепринятых положений международного права» (ibidem, v. I, p. 272). Оба закона уже приводились в главе VIII.

[11] Соответствующие статьи этих правил см. в главе VIII.

[12] По ст. 97 Уголовного кодекса Сальвадора, частью приводившейся уже в гл. VIII, иностранец, совершивший преступление против государственной безопасности, указанное в ст. 96, должен быть наказан двумятремя годами тюрьмы «при условии исключений, установленных в отношении дипломатических чиновников по договорам и международному праву» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1020). Такая же общая ссылка на международное право содержится и в сальвадорской инструкции о дипломатическом церемониале 1914 г. (ст. 66), в которой отдельная глава посвящена дипломатическим привилегиям (ibidem, v. I, p. 1084).

[13] См. Feller and Hudson, v. II, p. 1157, v. II, p. 676.

в действиях, которые признаются преступными по общему праву всех народов. Так именно и обосновывал, например, Кок в своих «Институциях английского права» право наказывать преступного посла.[14] Современные авторы в значительном большинстве ставят эту проблему по-иному. Особенно подробно на ней остановился Белинг в своей цитировавшейся выше работе «Уголовно-правовое значение экстерриториальности». «Из того, что члены дипломатических миссий,— писал он,— не могут быть осуждены иностранными судами, не следует, что они вообще не подпадают под действие иностранного права, так же как едва ли можно утверждать, что компетенция отечественных судов должна влечь за собой и применение отечественного права».[15] По мнению Белинга, исходящего из принципа ne impediatur legatio, «посланник не должен подчиняться (только) таким нормам, выполнение которых противоречит его служебным функциям или побуждает к пренебрежению последними».[16] Вслед за Белингом этой проблеме уделили внимание и другие авторы, в частности Хотхорн. Хотхорн заявляет, что международное право, в соответствии с принципом ne impediatur legatio требует освобождения дипломатических представителей от всякого принуждения, а если государства освобождают их и от норм материального права, то «это выходящее за пределы принципа ne impediatur legatio расширение посольских привилегий покоится не на международном праве, а на международной вежливости, comitas gentium, courtoisie internationale, international courtesy».[17]

С точки зрения теории дипломатического иммунитета, изложенной в главе XI, решающим в этом вопросе является не принцип ne impediatur legatio, а то положение, что дипло-

---

[14] «Но если иностранный посол,— писал Кок,— будучи представителем короля (prorex), совершает здесь преступление, направленное против права народов, как измену, фелонию, подлог или какое-нибудь другое преступление, направленное против права народов, то он теряет привилегии и почести посла, как недостойный столь высокого места, и может быть наказан, как всякий другой обыкновенный иностранец. И так же он обязан нести ответственность по контрактам, которые являются законными с точки зрения права народов. Но если что-либо, будучи воспрещенным злом (malum prohibitum) на основании парламентского акта, внутреннего права или обычая этого королевства, само по себе не является злом с точки зрения права народов, не направлено против права народов, то посол, пребывающий здесь, не может быть связан этим» (Coke's Institutes of the Law of England. London, 1644, p. 153; приведено у Ogdon, op. cit., p. 44).

[15] Beling, op. cit., S. 66.

[16] Ibidem, S. 86.

[17] Hothorn, op. cit., S. 51. См. также Strisower, op. cit., S. 248, 253 et s.

матический представитель в силу международного права обязан уважать правопорядок и соблюдать законы государства пребывания. Не из территориального суверенитета государства пребывания, а именно из этой международно-правовой обязанности вытекает подчинение представителя нормам материального права государства пребывания, без чего данная обязанность сделалась бы беспредметной. Но эта обязанность не ставит представителя в смысле подчинения нормам местного права в одинаковое положение с обыкновенными лицами, проживающими на той же территории, а порождает подчинение особого рода — оно не связано с распространением на него местной юрисдикции. Поэтому, если дипломатический представитель совершил преступление, то можно лишь потребовать его отозвания, а в крайнем случае выслать из страны, однако его действие не перестает из-за этого рассматриваться в соответствии с местным уголовным законом как преступление, за которое он может быть наказан, если до истечения срока давности снова окажется в государстве прежнего пребывания в качестве частного лица, и за которое должны быть наказаны его соучастники, не пользующиеся иммунитетом. На такой точке зрения стоит теперь не только доктрина, но и практика.[18]

[18] Гаванская конвенция о дипломатических чиновниках 1928 г. гласит (ст. 20): «Иммунитет от юрисдикции сохраняется и после прекращения службы дипломатического чиновника, поскольку это касается действий, относящихся к службе; однако на иммунитет нельзя ссылаться в отношении других действий, исключая действия, которые имели место во время исполнения их дипломатических функций» (см. The International Conferences of American States, 1889—1928, p. 423). Что же касается наказания соучастников, то федеральный окружной суд США в решении по делу Фарнсворта против Цербста и Уордена от 23 августа 1938 г., в котором речь шла о шпионаже в пользу Японии группы лиц, состоявшей из японских дипломатических чиновников и американских граждан, заявил: «Дипломатические лица должны пользоваться хорошим обращением, с особым вниманием к их репутации, так же как их личность должна быть охраняема, но больше — по дипломатическим соображениям, чем потому, что юридически они не могут совершать правонарушений. Если такие лица в США в заговоре с американскими гражданами совершают преступление, то хотя и должно быть признано, что иностранный дипломат не был и не может быть осужден в окружном суде, его иммунитет не извиняет местных граждан. По крайней мере, два лица должны быть в незаконном предприятии, чтобы составить заговор. Закон ясно говорит об этом. Но оба отнюдь не должны быть обязательно преследуемы. Один из них может бежать или получить прощение, но другой остается виновным. Возможно, что преступление по передаче военной информации иностранному правительству, предусмотренное ст. 32 (Кодекса США), не может быть совершено представителем иностранного правительства, который ее получает. Но даже такое лицо, которое не может совершить самостоятельного преступления, может состоять в конспирации с другим, которое способно это сделать» (см. Lauterpacht. Annual Digest and Report... Years 1938—1940, No. 168, p. 431).

§ 2. Иммунитет от мер принуждения и его пределы при совершении дипломатическими представителями посягательств на безопасность государств пребывания

а) Мнения представителей доктрины международного права

Во всех ли случаях государство пребывания обязано полностью соблюдать иммунитет от юрисдикции дипломатического представителя, совершающего преступление? Это один из тех вопросов посольского права, которые с давних пор и до настоящего времени привлекают большое внимание и в доктрине и на практике, причем речь идет не столько о судебном иммунитете и не в связи с обыкновенными уголовными преступлениями, сколько об иммунитете от мер принуждения: задержания, ареста, высылки и т. п.— в случае серьезного посягательства дипломатического представителя на безопасность государства пребывания.

Вопрос этот еще в XVI—XVIII столетиях породил многочисленную литературу и, собственно говоря, послужил толчком для появления первых научных трактатов по посольскому праву. Среди авторов до Гроция допустимость мер принуждения по отношению к преступному послу не вызывала никаких сомнений; споры возникали лишь о том, может ли государство пребывания судить преступного посла или должно выдать его для суда его суверену. Сам Гроций, выдвигая теорию экстерриториальности, допускал, тем не менее, применение самых крайних мер против посла, совершившего преступление, но не в порядке его наказания, а в порядке необходимой обороны.[19] После Гроция допустимость принуждения нередко обосновывалась с помощью теории молчаливого соглашения. В цитировавшемся ранее меморандуме Эгильона указывалось, что «посланник теряет свой иммунитет и подвергает себя действию местной юрисдикции, если он занимается делами, которые можно рассматривать как государственные преступления или которые нарушают публичную безопасность».[20] Авторы XIX и XX веков также отвечают на этот вопрос положительно. Кальво в своем «Словаре публичного и частного международного права» писал: «Один случай немедленно прекращает для посланников пользование иммунитетом от юрисдикции — это случай заговора против безопасности государства, при котором они аккредитованы... Не подлежит сомнению, что если дело серьезно и требует срочных мер, правительство, существование которо-

[19] См. Grotius, op. cit., p. 338; см. главу III.
[20] См. Martens. Causes célèbres..., t. II, p. 284—285.

го поставлено на карту, имеет право прибегнуть к высылке или к тюремному заключению и даже произвести осмотр бумаг».[21] Аналогичного мнения придерживаются многие авторы общих курсов по международному праву: Ф. Мартенс, Камаровский и Ульяницкий, Оппенгейм, Фошиль, из советских авторов — Дурденевский и Крылов и др., хотя все эти авторы не вполне одинаково определяют характер допустимых принудительных мер.[22] В том же направлении вполне отчетливо высказываются и авторы руководств по посольско-

---

[21] Ch. Calvo. Dictionnaire de droit international public et privée. Berlin — Paris. 1885, t. I, p. 26.

[22] Ф. Мартенс: «...На практике делают различие между преступлениями, совершенными посланником против частных лиц, и преступлениями против государственного порядка. В обоих случаях посланники не подсудны местным судам; но в отношении общих преступлений государства признают полную свою некомпетентность; против же преступлений политических необходимая оборона заставляет государства принимать более или менее строгие репрессивные меры» (Мартенс, Современное международное право, т. II, стр. 47). Камаровский и Ульяницкий: «Возможны и исключения из общего правила о неприкосновенности дипломатического агента, например, если посланник дозволяет себе вмешательство во внутренние дела государства, в котором он пребывает, а тем более в случае каких-либо враждебных его действий против этого государства или его правительства и, вообще, в случае преступления его против государственного порядка (например, участие в заговоре, в политической агитации против местного правительства). Но даже в этих случаях провинившийся дипломатический агент не подлежит местному суду, а лишь удаляется из государства» (Камаровский и Ульяницкий, цит. соч., стр. 138). Оппенгейм: «Если дипломатический представитель совершает акт насилия, который подрывает внутренний характер государства пребывания настолько, что делает необходимым ограничить его свободу для предупреждения подобных действий, или если он конспирирует против государства пребывания и конспирация может быть обезврежена только заключением его под стражу, то он может быть арестован на известный период времени, хотя он должен быть в надлежащее время доставлен в безопасности к себе на родину» (Oppenheim, op. cit., p. 618). Фошиль: «Потерпевшее государство имеет право сделать невозможным для дипломатического представителя продолжать его преступные действия... Окружить помещение посольства отрядом или агентами полиции, прервать всякое сообщение этого помещения с внешним миром, даже препроводить дипломатического представителя под эскортом до границы, потребовать от иностранного правительства дезавуирования и примерного наказания, а в случае отказа — добиться силой от государства, становящегося, тем самым, соучастником своего посла, возмещения за совершенное преступление — таковы способы, к коим может прибегнуть государство, учреждения которого подверглись нападению и безопасность которого поставлена под угрозу» (Fauchille, op. cit., v. I, P. III, p. 90—91). Дурденевский и Крылов замечают общим образом, что «дипломат, однако, может быть лишен иммунитета... в случае совершения им политических деяний явно преступного и несовместимого с его положением характера», но не указывают, какие именно меры могут быть в этом случае приняты против дипломата (Дурденевский и Крылов, цит. соч., вып. II, стр. 94).

му праву: Прадье-Фодере, Сатоу, Гейкинг, Херст.[23] Последний автор, например, говорит следующее: «Посол, который совершает действия, вредные для безопасности государства, где он аккредитован, несомненно может быть выслан из страны, если он не отозван своим собственным правительством, а если такая высылка имеет место, она может сопровождаться применением принуждения. Кратковременное заключение в тюрьму, пока длится политический кризис, есть только метод применения принуждения, метод, который также оправдывается необходимостью».[24] Наконец, применение принудительных мер допускает Институт международного права в Кэмбриджском и Нью-йоркском регламентах, хотя формулирует это положение более осторожно, чем отдельные авторы.[25]

---

[23] Прадье-Фодере: «Нарушать это достоинство, эту безопасность и это спокойствие (достоинство суверена, при котором посол аккредитован, безопасность государства и спокойствие общества.— *Д. Л.*) значит — злоупотреблять иммунитетом и, тем самым, отказаться от него» (Pradier-Fodéré, op. cit., v. II, p. 32). Сатоу: «Если дипломатический агент совершает уголовное преступление, он не может быть ни арестован, ни судим, ни наказан местными судами. Но политическое преступление против государства, в котором он аккредитован, делает оправданным для последнего арест дипломатического агента и выдачу властям его собственной страны. Однако это может быть сделано только в случае крайней опасности» (Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 259). Гейкинг: «В серьезных случаях, особенно в случаях политических преступлений, которые подвергают опасности государство, решительные действия со стороны местного правительства были бы вполне оправданы с точки зрения его необходимой самообороны. Однако не следует упускать из виду, что здесь нужно действовать с наибольшей осмотрительностью, какая только возможна, в отношении дипломатической экстерриториальности» (Heyking. L'Exterritorialité, Paris, 1926, p. 97). Херст — см. ниже в тексте.

[24] Hurst, op. cit., p. 165.

[25] Согласно ст. 6 Кэмбриджского регламента, на неприкосновенность публичных министров нельзя ссылаться «в случае совершения ими действий, заслуживающих осуждения и вызывающих со стороны государства, при котором министр аккредитован, меры защиты или предупреждения; но кроме случаев крайней срочности это государство должно ограничиться тем, чтобы сообщить об обстоятельствах дела правительству указанного министра и потребовать наказания или отозвания виновного агента и, если окажется необходимость, окружить его помещение, чтобы воспрепятствовать незаконным связям или действиям» (см. Annuaire..., v. III, p. 784). По ст. 14 Нью-йоркского регламента, «...в случае преступления или проступка против общественного порядка и безопасности или государственной безопасности иммунитет от уголовной юрисдикции сохраняется, однако он не препятствует принятию строго необходимых мер защиты, к коим может быть вынуждено правительство, при котором дипломатический агент аккредитован, или правительство той страны, через которую он проезжает; в частности, компетентные власти могут окружить помещение, но вне случаев крайней срочности никакое прямое принуждение не может быть применено против его личности» (см. Annuai-

Только Женэ, исходя из своих вредных и реакционных взглядов, оспаривает применение мер принуждения к дипломатическим представителям, совершившим преступление против государства пребывания, ссылаясь на то, что такие меры являются ненужными и что они опасны. «В большинстве случаев,— пишет он,— дипломатический агент может получить по заслугам нормальным путем, поскольку он немедленно становится persona non grata и будет потребовано его срочное отозвание. С другой стороны, в случае, например, заговора, окажутся, разумеется, соучастники, которые не находятся под защитой дипломатического иммунитета: арест этих последних может сделать безрезультатной его вредную деятельность». «Лучше,— пишет он далее,— всегда и во всех отношениях придерживаться строгого правила и незыблемого принципа абсолютной неприкосновенности публичных министров. Выйти за рамки этого принципа — значит поощрить все интриги против их безопасности и открыть двери «авантюрам». [26] Аргументы Женэ совершенно неубедительны, ибо у всех авторов, допускающих применение принуждения к дипломатическому представителю, если он совершает преступление против государства пребывания, речь идет не о воздаянии ему по заслугам, а о предупреждении исходящей от него опасности, которая может и не исчезнуть от того, что отдельные соучастники преступления уже находятся в руках властей. Сам Женэ вынужден волей-неволей согласиться в последующем изложении, что применение некоторой доли принуждения может оказаться неизбежным. [27]

б) Отозвание и отстранение в дипломатической практике XIX и XX веков

Какова же практика государств в этом вопросе? Мы видели (из главы III), что в XVI—XVIII веках случаи ареста и высылки послов за участие в заговорах и иные посягатель-

---

ге... Session de New York, v. II, p. 309). Как поступить в случаях «крайней срочности», оба проекта не говорят. Американские кодификационные проекты не содержат никаких постановлений по этому вопросу. См. также ст. 128 проекта Пессоа (Supplement to the Amer. Journ., of Intern. Law, p. 169) и ст. 249, 500 и 442 проекта Паскуале Фиоре (Pasquale Fiore, op. cit., p. 145, 208).

[26] Genet, op. cit., v. I, p. 525—526.

[27] «В случаях преступления или проступка против частных лиц и даже против самого государства,— пишет он,— правительство, при котором дипломат аккредитован, потребует отозвания виновного министра, если необходимо, задержав его лично, прежде чем отправить на границу, при наличии абсолютной крайности (но нужно сделать много оговорок по этому поводу)». Ibidem, p. 593.

ства на безопасность государства пребывания происходили неоднократно. В XIX и в начале XX веков подобные явления почти не встречались. Обычной реакцией на враждебное или нелойяльное поведение иностранного дипломатического представителя было требование о его отозвании, а если назначившее его правительство отказывалось его отозвать, то правительство государства пребывания нередко прерывало всякие сношения с данным дипломатом и указывало ему на желательность скорейшего его отъезда. Такого рода «отстранение» иностранных дипломатов особенно часто применялось в дипломатической практике американских государств, в частности — США, где оно получило специальное название dismissal. Наиболее известные случаи — это отстранение правительством США испанского посланника Ирухо в 1804 г., британского посланника Крамптона в 1855 г., британского же посланника Сэквилл-Уэста в 1888 г.,[28] отстранение правительством Венецуэлы французского посланника Теньи в

---

[28] Эти случаи весьма подробно изложены в «Дигестах» Мура, где все казусы о так называемом «отстранении» выделены в особый раздел. Достаточно полно они освещаются и во 2-м издании «Руководства» Сатоу. Вкратце они сводятся к следующему. Правительство США обвинило Ирухо в попытке оказать давление на американскую прессу, вмешаться во внутренние дела США и потребовало его отозвания. Так как Ирухо отказался уехать в кратчайший срок, Государственный департамент прекратил всякие сношения с ним, и он продолжал оставаться в стране уже в качестве частного лица (см. Moore, op. cit., v. IV, p. 508—509; Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 388—389). Крамптон был обвинен в нарушении американских законов о нейтралитете во время Крымской войны (в содействии незаконной вербовке на территории США солдат для английской армии в Крыму), и было потребовано его отозвание. Так как британское правительство не признало этих обвинений и отказалось его отозвать, то Государственный департамент прервал всякие сношения с Крамптоном и вручил ему его паспорта, после чего Крамптон покинул страну (см. Moore, op. cit., v. IV, p. 533—535; Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 394—395). Сэквилл-Уэста правительство США обвинило в попытке оказать давление на президентские выборы в США. В частном письме Сэквилл-Уэст высказал мнение, что в происходящих президентских выборах он предпочитает переизбрание президента Кливлэнда избранию нового президента Гаррисона. Стоявшие за Гаррисоном политические группы добились опубликования этого письма в печати (по слухам, они хитростью раздобыли его от британского посланника), чтобы воспользоваться им в избирательной борьбе против Кливлэнда, как доказательством его англофильских тенденций. С этой же целью они подняли большой шум вокруг этого дела. Правительство США потребовало отозвания Сэквилл-Уэста. Так как британское правительство отказалось его отозвать, считая, что для отозвания нет оснований, государственный секретарь США Бэйярд объявил Сэквилл-Уэсту, что его дальнейшее пребывание в стране нежелательно, и ему были вручены паспорта на отъезд (см. Moore, op. cit., v. III, p. 537—548; Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 397—400; ср. St. Edmunds. The Lawless Law of Nations. Washington, 1925, p. 178—179).

1905 г., превратившееся фактически в его высылку,[29] и др. Случаи отстранения встречались и позднее, например: отстранение в Мексике заведующего британской миссией Кэмминса в 1924 г.,[30] отстранение в Литве папского нунция Бартолини в 1931 г.[31] и пр. Вся эта практика в проекте Харвардской юридической школы обобщается в виде единого правила, которое выражено следующим образом: «Если посылающее (дипломата) государство отказывается отозвать или в течение надлежащего срока не отзывает члена миссии, отозвания которого требовало государство пребывания, последнее может объявить функции такого лица или члена миссии оконченными».[32]

в) Случаи отстранения в советской дипломатической практике

Подобные случаи дважды имели место и в советской дипломатической практике: в 1918 и в 1924 гг. В первые годы революции, когда дипломатические представители ряда не признававших Советского правительства иностранных держав, оставаясь на территории Советской России, открыто вели враждебную ей деятельность и добивались свержения революционной власти, Советское правительство, не желая давать повода этим державам для полного разрыва сношений, старалось обезвредить соответствующих дипломатов, по мере возможности не прибегая к репрессиям против них.[33]

---

[29] Правительство Венецуэлы потребовало отозвания Теньи за его резкий протест против действий правительства, входивших во внутреннюю компетенцию последнего (речь шла о закрытии французской телеграфной компании в Каракасе) и прекратило с ним сношения. Когда Теньи, продолжавший оставаться в стране, поднялся на борт французского парохода «Мартиник», чтобы ознакомиться с полученными из Франции директивами своего правительства, его не пустили обратно на берег (см. Сатоу, цит. соч., 3-е изд., стр. 275—276).

[30] Мексиканское правительство потребовало отозвания Кэмминга за его нелойяльные выступления в защиту британских собственников во время беспорядков в Мексике, причем заявило, что если он сам не уедет в десятидневный срок, то будут приняты меры принуждения. Так как британское правительство не торопилось прислать преемника, то правительство Мексики прервало сообщения миссии с окружающим миром, и Кэмминг вынужден был удалиться, поручив охрану архивов и имущества миссии поверенному в делах США (см. Сатоу, цит. соч., стр. 277—278).

[31] По этому делу Сатоу приводит сообщение «Times» от 9 июня 1931 г., в котором говорится, что Бартолини перестал быть в Ковно persona grata в результате своего вмешательства во внутренние дела страны и что литовское правительство неоднократно просило Ватикан о его отозвании, но нунций оставался на своем посту до тех пор, пока литовские власти не предложили ему уехать под угрозой ограничить свободу его передвижения или выслать его (см. Сатоу, цит. соч., стр. 278).

[32] См. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 21.

[33] В «Воззвании Совета Народных Комиссаров РСФСР к трудящимся массам Франции, Англии, Америки, Италии и Японии» от 1 августа

28 апреля 1918 г. оно потребовало немедленного отозвания французского посла Нуланса за опубликование им в печати заявления, приветствовавшего японскую интервенцию во Владивостоке;[34] так как французское правительство не ответило на это требование и Нуланс продолжал оставаться на советской территории, Советское правительство объявило его частным лицом и отказалось признавать за ним дипломатические привилегии.[35] Второй случай носил несколько иной характер. 19 февраля 1924 г. Советское правительство после неоднократных безуспешных попыток обсудить с правительством Японии вопросы, препятствующие установлению нормальных отношений, объявило пребывавшего на советской территории японского дипломата Ватанабе частным лицом.[36]

1918 г. говорилось: «Мы не прибегали к репрессиям против них (дипломатических представителей держав Антанты.— *Д. Л.*), хотя рука их военных миссий видна была во всяком контрреволюционном заговоре, направленном против нас... Мы это все делали только потому, что не хотели им дать возможности сказать вам, что мы порываем с вами» (см. Внешняя политика СССР, т. I, № 113, стр. 120).

[34] «Заявления г. Нуланса в трагические дни, переживаемые Россией,— говорилось в ноте НКИД,— едва ли могут способствовать добрым отношениям между французским и русским народами. Представитель французского правительства, способствующий ухудшению отношений между Францией и Россией, не может быть терпим в пределах Российской Республики. Правительство Российской Федеративной социалистической советской республики выражает уверенность, что г. Нуланс будет немедленно отозван правительством Французской республики» (см. Внешняя политика СССР, т. I, № 75, стр. 76—77).

[35] Позднее в ноте правительствам Англии, Франции, Италии и Бельгии от 7 сентября 1921 г. Советское правительство следующим образом объясняло этот шаг: «Весной следующего (1918.— *Д. Л.*) года именно интервью господина Нуланса, помещенное в русских газетах, впервые ясно и определенно выставило требование вооруженного вмешательства держав Антанты в России и отрезало всякий путь к примирению между ними и Советским правительством. Последнее в тот же момент обратилось к французскому правительству с заявлением, что невозможно ни на одну минуту оставлять в России в качестве его представителя такое лицо, которое толкает к войне между Францией и Россией. В своем неуклонном желании поддерживать мирные отношения со всеми народами, Советское правительство воздержалось от насильственной высылки господина Нуланса из пределов России, но оно заявило, что считает с этого момента господина Нуланса лишь частным лицом» (см. Внешняя политика СССР, т. II, № 33, стр. 155). Впоследствии Нуланс перебрался на территорию, оккупированную интервентами.

[36] «Наличие таких (официальных.— *Д. Л.*) лиц,— говорилось в письме уполномоченного НКИД,— оправдывалось бы лишь существованием между обеими сторонами политических, юридических и экономических связей или переговорами об установлении таковых между правительствами стран. В настоящее время пребывание японских официальных лиц в пределах СССР представляется односторонним явлением, не основанным на принципе взаимности. В силу указанного НКИД СССР сообщает, что он с сего числа будет рассматривать гр. Ватанабе, пребывающего

* * *

Разумеется, в течение XIX и в начале XX века имели место также случаи высылки и даже ареста дипломатических представителей. Таковы, например, арест в США отозванного уже венецуэльского посланника Сегюра в 1863 г., высылка из Аргентины папского нунция в 1884 г., высылка из Венецуэлы французского и бельгийского посланников в 1895 г., высылка из США гавайского агента в том же 1895 г., высылка из Франции секретаря бывшей папской нунциатуры епископа Монтаньини в 1906 г. и пр.[37] Но это были скорее единичные, чем типичные случаи. Типичными же для этого периода являлись случаи отозвания дипломатического представителя или прекращения сношений с ним («отстранения»).

г) Преступления дипломатических чиновников Германии и Австро-Венгрии во время первой мировой войны и случаи их ареста и высылки

В связи с этим некоторые буржуазные авторы утверждают, что вопрос о пределах иммунитета дипломатических представителей от мер принуждения в случаях их посягательств на безопасность государства пребывания принадлежит прошлому и утратил свое значение в наши дни. «В наши дни,— пишет, например, Женэ,— те мотивы, которые заставляли тогда закрывать глаза на самые высокие наказания, налагаемые на опасных министров, потеряли в значительной мере свою силу. Ни одно современное государство не осмелится на них ссылаться».[38] Точно так же Херст замечает, что в наши дни эти инциденты имеют скорее исторический, чем юридический интерес, потому что дипломатические агенты современной эпохи не позволяют себе устраивать заговоры против безопасности государства, в котором они аккредитованы».[39]

Однако такое утверждение явно не согласуется с ходом развития международных отношений в XX веке. Обострение

на территории Союза, как частное лицо японского подданства, не имеющее на территории СССР никаких официальных функций, прямых или косвенных» (см. Внешняя политика СССР, т. II, № 204, стр. 840).

[37] Об этих случаях см. Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 384—385; 417—418; Сатоу, цит. соч., 3-е изд., стр. 266, 282—283, 283—284; дело о высылке французского и бельгийского посланников из Венецуэлы подробно изложено у Moore, op. cit., v. I, p. 548—549; дело Монтаньини см. у Fauchille, op. cit., v. I, p. III, p. 72.

[38] Genet, op. cit., v. I, p. 594.

[39] Hurst, op. cit., p. 134.

международных противоречий, свойственное периоду империализма, усиление империалистической агрессии в ряде капиталистических государств оказали прямое влияние и на дипломатическую практику. Дипломатические агенты империалистических держав, и в первую очередь наиболее агрессивных держав и их союзников и сателлитов, в целях подготовки империалистических захватов и военных нападений развивали заговорщическую и подрывную деятельность на территории государств своего пребывания в таких масштабах, что местные правительства зачастую не могли уже ограничиваться требованием их отозвания или «отстранением» их, а должны были применять к ним меры прямого принуждения: высылку и даже арест.

Это ярко проявилось уже во время первой мировой войны. Дипломатические агенты Германии и Австро-Венгрии в нейтральных странах систематически занимались организацией шпионажа, саботажа и диверсий против держав Антанты, даже организацией вооруженных банд для переброски на их территорию и вынуждали нейтральные правительства принимать по отношению к этим агентам решительные меры. Германский посол в США граф Бернсдорф и австро-венгерский посол Думба организовывали стачки на американских предприятиях военной промышленности. Думба, пользуясь своим дипломатическим положением, отправлял шпионские донесения в Австро-Венгрию через неприятельские линии. В сентябре 1915 г. он был отозван по требованию правительства США. В ряде случаев были применены принудительные меры. Военный атташе германского посольства в Вашингтоне — пресловутый фон Папен и военно-морские атташе Бой-Эд и Игель создали широкую сеть тайных агентов и были изобличены в непосредственных связях с крупными диверсантами. Папен и Бой-Эд в декабре 1915 г. были высланы из США, а Игель был арестован.[40] В том же 1915 году германский посланник в Тегеране принц Реусс организовал в Персии вооруженные банды для борьбы против России. В конце концов он был выслан из Персии. Широко известна шпионско-диверсионная деятельность германских и австро-венгерских дипломатов в Греции, откуда они были высланы в ноябре 1916 г. Германский посланник в Аргентине граф Люксбург в 1917 г. отправлял в Германию с дипломатической почтой шпионские донесения, в которых

[40] См. Genet, op cit., v. I, p. 595; см. также А. Трояновский. Почему Соединенные Штаты воюют против гитлеровской Германии. ОГИЗ, 1942, стр. 27—28; специально о деле Игеля см. Hackworth. Digest..., v. IV, p. 517—519; см. также Special Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. X (1916), p. 592.

перечислял отплывавшие от берегов Аргентины суда и рекомендовал, чтобы они были потоплены, «не оставляя следов» (spurlos versenkt). Он был арестован, интернирован, а затем выслан из страны. В начале 1918 г. был выслан из Испании германский военно-морской атташе фон Кроон за организацию снабжения германских подводных лодок у испанских берегов.[41] Приведенными примерами, конечно, отнюдь не исчерпывается преступная деятельность германских дипломатических агентов во время первой мировой войны.[42]

д) Преступная деятельность дипломатов держав Антанты на территории Советской России и меры безопасности, принятые Советским правительством

К концу первой мировой войны довольно широко развернулась шпионско-заговорщическая деятельность дипломатических агентов держав Антанты на территории молодой Советской республики, ставившая своей целью добиться свержения советской власти и втянуть Россию снова в войну. «При содействии союзных дипломатов,— говорится в «Истории дипломатии»,— в России возник ряд контрреволюционных организаций... Так дипломаты превращались в заговорщиков. При их прямом участии были организованы восстания в 23 городах по Верхней Волге — в Муроме, Ярославле, Костроме, Рыбинске, вплоть до Вологды — здесь намечался центр восстания».[43] Главными инспираторами этих заговоров из среды дипломатов Антанты были французский посол Нуланс[44] и английский дипломатический представитель Лок-

---

[41] См. Genet, op. cit., v. I, p. 595—596; специально о деле Люксбурга см. Amer. Journ. of Intern. Law, v. XII (1918), p. 135—140.

[42] Факты, касающиеся этой деятельности, подробно приводятся в книге Merignhac et Lemonon, Le droit des gens et la guerre de 1914—1918, t. II, 1921, p. 521 et s.

[43] История дипломатии, т. II, стр. 389.

[44] «Лето 1918 г.,— говорил Ленин в речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, Московского совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы 4 июля 1919 г.,— совпало с громадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что при самом трудном положении Ярославля его ожидает соединение с Архангельском, соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы» (Ленин, т. XXIV, стр. 351—352). Позднее Советское правительство, характеризуя преступную деятельность Нуланса в ноте правительствам Англии, Франции, Италии и Бельгии от 7 сентября 1921 г., отмечало, что «господин Нуланс все свои силы отдал подготовке заговора против безопасности Республики и против жизни ее руководящих деятелей, подготовке восстаний, вербовке участников всевозможных авантюр, направленных против Рес-

карт.[45] Нуланс, как известно, еще до раскрытия инспирированных им заговоров, был лишен дипломатических привилегий, Локкарт же был арестован органами государственной безопасности в здании английского посольства при раскрытии заговора. В ответ на протесты правительств Англии и Франции против ареста Локкарта и других заговорщиков Советское правительство, констатируя, что «...дипломатические и военные представители Англии и Франции пользуются своим званием для организации на территории РСФСР заговоров...», заявило: «При этих условиях, будучи всецело проникнуто искренним желанием в полной мере соблюдать дипломатическую неприкосновенность и правила международного общения — правительство РСФСР лишено возможности предоставить свободу действий лицам, прибывавшим в Россию в качестве дипломатических и военных представителей и поставившим себя фактически в положение заговорщиков против правительства нашей страны... Поэтому правительство РСФСР поставлено в необходимость создать для лиц, уличенных в заговоре, такие условия, при которых они лишены были бы возможности продолжать дальше свою преступную с точки зрения международного права деятельность».[46]

Действия Советского правительства были вполне законными с точки зрения международного права мерами самообороны. Арестованные лица из числа принадлежавших к составу союзных миссий получили потом возможность вернуться на родину.

е) Преступления германских и японских дипломатических чиновников во время второй мировой войны и применение к ним различных мер принуждения

Но самый широкий характер носила преступная деятельность дипломатических агентов гитлеровской Германии и ее союзников по агрессии в период второй мировой войны.

публики, попыткам устраивать взрывы мостов и железнодорожные крушения и т. д.» (См. Внешняя политика СССР, т. II, № 33, стр. 155).

[45] Заговор Локкарта был раскрыт в начале сентября 1918 г. Как гласило официальное сообщение, опубликованное в «Известиях» от 3 сентября, он был направлен «...на организацию захвата при помощи подкупа частей Советских войск Совета Народных Комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве». «Заговорщики действовали, прикрываясь дипломатическим иммунитетом (неприкосновенностью) и на основании удостоверений, выдававшихся за личной подписью начальника британской миссии в Москве г. Локкарта» (см. Внешняя политика СССР, т. I, № 119, стр. 126). Подробное описание заговора Локкарта см. в «Истории дипломатии», т. II, стр. 390—393.

[46] См. Внешняя политика СССР, т. I, № 120, стр. 129.

Дипломатия гитлеровской Германии оставила далеко позади своих предшественников из кайзеровской Германии: создание «пятых колонн», организация шпионажа, диверсий и террора в государствах пребывания являлись ее едва ли не первоочередной задачей. Гитлер в кругу своих ближайших сообщников следующим образом обрисовал облик идеального фашистского дипломата: «Хороший посол должен быть, прежде всего, поставщиком развлечений. Если это нужно, он должен стать фальшивомонетчиком и шулером. Меньше всего он должен быть просто корректным чиновником».[47] Как было документально доказано на Нюрнбергском процессе, германское министерство иностранных дел имело специальное соглашение с Гестапо о тесном сотрудничестве в разведывательной области, и германские посольства и консульства были органически связаны с германской разведывательной агентурой в соответствующих странах.[48]

Готовясь к второй мировой войне, германская дипломатия широко развернула свою преступную активность, в частности в странах Латинской Америки. Еще до войны германский посол в Бразилии Риттер участвовал в организации восстания бразильских «интегралистов», которое произошло в мае 1938 г., а германский посланник в Мексике — Рут фон Колленберг снабжал оружием мятежных мексиканских генералов; Риттер был отозван по требованию бразильского правительства, а Колленберг уже во время войны был интернирован в США.[49] С началом второй мировой войны преступления германских дипломатов достигли чудовищных размеров. Летом 1941 г. были раскрыты фашистские заговоры в Аргентине, Боливии, Чили и Уругвае. Эти заговоры являлись частями единого плана захвата гитлеровцами Южной Америки. Германский посол в Аргентине фон Терманн весной 1941 г. специально ездил за инструкциями в Берлин и по возвращении созвал в Чили совещание германских дипломатов, аккредитованных в южноамериканских странах, на котором, как сообщала газета «New York Times» от 7 июня 1941 г., обсуждались планы территориальной перекройки государств Южной Америки и контуры отдельных заговоров. Эти заговоры

---

[47] См. G. Rauchning. The Voice of Distruction. New York. 1940, p. 275—276.

[48] См. отчет о допросе Риббентропа, «Правда» от 4 апреля 1946 г.; см. также отчет о допросе Дрегера, «Правда» от 27 марта 1946 г.

[49] См. Трояновский, цит. соч., стр. 39—40. Подобного рода преступные действия германские дипломатические чиновники совершали также и в странах Европы. Например, германский военный атташе в Чехословакии в 1938 г. в чехословацкой военной форме разъезжал по Чехословакии и выбирал аэродромы для германских воздушных сил в связи с готовившимся вторжением (см. «Известия» от 5 декабря 1945 г.).

должны были произойти одновременно с германским вторжением в Англию, чтобы отвлечь внимание США от европейского континента. Заговор в Аргентине был приурочен к 9 июня 1941 г.— дню празднования годовщины независимости Аргентины. В Боливии члены германской дипломатической миссии совместно с германскими промышленниками и другими членами германской колонии в июне 1941 г. под предлогом путешествия организовали совещание в городе Чулумани, на котором обсуждалась подготовка переворота. В страну было ввезено много винтовок, легких пулеметов и боеприпасов. Во главе заговора стоял германский посланник в Боливии — Вендлер. В Чили германский посланник был тесно связан с фашистскими заговорщиками, неоднократно пытавшимися произвести переворот, а германской фашистской организацией в Чили непосредственно руководил советник германской миссии Беттлер. Кроме этого германские дипломаты занимались самым беззастенчивым шпионажем. Терманн передавал по коду германского посольства сигналы для потопления английских судов. Проекты обороны Чили были обнаружены в багаже германских дипломатов, а германской шпионской организацией в Чили непосредственно руководил германский авиационный атташе. Германскую шпионскую организацию в Бразилии возглавляли военный атташе и другие дипломатические сотрудники германского посольства. Терманн, Вендлер и многие другие германские дипломаты были высланы из латино-американских стран. Большинство этих стран впоследствии разорвало дипломатические отношения с державами «оси».

В Иране германский посланник фон Эттель создал специальную «службу наблюдения» для слежки за членами дипломатического корпуса, населением иностранных колоний в Тегеране и видными чиновниками и политическими деятелями Ирана. После нападения Германии на СССР он стал подготовлять государственный переворот, ставивший целью втянуть Иран в войну против СССР и Великобритании. Переворот был назначен сначала на первое, а затем на 22 августа 1941 г. Только вступление советских и английских войск в Иран разрушило эти преступные замыслы. Эттель и другие иранские дипломаты были высланы из Ирана. В Швеции член германской дипломатической миссии Мецгер вербовал шведских фашистов в германскую армию в Норвегии. В 1944 г. он был выслан из Швеции. Таковы отдельные из многочисленных примеров.[50]

---

[50] Об этих фактах см. Д. Б. Левин. О неприкосновенности дипломатических представителей и их персонала. Юридическое издательство,

Аналогичную деятельность вели и японские дипломаты. В 1943 г. в японском министерстве иностранных дел был даже создан специальный так называемый «политический отдел», который непосредственно руководил разведывательной работой японских дипломатических агентов за границей и имел секции по отдельным группам стран. «Можно без всякого преувеличения утверждать,— пишет публицист, хорошо изучивший данные о японской разведке, опубликованные за последние годы в мировой печати,— что японское министерство иностранных дел во всех своих звеньях было связано с ведением разведки и считало это одной из своих самых важных обязанностей... Важнейшими центрами японского шпионажа служили зарубежные органы министерства иностранных дел — посольства и консульства. Любое из них было в полном смысле слова штаб-квартирой японской разведки, и в основном на данной территории под его прикрытием осуществлялась вся разведработа». [51]

После изгнания дипломатических агентов держав «оси» из большинства латино-американских стран их подрывную деятельность продолжали дипломатические агенты франкистской Испании. Еще до этого они деятельно помогали своим германским коллегам, [52] а затем сами руководили шпионажем и пропагандой в пользу Германии, которые проводились фалангистскими организациями в Латинской Америке. Непосредственным руководителем этой фалангистской деятельности был испанский посол в Бразилии Раймундо Фернандес Куэста. [53]

М., 1946 (гл. II, § 6). См. также «Известия» от 23 октября 1945 г., «Правда» от 7 октября 1943 г., от 26 февраля 1944 г., от 8 февраля 1943 г., от 3 декабря 1944 г.

[51] В. Минаев. Тайные силы японской агрессии. «Знамя», 1946, № 2—3, стр. 157. О фактах шпионско-диверсионной деятельности японских дипломатов см. в той же статье, стр. 157—158; в частности, о шпионской деятельности японских военных атташе см. стр. 154—156.

[52] Так, например, согласно преданному гласности в американской печати письму секретаря испанского посольства в Аргентине (от 18 февраля 1943 г.), он получал от германского посольства средства для ведения фашистской пропаганды в Латинской Америке, которые он распределял совместно с пресс-атташе испанского посольства, в соответствии с планами пропагандистских кампаний, разрабатывавшимися германскими и испанскими дипломатами (см. «Известия» от 28 февраля 1945 г.).

[53] Преступность Куэсты впоследствии разоблачил бразильский епископ Дуарте, отлученный Ватиканом от церкви. Дуарте, между прочим, указывал, что Куэста содействовал похищению секретных архивов германского посольства в Рио-де-Жанейро, содержавших документы о шпионской деятельности Гестапо (см. «Известия» от 20 октября 1945 г.).

ж) Казусы с финским и польскими дипломатическими агентами

Широкую известность в связи с резким возмущением общественности приобрела преступная деятельность финского посланника в США — Прокопе в те годы, когда Финляндия вела войну против СССР на стороне гитлеровской Германии. Прокопе и другие финские дипломаты через свою миссию и консульства снабжали Германию шпионской информацией и вели открытую пропаганду, враждебную интересам США. В 1944 г. они были высланы из США, причем Государственный департамент специально подчеркнул, что эта мера не является разрывом дипломатических сношений, т. е. что она ставит целью пресечение преступной деятельности данных дипломатических агентов. [54]

Необходимо также упомянуть о преступной деятельности на территории СССР дипломатических агентов польского эмигрантского правительства, которые следовали реакционным традициям дипломатии довоенной Польши. Еще в 1923 г. польское правительство, едва ли, разумеется, по лойяльным побуждениям, пыталось добиться права открыть в Харькове, Минске и Тбилиси отделения польского дипломатического представительства, которые пользовались бы всеми дипломатическими привилегиями,— вместо чего ему было предложено открыть в Харькове и в Минске польские генеральные консульства. [55] Летом 1941 г., идя навстречу польскому правительству в деле организации помощи польским гражданам, находившимся в связи с войной на территории СССР, Советское правительство разрешило открыть во многих городах Советского Союза отделения польского посольства, задачей которых должно было быть оказание материальной помощи указанным польским гражданам. Однако польские представительства занялись шпионажем и антисоветской пропагандой, причем в этой преступной деятельности участвовали в качестве организаторов или исполнителей многие члены дипломатического персонала польского посольства в Москве. В 1942 г. последние были высланы из пределов СССР, а те участники преступлений из сотрудников посольства и представительств на местах, которые не пользовались дипломатическим статусом, были привлечены к уголовной ответственности. [56] *

---

[54] См. «Известия» от 24 апреля, 17 июня и 21 июня 1944 г.

[55] См. Внешняя политика СССР, т. II, № 180, стр. 805, 809—810.

[56] См. заявление заместителя Народного комиссара иностранных дел тов. А. Я. Вышинского представителям англо-американской печати 6 мая 1943 г. («Правда» от 7 мая 1943 г.).

* Случаи высылки из СССР иностранных дипломатов за преступные действия имели место и в последнее время. Так, например, в январе

з) Правомерность принуждения и проблема международной ответственности в связи с посягательствами дипломатических представителей на безопасность государств пребывания

В свете всех изложенных выше фактов утверждение, что вопрос о пределах иммунитета от юрисдикции, точнее, от мер принуждения, утратил свое значение, никак не может быть оправдано. Каковы же эти пределы? По мнению Гейкинга, «меры, дозволенные государству по праву необходимой обороны, трудно свести в юридическую формулу: это дело политики определить в каждом конкретном случае способы защиты и принуждения, наиболее приемлемые и наиболее подходящие к ситуации».[57] Однако при наличии довольно богатой практики в области данного вопроса и ввиду того значения, какое он приобрел в течение последних десятилетий, не только можно, но и должно установить общий правовой критерий для применения вышеуказанных мер. С точки зрения защищаемых нами общих положений, согласно которым право посольства как основание иммунитета включает в качестве своих непременных предпосылок суверенитет обоих, т. е. как посылающего, так и принимающего государств,— совершение дипломатическим представителем действий, угрожающих основам суверенной власти государства пребывания, ipso facto прерывает правоотношения между этим государством и представителем, основанные на праве посольства, хотя и не превращает этих международно-правовых по своему характеру отношений в отношения внутригосударственно-правового характера, скажем, регламентируемые уголовным правом. Поэтому государство пребывания не вправе распространять на дипломатического представителя свою юрисдикцию в полном объеме, но вправе удалить его из пределов своей территории таким способом, какой оно найдет необходимым для пресечения его преступных действий и устранения исходящей от него опасности. Это означает, что государство пребывания может как потребовать отозвания представителя или прервать с ним сношения, так и выслать его административным путем и даже временно задержать перед высылкой, хотя оно не может судить и наказать его.

В современных условиях такая постановка вопроса, ограниченная рамками взаимоотношений двух государств и категориями посольского права, может, однако, потребовать из-

---

1948 г. из СССР были высланы второй секретарь аргентинского посольства в Москве Басан и атташе того же посольства Конде, за то что пытались вывезти из СССР на самолетах в дипломатическом багаже неизвестных лиц (см. «Правда» от 21 января 1948 г.).

[57] Heyking, op. cit., Paris, 1926, p. 99.

вестных дополнений. Ввиду того, что посягательства дипломатического представителя на безопасность государства пребывания чаще всего связаны с агрессивными замыслами и во всяком случае чреваты последствиями, угрожающими миру, данный вопрос приобретает более широкий и более общий характер. Буржуазная доктрина неспособна предложить новые пути его разрешения. Правда, в ней выдвигалась идея международной уголовной ответственности дипломатических представителей за преступления, совершенные в государстве пребывания против безопасности этого государства и против мира. Так, например, в проекте резолюции о Международном уголовном кодексе, представленном Междупарламентским юридическим комитетом XXIII Межпарламентской конференции, в числе «преступлений, совершенных отдельными лицами» (раздел «в»), предусматривается (пункт «в»): «Злоупотребление со стороны дипломатического агента предоставленными ему дипломатическими привилегиями для совершения действий, находящихся в явном (flagrante) противоречии с основными принципами международного права или составляющими акты подготовки агрессивной войны».[58] Из отдельных авторов наиболее подробно останавливается на этом вопросе Пелла, автор уже упоминавшегося проекта международного уголовного кодекса, предлагающий изъять преступления дипломатических представителей в государстве пребывания из компетенции национальных судов и передать их международной юрисдикции.[59] Во время второй мировой

[58] См. приложение к цитированной выше книге P e l l a. La criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir, p. 321.

[59] Пелла пишет: «Одна из серьезных проблем, которую должны будут решить те, кто будут призваны выработать Уголовный кодекс наций, касается ответственности дипломатических агентов, которые, злоупотребляя своим иммунитетом, действуют в противоречии с международной моралью и совершают акты, являющиеся подготовкой к агрессивной войне... При нынешних условиях исключена всякая возможность серьезной репрессии за правонарушения, совершенные дипломатами, как бы они не были серьезны... Иммунитет, которым пользуются и бесспорно должны пользоваться дипломатические агенты и от которого они не могут никак отказаться, дает государству, ставшему жертвой их преступных махинаций, только право требовать их отозвания... Если же дипломатический агент возвратится в свое отечество после того, как совершил преступление, чтобы удовлетворить некоторые, конечно, неправильно понятые интересы страны, которую он представляет, то было бы наивно думать, что он получит справедливое и заслуженное им наказание за преступление, в котором он окажется виновным». Пелла, далее, указывает что если предать дипломатического агента его отечественному суду, то во-первых, это может быть невозможно вследствие ненаказуемости по национальному уголовному праву данного государства заговоров, совершенных за границей против иностранного государства, или, во-вторых, это породит недоверие к беспристрастию суда; если его предать суду страны

войны эта идея также обсуждалась в литературе. Хамбро в своей книге «Как выиграть мир», касаясь мероприятий, которые необходимы для обеспечения международной безопасности после войны, высказывался в пользу того, чтобы международный уголовный суд имел компетенцию и выносил решения по поводу преступлений дипломатических и консульских представителей против основ государственного строя, безопасности и законных интересов иностранного государства.[60] Но подобная идея может лишь увести в сторону от действительных способов борьбы против агрессивных приемов буржуазной дипломатии. Нелишне также вспомнить, что даже дипломатические агенты гитлеровской Германии, арестованные в свое время военными властями союзников как военнопленные и преданные суду в качестве военных преступников, не понесли заслуженной кары, так как снискали покровительство реакционных правящих кругов США, Англии и Франции.[61]

места совершения преступления, недоверие отнюдь не устраняется. «В первом случае появляется опасность неоправданной снисходительности, во втором случае — пристрастия и чрезмерной строгости, также неоправданной». «Вот почему,— заключает он,— мы полагаем, что было бы предпочтительнее изъять преступления и проступки, совершенные дипломатическими агентами в стране, в которой они действуют в этом качестве, из компетенции судов заинтересованных государств и передать их в компетенцию международной юрисдикции, которая представляла бы все гарантии объективности... Эта юрисдикция определила бы и характер деликта... Что касается деликтов, совершенных дипломатическим агентом при выполнении им своих функций, то международный суд решит, произошло ли это по собственной инициативе виновного или он действовал по приказу своего правительства... Конечно, в последнем случае наказание будет или значительно смягчено или совсем устранено, а санкции должны быть применены к тем, кто дал приказы или инструкции преступного характера» (P e l l a, op. cit., p. 262—263, 264—265). Вопрос об ответственности дипломатических представителей затронут и в некоторых других проектах международного уголовного кодекса: например, в проекте Левита в перечне международных преступлений (ст. 3) фигурирует пункт 7 — «Всякое злоупотребление дипломатическими привилегиями, совершенное дипломатическими агентами какого-либо государства» (см. Revue international de droit pénal, 1929, No. 1, p. 36).

[60] G. H a m b r o. How to win the peace. Philadelphia — New York, 1942, p. 322—323 (см. также p. 330). Приведя примеры шпионско-диверсионной деятельности германских и японских дипломатических агентов как в государствах пребывания, так и в соседних с ними государствах, Хамбро замечает: «Политическое развитие в течение последних лет сделало ясным, что никакая нация, заботящаяся о своей собственной безопасности и мире, не может соглашаться с идеей абсолютного иммунитета дипломатов и консулов». По его словам, «эта идея была разрушена политической практикой двадцатого столетия» (i b i d e m).

[61] Папен, как известно, предстал перед Международным военным трибуналом, где он обвинялся в участии в общем нацистском заговоре и в преступлениях против мира (см. приложение А к обвинительному заключению по делу главных немецких военных преступников, «Изве-

Поскольку не существует постоянных институтов международной уголовной юрисдикции, было бы надуманным устанавливать какие-либо формы международной уголовной ответственности дипломатических представителей. Но на основании общих принципов и отдельных положений устава Объединенных наций можно сделать известные позитивные выводы относительно международной ответственности государства за преступления его дипломатических представителей. Если по уставу признана общая обязанность всех государств поддерживать и содействовать поддержанию международного мира и безопасности (ст. 2, §§ 4, 5, 6) и право каждого члена Организации объединенных наций доводить до сведения Организации о любой ситуации, способной привести к международным трениям (ст. 35, § 1), то образ действий какого-либо государства, инспирирующего или поощряющего подрывную деятельность своих представителей внутри тех государств, в которых они аккредитованы, может быть квалифицирован как угроза миру и может стать предметом рассмотрения Совета безопасности в соответствии со ст. 39 устава Организации объединенных наций.

Что же касается подрывной деятельности дипломатических представителей, не инспирированной государством, то вопрос о международной ответственности государства за эту деятельность не имеет большого практического значения, так как в действительности деятельность дипломатического представителя чрезвычайно редко идет в разрез с политикой назначившего его государства. В этом маловероятном случае можно говорить о международно-правовой обязанности государства распространить на своего представителя те нормы внутреннего уголовного права, которые карают преступления своих граждан и должностных лиц за границей, направленные против мира. Следует, однако, заметить, что хотя после второй мировой войны в национальных судах ряда государств прошла целая серия процессов преступников войны, действующие международные конвенции и уголовное законодательство большинства государств не содержат еще точных постановлений постоянного характера относительно наказания преступлений против мира, тем более преступлений, совершенных должностными лицами государства за границей. Разумеется, прогрессивные демократические тенденции в развитии между-

---

стия» от 19 октября 1945 г.), но был вопиюще необоснованно оправдан, не будучи признан — вопреки действительному положению вещей — участником общего нацистского заговора и планирования агрессивных войн (см. Особое мнение члена Международного военного трибунала от СССР. «Правда» от 5 октября 1946 г.). Его дело было передано в так называемый суд по денацификации.

народного права требуют, чтобы борьба против агрессии нашла отражение как в международных нормах, так и в нормах внутреннего законодательства. Но эти тенденции наталкиваются на сопротивление государств империалистического лагеря.

В дипломатической практике этих государств в настоящее время имеют место многочисленные факты, которые находятся в вопиющем противоречии с указанными тенденциями. Это не только оставление бывших дипломатических агентов разгромленных держав «оси» в нейтральных странах, если не на официальном, то на весьма почетном положении и предоставление им полной свободы для подрывной деятельности, направленной против мира и безопасности народов.[62] Это не только сохранение в США и Великобритании «дипломатических учреждений» всякого рода реакционных «правительств», свергнутых народами либо еще в самом начале войны, либо в результате разгрома агрессоров и освобождения соответствующих стран от гитлеровской оккупации,— в виде примера можно указать на прибалтийские и польские «дипломатические миссии», ведущие подрывную деятельность в целях подготовки интервенции и разжигания новой мировой войны.[63] Еще важнее отметить то, что дипломатические пред-

[62] Так, например, в Ватикане члены бывшего германского посольства оставались в качестве «почетных гостей, лишившихся дипломатического иммунитета», а члены бывшего японского посольства даже сохраняли свой дипломатический статус (см. «Известия» от 25 декабря 1945 г.). В Швеции в распоряжение персонала бывшей германской миссии был предоставлен роскошный замок «Юкстахольм» (см. «Известия» от 2 июня 1945 г.). В Швейцарии долгое время после капитуляции Италии сохранял официальное положение «консульский комиссар» правительства Муссолини Джузеппе Денари и другие чиновники бывших итало-фашистских консульств (см. «Известия» от 7 марта 1945 г.) и т. д.

[63] Так, например, в официальных списках членов дипломатического корпуса в Вашингтоне, ежегодно публикуемых Государственным департаментом США, значились посланники давно исчезнувших реакционных правительств Латвии, Литвы и Эстонии — Вильманис, Жадейкис и Каль и члены их персонала (см. Amer. Journ. of Intern. Law, v. 37, 1943, p. 247, note). Эти «дипломатические представители» издавали официальные бюллетени и пропагандистские брошюры, содержание которых было резко враждебно интересам мира и демократии (см. «Правда» от 29 ноября 1943 г.). Не менее вопиющей является деятельность «дипломатических» учреждений бывшего эмигрантского правительства Польши. Это «правительство», как специально отмечал во время дебатов в английском парламенте 27 февраля 1945 г. независимый депутат Драйберг, создало разветвленную сеть дипломатических и консульских представительств во всем мире, учредив их даже там, где их никогда не было раньше (см. «Известия» от 1 марта 1945 г.). Главной деятельностью этих учреждений была организация пропагандистских кампаний против новой демократической Польши и против Советского Союза. Помимо этого, польское эмигрантское правительство создало широкую сеть военных атташе и военных миссий. «До войны,— писал обозреватель журнала «New Statesman and Nation»,— когда Польша располагала армией в

ставители самих этих империалистических держав — США и Великобритании — воскрешают описанные выше навыки агрессивной фашистской дипломатии и пытаются осуществлять грубое вмешательство во внутренние дела стран народной демократии, поддерживая в них силы реакции, насаждая свою агентуру из изменников родины и инспирируя контрреволюционные заговоры с целью уничтожения демократического режима в этих странах. [64] *

§ 3. Несоблюдение иммунитета от мер принуждения в других случаях

Говоря о пределах иммунитета дипломатических представителей от мер принуждения и о тех обстоятельствах, при которых оправдано несоблюдение этого иммунитета, следует и здесь добавить, что бывали случаи, когда применение принуждения являлось не средством защиты от преступной деятельности дипломатического представителя, а средством,— с помощью вымышленных поводов — искусственно создать конфликт и обострить отношения с назначившим его правительством. Наиболее яркими примерами таких неправомерных и провокационных действий могут служить те немногие случаи, когда принудительные меры применялись к сотрудникам дипломатических и торговых представительств Советского Союза, которые всегда строго выполняли обязанность невмешательства во внутренние дела государства пребывания:

---

400 тыс. человек, число ее военных атташе в различных странах достигало 21. Сегодня Польша насчитывает 39 военных атташе — по одному почти на каждую возможную страну, включая Люксембург» (см. «Правда» от 20 марта 1944 г.). Даже после официальной ликвидации польского эмигрантского правительства в Лондоне в ряде стран продолжали функционировать польские военные миссии. Например, во Франции функционировала так называемая польская «военная миссия в Париже» и «военная миссия второго польского корпуса в Италии», а во французской зоне оккупации Германии существовала еще одна польская военная миссия (см. «Правда» от 17 февраля 1946 г.). Эти миссии, кроме реакционной и агрессивной пропаганды, занимались шпионажем и вербовкой офицеров и солдат в эмигрантскую польскую армию.

[64] Член английского парламента Зиллиакус еще в апреле 1946 г. опубликовал на страницах журнала «New Statesman and Nation» письмо, озаглавленное «Британские дипломаты», в котором он поддерживал высказанное журналом мнение, что «...британские дипломатические миссии за границей служат центрами консервативной оппозиции правительствам стран, при которых они аккредитованы...» (см. «Правда» от 15 апреля 1946 г.). С тех пор американские и английские дипломатические представители в странах народной демократии пошли значительно дальше в своей преступной деятельности.

* На судебных процессах Петкова в Болгарии и Маниу в Румынии, происходивших во второй половине 1947 г., со всей очевидностью раскры-

например, случай задержания следовавшего на свой пост советского посла в Иране на советско-иранской границе по распоряжению небезызвестного провокатора Сеид Зия-эд-Дина в 1921 г.,[65] или случаи кратковременного задержания или личного обыска отдельных сотрудников советских дипломатических и торговых представительств при полицейских налетах на помещения торгового представительства в Берлине (1924), дипломатического представительства в Пекине (1927), Аркоса и торговой делегации в Лондоне (1927) и др.— о чем еще будет итти речь ниже, в связи с вопросом о нарушениях иммунитета резиденции.[66]

лись тесные связи американских и английских дипломатических агентов в Софии и Бухаресте с контрреволюционными заговорщиками. Петков в письме, написанном после вынесения приговора, признавался: «Я должен подчеркнуть, что мужество и вера в мою деятельность были почерпнуты в тех переговорах, которые я вел с представителями империалистических государств Барнсом и Босуэллом» (см. «Известия» от 14 октября 1947 г.). На процессе Маниу было установлено, что глава американской миссии в Румынии Берри и английский посланник Хольман давали главарям национал-царанистского заговора Маниу и Михалаке инструкции и средства и получили от них шпионские сведения. В одной из бесед с Маниу в сентябре 1946 г. Хольман начертил своеобразный «календарь» англо-американской дипломатической агрессии, напоминавший подобные же «календари» Гитлера и Риббентропа. На процессе выяснилось, что директивы заговорщикам исходили даже непосредственно от Государственного департамента США (см. «Правда» от 31 октября 1947 г.). Не менее одиозный характер носили попытки англо-американской дипломатии вызвать государственный переворот в Чехословакии в феврале 1948 г. Американский посол Штейнгардт по возвращении в Прагу в феврале 1948 г. публично заявил о своей надежде, что Чехословакия сможет принять участие в «плане Маршалла». Это заявление имело в виду дать сигнал заговорщикам и вызвать правительственный кризис в качестве прелюдии к государственному перевороту (см. «Московский большевик» от 21 марта 1948 г.).

[65] И. Волин в статье «Провокатор Сеид Зия-эд-Дин без маски» так описывает этот случай: «Когда советский посол прибыл 24 марта 1921 г. на советско-иранскую границу, Сеид Зия распорядился задержать его, поставив условием пропуска в Иран отозвание советских войск из Северного Ирана. Это было не только беспримерным шантажом, но и грубым нарушением только что подписанного советско-иранского договора, предоставившего Советскому Союзу право вводить свои войска в Иран в случае возникновения опасности границам СССР. В то время обстановка в Иране именно была такова. Иран был оккупирован иностранными войсками, занимавшими и северные районы (Мешхед, Кучан и др.). Лишь после многократных и настоятельных советских представлений правительство Сеид Зия разрешило советскому послу въехать в Иран» (см. «Правда» от 26 января 1945 г.).

[66] К подобной же категории случаев можно отчасти отнести и требование французского правительства об отозвании советского полномочного представителя во Франции Сурица в 1940 г. Хотя здесь не имело места применение мер принуждения, однако этот шаг французского правительства также был продиктован желанием обострить отношения и явно носил характер недружелюбного акта по отношению к правительству СССР. Касаясь данного случая в докладе на заседании VI сессии Верховного совета

Иммунитет дипломатических представителей от мер принуждения может быть также нарушен в порядке репрессалии. Чаще всего такого рода репрессалия является ответной мерой на нарушение иммунитета представителей оскорбленного государства. Так, например, в приводившемся выше случае с французским посланником в Венецуэле — Теньи, которого венецуэльские власти не выпустили с парохода на берег, т. е. фактически выслали, французское правительство предложило венецуэльскому посланнику в течение одного дня покинуть Францию, причем от Льежа до границы его сопровождал начальник Sûreté Générale. [67]

В 1929 г. Советское правительство в ответ на налет китайской полиции на Генеральное консульство СССР в Харбине, во время которого были задержаны генеральный консул и его сотрудники и совершен ряд других вопиющих бесчинств, лишило иммунитета китайских дипломатических и консульских представителей в СССР. [68] *

Однако, как показывает практика, нарушение иммунитета дипломатических представителей может быть ответной мерой на нарушения международного права, не связанные с дипломатическими привилегиями. Так, например, в 1918 г. Советское правительство «в виде протеста и предупреждения» против захвата румынскими войсками Бессарабии и чудовищных

СССР 29 марта 1940 г. В. М. Молотов говорил: «Как мы видим из обстоятельств дела, связанных с отзывом нашего полномочного представителя во Франции тов. Сурица, французское правительство ищет искусственных поводов, чтобы подчеркнуть свою недружелюбность в отношении Советского Союза» (см. В. М. Молотов. Внешняя политика правительства. Госполитиздат, 1940, стр. 5).

[67] См. Сатоу, цит. соч., стр. 276.

[68] «...Союзное правительство вынуждено заявить,— говорилось в советской ноте на имя китайского поверенного в делах от 31 мая 1929 г.,— что так как китайские власти всеми своими действиями доказывают свое явное нежелание и неумение считаться с общепринятыми нормами международного права и общения, то оно, со своей стороны, отныне не считает себя связанным этими нормами в отношении китайского представительства в Москве и китайских консульств на советской территории, и что за этим представительством и консульствами не будет впредь признаваться экстерриториальность, которой наделяет их международное право» (см. Внешняя политика СССР, т. III, № 105, стр. 341).

* В октябре 1947 г. Советское правительство, в связи с попустительством бразильских властей возмутительным выпадам бразильских фашистов по адресу советских дипломатических работников в Рио-де-Жанейро в момент разрыва дипломатических отношений между СССР и Бразилией, дало указание соответствующим советским органам, в целях обеспечения безопасности для бывшего бразильского посла и сотрудников бразильского посольства в Москве, взять их под присмотр и разрешить им выезд из Москвы только после того, как будут обеспечены безопасность и благополучный выезд сотрудников советского посольства из Бразилии (см. «Правда» от 25 октября 1947 г.).

репрессий над находившимися там представителями революционных российских войск подвергло кратковременному аресту румынского посланника в Петрограде Диаманди.[69] Исходя как из принципиальных соображений, так и из практического опыта, едва ли можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что нарушение дипломатического иммунитета в порядке репрессалий может быть только ответной мерой на аналогичное действие другого государства,[70] — важно лишь, чтобы действие, вызывающее такую репрессалию, составляло серьезное правонарушение.

Оставляя в стороне две последние категории случаев лишения дипломатических агентов их иммунитета, т. е. случаи нарушения иммунитета под влиянием вражды к назначившему агента правительству и случаи отмены иммунитета в порядке репрессалий, мы можем на основании изложенного выше сделать заключение, что вопрос о пределах иммунитета дипломатических представителей от мер принуждения в случае их посягательств на безопасность государства пребывания и об ответственности за такие посягательства в современных условиях и в свете исходящих от демократического лагеря новых тенденций в развитии международного права выходит за рамки одних только положений посольского права, а должен рассматриваться с точки зрения более общих принципов международного права — принципов, обязывающих каждое государство воздерживаться от нарушений и содействовать поддержанию международного мира и безопасности.

Сравнительно просто разрешается вопрос об иммунитете от мер принуждения при совершении дипломатическим агентом обычных уголовных преступлений или нарушении им административных правил. Случаи первого рода единичны, и, как правило, действия органов власти, применявших в этих случаях принудительные меры, дезавуировались, а правительство приносило извинения.[71] Случаи второго рода в настоящее

---

[69] См. Внешняя политика СССР, т. I, № 38, стр. 46.

[70] Так, например, Гейкинг пишет: «Дипломатические привилегии могут быть нарушены в порядке репрессалий. В этом случае оскорбленное государство объявляет привилегии, предоставленные им представителю оскорбившей его державы, ничтожными и недействительными. Существенным условием экстерриториальности является взаимность. Поскольку она исчезает, равным образом должны исчезнуть и привилегии. В этом, но только в этом смысле следует понимать право репрессалий». (Hevking, op. cit., Recueil de cours de l'Académie de droit international, p. 272).

[71] Так, например, в 1805 г. в США на территории штата Пенсильвания был арестован секретарь испанской миссии Кабрера за выдачу подложных чеков от имени испанского посланника, причем посланник дал согласие на его арест. Хотя федеральный суд считал себя некомпетентным освободить лицо, арестованное властями штата, он все же признал правильной ссылку Кабреры на незаконность ареста без согласия испан-

время по большей части связаны с нарушением дипломатическими лицами правил автомобильной езды и обычно разрешаются в пользу этих лиц.[72] Таким образом, в связи с обыкновенными уголовными делами или правонарушениями в административной области вопрос о признании иммунитета от мер принуждения не вызывает никаких споров на практике — равно как и в доктрине, где, впрочем, он и не привлекает большого внимания.

§ 4. Судебный иммунитет

Что касается судебного иммунитета дипломатических представителей, то, поскольку речь идет о судебном иммунитете по уголовным делам, и доктрина и практика признают этот иммунитет в полном объеме. Теория Лорана, объявляющая неподсудность послов пережитком абсолютизма, равно как и теория Эсперсона и Паскуале Фиоре, ограничивающие судебный иммунитет по уголовным делам только действиями, связанными с выполнением дипломатических функций,[73] не встречают почти никакой поддержки в литературе. На практике со времени процессов Лесли, Мендозы и Ле-Клерка

ского правительства (см. Deak, op. cit., p. 203). В 1876 г. в Вашингтоне был арестован атташе французской военной миссии Орфэ, но после его заявления под присягой и телеграммы государственного секретаря США относительно его официального статуса, мандат на арест был аннулирован (ibidem). В 1892 г. в США на территории штата Мэриленд был арестован атташе швейцарской миссии по подозрению в краже, привезен в Аннаполис и после допроса отпущен. Швейцарский поверенный в делах потребовал наказания полицейского агента, производившего арест и дезавуирования его действий. После того как государственный секретарь США препроводил копию его ноты губернатору штата Мэриленд с просьбой расследовать дело и принять надлежащие меры, полицейский агент был уволен со службы, а губернатор принес извинения, которые были признаны швейцарским правительством достаточными (см. Foster, op. cit., p. 162—163).

[72] Вот, например, один из подобных случаев. В 1935 г. канцелярский сотрудник миссии США в Венецуэле был задержан и арестован за превышение законной скорости езды. Государственный департамент в США поручил своему посланнику в Каракасе заявить правительству Венецуэлы, что «по установившимся принципам международного права, члены персонала миссии, не являющиеся подданными государства, в котором миссия аккредитована, вообще пользуются иммунитетом от ареста». Несколько позднее министр иностранных дел Венецуэлы в ноте от 5 сентября 1936 г. заверил, что будут сделаны рекомендации властям, которым поручено регулирование дорожного движения, чтобы они соблюдали величайшее уважение в отношении привилегий членов дипломатических миссий, аккредитованных при правительстве Венецуэлы. При этом он выразил надежду, что лица, пользующиеся такими привилегиями, будут, со своей стороны, всячески избегать подобных инцидентов, строго соблюдая правила движения (см. Hackworth. Digest., v. IV, p. 522—523).

[73] См. их высказывания или ссылки на их работы в главе V.

(см. главу III) на протяжении почти трех с половиной столетий не было ни одного случая суда над дипломатическим представителем по уголовным делам (если не считать случаев, когда он сам или его правительство отказывались от иммунитета, о чем см. ниже).

Теория, ограничивающая судебный иммунитет дипломатических представителей действиями, связанными с выполнением их служебных функций, имеет несколько более широкое распространение в доктрине, поскольку речь идет о гражданских делах. Но и в этой области ее придерживаются, главным образом, итальянские авторы: Эсперсон, Паскуале Фиоре,[74] затем, из более поздних — член подкомиссии по дипломатическим привилегиям Комитета экспертов по кодификации международного права при Лиге наций Диена.[75] Однако значительное большинство авторов не разделяет этой теории и в отношении гражданских дел. На это указывал другой член подкомиссии Комитета экспертов Мастный, который выступил с возражениями против точки зрения своего коллеги и привел множество аргументов как теоретического, так и практического характера.[76] Чтобы найти решение, которое примирило бы две

---

[74] См., например, Esperson, op. cit., v. I, p. 102—103; Pasquale Fiore, op. cit., p. 146, 197.

[75] Диена в докладе Комитету экспертов Лиги наций в 1926 г. писал: «Что касается иммунитета от юрисдикции по гражданским и торговым делам, то достоинство, престиж и независимость дипломатического агента могут быть достаточно ограждены, если иммунитет предоставляется ему в отношении действий, совершенных им при исполнении служебных обязанностей, но не в отношении действий, совершенных им в качестве частного лица» (Publications de la Société des Nations, 1926, V. 2, p. 10).

[76] В письме к Диена от 20 августа 1925 г. Мастный заявлял: «Тенденция теории ограничивать освобождение от гражданской юрисдикции актами, совершенными при исполнении официальных функций, нисколько, на мой взгляд, не наносит ущерба престижу представляемого государства и не умаляет профессионального достоинства (дипломатического представителя.— *Д. Л.*). Но тем не менее, я считаю своим долгом обратить ваше внимание на опасность, отмечаемую в следующих возражениях: 1) Существующее национальное законодательство большей частью склонно к абсолютному освобождению (включая, конечно, общепринятые исключения, как, например, вещные иски, занятие торговлей)... 2) Принцип полного иммунитета, повидимому, является правилом в английских и французских судах... 3) Большинство юристов высказывается в пользу полного иммунитета, хотя некоторые из них, придерживающиеся этого взгляда, считают, что распространительное толкование и практика часто ненадлежащим образом расширяют пределы этой привилегии и здесь нужно соблюдать должную осторожность. 4) Кэмбриджский проект (ст. 12—16) и Вашингтонский проект (ст. 25—27) высказываются в пользу этого иммунитета... 5) Поскольку этот иммунитет является одним из непосредственных выводов из неприкосновенности, нет необходимости в данном случае проводить различие между официальными и неофициальными действиями. 6) Аналогия с освобождением от юрисдикции по уголовным делам (полный объем которого не оспаривается) говорит о необходимости единообраз-

противоположные тенденции, Мастный выдвинул предложение об арбитражном разбирательстве гражданских дел, связанных с исками к дипломатическим агентам, и об учреждении для этой цели особых судов при министерствах иностранных дел.[77] Это предложение не нашло, однако, сколько-нибудь широкого отклика ни среди юристов, ни среди государственных деятелей.[78]

ного регулирования... 7) На практике часто бывает трудно различить, действует ли пользующееся привилегией лицо в своем официальном или неофициальном качестве... 8) Принцип государственного престижа требует специальной защиты особенно в тех случаях, когда суды должны обсуждать деликатные частные дела... 9) Юристы, настроенные против иммунитета, предполагают идеальные условия цивилизации и такой уровень защиты (личности.— *Д. Л.*), который нигде не достигнут в наши дни... 10) Материальный прогресс, делающий возможным прямые сообщения между государствами (по телефону, телеграфу), делает возможным улажение любого вопроса дипломатическим путем». «С практической точки зрения,— заканчивает Мастный,— все эти возражения кажутся мне достаточно серьезными, и я не уверен, что они могут быть устранены» (Publications de la Société des Nations, 1926, V. 2, p. 15).

[77] «В моем исследовании иммунитета от юрисдикции по гражданским делам,— писал Мастный в том же письме к Диена,— мне пришлось искать компромисс, который, по крайней мере частично, удовлетворил бы тенденцию защищать применение национального законодательства (в делах, не связанных со служебными обязанностями). Я могу только обрисовать в общих чертах одно из предложений, которое может быть рассмотрено с целью примирить противоположные взгляды. В основном идея сводится к следующему: a) подтвердить иммунитет как общий принцип; b) допустить исключение для всех актов и обстоятельств, не носящих служебного характера; c) ввести примирительную процедуру и арбитражную юрисдикцию для всех актов (как служебных, так и частных)». Далее, Мастный предлагает учредить при министерстве иностранных дел каждой столицы независимый суд в составе: 1) декана дипломатического корпуса (председателя), 2) профессора международного права местного университета, 3) профессора гражданского права, 4) других членов дипломатического корпуса, избираемых по жребию, и 5) судьи по гражданским делам из числа членов верховного суда страны,— который «будет иметь компетенцию по всем гражданским делам против дипломатического агента, при условии, что истец не предпочитает юрисдикции страны ответчика». Самый процесс должен делиться на три стадии: 1) разрешение вопроса о характере дела, т. е. связано ли оно со служебными или частными действиями дипломатического агента; 2) примирительная процедура, а в случае, если она не имеет успеха, то в отношении дел, не связанных со служебными функциями (дела, связанные с этими функциями, направляются в министерство иностранных дел для разрешения в дипломатическом порядке),— 3) арбитражное разбирательство, причем, если решение арбитражного суда не будет принято истцом, то он может обратиться в суд страны ответчика, а «отказ дипломатического агента должен быть истолкован как согласие подчиниться юрисдикции национального суда той страны, в которой он пребывает» (Publications de la Société des Nations, 1926, V. 2, p. 15—16).

[78] В литературе в пользу арбитражного рассмотрения споров, задевающих иммунитет дипломатических агентов, высказался американец Стоуэлл, который доказывал, что «дипломатические иммунитеты должны быть в

Большинство представителей доктрины международного права, не разделяя теорий Эсперсона, Паскуале Фиоре и Диена, все же признает иммунитет от юрисдикции по гражданским делам лишь в ограниченном объеме. По мнению подавляющего большинства авторов и почти по всем кодификационным проектам (Кэмбриджский и Нью-йоркский регламенты, американские проекты 1925 и 1927 гг., проекты Филлимора, Пессоа и Штруппа), иммунитет от юрисдикции по гражданским делам не признается в двух случаях: по делам, связанным с частным владением недвижимостью на территории государства пребывания, и по делам, связанным с частной профессиональной, в особенности торговой деятельностью дипломатического агента в этом государстве.[79] В некоторых кодификационных проектах, наряду с этим, еще указываются: дела, связанные с наследованием по закону или по завещанию,— если наследственная масса находится на территории государства пребывания (американские проекты 1925 и 1927 гг., проекты Пессоа и Штруппа); дела, связанные с контрактами, которые содержат специальное условие, что их выполнение должно иметь место в государстве пребывания (американские проекты 1925 и 1927 гг., проект Пессоа и Штруппа);[80] иски о возмещении ущерба, вытекающие из деликтов или квази-деликтов, совершенных в государстве пребывания (проект Международной комиссии американских юристов 1927 г., проект Пессоа); встречные иски (Нью-йоркский регламент, проект Харвардской юридической школы).

первую очередь сделаны предметом общего договора об обязательном арбитраже», поскольку они «не задевают каких-нибудь крупных экономических интересов, порождающих вражду между государствами», и поэтому без особых затруднений могут быть подвергнуты такой регламентации (S t o w e l l, op. cit., p. 738).

[79] В проекте Харвардской юридической школы последнее исключение из иммунитета от юрисдикции формулируется несколько своеобразно и в факультативной форме. Ст. 24, озаглавленная «Деловая или профессиональная деятельность», гласит: «1. Принимающее государство может отказать члену миссии или члену его семьи в разрешении заниматься в пределах его территории деловой или профессиональной деятельностью, не связанной с делами миссии, или отменить в пользу такого лица одно из условий, предъявляемых к деловой или профессиональной деятельности. 2. Принимающее государство может отказать члену миссии или члену его семьи, который занимается в пределах его территории деловой или профессиональной деятельностью, не связанной с делами миссии, в предоставлении привилегий и иммунитетов, предусмотренных в настоящей конвенции, в отношении актов, связанных с такой деятельностью» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 24).

[80] В проекте Штруппа (ст. III) оговаривается исключение из иммунитета от юрисдикции по всяким контрактам, которые содержат явно выраженное или предполагаемое согласие на подчинение иностранному законодательству или юрисдикции (см. S t r u p p, Beiträge..., S. 73).

Сравнительно реже подобного рода исключения встречаются во внутреннем законодательстве и иных внутригосударственных нормативных актах. В советском законе 1927 г. говорится в общей форме, что дипломатические представители «подлежат юрисдикции Союза ССР и союзных республик по гражданским делам лишь в границах, определяемых нормами международного права или соглашениями с соответствующими государствами».[81] В законе Панамы 1925 г. оговариваются исключения в отношении дел о недвижимости, о наследовании и в связи с контрактами, выполнение которых обусловлено в стране,[82] а в законе Южноафриканского союза 1932 г.— в отношении дел, связанных с торговой и профессиональной деятельностью;[83] итальянский меморандум признает исключения в отношении дел, связанных с недвижимостью и с участием в торгово-промышленных предприятиях.[84]

На практике случаи привлечения дипломатических агентов к судебной ответственности по делам вышеуказанного характера и, прежде всего, по делам, возникающим из владения недвижимостью и из торговой и иной профессиональной деятельности, были довольно частыми в прошлых столетиях, но в настоящее время встречаются реже. Эти вопросы не имеют теперь серьезного практического значения в связи с тем, что многие государства запрещают своим дипломатическим агентам владеть недвижимостью и заниматься торговлей или иными частными профессиями в тех государствах, куда они назначаются для выполнения дипломатических функций. Нужно признать, что в буржуазной юридической литературе этим вопросам уделяется несоответствующее их реальному удельному весу внимание.

---

[81] См. Собрание законов за 1927 г., № 5, отд. I, ст. 48.

[82] См. ст. 42 панамского закона: «Дипломатические агенты ни в каком случае не освобождаются от местной юрисдикции во время выполнения ими своих функций: 1) по вещным искам, включая иски о владении недвижимой собственностью, которая расположена на территории (страны.— *Д. Л.*) и не является ни резиденцией самого агента, ни резиденцией миссии; 2) по искам, основанным на праве наследования по завещанию или по закону в отношении наследства, открывшегося в стране; 3) по искам, основанным на контрактах, заключенных дипломатическим агентом, если было обусловлено в специальной оговорке, что обязательство должно быть выполнено в стране...» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 942).

[83] Ст. 1 закона Южноафриканского союза гласит: «Ни один дипломатический агент не может быть подчинен гражданской или уголовной юрисдикции... при условии, что процессуальные постановления этой части не будут применяться к таким агентам в связи с какими бы то ни было сделками, в которые они вступили в порядке занятия в Союзе торговлей или профессиональной деятельностью, иной, чем профессиональная деятельность дипломатического агента» (Feller and Hudson, v. I, p. 231).

[84] См. Feller and Hudson, v. I, p. 709.

§ 5. Вопрос о судебном иммунитете советских торговых представительств

В связи с судебным иммунитетом по гражданским делам гораздо более серьезным вопросом, который имеет большое принципиальное теоретическое значение и большое значение в международной практике, но который, к сожалению, недостаточно разработан в литературе по международному праву, является вопрос о судебном иммунитете советских торговых представительств. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого вопроса, так как он должен составить предмет специального исследования,[85] остановимся лишь на тех общих предпосылках его разрешения, которые вытекают из защищаемой нами теории дипломатического иммунитета и которые, по нашему мнению, вполне соответствуют задаче обоснования и защиты советской позиции при возникающих в связи с этим вопросом спорах с буржуазными юристами.

Несмотря на то, что вопрос о судебном иммунитете советских торговых представительств ясно регламентирован в советском законодательстве и в международных соглашениях (см. главы VII и VIII), практика применения которых способствовала утверждению соответствующих норм в качестве общепризнанных положений современного международного права, некоторые буржуазные суды и некоторые представители буржуазной доктрины международного права, оспаривали эти положения под влиянием вражды к советскому строю и, в частности, к монополии внешней торговли, приводя при этом самые разнообразные юридические аргументы, части которых мы уже касались.

Выше мы подвергли критическому разбору два аргумента, выдвигавшиеся против судебного иммунитета советских торговых представительств: первый — что этот иммунитет представляет собой только конвенционную норму, устанавливающую исключение из общих положений международного права, и, следовательно, не должен признаваться за пределами того, что точно предусмотрено в конвенциях (см. главу VII), и второй — что иммунитет торговых представительств не может считаться необходимым для выполнения их официальных функций и, следовательно, лишен юридического основания (см. главу X). Но наиболее распространенным и главным аргументом является так называемая теория торгующего государства, согласно которой СССР как «торгующее государство» не может в области внешней торговли пользоваться

[85] См. И. Перетерский. Об ответственности торгпредства перед иностранными судами Сб. «Гражданское право современного империализма». М., 1932, стр. 223—236.

правами суверенного государства за границей, и в частности присущим суверенному государству судебным иммунитетом, а должен рассматриваться как обыкновенный купец. Эту теорию усиленно развивали французские, а также немецкие юристы,[86] она легла в основу целого ряда судебных решений, направленных против СССР, главным образом решений французских судов.[87] Все эти судебные решения оспаривали принцип полного судебного иммунитета иностранного государства, который, хотя бы отдельные буржуазные юристы и могли придерживаться противоположной концепции, признан виднейшими представителями доктрины международного права и широко применялся в судебной практике самых различных

---

[86] См., например, G. Kleinow. Die deutsch-russischen Rechts- und Wirtschaftsverträge, Berlin, 1926, S 355; J. Jeramec. Le monopôle du commerce extérieur en Russie soviétique. Paris, 1928, p. 108—109; Freund. L'Etat soviétique et le statut des ses représentations commerciales. Journ. du droit intern. (Clunet), 1934, p. 21; P. Tager. L'Etat Russe commercant et le traité France-Soviétique. Journ. de droit intern. (Clunet). 1934, p. 25, 34—35.

[87] Вот некоторые из наиболее известных судебных решений. Парижский апелляционный суд в решении от 19 ноября 1926 г. по делу Франс-Экспорт против торгового представительства СССР подтвердил, что «проявления торговой деятельности, которая происходит во всех областях, не могут представляться иначе, как торговые действия, по отношению к которым принцип суверенитета государства является (в тексте — demeure) совершенно чуждым» (см. Journ. du droit intern., 1927, p. 406). Это положение было подтверждено 19 февраля 1929 г. кассационным судом (ibidem, 1929, p. 1043). Коммерческий суд Сены в решении от 9 февраля 1931 г. по делу Шаляпина против СССР и издательства Бреннер заявил, что «на коммерческие же сделки по экспорту принцип суверенитета государства не распространяется, прежде всего, в силу добровольного отказа от него» и что «не может быть и речи о приравнении этих коммерческих операций к актам государства, как такового, действующего в пределах осуществления своих правительственных прерогатив» (см. Сборник решений буржуазных судов по советским имущественным спорам. Госуд. внешнеторговое изд-во, М.— Л., 1932, стр. 82). Этот довод был затем подтвержден в решении Парижского апелляционного суда по тому же делу от 28 июля 1932 г. (см. Сборник решений иностранных судов по спорам, касающимся имущественных интересов Союза ССР. Изд. НКИД, 1934, стр. 100). Гражданский суд Сены в решении от 15 ноября 1930 г. по делу Брентлинг-Бэтэн против торгового представительства СССР, пересматривая решение Conseil des Prud'hommes, гласившее, что «торговое представительство есть эманация иностранного государства» (см. Journal du droit intern., 1931, p. 418), указал, что «торговое представительство СССР в его существующем состоянии есть организация sui generis, проявляющая свою деятельность в торговых действиях, по отношению к которым принцип суверенитета государства является совершенно чуждым» (ibidem, 1931, p. 419). Тот же суд в решении от 10 февраля 1931 г. по делу универсального магазина РСФСР против Кана заявил, что «Русское государство рассматривается (в данном деле.— *Д. Л.*) как торгующее государство, а не как суверенное государство» (ibidem, 1931, p. 413), а в решении от 16 марта 1931 г., по делу банка Арнюс и о-ва «Петролес Порта» про-

государств.[88] Более того, эти решения находятся в противоречии с решениями тех же судов по другим, т. е. не касавшимся СССР делам. Естественно, что советские юристы, выступая против указанных решений, опирались, прежде всего, на принцип судебного иммунитета иностранного государства, который столь грубо искажался в отношении СССР.[89]

В дополнение к их аргументации, мы хотели бы, исходя из развитых в предыдущей части работы положений, выдвинуть еще один бесспорный аргумент в защиту судебного иммунитета советских торговых представительств, лежащий, правда, несколько в иной области. Аргументацию мы переносим из сферы понятия иммунитета иностранного государства в сферу понятия дипломатического иммунитета. Советское торговое представительство есть особый орган международного представительства Советского Союза, орган его представительства за границей в экономической области. Такое определение советского торгового представительства безусловно верно как по содержанию, так и по форме. Внешняя торговля составляет монополию Советского государства в таком же смысле, как внешняя политика составляет монополию всякого государства. И если в любом другом государстве государственное регулирование внешней торговли становится

тив торгового представительства СССР и Нефтесиндиката, он высказал ту точку зрения, что «Нефтяной синдикат должен рассматриваться как звено торгового представительства СССР, которое само есть только торговый орган монополии, осуществляемой Советским торгующим государством» (ibidem, 1931, p. 417), причем это решение было подтверждено 18 февраля 1932 г. Парижским апелляционным судом (ibidem, 1932, p. 440—441).

Теория торгующего государства применялась в отдельных решениях судов и других стран. Например, в решении Афинского суда первой инстанции от 10 июля 1929 г. по делу Сусаниса против Торгового представительства СССР говорилось, что торговая сделка между Сусанисом и Внешторгом «...отнюдь не может рассматриваться как действие, осуществленное в порядке суверенитета и независимости российского государства. Наоборот,— говорилось далее,— эта сделка является частно-правовым действием, в котором Российское государство — ответчик выступает в качестве фиска, т. е. как субъект частного права. Если иностранное государство выступает в таком качестве, то оно подчиняет себя юрисдикции судов другого государства...» (см. Сборник решений иностранных судов по спорам, касающимся имущественных интересов Союза ССР, стр. 28).

[88] См. G. Tenekides. L'immunité des juridiction des Etats étrangers. Revue générale du droit international public, t. V (1931), No 5, p. 609—612 (точка зрения самого автора — см. p. 631—632).

[89] Так, например, Перетерский, констатируя, что «решения по советским делам в корне противоречат судебной практике по несоветским делам», писал: «Со всей решительностью нужно протестовать против попыток фальсификации нового международного обычая о подсудности иностранного государства по торговым делам... Обычай требует более или менее единодушного признания. Но о каком признании можно говорить, если еще несколько лет тому назад сами французские суды стояли на противо-

одним из средств внешней политики, значение которого в наши дни все больше и больше возрастает, то в СССР, при наличии государственной монополии внешней торговли, как одной из основ планового социалистического хозяйства, вся внешняя торговля в целом является составной частью внешней политики.

С юридической точки зрения советские торговые представительства суть государственные органы представительного характера, которые, согласно советскому закону («Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей» 1933 г.), «представляют интересы Союза ССР в области внешней торговли и содействуют развитию торговых и иных хозяйственных отношений Союза ССР», «регулируют внешнюю торговлю Союза ССР» и «осуществляют внешнюю торговлю Союза ССР» (ст. 1). В соответствии с этим, советский закон и определяет, что торговые представительства являются «составной частью соответствующих полномочных представительств Союза ССР за границей» и пользуются «преимуществами последних» (ст. 2).

Поэтому иммунитет советских торговых представительств есть дипломатический иммунитет, а его непосредственным юридическим основанием является право международного представительства, то самое право, которое является основанием иммунитета дипломатических представителей. Подчинение торговых представительств юрисдикции государств пребывания по заключаемым или гарантируемым ими торговым сделкам, предусмотренное в международных договорах или в отдельных торговых контрактах — при наличии разрешения Советского правительства,— следует рассматривать как исключение из общепринятых норм дипломатического иммунитета, допускаемое Советским государством по соображениям практического характера; ведь и в отношении дипломатических представителей государство может отказаться от части принадлежащих ему прав иммунитета в силу специального соглашения или в отношении отдельного случая. Эта, как и другие особенности иммунитета советских торговых представительств, не меняет его юридической природы как дипломатического иммунитета.

Некоторые буржуазные юристы оспаривали дипломатический статус советских торговых представительств под тем

положной точке зрения, если решения англо-американских судов признают судебный иммунитет СССР и т. п. ...Судебный иммунитет иностранного государства, действительно, является прочно установленным обычаем; французский суд сделал попытку опрокинуть этот принцип, но эта деятельность судов уже не право, а бесправие» (Перетерский, цит. соч., стр. 231, 232).

предлогом, что положение, установленное в советском законодательстве, не обязательно для других государств и что функции этих представительств не соответствуют функциям дипломатических органов, обычным по современному международному праву.[90] Но каждое государство обладает суверенным правом устанавливать функции и структуру своих органов представительства. Согласие же иностранных государств на пребывание советских торговых представителей для выполнения возложенных на них функций, на что уже указывалось в главе X, неизбежно влечет признание за ними дипломатического статуса и тех прав, которые вытекают из принципа международного представительства. Советские торговые представительства отнюдь не утрачивают прав, свойственных органам представительства, от того, что некоторые присущие им функции, именно оперативные функции, осуществляются в государствах их пребывания частными капиталистическими фирмами. На это иногда указывали и буржуазные суды, когда они делали последовательные логические выводы и не подчиняли свои юридические концепции политическим предубеждениям.[91]

---

[90] «Ни одно государство,— пишет, например, Шенк,— не признает, что торговые представительства, также и тогда, когда они просто ведут торговлю, выполняют функции публичной власти». По его мнению, утверждение, что торговые представительства, составляющие часть дипломатических представительств, должны рассматриваться, как и последние, «было бы только тогда верно, если бы можно было произвольно расширять дипломатические представительства и придавать им функции, которые по действующему международному праву не принадлежат к функциям дипломатических представительств, и это могло бы быть признано страной пребывания. Несомненно, что такое расширение по существующему международному праву недопустимо и могло бы быть установлено лишь посредством особой договорной нормы» (Schenk, op. cit., p. 57, 58—59). А Жерамек, оспаривая дипломатический статус торговых представительств, заявляет: «Монополия внешней торговли есть принцип внутренней организации, которой иностранные государства не должны ни критиковать, ни признавать. Торговые представительства, совершая многочисленные, значительные и регулярные торговые сделки, суть без всяких сомнений, купцы в смысле Торгового кодекса» (Jeramec, op. cit., p. 108. См. также Freund. Das Aussenhandelsmonopol der Sovjetunion, Berlin, 1928. S. 22—24).

[91] Так, например, Афинский суд первой инстанции в 1928 г., касаясь юридического статуса советского торгового представительства, заявил, что «СССР есть суверенное государство, как и всякое другое государство, и обладает всеми аттрибутами суверенитета, неприкосновенностью, правом посольства, активным и пассивным и т. д., а его внутренняя организация не может умалять его прерогатив» (цит. по Tenekides, op. cit., p. 611, note). Conseil de Prud'hommes Сены в 1929 г., в решении по упоминавшемуся выше делу Брентлинга — Бэтэна против Торгового представительства СССР, констатировал, что «торговое представительство есть эманация иностранного государства, организация, с юридической точки зрения совершенно новая, о которой должно быть замечено, что глава этой органи-

Таким образом, если принцип судебного иммунитета иностранного государства является основанием судебного иммунитета всякого правительственного органа, в том числе и советских торговых представительств, то последние, помимо этого основания,— вне специальных ограничений, установленных по соглашению с Советским правительством,— обладают судебным иммунитетом в качестве представительных органов СССР, т. е. в силу принципа международного представительства. И если в доктрине международного права и в судебной практике иногда встречаются возражения против судебного иммунитета иностранного государства, то ни один юрист — ученый ли, государственный деятель или судья — не станет возражать против судебного иммунитета органов международного представительства.

§ 6. Вопрос о праве отказа от иммунитета от юрисдикции

Наконец, последний вопрос, который должен быть рассмотрен в связи с иммунитетом от юрисдикции как вопрос, не получивший вполне единообразного разрешения ни в теории, ни на практике, это вопрос о праве отказа от иммунитета от юрисдикции. Имеет ли право лицо, пользующееся иммунитетом от юрисдикции, отказаться от него, или это право принадлежит представляемому им государству? В последнем случае — может ли осуществить это право только само правительство или также и глава миссии? Первый из поставленных только что вопросов не вызывает больших споров. В принципе он совершенно ясен. Поскольку иммунитет от юрисдикции, как и весь дипломатический иммунитет, принадлежит государству и гарантируется дипломату не в его личных интересах, а в интересах представляемого им государства, право отказа от иммунитета принадлежит государству. «Теперь всеми признано,— говорится в комментариях к проекту Харвардской юридической школы,— что отказ от имму-

---

зации — дипломат и что ее служащие суть русские государственные служащие», что «по сути дела речь идет об административном органе, подчиненном посольству и состоящем из государственных служащих, подсудных административным судам» (см. Journ. du droit intern., 1931, p. 418). Итальянский кассационный суд в решении от 17 февраля 1933 г. по делу Торгового представительства СССР против Сломницкого специально подчеркнул: «Предоставление органу публичного права возможности совершать и торговые сделки не меняет особого характера функций, преимущественно свойственных этому органу согласно его внутренней конституции... Осуществление внешней торговли русским государством в своей совокупности представляет собою функцию по существу публично-правового характера, являясь таковой согласно внутреннему строю этого государ-

нитета членов миссии может иметь место только с согласия представляемого миссией государства».[92] Это положение было специально зафиксировано в Нью-йоркском регламенте Института международного права (ст. 3), в проекте Харвардской юридической школы (ст. 6) и нашло выражение в некоторых внутригосударственных нормативных актах («Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР», ст. 2, п. «б», «Инструкции для дипломатических чиновников США», ст. VII — 1 и др.). Оно неоднократно подтверждалось и в судебной практике.[93] Правда, в практике английских судов встречались решения противоположного характера, например, решение по делу Тейлора против Беста (1854), или решение по делу Магдаленской пароходной компании против Мартина (1859)[94] и др. Однако эти решения относились только к гражданским делам. А позднее английский суд и по гражданским делам стал на другую точку зрения.[95] В последние десятилетия вышеуказанное положение признается судебной практикой всех стран.[96]

ства... Эта функция должна считаться публично-правовой и по отношению к итальянскому государству, которое заключило для сего соответственный договор с Русским Государством... Если затем,— заявил далее суд,— по причинам чисто случайным и в силу непреодолимой необходимости сообразоваться с нашим законодательством, советское торгпредство вынуждено было в деле осуществления внешней торговли Русского Государства подчиниться в некоторых отношениях нормам нашего частного права, то логически нельзя отсюда вывести, что его характерная государственная функция от этого прекратилась и что от соприкосновения с нашими законами она совершенно изменилась, превратившись в чистую и простую коммерческую деятельность» (см. Сборник решений иностранных судов..., стр. 39, 40).

[92] См. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 125.

[93] Так, например, в 1830 г. американский суд в решении по делу атташе датской миссии в США Брандеса заявил: «Не имеет значения, что Брандес согласился на свой арест. Привилегии публичных министров не являются их личными привилегиями... Ни в международном праве, ни в каком-либо из законов Конгресса не имеется принципа, который допускал бы арест министра, отказавшегося от своих привилегий» (см. Deak, op. cit., p. 524). В 1841 г. такая же точка зрения легла в основание решения французского суда по делу гессенского посланника во Франции барона Папенгейма. Суд отметил, что «иммунитеты являются вопросом публичного порядка» и что «те, кто ими пользуются как представители своего правительства, не могут от них отказаться» (см. Hurst, op. cit., p. 193, note).

[94] См. Dickinson. A Selection..., p. 575; Fenwick. Cases..., p. 611.

[95] Так, например, в решении по делу Исследовательского синдиката Боливийской республики (1914) суд признал, что отказ от дипломатических привилегий может иметь место только с согласия суверена, представляемого агентом (см. Fenwick. Cases..., p. 620).

[96] Перечень соответствующих судебных решений см. в Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 128.

Больше споров вызывает второй вопрос: может ли право отказа от иммунитета, принадлежащее государству, осуществляться самим дипломатическим представителем или такой отказ должен исходить непосредственно от его правительства? В доктрине на этот счет предлагались различные точки зрения. Так, например, по мнению Альберика Ролэна, высказанному им в связи с известным делом Бальмаседы — Уаддингтона,[97] дипломатический представитель может отказаться от иммунитета от юрисдикции в отношении лиц неофициального персонала миссии, но необходимо формальное согласие правительства для отказа от иммунитета самого представителя или лиц официального персонала.[98] Согласно проекту Харвардской юридической школы, «отказ может быть произведен только правительством представляемого миссией государства, если он касается привилегий и иммунитета главы миссии; в других случаях отказ может быть произведен либо правительством представляемого миссией государства, либо главой миссии».[99] Согласно Нью-йоркскому регламенту Института международного права, для всякого отказа от иммунитета достаточно заявления главы миссии: «Отказ от иммунитетов принадлежит правительству, от имени которого действует миссия. Он констатируется декларацией главы миссии» (ст. 3).[100] Последняя точка зрения наиболее широко распространена в доктрине международного права. Ее сторонники исходят из того, что если дипломатический представитель делает какое-либо заявление, то следует предполагать, что он уполномочен на это своим правительством.[101]

---

[97] В 1906 г. сын чилийского поверенного в делах в Брюсселе Карлос Уаддингтон убил в своем частном доме секретаря чилийской миссии Бальмаседу, с которым была помолвлена его сестра. Бельгийское правительство не сочло возможным арестовать убийцу, несмотря на то, что поверенный в делах отказался от иммунитета в отношении сына, пока отказ не был получен от самого чилийского правительства.

[98] A. Rolin, Affaire Balmaceda — Yaddington à Bruxelles. Journ. de droit Intern. Prive, 1906, p. 757.

[99] См. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 24.

[100] См. Annuaire..., Session de New York, v. II, p. 307.

[101] «На мой взгляд,— пишет, например, Херст,— довольно трудно признать за судом и даже за правительством страны права требовать от иностранного правительства иного доказательства его согласия, чем то, которое дается самим представителем. Поскольку министр является надлежаще аккредитованным представителем правительства, следует предполагать, что всякий акт и всякое сообщение, делаемые им от имени своего правительства, полностью санкционированы последним... В том, что касается самого главы миссии, правильный принцип состоит в том, что должно быть предположение, что иностранный министр действует в соответствии со своими инструкциями и что он получил санкцию своего правительства. Вряд ли желательно, чтобы суды или правительство, при котором он аккредитован, ставили под сомнение право главы миссии формально

В дипломатической практике это положение применяется не столь безусловно. Согласие главы миссии не всегда признается достаточным, и иногда требуется согласие, формально исходящее от самого правительства, особенно когда дело идет об аресте и уголовном преследовании лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом. Например, в казусе Бальмаседы — Уаддингтона бельгийское правительство не сочло отказ чилийского поверенного в делах достаточным и не приняло никаких мер к аресту и преданию суду убийцы до получения формального согласия чилийского правительства.[102] В гражданских делах согласие дипломатического представителя почти всегда достаточно для осуществления юрисдикции. Но в уголовных делах довольно часто требовались и иные формальные основания. Вообще, позиция правительств и судов в этом вопросе не определяется строго установившимся правилом. Она сильно колеблется в зависимости от обстоятельств отдельного случая и от соображений дипломатического характера. Принципиально правильнее считать, что если отказ от иммунитета касается самого представителя, то необходимо заявление правительства, чтобы представитель не выступал в одном и том же деле и как дипломатический орган своего государства и как сторона в судебном процессе в государстве пребывания, а если отказ касается членов его персонала, то достаточно заявления представителя от имени правительства.

Несомненно, однако, что если государство посредством заявления, исходящего от правительства или от главы его дипломатической миссии, отказывается от иммунитета от юрисдикции в отношении того или иного лица, то последнее не может ссылаться на этот иммунитет и оспаривать правомерность применения к нему административных или судебных мер со стороны государства пребывания. Это считается совершенно бесспорным и в доктрине и на практике.[103]

отказаться от привилегии изъятия от юрисдикции, будь то в отношении себя самого, будь то в отношении члена его персонала» (Hurst, op. cit., p. 197—198).

[102] См. Rolin, op. cit., p. 751.

[103] Авторы курсов и монографий по посольскому праву часто ссылаются при этом на решение гражданского суда Сены от 18 ноября 1907 г. по делу Коттэнэ и К° против Рафалович. Последняя являлась женой русского поверенного в делах в Париже. В суд было представлено сообщение от министра юстиции, переданное ему министром иностранных дел, о том, что русский поверенный в делах поставил в известность министра иностранных дел, что русское правительство отказывается по данному делу от дипломатических привилегий своего представителя. И суд постановил, что поскольку иммунитеты существуют в интересах государства, а не лица, которое ими пользуется, то «дипломатическим агентам не принадле-

Общепризнанное правило по этому вопросу следующим образом зафиксировано в Нью-йоркском регламенте Института международного права (ст. 3): «Лица, на которых распространяются иммунитеты, не могут возражать, если (дипломатический) агент, сообщающий им эти иммунитеты, отказывается от таковых в отношении этих лиц».[104]

С этим положением нельзя не согласиться. Будучи вполне правильным в принципе, оно чрезвычайно полезно на практике, так как избавляет власти государства пребывания от затруднительного положения, которое может для них возникнуть в тех случаях, когда лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, действуя вне связи с их должностными функциями или инструкциями по службе, совершают преступление либо стремятся уклониться от ответственности за нарушение прав и законных интересов учреждений и граждан этого государства. Оно помогает также в подобного рода случаях избежать излишних дипломатических осложнений, связанных с нарушением иммунитета.

жит право делать из них то или иное применение, т. е. пользоваться ими или отказаться от них иначе, как в соответствии с намерениями и по уполномочию их правительства», и что ответчица Рафалович «не может не признавать и оспаривать перед судом правомочие (на отказ от иммунитетов.— *Д. Л.)* аккредитованного во Франции представителя русского правительства» (см. Hurst, op. cit., p. 195). Аналогичное мнение было высказано в 1940 г. английским судом по делу Кента. Ссылаясь на решение суда Королевской скамьи по делу Диккинсона против дель Солара, вынесенное в 1930 г., главный судья лорд Кальдекот заявил, что «поскольку привилегии принадлежат послу, а не отдельному лицу из его персонала, то с того момента, как посол отказался от них с одобрения его правительства, привилегии прекращаются» (см. Survey of English Law, 1940. London, 1943, p. 269).

[104] См. Annuaire..., Session de New York, v. II, p. 307.

ГЛАВА XV

ИММУНИТЕТ РЕЗИДЕНЦИИ

§ 1. Понятие иммунитета резиденции в доктрине и в законодательстве

В главе XI было указано, что иммунитет резиденции, хотя он и в доктрине и на практике конструируется как самостоятельная привилегия, по своей юридической природе является как бы продолжением личной неприкосновенности дипломатических представителей и их иммунитета от юрисдикции и что в этом же смысле он распространяется не только на дипломатическое помещение, но и на предметы, в нем находящиеся, в особенности на бумаги и архивы, а также и на средства передвижения представителя.

Иммунитет резиденции имеет две основные стороны, как бы аналогичные двум вышеупомянутым видам иммунитета. Первая сторона заключается в праве дипломатического представителя требовать от государства пребывания повышенной охраны его резиденции от вторжения любого лица, охраны его служебных и личных помещений, всех предметов и бумаг, в них находящихся, и его средств передвижения от всякого посягательства на территории данного государства, от кого бы посягательство ни исходило. В проектах кодификации дипломатических привилегий это положение большей частью не формулируется как особое правило, а включается в общее определение дипломатической неприкосновенности.[1] Только в проекте Харвардской юридической школы специально огова-

[1] Так, например, по ст. 4 Кембриджского регламента, дипломатическая неприкосновенность «применяется ко всему тому, что необходимо для выполнения указанных функций (т. е. функций дипломатического представителя.— *Д. Л.*), в особенности к личным вещам, к бумагам, архивам и корреспонденции» (см. Annuaire, v. III, p. 784). В проекте Американского института международного права и в проекте Международной комиссии американских юристов (ст. 19) говорится, что дипломатические агенты «должны пользоваться неприкосновенностью как в отношении своей личности, так и в отношении своего частного и служебного помещения и своего имущества» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 170, 173). Эта формула полностью вошла в текст Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках, ст. 14.

ривается обязанность государства пребывания охранять дипломатические помещения и архивы.[2] Но внутригосударственном законодательстве это обязательство также не отделяется от обязанности охраны личной неприкосновенности дипломатических представителей.

Вторая сторона иммунитета резиденции состоит в гарантии недопущения государством пребывания вступления его органов и должностных лиц в помещение дипломатического представителя без его согласия и применения каких-либо принудительных мер, как-то: обыска и всякого рода изъятий в отношении предметов, находящихся в помещении, в том числе, специально, бумаг и архивов, а также в отношении его средств передвижения. Это положение является предметом специальных постановлений как в проектах кодификации дипломатических привилегий, так и во внутреннем законодательстве многих государств. В проектах кодификации оно фиксируется более или менее одинаково, а именно — в форме запрещения только что указанных действий.[3]

---

[2] По ст. 3, части 2 этого проекта, «государство пребывания должно охранять помещение, занимаемое или используемое миссией или занимаемое членом миссии, против какого-либо вторжения или иного акта, имеющего целью нарушить мир или достоинство миссии или члена миссии». А по ст. 5 — «государство пребывания должно охранять архивы миссии от любого посягательства и должно обеспечить их конфиденциальный характер, где бы такие архивы ни находились в пределах территории этого государства» (см. Supplement to the Amer. Journal of Intern. Law, v. 26, p. 19, 20).

[3] Так, например, в Кэмбриджском регламенте (ст. 9) говорится: «Помещение министра освобождается от военного постоя и от сборов, взимаемых вместо такового. Ни один агент публичной, административной или судебной власти не может в него проникнуть для совершения актов, связанных с его функциями, иначе, как с явно выраженного согласия министра» (см. Annuaire..., v. III, p. 785). Что касается неприкосновенности вещей, архивов и средств передвижения, то помимо того, что было сказано в общей форме в цитированной выше ст. 4, в регламенте никаких постановлений не содержится. В Нью-йоркском регламенте Института международного права формула Кэмбриджского регламента дополняется новыми правилами: по ст. 8, «помещение главы миссии неприкосновенно; ни один агент публичной власти не может войти в него для выполнения служебных действий иначе, как с согласия главы миссии; помещение освобождено от какой бы то ни было реквизиции». Далее в той же статье сказано: «Неприкосновенность помещения распространяется на всякое место, где находится, даже временно, глава миссии. Средства передвижения, личные вещи, бумаги, архивы и корреспонденция главы миссии и официально признанных членов миссии ни в каком случае не могут подлежать обыску или задержанию» (см. Annuaire..., Session de New York, v. II, p. 308—309). В проекте Американского института международного права (ст. 21) содержится аналогичная по содержанию формула: «Ни один публичный, судебный или административный чиновник страны, в которой агент аккредитован, не может войти в жилище последнего или в миссию без его согласия» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 170). Эта формула была текстуально воспроизведена в проекте Международной ассоциации американских юристов (ст. 20, i b i d e m,

Постановления внутреннего законодательства отдельных государств не столь однородны. Их можно разбить на три группы. К первой относятся законы, безусловно запрещающие органам местной судебной или административной власти вступать в дипломатические помещения без прямого согласия дипломатического представителя. Таков закон СССР. Таковы и законы или административные правила США, Японии, Панамы и др. Согласно ст. 4 «Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР», «помещения, занимаемые дипломатическими представительствами, а равно помещения, в которых проживают лица, упомянутые в ст. 2 (лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом.— *Д. Л.*), и их семьи являются неприкосновенными. В этих помещениях обыски и выемки могут производиться лишь по просьбе или с согласия дипломатического представителя... Помещения эти не могут быть опечатаны».[4] В «Инструкциях для дипломатических чиновников Соединенных Штатов» это запрещение рассматривается как следствие иммунитета от юрисдикции: «Иммунитет от местной юрисдикции распространяется на жилой дом дипломатического представителя и имущество и архивы миссии. В него нельзя входить, производить там обыски и задержания на основании местного права или с помощью местных властей» (ст. VII — 4).[5] Безусловное запрещение вступать в дипломатическое помещение содержится и в других законах или административных правилах этой группы.[6] Ко второй группе можно отне-

---

р. 173). Она затем вошла почти без изменений в Гаванскую конвенцию о дипломатических чиновниках, ст. 6. Наконец, проект Харвардской юридической школы в ст. 3, ч. 1, гласит: «Государство пребывания должно запретить своим агентам или агентам любого из подведомственных ему учреждений вступать в помещение, занятое или используемое миссией или занятое членом миссии, без согласия главы миссии» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 19). В двух последующих статьях говорится о неприкосновенности имущества (ст. 4) и архивов (ст. 5).

[4] См. Собр. законов за 1927 г., № 5, Отд 1, ст. 48. См. также ст. 178 УПК РСФСР.

[5] См. Feller and Hudson, v. II, p. 1264.

[6] В «Правилах об обязанности судебной полиции» Японии (ст. 127) оно предусматривается в связи с вопросом о розыске скрывшегося преступника: «В случае, если лицо, совершившее тяжелое преступление, укроется в местах, упомянутых в предыдущей статье (в дипломатических помещениях.— *Д. Л.*), и будет недопустимо промедление, то должна быть получена санкция посла, министра или иного лица, имеющего на это право, и тогда обыск может быть произведен. См. Feller and Hudson, v. I, p. 729. По ст. 326 Процессуального кодекса Панамы «ни в коем случае нельзя вступать в жилище таких лиц (дипломатических чиновников и членов их семьи и персонала.— *Д. Л.*) и совершать в нем какой-нибудь акт юрисдикции» (ibidem, v. II, p. 94).

сти законы, которые, не устанавливая категорического запрещения, предписывают органам местной судебной или административной власти, при отсутствии согласия посла на вступление в дипломатическое помещение, обратиться к своему правительству (к министру иностранных дел или министру юстиции). Вопрос же о том, имеет ли право правительство государства пребывания санкционировать такую меру или оно должно снестись с правительством данного дипломатического представителя,— остается открытым. Таковы законы или административные правила Турции, Испании и ряда латино-американских стран.[7] Несколько выделяется среди этой группы законов мексиканский закон, который не содержит на этот счет никакого правила, а отсылает органы местной власти к договорам и законам, а при отсутствии таковых — к инструкциям правительства.[8] Нако-

[7] В «Правилах относительно прав и привилегий, предоставленных членам дипломатического корпуса в Турецкой республике», в ст. 3 по этому поводу говорится: «Жилища лиц, упомянутых в ст. 1 (дипломатов и членов их семьи.— *Д. Л.*), пользуются дипломатическим иммунитетом; поэтому в такие жилища нельзя входить без предварительной консультации с министром иностранных дел или предварительного разрешения посла» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1189). В законах Испании и ряда латино-американских стран органам местной судебной или административной власти разрешается, еще до получения санкции от своего правительства, принять необходимые меры вне помещения, чтобы помешать бегству из этого помещения разыскиваемых лиц или исчезновению разыскиваемых вещей и документов. Закон об уголовном судопроизводстве Испании гласит: «Для того чтобы вступить или произвести обыск в помещении, предназначенном для резиденции или канцелярии представителей иностранных государств (nations), аккредитованных при Испанском правительстве, должно быть испрошено их разрешение через судью путем формального обращения, в котором их надлежит просить дать ответ в течение двенадцати часов» (ст. 559). «Если в течение этого срока не будет дано никакого ответа или если иностранный представитель откажет в просьбе, судья должен немедленно сообщить об этом факте министру помилования и правосудия с помощью телеграфа, если такозой имеется (в его распоряжении). Пока министр не сообщит своего решения, он должен воздержаться от вступления или обыска в помещении; но он может принять меры предосторожности, упомянутые в ст. 567» (ст. 560). В ст. 567 предусматриваются меры, принимаемые вне обыскиваемого помещения, чтобы воспрепятствовать побегу преступника или исчезновению вещей, являющихся предметом обыска (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1117). Полный текст цитируемых статей вошел в Закон об уголовном судопроизводстве Кубы; аналогичный текст содержится в Уголовно-процессуальном кодексе Чили, с той лишь разницей, что судья должен обратиться за санкцией к министру иностранных дел (см. Feller and Hudson, v. I, p. 347, 273).

[8] Ст. 390 Федерального кодекса Мексики: «Если местная инспекция должна вступить в официальное помещение дипломатического агента, то судья обязан сообразоваться с предписаниями договоров и специальных законов. При отсутствии тех и других он должен действовать в соответствии с инструкциями, которые ему надлежит получить от министра иностранных дел; в ожидании этих инструкций он должен принять такие ме-

нец, к третьей группе принадлежат законы, которые прямо предусматривают право правительства в известных случаях давать разрешение органам местной власти на вступление в дипломатическое помещение. Такое право предусматривается, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Венецуэлы. [9]

Законодательство целого ряда государств, в том числе: Великобритании, Франции, Германии, Италии и многих южноамериканских республик, не содержит никаких прямых постановлений по этому вопросу, но судебная практика этих государств признает запрещение органам местной власти вступать в дипломатическое помещение как вывод из личной неприкосновенности или иммунитета от юрисдикции дипломатического представителя.

Что же касается неприкосновенности вещей и бумаг, принадлежащих дипломатическому представителю, то таковая большей частью предусматривается в законах, посвященных иммунитету от юрисдикции, которые одновременно касаются помещения, вещей и бумаг. [10]

ры вне помещения, какие сочтет необходимыми» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 847).

[9] Ст. 160 кодекса: «Помещение дипломатических агентов не может быть подвергнуто обыску даже при соблюдении предусмотренных выше формальностей (формальностей при производстве обысков.— *Д. Л.*)... однако, несмотря на постановления первой части настоящей статьи, в силу которой чиновник (исполняющий свои обязанности) должен сообщить необходимые сведения федеральной исполнительной власти через Министерство внешних сношений, может быть декретировано посещение полицией помещения какого-либо из вышеупомянутых агентов в тех случаях, когда это будет необходимо» (см. Feller and Hudson, op. cit., v. II, p. 1407).

[10] Так, например, в цитированном уже английском «Акте о сохранении привилегий послов и публичных министров от иностранных государей и чинов» признаются «ничтожными и недействительными», наряду с прочими принудительными мерами в отношении иностранных дипломатических представителей, также и меры, коими «их имущество будет задержано, отнято или взято» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 212). Также в акте конгресса США 1790 г. (ст. 4063 «Пересмотренных статутов») признаются недействительными меры, коими «его (публичного министра.— *Д. Л.*) имущество подлежит описанию за долги, аресту или взятию» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1340). По такому же образцу строится законодательство многих латино-американских республик. Например, по ст. 2 «Закона относительно иммунитетов агентов иностранных государств» Колумбии от 26 марта 1851 г., «всякого рода меры, предусматривающие... конфискацию, наложение запрещения или арест их (дипломатических агентов.— *Д. Л.*) багажа и корреспонденции или других предметов их личного обихода или предметов, необходимых им при выполнении их функций... будут признаны ничтожными и лишенными какой бы то ни было силы и последствий» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 303). Аналогичные по содержанию постановления содержатся в специальном законе о дипломатических иммунитетах Венецуэлы (закон от 19 мая 1841 г., ст. 1), в Процессуальном кодексе Панамы (ст. 326) и в специальных или общих законах ряда других государств.

§ 2. Нарушение и правомерное несоблюдение иммунитета резиденции

В дипломатической практике нарушения иммунитета резиденции имели много общего с нарушениями личной неприкосновенности дипломатических представителей и их иммунитета от юрисдикции. Зачастую эти виды нарушений сопутствовали друг другу и одни из них сопровождались другими. В ряде случаев нарушения иммунитета резиденции как со стороны частных лиц, так и со стороны официальных органов государства пребывания, вызывались политической враждой к государству, назначившему представителя, стремлением обострить отношения с этим государством или — если такие действия предпринимались официальными органами — стремлением под предлогом вымышленных обвинений по адресу представителя создать конфликт и подорвать международный авторитет этого государства. Следует специально отметить, что агрессивные круги и реакционные правительства ряда капиталистических государств не раз нарушали с подобными побуждениями иммунитет резиденции дипломатических и торговых представительств Советского Союза. Из нарушений, совершенных неофициальными лицами, можно назвать нападение итальянских фашистов на советское торговое представительство в Италии в 1922 г., покушение на взрыв здания советского посольства в Варшаве в 1930 г. и др.[11] * Из нападений, совершенных властями, можно назвать обыск, произведенный

---

[11] См. Внешняя политика СССР, т. II, № 121, стр. 652; т. III, № 132, стр. 418—421.

* В последние годы имели место новые случаи грубейшего нарушения иммунитета резиденции советских дипломатических представителей со стороны различного рода агрессивных элементов. В мае 1947 г. был произведен выстрел зажигательной ракетой в открытое окно одной из комнат дипломатической миссии СССР в Хельсинки с целью поджога здания миссии (см. «Правда» от 24 мая 1947 г.). В октябре 1947 г., в ночь на 10 октября, была произведена стрельба из пулемета по зданию советского посольства в Сант-Яго с проходившей мимо здания посольства автомашины. В своем протесте правительству Чили Советское правительство указало на то, что это могло произойти лишь в результате разнузданной враждебной Советскому Союзу кампании, ведущейся в Чили и не встречающей отпора со стороны чилийских властей (см. «Правда» от 12 октября 1947 г.). В том же месяце бразильские фашисты совершили многочисленные бесчинства у здания советского посольства в Рио-де-Жанейро и, в частности, бросали камни в окна посольства (см. «Правда» от 25 октября 1947 г.). В двух последних случаях нарушения иммунитета резиденции советских дипломатических представителей совершались при явном попустительстве властей, которые, действуя по указке влиятельных агрессивных и реакционных кругов в США, всячески поощряли безобразные антисоветские кампании в Чили и Бразилии.

итальянской полицией в отделении торгового представительства СССР в Генуе в 1924 г., налет германской полиции на торговое представительство СССР в Берлине в том же 1924 г., налет китайской полиции на служебные и личные помещения советского военного атташе в Пекине в 1927 г., налет английской полиции на помещения «Аркос» и советского торгового представительства в Лондоне в том же 1927 г., налет французской полиции на торговое представительство СССР в Париже в 1940 г. и др.[12] Все эти факты, о которых частично уже упоминалось выше (в той мере, в какой они задевали также и личную неприкосновенность, и иммунитет от юрисдикции), представляли собой не только грубые нарушения норм посольского права, но и явления, угрожающие миру. Так они и расценивались Советским правительством в его заявлениях.[13]

---

[12] См. Внешняя политика СССР, т. II, № 197, стр. 829—830; № 218, стр. 881—888, т. III, № 56, стр. 107—110; № 60, стр. 126—133; т. IV, № 402, стр. 490—491.

[13] Так, например, в ноте Советского правительства от 26 апреля 1930 г. по поводу покушения на взрыв здания советского посольства в Варшаве говорилось: «Союзное правительство, усматривая в этом террористическом покушении попытку вызвать серьезные и далеко идущие осложнения во взаимоотношениях между Советским Союзом и Польшей, не может не обратить внимания правительства Польской республики на то обстоятельство, что указанное выше террористическое покушение могло иметь место только в условиях, создавшихся благодаря усилению за последнее время антисоветской деятельности определенных кругов в Польше и связанной с ними части польской прессы... Союзное правительство, неуклонно стремящееся к развитию и укреплению добрососедских отношений с Польшей, вынуждено констатировать, что указанная деятельность, находящаяся несомненно также в связи с акцией определенных международных факторов, представляет собой величайшую опасность не только для взаимоотношений между СССР и Польшей, но и для всеобщего мира» (см. Внешняя политика СССР, т. III, № 132, стр. 418). В ноте Советского правительства от 9 апреля 1927 г. по поводу налета китайской полиции на помещения советского военного атташе в Пекине было сказано: «Советское правительство отдает себе ясный отчет в том, что безответственные круги иностранных империалистов провоцируют СССР на войну. Советское правительство отдает себе полный отчет в том, что пекинский кабинет сделался орудием игры, разыгрываемой иностранными империалистическими кругами... В ответ на акт пекинской провокации, целью которой является ухудшение международного положения и превращение военных действий, фактически ведущихся некоторыми империалистическими державами против Китая, в новую мировую войну, Советское правительство заявляет, что оно не даст себя спровоцировать кому бы то ни было и будет всеми мерами отстаивать дело мира между народами» (см. Внешняя политика СССР, т. III, № 56, стр. 110). Касаясь налета французской полиции на советское торговое представительство в Париже в 1940 г., В. М. Молотов в докладе на VI сессии Верховного Совета СССР от 29 марта 1940 г. расценил этот факт как проявление «глубокой враждебности» в отношении СССР. «Произведенный в торгпредстве обыск,— заявил он,— несмотря на все придирки, не дал никаких результатов. Он лишь оскандалил инициаторов этого безобразно-

Однако наряду с подобными фактами дипломатической практике известно не мало и таких фактов, когда несоблюдение иммунитета резиденции органами государства пребывания представляло собою меру самозащиты против незаконных действий дипломатического представителя, в особенности против действий, угрожающих безопасности и порядку этого государства. В этих случаях не может итти речь о нарушении посольского права, а возникает вопрос: каковы пределы иммунитета резиденции — включая помещение, находящиеся в нем предметы, бумаги, средства передвижения и т. д. Эти пределы аналогичны пределам иммунитета от юрисдикции. Хотя злоупотребление иммунитетом резиденции против государства пребывания весьма характерно для приемов в современной буржуазной дипломатии, все же даже и буржуазные авторы большей частью считают, что иммунитет резиденции может быть ограничен при злоупотреблении им со стороны дипломатического представителя во вред безопасности и внутреннему порядку государства пребывания.[14] На практике вопрос об ограничении иммунитета резиденции чаще всего возникает в двух случаях: в случае, если в дипломатическом помещении предоставляется убежище лицам, преследуемым местной властью, и в случае, если совершено преступление в самом помещении или совершено лицами, принадлежащими к составу миссии и постоянно в этом помещении проживающими.

го дела и показал, что никаких реальных поводов для этого враждебного в отношении нашей страны акта не имелось» (В. М. Молотов. Внешняя политика Правительства. ОГИЗ, 1940, стр. 4).

[14] Так, например, Ф. Мартенс пишет: «Под этой привилегией разумеется изъятие из ведомства территориальной власти жилища, в котором помещается посланник или посольство, насколько это не противоречит общественной и государственной безопасности той страны, где посольство аккредитовано» (Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 42). Точно такую же оговорку делают Камаровский и Ульяницкий (Камаровский и Ульяницкий, цит. соч., стр. 140). Холл заявляет: «Признается, что этот иммунитет прекращает свое действие в тех случаях, когда правительство имеет оправдание, для того чтобы арестовать посла или обыскать его бумаги; иммунитет, который существует в целях обеспечения пользования привилегиями, естественно, приходит к концу, когда возникает право пренебречь этими привилегиями» (Hall, op. cit., p. 178). По поводу распространения иммунитета на движимое имущество Херст замечает: «Однако иммунитеты распространяются на движимое имущество лишь при том предположении, что оно используется для целей миссии. В случае, когда имеет место злоупотребление им, дипломатический агент не должен жаловаться, если эти привилегии не соблюдаются» (Hurst, op. cit., p. 162).

§ 3. Вопрос о праве предоставления убежища в дипломатических помещениях

Право предоставления убежища в дипломатических помещениях в настоящее время, как правило, не признается; по крайней мере, оно всеми и безусловно отрицается в отношении уголовных преступников. Об этом заявляют теперь все представители науки международного права.[15] В Кэмбриджском и в Нью-йоркском регламентах Института международного права вопрос о праве убежища обходится, из американских проектов — в двух проектах оговаривается без каких-либо исключений, что оно не должно быть признано.[16]

В законодательстве теперь также иногда специально оговаривается непризнание права убежища в дипломатических помещениях. Так, в «Положении о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на

---

[15] «В настоящее время,— замечает Ф. Мартенс,— не может быть речи ни о праве убежища, ни тем более о franchise de quartier или внеземельности посольских экипажей; посланник обязан выдать преступника, который скроется в его доме или карете» (Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 46). «В настоящее время,— констатирует Захаров,— нельзя считать жилища дипломатических агентов пользующимися правом убежища, в силу которого территория, занимаемая ими, могла служить пристанищем для лиц, укрывавшихся от преследования местной полиции и суда... Преступник, скрывшийся в помещении дипломатического агента, должен быть выдан, а совершенное в нем кем-либо, кроме чинов посольства, или миссии, преступление должно быть подсудно местным судам» (Захаров, цит. соч., стр. 271). «...Современным понятиям,— указывает Е. А. Коровин,— чуждо превращение посольства в убежище для преследуемых местной властью преступников, каковые должны быть выданы послом или, во всяком случае, понуждены к оставлению посольских зданий...» (Коровин. Современное международное публичное право, стр. 85). См. также Дурденевский и Крылов, цит. соч., стр. 92; Кожевников, цит. соч., стр. 21.

[16] По ст. 22 проекта Американского института международного права, «дипломатический агент обязан выдать компетентной местной власти любое лицо, преследуемое за преступление или проступок по законам страны, в которой агент аккредитован, и укрывшееся в доме, занимаемом агентом, или в доме миссии» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 170). В проекте Международной ассоциации американских юристов эта оговорка ограничивается уголовными преступниками. По ст. 22, «дипломатический агент обязан выдать компетентной местной власти, которая этого потребует, всякое лицо, преследуемое или осужденное за уголовное преступление, если это лицо укрывается в миссии» (ibidem, p. 173). По ст. 6 проекта Харвардской юридической школы, «государство пребывания не должно разрешать использование помещения, занимаемого миссией или членом миссии в качестве места убежища для лица, скрывающегося от правосудия» (ibidem, p. 20). Формула ст. 22 проекта Международной ассоциации американских юристов полностью вошла затем в Гаванскую конвенцию о дипломатических чиновниках.

территории Союза ССР», в ст. 4 отчетливо говорится: «...Неприкосновенность этих (т. е. дипломатических.— *Д. Л.*) помещений не дает права... предоставлять в них убежище лицам, в отношении которых имеются постановления управомоченных на то органов Союза ССР и союзных республик об их аресте».[17] Напротив, в «Инструкциях для дипломатических чиновников Соединенных Штатов», (ст. VII—5) непризнание права убежища в дипломатических помещениях оговаривается не в такой ясной и категорической форме, а лишь как общее правило, из которого допускаются известные исключения.[18]

В Испании же и в латино-американских странах до настоящего времени признается право убежища в дипломатических помещениях для политических преступников. Этим правом широко пользовались крупные империалистические державы в латино-американских странах, для того чтобы во время часто происходивших там политических переворотов оказывать поддержку своим сторонникам. Латино-американские страны неоднократно делали попытки добиться полной отмены права политического убежища в дипломатических миссиях или сведения его к минимуму, но каждый раз эти попытки наталкивались на сопротивление империалистических держав[19] и, в первую очередь, США.[20]

---

[17] Собрание законов... за 1927 г. № 5. Отд. I, ст. 48.

[18] См. Feller and Hudson, v. II, p. 1264 (текстуально это место приводится ниже).

[19] Подробное описание этих попыток см. в книге Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 302—310; также в курсе Fauchille, op. cit., v. I, p. III; p. 80—84.

[20] В 1889 г. некоторые южноамериканские государства на I Южноамериканском конгрессе по международному частному праву в Монтевидео заключили между собой конвенцию об уголовном праве, согласно которой (ст. 17) право убежища в миссиях для политических беглецов должно признаваться, но глава миссии должен о каждом факте предоставления убежища сообщать правительству страны пребывания и по требованию последнего беглец должен в кратчайший срок покинуть страну (эта конвенция была затем пересмотрена в 1939 г. на II Южноамериканском конгрессе по международному частному праву в Монтевидео; текст ее см. в Amer. Journ. of Intern. Law, v. 37 (1943), No 3, Official Documents, p. 99—103). Когда в 1891 г., после окончания гражданской войны в Чили, посланник США Эган, в соответствии с требованиями этой конвенции, препроводил пятерых из укрывшихся в американской миссии беглецов на английский пароход для отправки их за границу, то президент США резко осудил его действия и в инструкции на его имя просил передать правительству Чили, что «поскольку право убежища молчаливо, хотя и не открыто предоставлено иностранным миссиям, и применялось нашим министром в отношениях с прежним правительством в интересах и ради безопасности сторонников ныне находящейся у власти партии, президент не может не рассматривать применение новых

В 1928 г. на VI Панамериканской конференции в Гаванне одновременно с конвенцией о дипломатических чиновниках была заключена конвенция об убежище, которая, отвергая право убежища в дипломатических миссиях для уголовных преступников (ст. 1), признавала его для политических преступников, хотя и в весьма ограниченном объеме, при соблюдении следующих условий (ст. 2): «1) Убежище должно быть предоставлено только в экстренных случаях и на время, строго необходимое для того, чтобы лицо, пользующееся убежищем, могло обеспечить свою безопасность иным путем. 2) Дипломатический агент... должен поставить об этом в известность министра иностранных дел государства, к которому принадлежит беглец, или административные власти данной местности, если факт имел место не в столице. 3) Правительство государства (пребывания) может потребовать, чтобы укрывшийся был выслан за пределы национальной территории, по возможности, в наиболее краткий срок, а дипломатический агент страны, предоставившей убежище, может, в свою очередь, потребовать необходимых гарантий того, чтобы укрывшийся мог покинуть страну при надлежащем соблюдении его личной неприкосновенности».[21]

США подписали эту конвенцию, но сделали при этом оговорку, что подписание не означает признания ими доктрины убежища как таковой. Тем самым правительство США стремилось сохранить свободу рук в том отношении, чтобы, предоставляя убежище в миссиях США на территории латино-американских государств, оно не было бы связано признанием права убежища за иностранными миссиями на территории США. Любопытно, что в «Инструкциях для дипломатических чиновников Соединенных Штатов», определяющих поведение дипломатических агентов США в иностранных государствах, как уже отмечалось, право убежища допускается в определенном объеме;[22] в распоряжении

правил (т. е. конвенции 1889 г.— *Д. Л.*), сопровождавшееся актами неуважения к нашей миссии, как проявление весьма недружелюбного отношения» (см. Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 308—309).

[21] The International Conferences of American States 1889—1928, p. 434—435.

[22] «Предоставление убежища,— сказано в «Инструкциях»,— допустимо только для того, чтобы дать временный приют лицу, находящемуся в состоянии непосредственной опасности, и не может иметь места, если отсутствует исключительное положение, которое оправдывает такой акт. Исключительное положение может быть создано в результате неотвратимой опасности нападения толпы, явно незаконных действий надлежащих властей или насилия со стороны других лиц, например революционеров или лиц, пытающихся свергнуть существующий строй» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1264).

же исполнительной власти США от 1 декабря 1932 г. за № 5956, которое должно применяться на территории США, право убежища в дипломатических миссиях не признается юридически и подвергается отрицательной оценке с политической стороны. [23]

В 1933 г. Гаванская конвенция об убежище 1928 г. была заменена новой, которая предоставляет ее участникам — практически это в первую очередь относится к США — значительно большую свободу действий в этом вопросе. Новая конвенция подтверждает постановление прежней о недопустимости предоставлять убежище уголовным преступникам (ст. 1), а далее гласит: «Квалификация политического преступления принадлежит государству, предоставляющему убежище» (ст. 2). «Право политического убежища, носящее характер гуманитарного института, должно применяться на основе взаимности. Все люди, каково бы ни было их гражданство, могут быть под его охраной, без ущерба для обязательств, которые примет на себя по данному вопросу государство, к коему они принадлежат. Но государства, признающие право политического убежища лишь с известными оговорками или модальностями, могут его осуществить в отношении иностранцев только тем способом и в тех пределах, в которых они его признают» (ст. 3). Специальная статья предупреждает возможность возникновения дипломатических конфликтов на почве предоставления убежища: «Если будет выставлено требование об отозвании дипломатического чиновника в связи с дискуссией, возникшей по поводу случая предоставления политического убежища, дипломатический чиновник должен быть заменен другим по распоряжению своего правительства без того, чтобы это влекло разрыв дипломатических отношений двух государств» (ст. 4). [24] Нельзя не заметить, что новая конвенция, действие которой простирается на десять американских государств (см. главу VII), еще в большей степени, чем предыдущая,

---

[23] В нем говорится: «Не существует права убежища, пользующегося общим признанием в международном праве. Ибо там, где убежище допускается на практике, оно не является правом посылающего дипломатического представителя государства, а скорее обычаем, который вызывается действиями территориального правительства или используется им в моменты политических неурядиц... Этот обычай оправдывается общественным мнением по гуманитарным соображениям, но на практике он обычно применяется, прежде всего, для личной защиты заговорщиков, подготовляющих coup d'état, либо для защиты правительства, которое опасается или испытывает последствия этого coup d'état.» (см. Wilson. Handbook of International Law, 3 ed., 1939, p. 188—189).

[24] См. The International Conferences of American States. First supplement 1933—1940. Washington, 1940, p. 116—117.

отходит от преобладающих в наши дни представлений в области посольского права.

Современные буржуазные авторы нередко допускают право убежища в дипломатических помещениях для политических преступников, правда с весьма значительными оговорками. Так, например, по мнению Фошиля, политическое убежище «может быть допущено посланником в пользу политических преступников, когда таковые являются его соотечественниками и заслуживают его покровительства, а также, поскольку речь идет об иностранцах или подданных страны пребывания, когда в их лице попирается гуманность».[25] По мнению Деака, вряд ли возможно в наши дни полностью отменить право убежища, но желательно такое ограничение его, какое, например, предложено в американском проекте.[26] Херст считает, что «соображения гуманности не позволяют совершенно отказывать в приюте человеку, который подвергается смертельной опасности, но принятие политических беглецов в наше время повсеместно ограничено случаями, когда беглецу грозит непосредственная и немедленная опасность»; притом, «ему не должно быть разрешено сообщаться с его соратниками вне посольства или миссии, и можно требовать его отъезда, коль скоро он больше не подвергается опасности дурного обращения со стороны своих противников и коль скоро его отъезд из страны может быть устроен с согласия местных властей».[27] В советской доктрине дипломатическое убежище отрицается полностью.

Право убежища в дипломатических помещениях, еще сохраняемое немногими государствами и допускаемое с целым рядом оговорок теми или иными представителями бур-

---

[25] Fauchille, op. cit., v. I, P. III, p. 79.

[26] Деак имеет в виду проект конвенции об убежище, принятой Международной комиссией американских юристов в 1927 г. Этот проект, полностью отрицающий убежище в дипломатических помещениях для уголовных преступников, признает его для политических преступников с целым рядом ограничений: 1) оно не допускается, если приносит выгоды одной из двух борющихся сторон (ст. 4); 2) оно должно предоставляться только в случаях крайности и на время, абсолютно необходимое для того, чтобы беглец мог, по согласию представителей государств, быть поставлен в безопасное положение иным образом (ст. 5); 3) глава миссии должен немедленно по предоставлении убежища сообщить об этом министру иностранных дел государства беглеца или административной или военной власти данной местности, если факт убежища имел место вне столицы (ст. 6); 4) беглец не может быть высажен ни в одном пункте национальной территории, ни в месте весьма от нее отдаленном (ст. 7); 5) беглецу не должно быть дозволено совершать в месте его убежища действия, ставящие под угрозу общественное спокойствие государства, против которого было совершено инкриминируемое ему преступление» (ст. 8) (см. Bustamante, op. cit., t. I, p. 381—382).

[27] Hurst, op. cit., p. 217—218.

жуазной доктрины, никак не может быть признано нормой современного международного права. Всякое право убежища есть право государства, предоставляющего убежище на территории, состоящей под его суверенитетом. В те времена, когда резиденция дипломатического представителя признавалась продолжением территории его отечественного государства, право убежища в дипломатических помещениях находило свое принципиальное обоснование в этой концепции. Но оно не находит основания ни в какой другой концепции дипломатического иммунитета. Оно безусловно должно быть отвергнуто с точки зрения принципа международного представительства. Как уже не раз говорилось выше, право посольства есть осуществление суверенных прав посылающего дипломатического представителя государства в рамках территориального суверенитета принимающего государства, и оно не включает каких бы то ни было суверенных прав над территорией последнего. Осуществление права убежища, входящего в сферу суверенитета территориальной власти, не может с этой точки зрения расцениваться иначе, как нарушение правопорядка государства пребывания, а поскольку еще речь идет о лицах, возглавляющих организованную борьбу против правительства этого государства,— то и как вмешательство в его внутренние дела. Если право убежища в дипломатических помещениях сохраняется в некоторых, упоминавшихся выше странах, то это объясняется не столько особенностями внутреннего политического развития этих стран, сколько тем, что это право осуществлялось на их территории и всячески поддерживалось преимущественно сильными империалистическими державами, вследствие чего местным правительствам трудно было добиться его отмены. Но право убежища в дипломатических помещениях едва ли могло бы поныне так сохраниться в этих странах при неуклонном и действительном соблюдении во взаимоотношениях с ними принципа суверенного равенства государств.

К сожалению, в самые последние годы имели место отдельные случаи, когда те же империалистические державы, в данном случае Англия и США, предоставляли убежище в помещениях своих дипломатических миссий даже на территории европейских стран, где (за исключением Испании) это право давно уже не признается. Так, в марте 1945 г. бывший румынский премьер-министр генерал Радеску, смещенный со своего поста, укрылся в доме английского представителя в Бухаресте, причем английский министр иностранных дел Иден санкционировал поведение своего представителя.[28]

[28] См. «Известия» от 9 и 15 марта 1945 г. Иден мотивировал этот шаг тем, что якобы Радеску опасался за свою жизнь, хотя в действительности Радеску даже не преследовался.

В июне того же 1945 г. бывший секретарь Болгарского земледельческого народного союза Димитров, подлежавший по распоряжению болгарских властей отправке в трудовой исправительный лагерь и временно, ввиду болезни, находившийся под домашним арестом, укрылся в доме американского представителя в Болгарии.[29] Эти факты представляли собой вмешательство во внутренние дела тех стран, на территории которых они произошли. Естественно, что они противоречили правосознанию и демократическим чувствам населения этих стран и не встретили одобрения демократической общественности за границей.[30]

§ 4. Вопрос о праве принудительного вступления местной власти в дипломатическое помещение

С вопросом о праве убежища в дипломатических помещениях, который, несомненно, должен считаться решенным в современном международном праве — решенным в отрицательном смысле, тесно связан другой, более спорный вопрос — вопрос о том, в какой мере государство пребывания вправе нарушить иммунитет резиденции дипломатического представителя, если он отказывается выдать укрывшегося в его помещении преступника. Проекты кодификации правил дипломатического иммунитета большей частью обходят этот вопрос молчанием. В Кэмбриджском регламенте и в Нью-йоркском регламенте Института международного права на сей счет нет

---

[29] См. «Известия» от 2 и 14 июня 1945 г. Предоставление убежища Димитрову также мотивировалось со стороны американских властей тем, что якобы его жизни угрожала опасность. Болгарское правительство уведомило о случившемся Союзную контрольную комиссию в Болгарии, официально представлявшую в то время союзные правительства, и одновременно заявило, что «бегство Димитрова не имеет никаких оправданий, так как ничто не угрожало его жизни, и потому, согласно общим принципам международного права и соглашению о перемирии, укрывшийся Димитров должен быть возвращен соответствующим болгарским властям».

[30] Несколько иной характер носил факт предоставления убежища американским журналистам: корреспонденту газеты «New York Gerald Tribune» Ньюмену и др. в помещении посольства США в Аргентине, так как право убежища в дипломатических помещениях пользуется признанием в Аргентине (Аргентина подписала, хотя и не ратифицировала конвенцию 1928 и 1933 гг. об убежище) и так как в данном случае убежище предоставлялось отечественным гражданам, которым к тому же угрожало преследование не за какое-нибудь преступление, а за то, что они воспользовались своим правом, гарантируемым во всех демократических странах и формально обещанным им самим аргентинским президентом Перoном, свободно излагать свои мнения в печати (см. «Известия» от 12 июля 1945 г.).

никаких постановлений.[31] Из американских проектов только проект Американского института международного права касается этого вопроса: «Если агент отказывается выдать это лицо (укрывшегося преступника.— *Д. Л.*), то местная власть имеет право поставить стражу у дома агента или миссии и держать ее до тех пор, пока правительство агента не примет решения относительно того, как он должен поступить (ст. 22).[32] Наконец, в кодексе международного права Паскуале Фиоре также предусматривается такая возможность и предлагаются еще более радикальные меры.[33] Остальные проекты не дают ответа на этот вопрос. Не дают его Гаванская конвенция о дипломатических чиновниках и обе конвенции об убежище — 1928 и 1933 гг. Постановления внутреннего законодательства также не содержат достаточно определенных указаний по этому поводу. В них, как мы видим, оговаривается только то, что либо в дипломатических помещениях не может быть предоставлено убежище преступникам, либо что органы местной власти не могут вступать в эти помещения без санкции правительства.

Таким образом, вопрос о том, какие меры вправе принять государство пребывания, если дипломатический представитель отказывается выдать укрывшегося в его помещении преступника, должен быть разрешен на основании общих принципов международного права и на основании международных обычаев и международной практики.

Представители науки международного права двояко высказываются по данному вопросу. Одни авторы считают, что государство пребывания в этих случаях имеет право нарушить иммунитет дипломатической резиденции и изъять преступника силой. Другие считают, что государство пребывания должно ограничиться только окружением помещения, чтобы помешать побегу преступника, и в крайнем случае может потребовать отозвать дипломатического представителя и вернуть ему паспорта, но не вправе силой вступать в его поме-

---

[31] Правда, автор Кэмбриджского регламента Лер еще в своем докладе на Гамбургской сессии Института в 1889 г. высказался вполне определенно: «Но фикция экстерриториальности не может простираться до того, чтобы сделать помещение местом убежища для скрывшегося в нем преступника: кроме дипломатических агентов, лично не прикосновенных, территориальное правительство может приказать захватить в нем всякое лицо, преследуемое в уголовном порядке, если министр не выдаст его добровольно» (см. Annuaire..., v. II, p. 1153). Но это высказывание не получило прямого отражения в тексте регламента.

[32] См. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 170.

[33] Ст. 336 предусматривает даже право местной власти в случае необходимости войти в дипломатическое помещение силой и арестовать укрывшегося в нем уголовного преступника (см. Pasquale Fiore, op. cit., p. 173—174).

щение. Так, например, Фошиль заявляет: «Если иностранный дипломатический агент отказывается (выдать преступника.— *Д. Л.*), то помещение может быть окружено отрядом полиции, чтобы воспрепятствовать побегу, и министр иностранных дел должен просить иностранное правительство предложить своему агенту выдать подозреваемого или явного преступника. Если, в свою очередь, иностранное правительство отказывает в просимой выдаче, то местная власть может в этом случае войти силой в помещение и изъять преступника... Государство не обязано соблюдать иммунитет, который обеспечивал бы безнаказанность нарушителям основ публичного порядка. Если бы помещение посла могло служить абсолютным убежищем для преступников, то независимость, признанная за дипломатическими агентами, вступила бы в антагонизм с автономией государства, при котором они аккредитованы».[34] В таком же духе высказываются Ф. Мартенс, Камаровский и Ульяницкий, Оппенгейм, Гейкинг, Херст, Мортон и др.[35]

---

[34] Fauchille, op. cit., v. I, P. III, p. 76—77.

[35] По мнению Ф. Мартенса, если посланник отказывается выдать скрывающегося в его помещении преступника, «то местные власти могут насильно осуществить свое право. Только личность посланника должна оставаться неприкосновенной» (Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 46—47). То же утверждают Камаровский и Ульяницкий: «В силу новейшей практики посланник обязан по требованию местных властей выдать преступника, скрывшегося в посольстве, в противном же случае местные власти могут насильно осуществить свое право, но, конечно, с соблюдением личной неприкосновенности посланника» (Камаровский и Ульяницкий, цит. соч., стр. 140). Оппенгейм пишет: «Конечно, посланник не обязан закрывать доступ преступникам, которые хотят найти убежище в посольстве. Но он должен выдать их по требованию преследующего их правительства, и если он отказывается, то могут быть приняты любые меры, чтобы заставить его сделать это, за исключением таких мер, которые содержат посягательство на его личность. Так, посольство может быть окружено солдатами, и в случае необходимости (eventually) преступник может даже быть изъят силой из посольства. Но подобные принудительные меры могут быть оправданы только в случаях крайности и после того, как все просьбы к посланнику о выдаче преступника оказались напрасными» (Oppenheim, op. cit., v. I, p. 622—623). Гейкинг по этому поводу заявляет: «Тем не менее, можно требовать выдачи виновного в случае, когда посол считает себя вправе остановить действие правосудия, предоставляя убежище скрывающимся преступникам, и, если в выдаче отказано,— проникнуть в помещение посольства или задержать карету посла, чтобы силой изъять беглеца. Однако в этом случае нужно действовать с максимальными предосторожностями и воздержаться от насилия против личности посла и от посягательства на принадлежащие ему вещи, пользующиеся привилегиями» (Heyking, op. cit., p. 270). Херст, приводя высказывание Ваттеля о том, что если министр упорно злоупотребляет привилегиями посольства во вред интересам правительства страны пребывания, то последнее в конце концов вправе предписать применение принуждения, добавляет, что в настоящее время «это вопрос чисто теоретический», так как, «с одной сто-

Напротив, Сатоу высказывается в пользу более ограниченных мер. Он пишет: «Современные теории осуждают практику права убежища для скрывающегося преступника. Однако он не может быть изъят силой из дома (дипломатического) агента, если тот отказывается выдать его. В этом случае местные власти могут только окружить дом, чтобы воспрепятствовать побегу преступника. Правительство государства, в котором агент аккредитован, может жаловаться его правительству и требовать отозвания агента, каковое требование безусловно должно быть удовлетворено, или — отослать ему его паспорта». [36]

По нашему мнению, этот вопрос нельзя решать изолированно, в отрыве от тех критериев, которые определяют пределы иммунитета дипломатических представителей от мер принуждения со стороны местной власти. Принудительное вступление местной власти в дипломатическое помещение для изъятия укрывающегося в нем преступника может быть оправдано лишь в том случае, когда речь идет о преступнике, преступление которого таит серьезную угрозу безопасности государства пребывания и когда тем самым предоставление убежища составляет прямое вмешательство дипломатического представителя во внутренние дела этого государства, поддержку организованной борьбы против местного правительства. В этом случае несоблюдение иммунитета резиденции является мерой законной самозащиты.

В соответствии с этим критерием должен решаться и вопрос о тех мерах, которые государство пребывания вправе предпринять в случае, если в дипломатическом помещении подготовляется или совершается преступление против безопасности государства пребывания. В этом случае применение принудительных мер еще меньше дает основание для дискуссии. В литературе по международному праву этот случай обсуждается сравнительно редко. Но все те соображения, которые были высказаны различными авторами по поводу

роны, дипломатический агент не позволит беглецу искать у него убежища, а с другой стороны, правительство даст иностранному агенту достаточно времени для того, чтобы избавиться от беглеца, которого он оказался вынужденным приютить» (Hurst, op. cit., p. 214—215). Но он не оспаривает мнения Ваттеля. Мортон замечает: «В случае, если преступление создает крайнюю опасность, вмешательство местной полиции будет оправдано при условии, что правительство немедленно сообщит об этом правительству посланника, объяснив необходимость действовать силой и выразив сожаление, что оно было вынуждено нарушить международные обычаи» (Morton, op. cit., p. 75).

[36] Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 301. Ср. Коровин, Современное международное публичное право, стр. 85; Дурденевский и Крылов, цит. соч., стр. 92.

пределов иммунитета дипломатических представителей от местной юрисдикции, вполне применимы и к иммунитету их резиденции.[37]

§ 5. Принудительное вступление местной власти в дипломатическое помещение в современной практике

Как же вопросы, связанные с пределами иммунитета дипломатической резиденции, разрешались в дипломатической практике? Из практики прежних веков наиболее известными примерами несоблюдения иммунитета резиденции в связи с отказом дипломатического представителя выдать укрывшегося в дипломатическом помещении преступника могут считаться казус Риперды (1729) и казус Спрингера (1747), которые были описаны в главе III. Несоблюдение иммунитета резиденции в связи с преступлениями против безопасности государства пребывания, подготовлявшимися или совершавшимися в самой миссии или лицами, принадлежащими к ее составу, почти неизменно допускалось тогда и во всех тех случаях, когда такие посягательства оправдывали несоблюдение иммунитета от мер принуждения в отношении самих дипломатических представителей или членов миссии. Так, например, как упоминалось уже в той же главе III, при аресте шведского посланника в Лондоне Гилленборга были захвачены находившиеся в миссии его бумаги; в связи с делом Челламаре в испанском посольстве в Париже был произведен обыск, а бумаги Челламаре были сперва опечатаны, а потом увезены; как упоминалось в главе IV, в связи с делом Дебие дом голландской миссии в Петербурге был окружен стражей и бумаги Дебие были захвачены и т. д.[38]

---

[37] Равным образом не подлежит сомнению, что этот иммунитет может быть не соблюден в целях предотвращения опасности, угрожающей самой дипломатической миссии вследствие стихийного бедствия или готовящегося в здании миссии преступления. В комментариях к проекту Харвардской юридической школы говорится: «Проект не предусматривает общеизвестных исключений на практике, как, например, когда помещение охвачено огнем или если в нем подготовляется тяжелое преступление против самой миссии, грозящее неминуемой опасностью. В таких случаях было бы абсурдом ждать согласия главы миссии, чтобы войти в помещение. Подобно сверхъестественной силе (в тексте acts of God.— *Д. Л.*) и force majeure, это неизбежно подразумевается как исключение из специального требования предварительного согласия на вступление. Является ли обстоятельство достаточно экстраординарным, чтобы оправдать несоблюдение этого правила, или нет — это вопрос, подлежащий урегулированию дипломатическим путем (a matter for diplomatic reclamation)» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 52—53).

[38] Особняком стоит часто приводимый в литературе казус Галлатина, в котором речь идет об аресте в дипломатическом помещении лица, при-

В современной дипломатической практике случаи несоблюдения иммунитета резиденции также не раз имели место и главным образом в связи с тем, что дипломатические агенты агрессивных империалистических правительств превращали помещения своих посольств и миссий в опорные пункты для организации шпионажа и реакционных заговоров против государств пребывания, в места, в которых подготовлялись всевозможные преступления, направленные против безопасности этих государств. Для пресечения таких преступлений, для устранения серьезной угрозы государственной безопасности правительствам этих государств приходилось прибегать к принудительному вступлению местных органов в дипломатические помещения и к другим мерам, связанным с несоблюдением иммунитета резиденции. Это становилось неизбежным, так же как в ряде этих случаев становилось неизбежным применение принудительных мер к самим дипломатическим агентам. Так, например, перед высылкой из США в 1915 г. германского военного атташе фон Папена американские власти произвели обыск в его квартире и захватили его корреспонденцию, среди которой было найдено много изобличавших Папена документов.[39] Аналогичные меры были предприняты тогда американскими властями и при аресте германского морского атташе фон Игеля.[40] При раскрытии заговора Лок-

надлежавшего к персоналу миссии, за уголовное преступление, совершенное вне дипломатического помещения. В 1827 г. Ричард Виккери, кучер американского посланника в Лондоне Галлатина, был арестован по приказу суда за участие в уличной драке, причем арест был произведен в конюшне миссии. Галлатин заявил протест и поставил перед английским министерством иностранных дел, в числе других, следующий вопрос: если арест произведен в какой-либо части помещения иностранного представителя, то не следует ли его признать нарушением обычных дипломатических привилегий, поскольку не имеют места случаи особой важности. В ответной ноте государственный секретарь лорд Дудлей оправдывал действия английских властей, ссылаясь на то, что никакое место в Англии не может явиться убежищем от уголовного преследования и что «он не считает, что помещения, занятые послом, имеют право на такую привилегию в силу международного права». Он добавлял, что точка зрения британского правительства в отношении привилегий иностранных дипломатов состоит в том, что «в их дома нельзя входить без предварительно испрошенного у них разрешения, если только крайняя необходимость не побуждает к немедленному аресту преступника» (см. Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 295—301; см. также Hurst, op. cit., p. 204—206).

[39] В ответ на протест германского посла Бернсторфа государственный секретарь США Лансинг заявил, что вернет фон Папену каждый найденный в его квартире документ, который тот лично признает принадлежащим ему. Разумеется, фон Папен не решился принять это предложение, ибо это значило бы свидетельствовать против самого себя (см. Трояновский, цит. соч., стр. 27).

[40] О дипломатической переписке по поводу захвата корреспонденции фон Игеля см. Hackworth. Digest..., v. IV, p. 517—519; также см. Е. Коровин. Правовое положение военных атташе. М., 1940, стр. 31—32.

карта в Петрограде в 1918 г. советские органы государственной безопасности вступили в здание английского посольства, где, по полученным ими сведениям, предполагалось совещание заговорщиков.[41] При раскрытии фашистского заговора в Аргентине в 1941 г., в помещении германского посольства в Буэнос-Айресе был произведен обыск, обнаруживший, что там находился штаб фашистской партии и центр заговора.[42]

В подобных случаях несоблюдение иммунитета дипломатической резиденции является вполне оправданным. Правительство государства пребывания не только не должно нести ответственности за нарушение норм посольского права, но имеет основание рассматривать поведение иностранного правительства, дипломатические представители которого допустили в своих помещениях подготовку или совершение таких преступлений,— если только это иностранное правительство инспирирует или санкционирует действия своих представителей,— как угрозу миру, и при особо серьезных последствиях, может даже предпринять в связи с этим ту международную акцию, о которой говорилось выше, когда речь шла о пределах иммунитета самих дипломатических представителей от мер принуждения.

* * *

Применение мер, ограничивающих иммунитет резиденции, можно считать вполне оправданным также и в том случае, если в дипломатическом помещении насильственно удерживается какое-нибудь лицо независимо от того, является ли это лицо гражданином государства пребывания или иностранцем, или даже гражданином того государства, которое представляет соответствующая дипломатическая миссия,— ибо любой подобный факт составляет грубое нарушение внутреннего правопорядка государства пребывания и крайнее неуважение к суверенитету территориальной власти. Недопустимость насильственного удержания в дипломатическом помещении кого бы то ни было ни у кого из авторов не вызывает сомнения. Вопрос же о мерах, которые вправе принять в этом случае государство пребывания, почти не обсуждался в современной литературе вследствие крайней редкости подобного рода случаев. Примером из дипломатической практики, говорящим в пользу оправданности радикальных мер, может служить широко известный казус Сун Ят-Сена. Знаменитый китайский революционер в 1896 г. находился в эмиграции в Лондоне.

[41] См. История дипломатии, т. II, стр. 390—391.

[42] См. В. Алексеев. Подрывная деятельность германских фашистов в Латинской Америке. «Большевик», 1941, № 17, стр. 46.

Однажды, когда он проходил по улице мимо здания китайской дипломатической миссии, слуги миссии напали на него и силой увлекли в здание. Там его держали в течение двух недель на положении узника, намереваясь тайно переправить в Китай, чтобы предать смертной казни, или умертвить в Лондоне и учинить казнь над трупом в Китае. Однако Сун Ят-Сену удалось переправить письмо одному из своих друзей, который сообщил обо всем в английское министерство иностранных дел. Здание миссии было оцеплено полицией, а на следующий день китайскому посланнику было предъявлено настойчивое требование освободить Сун Ят-Сена. В результате давления английского правительства Сун Ят-Сен был в тот же день освобожден.[43]

В заключение следует, однако, добавить, что во всех случаях, когда оправдано принудительное вступление местной власти в дипломатическое помещение или иные виды несоблюдения иммунитета резиденции, важно, чтобы правительство, прибегающее к принудительным мерам, исчерпало другие способы воздействия (например, обращение к дипломатическому представителю или к его правительству с требованием о выдаче укрывающихся в дипломатическом помещении преступников или заговорщиков, окружение этого помещения в виде предупреждения и т. д.) или чтобы оно имело основание признавать явную неэффективность этих способов или непригодность их ввиду срочности ситуации или состояния крайней опасности. Только при этом условии оправданность принудительных мер может считаться неоспоримой, хотя, конечно, наличие или отсутствие этого условия есть questio facti, или предмет оценки, не поддающийся точной нормативной регламентации.

Все, что говорилось выше относительно пределов иммунитета дипломатического помещения, mutatis mutandis относится и к движимому имуществу дипломатического представителя. Само собой разумеется, что в тех случаях, когда обстоятельства дела оправдывают производство обыска в дипломатическом помещении, обыску подвергаются и предметы, в нем находящиеся, и, прежде всего, бумаги, которые, как мы видели, иногда подвергались даже аресту или конфискации. В литературе по международному праву, в связи с вопросом о неприкосновенности движимого имущества, особое внимание уделялось неприкосновенности средств передвижения дипломатического представителя (карет, автомобилей и т. д.). Они рассматривались, как якобы «движущийся

---

[43] Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 280—281; Genet, op. cit., v. I, p. 545—546.

дом», но считалось, что если дипломатический представитель злоупотребляет неприкосновенностью своих средств передвижения, пользуясь ими, для того чтобы способствовать посягательствам на безопасность и порядок государства пребывания, то эта неприкосновенность может быть нарушена, так же как и неприкосновенность самого дипломатического помещения. При этом часто ссылались на старинный казус французского посла в Риме маркиза де Фонтенэ.[44] В наши дни большинство казусов, связанных со средствами передвижения дипломатических представителей, относится к нарушению правил автомобильной езды, и разрешение этих казусов, как упоминалось выше, не представляет каких-либо затруднений.

* * *

Таковы важнейшие проблемы современной дипломатической практики, связанные с тремя основными видами дипломатического иммунитета: личной неприкосновенностью, иммунитетом от юрисдикции и иммунитетом резиденции. Что касается свободы сообщений и связи дипломатических представителей с учреждениями своей страны и различных льгот и церемониальных привилегий, то в этой области дипломатическая практика наших дней не принесла каких-нибудь важных новых проблем, которые требовали бы специального теоретического анализа. Имевшее место в период второй мировой войны временное (с 18 апреля до 20 июня 1944 г.) ограничение свободы дипломатической переписки и сообщений с заграницей иностранных дипломатических представителей, пребывавших в Англии (кроме представителей СССР, США и британских доминионов), обосновывалось чрезвычайными обстоятельствами военного времени и своим значением для жизненных интересов государства.[45] К тому же оно

---

[44] Маркиз де Фонтенэ в 1655 г. пытался переправить из Рима в своих каретах неаполитанских повстанцев. У городских ворот кареты были задержаны и обысканы папской полицией, которая арестовала беглецов. В ответ на протест французского посла по поводу нарушения дипломатической неприкосновенности, папа оправдывал действия полиции, считая их правомерными, и указывал, что невозможно простирать права и привилегии послов так широко, чтобы давать им возможность оказывать покровительство государственным преступникам (см. Martens. Causes célèbres..., v. I, p. 332—334. Ссылки на этот казус в литературе по посольскому праву см. у Heyking, op. cit., p. 68; Hurst, op. cit., p. 161; Genet, op. cit., v. I, p. 556—557).

[45] В сообщении английского министерства иностранных дел относительно этой меры, опубликованном 17 апреля 1944 г., говорилось: «В беспрецедентных обстоятельствах, создавшихся в связи с предстоящими в нынешнем году военными операциями, какое-либо нечаянное разглаше-

может рассматриваться как ограничение дипломатического иммунитета в порядке неписанного соглашения, так как не вызвало никаких протестов со стороны тех государств, дипломатических представителей которых оно касалось.[46]

ние информации, результатом которого могла бы явиться помощь врагу или напрасная гибель англичан и союзников, может оказать столь серьезное влияние не только на ход этих операций, но также на взаимоотношения между Англией и любой другой страной, подданные которой имели бы к этому отношение, что английское правительство сочло себя вынужденным, хотя и неохотно, принять эти необычные меры предосторожности. Эти ограничения будут, конечно, отменены, как только это будет совместимо с требованиями безопасности» (см. «Известия» от 19 апреля 1944 г.).

Вслед за ограничением свободы сообщений и связи с заграницей английское правительство ограничило свободу передвижений иностранных дипломатических представителей в пределах самой Англии, в частности, в места расположения особых военных зон, в ночное время и т. п. (см. «Известия» от 21 апреля 1944 г.).

[46] Поэтому едва ли можно согласиться с Бентвичем, что эта мера являлась «небольшим, но ярким признаком заката прав нейтральных» (N. Bentwich. International Law. London, 1945, p. 45). Кроме того, она касалась дипломатических представителей не только нейтральных, но и ряда союзных держав. Позднее частичные ограничения дипломатической связи, обусловленные войной, имели место и в некоторых других странах. Так, например, в октябре 1944 г. военное министерство США запретило французской миссии пользоваться дипломатическим кодом при сношениях с Парижем ввиду того, что по военным соображениям было сочтено необходимым установить систему приоритета в отправке сообщений с применением дипломатического кода, что и привело к указанному запрещению (см. «Известия» от 9 октября 1944 г.).

ГЛАВА XVI

КРУГ ЛИЦ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ИММУНИТЕТОМ

§ 1. Иммунитет персонала дипломатического представительства

а) Доктрина

Весь персонал дипломатического представительства с точки зрения его международно-правового положения можно разделить на три основные категории: 1) дипломатический персонал, т. е. сам представитель и дипломатические сотрудники посольства или миссии: советники, военные, морские, коммерческие и т. п. атташе, первые, вторые и третьи секретари — их иногда именуют членами миссии, а также члены их семей; 2) так называемый официальный персонал; в широком смысле слова это понятие включает всех лиц, состоящих в штате миссии и находящихся на государственной службе отправляющего миссию государства; в узком смысле — это канцелярский персонал: делопроизводители, переводчики, бухгалтеры и т. д., а также члены их семей; 3) так называемый неофициальный персонал, т. е. обслуживающий персонал или, иначе говоря — наемные служащие миссии или отдельных членов миссии, занимающиеся обслуживанием лиц дипломатического и официального персонала: шоферы, сторожа, садовники, повара, домашние слуги и т. д. Если вопрос о распространении иммунитета на лиц дипломатического персонала и членов их семей почти не вызывает сомнений, то вопрос о положении лиц официального персонала в узком смысле слова и членов их семей, а в особенности, вопрос о том, следует ли распространять иммунитет на лиц неофициального персонала, являются весьма спорными. По этим вопросам не существует согласия, а, напротив, царит крайняя пестрота мнений и в доктрине международного права, и в законодательстве отдельных государств, и в их административной и судебной практике.

Старая доктрина международного права распространяла дипломатический иммунитет на всех лиц, принадлежащих к дипломатическому учреждению, в том числе и на частных служащих самого посла и членов посольства или миссии.

Весь круг таких лиц обозначался единым понятием «свиты» дипломатического представителя и рассматривался как полностью изъятый из сферы действия местной власти.[1] Среди современных буржуазных авторов еще имеются отдельные сторонники этого взгляда; такова, например, точка зрения Женэ.[2] Большинство же буржуазных авторов распространяет иммунитет, помимо дипломатического, также и на официальный (т. е., канцелярский) персонал. Советская доктрина придерживается другого взгляда, считая, что иммунитет должен распространяться только на дипломатический персонал. В VII разделе «Истории дипломатии» при изложении советской позиции в этом вопросе подчеркивается, что «независимость дипломатического представителя от местной власти, необходимая ему для наиболее полной защиты прав и интересов своего государства, ни в коей мере не затрагивается подчинением местной юрисдикции канцелярских работников представительства».[3]

---

[1] Так, например, Ваттель писал: «Неприкосновенность посла сообщается людям его свиты, и его независимость распространяется на всех, кто входит в состав его миссии. Все эти лица настолько с ним связаны, что они следуют его судьбе, они зависят непосредственно только от него, и лишь при этом условии должны быть изъяты из юрисдикции страны, в которой они находятся. Посол должен их защищать, и нельзя их оскорбить, не оскорбляя его самого. Если бы слуги и вся миссия иностранного министра не зависели бы только от него, то ясно, с какой легкостью можно было бы оскорблять его и чинить ему затруднения и беспокойства в выполнении его функций. Эти положения в настоящее время всеми признаны и подтверждены обычаями» (Vattel, op. cit., 1777, P. II, p. 200—201).

[2] По словам Женэ, «неприкосновенность распространяется не только на все ранги публичных министров, законно представляющих своего суверена или свою страну..., но охватывает всех лиц, которые составляют официальный и неофициальный персонал миссии... всех слуг, семью (жену, детей, родственников) главы миссии и членов его официального персонала». Однако и Женэ вынужден отметить, что вопрос о неприкосновенности лиц обслуживающего персонала «является одним из наиболее спорных» (Genet, op. cit., v. I, p. 516—517, 518).

[3] История дипломатии, т. III, стр. 793. Такая же точка зрения проводится у Дурденевского и Крылова (цит. соч., стр. 90) и Кожевникова (цит. соч., стр. 24).

Любопытно отметить, что автор Кэмбриджского регламента Лер в своем докладе о дипломатическом иммунитете на Гамбургской сессии Института международного права в 1889 г. защищал тот взгляд, что полный иммунитет должен быть предоставлен только самому представителю, его эвентуальным заместителям и их женам. Лер писал: «Основания, которые говорят в пользу иммунитетов, признаваемых за главой миссии, теряют почти всю свою силу, когда речь идет просто об их персонале, официальном и, в особенности, неофициальном... Надлежит подчеркнуть, что их (иммунитетов.— *Д. Л.*) источником является необходимость обеспечить абсолютную независимость агенту, который выступает или может быть призван выступить от имени своего правительства... Мы

Среди буржуазных авторов имеются и такие, которые считают, что иммунитет в полном объеме должен представляться дипломатическому и официальному персоналу, а на неофициальный персонал распространяется только в ограниченном объеме.[4]

Неодинаковое разрешение вопроса дается также и в проектах кодификации правил о дипломатическом иммунитете. Одни проекты распространяют дипломатический иммунитет в полном объеме на весь состав дипломатического учреждения, другие — лицам недипломатического или неофициаль-

---

считаем поэтому, что в принципе неприкосновенность и экстерриториальность должны быть предоставлены во всей полноте только тем из членов миссии, которые указаны министром как его эвентуальные заместители. Для всего остального персонала, официального и неофициального, мы допускаем неприкосновенность в качестве только признака особого положения, занимаемого иностранным правительством, и меры покровительства, но не экстерриториальность в широком смысле слова, т. е. прежде всего не исключение из юрисдикции. В крайнем случае это исключение могло бы быть предоставлено жене министра и его возможного заместителя, во внимание к исключительному положению супруга. Но оно не представляется нам оправданным для остального официального персонала миссии, для военных атташе и тем более для персонала неофициального, а только для жен двух вышеупомянутых лиц. Единственный иммунитет, который должен быть предоставлен всему персоналу в той мере, в какой составляющие его лица по национальности принадлежат к государству, представляемому миссией,— это изъятие от налогового обложения...» (см. Annuaire..., v. II, p. 1156—1157). В первоначальном проекте Кэмбриджского регламента этот взгляд получил заметное отражение: иммунитет от юрисдикции предоставлялся только самому представителю, его заместителю и их женам; остальной же персонал пользовался им только в отношении действий, связанных с выполнением служебных функций, совершаемых по указанию представителя. Но это вызвало возражения со стороны ряда членов Института: Гамбургера, Бара, Ламмаша, Ролена и др. (см. Annuaire..., v. III, p. 721—722), и при окончательном принятии регламента круг лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, был расширен. Напротив, Мартенс, выступая в прениях по данному вопросу, заявил, что международное право защищает только главу миссии, другие же члены миссии могут пользоваться иммунитетом в силу международной вежливости, но не международного права (ibidem). Такую же точку зрения Мартенс проводит и в своем курсе (Мартенс. Современное международное право, т. II, стр. 58—59).

[4] Так, например, Сатоу считает, что иммунитет распространяется на наемных служащих лишь «в известном объеме», в особенности если это лица местной национальности» (Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 271). Херст указывает, что «иммунитеты, которыми пользуются слуги дипломатического агента, являются только производными, это привилегия патрона, а не привилегия самого слуги; будучи только производными, они прекращаются с того момента, когда прекращается служба» (Hurst, op. cit., p. 206). Холл пишет: «На практике иммунитет слуг и других лиц, имеющих сравнительно отдаленную связь с министром, очень ограничен (incomplete), и еще спорно, обладают ли они им вообще строго по праву в тех случаях, когда речь не идет о делах, происходящих между ними и другими членами или слугами миссии» (Hull, op. cit., p. 229). Значи-

ного персонала представляют лишь отдельные виды иммунитета, притом отнюдь не одинаковые. Так, например, Кэмбриджский регламент предоставляет неприкосновенность также и неофициальному персоналу, исключая граждан страны пребывания.[5] Иммунитетом же от юрисдикции по гражданским и уголовным делам пользуются, согласно регламенту (ст. 12), только сам представитель, дипломатический и официальный персонал миссии и члены их семей. В Нью-йоркском регламенте Института Международного Права все виды иммунитета предоставляются всему персоналу миссии, т. е., в том числе, и неофициальному персоналу, исключая граждан страны пребывания.[6] Американские проекты устанавливают совершенно иной круг лиц, по сравнению с обоими вышеприведенными проектами. По проекту Американского института международного права (ст. 30), неприкосновенность и ряд других видов иммунитета «распространяются на всех тех, кто входит в состав официального персонала дипломатической миссии и на членов их семей, живущих вместе с ними». Иммунитет от юрисдикции «распространяется равным образом на их слуг», с оговоркой, что «если последние принадлежат к стране, в которой пребывает миссия, они не могут пользоваться этой привилегией, поскольку не находятся в здании миссии».[7] В проекте Международной ассоциации американских юристов неприкосновенность также распространяется только на дипломатический и официальный персонал

тельно яснее и последовательнее высказывается Казанский: по его мнению, лица, находящиеся на частной службе у посланника, «...никакими преимуществами не пользуются или, скорее, не имеют права пользоваться» (Казанский. Учебник международного права стр. 211).

[5] Ст. 2. «Привилегия неприкосновенности распространяется: 1) на все ранги публичных министров, законно представляющих своего суверена и свою страну; 2) на всех лиц, входящих в состав официального персонала дипломатической миссии; 3) на всех лиц, входящих в состав неофициального персонала, с той оговоркой, что если они принадлежат к числу граждан страны, в которой находится миссия, то они пользуются привилегией только в здании миссии» (см. Annuaire..., v. III, p. 783).

[6] Ст. 2: «...Иммунитеты применяются: 1) к главе миссии; 2) к членам миссии, официально признанным в качестве таковых. Они распространяются: 1) на членов их семей, проживающих совместно с ними; 2) на лиц, находящихся в данное время на службе у главы и у официально признанных членов миссии, при условии, что они не являются гражданами государства, в котором миссия аккредитована» (см. Annuaire... Session de New York, v. II, p. 307). Однако употребление слов: «иммунитеты применяются» в отношении дипломатического персонала и «они распространяются» — в отношении остальных лиц, принадлежащих к миссии, подчеркивает, что иммунитет второй категории является производным от иммунитета первой.

[7] См. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 171.

с их семьями.[8] Иммунитет же от юрисдикции по гражданским и уголовным делам, в полную противоположность предшествующему проекту, предусматривается только в отношении дипломатического персонала, ибо в ст. 25, где говорится об иммунитете от юрисдикции по гражданским и уголовным делам, упоминаются только «дипломатические агенты».[9] Аналогичное сужение круга лиц, пользующихся иммунитетом от юрисдикции, мы встречаем в проекте Харвардской юридической школы.[10] Таким образом, что касается буржуазной доктрины, то ни в работах отдельных авторов, ни в кодификационных проектах мы не находим общепризнанных решений.

б) Законодательство и нормативные акты исполнительной власти

Законы и иные нормативные акты отдельных государств в отношении того круга лиц, на которых они распространяют дипломатический иммунитет, можно разбить на три группы. Ни в одной стране иммунитет не распространяется на весь состав дипломатического учреждения в полном объеме. Законодательство США, ряда латино-американских государств и отдельных государств континентальной Европы предоставляет иммунитет как лицам дипломатического и официального персонала, так и лицам неофициального персонала, но последним — с определенными ограничениями. По акту конгресса США 1790 г., в котором речь идет только об иммунитете от юрисдикции, этим иммунитетом пользуется также лицо, «находящееся на службе публичного министра», или «являющееся домашним слугой публичного министра», при условии, если оно не является гражданином или жителем США и если его имя до начала судебного процесса было за-

[8] По ст. 19 он распространяется: «a) на все ранги дипломатических чиновников: b) весь официальный персонал дипломатической миссии, включая граждан страны, в которой она аккредитована; c) членов их семей, живущих с ними под одной крышей» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 173).

[9] I b i d e m. Эти правила вошли в Гаванскую конвенцию о дипломатических чиновниках (статьи 14 и 19).

[10] По ст. 19 этого проекта, «...государство пребывания не должно применять судебной или административной юрисдикции по отношению к члену миссии или члену его семьи», а ст. 23 гласит: «За исключением того, что предусмотрено в настоящей конвенции, государство пребывания может применять юрисдикцию по отношению к члену административного или обслуживающего персонала миссии только в том объеме и таким способом, чтобы избежать ненадлежащего вмешательства в дела миссии» (см. Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 23). В комментариях к этой статье поясняется, что лица административного и обслуживающего персонала «не могут быть подчинены юрисдикции государства пребывания в помещении миссии или члена миссии... но они... могут быть подчинены юрисдикции государства пребывания за пре-

несено в списки Государственного департамента (ст. 4065 Пересмотренных статутов).[11] Что касается неприкосновенности, то как было предусмотрено значительно позднее в «Инструкциях для дипломатических чиновников СШ» 1927 г., она предоставляется неофициальному персоналу с теми же ограничениями, но в «Инструкциях» специально подчеркнуто различие между официальным и неофициальным персоналом.[12] Аналогичные правила восприняты законодательством многих латино-американских государств, но некоторые законы устанавливают различные санкции за нарушение иммунитета дипломатического, официального и неофициального, персонала, подчеркивая тем самым относительное значение иммунитета последнего.[13] Из европейских стран иммунитет для лиц неофициального персонала признают Германия, Италия, Швеция, Дания и некоторые другие страны, но обычно с оговоркой, что иммунитет не распространяется на местных граждан или распространяется в весьма ограниченном объеме.[14]

Законодательство или административные акты Англии и

ступления, совершенные в таковом помещении, если арест производится где-нибудь в другом месте. Они могут быть также преследуемы на основании договора или деликта, но процессуальные действия не должны задевать помещения миссии или члена миссии. Ограничение заключается в том, что государство пребывания не должно применять свою юрисдикцию таким образом, чтобы совершать ненадлежащее вмешательство в дела миссии» (см. ibidem, p. 118—119).

[11] См. Feller and Hudson, v. II, p. 1940.

[12] «Личный иммунитет дипломатического представителя распространяется на его персонал и, в особенности, на его официальный штат. По общему правилу им пользуются его слуги, но это правило никогда не применяется, если они являются гражданами государства пребывания» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1265).

[13] Так, например, по закону Колумбии 1851 г., чиновники, совершившие акты, которыми были нарушены неприкосновенность и иммунитет от юрисдикции персонала дипломатической миссии, «должны быть наказаны отстранением от службы и тюремным заключением от шести месяцев до трех лет», если эти акты «были направлены против особы дипломатических агентов, против их семей или против государственных служащих из их персонала; и потерей службы и штрафом от восьмидесяти до шестисот реалов, если... будут задеты лица, принадлежащие к штату домашних слуг названных дипломатических агентов» (см Feller and Hudson, v. I, p. 303). Близкие к этому постановления содержатся и в законе Венецуэлы 1841 г.

[14] По § 19 германского закона о судопроизводстве 1877 г., иммунитет глав и членов миссии применим к лицам официального персонала и «к слугам этих лиц, поскольку они не являются германцами»; по итальянскому меморандуму, иммунитет распространяется на главу и членов миссии и членов их семей, на административный персонал, но не на их семьи, и «на технический персонал, за исключением лиц итальянской национальности» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 363, 709). Меморандум шведского правительства проводит иное разграничение. «Ясно,— говорится в меморандуме,— что необходимо установить разли-

многих других европейских стран распространяют дипломатический иммунитет, особенно неприкосновенность, только на лиц дипломатического и официального персонала. Правда, в английском «Акте о сохранении привилегий послов и публичных министров от иностранных государей и чинов» 1709 г., предусматривающем иммунитет от юрисдикции, упоминаются также (ст. 6) «служащие или домашние слуги» представителя, которые пользуются этим иммунитетом при условии, если их имена внесены в списки министерства иностранных дел.[14а] Однако в законодательных актах более позднего времени, изданных по отдельным вопросам, дипломатический иммунитет не распространяется на неофициальный персонал.[15] В Испании по Органическому закону о су-

---

чие между лицами, образующими часть посольства или дипломатической миссии, такими, как главы миссии, советники или секретари, атташе или заведующие канцелярией (chancellors), которые образуют дипломатический персонал в собственном смысле слова, и, с другой стороны, теми, кто составляет недипломатический и неофициальный персонал посольств (рассыльные, стенографистки, слуги). Не представляет затруднений вопрос о лицах первой категории и об их семьях. В соответствии с правилами международного права, эти лица пользуются неприкосновенностью и, при отсутствии оговорок, судебным иммунитетом, вытекающим из привилегии экстерриториальности... Вопрос о том, может ли требовать недипломатический и неофициальный персонал министра изъятия из местной юрисдикции,— является более деликатным и менее легко разрешимым. Шведские власти, в соответствии с международными обычаями, повидимому, готовы предоставить и этим лицам право экстерриториальности и иммунитет от юрисдикции, но в более ограниченных размерах, которые допускает по отношению к ним применение принципов международного права. Объем их иммунитета... изменяется в соответствии с обстоятельствами и неизбежно зависит в Швеции, как и всюду, от различных соображений, например, от характера службы данного лица, возможной более или менее тесной связи между актом юрисдикции и служебной деятельностью лица, против которого таковой акт предпринят, наконец, от его национальности, поскольку шведский гражданин едва ли может избежать местной юрисдикции, по крайней мере, по своим личным делам» (см. Feller and Hudson, v. II, p. 1157). Не трудно видеть, что перечисленные здесь соображения, от которых зависит применение иммунитета, хотя и относятся к лицам как официального, так и неофициального персонала, но в первую очередь они сокращают возможные случаи его применения к лицам второй категории. В Дании лица неофициального персонала иностранных миссий пользуются иммунитетом от юрисдикции; согласно официальному разъяснению министерства иностранных дел и министерства юстиции 1904 г., «слуги иностранных дипломатов, в соответствии с общими международными правилами, независимо от их национальности», не подлежат уголовному преследованию в этой стране, «если только нет разрешения на это главы иностранной миссии»; однако личная неприкосновенность им не гарантируется (см. Feller and Hudson, v. I, p. 414).

[14а] См. Feller and Hudson, v. I, p. 212.

[15] Так, например, в «Акте об ограничениях для иностранцев» 1919 г. (ст. 12—I), сказано: «Ничто, содержащееся в этом Акте, не будет истолковано как налагающее какие-нибудь ограничения или лишающее каких-

дебной власти 1870 г. (ст. 334), а также по Уголовному кодексу 1928 г. (ст. 25, п. 2) иммунитетом от уголовной юрисдикции пользуются: «...короли, президенты или главы и наследные принцы иностранных государств, послы, полномочные министры или министры-резиденты, поверенные в делах и иностранцы, входящие в штат миссий». Лица, принадлежащие в неофициальному персоналу, независимо от их гражданства, в этом перечне не упомянуты.[16] В Бельгии, где этот вопрос не регламентируется в законе, он на практике разрешается аналогичным образом, что видно из меморандума «об иммунитетах дипломатических чиновников».[17]

Третья группа законодательных и административных актов, в наибольшей мере отражающая действительные потребности практики, распространяет дипломатический иммунитет только на лиц дипломатического персонала и членов их семей. К этой группе, прежде всего, относится советское законодательство, которое с исчерпывающей точностью определяет, какой круг лиц пользуется иммунитетом. Согласно ст. 2 «Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза ССР» 1927 г., иммунитет предоставляется: «...дипломатическим представителям и членам дипломатических представительств иностранных государств, а именно: советникам (в том числе торговым), первым, вторым и третьим секретарям и атташе (в том числе торговым, финансовым, военным и морским)».[18] На такой же позиции стоят и турецкие «Правила о правах и привилегиях, предоставляемых членам дипломатического корпуса в Турецкой республике» 1928 г.[19]

нибудь льгот должным образом аккредитованного главу иностранной дипломатической миссии или члена его официального персонала или члена его семьи» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 216).

[16] См. Feller and Hudson, v. II, p. 1116, 1125.

[17] Меморандум гласит: «Иммунитет от юрисдикции, который вытекает из неприкосновенности и независимости публичных министров, признается не только в отношении глав миссий, а равно секретарей, атташе и т. д., но также и в отношении персонала служащих дипломатических канцелярий, каковой персонал рассматривается как составляющий часть официального персонала министров. В отношении неофициального персонала, в особенности домашних слуг, в Бельгии принято мнение авторитетов международного права, которые отказывают им во всяком иммунитете. Действительно, те соображения, которые выступают в пользу иммунитета от юрисдикции для главы миссии и его официального персонала, утрачивают всю свою силу, поскольку речь идет о неофициальном персонале» (см. Feller and Hudson, v. I, p. 67).

[18] См. Собрание законов... за 1927 г., № 5, отд. I, ст. 48.

[19] Согласно ст. 1 «Правил», иммунитетом от юрисдикции пользуются: «...послы, аккредитованные в Турецкой республике, их жены и дети, а равно дипломатические чиновники посольств, зарегистрированные в Ми-

Суммируя постановления законодательных и других нормативных актов различных государств, мы видим, что дипломатический иммунитет бесспорно и безоговорочно предоставляется только лицам дипломатического персонала и членам их семей. Лица официального персонала пользуются иммунитетом не всюду, при этом иммунитет почти никогда не распространяется на членов их семей и часто делаются исключения в отношении лиц местного гражданства. Лицам же неофициального персонала в большинстве стран иммунитет не предоставляется, а там, где предоставляется,— то в весьма ограниченном объеме и с целым рядом изъятий и исключений. Вместе с тем, мы видим, что по вопросу об иммунитете лиц, не принадлежащих к дипломатическому персоналу, не сложилось общего правила, что, следовательно, каждое государство вправе регламентировать этот вопрос по-своему и при отсутствии законодательных или административно-правовых норм, предоставляющих иммунитет этим лицам,— поступать, сообразуясь с обстоятельствами каждого случая. На это указывает ряд авторов, в особенности поскольку дело касается неофициального персонала. [20]

в) Судебная и дипломатическая практика

Судебная и дипломатическая практика буржуазных стран еще в меньшей мере, чем их законодательство, способствует установлению единого правила. Практика различна не только в различных странах, но нередко не вполне одинакова и в одной и той же стране. В отношении дипломатического персонала, как констатирует изучивший судебную практику по этим делам Деак, «суды единодушно разделяют мнение, что привилегии дипломатических агентов применяются, каковы

нистерстве иностранных дел, их жены и дети», т. е. только лица дипломатического персонала и члены их семей.

[20] Так, например, комментаторы проекта Харвардской юридической школы пишут: «Наличие столь широкого разнообразия в государственной практике... показывает, что нет бесспорного минимума привилегий и иммунитетов, которые каждое государство чувствовало бы себя обязанным в силу международного права распространять на членов неофициального персонала дипломатической миссии. Тот факт, что некоторые государства отказывают слугам в каком бы то ни было привилегированном положении, не давая этим очевидного повода для международных претензий, вместе с тем фактом, что некоторые правительства требуют и предоставляют дипломатические иммунитеты для неофициального персонала в качестве результата opinio necessitatis, приводит к заключению, что не существует всеобщего юридического правила по этому вопросу и что здесь получают признание существующие в ряде стран обычаи, которые составляют общую практику» (Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 119—120).

бы ни были чин и звание этих агентов».[21] И действительно, в немногочисленных казусах, связанных с иммунитетом лиц дипломатического персонала, эта точка зрения повсеместно проводилась, поскольку действия этих лиц не представляли собой посягательств на безопасность государства пребывания, о чем речь шла выше.[22] Встречались лишь единичные отступления от этого общепринятого мнения судов.[23]

Иммунитет официального персонала буржуазными судами также оспаривался редко. По вопросу же об иммунитете неофициального персонала судебная практика весьма противоречива. Имеется много случаев как признания, так и непризнания их иммунитета. И среди буржуазных авторов, занимающих разные позиции в данном вопросе, одни ссылаются на судебные решения первого, другие — второго рода.

Интересно привести для примера судебную практику Англии, в которой, на основании акта 1709 г., слуги иностранных дипломатов пользовались иммунитетом, если их имена были занесены в списки министерства иностранных дел. Долгое время правилом для английских судов являлось мнение лорда Мансфильда, высказанное им в решении по делу Лонгвуда против Куасгарна в 1765 г.: «Привилегии иностранного министра распространяются на его семью и его слуг, и издавна считается установленным, что эти привилегии распространяются на слуг, которые являются соотечественниками министра, так же как и на слуг-иностранцев, которых он привозит в страну».[24] Придерживаясь этого правила, английская судебная практика исходила при этом из критерия добросовестности ссылки на принадлежность к персоналу дипломатического представителя, т. е. из действительного

---

[21] Deak, op. cit., p. 199.

[22] Так, например, о чем уже упоминалось выше, когда в 1892 г. атташе швейцарской миссии в США был арестован на территории штата Мерилэнд по обвинению в краже, то после протеста швейцарского правительства он был освобожден и губернатор Мерилэнда выразил сожаление по поводу ареста (см. гл. XIII). В 1907 г. гражданский трибунал Сены признал себя некомпетентным рассматривать иск против секретаря португальской миссии во Франции, ссылаясь на декрет от 13 вантоза II года и аргументируя тем, что иммунитет от юрисдикции, «которым пользуются главы миссий, распространяется также на всех чиновников, находящихся под их началом» (см. Deak, op. cit., p. 204, note). Французский кассационный суд в 1921 г. прекратил, без рассмотрения по существу, дело по иску к советнику персидской миссии во Франции (ibidem) и т. д.

[23] Например, в 1915 г. Римский кассационный суд отменил приговор, осуждавший итальянского чиновника Ринальди за задержание автомобиля секретаря прусской миссии в Ватикане Шребенского, мотивируя свое решение, между прочим, тем, что «упомянутый Шребенский не являлся главой прусской миссии при святом престоле, но обыкновенным подчиненным чиновником миссии» (ibidem, p. 205, note).

[24] См. Hurst, op. cit., p. 202.

обладания свойством посольского служащего. Поэтому, например, суд в 1764 г. в решении по делу Трике против Баса, признавший иммунитет от юрисдикции слуги баварского посланника,[25] год спустя отказал в таковом признании врачу того же посланника Куасгарну, так как не мог установить поступление его на посольскую службу bona fide (т. е. не ради того только, чтобы избежать судебной ответственности).[26] Этого же правила придерживались английские суды и в XIX и в XX веках.[27] Но наряду с этим в английской судебной практике иногда проводилась та точка зрения, что иммунитет от юрисдикции лиц неофициального персонала ограничивается сферой гражданского процесса, а по уголовным делам они подлежат компетенции местных судов. Эта точка зрения была положена в основу решений английского суда по двум делам, довольно часто упоминающимся в литературе по посольскому праву: по делу слуги Аподака (1808) и по делу слуги Галатина (1827).[28] Она поддерживалась

---

[25] См. Dickinson. A Selection of Cases and other Readings..., p. 55—56.

[26] См. Deak, op. cit., p. 533.

[27] Так, например, в решении по делу Новелло против Тугуда 1823 г. суд признал иммунитет регента церкви португальского посольства, который являлся британским подданным, указав, что «все, что необходимо для удобств посла с точки зрения его ранга, обязанностей и религии, должно находить защиту» (см. Dickinson. A Selection of Cases and other Readings..., p. 569). В 1926 г. суд прекратил уголовное преследование против шофера американского посольства, обвинявшегося в недозволенной скорости езды, на том основании, что посольские служащие не подчиняются уголовной юрисдикции Англии (см. Deak, op. cit., p. 534).

[28] Первое дело заключается в следующем. В 1808 г. двумя констэблями из прихода Мэри-ле-Бон был арестован слуга дипломатического представителя Севильской Высокой Хунты в Англии Аподака. Констэбли объявили арестованному, что действуют по судебному приказу. Испанский дипломат, желая защитить свои права и вместе с тем избежать острых дискуссий, обратился к Каннингу с дружественной просьбой о помощи. Между тем арестованный слуга был отпущен по поручительству соседа. Дело было доложено главному судье на Боу-стрит, который объявил, что арест был произведен не по гражданскому делу, а по обвинению в прижитии внебрачного ребенка (on a charge of bastardy) и поэтому он сильно сомневается, может ли арест посольского слуги при таких обстоятельствах составить нарушение международного права (см. Satow, op. cit., 2 ed., v. I, p. 294—295).

Дело слуги Галатина (1827 г.) уже излагалось в главе XIV. Что касается затрагиваемого здесь вопроса об иммунитете лиц неофициального персонала от юрисдикции по уголовным делам, то в ответ на запрос Галатина, направленный в министерство иностранных дел о том, должен ли рассматриваться парламентский акт 1709 г. как относящийся только к гражданскому процессу, и не следует ли, в согласии с международным правом, в случае ареста посольского слуги за обыкновенное преступление получить предварительное согласие самого посланника, поступил следующий ответ, содержащий ссылку на мнение судебных чинов короны: «Ста-

английской юриспруденцией и впоследствии. В частности, в 1926 г. она защищалась на страницах Law Times. [29]

Наконец, помимо того, что если иммунитет распространялся на лиц неофициального персонала, то лишь с оговорками и в ограниченном объеме, на практике часто применялось еще одно положение, которое дает возможность подчинить таких лиц местной юрисдикции. Оно состоит в том, что иммунитет, который предоставляется лицам неофициального персонала в отношении действий, совершенных в период службы, теряет силу при прекращении службы. Следовательно, правительству государства пребывания достаточно добиться от дипломатического представителя увольнения такого лица, чтобы получить право распространить на него местную юрисдикцию. Это положение находит полную поддержку и в буржуазной доктрине международного права. В связи с этим авторы, допускающие иммунитет для лиц неофициального персонала, подчеркивают его условный характер. [30] Херст рассматривает указанное положение также как способ лишить лиц неофициального персонала их иммунитета, не задевая при этом иммунитета самого дипломатического пред-

---

тут 7-го года царствования Анны (т. е. акт 1709 г.— *Д. Л.*), глава 12, рассматривается во всех своих частях, кроме уголовной, как не что иное, как декларирование международного права, и признается, что ни этот закон, ни любое надлежащее его толкование не может простираться так широко, чтобы защищать простых слуг посла от ареста по обвинению в уголовном преступлении. Только сам посол и, повидимому, те лица, которые могут считаться членами его миссии, в соответствии с наиболее авторитетными мнениями (юрисконсультов), хотя и не в силу единообразной практики этой страны, освобождены от всякого рода ареста или преследования как по уголовному, так и по гражданскому делу» (i b i d e m, p. 296—297; см. также H u r s t, op. cit., p. 204—206).

[29] В связи с приводившимся выше решением английского суда о прекращении уголовного преследования против шофера американского посольства за недозволенную скорость езды, на страницах Law Times появилась специальная статья, в которой решение суда было подвергнуто критике и доказывалось, что слуги публичных министров не подлежат изъятию из сферы действия уголовного закона, каков бы ни был объем их иммунитета в области гражданского процесса. При этом автор статьи задавал общий вопрос: не ограничивается ли применение парламентского акта 1709 г. областью гражданского процесса? (см. 121, Law Times, 319, 1926, цит. по D e a k, op. cit., p. 534).

[30] Так, например, Гейкинг пишет: «Нам представляется недопустимым, чтобы в отношении лица, которое поступило на службу (к послу — *Д. Л.*) по вольному найму, на основании контракта, могла быть устранена юрисдикция судов, которой оно до этого подчинялось... Если поэтому признают полное изъятие для слуг, то таковое существует только в интересах посла, и действие судебной власти иностранного государства следует рассматривать только как (временно) прекратившееся, но не как исключенное — для того, чтобы слуга, после того как он уволен послом, мог быть арестован за преступления, которые он совершил в то время, когда находился на службе у последнего» (H e y n i n g t, op. cit., p. 268).

ставителя.[31] В проекте Харвардской юридической школы сформулировано специальное правило, согласно которому (ст. 13) «государство пребывания может в любое время объявить, что лицо, принадлежащее к административному персоналу или к обслуживающему персоналу миссии, нежелательно, и государство, отправляющее миссию, должно после этого прекратить связь такого лица с миссией».[32] А после прекращения связи с миссией теряет свою силу иммунитет, притом также в отношении действий, совершенных во время службы.

Данное положение не раз применялось в практике тех стран, законодательство которых распространяет иммунитет на лиц неофициального персонала. Оно было пространно обосновано в решении Берлинского апелляционного суда от 26 июня 1899 г., на которое ссылается Херст в вышеприведенном рассуждении. Слуга испанского посла в Берлине, француз по национальности, был обвинен в нанесении побоев и ранений другому посольскому слуге и был приведен в суд, причем в этот момент он уже был уволен со службы. Судья первой инстанции объявил судебное преследование прекращенным на том основании, что виновный в момент совершения проступка не подчинялся германской юрисдикции. Апелляционный суд отменил это решение и объявил, что хотя слуга пользуется иммунитетом, пока он находится на службе у посла, он может подлежать судебному преследованию с того момента, как оканчивается его служба. Иммунитет, которым пользуются слуги, говорилось в решении суда, предоставляется им, чтобы обеспечить независимость дипломатических агентов и дать им возможность выполнять их миссию. С момента прекращения службы исчезает разумное основание для иммунитета. Подчинение местной юрисдикции посольских слуг только приостанавливается на время службы.[33]

---

[31] «Если слуга,— пишет он,— уволен своим патроном, то суды могут применять по отношению к нему юрисдикцию. Поэтому, если происходит инцидент, дающий основания для преследования перед местными судами, то было бы удобно, чтобы патрон уволил своего слугу, для того чтобы могло быть возбуждено судебное преследование. Тот факт, что иммунитет слуг ограничен периодом их службы, отличает их положение от положения тех лиц, которые имеют право на дипломатические иммунитеты сами по себе. Что касается слуг, то юрисдикция страны, в которой их патрон выполняет (дипломатическую) миссию, только прерывается в течение периода их службы. Со времени прекращения службы против них может быть возбуждено судебное преследование и в отношении инцидентов, имевших место во время службы. А как мы видели, следует признать, что этот принцип не применяется в отношении самого дипломатического агента» (Hurst, op. cit., p. 203).

[32] Supplement to the Amer. Journ. of Intern. Law, v. 26, p. 21.

[33] Hurst, op. cit., p. 203—204.

С точки зрения критерия, вытекающего из защищаемой нами общей концепции дипломатического иммунитета и соответствующего той позиции, на которой стоят советская доктрина и практика в этом вопросе,— поскольку юридическим основанием дипломатического иммунитета является право государства на международное представительство, им должны пользоваться только те должностные лица дипломатического учреждения, которые осуществляют это право и действуют от имени государства, непосредственно или по поручению представителя, т. е. только дипломатический персонал, как это и определяется в советском законодательстве. Если те или иные государства распространяют дипломатический иммунитет на остальной персонал, официальный и даже неофициальный, то это не может рассматриваться иначе, как льготы, предоставляемые в порядке международной вежливости. Необходимо при этом указать также и на то, что тенденция крупных империалистических держав непомерно расширять штат своих посольств и миссий и главным образом увеличивать число лиц, имеющих право на дипломатический иммунитет за границей, вызывает законное недовольство во многих странах. До второй мировой войны такая тенденция больше всего была свойственна гитлеровской Германии, а в настоящее время — больше всего свойственна США. [34]

г) Вопрос о членах семей представителя и сотрудников представительства

С вопросом о круге лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, неразрывно связан вопрос об иммунитете членов семей дипломатического представителя и членов семей тех лиц его персонала, которые имеют право на иммунитет. Поскольку миссия дипломатического представителя предполагает его постоянное пребывание в государстве, в котором он аккредитован, естественно, что те виды иммунитета, которые связаны с его положением как лица, постоянно проживающего на данной территории, должны распространяться и

---

[34] В свое время даже на страницах англо-американской литературы раздавались отдельные голоса против неоправданного увеличения численности дипломатического персонала иностранных посольств и миссий. Профессор университета в Калифорнии Грэхэм Стюарт в своем курсе лекций по дипломатическому праву, читанном в Академии международного права в Гааге, приводил такой курьезный пример: некоторые иностранные миссии в Вашингтоне включали в список дипломатических лиц американских адвокатов, состоявших юрисконсультами этих миссий, идя навстречу их желанию получать приглашения на приемы в Белый Дом (см. Graham Stuart. Le droit et la pratique diplomatique et consulaire. Recueil de cours de l'Académie de droit international, 1934, v. 48, p. 235).

на членов его семьи, проживающих совместно с ним. С этим согласны все авторы по международному праву, каких бы взглядов они ни придерживались на юридическое основание дипломатического иммунитета,— за единичными лишь исключениями.[35] Но по вопросу о том, на каких именно членов семьи распространяется иммунитет и в каком объеме, нет единства взглядов ни в доктрине, ни в законодательстве, ни в судебной и дипломатической практике. В советской доктрине иммунитет признается за супругами и несовершеннолетними детьми самого представителя и лиц дипломатического персонала. Такое положение установлено и в советском законодательстве.[36] В буржуазной же доктрине царит пестрое разнообразие мнений. Так, по Кэмбриджскому регламенту (ст. 12) и по проекту Харвардской юридической школы (ст. 19) иммунитетом (строго говоря — оба проекта касаются в этих статьях только иммунитета от юрисдикции) пользуются «члены семей» дипломатического представителя и лиц дипломатического персонала; по Нью-йоркскому регламенту (ст. 2), по проекту Американского института международного права 1925 г. (ст. 30) и по проекту Международной комиссии американских юристов 1927 г. (ст. 19), а также со-

---

Херст в приводившейся уже в главе VIII статье по поводу решения Палаты лордов по делу Энгельке против Мусмана писал: «Резкое увеличение числа лиц, наделенных дипломатическими иммунитетами,— это зло с точки зрения местной власти. Правительство не может не смотреть косо на присутствие большого числа лиц, освобожденных от его юрисдикции. Долг перед собственными подданными обязывает его воздерживаться от согласия на ненадлежащий (undue) рост числа тех лиц, которые признаются имеющими право на эту привилегию» (см. The British Yearbook of International Law, 1929, г. 5). Следует, однако, отметить, что в последние годы именно правительства этих двух империалистических держав, и прежде всего правительство США, допускают наибольшие злоупотребления в смысле увеличения численности дипломатического персонала своих посольств и миссий, в особенности в тех странах, которые эти правительства стремятся подчинить своему политическому и экономическому влиянию.

[35] К числу этих исключений относится прежде всего Паскуале Фиоре. В своем проекте кодекса международного права он формулирует следующее положение (ст. 437): «Лица, составляющие семью министра, не пользуются никакими другими правами и прерогативами помимо тех, которые им полагаются в соответствии с приличиями и дипломатическим церемониалом, принимая во внимание высокое звание, которым облечен министр, являющийся главой семьи. Эти лица не могут пользоваться теми правами и прерогативами, которые, согласно международному праву, принадлежат тем, кто представляет иностранное государство» (Pasquale Fiore, op. cit., p. 201).

[36] Примечание 2-е к ст. 2 «Положения о дипломатических и консульских представительствах на территории Союза ССР» 1927 г. гласит: «Права и преимущества, предусмотренные настоящей статьей, распространяются на супругов и несовершеннолетних детей, перечисленных в ней лиц» (см. Собр. законов 1927 г., № 5, Отд. I, ст. 48).

гласно Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках — иммунитет распространяется лишь на «членов их семей, проживающих совместно с ними».

Что касается внутреннего законодательства и иных внутригосударственных нормативных актов, то английский «Акт об ограничениях для иностранцев» предоставляет дипломатический иммунитет, а законы Венецуэлы (закон 1941 г., ст. 1), Колумбии (закон 1851 г.) и некоторых других американских стран представляют иммунитет от юрисдикции — членам семьи самого дипломатического представителя, ничего не говоря о семьях лиц дипломатического персонала; германский закон о судоустройстве 1877 г. (ст. 19) и шведский меморандум — членам семей всего дипломатического персонала; по итальянскому меморандуму, иммунитет распространяется на членов семей главы и членов миссии, «живущих совместно с ними». Английский акт 1709 г., законодательные и административные акты США и целого ряда европейских стран (Франция, Бельгия, Испания, Дания и пр.) не содержат никаких постановлений относительно положения членов семей. Согласно турецким «Правилам» (ст. 4), иммунитетом от юрисдикции пользуются семьи как самого представителя, так и лиц дипломатического персонала, но не все члены семьи, а только «их жены и дети». Советское законодательство, как только что отмечалось, распространяет иммунитет на супругов и несовершеннолетних детей представителя и лиц дипломатического персонала.

На практике дипломатический иммунитет бесспорно признается за супругами и несовершеннолетними детьми дипломатических представителей и лиц дипломатического персонала, проживающими совместно с ними. Но иногда бывают случаи и более широкого распространения иммунитета. Так, например, в литературе ссылаются на решение гражданского трибунала Сены от 18 ноября 1907 г. по делу Коттенэ и К° против Рафалович (оно уже приводилось в главе XIV), в котором суд признал, что иммунитетом может пользоваться жена дипломатического агента, даже проживающая отдельно от него. [37]

Еще более часто ссылаются на казус Уаддингтона и Бальмаседы (см. главу XIV), в котором был признан иммунитет сына дипломатического представителя, проживавшего отдельно от него. Что же касается более отдаленных родственников, то случаи признания их иммунитета встречаются реже. [38]

---

[37] «В принципе,— говорилось в решении суда,— дипломатический иммунитет распространяется на лиц официальной свиты агента. Разлучение же, как мера сугубо временная, не может влечь за собой разрыва супружеской связи» (см. Deak, op. cit., p. 532, note).

[38] В литературе по международному праву в связи с этим нередко

§ 2. Вопрос об иммунитете членов и дипломатических представителей эмигрантских правительств и дипломатических представителей, аккредитованных при этих правительствах

В период второй мировой войны, в связи с вопросом о круге лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, возникла практика и появились нормативные акты, которые в некотором смысле составляют новый прецедент в международном праве. Эта практика и эти акты касаются иммунитета членов и дипломатических представителей так называемых эмигрантских правительств, т. е. правительств, покинувших территорию своих стран после вражеского нашествия и получивших временную резиденцию на иностранной территории, а также — дипломатических представителей, аккредитованных различными иностранными государствами при этих правительствах. Нечто подобное имело место еще во время первой мировой войны. Когда после вторжения немцев в Бельгию бельгийское правительство переселилось во Францию и расположилось в Сент-Адрессе, возле Гавра, то французское правительство предоставило дипломатический иммунитет бельгийским министрам и высшим чиновникам бельгийских министерств.[39] Во время второй мировой войны, когда пра-

---

ссылаются на старинный казус Панталеона Са, упоминавшийся в главе III: и несмотря на его давнишнее происхождение, его продолжают комментировать. В 1653 г. Панталеон Са, брат португальского посла в Лондоне, и некоторые другие лица из посольской свиты убили английского подданного Гринвея и ранили нескольких человек англичан после возникшей между ними накануне ссоры. Он был арестован вместе с двумя другими участниками убийства и в 1654 г. был предан суду Королевской скамьи. Панталеон Са ссылался на то, что он является братом посла и что имеет полномочия замещать посла в его отсутствие и поэтому, в силу международного права, не может быть судим в Англии. Несмотря на это, его судили, приговорили к смертной казни, и он был обезглавлен в Тоуэре. Ссылка на полномочия замещать посла была сочтена недоказанной, так как он не мог представить ни верительных грамот, ни каких-нибудь других документов; ссылка же на родственные отношения с послом была признана недостаточной для освобождения от английской юрисдикции (см. Satow, op. cit., v. I, 259—260). Комментируя казус Панталеона Са, большинство авторов наших дней находит правильным отказ в праве на иммунитет. «Дон Панталеон Са,— пишет Херст,— не был членом «свиты» в строгом смысле этого слова. Он мог рассматриваться в лучшем случае как сотрапезник посла, действительно состоявшего на службе» (Hurst, op. cit., p. 169). Лоуренс также соглашается с тем, что Панталеон Са не может считаться лицом, имеющим право на иммунитет, и замечает, что «в наши дни он находился бы под защитой дипломатического иммунитета не в большей степени, чем это было двести сорок лет назад» (цит. по Ch. Fenwick, International Law. New York — London, 1924, p. 366).

[39] См. Journ. du droit intern., 1918, p. 514.

вительства ряда оккупированных агрессорами стран, так же как и вновь созданные национальные комитеты других оккупированных агрессорами стран, получили временную резиденцию в Лондоне, английское правительство предоставило дипломатический иммунитет не только членам этих правительств и комитетов и дипломатическим представителям правительств, но и аккредитованным при последних в месте их временной резиденции дипломатическим представителям иностранных государств (а также соответствующей части персонала указанных категорий лиц). По этому поводу английский парламент принял 6 марта 1941 г. специальный акт, носящий название: «Акт о распространении дипломатических привилегий, 1941 года» («Diplomatic Privileges Extention Act, 1941, Geo 6, Ch, 7). Ст. I акта касается иммунитета членов правительств и комитетов. Параграф первый этой статьи гласит: «Если какое-нибудь лицо признано его величеством в качестве (а) члена правительства какой-нибудь иностранной державы или временного правительства, являющегося в данное время правительством, союзным с его величеством и резидирующим (established) в Соединенном королевстве; или (в) члена какого-нибудь национального комитета или иной иностранной власти, в данное время резидирующей в Соединенном королевстве и признанной его величеством компетентной руководить вооруженными силами для действий совместно с силами его величества,— то в отношении проведения любого акта, правила, закона или обычая, относящегося к иммунитетам и привилегиям посланников иностранных держав, аккредитованных при его величестве, и свиты такого посланника, это лицо должно пользоваться обращением, как если бы оно было таким посланником, а его официальный штат — как если бы он был его свитой». Далее уточняется, что иммунитеты и привилегии, предусмотренные этой статьей для официального штата членов правительств, комитетов или властей, распространяются не на всякое должностное лицо, состоящее у них на службе, а на лицо, которое «признано его величеством выполняющим функции, не менее ответственные, чем функции дипломатического секретаря». Ст. 2 касается иммунитета дипломатических представителей как назначаемых указанными правительствами, так и аккредитованных при них. «Если какое-либо лицо,— гласит эта статья,— признано его величеством в качестве (а) посланника иностранной державы, аккредитованного при какой-нибудь иностранной державе и временном правительстве, упомянутым в пункте «а» параграфа первого предыдущей статьи; или (в) представителя какого-нибудь временного правительства, указанного выше,— то в отноше-

нии проведения любого акта, правила, закона или обычая относительно иммунитетов и привилегий посланников иностранной державы, аккредитованных при его величестве, и свиты такого посланника оно должно пользоваться обращением, как если бы было таковым посланником».[40] Следует отметить, что эта статья, в отличие от предыдущей, распространяет дипломатический иммунитет на представителей, назначаемых и принимаемых только правительствами, а не национальными комитетами или иной властью.[41]

Распространение дипломатического иммунитета на членов так называемых эмигрантских правительств, строго говоря, не представляет собой чего-нибудь совершенно нового с точки зрения международного права, потому что главы и члены признанных иностранных правительств во время их пребывания за границей в своем официальном качестве пользуются там дипломатическим иммунитетом. Новым является распространение иммунитета на дипломатических представителей этих правительств и, в особенности, на дипломатических представителей, аккредитованных при этих правительствах иностранными государствами. Как уже отмечалось в главе VIII, это новое положение означает, что если государство предоставляет на своей территории временную резиденцию иностранному правительству, признанному им в качестве правительства суверенного государства, и разрешает ему осуществлять в месте его временной резиденции суверенное право международного представительства, оно тем самым не должно распространять свою власть на лиц, осуществляющих это право,— на дипломатических представителей этого правительства, а, с другой стороны, должно гарантировать иммунитет аккредитованным при этом правительстве дипломатическим представителям иностранных государств, потому что отказ в таких гарантиях был бы равносилен отказу в разрешении осуществлять пассивное право посольства.

Необходимо, однако, иметь в виду, что это новшество сугубо временного характера, так как оно связано с временным и исключительным положением вещей, сложившимся во время войны. По ст. 3 «Акта о распространении дипломатических привилегий 1941 года», этот акт должен иметь силу так же долго, как и «Акт о защите государства при чрезвычайных обстоятельствах 1939 года»,[42] т. е. на время войны. Есте-

[40] См. Butterworth's Emergency Legislation Service, Statutes, Supplement, No 8, London, 1941, p. 13—14.

[41] Это специально отмечается и в примечании, которыми сопровождает эту статью издательство цитируемого сборника английских законодательных актов (см. Butterworth's... Supplement, No 8, p. 14).

[42] См. Butterworth's... Supplement, No 8, p. 14.

ственно, что после освобождения оккупированных территорий и установления на них законных правительств он должен был стать беспредметным. Поэтому трудно найти какое бы то ни было юридическое объяснение для поправки к этому акту, принятой английским парламентом 17 ноября 1944 г., согласно которой, «если дипломатические привилегии и иммунитеты распространены, по Акту о распространении дипломатических привилегий 1941 г., на членов правительства какой-нибудь иностранной державы или на членов какого-нибудь национального комитета, или иной иностранной власти и поскольку такое распространение вступило в силу, а правительство, комитет или власть прекращает иметь резиденцию или прекращает иметь в полном объеме резиденцию в Соединенном королевстве, этот акт, тем не менее, должен продолжать применяться как имеющий силу и должен считаться не утрачивающим применения в отношении членов такого правительства, комитета или власти, или лиц, состоящих в официальном штате кого-нибудь из таких членов, поскольку они выполняют свои функции полностью или частично в Соединенном королевстве». [43] Такую поправку можно объяснить лишь определенными политическими мотивами: стремлением оказать поддержку участникам и сторонникам некоторых прекративших свое законное существование эмигрантских правительств, не признанных своими народами после изгнания оккупантов, и образования на освобожденной территории новой народной власти,— каковую поддержку английское правительство,— явно попирая этим элементарные принципы международного права,— продолжает оказывать в сугубо реакционных и корыстных империалистических целях участникам и сторонникам бывших эмигрантских правительств Польши и некоторых других стран, несмотря на признание им новых правительств, образовавшихся в этих странах. [44]

---

[43] Butterworth's... Supplement, No 27 (1945), p. 20.

[44] О фактах такой поддержки неоднократно сообщала мировая печать. Так, например, дипломатический обозреватель агентства Press Association Фрэнк Кинг в конце июня 1946 г. писал: «Хотя прошел ровно год с тех пор, как английское правительство перестало признавать польское правительство в Лондоне и признало польское правительство в Варшаве, «польское правительство», возглавляемое Арцишевским, попрежнему развивает многостороннюю деятельность в Лондоне. Это правительство выпускает сейчас больше газет и периодических изданий, чем издавалось правительством Сикорского, когда оно прибыло в Лондон в начале войны». «Польское правительство в Лондоне,— отмечал далее обозреватель,— продолжает назначать консульских и дипломатических представителей в иностранные державы; оно издает манифесты и декларации, как правительство, и претендует на обладание контролем над польскими вооруженными силами. Кроме того, оно имеет свое собственное информационное агентство ПАТ.» (см. «Правда» от 30 июня 1946 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора II

Введение III

§ 1. Значение проблем дипломатического иммунитета . . . —
§ 2. Дипломатия и внешняя политика IV
§ 3. Дипломатия как наука и искусство VIII
§ 4. Дипломатия и общественно-политический строй государства XIII
§ 5. Дипломатия и международное право XXI
§ 6. Дипломатия и дипломатический иммунитет XXVI

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дипломатический иммунитет в историческом развитии . . . 7

Глава I. Дипломатический иммунитет в древние века . . . .

Глава II. Дипломатический иммунитет в средние века 22

Глава III. Дипломатический иммунитет в Западной Европе в новое время (XVI — XVIII вв.) 42

§ 1. Важнейшие изменения в развитии посольского права и дипломатического иммунитета в новое время 42
§ 2. Личная неприкосновенность 46
§ 3. Иммунитет от юрисдикции по уголовным делам 47
§ 4. Иммунитет резиденции 56
§ 5. Иммунитет от юрисдикции по гражданским делам . . . 64
§ 6. Дипломатический церемониал 74
§ 7. Теория посольского права 75

Глава IV. Дипломатический иммунитет во внешних сношениях России в XVI — XVIII веках 89

Глава V. Дипломатический иммунитет в новое время (XIX — XX века) 116

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Юридические источники дипломатического иммунитета . . . 131

Глава VI. Общая характеристика источников посольского права 133

Глава VII. Международные источники норм дипломатического иммунитета 142

§ 1. Общие начала международного права и международные обычаи 142
§ 2. Международные договоры 154

Глава VIII. Влияние национальной государственности на нормы дипломатического иммунитета 174

§ 1. Соотношение международного и государственного права 174

§ 2. Законы и нормативные акты исполнительной власти о дипломатическом иммунитете 184

а) Подтверждение норм международного права . . . 184

б) Внесение отдельных изменений в международное право 191

в) Пример английского парламентского акта 1709 г. . 195

г) Установление привилегий, не обязательных по международному праву 200

§ 3. Судебная и дипломатическая практика по вопросам дипломатического иммунитета 203

§ 4. Международное право и «международная вежливость» 210

Глава IX. Значение науки международного права для развития посольского права 215

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Юридическая природа дипломатического иммунитета 225

Глава X. Основные теории дипломатического иммунитета . . . 227

§ 1. Проблема юридического основания дипломатических привилегий 227

§ 2. Теория экстерриториальности 229

а) Происхождение теории экстерриториальности и ее широкое распространение в доктрине и практике до середины XIX века 229

б) Теория экстерриториальности в судебной и дипломатической практике во второй половине XIX века и в XX веке 232

в) Критика теории экстерриториальности и отношение к ней в современной науке международного права 237

§ 3. Теория представительного характера посла 241

а) Происхождение теории представительного характера посла, ее изложение в доктрине и применение в дипломатической и судебной практике до середины XIX века 241

б) Модернизация теории представительства во второй половине XIX века и в XX веке 246

в) Критика прежнего и нового вариантов теории представительства и бесспорность самого принципа представительства 249

§ 4. Теория дипломатических функций 252
а) Происхождение теории дипломатических функций и ее широкое распространение в доктрине со второй половины XIX века 252
б) Различные оттенки теории дипломатических функций 255
в) Теория дипломатических функций в судебной практике 257
г) Теоретические и практические дефекты теории дипломатических функций 259
д) Так называемая комбинированная теория 265
Глава XI. Право международного представительства и дипломатический иммунитет 268
§ 1. Новая трактовка теории представительства 268
§ 2. Право международного представительства 270
§ 3. Право международного представительства как юридическое основание дипломатического иммунитета . . . 279
§ 4. Теория представительства с точки зрения советской доктрины международного права 289

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Важнейшие виды дипломатического иммунитета и проблемы современной международной практики 293

Глава XII. Классификация видов дипломатического иммунитета 295

Глава XIII. Личная неприкосновенность 300
§ 1. Понятие права личной неприкосновенности дипломатических представителей 300
§ 2. Охрана личной неприкосновенности дипломатических представителей в аспекте принципа мира и безопасности 302
§ 3. Законодательные гарантии дипломатической неприкосновенности и проблема международной ответственности за ее нарушения 307
§ 4. Вопрос о пределах дипломатической неприкосновенности в доктрине международного права 314
§ 5. Защита дипломатических представителей от нападок в печати 316

Глава XIV. Иммунитет от юрисдикции 320
§ 1. Понятие иммунитета от юрисдикции в законодательстве и в доктрине 320
§ 2. Иммунитет от мер принуждения и его пределы при совершении дипломатическими представителями посягательств на безопасность государств пребывания 328

а) Мнения представителей доктрины международного права 328
б) Отозвание и отстранение в дипломатической практике XIX и XX веков 331
в) Случаи отстранения в советской дипломатической практике 333
г) Преступления дипломатических чиновников Германии и Австро-Венгрии во время первой мировой войны и случаи их ареста и высылки 335
д) Преступная деятельность дипломатов держав Антанты на территории Советской России и меры безопасности, принятые Советским правительством 337
е) Преступления германских и японских дипломатических чиновников во время второй мировой войны и применение к ним различных мер принуждения . . 338
ж) Казусы с финскими и польскими дипломатическими агентами 342
з) Правомерность принуждения и проблема международной ответственности в связи с посягательствами дипломатических представителей на безопасность государств пребывания 343
§ 3. Несоблюдение иммунитета от мер принуждения в других случаях 348
§ 4. Судебный иммунитет 352
§ 5. Вопрос о судебном иммунитете советских торговых представительств 357
§ 6. Вопрос о праве отказа от иммунитета от юрисдикции . 362
Глава XV. Иммунитет резиденции 367
§ 1. Понятие иммунитета резиденции в доктрине и в законодательстве 367
§ 2. Нарушение и правомерное несоблюдение иммунитета резиденции 372
§ 3. Вопрос о праве представления убежища в дипломатических помещениях 375
§ 4. Вопрос о праве принудительного вступления местной власти в дипломатическое помещение 381
§ 5. Принудительное вступление местной власти в дипломатическое помещение в современной практике 385
Глава XVI. Круг лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом 391
§ 1. Иммунитет персонала дипломатического представительства 391
а) Доктрина 391

б) Законодательство и нормативные акты исполнительной власти 395
в) Судебная и дипломатическая практика 399
г) Вопрос о членах семей представителя и сотрудников представительства 404
§ 2. Вопрос об иммунитете членов и дипломатических представителей эмигрантских правительств и дипломатических представителей, аккредитованных при этих правительствах 407

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редакторы *В. И. Шимчак и В. И. Раттер*
Технический редактор *А. А. Киселева*
Корректоры *В. Е. Посельский, А. Е. Батурина*

*

РИСО АН СССР № 3158. А-02475 №1792. Тип. зак. № 1901. Подп. к печ. 28.II. 1949 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 26. Уч.-издат. 28. Тираж 7000.

*

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
237	22 сн.	сравнивать	сравнить
237	11 сн.	Дпека	Дпена
297	20 сн.	родовое	видовое
317	8 сн.	населения, но и против оскорбителя	насилия, но и против оскорбления
317	26 св.	свободной	свободой
323	15 сн.	зарегистрированных	зарегистрированные
352	15 св.	теория	теории
368	2 св.	Но	Во
381	7—8 сн.	конвенцию	конвенции

24 руб.